

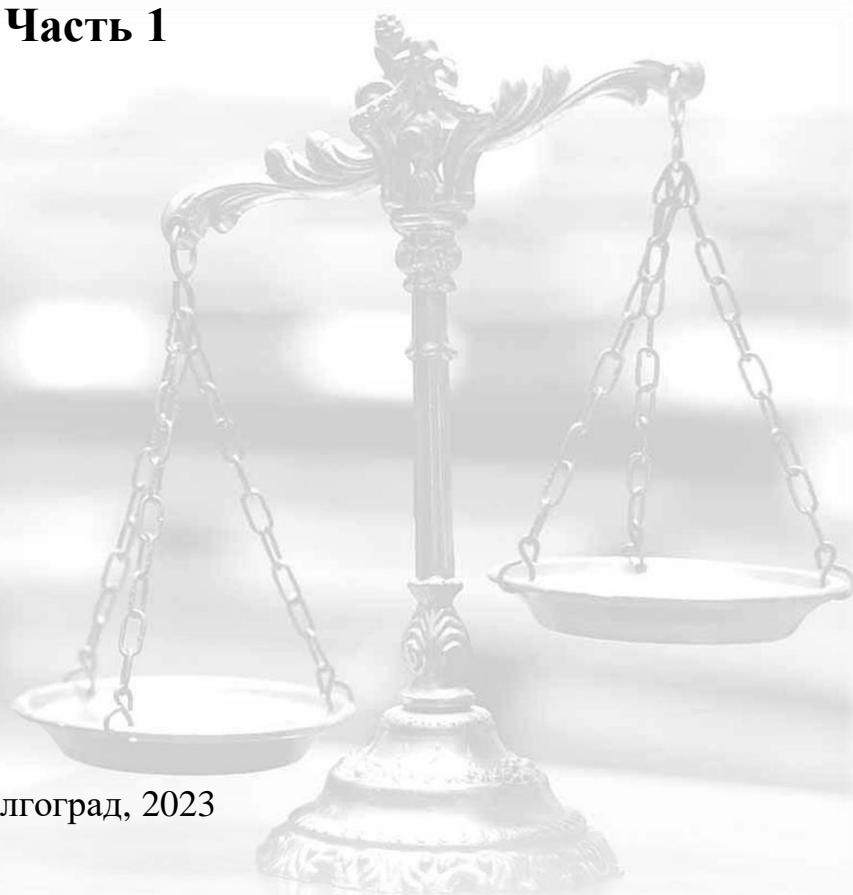
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

*Сборник материалов I Всероссийской
научно-практической конференции
(с международным участием)*

Часть 1

Волгоград, 2023

Ответственный редактор
кандидат юридических наук, доцент **Э. В. Голоманчук**

А 43 **Актуальные проблемы частного и публичного права.** Часть первая: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием); г. Волгоград, 26 апреля 2023 г. / отв. ред. Э. В. Голоманчук; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD-ROM диск-вод; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана. – 143 с.

Данное издание – сборник научных трудов и материалов докладов, представленных на I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы частного и публичного права» (с международным участием).

В сборник вошли работы, посвящённые актуальным проблемам современной юридической науки и практической реализации норм законодательства. Адресуется широкому кругу специалистов в области гуманитарного знания. Для государственных и муниципальных служащих, студентов и слушателей высших и средних специальных учебных заведений.

Тексты статей печатаются в авторской редакции

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1 «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА»

Руководитель секции: Белова О.А., к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Абайдуллина А.А. Некоторые вопросы гражданско-правового регулирования противодействия плагиату	5
Агibalова Е.Н., Высогурская Т.В. Правовой статус владельца агрегатора информации о товарах (услугах)	6
Баласян Б.Г. Антимонопольные ограничения свободы определения условий гражданско-правового договора	8
Белова О.А. Основные признаки нематериальных благ по гражданскому законодательству РФ	9
Блинкова Е.А., Попова Е.И. Проблемные аспекты правового регулирования личного фонда в гражданском праве России	10
Варганкина Д.Д. Особенности и условия возникновения обязательств вследствие причинения вреда несовершеннолетними гражданами	11
Гафизов Я.Ш. Особенности использования некоммерческими организациями коммерческого обозначения	13
Гончаров А.И., Давудов Д.А. Временная передача цифровых прав – цифровых финансовых активов	14
Деева Н.В. Актуальные проблемы заочного производства по гражданским делам по искам о взыскании задолженности по кредитному договору	15
Захарова К.Г. Проблемы злоупотребления правом в делах с участием потребителей	16
Кайль Я.Я. Выбор способа защиты гражданских прав и проблемы его исполнения	18
Кузьмина А.И. Противоправность как условие деликтной ответственности в российском гражданском праве	19
Мананкова Е.В. Компенсация морального вреда по спорам о ненадлежащем оказании медицинской помощи	20
Михайлова С.Е. Договор возмездного оказания услуг и его место в системе гражданско-правовых договоров	21
Мурадян Ж.С. Особенности банкротства физических лиц	22
Новикова О.Б. Проблемы определения размера компенсации морального вреда в сфере защиты прав потребителей	24
Погосян Р.Р. Правовое регулирование отношений по заключению кредитных договоров с участием потребителей	25
Подъяпольская В.А. Проблемы, возникающие при предоставлении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности бесплатно гражданам, имеющим трех и более детей	26
Поляков А.Н. Актуальные проблемы правового регулирования деятельности казачьих обществ в волгоградской области	27
Семёнова С.Ю., Кузьмина А.И. Дистанционная заявка как доказательство по делам о признании граждан безвестно отсутствующими: теория и практика	29
Суркова В.А., Осаеченко Э.О. Завещательное распоряжение и завещательный отказ в гражданском праве	30
Федотова М.Н. Пределы ответственности продавца за эвизию	31

Секция 2 «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ»

Руководители секции: Сенцов А.С., к.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики;
Винниченко А.С., к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

Винниченко А.С., Абезин Д.Д. Актуальные проблемы использования результатов психофизиологических экспертиз с применением полиграфа в уголовном судопроизводстве	33
Винниченко А.С., Аракелян Г.А. Фоноскопическая экспертиза: особенности, проблемы и перспективы	34
Волколупова В.А., Сенцов А.С. Проблемы, относящиеся к целесообразности регламентации уголовной ответственности специалиста, как иного участника уголовного судопроизводства, за дачу заведомо ложного заключения	35
Волколупов В.Г. Бандитизм и организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней): критерии разграничения	36
Вологина Е.В. Обеспечение законности при производстве по уголовному делу: понятие и актуальные проблемы	38
Глебов В.Г., Сиратюк В.С. Неприкосновенность личности как принцип уголовного судопроизводства	39
Иванов Д.Я. Проблемы современного процессуального статуса следователя в РФ и перспективы его решения	40
Симонова С.С., Голубева О.В. Участники уголовного процесса со стороны обвинения и защиты в стадии подготовки к судебному заседанию	42
Симонова С.С., Калинина О.С. Современные проблемы применения досудебного соглашения о сотрудничестве	43
Колосович О.С. Появление правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в России	45
Колосов Н.Ф., Мозговая А.В. Защита и представительство в уголовном судопроизводстве	46
Колядина В.А. Особенности правовой регламентации охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве	47
Кочубей А.В. Определение специалистом параметром волокон при сравнительном исследовании текстильных материалов	48
Кочубей А.В. Использование специальных знаний при проведении оперативно-розыскных мероприятий с целью установления состояния наркотического опьянения	49
Лихолетов А.А. Уголовно-правовая характеристика осуществления предпринимательской деятельности без аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств	50
Маринина В.Н., Мамедова Д.И. Проведение адвокатского расследования как правозащитная форма деятельности защитника	51
Могутин Р.И., Трубникова А.Е. О некоторых аспектах использования полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений	53
Попова М.О. Отдельные особенности обследования жилых помещений в рамках уголовного дела	54
Ручкин В.А., Сулимов П.В. Неприкосновенность жилища как принцип уголовного судопроизводства	55
Сафарова Т.Ю. Коррупция в органах федеральной службы судебных приставов России: причины и меры противодействия	56
Сенцов А.С., Волколупова В.А. Проблемы регламентации правил назначения наказания при рецидиве преступления	57
Стрилец О.В. Основные аргументы регламентации судебного штрафа в российском уголовном законе	58
Стрилец О.В., Жмурич Д.В. Преступления в сфере применения запрещенных для использования в спорте субстанций и (или) методов: уголовно-правовые и криминологические аспекты	59
Сухова Н.Н., Бондарь М.А. Законность как принцип уголовного судопроизводства	60
Сысолина Н.С. Тенденции предупреждения распространения криминальной субкультуры через призму противодействия экстремизму	62
Тюрин С.В. Особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	63
Шевчук И.В., Стольникова П.М. К вопросу о расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершаемых лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости	64
Шевчук И.В., Жибя М.А. О некоторых элементах криминалистической характеристики карманных краж	65
Шкапиров Ю.П. Развитие института мер пресечения в белорусском досудебном производстве в XXI в.	66
Чекачкова Г.Н., Чубарова М.В. Задержание подозреваемого в уголовном процессе	67

Секция 3 «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА»

Руководитель секции: Голоманчук Э.В., к.ю.н., доцент, доцент кафедры конституционного и административного права

Абезин Д.А., Белолипецкая К.С. Проблемы правового регулирования кадровой политики и конкурсного отбора в России	69
Булетова Н.Е. Институциональные изменения системы государственного управления: основные тенденции и их отражение в административном праве России	70
Голоманчук А.Е., Каюшикова Ю.Е. Историко-правовая характеристика этапов конституционного развития в СССР	72
Голоманчук Э.В. Правовой статус заявителя о коррупции	73
Козок М.Н., Енгоян М.С. Российская Федерация как правопреемник и правопродолжатель СССР: вопросы теории	74
Каюшикова Ю.Е. Общая характеристика административной ответственности за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях	75
Коростелева М.В. О формировании конституционных (уставных) советов при законодательных органах регионов	77
Лалин О.А. Территориальное планирование захоронения радиоактивных отходов в рамках пространственного развития	78
Марочко А.П., Астафурова О.А. Понятие и классификация административных наказаний, их цели	79
Мирзамагомедова С.М., Астафурова О.А. Круг лиц, привлекающих к административной ответственности	81
Михнева А.И., Михнева С.В. Государственное управление в сфере экономической безопасности в Российской Федерации	82
Михнева С.В. Развитие государственного управления и местного самоуправления в единой системе публичной власти Российской Федерации	83
Мохов А.Ю., Гагаринская А.Ю. Контрольная функция законодательного органа субъекта Российской Федерации (на примере народного хурала (парламента) республики Калмыкия)	85
Нерозникова Д.М., Мохов А.Ю. Виды толкования Конституции Российской Федерации: сущность и значение	86
Острова А.Ю. Развитие государственного управления и внедрение цифровых технологий по инвентаризации парниковых газов в государствах-членах ЕАЭС	88
Очкина А.В. Особенности предпринимательской деятельности в сфере ресторанного обслуживания	89
Петрова О.Ю. Отдельные аспекты административной ответственности преподавателя	90
Пучкова Т.М., Голоманчук Э.В. Опасное вождение как распространённый способ нарушения правил дорожного движения	91
Саичкина А.Н. Основные вызовы, связанные с практикой аудиторской проверки в условиях цифровой трансформации	92
Тёткина Е.А., Петрова О.Ю. Конституционные основы экономической политики в России	94
Шустова Е.С. Правовое регулирование охоты с собаками охотничьих пород и ловчими птицами	95

Секция 4 «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ФИНАНСОВОГО ПРАВА»

Руководитель секции: Миронова С.М., д.ю.н., доцент, профессор кафедры финансового и предпринимательского права

Алиева А.Э. проблемы деятельности индивидуальных предприятий в Волгоградской области	97
Аникеев С.С. Схемы ухода от уплаты налогов при уплате НДС	98
Афанасьев И.С. Дистанционная продажа отдельных категорий товаров при помощи маркетплейсов	100
Баширкица Е.А. Антикоррупционное взаимодействие предпринимателей и государства	101
Безотосова В.С. Проблемы взыскания неустойки за нарушение условий договора поставки	102
Боброва Е.А. Определение злоупотребления доминирующим положением и критерии его квалификации	102
Болтава А.О. Особенности применения административной ответственности к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность за нарушение правил перевозки опасных грузов	105
Волков А.А. Налогообложение цифровых прав	106
Иванова Д.О. Несовершенство правоприменительной практики в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд	107
Каменнов И.А. Соотношение альтернативных и досудебных способов урегулирования споров	108
Каницер Ю.А., Туров Г.С. Презумпция истинности неоспоренных фактов в арбитражном процессе: современное состояние	109
Козловцев М.С. Актуальные проблемы регулирования финансовых активов и обязательств, возникающих из финансовых инструментов	111
Кривенцев М.А. Тенденции и перспективы развития малого и среднего предпринимательства Волгоградской области в современных условиях	112
Кузьмичева Е.А. Проблемы правового регулирования, связанные с монополизацией железнодорожной деятельности	114
Кулешова Л.Д. Проблемы правового регулирования предпринимательской деятельности в медицине	115
Кураев Д.Д. Актуальные проблемы признания требования кредитора общим обязательством супругов в рамках дела о несостоятельности (банкротстве)	116
Куркина Н.В. Дробление бизнеса в целях применения упрощенной системы налогообложения	117
Меркулова М.А. Соотношение обстоятельств непреодолимой силы и форс-мажора в сфере предпринимательских отношений	119
Острякова Т.В. Государственный экологический контроль в отношении субъектов предпринимательства в отечественной доктрине	120
Панчишкина М.П. Основания включения информации об участнике закупок в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)	121
Попов К.А., Усанова В.А. Принуждение к исполнению обязательств сторон корпоративного договора	123
Сафонова С.А. Деятельность Роспотребнадзора в сфере контроля бизнеса на федеральном и региональном уровнях	123
Свиридова И.С. Жалобы на действия (бездействия) финансового управляющего как способ регулирования поведения управляющего в делах о банкротстве физических лиц	125
Серова Д.А. Особенности осуществления предпринимательской деятельности по оказанию гостиничных услуг на туристических базах, расположенных на особо охраняемых природных территориях	127
Теплов М.В. Современные меры государственной поддержки малого предпринимательства в условиях международных санкций	128
Цыганков Д.А. Авторские права на произведения, сгенерированные нейросетями: проблемы правового регулирования и пути решения	130

Секция 5 «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА»

Руководитель секции: Заднепровская М.В., к.ю.н., доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства

Андреев П.Г. Информационная безопасность в аспекте современной естественно-правовой теории	131
Денисенко М.В., Тедеева Р.О. Роль эмоционального интеллекта в зарождении норм права	132
Заднепровская М.В. К вопросу о публично-правовой ответственности власти	133
Заднепровская М.В., Туров Г.С. К вопросу о факторах формирования неклассического типа научной рациональности в правопонимании	135
Козок М.Н. Биологизаторский тренд в современной отечественной юриспруденции	136
Латышев С.Н. Подходы к определению понятия и сущности публичной власти в современной науке	137
Латышев С.Н., Торицина А.С. Анализ деятельности комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России	138
Мун В.А. Государственные меры поддержки трудящихся женщин с детьми: историко-правовой анализ	140
Лукьяновская О.В. Цифровые права как элементы правового статуса личности	141

УДК 349
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПЛАГИАТУ

Абайдуллина А.А., магистрант 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
 Научный руководитель: Бортенев А.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье обозначены основные подходы к определению сущности и признаков плагиата в современной отечественной цивилистике; указывается на необходимость сочетания использования технических средств проверки уникальности текста с одновременным изучением контекста и основного содержания проверяемого текста. Определены юридические свойства плагиата, как объекта, претендующего на использование в целях получения прибыли (или иных преимуществ), соответствующую гражданско-правовую охрану.

Ключевые слова: гражданское право, интеллектуальная собственность, защита авторских прав, плагиат, заимствование, новизна.

SOME QUESTIONS OF CIVIL LEGAL REGULATION OF ANTI-PLAGIATORS

Abaidullina A.A., 2nd year undergraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
 Scientific adviser: Bortenev A.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article outlines the main approaches to determining the essence and signs of plagiarism in modern domestic civil law; points out the need to combine the use of technical means of checking the uniqueness of the text with the simultaneous study of the context and the main content of the text being checked. The legal properties of plagiarism are defined as an object that claims to be used for profit (or other benefits), the corresponding civil law protection.

Keywords: civil law, intellectual property, copyright protection, plagiarism, borrowing, novelty.

Плагиат, всяческие неправомерные заимствования в творческих работах (прежде всего, научных) приобретает всю большую остроту и актуальность в современных условиях, когда распространение Интернета позволяет оперировать большим объёмом информации на самые различные темы, применять их в своих познавательных интересах и иных творческих целях – как добросовестно, так и с нарушением авторских прав создателей заимствованных произведений. При этом до сегодняшнего момента на законодательном уровне так и не выработано единого легального понимания плагиата, также не существует критериев, которые позволили бы отнести к плагиату какие-то конкретные поступки и явления. Конкретное содержание этого понятия до сих пор остаётся достаточно широким «полем» для теоретических дискуссий. Не последнюю роль здесь играет складывающаяся практика по вопросу о признании плагиатом тех или иных явлений.

В цивилистике справедливо отмечается связь плагиата – как общественного явления – не только с гражданским, но и с информационным, конституционным, уголовным, иными отраслями права, с нарушением этики публикаций и иных стандартов научной деятельности, несоблюдением требований новизны и оригинальности творческого продукта [2, с. 241]. Плагиат – это, несомненно, негативное явление, отрицательно сказывающееся на всём качестве производительной интеллектуальной деятельности.

Обратим внимание, что регулирующим на данный момент авторские правоотношения гражданским законодательством (частью четвёртой ГК РФ, отчасти Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и защите информации») понятие «плагиата» никак не раскрывается. В свою очередь, плагиат – как форма неправомерного присвоения авторства – подвергается уголовному преследованию в соответствии со ст. 146 УК РФ; ст. 7.12 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за присвоение авторства. При этом необходимо отметить, что до сих пор чёткого понимания плагиата не существует в законодательстве практически всех стран СНГ (несмотря на то, что Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств-участников Содружества прямо предусматривает плагиат в качестве одного из нарушений прав – оснований для их юридической защиты (ч.2 ст. 20 документа), а также большинства стран Западной Европы (как правило, плагиат рассматривается там узко – в академической сфере, несмотря на широкую практику по плагиату в других областях творчества, например, музыке) [3].

Первые попытки дать общее доктринальное понимание плагиата попытался Г.Ф. Шершеневич, по мнению которого плагиат – это «повторение отдельных частей уже существующих произведений в новой творческой работе. К примеру, плагиатом в иных сферах, кроме литературной, будет являться отбор из чужой картины какого-либо элемента (например, фигуры, головы, пейзажа, вида на море) – с его дальнейшим помещением в своём рисунке с той же манерой письма и освещением» [4, с. 260]. В свою очередь, понятие плагиата рассматривается и в современном научном сообществе.

Так, например, С.А. Судариков предлагает рассматривать под плагиатом такое обнародование лицом результата своего творческого труда, которое состоит в самостоятельном присвоении им созданного другим автором произведения, под своим собственным именем [5, с. 325].

В свою очередь, В.П. Мозолин под плагиатом понимает активную деятельность нарушителя по присвоению результатов чужого интеллектуального труда, выдачей такого труда за своё собственное произведение [6, с. 84].

Стоит согласиться с А.П. Анисимовым и М.Ю. Козловой, по мнению которых такое определение понятия «плагиат» не совсем корректно, поскольку термин «присвоение» больше относится по своей сути к публично-правовым деликтам (в сфере административного или уголовного права) и относится больше к правам, т.е., отношениям – объекту посягательства [7, с. 7]; при этом, как представляется, в гражданско-правовом смысле нарушением будет являться создание нового объекта, по сути являющегося значительным заимствованием из уже существующего.

Более точной с точки зрения определения конкретных признаков и проявлений недобросовестного использования чужого интеллектуального труда нам представляется позиция Н.Г. Толочковой, которая предлагает рассматривать плагиат как «...самостоятельное нарушение авторских прав, выражаемое в присвоении авторства, как по отношению ко всему произведению, так и его отдельных частей <...> Плагиатом будет считаться и использование в относительно самостоятельном произведении части (включая её названия) без указания ссылки на источник заимствования» [9, с. 9]. Указание на источник должно состоять в цитировании. «Цитирование», по смыслу Определения Верховного Суда РФ от 5.12.2003 года № 78-Г03-77, представляет собой «...включение одного или нескольких отрывков из произведения одного автора в произведение другого автора» [10]; при этом невозможность цитирования фотографий или видеозаписей была подтверждена соответствующим решением Суда по интеллектуальным правам [11].

В самом общем виде, необходимо говорить как минимум о трёх научных пониманиях плагиата в настоящее время:

1. Прежде всего, плагиат связывают с нарушением личных нематериальных прав автора первоначального произведения, таким образом, речь идёт только о присвоении имени автора – по отношению к произведениям литературы, науки и искусства;

2. Некоторыми авторами предлагается расширить понятие и содержание плагиата также и на случаи, связанные с определением авторства изобретений.

3. При наиболее широком теоретическом подходе категория «плагиат» применяется не только для непосредственного присвоения третьими лицами авторства на любые объекты интеллектуальной собственности (произведения, изобретения и т.п.), но и для ситуаций, когда происходит использование чужих идей в процессе создания произведений творчества (литературы, кино, изобразительного искусства), а также в научных исследованиях – соответственно, происходит всё большее распространение явлений плагиата и на те отношения, которые традиционно не относились ранее к случаям защиты авторских прав» (прежде всего, речь идёт здесь о научных трудах – диссертациях, авторефератах, статьях, а также и о студенческих работах, выполняемых ими в процессе академической аттестации).

Таким образом, по причине отсутствия легального определения, не только противодействие плагиату, но и само его понятие остаются спорными в цивилистической доктрине. Как ещё в прошлом веке справедливо замечал С.А. Беляцкий: «Плагиат, ещё не находя своего должного освещения, остаётся нераскрытым для практики, блуждает без должного приюта» [3, с. 48]. Вопрос законодательного закрепления термина остаётся актуальным.

Сугубо цивилистическое понимание плагиата как гражданско-правового деликта необходимо рассматривать с двух сторон:

1. Прежде всего, требование о признании спорного произведения плагиатом может подать только автор произведения, считающегося оригиналом. Сам факт обнаружения неправомерного заимствования третьими лицами не служит основанием для возбуждения соответствующего дела; единственный случай, когда дело о плагиате может быть возбуждено по заявлению третьих лиц, является процедура лишения лица учёной степени в связи с обнаружением неправомерных заимствований в его научно-квалификационной работе (пункт 11 Положения о порядке присуждения учёных степеней).

2. В силу действия презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений бремя доказывания по делам о потенциальном плагиате возлагается на заявителя. При этом значительную трудность приобретает процесс доказывания в случаях, когда заимствование произошло из локально известного (в одном городе, маленьком городе и т.п.), а также если произведения ещё не опубликовано и находилось на стадии до конца не воплощённой задумки. Исходя из этого, интересным представляется нам второй вопрос о рассмотрении заимствования идеи – как вида плагиаторского проявления.

Воронин А.В. говорит о том, что достаточно общепринятой до недавнего времени считалась позиция, согласно которой «мысль», «идея» не могут рассматриваться в качестве самостоятельных объектов правовой защиты; для возникновения оснований защиты необходимо было обязательное «овеществление» плагиата, по итогам которого – путём сравнения с предполагаемым оригиналом – и решался вопрос о факте заимствования [12, с. 48]. Однако, в условиях поступательного увеличения количества издаваемых научных и научно-популярных трудов, иных литературных произведений в целом обострился вопрос именно о защите идеи – как первоосновы для создания нового, обладающего важными содержательными свойствами результата интеллектуального труда, полезными для потенциального пользователя, который готов оплатить доступ к такому произведению.

Отметим, что наличествующая на сегодняшний день позиция высших судебных инстанций РФ не позволяет рассматривать идею как объект правовой охраны. Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26 марта 2009 года № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации», неоригинальность авторской идеи не может расцениваться как нарушение авторских прав: «само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права» (пункт 28 рассматриваемого Постановления). Как отмечает в своей статье О. Луткова, данное положение практически привело к

формированию принципа «субъективной новизны» в авторском праве, когда нерадивый автор при выявлении заимствований в своей работе может сослаться на то, что он самостоятельно пришёл к таким выводам, без обращения к чужим исследованиям [13, с. 9]. Необходимо заметить, что, действительно, такие случаи «невольного плагиата» вполне возможны, однако, если в творчестве такое совпадение может быть объяснимо и существовимо с оригиналом, то, например, в научном сообществе автор должен максимально возможно избежать контекстуального совпадения с трудами своих предшественников.

Таким образом, для решения возникшего вопроса необходимо рассмотреть «мысль» и «идею» как самостоятельные объекты правовой защиты.

Несомненно, «стопроцентной» уникальности достичь невозможно, поскольку ранее изданные работы должны стать «посылками» для теоретического анализа, однако выводы исследователя должны носить принципиально новаторский характер. Отметим, что иных критериев для выводов – практической применимости, полезности – предъявлять в рамках определения факта плагиата нельзя, речь идёт только о несовпадении «формы» (т.е., самих слов, которыми формулируется идея, буквальное совпадение текстов – определяемое с помощью специальных технических средств (программы «Антиплагиат», «Текст», «Адвего» и т.п.) и «содержания» (сути выдвигаемых предложений, их соотношения с уже существующими в данной области научного знания). Конечно, автор нового произведения может позаимствовать неизвестное широкому научному сообществу работы (например, написанные зарубежными авторами, на иностранных языках, изданные небольшим тиражом) – однако, такие «погрешности» должны оставаться, на наш взгляд, в ведении личных установок плагиатора, соблюдении им правил научной и публикационной этики. Важность установления такого «контекстного» плагиата подтверждается и современным научным сообществом – так, по мнению С.В. Майбурда и В.П. Чернолеса: «Ценность и значимость научной работы заключается, прежде всего, в её научном содержании, излагаемых в ней идеях, выводах и предложениях, иных научных результатах, которые прямо пока что не охраняются авторским правом, его нормами и средствами» [14, с. 93]; *новизна* исследования определяется также и Министерством образования в соответствующих документах о требованиях к научно-квалификационным работам.

Исходя из этого, стоит согласиться с авторами, которые предлагают отделять плагиат (непосредственное нарушение авторства) от компиляции – составление нового произведения из нескольких чужих без какой-либо самостоятельной их обработки. Вопрос об определении компиляции должен также решаться, исходя из исследования контекста работы, основных защищаемых положений, выводов, анализа источников, заявленных автором в качестве использованных [15, с. 287]. Фактическое переписывание другими словами одной работы в качестве своей собственной (пусть и с помощью синонимов), дополнение её другим таким же «перифразом», не дополненное своими выводами, авторским отношением к используемому источнику, его критики, как раз может быть расценено в качестве компиляции. Как представляется, противодействие компиляции, также, как и плагиату, будет способствовать повышению качества научных исследований, а в случае проверки студенческих работ – развитию навыков самостоятельного поиска, обработки и анализа информации будущими специалистами.

Анализ представленных выше, а также некоторых иных научных позиций по вопросу о содержании понятия «плагиат» позволяет сделать следующий вывод о наиболее существенных признаках данного нарушения авторских прав:

1. Плагиат связан с неправомерным и недобросовестным использованием чужого, созданного ранее, произведением – выраженным в форме нарушения права автора на имя, присвоением плагиатором авторства.
2. Плагиат имеет своё вещественное выражение в относительно новом (в форме прямого заимствования или компиляции) объекте, претендующим так же, как и оригинал, на авторско-правовую защиту, возможность получения имущественных и личных неимущественных выгод в связи со своим использованием.
3. Важным должно являться указание на цель плагиаторской деятельности – введение в заблуждение пользователей такого «произведения» относительно его новизны и оригинальности. В таком случае происходит заблуждение относительно вклада плагиатора – вне зависимости от того, откуда взяты его идеи и вывод. Как представляется, это замечание довольно важно, поскольку, несмотря на то, сколько и каких источников задействует автор при рассмотрении и обосновании своей позиции – выводы его должны носить принципиальную новизну, отличную от применённых им материалов. Именно новизна предлагаемой концепции, «свежесть» и релевантность конкретных рационализаторских предложений и предопределяют оригинальный характер нового произведения.

Таким образом, в работе были определены следующие вопросы гражданско-правового регулирования противодействия плагиату:

Отсутствие понятия «плагиата», оно никак не раскрывается в нормативно-правовых актах. Поэтому необходимо разработать и утвердить единый термин понятия «плагиат».

Рассмотрению заимствования идеи – как вида плагиаторского проявления. В качестве решения данного вопроса предлагается рассматривать идею в качестве самостоятельных объектов правовой защиты.

Важно отделять плагиат от компиляции – составление нового произведения из нескольких чужих без какой-либо самостоятельной их обработки. Вопрос об определении компиляции должен также решаться, исходя из исследования контекста работы, основных защищаемых положений, выводов, анализа источников и так далее.

Библиографический список

1. Близиц И.А. Авторское право и смежные права : учебник / И.А. Близиц, К.Б. Леонтьев ; под ред. И.А. Близица. М. : Проспект, 2021. 480 с.
2. McCabe D.L., Trevino L.K. Individual and Contextual Influences on Academic Dishonesty: A Multicampus Investigation // Research in Higher Education. 1997. Vol. 38. No 3. P. 379–396.
3. Беляцкий С.А. Новое авторское право в его основных принципах: монография / С.А. Беляцкий. СПб.: Типография Общества «Право», 1911. 411 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. М.: Товарищество по изданию новых законов, 1911. 600 с.
5. Сударинов С.А. Право интеллектуальной собственности: учебник / С.А. Сударинов. М.: Проспект, 2020. 656 с.
6. Мозолин В.П. Гражданское право: учебник в 3-х т. Т. 3 / В. П. Мозолин. М.: Проспект, 2018. 576 с.
7. Анисимов А.П., Козлова М.Ю. Плагиат как явление современной действительности / А.П. Анисимов, М.Ю. Козлова // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 9. С. 6–13.
8. Богданова О.В. Присвоение авторства как способ нарушения авторских прав / О.В. Богданова // Право и экономика. 2016. № 8. С. 33–35.
9. Толочкова Н.Г. Гражданско-правовая охрана авторских прав от контрафакции и плагиата: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.Г. Толочкова. Волгоград, 2004. 173 с.
10. Определение Верховного Суда РФ от 5.12.2003 года по делу № 78-Г03-77 [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 21.03.2023).
11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.08.2016 года по делу № А40-122618/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 21.03.2023).
12. Воронин А.В. К вопросу о понятии и признаках музыкального произведения без текста как объекта авторских прав и особенностях защиты прав на него / А.В. Воронин // В книге: Проблемы защиты прав и охраняемых законом интересов. Материалы Международной научной студенческой конференции. Тверь, 2020. С. 46–50.
13. Луткова О. Проблема охраноспособности произведений с незначительным уровнем творчества и повторных произведений в авторском праве зарубежных государств и Российской Федерации / О. Луткова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 8. С. 5–16; № 9. С. 5–11.
14. Майбурд С.В., Чернолес В.П. Понятие «плагиат» и «заимствование» в авторском праве и его применение к результатам диссертационных работ / С.В. Майбурд, В.П. Чернолес // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 9. С. 92–102.
15. Анисимов А.П., Рыженков А.Я. Методические вопросы проведения диссертационных исследований (на примере гражданского права) / А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3. С. 286–289.

УДК 347.415

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВЛАДЕЛЬЦА АГРЕГАТОРА ИНФОРМАЦИИ О ТОВАРАХ (УСЛУГАХ)

Агибалова Е.Н., кандидат юридических наук, доцент

Высогурская Т.В., студент 4 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей института электронной коммерции – правовому статусу владельца агрегатора информации о товарах (услугах). Автором раскрыто понятие владельца агрегатора информации о товарах (услугах), закрепленное в Законе «О защите прав потребителей». Рассмотрены действительные примеры таких субъектов в современной предпринимательской сфере. Отдельное внимание уделено аспекту ответственности такого лица в современном законодательстве. Автором выявлены проблемы правового регулирования статуса владельца агрегатора информации о товарах (услугах) и предложены варианты их решения.

Ключевые слова: владелец агрегатора информации о товарах (услугах), маркетплейс, цифровая торговля, электронная торговля, интернет-магазин.

LEGAL STATUS OF THE OWNER OF THE AGGREGATOR OF INFORMATION ABOUT GOODS (SERVICES)

Agibalova E.N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Vysogurskaya T.V., 4th year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of the institute of electronic commerce – the legal status of the owner of the aggregator of information about goods (services). The author reveals the concept of the owner of the aggregator of information about goods (services), enshrined in the Law «On Consumer Rights Protection». Actual examples of such subjects in the modern business sphere are considered. Special attention is paid to the aspect of responsibility of such a person in modern legislation. The author identifies the problems of legal regulation of the status of the owner of the aggregator of information about goods (services) and suggests solutions to them.

Keywords: owner of the aggregator of information about goods (services), marketplace, digital commerce, e-commerce, online store.

В 2018 г. в преамбуле закона «О защите прав потребителей» к продавцам, исполнителям, изготовителям и импортерам прибавляется новый субъект – владелец агрегаторов информации о товарах (услугах), которые вступают в отношения с потребителями, что порождает множество размышлений о новой конструкции, которая опосредует участие указанного субъекта в гражданских правоотношениях.

В основных понятиях раскрывается, что: «владелец агрегатора информации о товарах (услугах) – организация либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами сайта или программы, которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара возможность одновременно ознакомиться с предложением

продавца о заключении договора купли-продажи товара, заключить такой договор, а также произвести предварительную оплату путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов» [1].

Где встречается данный субъект в реальной жизни? Примерами владельца агрегатора информации о товарах (услугах) могут послужить такие сервисы как avia-sales, booking.com, tutu.ru, travel.ru и др. Зачастую, к ним относят и известные всем маркетплейсы (Wildberries, Ozon, ЯндексМаркет).

На данный момент признается и регулируется деятельность владельцев агрегаторов информации только в сфере продажи товаров и оказания услуг. Такой вывод следует, исходя из легального определения владельца агрегатора информации, которое закреплено в вышеуказанном законе. Вместе с тем, некоторыми авторами предполагается, что «отсутствуют какие-либо препятствия аналогии закона применительно к сфере выполнения работ, так как агрегаторы информации о работах как объектах гражданских прав на сегодняшний день не менее распространены» [2 с. 85].

Если складывающиеся между владельцем агрегатора информации о товарах, работах и услугах отношения построены по модели агентского договора, то владелец агрегатора информации о товарах, работах и услугах является не просто специализированным посредником между покупателем (заказчиком) и продавцом (исполнителем), но и принимает на себя ряд обязательств [2]. В этом случае складывающиеся между владельцем агрегатора информации о товарах, работах и услугах и продавцом (заказчиком) отношения регулируются гл. 52 ГК РФ. Вместе с тем, на практике наибольшее распространение получило участие агрегатора информации о товарах, работах и услугах в предпринимательских правоотношениях с использованием договора возмездного оказания услуг. В этом случае владелец агрегатора не вовлекается в бизнес-процессы привлекаемых сторон и оказывает по заданию заказчика за плату услуги, содержание которых составляет посреднические действия в целях заключения договора между продавцом (исполнителем) и покупателем (заказчиком). За оказание подобного рода услуг владелец агрегатора информации о товарах, работах и услугах взимает плату (в виде комиссии). Такие отношения регламентируются правилами гл. 39 ГК РФ о договоре возмездного оказания услуг.

Важной особенностью таких ресурсов является их ответственность за достоверность информации о фактическом продавце (исполнителе). «Владельцы агрегаторов **обязаны разместить** вышеуказанную информацию на **своем сайте** (странице сайта) в сети Интернет. При этом информацию о продавце (исполнителе) владелец агрегатора должен довести до сведения потребителей посредством **размещения ссылки на сайт продавца (исполнителя)**. Продавец (исполнитель) обязан предоставить владельцу агрегатора и разместить на своем сайте (при его наличии) достоверную информацию о себе» – гласит статья 9 Закона «О защите прав потребителей».

Владелец агрегатора несет ответственность перед потребителем за предоставление недостоверной или неполной информации о товаре (услуге). В соответствии со ст. 12 Закона «О защите прав потребителей»: «владелец агрегатора несет **ответственность за убытки**, причиненные потребителю вследствие предоставления недостоверной или неполной информации о товаре (услуге) или продавце (исполнителе) на основании которой потребителем был заключен договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг) с продавцом (исполнителем). Владелец агрегатора не несет ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления ему недостоверной или неполной информации о товаре (услуге) в случае, если владелец агрегатора не изменяет информацию, предоставленную продавцом и содержащуюся в предложении о заключении договора купли-продажи (оказания услуг)».

Потребители вправе предъявлять требования к владельцу агрегатора о возврате предварительной оплаты товара. Так, согласно ст. 12 вышеуказанного Закона: «владелец агрегатора должен вернуть эту сумму в течение 10 календарных дней при одновременном наличии следующих условий: (1) товар (услуга), в отношении которого потребителем внесена предварительная оплата на банковский счет владельца агрегатора, **не передан потребителю в срок** (либо услуга не оказана в срок); (2) потребитель **направил продавцу (исполнителю) уведомление об отказе от исполнения договора** купли-продажи (возмездного оказания услуг) в связи с тем, что последний нарушил обязательства передать товар либо оказать услугу в установленный срок. Наряду с требованием о возврате суммы предварительной оплаты товара (услуги) потребитель должен **направить владельцу агрегатора подтверждение** направления продавцу (исполнителю) уведомления об отказе от исполнения договора купли-продажи (договора возмездного оказания услуг). Если иное не предусмотрено условиями пользовательского или иного соглашения потребителя с владельцем агрегатора, уведомление продавцу (исполнителю) об отказе от исполнения договора купли-продажи (договора возмездного оказания услуг) может быть направлено владельцу агрегатора, который обязан направить его продавцу (исполнителю)».

Таким образом, изучив огромный пласт информации о функционировании цифровых агрегаторов: нормативную, теоретическую, информацию из СМИ представляется возможным выработать предложения и рекомендации для усовершенствования законодательства, регулирующего деятельность владельцев цифровых агрегаторов и недопущения наличия в нем пробелов, которые приводят к ошибкам в правоприменении, многочисленным беспочвенным спорам, отсутствию справедливости и равенства в отношениях с контрагентами. Рассмотрим данный вопрос на примере маркетплейса, которых законодатель на данный момент относит к числу вышеуказанных агрегаторов.

Во-первых, на наш взгляд, необходимо более подробно регулирование отдельных видов агрегаторов информации о товарах (услугах). Так, требуется отдельный нормативно-правовой акт, регулирующий деятельность маркетплейсов. Из-за недостатка законодательной базы большинство отношений регулируются договорными положениями, которые ставят продавца и покупателя в невыгодные условия. Существуют либо общие положения о розничной купле-продаже, либо относительно новые положения Закона «О защите прав потребителей» устанавливают немногочисленные нормы, регулирующие деятельность владельцев цифровых агрегаторов. Для правильного правового регулирования необходимы нормы, которые будут полностью соответствовать действительности и определять правила поведения субъектов данного отношения.

Во-вторых, отдельно стоит урегулировать основания и размеры ответственности продавцов и сотрудников маркетплейсов. Огромные суммы штрафов, которые взыскиваются с поставщиков, сотрудников логистики, склада и пунктов выдачи заказов зачастую противоречат всем правилам привлечения к ответственности. Из-за недостаточной законодательной базы, отсутствия специальных знаний у указанных лиц, постоянных изменений в оферте о реализации продукции данное обстоятельство пока не привело к многочисленным спорам. Но они есть, а иногда приводят к достаточному масштабным конфликтам (забастовки работников Вайлдберриз в марте 2023 г.).

Особенно необходимо урегулировать процедуру возмещения убытков продавцу при утере товара. Здесь можем привести личный пример из практики. Так, если товар потерялся в пути или на складе, то продавцу в личном кабинете просто приходит новый заказ. Он не осведомлен, куда и кому будет отправлен товар, однако на самом деле он повторно отсылает продукт тому же потребителю, чей заказ был потерян. В результате, Вайлдберриз перечисляет продавцу денежные средства лишь за полученный покупателем товар. В потоке зачислений, отчислений и штрафов заметить подобные нарушения сложно, нужно провести тщательные расчеты, поэтому не все продавцы понимают, что им не перечислили причитающиеся средства. Есть случаи, когда продавцами выявлялись такие случаи и они обращались сначала непосредственно в маркетплейс, а затем в суд с требованием о возмещении не полученных средств. Однако процент таких поставщиков очень мал, и в настоящее время подобные ситуации нередки. Что происходит на складе? Если товар был утерян до его попадания в пункт выдачи заказов, то все сотрудники, которые оформляли поступление товара на склад, получают штраф в различном процентном соотношении. Взыскание будет производиться со всех сотрудников, если не установлена вина одного, но специального расследования, если виновный не установлен сразу, производиться не будет. В результате – оштрафованы продавец, работники склада и логистики, а клиент ожидает поступление товара в два раза дольше, чем обычно. Данные случаи требуют отдельного урегулирования законом и большего контроля со стороны органов власти, местного самоуправления, организаций.

В-четвертых, необходимо ввести дополнительные меры ответственности для самого агрегатора. На данный момент он ответственен лишь за предоставление недостоверной или неполной информации о товаре или продавце потребителю. Однако, как было указано выше, владелец агрегатора не будет нести ответственность за недостоверную или неполную информацию, которую предоставил непосредственно продавец цифровому агрегатору. Поэтому, даже когда он представил недостоверную информацию о продавце или его товаре, вероятность взыскания убытков с агрегатора очень мала, поскольку он лишь транслирует ту информацию, которую предоставил ему продавец. Одного подобного основания для привлечения к ответственности цифрового агрегатора недостаточно. Необходимы дополнительные меры, например, штраф за утерю товара и компенсация его стоимости продавцу; штраф за просрочку перечисления денежных средств продавцу или сотрудникам маркетплейса; штраф за допущение и нарушение авторских или исключительных прав третьих лиц, путем размещения продавцами объектов интеллектуальной собственности на маркетплейсе, когда цифровой агрегатор по истечении определенного времени не проверил и не удалил данные сведения. В отношении со своими сотрудниками агрегаторы обезопасили себя тем, что заключают с ними гражданско-правовой, а не трудовой договор. Как известно, ответственность работника по трудовому договору имеет определенные границы в соответствии со ст. 241 ТК РФ: «за причиненный ущерб работник несет материальную ответственность в пределах своего среднего месячного заработка, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или иными федеральными законами» [3]. Однако, углубившись в природу данных правоотношений, можно выявить все основные признаки трудовых отношений: лицо лично выполняет трудовую функцию, она четко определена, оплата труда сдельная (так, за сортировку одного товара работник получает 5-15 рублей). Так, например, Вайлдберриз осуществляет контроль за деятельностью сотрудников и в случае, нарушений налагает штрафы, график работы четко определен и т.д. Поэтому, есть основания полагать, что гражданско-правовой договор в данном случае заключается только с целью снижения маркетплейсом собственной ответственности.

В-пятых, нельзя основательно не затронуть аспект трудового права, а именно условий труда сотрудников цифровых агрегаторов. Во-первых, на некоторых складах маркетплейсов происходит проверка и досмотр сотрудников склада, их телефоны на время смены забираются и возвращаются по истечении 12 часов (смены). Чаще всего смена начинается в семь вечера, а заканчивается в семь утра, два дня сотрудник работает, два дня – у него выходные, что фактически напоминает установленный график работы. Условно на складе далеки от комфортных или хотя бы нормальных: антисанитария, наличие крыс и тараканов, отсутствие нормальных бытовых условий для 12-часовой работы. На складе маркетплейсов огромное количество сотрудников и это неудивительно, ведь на всю Волгоградскую область при подобных масштабных оборотах продаж существует один склад (второй находится в процессе стройки). Таким образом, необходимы контрольные мероприятия в отношении маркетплейсов и в данной сфере, вероятно, могут быть выявлены нарушения.

Таким образом, сравнительно недавно законодатель закрепил понятие нового, неизвестного ранее гражданском праву Российской Федерации, субъекта предпринимательских правоотношений. В силу информационного прогресса в мире возникают новые явления, которые необходимо регулировать правом. Агрегатор информации о товарах (услугах) – один из таких примеров, который, безусловно, нуждается в совершенствовании законодательства и более подробной нормативно-правовой базе.

Библиографический список

1. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 9 апреля 1992 г. № 15. Ст. 766.
2. Ахметзянова Г.Н. Владелец агрегатора информации о товарах (услугах): вопросы теории и практики // ВЭПС. 2019. № 4. С. 85–87.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ (ТК РФ) (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I). Ст. 3.

АНТИМОНОПОЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УСЛОВИЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

Баласын Б.Г., магистрант 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Сергачева О.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются общие и специфические черты антимонопольных и общегражданских ограничений свободы определения условий договорных обязательств, классифицированы антимонопольные ограничения, раскрыт и обоснован вывод об их системном влиянии на содержание договора.

Ключевые слова: свобода договора, условия договора, антимонопольные запреты, преддоговорные споры, антиконкурентные соглашения, монополия.

ANTIMONOPOLY RESTRICTIONS ON THE FREEDOM TO DEFINE THE TERMS OF THE CIVIL CONTRACT

Balasyan B.N., 2th year undergraduate of the Faculty of Law Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Sergacheva O.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article describes the general and specific features of antitrust and general civil restrictions on the freedom to determine the terms of contractual obligations, classifies antitrust restrictions, discloses and justifies the conclusion on their systematic impact on the content of the contract.

Keywords: freedom of contract, terms of contract, antitrust prohibitions, pre-contractual disputes, anticompetitive agreements, monopoly.

Свобода гражданско-правового договора выступает важнейшим принципом имущественного оборота, стимулирующим предпринимательскую инициативу частных лиц, опосредующим экономически целесообразное движение товаров и капитала между участниками гражданско-правовых отношений и, таким образом, выступающим гибким инструментом саморегулирования указанных имущественных отношений. Известно, что последовательное применение принципа свободы гражданско-правового договора создаёт значимые риски для экономически более слабой стороны гражданского договора, классическим примером которой выступает гражданин-потребитель. Данные риски сопряжены с вероятностью навязывания невыгодных обязательств, необоснованных имущественных и юридических обременений и условий ответственности.

С учётом необходимости нивелирования описанных угроз, законодателем установлен ряд исключений из правила об определении условий договора по усмотрению сторон, в частности, для случаев, когда содержание условия основано непосредственно на положениях закона (пункт 4 статьи 422 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)).

Антимонопольное законодательство Российской Федерации устанавливает пределы осуществления гражданских прав участников гражданско-правовых отношений (абзац второй пункта 1 статьи 10 ГК РФ), при этом часть устанавливаемых законодательством о защите конкуренции запретов, безусловно, ограничивает свободу определения условий гражданско-правового договора. По справедливому наблюдению А.Н. Варламовой «большинство ограничительных мер конкурентного права имеет договорную форму» [1].

Вместе с тем, представляется недостаточным квалифицировать общность правовой природы общегражданских и специальных антимонопольных правил, ограничивающих свободу установления договорных условий, без уяснения того, что общего и в чём различие тех и других ограничений, а кроме того – возможно ли дифференцировать и классифицировать сами антимонопольные ограничения свободы определения условий договора (далее – антимонопольные ограничения), на каком этапе существования договорного обязательства они существуют и к каким последствиям приводят.

Рассмотрим поставленные вопросы подробнее.

Применительно к вопросу об общности антимонопольных и общегражданских ограничений необходимо отметить, что помимо вышеуказанного формально-юридического сходства, выражающегося в ограничении возможности беспрепятственного установления положений договора, антимонопольные и общегражданские ограничения отличает родовая общность целей, состоящих в защите интересов экономически более слабого контрагента и достижении приемлемого баланса интересов сторон. В этой связи необходимо отметить, что ограничения договорной свободы с необходимостью предполагают существование участника договорного отношения, в пользу которой данные ограничения установлены.

К сторонам, характеризующим общность правовой природы вышеуказанных ограничений, относится и единство происхождения, а также тождество принципов, на которых они основаны, а именно единство основных начал гражданского законодательства, описанных, в частности, в абзаце втором пункта 2 статьи 1 ГК РФ (допустимость ограничения гражданских прав лишь постольку, поскольку оно основано на положениях федеральных законов в целях защиты прав и законных интересов других лиц).

Наконец, антимонопольные ограничения нередко сопряжены с действием общих норм гражданского законодательства, например, об условиях публичного договора в случае возникновения договорных обязательств в сфере электроэнергетики, водоснабжения и других сферах действия субъектов естественной монополии.

Поиск присущих специфически отличительных черт антимонопольных ограничений приводит к следующим выводам:

– происхождение антимонопольных ограничений обусловлено установлением специальных пределов осуществления гражданских прав (статья 10 ГК РФ), в то время как само по себе ограничение свободы установления договорных условий может иметь и характер простого запрета или позитивной обязанности (например, в пункте 2 статьи 426 ГК РФ и др.);

– цель защиты экономически уязвимой стороны договорного правоотношения является своего рода преходящей целью, непосредственная же направленность антимонопольных запретов состоит в обеспечении предупреждения и пресечения актов монополистической деятельности, недобросовестной конкуренции и иных антиконкурентных актов в целях, установленных статьёй 1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции);

– предыдущий тезис демонстрирует, что, несмотря на отмеченное сходство общегражданских и антимонопольных ограничений, выражающееся в наличии своего рода «выгодоприобретателя» соответствующих ограничений, между ними имеется и существенное различие, поскольку антимонопольные ограничения во многих случаях устанавливаются не только в пользу конкретного контрагента, но и в интересах неопределённого круга участников товарного или финансового рынков, и даже для достижения столь всеобъемлющих целей как, например, в целом «защиты конкуренции и создания условий для эффективного функционирования товарных рынков» (часть 2 статьи 1 Закона о защите конкуренции). Представляется, что последняя ситуация может быть наглядно продемонстрирована правилами статьи 11 Закона о защите конкуренции, устанавливающими запреты на заключение ограничивающих конкуренцию соглашений (приводящих, например, к установлению или поддержанию цен);

– антимонопольные ограничения характеризуются также специфическим субъектом – адресатом требования; в типичном случае таковым выступает лицо, занимающее доминирующее положение на товарном рынке (в отдельных случаях – также хозяйствующий субъект, а также органы и организации, выполняющие публично-значимые и (или) властные функции);

– специфичным представляются условия и формы защиты прав лиц, в пользу которых установлены антимонопольные ограничения, значимое место среди способов защиты гражданских прав занимает их защита в административном порядке (пункт 2 статьи 11 ГК РФ, глава 9 Закона о защите конкуренции).

Необходимо отметить, что и сами по себе антимонопольные ограничения образуют достаточно развитую систему юридических ограничений, основания которой требуют научной классификации. Последняя, как представляется, может быть основана на следующих признаках.

1) Ограничение свободной установления условия о цене договора. Данное антимонопольное ограничение устанавливает пределы свободы установления цен на товары, работы, услуги, например, в случае, когда соответственно нижний или верхний ценовой порог приобретает характер монополично низкой и монополично высокой цены, признаки согласованного установления или поддержания цен (см. пункты 2 и 7 части 1 статьи 10, пункт 1 части 1 статьи 11, пункт 1 статьи 16 Закона о защите конкуренции) или в случае установления различных цен на один и тот же товар без наличия к тому экономических, технологических или иных предпосылок (см. пункт 6 части 1 статьи 10, пункт 2 статьи 16 Закона о защите конкуренции). Специфическим выражением подобного рода ограничений выступают требования пункта 11 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции о запрете манипулирования ценами на оптовом и (или) розничных рынках электрической энергии и мощности;

2) Антимонопольные ограничения свободы определения условий договоров, связанные с необходимостью учёта мотивов вступления контрагента в договорное обязательство. Названные ограничения выступают фактором, препятствующим реализации различных форм навязывания невыгодных условий договоров для экономически более слабого контрагента (см., например, пункт 3 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции);

3) Ограничение свободной дифференциации условий договоров для сходных между собой категорий контрагентов. Данные ограничения, например, выражаются в недопустимости установления условий договоров, имеющих дискриминирующий характер (см. пункт 8 части 1 статьи 10, пункт 8 части 1 статьи 15 Закона о защите конкуренции);

4) Ограничения свободы определения условий о месте и способах исполнения обязательств, количестве и ассортименте товаров (обусловлены, в частности, запретом антиконкурентных действий и соглашений, последствием которых выступает раздел товарного рынка по территориальному принципу, объёмам и ассортименту реализуемых товаров, см. пункт 3 части 1 статьи 11, пункты 3 – 5, 10 части 1 статьи 15, пункт 3 статьи 16 Закона о защите конкуренции);

5) Ограничение свободы определения условий договоров, содержанием которых выступает предоставление определённой информации контрагенту (например, пункт 6 части 1 статьи 15 Закона о защите конкуренции установлен запрет на предоставление информации субъекту, выступающему контрагентом по договору с публично-правовым образованием, информации в приоритетном порядке);

6) Ограничения свободы установления условий будущих договорных обязательств (обусловлены, например, запретом повышения, снижения или поддержания цен на торгах по соглашению конкурентов, см. пункт 2 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции).

В литературе и судебной практике, впрочем, встречается подход, состоящий в том, что отношения сторон, предшествующие непосредственному заключению договора, в том числе преддоговорные споры, не охватываются действием антимонопольного законодательства (за исключением случаев, прямо указанных в законодательстве о защите конкуренции) [2; 3]. Вместе с тем, учитывая служебную цель подобных отношений, состоящую в направленности на заключение договора, а также необходимость предоставления потерпевшей стороне эффективных инструментов защиты, полагаем, что заслуживает поддержки более широкий подход к данной проблеме, не исключающий возможности применения положений антимонопольного законодательства на этапе согласования договорных условий. Сказанное согласуется с обоснованным в юридической науке мнением о том, что норма, определяющая обязанности сторон договора, должна толковаться, прежде всего, исходя из её существа и целей законодательного регулирования [4].

7) Ограничения свободы определения условий прекращения договорных обязательств. Соответствующие ограничения следуют, в частности, из нормы пункта 9 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции, предусматривающей запрет создания лицом, занимающим доминирующее положение на финансовом рынке, препятствий к выходу из данного товарного рынка другим хозяйствующим субъектам (сходное регулирование предусмотрено применительно к антиконкурентным соглашениям с участием публично-правовых образований, см. пункт 4 статьи 16 Закона о защите конкуренции).

Ценность описанной выше классификации антимонопольных ограничений состоит, помимо прочего, в том, что она позволяет сделать вывод о том, что антимонопольные ограничения свободного установления условий договора комплексно влияют на всю структуру гражданско-правового обязательства, поскольку устанавливаются как на преддоговорном этапе определения договорных условий (например, ограничения к содержанию и характеру ценовых заявок на торгах, проводимых в целях заключения договора), так и в отношении условий места, времени, способов, субъектов, объема исполнения обязательств, организационно-информационных условий, а также условий ответственности и прекращения договоров.

Таким образом, антимонопольные ограничения свободы определения условий договора могут быть представлены как специфические пределы осуществления гражданских прав, объединенные единством целей их установления, специальным субъектным составом, особыми условиями и формами защиты прав лиц, в пользу которых они установлены, а также системным влиянием на структуру гражданско-правового договорного обязательства.

Библиографический список

1. Варламова, А.Н. Принцип свободы договора в конкурентном праве // Конкурентное право. 2020. № 1. С. 6–9.
2. Щербатых, В.И. Спор о нарушении антимонопольного законодательства как спор о праве // Конкурентное право. 2022. № 3. С. 38–41.
3. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.11.2015 № Ф10-3874/2015 по делу № А09-14025/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Маковская, А.А. Императивные и диспозитивные нормы в корпоративном законодательстве (ошибки в формулировках, проблемы толкования и правоприменения) // Вестник гражданского права. 2019. № 5. С. 79–109.

УДК 347

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ

Белова О.А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются нематериальные блага как особый объект гражданских прав, которые обладают рядом специфических признаков, определяющих особенности их правового режима. Подтверждается, что одной из проблем при изучении нематериальных благ в рамках современной отечественной цивилистики является многообразие подходов к определению существенных признаков данного правового явления, что затрудняет как теоретическое изучение, так и выработку практических рекомендаций для совершенствования правового регулирования нематериальных благ и процедуры их защиты.

Ключевые слова: нематериальные блага, объекты гражданского права, деловая репутация.

THE MAIN FEATURES OF INTANGIBLE BENEFITS UNDER THE CIVIL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Belova O.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article considers intangible benefits as a special object of civil rights, which have a number of specific features that determine the features of their legal regime. It is confirmed that one of the problems in the study of intangible benefits within the framework of modern domestic civil law is the variety of approaches to determining the essential features of this legal phenomenon, which makes it difficult both theoretical study and the development of practical recommendations for improving the legal regulation of intangible benefits and the procedure for their protection.

Keywords: intangible benefits, objects of civil law, business reputation.

В соответствии с п. 1 ст. 150 ГК РФ нематериальные блага принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иными способами. Из данной нормы закономерно вытекают два основных признака нематериальных благ, а именно их неотделимость от носителя-гражданина, а также непередаваемость. Данные признаки, закрепленные на законодательном уровне, признаются большинством представителей научного сообщества.

Однако в юридической литературе можно встретить множество иных точек зрения на количественный и качественный состав признаков нематериальных благ, а также критерии их выделения.

Л.О. Красавчикова указывает на следующие отличительные свойства рассматриваемых объектов гражданских прав: «...внеэкономический характер, самостоятельная ценность для их носителя, функциональное свойство не товарности, принадлежность личности и неотделимость от личности» [4, с. 15].

Т.В. Трофимова, отмечая значение совокупности признаков для осуществления и защиты прав на нематериальные блага, выделяет следующие из них:

«1) для возникновения прав на нематериальные блага не требуется дополнительных юридических фактов, они возникают в силу определенных событий, основным из которых является факт рождения или создания (если речь идет о юридическом лице) правообладателя;

2) нематериальные блага не подлежат восстановлению в случае их нарушения;

3) неотчуждаемы и непередаваемы иным способом;

4) характеризуются отсутствием имущественного содержания, которое проявляется в невозможности точной оценки указанного объекта гражданских прав;

5) принадлежат определенному кругу субъектов гражданского права – физическим лицам;

6) имеют личный характер, проявляющийся в невозможности осуществления прав на них иными лицами, кроме правообладателя» [7, с. 32].

О.Н. Садилов и И.Ш. Файзуллин, в свою очередь, фокусируют внимание на так называемых объединяющих признаках нематериальных благ, таких как: «...отсутствие материального содержания, невозможность имущественной оценки, а также неразрывная связь с личностью и неотчуждаемость от нее» [6, с. 151–152].

В большинстве своем определения различных понятий строятся на признаках данного явления. В связи с этим интересно утверждение И.В. Бакаева, который, отметив наличие множества разнообразных доктринальных определений нематериальных благ, постарался выделить из них общие, а значит, наиболее заметные признаки рассматриваемого объекта гражданских прав: «Несмотря на наличие большого числа различных доктринальных определений понятия «нематериальное благо», практически всеми авторами выделяются: неотчуждаемость, отсутствие имущественного (материального) содержания, невозможность денежной оценки, неразрывная связь с личностью носителя, общая направленность на обеспечение существования личности».

Вместе с тем, в более поздних научных исследованиях указанные признаки подверглись обоснованной критике, как не отвечающие реалиям регулируемых общественных отношений.

Так, уже самим И.В. Бакаевым проводится критический анализ данных отличительных свойств нематериальных благ. Основная проблема, присущая обозначенной подборке признаков, по мнению ученого, состоит в том, что: «...в самой этой констатации присутствует дух формальной теории, преувеличенность юридических признаков нематериальных благ» [2, с. 10]. Кроме того, перечисленные признаки критикуются исследователями еще и потому, что среди объектов нематериальных благ встречаются такие блага, для которых характерны неоднозначность правовой природы и уникальное двойственное правовое содержание. Речь идет о деловой репутации, которую в данном контексте следует рассмотреть подробнее.

Так, первым общим признаком, подвергшимся критике со стороны исследователей, стало отсутствие материального (имущественного) содержания блага. К примеру, известно, что деловой репутацией может обладать как гражданин, так и юридическое лицо. Однако сам факт наличия нематериального блага у персонифицированного имущества [8, с. 263], которым по своей сути является любое юридическое лицо, вызывает вопросы и наталкивает на мысль о том, что речь в данном случае идет как раз о явлении, имеющем имущественное содержание.

Еще одним аргументом, опровергающим общий признак невозможности точной оценки нематериального блага, является тот факт, что законом закрепляется возможность имущественной оценки деловой репутации. Как видно, признавая нематериальную природу данного блага, ВАС РФ при этом допускает его денежную компенсацию, то есть материальное выражение.

Третий общий признак, который критикуется исследователями, – это отсутствие потребности в дополнительных юридических фактах для возникновения прав на нематериальные блага. Так, деловая репутация как особое нематериальное благо возникает в момент, который совпадает с моментом создания нового субъекта предпринимательской деятельности. И в этом случае никакие дополнительные юридические факты действительно не требуются, юридическому лицу деловая репутация присуща с момента создания. Однако физическому лицу рассматриваемое нематериальное благо может быть присуще только с момента приобретения им статуса индивидуального предпринимателя либо иного участника правоотношений, в которых проявляются и имеют значение его деловые качества – и тогда говорить о том, что никакие дополнительные юридические факты не нужны, уже не получается.

Спорным в гражданско-правовой доктрине является также вопрос о неотчуждаемости нематериальных благ. Поводом к дискуссии послужили, в частности, нормы законодательства, согласно которым деловая репутация может выступать предметом сделки.

А.Х. Ульбашев приводит следующий пример отчуждаемости деловой репутации, что, в свою очередь, также свидетельствует о двойственной природе данного нематериального блага: «... На практике распространены случаи, когда участники гражданского оборота (например, крупные юридические фирмы) привлекают в свою команду известных и авторитетных специалистов и включают их фамилии в фирменное наименование. Возможно, с экономической точки зрения и происходит «покупка» имени, однако это не дает основание считать, что имеет место отчуждение имени в гражданско-правовом смысле (и в этом принципиальное отличие экономического и правового подходов)» [9, с. 103].

Таким образом, очевидно, что нематериальное благо в некоторых случаях может быть наделено материальным (имущественным) содержанием, точно оценено и связано со специальными юридическими фактами, определяющими момент его возникновения. Следовательно, признаки, называемые исследователями в качестве основополагающих для определения нематериального блага, не в полной мере отражают сущность рассматриваемого правового института. При этом можно согласиться и с мнением В.И. Еременко о двойственной природе именно деловой репутации. Исследователь указывает следующее: «... с учетом ее имущественной составляющей, которая в отдельных случаях может стать объектом передачи, учитываться при налогообложении или отражаться в бухгалтерском учете, понимание деловой репутации противоречит нормам статьи 150 ГК РФ, согласно которым деловая репутация рассматривается в качестве нематериальных благ, не подлежащих отчуждению или передаче <...> Отсюда и проистекает двойственный

характер деловой репутации, в которой присутствует нематериальный элемент, но все же в известной степени превалирует имущественный элемент, что в целом определяет сущность данного института» [3].

Из всего вышесказанного следует, что как минимум не все нематериальные блага неотчуждаемы, поэтому данный признак нельзя считать обязательным для идентификации указанного объекта гражданских прав. Более того, отчуждаемость и возможность денежной оценки не исключают свойство нематериальности в юридическом смысле. Также если обратиться к списку признаков, предложенному Т.В. Трофимовой, можно заметить, что несостоятельными являются еще три выделенных ею признака: принадлежность к определенному кругу субъектов – физическим лицам; личный характер, заключающийся в невозможности пользования иными лицами; невозможность восстановления нематериальных благ.

Невозможность восстановления нематериальных благ как характерный признак также относится не ко всем из указанных объектов гражданских прав. Так, здоровье может быть восстановлено, в том числе посредством судебной защиты и взыскания денежных средств на лечение.

Представляется, что более верным было бы внесение в рамках теоретического анализа нематериальных благ такого признака, как «социальная ценность», поскольку закон защищает те общественные отношения и те блага, которые имеют положительную ценность для общества и государства в данный исторический период. М.П. Малеина пишет по этому поводу следующее: «... именно социальная, общественная ценность нематериального блага отражается в политике государства и общественных институтов, направленной на поддержку обладателя личного неимущественного права на нематериальное благо» [5, с. 41].

Как пишет И.В. Бакаев: «Закон, в частности, не дает определения жизни, здоровья, деловой репутации. Однако смысловые контексты предполагают, что употребление этих понятий лишь отчасти касается духовных благ и преимущественно они затрагивают материальную основу человеческого бытия. В этом смысле не природа благ, а их аксиологическая интерпретация, осознание личной и социальной ценности позволяют отнести их к нематериальным благам. Именно ценностное, а не «нематериальное» содержание соответствующих благ определяет невозможность точной компенсационной денежной оценки при посягательстве на принадлежащие лицу нематериальные блага» [1, с. 12].

Именно социальная ценность является одним из общих признаков, свойственных всем без исключения правам и благам, поставленным под защиту государством, в том числе и всем нематериальным благам. Вместе с тем, очевидно, что только социальная ценность не может выступать в качестве существенного признака нематериального блага, поскольку, опираясь на него невозможно провести разграничение с иными благами и правами, поставленными под защиту. Кроме того, в рамках правового регулирования закрепление социальной ценности нормами гражданского законодательства представляется нам излишним, поскольку большинство нематериальных благ, в том числе перечисленных в ст. 150 ГК РФ, защищается широким спектром отраслей права, в том числе конституционным, чем презюмируется их социальная ценность.

Обобщая написанное выше, следует отметить, что существующие на сегодняшний день в цивилистической доктрине разнообразие подходов к выделению признаков нематериальных благ создает трудности в понимании сущности данного объекта гражданских прав. Разные нематериальные блага обладают непохожими совокупностями признаков, и ни один из признаков, на которые указывают ученые в качестве обязательных, не относится сразу ко всем неимущественным объектам гражданских прав. При этом не стоит забывать, что в силу прямого указания законодателя общими признаками для всех материальных благ являются неотчуждаемость и непередаваемость иным способом, а также особый порядок их правовой защиты (ст. 150 ГК РФ).

Библиографический список

1. Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 12.
2. Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 10.
3. Еременко В.И. Вопросы защиты деловой репутации юридических лиц. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8520> (дата обращения: 01.09.2019 г.).
4. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан в гражданском праве РФ: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 14-25.
5. Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 41.
6. Садиков О.Н., Файзулдинов И.Ш. Гражданское право: Учебник. Том 1. М.: Контракт; Инфра-М, 2006. С. 151–152.
7. Трофимова Т.В. Нематериальные блага как объект гражданско-правового регулирования. Дис.. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Т.В. Трофимова; ВА МВД РФ. Волгоград, 2004. С. 32.
8. Учебник: в 4 т. / В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев и др.; под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. Т. 1. С. 263.
9. Ульбашев А.Х. К вопросу о неотчуждаемости и непередаваемости личных прав // Российский юридический журнал. 2018. № 2. С. 103.

УДК 347.191

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИЧНОГО ФОНДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Блинкова Е.А., преподаватель Волжского социально-педагогического колледжа – структурного подразделения государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волжский институт экономики, педагогики и права», г. Волжский,

Попова Е.И., студент 3 курса отделения права Волжского социально-педагогического колледжа – структурного подразделения государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования, «Волжский институт экономики, педагогики и права», г. Волжский

Аннотация. Статья посвящена одной из новелл гражданского законодательства – личному фонду. Личный фонд – относительно новая форма юридического лица. В статье рассматриваются отдельные особенности правовой конструкции личного фонда, анализируются специфика его правового регулирования и реорганизации. Авторами выделяется ряд проблемных аспектов, связанных с отдельными проблемами правового регулирования рассматриваемого института, которое может существенно повлиять на формирование практики применения норм о личном фонде и в силу этого требуют большей законодательной проработки.

Ключевые слова: личный фонд, некоммерческие организации, имущество, наследование, наследственный фонд, юридические лица, фонды.

PROBLEM ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF PERSONAL FUNDS IN CIVIL LAW OF RUSSIA

Blinkova E.A., teacher of the Volga Socio-Pedagogical College – a structural unit of the state budgetary educational institution of Higher Education «Volga Institute of Economics, Pedagogy and Law», Volgzhsky
Popova E.I., 3rd year student of the Department of Law Volgzhsky Socio-Pedagogical College – structural subdivision of the state budgetary educational institution of higher Education «Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law», Volgzhsky

Abstract. The article is devoted to one of the novelties of civil legislation – the personal fund. A personal fund is a relatively new form of legal entity. The article discusses some features of the legal structure of the personal fund, analyzes the specifics of its legal regulation and reorganization. The authors identify a number of problematic aspects related to individual problems of legal regulation of the institution in question, which can significantly affect the formation of the practice of applying the rules on personal funds and therefore require more legislative elaboration.

Keywords: personal fund, non-profit organizations, property, inheritance, hereditary fund, legal entities, funds.

1 марта 2022 года вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 01.07.2021 N 287-ФЗ [1]. Данный нормативно-правовой акт закрепил новый институт гражданского права – личный фонд.

Правовое регулирование личного фонда в гражданском праве России имеет свои особенности и основные положения, которые определяют правовой статус личного имущества граждан.

Личный фонд включает в себя имущество, которое является предметом собственности гражданина, за исключением имущества, отнесенного к юридическому фонду, он является неделимым и непродолжающимся правовым благом, что означает, что он не может быть разделен между наследниками, и передача личного фонда возможна только в единичном порядке.

Личный фонд состоит из различных объектов, таких как жилые помещения, предметы домашнего обихода, предметы личного непроизводственного назначения (личная одежда, ювелирные изделия, семейные фотографии и т.д.), а также иные предметы, предназначенные для удовлетворения личных и бытовых потребностей гражданина.

Личный фонд предоставляет гражданам определенные права и преимущества при исполнении обязательств, в том числе недопущение его обложения исполнением, за исключением случаев, предусмотренных законом, он может быть ограничен в отдельных случаях, например, при наличии долгов перед кредиторами или на основании решения суда.

Правовая охрана личного фонда включает в себя недопустимость принудительного изъятия личного имущества, а также наличие мер защиты и компенсации в случае нарушения прав гражданина на личный фонд.

Гражданское законодательство России устанавливает упрощенный порядок передачи личного фонда по наследству, позволяя близким родственникам гражданина наследовать его личное имущество без необходимости прохождения сложных процедур и оплаты значительных налогов.

Следует отметить, что эти особенности могут подвергаться изменениям и уточнениям в ходе развития законодательства и судебной практики. Поэтому всегда рекомендуется обращаться к актуальным нормам гражданского права России и консультироваться с юристами для получения полной и точной информации.

Рассматривая правовое закрепление личного фонда в ГК РФ, возникает вопрос о предпосылках закрепления личного фонда как юридического лица в гражданском праве России.

Во-первых, развитие и укрепление позиций бизнеса непосредственно в Российской Федерации, создание необходимых и «комфортных» условий для управления имуществом, посредством личного фонда.

Во-вторых, большинство бизнесменов, следуя трендам современности, не стремятся передавать имущество в рамках наследственной массы потенциальным наследникам (речь о подрастающем поколении), тем самым предоставляя возможность построения самостоятельного пути.

Итак, все сказанное обусловило появление в российском правовом порядке качественно новой конструкции – личного фонда

Появление данной новеллы в рамках гражданского права повлекло расширение перечня организационно-правовых форм некоммерческих организаций. Так, законодатель определил аспекты регулирования деятельности личного фонда в параграфе 7 «Некоммерческие унитарные организации» главы 4 «Юридические лица» первой части ГК РФ. Однако, необходимо подчеркнуть, что рассматриваемая конструкция стала правопреемницей недавно появившегося наследственного фонда. Внесенные изменения стали еще одной попыткой внедрить в российское гражданское право зарубежные институты фондов и трастов.

В связи с вышесказанным возникает очевидный вопрос, насколько эффективным механизмом управления активами будет личный фонд?

На первый взгляд, важнейшим достоинством, по сравнению с предшественником, является возможность учреждать личный фонд при жизни учредителя.

Согласно ст. 123.20-4 ГК РФ, личным фондом признается учрежденная на определенный срок либо бессрочно гражданином или после его смерти нотариусом унитарная некоммерческая организация, осуществляющая управление переданным ей этим гражданином имуществом или унаследованным от этого гражданина имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления [2].

Конструкция личных фондов в зависимости от способа создания подразделяется на:

- прижитвенный фонд (созданный гражданином);
- наследственный фонд (учрежденный нотариусом после смерти гражданина в соответствии с завещанием).

В России реорганизация личного фонда связана с изменением статуса личного имущества гражданина и процедурой его передачи или раздела.

Понятие реорганизации личного фонда включает в себя изменения в составе, структуре и правовом статусе личного имущества гражданина. Реорганизация может осуществляться в форме прекращения, раздела или присоединения имущества.

Прекращение личного фонда: гражданин может решить о прекращении личного фонда и распорядиться своим имуществом по своему усмотрению. Прекращение может осуществляться путем передачи имущества наследникам, дарению, продаже или другим сделкам, предусмотренным законом.

Раздел личного фонда: в случае наличия нескольких наследников или участников личного фонда, личное имущество может быть разделено между ними. Раздел может происходить на основе соглашения между участниками или по решению суда. При разделе личного фонда следует учитывать законные интересы участников и особенности имущества.

Присоединение имущества: в некоторых случаях гражданин может принять решение о присоединении имущества других лиц к своему личному фонду. Например, это может произойти при получении наследства, приобретении имущества по договору купли-продажи или дарения. Процедура присоединения имущества должна соответствовать установленным законом требованиям и процедурам.

Законные ограничения: реорганизация личного фонда может быть ограничена законодательством в интересах общества или третьих лиц. Например, при наличии долгов перед кредиторами, а также для защиты прав супруга и детей могут быть установлены ограничения на распоряжение личным имуществом.

Следует отметить, что реорганизация личного фонда должна осуществляться в соответствии с законодательством России и учитывать права и интересы всех участников. Важно получить профессиональную юридическую консультацию и ознакомиться с соответствующими нормативными актами для правильного выполнения процедуры реорганизации.

Реорганизация личного фонда напрямую зависит от выбранного вида фонда. Так, прижитвенный фонд может быть реорганизован, с учетом определенных особенностей, а именно, если в результате данного юридического процесса образуется новый личный фонд, где учредителем будет этот же гражданин, либо создатель такого фонда может принять решение о преобразовании его в общественно-полезный фонд.

В свою очередь, механизмов реорганизации наследственного фонда, по общему правилу, законодатель не выделяет, за исключением случаев, предусмотренных законом.

В научных кругах рассматриваемая дефиниция неоднократно подвергалась критике, поставлен вопрос о её жизнеспособности в рамках Российской Федерации, с учетом действующей редакции ГК РФ. Авторами выделяются возникшие после принятия проблемные аспекты, которые могут возникнуть на практике, а также указывается на отсутствие должного правового закрепления ряда вопросов.

Одним из наиболее фундаментальных спорных аспектов является определение личного фонда в систему некоммерческих организаций в целом, и к категории фондов, в частности.

Важно подчеркнуть, что с 1 марта 2022 года реформирование коснулось всех фондов в целом: согласно положениям действующего законодательства, фонды теперь подразделяются на общественно полезные и личные. На современном этапе привычные нам фонды определены общей категорией «общественно полезный фонд». Что же касается личных фондов, то они выделены в обособленную категорию.

Определение личного фонда в систему некоммерческих организаций также является весьма спорным явлением, учитывая тот факт, что одним из решающих аргументов законодателя в рамках принятия данной конструкции, являлась возможность беспрепятственной передачи из поколения в поколение коммерческих активов, т.е., исходя из задумки разработчиков законопроекта, основной сферой применения личного фонда является всё-таки наследование бизнеса.

В качестве второго проблемного аспекта можно выделить правило о несении личным фондом субсидиарной ответственности по обязательствам учредителя в течение трех лет с момента его создания. Данное обстоятельство на практике может приводить к злоупотреблению правом учредителя, путем сокрытия собственного имущества, посредством передачи его личному фонду. Стоит отметить, что иные положения законодательства не лишают права кредиторов признать вышеуказанный переход имущества, как недействительную сделку.

Исходя из вышесказанного, следует сделать вывод о необходимости реформирования вопроса о субсидиарной ответственности, что позволит кредиторам защитить свои права, а потенциальных учредителей и выгодоприобретателей лишит возможность злоупотребления правом.

Третьим, но не менее важным, проблемным аспектом выступает размер стоимости имущества, передаваемого фонду при создании, которая составляет не менее ста миллионов рублей. Важно отметить, что данное положение не распространяет своего действия на создание наследственного фонда.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что возможность создания прижитвенного фонда будет принадлежать ограниченному числу лиц, что означает, потребность оставшейся части населения либо передавать имущество, посредством создания наследственного фонда, либо искать механизмы передачи имущества за рубежом.

Анализ вышеизложенного позволяет говорить о необходимости реформирования законодательства в сфере личных фондов. В частности:

- более конкретно определить правовую природу личного фонда. Уделить внимание месту личного фонда в системе некоммерческих организаций либо внедрить особую организационно-правовую форму для личных фондов, поскольку природа привычных фондов носит некоммерческий характер, в то время как создание рассматриваемой новеллы направлено на удовлетворение интересов частных лиц;

- подробно регламентировать вопрос субсидиарной ответственности, с целью защиты интересов кредитора. В данном случае необходимо определить меры ответственности учредителя и выгодоприобретателя, как недобросовестной стороны обязательства;

- снизить стоимость имущества, передаваемого в собственность личного фонда для его создания. Данное изменение привлечет повышенный интерес населения, что позволит предупредить отток финансовых ресурсов за рубеж.

Таким образом, можно сделать вывод, что на данный момент законодателем предприняты определенные попытки усовершенствования ранее существовавшей конструкции личного фонда, но, в то же время, правовое регулирование нового института личного фонда нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Библиографический список

1. О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации федер. закон Рос. Федерации от 01.07.2021 N 287-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант.Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388907/ (дата обращения: 30.04.2023).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Рос. Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант.Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388907/ (дата обращения: 30.04.2023).

УДК 342.553

ОСОБЕННОСТИ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ГРАЖДДАНАМИ

Варганкина Д.Д., магистрант 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Сергачева О.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена особенностям возникновения обязательств, связанных с причинением вреда с участием несовершеннолетних. Автором выявлены проблемы, связанные с вопросами ответственности за причинение вреда, возмещения причиненного ущерба, а также с мерами, которые можно принять для предотвращения подобных ситуаций. Автор обращает внимание на то, что проблемы в этой области могут быть связаны с недостаточным контролем со стороны родителей и опекунов, неправильным воспитанием и образованием несовершеннолетних.

Ключевые слова: вред, несовершеннолетние, основание возникновения обязательств, причинение вреда, возмещение ущерба, ответственность за причинение вреда.

FEATURES AND CONDITIONS OF OBLIGATIONS ARISING FROM DAMAGE CAUSED BY MINORS

Vargankina D.D., 2nd year student of the Faculty of Law Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Sergacheva O.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of obligations arising from damage caused by minors. The author identifies problems related to issues of responsibility for causing harm, compensation for damages, and measures that can be taken to prevent such situations. The author draws attention to the fact that problems in this area may be related to insufficient control by parents and guardians, improper upbringing and education of minors.

Keywords: harm, minors, grounds for obligations arising, damage caused, compensation for damages, responsibility for causing harm.

Тема «Особенности и условия возникновения обязательств вследствие причинения вреда несовершеннолетними гражданами» имеет научную новизну и актуальность в современном обществе.

С одной стороны, это связано с тем, что несовершеннолетние могут стать источником причинения вреда другим людям, и это может привести к возникновению юридических проблем и споров. С другой стороны, несовершеннолетние, как правило, нуждаются в особой защите и поддержке, поскольку они не всегда способны полностью осознавать последствия своих действий.

Исследование особенностей возникновения обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних позволяет раскрыть правовые, социальные и психологические аспекты этой проблемы. В частности, можно проанализировать вопросы ответственности несовершеннолетних, возможности их материальной ответственности и особенности возмещения ущерба потерпевшим.

Также можно рассмотреть вопросы, связанные с тем, каким образом общество может защитить несовершеннолетних от потенциального вреда, предотвратить возникновение вреда другим людям и содействовать их социальной адаптации.

Таким образом, тема «Особенности основания возникновения обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних» является важной и актуальной в настоящее время, и может быть предметом дальнейших исследований в различных областях права и социальных наук.

Также данная тема имеет как теоретическую, так и практическую значимость.

Теоретическая значимость этой темы заключается в изучении основ правовой ответственности несовершеннолетних за причинение вреда. Рассмотрение этой темы позволяет изучить основы гражданского и уголовного права. Анализировать эту тему позволяет углубить понимание правовых норм и принципов, регулирующих вопросы ответственности несовершеннолетних за причинение вреда.

Практическая значимость темы заключается в том, что она помогает определить механизмы компенсации ущерба, причиненного несовершеннолетними. Это особенно важно для тех, кто имеет дело с воспитанниками детских учреждений, а также для семей, в которых есть несовершеннолетние. Знание основных положений, связанных с ответственностью несовершеннолетних, помогает лучше защитить свои права и интересы в случае причинения вреда несовершеннолетними.

Следовательно, изучение особенностей возникновения обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних имеет как теоретическую, так и практическую значимость и может быть полезно для широкого круга людей.

В современном обществе все чаще возникают случаи причинения вреда, в которых участвуют несовершеннолетние. В таких ситуациях возникает вопрос об ответственности за причиненный вред и о возмещении ущерба.

Под несовершеннолетним гражданином понимается лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Как правило, к несовершеннолетним гражданам относятся дети и подростки. Они считаются уязвимыми членами общества, которые нуждаются в дополнительной защите и заботе со стороны взрослых [1].

Обязательства по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетними гражданами, возникают в соответствии с гражданским законодательством, а именно в соответствии с главой 59 Гражданского кодекса РФ «Обязательства вследствие причинения вреда».

Возникновение обязательства по возмещению вреда зависит от наличия нескольких условий. В первую очередь, необходимо наличие факта причинения вреда несовершеннолетним гражданином. При этом вред может быть как физическим, так и моральным.

Второе условие – наличие вины причинителя вреда. Это означает, что причинитель вреда должен был понимать возможные последствия своих действий, либо имел возможность предвидеть их. Если вина причинителя вреда отсутствует, то обязательства по возмещению вреда не возникают.

Третье условие – наличие причинной связи между действиями причинителя вреда и причиненным вредом. То есть, вред должен быть непосредственным результатом действий причинителя вреда [2].

Четвертое условие – наличие ущерба, причиненного несовершеннолетним гражданином. Ущерб может быть как материальным, так и моральным.

Если все эти условия выполняются, то причинитель вреда должен возместить ущерб.

Несовершеннолетние, как правило, не имеют полной юридической ответственности за свои поступки в силу своего возраста [3].

Однако, совершив преступление, несовершеннолетний может быть признан виновным и к нему могут быть применены специальные меры воздействия, заключающиеся в наложении штрафа, применении специальных мер, направленных на социальную реабилитацию несовершеннолетнего, таких как обучение и воспитание в специальных учреждениях и лишения свободы в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В любом случае, при наличии вины несовершеннолетнего, решение о мерах ответственности принимается компетентными органами исходя из законодательства и особенностей конкретной ситуации.

Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних, имеют свои особенности, связанные с возрастом виновного лица. В зависимости от возраста несовершеннолетнего, возникающие обязательства могут быть различными.

В законодательстве определены две основные формы правоотношений, зависящие от возраста несовершеннолетнего. Лица, не достигшие 14-летнего возраста, не могут нести ответственность за свои действия, поскольку не обладают деликтоспособностью. Родители или другие определенные законом лица несут ответственность за вред, причиненный ребенком до 14 лет.

С другой стороны, граждане в возрасте от 14 до 18 лет несут ответственность за свои действия самостоятельно, однако на них распространяется дополнительная ответственность в соответствии с законом. В случае, если несовершеннолетний причинил вред, его действия не являются самостоятельным основанием ответственности, но могут повлиять на принятие решения о возложении обязанности по возмещению вреда на определенных законом лиц. В таком случае возможно нарушение прав со стороны несовершеннолетнего и правонарушение со стороны третьих лиц.

Если ребенок не достиг 14 лет, и он причинил вред, то он не несет ответственности за свои действия, так как согласно законодательству ему недостаточно взрослости, чтобы осознать последствия своих поступков. В этом случае, ответственность за вред несет родитель или опекун ребенка.

Если вред был причинен ребенком, достигшим 14 лет, но не достигшим 18 лет, то он несет ответственность за свои действия, но только в той мере, в которой это допустимо в соответствии с возрастом и степенью его виновности.

Основной особенностью обязательств, возникающих вследствие причинения вреда несовершеннолетним гражданам, является то, что ответственность за вред также может возложиться на его родителей или опекуна, если они не выполнили свои обязанности по воспитанию и контролю за действиями несовершеннолетнего [4].

В случае, если несовершеннолетний был привлечен к ответственности за причинение вреда, то его родители или опекуны также могут нести солидарную ответственность с ним за возмещение причиненного вреда, если они не могут доказать, что не были непосредственно причастны к действиям несовершеннолетнего.

В связи с этим, обязательства по возмещению вреда в отношении несовершеннолетних граждан могут быть предъявлены как к лицу, непосредственно причинившему вред, так и к его родителям или законным представителям. Условия возникновения обязательств по возмещению вреда несовершеннолетним гражданам определяются Гражданским кодексом Российской Федерации.

Согласно статье 1064 ГК РФ, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. В случае, если причинитель вреда является несовершеннолетним гражданином, не достигшим четырнадцати лет (малолетним), то в соответствии со статьей 1073 ГК РФ ответственность за возмещение вреда может быть возложена на его родителей или законных представителей [5].

Однако на основании статьи 1074 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред на общих основаниях, за исключением случаев, когда у несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда. В этом случае вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине [5].

При этом, если родители или законные представители несовершеннолетнего не в состоянии возместить вред, то возмещение вреда может быть предъявлено к несовершеннолетнему в момент, когда он стал полностью дееспособным и теперь обладает такими средствами. Суд с учетом имущественного положения потерпевшего и причинителя вреда, а также других обстоятельств вправе принять решение о возмещении вреда полностью или частично за счет самого причинителя вреда.

Обязательства по возмещению вреда несовершеннолетним гражданам имеют свои особенности и условия возникновения, которые определяются законодательством. Они могут быть предъявлены к лицу, причинившему вред, его родителям или законным представителям.

Наконец, следует отметить, что причинение вреда несовершеннолетними также может иметь серьезные психологические и социальные последствия.

Среди психологических последствий можно выделить возможное ухудшение самооценки и увеличение чувства вины. Также может появиться агрессивное поведение и нарушение эмоциональной регуляции, что может привести к дальнейшему нарушению отношений с окружающими.

Социальные последствия причинения вреда могут выражаться в снижении социального статуса, ухудшении отношений с родителями и другими людьми в окружении, а также возможности быть привлеченным к уголовной ответственности.

Кроме того, причинение вреда может являться признаком проблем в семье, школе и социальной среде, поэтому необходимо не только помочь причинителю вреда осознать свою ответственность, но и обеспечить ему необходимую поддержку и помощь в решении проблем, которые могут лежать в основе его поведения.

Важно помнить, что причинение вреда несовершеннолетними является серьезным нарушением и может привести к серьезным последствиям для всех участников процесса. Поэтому необходимо принимать меры для предотвращения таких ситуаций и помощи тем, кто уже столкнулся с этой проблемой.

В связи с чем автор предлагает родителям и опекунам принимать активное участие в воспитании и образовании детей, а также следить за их поведением, чтобы избежать возможных юридических последствий. Кроме того, возможно проведение профилактической работы среди несовершеннолетних, направленной на формирование правильных ценностных ориентиров и воспитание уважительного отношения к правам и свободам других людей, внедрение в школьную программу обучения правам и обязанностям граждан, а также ответственности за нарушение законов, усиление контроля со стороны государства за выполнением требований законодательства о защите прав несовершеннолетних и предотвращении причинения ими вреда другим людям.

Из статьи можно сделать вывод о том, что ответственность за причинение вреда может быть возложена на несовершеннолетнего и/или его родителей (опекунов), в зависимости от обстоятельств дела.

Другим важным выводом из статьи является то, что возраст несовершеннолетнего играет ключевую роль в определении его ответственности за причинение вреда. В соответствии с законодательством некоторые действия несовершеннолетних, совершенные до определенного возраста, не могут привести к уголовной ответственности.

Таким образом, несовершеннолетние, совершившие правонарушения до 14 лет, не могут быть привлечены к уголовной ответственности, однако их действия могут иметь гражданско-правовые последствия.

С возрастом от 14 до 18 лет ответственность за причинение вреда может быть возложена на несовершеннолетнего в соответствии с законодательством. В этом возрастном диапазоне существуют различные меры ответственности, которые могут быть применены к несовершеннолетнему, включая уголовную ответственность, административную ответственность или меры наказания, предусмотренные для несовершеннолетних, такие как исправительные работы или альтернативная социально-значимая работа.

Следовательно возраст является важным фактором в определении ответственности несовершеннолетнего за причинение вреда, и его учет в правовых процессах может способствовать более справедливому рассмотрению дел.

Библиографический список

1. Правовая ответственность несовершеннолетних за причинение вреда: теория и практика / А.С. Хромов. М.: Юрист, 2020.
2. Тарасова А.Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 275–276.
3. Савельева Н. М. Правовое положение ребёнка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовые аспекты. Самара: Универс-групп, 2006. С. 66.
4. Белякова А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 98.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022).

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ КОММЕРЧЕСКОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ

Гафизов Я.Ш., аспирант I курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Козлова М.Ю., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена особенностям использования коммерческого обозначения некоммерческими организациями в своей деятельности, а также возможности использования коммерческого обозначения для предоставления правовой охраны наименования некоммерческой организации в случаях, предусмотренных гражданским законодательством.

Ключевые слова: коммерческое обозначение, исключительное право на коммерческое обозначение, некоммерческие организации, наименование некоммерческой организации, средства индивидуализации, предпринимательская деятельность, приносящая доход деятельность.

FEATURES OF THE USE OF COMMERCIAL DESIGNATIONS BY NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Gafizov Ya.Sh., 1st year postgraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Kozlova M.Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the use of the commercial designation by non-profit organizations in their activities, as well as the possibility of using the commercial designation to provide legal protection of the name of a non-profit organization in cases provided for by civil legislation.

Keywords: commercial designation, exclusive right to a commercial designation, non-profit organizations, the name of a non-profit organization, means of individualization, entrepreneurial activity, income-generating activity.

Действующим законодательством некоммерческим организациям предоставляется право на использование в своей деятельности коммерческого обозначения, однако круг некоммерческих организаций, обладающих правом на использование в своей деятельности коммерческого обозначения ограничен. Согласно ГК РФ, некоммерческие организации вправе использовать коммерческое обозначение в своей деятельности, если ему законом и учредительными документами предоставлено право на осуществление предпринимательской деятельности (ст. 1538 ГК РФ). Использование некоммерческими организациями в своей деятельности коммерческого обозначения имеет ряд особенностей, вытекающих из цели создания некоммерческих организаций.

До настоящего времени понятие коммерческого обозначения в законе не определено, но указаны объекты индивидуализации – торговые, промышленные и другие предприятия [1], что также усложняет его использования некоммерческими организациями. Чтобы какое-либо обозначение признать коммерческим обозначением оно должно обладать следующими признаками:

- 1) должно обладать достаточными различительными признаками (различительность);
- 2) известность на определенной территории (локальная известность);
- 3) не должно являться наименованием;
- 4) не подлежит регистрации и обязательному включению в учредительные документы [1, 2].

Анализ норм параграфа 4 главы 76 ГК РФ о коммерческом обозначении показывает, что в качестве коммерческого обозначения могут быть использованы изобразительные, объемные или комбинированные элементы [3], что также подтверждается п.177 Постановления Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 10). Из чего О.А. Городов делает вывод о том, что «понятие «обозначение», используемое законодателем, шире понятия «наименование», которое имеет значение для третьих лиц и существует исключительно в письменной форме» [3]. Верховный суд РФ предложил наименованию некоммерческой организации предоставить правовую охрану как коммерческому обозначению в случаях, предусмотренных параграфом 4 главы 76 ГК РФ (п. 147 Постановления № 10 изложено предложение).

Цель коммерческого обозначения – индивидуализация части имущества (имущественный комплекс) юридического лица, при этом оно должно использоваться для осуществления предпринимательской деятельности. Коммерческое обозначение используется как дополнительное средство индивидуализации юридического лица наравне с другими средствами индивидуализации [3]. На основании чего О.А. Городов приходит к тому, что коммерческое обозначение как способ защиты наименования некоммерческой организации явно не подходит [4].

В соответствии с параграфом 4 главы 76 ГК РФ отличительной чертой некоммерческой организации, которая обладает правом пользования коммерческим обозначением, от других некоммерческих организаций является наличие права заниматься предпринимательской деятельностью. Коммерческое обозначение служит для индивидуализации принадлежащих некоммерческой организации торговых, промышленных и других предприятий (имущественных комплексов), используемых для осуществления предпринимательской деятельности.

С момента введения в гражданское право понятия приносящей доход деятельности некоммерческих организаций обнаружили определенные проблемы, связанные с его соотношением с предпринимательской деятельностью. В ГК РФ содержится легальное определение предпринимательской деятельности, согласно которой предпринимательской деятельностью является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. В то время как ГК РФ не упоминает о том, что понимается под приносящей доход деятельностью. Что послужило причиной появления различных подходов касательного того, как соотносится понятие предпринимательской деятельности и приносящей доход деятельности.

Верховный суд РФ считает понятия предпринимательской и приносящей доход деятельности схожими, определяя что на осуществляемую некоммерческой организацией приносящую доход деятельность, распространяются положения закона о предпринимательской деятельности (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Хотя и гражданское законодательство запрещает автономным некоммерческим организациям осуществлять предпринимательскую деятельность, однако запрета на осуществление приносящей доход деятельности нет. Из чего можно сделать вывод о том все некоммерческие организации, вне зависимости от того предоставлено ли им право осуществлять предпринимательскую деятельность или нет имеют право пользоваться коммерческим обозначением [5].

Высший арбитражный суд РФ при рассмотрении заявления автономной некоммерческой организации «Сибирский третейский суд» о запрете использования обществом с ограниченной ответственностью «Сибирское право» наименования «Сибирский третейский суд» в качестве обозначения постоянно действующего третейского суда делает вывод, что при таких обстоятельствах не могут применяться по аналогии положения гражданского законодательства о праве на коммерческое обозначение, в связи с тем что АНО «Сибирский третейский суд», является некоммерческой организацией, которая не осуществляет предпринимательскую деятельность (Определение ВАС РФ от 03.07.2012 N ВАС-8091/12 по делу N А27-9834/2011).

Таким образом, возникает довольно интересная, вводящая в заблуждение, ситуация, когда суды, обладающие правом трактовать ГК РФ, считают, что к некоммерческим организациям, занимающимся приносящей доход деятельностью, могут применяться нормы предпринимательского права, однако правом на использование коммерческого обозначения они не обладают.

Одним из способов решить данную проблему поможет расширение круга лиц, которым может быть предоставлено право на коммерческое обозначение, «расширение перечня объектов, для которого оно используется, а также введение в ГК РФ понятия коммерческого обозначения» [2].

в качестве обладателей исключительного права на коммерческое обозначение Е.В. Ульянова, Е.Ю. Пашкова и О.А. Рузакова выделяют некоммерческие организации, которым право осуществления коммерческой деятельности предоставлено в соответствии с законом их учредительными документами [1].

Такая позиция имеет право на существование, однако стоит учитывать то обстоятельство, что под коммерческой деятельностью понимается предпринимательская деятельность со всеми ее основными признаками, но осуществляемая в сфере торгового обращения [6, 7] из чего следует, что коммерческую деятельность является одним из видов предпринимательской деятельности. Таким образом выделение в качестве правообладателя на коммерческое обозначение некоммерческих организаций, занимающихся коммерческой деятельностью не только некорректно, но сужает круг некоммерческих организаций имеющих право на использование коммерческого обозначения в своей деятельности.

Коммерческое обозначение в качестве охраняемого объекта и самостоятельного средства индивидуализации стало использоваться относительно недавно для индивидуализации предприятий как имущественного комплекса. Нормы, устанавливающие правовой режим коммерческого обозначения построены с учетом того, что коммерческое обозначение индивидуализирует имущество некоммерческих организаций, которое после его отчуждения перестанет его индивидуализировать. В связи с чем предложение Верховного суда РФ о предоставлении правовой охраны наименованию некоммерческой организации как коммерческому обозначению, теряет смысл.

Коммерческое обозначение праве использовать только некоммерческие организации, которые самостоятельно, осуществляют на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг т.е. осуществляют предпринимательскую деятельность, так как до настоящего момента суды не имеют однозначной позиции по соотношению предпринимательской и приносящей доход деятельности.

Коммерческое обозначение целесообразно использовать для разграничения предпринимательской и некоммерческой деятельности. В связи с чем использование коммерческого обозначения оправдано лишь теми некоммерческими организациями, которые имеют в собственности предприятия (имущественный комплекс), используемые для осуществления предпринимательской деятельности.

Библиографический список

1. Право интеллектуальной собственности: В 3-х т. Т.3 / под ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2018. 432 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pravo_intellektualnoj_sobstvennosti_t_3_avtorskoe_pravo/
2. Свищева, Е.И. Коммерческое обозначение как средство индивидуализации в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Свищева Екатерина Игоревна; ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М., 2024. 236 л.
3. Еременко, В.И. Правовое регулирование коммерческих обозначений в соответствии с частью четвертой ГК РФ / В.И. Еременко // Законодательство и экономика. 2015. № 11. С. 7–15.
4. Городов, О.А. О режиме наименований некоммерческих организаций и коммерческих обозначений / О.А. Городов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2020. № 5. С. 2–9.
5. Дерюгина, Т.В. Предпринимательская или приносящая доход деятельность некоммерческих организаций: проблемы гражданско-правового регулирования / Т.В. Дерюгина // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 3. С. 12–17.
6. Андреева, Л.В. Коммерческое (торговое) право: Учебник / Л.В. Андреева. М.: «КНОРУС», 2012. 144 с.
7. Горьковенко, М.Л. О некоторых вопросах, связанных с соотношением понятий предпринимательская и коммерческая деятельность / М.Л. Горьковенко // Байкальский государственный университет. Том 1. Материалы VI Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 2018. С. 210–214.

ВРЕМЕННАЯ ПЕРЕДАЧА ЦИФРОВЫХ ПРАВ – ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ¹

Гончаров А.И., доктор юридических наук, профессор, Волгоградский государственный университет, Волгоград,
доктор экономических наук, профессор, Волгоградский филиал Российского государственного экономического университета, им. Г.В. Плеханова, Волгоград
Давудов Д.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский государственный университет, Волгоград

Аннотация. Сделки с цифровыми финансовыми активами начали проводиться в российской юрисдикции, застой, длившийся два года после вступления в силу профильного федерального закона закончился. Разработка проблематики оборота цифровых финансовых активов остается актуальной

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, правовая конструкция, сделка, передача прав, срок.

TEMPORARY TRANSFER OF DIGITAL RIGHTS – DIGITAL FINANCIAL ASSETS

Goncharov A.I., Doctor of Law, Professor, Volgograd State University, Volgograd,
Doctor of Economics, Professor, Volgograd Branch of Plekhanov Russian State University of Economics, Volgograd
Davudov D.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd State University, Volgograd

Abstract. Deals with digital financial assets began to be conducted in the Russian jurisdiction, the stagnation that lasted two years after the entry into force of the relevant federal law ended. The development of the issues of turnover of digital financial assets remains relevant

Keywords: digital financial assets, legal structure, transfer of rights, term, transaction

Следя методу системного толкования права возникает понимание того, что сделки, предусматривающие временную передачу цифровых прав, разновидностью которых являются цифровые финансовые активы [1], вполне допустимы. Такие сделки могут отражать ситуации передачи имущественных прав без смены их обладателя, также права могут передаваться и со сменой обладателя, но с условием последующего возврата, в объеме, равном ранее переданному. Полагаем, без смены обладателя цифровые финансовые активы передаются в доверительное управление, на депонирование, в залог. Передача цифровых финансовых активов на определенный срок с условием обратной передачи охватывает сделки, осуществляемые по конструкции продажи с правом (обязательством) обратного выкупа (по правилам, аналогичным сделке репо).

Учитывая нормативную трактовку имущества как совокупности вещей и имущественных прав (в их числе цифровых прав), закрепленную в ст. 128 ГК РФ, мы не находим запретов на передачу цифровых финансовых активов в доверительное управление, и положения ст. 1013 (п. 1) ГК РФ подтверждают наше утверждение. Раскрывая понятие «объекты доверительного управления», законодатель называет в том числе права, удостоверенные бездокументарными ценными бумагами, исключительные права и другое имущество. Несомненно, цифровые финансовые активы относимы к категории «другое имущество». Статья 1014 ГК РФ определяет в качестве учредителя доверительного управления, прежде всего, собственника имущества. Однако конструкция субъекта-собственника по отношению к имущественным правам не подходит, поэтому в текст ст. 1014 ГК РФ требуется дополнение в части обладателя имущественных прав, передаваемых в доверительное управление.

Колосов Д.Ю. верно отмечает, что существуют ситуации, когда лицо не в состоянии эффективно использовать свое имущество, например, при отсутствии специальных знаний, необходимых для извлечения доходов при использовании таких видов имущества, как ценные бумаги, исключительные права... [2, с. 1]. Цифровые финансовые активы представляют собой одновременно цифровые права и цифровые технологии для осуществления инвестиционных отношений, что достаточно сложно и сопряжено с риском. Вполне логично и ожидаемо, что обладатель цифровых финансовых активов в силу отсутствия инвестиционной профессиональной подготовки и (или) высокой занятости договорится с доверительным управлением, который в интересах правообладателя будет совершать различные действия, имеющие юридические последствия, с его цифровыми правами [3, с. 59]. Представим, например, недееспособного или ограниченно дееспособного обладателя цифровых финансовых активов, которые достались ему на законном каком-то основании. Возможен вариант управления наследственным имуществом, в состав которого входят эти цифровые права, в такой ситуации доверительное управление учреждается в силу закона. В подобных случаях нередко пауза или отказ в совершении юридических действий в отношении того или иного имущества может повлечь его утрату или уменьшение.

Требования законодателя к личности доверительного управляющего закреплены в ст. 1015 ГК РФ, однако упущен из внимания тот факт, что управляющему цифровыми финансовыми активами на доверии потребуется доступ в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. В каждый узел данной информационной системы оператором должно быть доведено сообщение для одобрения пользователями системы (в каждом узле) факта передачи определенных цифровых финансовых активов (измеряемых, допустим, в рублях) новому пользователю - доверительному управляющему. При этом место в системе (узле) за учредителем доверительного управления не утрачивается, однако правил формирования нового узла информационной системы для доверительного управляющего пока не выработано. Несомненно, что оператор информационной системы должен проверить легитимность запроса доверительного управляющего на пользование информационной системой. Получается, что необходима правовая оценка действительности договора доверительного управления. Рациональным решением видится представление оператору нотариально заверенной копии такого договора.

Статья 1018 ГК РФ содержит правило обособления имущества, переданного в доверительное управление от другого имущества учредителя доверительного управления. Следовательно, оператор информационной системы должен открыть отдельный от учредителя доверительного управления электронный кошелек доверительному управляющему. На этот кошелек оператором будут записываться и будут списываться с кошелька переданные в доверительное управление цифровые финансовые активы. Практическая реализация не вызывает особых вопросов, ясно, что и в записях информационной системы и в дублируемых записях по электронным кошелькам, должна фиксироваться информация. Во-первых, по объемам оборачиваемых цифровых финансовых активов, во-вторых, в части указания на то, что распоряжение указанными цифровыми правами осуществляется не их обладателем, а доверительным управляющим, который представляет интересы обладателя и управляет его активами на основании договора доверительного управления. В то же время, научная разработка правовой природы электронного кошелька, в который оператор информационной системы вносит записи о движении цифровых финансовых активов пока отсутствует.

Полагаем, нет предпосылок для пересмотра положений ст. 1020 ГК РФ, в которой регламентируются права и обязанности доверительного управляющего цифровыми финансовыми активами. Норм статей 1023, 1024, 1026 ГК РФ вполне достаточно для расчета суммы вознаграждения доверительного управляющего, а также для определения оснований прекращения-урчждения договора доверительного управления по основаниям, предусмотренным законом, при передаче в такое управление указанных цифровых прав.

Разсуждая о возможных особенностях практики применения правовых норм о цифровых финансовых активах следует абстрагироваться к аналогии доверительного управления бездокументарными ценными бумагами. Заслуживает поддержки Н.М. Ребельский, выделяющий три вида управления: индивидуальное (персонифицированное) доверительное управление; коллективное доверительное управление активами и резервами, составляющими имущество инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов и страховых организаций; доверительное управление по схеме общих фондов банковского управления [4, с. 4]. Полагаем, аналогичными будут варианты управления и цифровыми финансовыми активами.

Передача цифровых финансовых активов без смены обладателя на депонирование – второй вариант исследуемой временной передачи цифровых прав. Смысл депонирования прав состоит в юридических последствиях постфактум такого действия – это обездвиживание прав, пусть это цифровые права, пусть это будет их разновидность – цифровые финансовые активы. Направленность подобных сделок напоминает конструкции хранения, однако положения гл. 47 ГК РФ, регламентирующей отношения, возникающие по условиям договора хранения, распространяются только на случаи передачи на хранение материальных ценностей – вещей. Сохранность цифровых прав (виртуальных объектов-записей, существующих только внутри реестров информационных систем) будет основана на их юридической природе. Согласно ст. 14.1.1 ГК РФ осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение возможны только в информационной системе. Получается, что мы снова встречаемся с функционалом оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. Предполагим, что по какому-либо законному поводу правообладатель договорился с неким кредитором-залогодателем и по сделке получил от него денежный займ, подкрепив свою состоятельность как должника передачей ему в залог цифровых финансовых активов в определенном объеме. Здесь мы приходим к пониманию о практических действиях оператора информационной системы, которые показаны выше в связи с деятельностью доверительного управляющего. Залогодателю открывается электронный кошелек, в который записываются цифровые финансовые активы в конкретном объеме, можно рекомендовать предоставить оператору информационной системы нотариально заверенную копию договора займа.

Депонирование осуществляет только профессиональный участник рынка ценных бумаг – юридическое лицо специальной правосубъектности – депозитарий. Очевидно, в том случае, если некие цифровые финансовые активы будут депонированы в лицензированном депозитарии, такой субъект тоже будет иметь отдельный узел и отдельный электронный кошелек в информационной системе, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. Отметим, что невозможно, чтобы цифровые финансовые активы оказались бы депонированы в депозитарии раньше, чем оператор информационной системы проведет практические действия по вводу депозитария в информационную систему, где были выпущены и обращаются конкретные цифровые финансовые активы. Депозитарий, со своей стороны, обязан заключить с обладателем цифровых финансовых активов, передающим их на депонирование договор как с депонентом о счете депо. Подобное договорное взаимодействие может быть реализовано на основе существующей регламентации условного депонирования (эскроу), путем депонирования нотариусу.

Законодатель в ст. 6 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ [1] неоднократно уточняет регулирование счета депо. Прежде всего, это касается регламентации порядка взаимодействия оператора информационной системы, в которой осуществлен выпуск цифровых финансовых активов, и депозитария (держателя реестра) цифровых финансовых активов, открывшим лицевой счет (счет депо) цифровых финансовых активов. Практическое взаимодействие ведется между депозитарием – профессиональным участником рынка ценных бумаг – и депонентом, который является обладателем цифровых финансовых активов. В ряде случаев, установленных нормами ч. 4 ст. 2 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ [1], депозитарий именуется «номинальным держателем цифровых финансовых активов». Положения ст. 7 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ [5] относительно депонирования цифровых финансовых активов по конструкции договора о счете депо предусматривают, что смысл деятельности депонента – это оказание услуг по учету цифровых прав. Договор о счете депо должен заключаться в письменной форме, причем условия осуществления депозитарием депозитарной деятельности рассматриваются законодателем в качестве неотъемлемой части договора, такие условия утверждаются депозитарием. Следовательно, договор о счете депо, заключаемый относи-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения гранта Российского Научного Фонда (проект № 23-28-00475).

тельно цифровых финансовых активов не может считаться разновидностью договора хранения, регламентация которого осуществляется нормами главы 47 ГК РФ. Поскольку в соответствии с положениями ст. 885 ГК РФ на хранение может передаваться только такой объект гражданских прав, который является материальной ценностью (вещью).

В статье 7 (п. 14) Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ [5] законодатель устанавливает, что приобретение депозитарием статуса номинального держателя цифровых финансовых активов не означает предоставления ему возможности самостоятельного осуществления и распоряжения этими цифровыми активами. По общему правилу, депозитарий – номинальный держатель цифровых финансовых активов – получает полномочия распоряжаться цифровыми финансовыми активами, передавать их в залог или устанавливать их обременение другими способами только по указанию депонента. Такому депоненту должен быть открыт счет депо в рамках функционирования информационной системы, в которой ведется учет цифровых финансовых активов. Такие записи делаются только оператором информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, по указанию обладателя цифровых финансовых активов. Как отмечено выше, это потребует допуска депозитария в соответствующую информационную систему. В итоге получится, что внутри электронного кошелька депозитария будет расположен электронный кошелек депонента (как матрешка в матрешке) в данной информационной системе. Можно дискутировать о целесообразности передачи депозитарию цифровых финансовых активов, но в показанной ситуации очевидна громоздкая и излишняя роль депозитария, как дополнительного посреднического звена в цепочке отношений нескольких субъектов.

Цифровые финансовые активы, учтенные депозитарием на счете депо, должны обособляться от других прав, принадлежащих депозитарию. На депонированные цифровые права – цифровые финансовые активы не может обращаться взыскание по долгам депозитария. Обособление цифровых финансовых активов, учтенных на счете депо, должно подтверждаться выпиской депозитария. Согласно статье 7 (п. 18) Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ [5] депозитарию предписано по требованию правообладателя предоставить цифровые финансовые активы, учтенные на счете депо, в распоряжение правообладателя или лица, указанного правообладателем. Об этом в информационную систему, как отмечено выше, оператор вносит, на основании которой сведения о данных цифровых финансовых активах списываются со счета депо соответствующего депонента. Пошаговый порядок зачисления (списания) цифровых прав – цифровых финансовых активов номинальному держателю регламентируется Указанием Банка России от 3 декабря 2020 г. № 5646-У [6].

Принципиальное отличие депозитарного договора, заключенного в отношении цифровых прав – цифровых финансовых активов, от договора доверительного управления такими правами, имеется. Если доверительный управляющий принимает решения, касающиеся осуществления прав, переданных ему в доверительное управление самостоятельно, то депозитарий действует только в рамках выполнения указаний обладателя цифровых финансовых активов, являющегося депонентом. Здесь выявляется противоречие между нормами п. 1 и п. 14 статьи 7 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ [5]. Так, в соответствии с п. 1 ст. 7 закона о рынке ценных бумаг сущность деятельности депозитария, применительно к обороту прав, обозначаемых российским законодателем как цифровые права, ограничивается сферой оказания услуг по учету таких прав. В то же время, в соответствии с п. 14 этой же статьи 7 закона о рынке ценных бумаг: «депозитарий по указанию депонента осуществляет цифровые права последнего, распоряжается ими, передает в залог или устанавливает их обременение другими способами в информационной системе без обращения к третьему лицу» [5]. Необходимо путем новой редакции устранить противоречия между положениями пункта 1 и пункта 14 статьи 7 закона о рынке ценных бумаг; правомочия по осуществлению прав депонента – обладателя цифровых прав – цифровых финансовых активов должны быть закреплены в тексте пункта 1 статьи 7 закона [5].

Залог, передача цифровых финансовых активов на определенный срок с условием обратной передачи рассматриваются в другой нашей работе.

Библиографический список

1. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102801500&rdk=&linkid=0&intelsearch=> (дата обращения 26.03.2023).
2. Колосов Д.Ю. Договор доверительного управления имуществом в российском гражданском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.
3. Тимофеева Р.И., Голобородкина Е.В. Доверительное управление имуществом // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 2 (44). С. 57–62.
4. Доверительное управление финансовыми активами на рынке ценных бумаг: учеб. пособие / Н.М. Ребельский. М., 2019. 223 с.
5. «О рынке ценных бумаг». Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ. Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102040905&rdk=> (дата обращения 31.03.2023).
6. «О случаях и порядке зачисления цифровых финансовых активов номинальному держателю цифровых финансовых активов, который учитывает права на цифровые финансовые активы, принадлежащие иным лицам». Указание Банка России от 3 декабря 2020 г. № 5646-У // «Вестник Банка России». 2021. № 6.

УДК 347.919.3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ПО ИСКАМ О ВЗЫСКАНИИ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ПО КРЕДИТНОМУ ДОГОВОРУ

Деева Н.В., магистрант юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Научный руководитель: Козлова М.Ю., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматривается институт заочного судопроизводства по гражданским делам, порядок вынесения заочного решения суда, производится сравнение обычного и заочного решения суда, выявляются и анализируются актуальные проблемы, связанные с вынесением заочного решения суда.

Ключевые слова: заочное производство, заочное решение суда, гражданское производство, актуальные проблемы гражданского производства.

ACTUAL PROBLEMS OF TRIAL IN ABSENTIA IN CIVIL CASES ON CLAIMS FOR DEBT COLLECTION UNDER A LOAN AGREEMENT

Deeva N.V., master student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Scientific adviser: Kozlova M.Y., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article examines the institution of absentee proceedings in civil cases, the procedure for making a court decision in absentia, compares the usual and absentee court decisions, identifies and analyzes current problems associated with making a court decision in absentia.

Keywords: correspondence proceedings, court decision in absentia, civil proceedings, actual problems of civil proceedings.

Современное развитие института гражданско-правовых отношений повлекло за собой увеличение гражданско-правовых споров. В связи с поступающими в большом количестве исковыми заявлениями в суды общей юрисдикции актуальным является ускорение производства и рассмотрения в короткие сроки. Вынесение заочного решения является как раз таким инструментом для быстрого восстановления нарушенных прав и свобод.

Сам институт заочного производства не новый и первые упоминания о нем встречаются еще в древнеримском праве. Свою историю в России институт заочного производства начинает с закрепления в Уставе гражданского судопроизводства норм о рассмотрении дел заочными решениями в судах общих и мировых. [1, гл. 8, ст. 145–155, с. 76–80]. Хотелось бы отметить, что понятие заочного решения на тот момент было аналогично современному.

В действующем Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации институту заочного производства посвящена целая глава. [2, глава 22]. Из текста статьи 233 ГПК РФ следует, что заочным решением суда является разновидность судебного решения, вынесенного в порядке упрощенного производства в случае неявки в судебное заседание ответчика, извещенного о времени и месте судебного заседания, не сообщившего об уважительных причинах неявки и не просившего о рассмотрении дела в его отсутствие.

При рассмотрении дела в порядке заочного производства суд проводит судебное заседание в общем порядке, исследует доказательства, представленные лицами, участвующими в деле, учитывает их доводы и принимает решение, которое именуется заочным. [там же, ст. 234].

Множество дел, рассматриваемых в порядке заочного производства – это дела, связанные с кредитным договором. В последнее время возросло количество создаваемых микрофинансовых организаций, банки вводят новые «приятные» условия кредитования, получить займ становится возможным не выходя из дома, в медийном секторе все чаще появляется агрессивная реклама с привлечением известных лиц, на каждом шагу население предлагают кредитные карты и карты расрочки.

Бесспорно, законодателем принимаются меры, направленные на предотвращение закредитованности граждан. Однако, после пережитой пандемии большая часть населения потерпела кризис, связанный с потерей работы или снижением уровня дохода, в связи с чем произошел рост кредитования физических лиц.

По данным исследования Национального бюро кредитных историй (НБКИ), за последние пять лет выдачи кредитных карт в стране выросли на 92% в количественном выражении и на 163% – в денежном [3].

В опубликованных материалах Центрального банка Российской Федерации под названием «Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования на основе данных бюро кредитных историй (второе полугодие 2022 года)» приводятся данные, свидетельствующие о том, что общее количество заемщиков достигло 46 млн человек. При этом, самая высокая долговая нагрузка (более 1 млн руб. в среднем) наблюдается среди возрастной группы от 33 до 38 лет, а сама динамика кредитования населения существенно отличается по регионам. [4].

С увеличением числа получаемых кредитных займов, возросло и количество поступивших исковых заявлений в суды общей юрисдикции о расторжении кредитных договоров и взыскании по ним задолженности. При этом, форма искового заявления у каждого банка шаблонная, меняются данные должника и сведения о ранее заключенном с ним договоре. Часто, указывая адрес должника (ответчика) истцом указывается только адрес регистрации, указанный в паспорте. К исковому заявлению прикладываются копии договора займа (кредитования), расчет суммы задолженности, сведения о требованиях погасить задолженность, сведения о направлении копии искового заявления ответчику. В большинстве случаев к исковому заявлению прикладывается ходатайство о рассмотрении в отсутствие представителя истца, в котором указывается согласие на рассмотрении е дела в порядке заочного производства. В исковых требованиях, помимо основных требований, по вступлении решения в законную силу указывается дополнительное требование о направлении исполнительного листа либо взыскателю, либо для исполнения в территориальный отдел службы судебных приставов.

После поступления в суд искового заявления о расторжении кредитного договора и взыскании по нему задолженности, со всеми вышеперечисленными данными, судья выносит определение о принятии к производству, сторонам заказным почтовым отправлением с уведомлением направляется извещение о месте и времени судебного заседания. Если к назначенному времени ответчик в судебное заседание не явился, об уважительных причинах его неявки не сообщил и не просил о рассмотрении дела в его отсутствие, то судья выносит определение о рассмотрении дела в порядке заочного производства. По результатам рассмотрения поступивших материалов, выносятся заочное решение. Копия заочного решения направляется ответчику заказным почтовым отправлением в течение трех дней с момента вынесения, либо изготовления решения суда в окончательной форме.

Вступает в законную силу заочное решение суда по истечении сроков его обжалования, предусмотренных ГПК РФ. [2, ст. 237]. В целях реализации принципа правовой определенности и в случае отсутствия у суда сведений о вручении копии заочного решения ответчику такое решение суда вступает в законную силу по истечении совокупности следующих сроков: трехдневного срока для направления копии решения ответчику, семидневного срока, предоставленного ответчику на подачу заявления об отмене вынесенного решения и месячного срока на обжалование заочного решения в апелляционном порядке. [5, Процессуальные вопросы, вопрос 14]. На практике, копия заочного решения, направленная ответчику заказным почтовым отправлением, возвращается отправителю в связи с истечением срока хранения или по иным обстоятельствам.

Таким образом, рассмотрение искового заявления в порядке заочного производства существенно сокращает затраченное процессуальное время на судебное разбирательство. Однако, можно сделать предположение о нарушении прав ответчика, поскольку он не принимал участие в судебном разбирательстве и не мог приводить свои доводы, предъявлять доказательства.

На основании указанного в исковом заявлении требования истца о выдаче исполнительного листа, и в случае удовлетворения исковых требований, по вступлении заочного решения суда в законную силу, выдается исполнительный лист, на основании которого службой судебных приставов возбуждается исполнительное производство.

И тут возникает ситуация, при которой должник по исполнительному производству (ответчик) узнает о вынесении в отношении него заочного решения суда, уже после того, как судебный пристав-исполнитель выносит постановление о возбуждении исполнительного производства и производит взыскание.

Ответчик, заинтересованный в защите своих прав, обращается в суд, вынесший данное заочное решение суда, с заявлением об отмене это решения. Среди обстоятельств, свидетельствующих об уважительности причин неявки ответчика в судебное заседание, указываются следующие: не проживание по адресу регистрации, смена адреса регистрации и проживания, нахождение в отъезде по семейным обстоятельствам или командировке, нахождение на лечении и другие.

Заявление об отмене заочного решения суда рассматривается судом в судебном заседании в течение десяти дней со дня его поступления в суд. Неявка лиц, участвующих в деле и извещенных о времени и месте судебного заседания, не препятствует рассмотрению заявления. [2, ст. 240]. После отмены заочного решения суда возобновляется рассмотрение гражданского дела, по существу. [2, ст. 243].

На примере чего можно сделать вывод, что вынесение заочного решения суда не только нарушает права и законные интересы ответчика, как стороны гражданского судопроизводства, но и, как правило, приводит к увеличению судебной нагрузки, т.к. требуется проведение как минимум еще одного судебного заседания о рассмотрении вопроса об отмене заочного решения.

Судейское сообщество активно пользуется таким способом рассмотрения дела в порядке заочного производства, обосновывая это снижением уровня нагрузки при рассмотрении дел и маленьким процентом обжалования. Но, принимая во внимание низкий уровень правосознания населения, отсутствие времени, связанного с работой, либо отсутствия финансов для обращения за юридической консультацией, не каждый имеет возможности для отмены или обжалования заочного решения суда.

Рассматривая действия суда, можно сделать вывод, что они достаточно обоснованы и соответствуют правовым нормам. Ответчику направляется с уведомлением извещение о назначении слушания и, по итогам рассмотрения, копия заочного решения суда. Однако, процессуальные документы направляются по адресу, указанному в исковом заявлении, который на момент судебного разбирательства может быть недействительным. В настоящее время, у судов общей юрисдикции не предусмотрена система межведомственного электронного взаимодействия, позволяющая через государственную автоматизированную систему Российской Федерации «Правосудие» запрашивать необходимую информацию о регистрации физического лица. Судья может в рамках подготовки дела к судебному разбирательству направить письменный запрос в ИЦ ГУ МВД России, ответ на который может поступить уже после рассмотрения дела в судебном заседании.

Аналогично, может возникнуть ситуация, при которой ответчик действительно зарегистрирован по указанному адресу, но проживает в другом месте, не указанном истцом, либо долгое время отсутствует по месту регистрации. Невозможно исключить и проблему, связанную с работой почтовой службы. Нередко, в обосновании требований об отмене заочного решения указывается, что почтовый путает адрес, либо в отдаленных населенных пунктах (селах) почтовая корреспонденция вообще не доставляется.

Обращая внимание на зарубежный опыт важно отметить, что в некоторых странах, например, во Франции извещение сторон производится лично судебным приставом, при этом если судебный пристав исчерпал все возможные способы для вручения, он обязан предоставить суду подтверждающие доказательства. [6, стр. 101].

В современных условиях, с развитием гражданского судопроизводства является необходимым введение новых систем направления сторонам процессуальных документов. Так, например, с конца 2021 стало возможным направление искового заявления, заявления, жалобы, представления и иных документов в электронном виде в суд посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг». [7, ст. 1 п. 1]. Данное нововведение активно используется и реализуется на практике судов. При этом, у суда напротив отсутствует возможность направления судебных извещений и решений суда посредством портала государственных и муниципальных услуг.

Судебная система Российской Федерации находится в постоянном развитии и совершенствовании. Судебным департаментом при Верховном суде РФ реализуется программа по информатизации судов и цифровизации судопроизводства. Однако, в полной мере эта программа еще не реализована и находится в стадии внедрения.

Вернувшись к сущности заочного решения, важно также отметить, что основания для вынесения заочного решения и обычного решения одинаковые, различие состоит в согласии истца на рассмотрение в порядке заочного производства. Таким образом, инициатива выбора порядка рассмотрения находится у судьи. И используя заочное производство, как более простой и быстрый способ рассмотрения дел, многие суды общей юрисдикции по некоторым категориям дел искового производства (например, о взыскании задолженности по кредитным платежам, о взыскании задолженности за жилищно-коммунальные услуги и другие) уменьшают таким образом рабочую нагрузку.

Подводя итог, можно сказать, что в настоящее время институт заочного производства в гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации не до конца регламентирован, а система направления судебной корреспонденции почтовыми отправлениями устарела и требует модернизации.

Библиографический список

1. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. Устав гражданского судопроизводства. Издание Государственной канцелярии. СПб., 1866. С. 690.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Российская газета. 20.11.2002 г. № 220.
3. Россияне в 2021 году оформили рекордное количество кредитов / [Электронный ресурс] // Агентство экономической информации ПРАЙМ: [сайт]. Москва, 1996. URL: <https://prime.ru/finance/20220211/836036769.html> (дата обращения: 28.05.2023).
4. Информационно-аналитический материал «Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования на основе данных бюро кредитных историй». Банк России. Москва, 2023. URL: <http://cbr.ru/analytics/finstab/bki/> (дата обращения: 15.03.2023)
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 10 (извлечение).
6. Батычко, В. Т. Исполнительное производство в зарубежных странах // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnitelnoe-proizvodstvo-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 15.03.2023).
7. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 10.01.2022. № 1.

УДК 342.553

ПРОБЛЕМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ДЕЛАХ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Захарова К.Г., магистрант 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Агibalова Е.Н., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье проанализированы проблемы злоупотребления правом в российской правоприменительной практике потребительских споров. На базе судебной практики автором исследованы примеры недобросовестного поведения сторон, рассмотрен вопрос наличия проявлений потребительского экстремизма.

Ключевые слова: злоупотребление правом, недобросовестное поведение, потребитель, защита прав потребителей, потребительский экстремизм

PROBLEMS OF ABUSE OF LAW IN CASES INVOLVING CONSUMERS

Zakharova K.G., 2nd year Master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific supervisor: Agibalova E.N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article analyzes the problems of abuse of law in the Russian law enforcement practice of consumer disputes. On the basis of judicial practice, the author investigated examples of unfair behavior of the parties, considered the issue of the presence of manifestations of consumer extremism.

Keywords: abuse of law, unfair behavior, consumer, consumer protection, consumer extremism.

Первой проблемой являются разночтения в гражданском судопроизводстве по вопросу содержания понятия злоупотребления правом. Наиболее часто злоупотребления суды рассматривают как следствие недобросовестности и связывают их с выходом за пределы осуществления гражданских прав [1], с причинением вреда другим лицам (в том числе без умысла) [2], с использованием недозволенного способа правоусуществления [3], с наличием негативных последствий [4].

Специфика злоупотребления правом в делах с участием потребителей (и по сути вторая проблема) обусловлена правовым положением участников спорных правоотношений. Это индивидуальные предприниматели и юридические лица (далее профессиональные участники) и граждане-потребители, вступающие в правоотношения с целью удовлетворения личных нужд. Недавно Роспотребнадзор в своем Письме от 28.12.2022 № 09-22204-2022-40 «О субъектах осуществления федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей» наметил тенденцию к возможности включение в список ответчиков самозанятых граждан по решению суда.

Несмотря на присущую правовой системе в целом двойственность, в области потребительских правоотношений проблема злоупотребления правом на законодательном уровне, до сих пор рассматривается исключительно с позиции создания дополнительных гарантий для потребителя, при том, что за ними уже законодательно закреплено

немало различных предпочтений, как то: распределение бремени доказывания, презумпции надлежащей эксплуатации товара в период гарантийного срока, специальные виды неустоек и штрафов, возмещение убытков в полном объеме; компенсация морального и др.

Юридическая слабость потребителя презюмируется, необходимость включения в законодательство норм об ответственности потребителя в случае его недобросовестного поведения отрицается. Особенно странно это выглядит на фоне проводимых в научных кругах в настоящее время исследований по проблеме установления понятия и признаков слабой стороны [5].

Высокий уровень защиты в отсутствие норм об обязанностях и ответственности потребителя за предъявление безосновательных претензий приводят на практике к перегруженности судебной системы и нарушению справедливого баланса интересов.

Анализ практики говорит, что суды при рассмотрении дел о защите прав потребителей исследуют взаимосвязь с нормами закона о злоупотреблении правом реже, чем по делам других категорий; а по результатам рассмотрения чаще всего «злоупотребление потребителем своими правами из материалов дела не усматривается», а недобросовестными признаются действия предпринимателей. В рамках статьи будут приведены примеры злоупотреблений с каждой из сторон.

Начать предлагается с проявлений «потребительского экстремизма». В текущий период глобальных последствий пандемии, а также серьезной геополитической и макроэкономической санкционной политикой недружественных стран в отношении РФ в предпринимательских кругах (и как следствие в судебном делопроизводстве) данное словосочетание встречается чаще, а количество агрессивно настроенных потребителей сильно растет.

Правительство РФ законодательно закрепляет термин не спешит и говорит о том, что нечто, что «воспринимается предпринимательским сообществом как проявление потребительского экстремизма» [6] является плодами деятельности недобросовестных посредников и объясняется не злым умыслом граждан, а их излишней доверчивостью.

Решить данную проблему Правительство РФ предлагает через реализацию программ просвещения, проведение органами власти разъяснительной работы, размещение актуальной информации по вопросам защиты прав потребителей (в том числе образцы претензий и заявлений) на общедоступных государственных информационных ресурсах, активную работу с обращениями граждан. Очевидно, что в ближайшей перспективе ждать пересмотра позиции на законодательном уровне или хотя бы каких-то послаблений для предпринимателей не стоит.

Стоит отметить, что наличие юридического бизнеса посредников, основанного на выкупе у потребителей прав требования либо представления их интересов в суде, признается и предпринимателями, при этом истинные мотивы потребителя они видят не в защите нарушенных прав, а в получении материальной выгоды. Представляется полезной классификация требований потребителей, предложенная Беловым В.А.:

1) изначально правомерное требование потребителя, основанное на нормах закона и неправомерном поведении продавца (контрагента) и подлежащее, по мнению последнего или суда, удовлетворению;

2) изначально правомерное требование потребителя, основанное на нормах закона и неправомерном поведении продавца (контрагента), но являющееся несоразмерным последствиям допущенного нарушения;

3) изначально противоправное требование потребителя, основанное на неправомерном поведении самого потребителя [7].

К потребительскому экстремизму тяготеют требования из 2 и 3 групп.

Статистика Роспотребнадзора по Волгоградской области свидетельствуют о среднем ежегодном приросте обращений граждан [8]: за 2022 от граждан поступило 4410 жалобы на нарушение прав потребителей, а за 1 квартал 2023 уже 1071 жалобы. Наиболее «проблемными» секторами являются торговля, услуги связи и ЖКХ, деятельность на рынках медицинских услуг и финансов.

По статистике судебных дел по различным данным за последние годы порядка 70–80% потребительских исков удовлетворяются, примерно половина из них – частично (зачастую за счет снижения судом неоправданно высокого размера морального вреда, судебных издержек, неустойки и убытков потребителя), а общие суммы к взысканию по ним ежегодно растут.

Классическим примером потребительского экстремизма являются дела о расторжении договора купли-продажи, взыскании денежных средств, разницы в цене автомобиля, неустойки, убытков, штрафа, компенсации морального вреда. Учитывая сильнейший рост цен за последние несколько лет на автомобили, а также их стоимость, подобные дела в сфере автобизнеса появляются регулярно. В большинстве случаев суд становится на сторону беззащитного потребителя, но и иногда профессиональным участникам рынка удается свою позицию отстоять (например, Решение Бутырского районного суда г. Москвы от 08.11.2017 по делу № 2-2426/17, Апелляционные определения Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.02.2018 по делу № 33-2331/2018, по делу № 33-6221/2019, от 24.05.2019 по делу № 33-20874/19, от 08.07.2021 по делу № 33-9172/2021, Определение шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28.06.2021 по делу № 88-11918/2021 и др.), хоть и не всегда в связи с признанием судом злоупотребительного поведения со стороны граждан-истцов.

Более подробно хотелось бы рассмотреть 2 дела из правоприменительной практики, связанных с попыткой возврата автомобиля покупателем продавцу в связи с возникновением в нем недостатка. Суть недостатка в совокупности с поведением потребителя при его возникновении, предъявление требований напрямую к импортеру (изготовителю) как более платежеспособному участнику, запрашиваемый в иске размер компенсаций по сравнению со стоимостью покупки заставляют задуматься всех, кроме суда первой инстанции, о соблюдении принципа добросовестности инициатором спора.

Первым примером выступает спор между КРОО ОЗПП «Регион Защита», действующей в интересах потребителя, и группой ответчиков в составе импортера и 2 официальных дилеров марки KIA в связи «с нарушением целостности кожного покрытия обивки передних сидений водителя и пассажира» [9] в приобретенном истцом за 1619900 рублей автомобиле. Изначальное досудебное требование потребителя о безвозмездном устранении недостатка в гарантийный период на момент подачи искового заявления сменялось требованием о расторжении договора купли-продажи (при наличии незначительного и не препятствующего эксплуатации недостатка) и о взыскании в пользу истца порядка 6,5 миллионов рублей ввиду отказа ответчиков в добровольном порядке удовлетворить требования покупателя. Решением суда исковые требования удовлетворены частично, с изготовления взысканы денежные средства на устранение недостатка, а также убытки и компенсация морального вреда на сумму чуть меньше 175 000 рублей.

Вторым примером является нашумевшее дело по иску волгоградского депутата к ООО «Ягуар Ленд Ровер», судебное разрешение которого дошло до рассмотрения Верховным судом РФ [10]. Фабула спора: после покупки за 6309074 руб. автомобиля в салоне официального-дилера марки, 3 лет эксплуатации и очередного гарантийного ремонта в связи с обнаружившимся недостатком (утечка антифриза) потребитель решил вернуть автомобиль напрямую дистрибьютеру. В добровольном порядке требования удовлетворены не были. Суд первой инстанции истцу в удовлетворении исковых требований отказал, однако по результатам рассмотрения апелляционной жалобы по делу было принято новое решение о частичном удовлетворении исковых требований и взыскании в пользу потребителя почти 11 млн рублей. После рассмотрения кассационной жалобы ответчика Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации нашла ее подлежащей удовлетворению, указав в своем Определении в том числе на обязанность суда апелляционной инстанции «определить, соответствует ли предъявление истцом требования о расторжении договора купли-продажи автомобиля принципу добросовестности». При повторном рассмотрении гражданского дела судом апелляционной инстанции решение суда первой инстанции оставлено без изменения, апелляционная жалоба истца без удовлетворения, таким образом, в исковых требованиях истца было отказано в полном объеме.

Однако вступившее в законную силу первоначальное определение апелляционной инстанции Волгоградского областного суда было исполнено сторонами по делу: ответчиком истцу были перечислены денежные средства, а истцом ответчику был передан спорный автомобиль.

После вынесения нового решения по делу ООО «Ягуар Ленд Ровер» обратилось в суд с заявлением о повороте исполнения апелляционного определения в связи с невозможностью исполнения своей обязанности по передаче транспортного средства потребителю в натуре и зачете взаимных требований. После рассмотрения вопроса в 2 инстанциях Постановлением Президиума Волгоградского областного суда от 26 декабря 2018 года дело было направлено на новое апелляционное рассмотрение в судебную коллегия по гражданским делам Волгоградского областного суда, по результатам которого была определена сумма подлежащая взысканию с покупателя, оставшегося без автомобиля в результате исполнения решения по делу, в размере 6 205 280 руб.

Таким неоднозначным способом, напоминающем сказку «О рыбаке и рыбке», был разрешен вопрос и восстановлен баланс интересов сторон правоотношения.

Далее предлагается изучить судебную практику по вопросу злоупотребления со стороны профессиональных участников. Суды полагают, что в действиях потребителя отсутствует факт злоупотребления правом, если в действиях коммерсанта усматривается вина, например, им некачественно выполнены работы; ответчик не приводит доказательств того, что потребитель, предъявляя соответствующие требования, злоупотребляет своими правами.

После принятия поправок в Закон РФ от 27.11.1992 N 4015-1 (ред. от 29.12.2022) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и введения 14-дневного периода охлаждения, в течение которого страхователь вправе отказаться от заключенного договора страхования и вернуть уплаченные за него денежные средства, недобросовестные исполнители нашли другую лазейку, позволяющую им извлекать преимущество из их недобросовестного поведения за счет уменьшения материального блага приобретателя услуг путем заключения опционных и абонентских договоров по следующей схеме. Сторонами такого вида споров неизменно выступают физическое лицо, оформляющее кредит на покупку автомобиля, и организация, обязующаяся по требованию потребителя в период действия договора произвести за него выкуп залогового автомобиля/оказать консультационные услуги/услуги по предоставлению доступа к неперпидическому изданию (подписки)/ юридическую поддержку/комплекс услуг по оказанию технической помощи автомобилю и др., себестоимость которых в разы ниже цены договора. В досудебном порядке потребителю в удовлетворении требований отказывают. Зачастую, в нарушение норм ЗоЗПП, по таким спорам установлена договорная подсудность.

Несмотря на однозначное законодательно закрепленное право потребителя на односторонний отказ от договора, судебная практика по такого рода спорам вплоть до 2022 года оставалась разнородной.

При удовлетворении требований потребителей суды чаще всего доводы ответчика признавали основанными на неверном толковании норм материального права, спорные заключенные опционные и абонентские договора договорами возмездного оказания услуг и разрешали вопрос по существу основываясь на нормах ЗоЗПП. В качестве примеров можно привести Решение Шахунского районного суда Нижегородской области от 24.02.2022 по делу № 2-102/2022, Решение Шатурского городского суда Московской области от 25.02.2022 по делу № 2-111/2022, Решение Шелеховского городского суда Иркутской области от 17.02.2022 по делу № 2-251/2022, Решение Мещанского городского суд Московской области от 12.05.2022 по делу №2-3810/2022, Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 31.03.2022 по делу № 33-11115/2022, Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 21.12.2022 по делу № 33-14539/2022

С исследовательской точки зрения гораздо интереснее мотивация суда при вынесении решения об отказе в удовлетворении требований потребителя. По результатам анализа судебной практики можно выделить следующие причины:

1) Условиями заключенного сторонами договора установлено, что услуга, выступающая предметом договора, фактически оказана сразу после покупки (например, в момент активации карты либо после предоставления доступа к материалам в день заключения договора) и потому оснований для расторжения исполненного договора нет [11];

2) Имеется подписанное сторонами соглашение о расторжении договора, направленное ответчиком истцу после получения им досудебной претензии, в тексте которого согласована сумма возврата с удержанием понесенных ответчиком расходов [12];

3) Добровольность заключения сторонами спорного договора, отсутствие доказательств совершения ответчиком действий, свидетельствующих о злоупотреблении свободой договора, признание опционного (абонентского) договора самостоятельным договорным типом, по природе тяготеющему к обеспечительному договору, регулирование которого не попадает под ЗоЗПП [13].

Отдельно стоит отметить, что во всех неудовлетворительных решениях, судами оцениваются действия сторон на предмет добросовестности и разумности действий, но несмотря на наличие «негативных последствий» для потребителя в форме материального вреда, «под которым понимается всякое уменьшение материального блага. Сюда могут быть включены уменьшение или утрата дохода, необходимость новых расходов» [14], признаков злоупотребления правом сторонами судом не выявлено.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблемы злоупотребления правом в делах с участием потребителей глубоко специфичны. На законодательном уровне возможность злоупотребительного поведения со стороны граждан, по сути, отрицается, подменяясь проблемой недостаточной правовой грамотности и излишней доверчивостью потребителя. На уровне правоприменения ввиду огромного количества рассматриваемых дел благодаря усилиям представителей ответчиков происходит постепенное смещение фокуса: слабость и добросовестность потребителя понемногу переходит из разряда презюмирующихся в разряд подлежащих доказыванию. В мотивировочной части судебных решений по данной категории споров все чаще встречаются отсылки к ст.10 ГК РФ, но определяющими они по большей части все еще не становятся. В целях восстановления баланса интересов, приведения судебной практики к справедливому единообразию, безусловно необходима коррекция законодательной базы

Библиографический список

1. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.06.2016 № 52-КГ16-4 URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2023).
2. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.06.2019 № Ф06-48135/2019 по делу № А12-24959/2018 URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2023).
3. Определение Верховного Суда РФ от 20.10.2015 № 18-КГ15-181 URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2023).
4. Решение Красноармейского районного суда города Волгограда от 08.02.2023 по делу № 2-330/2023 URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2023).
5. Волос Е.П. Признаки слабой стороны в гражданском правоотношении в современных экономико-правовых условиях // Актуальные проблемы российского права. 2022. N 9. С. 94–101.
6. Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года»
7. Белов В.А. Виды требований потребителей: теоретико-практический анализ // Закон. 2021. № 9. С. 33–41
8. Роспотребнадзор // [Офф. сайт]. URL: <https://zpp.rospotrebnadzor.ru/info/stat> (дата обращения: 08.04.2023).
9. Решение Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области от 07.10.2020 по делу № 2-33/2020 URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2023).
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.07.2017 № 16-КГ17-21 URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2023)
11. Решение Шахунского районного суда Нижегородской области от 03.02.2022 по делу № 2-44/2022
12. Решение Шпаковского районного суда Ставропольского края от 24.02.2022 по делу № 2-698/2022
13. Решения Мещанского городского суда Московской области по делу №2-11231/2020, от 08.12.2021 по делу № 2-11560/2021, от 24.01.2022 по делу № 2-2-1200/2022
14. Решение Мещанского городского суд Московской области от 24.01.2022 по делу № 2-2-1200/2022

УДК 347.1

ВЫБОР СПОСОБА ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ

Кайль Я.Я., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассмотрена теория и правоприменительная практика, связанные исполнимостью судебных актов. Проанализированы Постановления Пленумов, касающиеся способов защиты гражданских прав. Приведены примеры гражданских дел судов общей юрисдикции, иллюстрирующие проблемы, связанные с неверным выбором способа защиты гражданских прав. Предложены изменения в действующее гражданское законодательство.

Ключевые слова: способы защиты, гражданские права, судебные решения, требования, исполнимость.

THE CHOICE OF THE METHOD OF PROTECTION OF CIVIL RIGHTS AND THE PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION

Kayl Y.Y., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article deals with the theory and law enforcement practice related to the enforceability of judicial acts. The Decisions of Plenums concerning the ways of protection of civil rights are analyzed. Examples of civil cases of courts of general jurisdiction are given, illustrating the problems connected with a wrong choice of a way of protection of civil rights. The amendments to the current civil legislation are proposed.

Keywords: methods of protection, civil rights, judicial decisions, claims, enforceability.

В ст. 12 ГК РФ не исчерпывающим образом перечислены способы защиты гражданских прав.

Однако не все способы, указанные в ст. 12 ГК РФ можно и нужно реализовывать посредством обращения в суд. Например, самозащита не предполагает обращения в суд и, следовательно, не связана с проблемой исполнимости.

Правильный способ защиты, выбранный истцом, в дальнейшем дает возможность исполнить решение суда. Неточно указанное требования влечет невозможность или затруднительность исполнить вынесенное решение суда.

В п. 4 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ предусмотрена обязанность истца указать свое требование в исковом заявлении. Под предметом иска понимается требование истца к ответчику, например, о взыскании средств по расписке, о сносе самовольной постройки и т.д.

Не всегда истец, получив судебное решение, остается доволен его резолютивной частью, так как можно выиграть спор, но не урегулировать конфликт. Это может произойти по причине недостаточной продуманности формулировки исковых требований, а, следовательно, способа(ов) защиты гражданских прав.

Самым трудно исполнимым требованием искового заявления, переносимым в резолютивную часть решения, представляется формулировка «не чинить препятствий» (в пользовании квартирой, домом, земельным участком или доступе к чему-то; например, «при заключении договора на подключение (технологическом присоединении объекта капитального строительства»). Сложность исполнения такого требования особенно остро стоит, когда это единственное требование в исковом заявлении. Чаще такое требование совмещено и с другими способами защиты. Например, Истец Заболотнева просит суд выделить принадлежащую ей долю в размере 1/2 в праве собственности на жилое помещение, обязать ответчика не чинить препятствий в пользовании квартирой, определить порядок пользования квартирой. [1]

В своем решении суд все перечисленные выше требования истца Заболотневой определил в такой способ защиты как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

Если при обращении в суд истец ошибся с выбором способа защиты, то суд не может сформулировать иной. Суд может только предложить лицу уточнить или изменить способ защиты. Суд дает ответы на поставленные перед ним вопросы: ответ будет получен в соответствии с тем, как сформулировано требование. Суд либо удовлетворяет требование истца, либо отказывает в его удовлетворении.

Однако суд может указать на неверно выбранный способ защиты и даже указать на тот способ, который необходимо было использовать в конкретном споре. Как было указано вышестоящей инстанцией 3., пропущена срок для обращения в суд с иском об истребовании спорной квартиры из владения К., приобретенного имущество по договору, следовательно, данное обстоятельство является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении исковых требований.

Также судебная коллегия полагает возможным указать и на то обстоятельство, что 3. не лишена права обращения с требованиями к Ф. о взыскании компенсации стоимости спорной квартиры [2]. Следует заметить, что суд предложил способ защиты, не поименованный в ст. 12 ГК РФ, так как компенсация там упоминается только применительно к моральному вреду.

Суды при указании на неверный способ защиты нарушенного права указывают, что он не ведет к восстановлению положения, существовавшего до его нарушения и как следствие не достигается цель защиты.

За пределы требований суд может выйти только в исключительных случаях, предусмотренных федеральным законом. Например, суд вправе выйти за пределы заявленных требований по своей инициативе на основании п. 2 ст. 166 ГК РФ и применить последствия недействительности ничтожной сделки (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении») [3].

Или в следующем случае. В связи с тем, что судом произведен реальный раздел земельного участка и выделена доля Е. (предмет спора), суд полагает необходимым выйти за рамки заявленных требований и прекратить регистрационную запись в Едином государственном реестре прав на имущество и сделок с ним о праве собственности Е. на 1/2 доли в праве обобщедолевой собственности на указанный земельный участок [4].

В качестве иллюстрации неверно выбранного способа защиты и невозможности выйти за пределы искового требования приведем выдержки из судебного решения.

Дюков В.Л. обратился в суд с иском к ООО «Туроператор БГ» о возмещении стоимости нереализованных туристических услуг, неустойки, штрафа, компенсации морального вреда. В обоснование своих требований он указал, что 10 марта 2020 г. между ним и ООО «Туроператор БГ» был заключен договор о реализации туристского продукта в Грецию на о. Родос с 30 июня 2020 г. по 12 июля 2020 г. Истцом была оплачена полная стоимость туристского продукта в размере 232 000 руб.

В связи с распространением COVID-19 23 апреля 2020 г. истец объявил об отказе от договора.

Ответчик тур аннулировал. Ему была возвращена часть суммы сразу, оставшаяся сумма была возмещена ответчиком, по мнению истца, с нарушением срока.

Вместе с тем, как было установлено судом, денежные средства были возвращены ответчику ранее установленного постановлением Правительства РФ от 20 июля 2020 г. № 1073 срока, а именно 29 декабря 2020 г.

Поскольку ответчиком добровольно произведен возврат стоимости туристического продукта, то нарушений прав истца ответчиком допущено не было.

При этом оснований для привлечения ответчика к ответственности в виде возмещения неустойки за отказ в добровольном порядке возвратить уплаченные денежные средства, возмещения компенсации морального вреда и штрафа не имеется, поскольку невозможность исполнения туроператором своих обязательств перед заказчиком обусловлена не зависящими от сторон обстоятельствами непреодолимой силы, связанными с распространением новой коронавирусной инфекции и введенными ограничениями, кроме того, срок возврата денежных средств не нарушен.

При этом суд считает необходимым отметить, что п. 8 Положения, утвержденного указанным выше постановлением Правительства РФ, предусмотрена обязанность туроператора уплатить заказчику проценты за пользование указанными денежными средствами в размере 1/365 ключевой ставки ЦБ РФ, однако такое требование истцом не заявлялось. При обращении в суд истец самостоятельно определяет способ защиты, предмет иска и основание иска. Суд не вправе изменять предмет, основание и иным образом выходить за пределы требований, указанных истцом, в связи с чем суд не вправе принимать решение по основанию, по которому требование не заявлялось (ст. 196 ГПК РФ).

Суд указал, что в удовлетворении иска Дюкова В.Л. следует отказать ввиду установленного судом отсутствия нарушения прав истца [5].

В иске можно сформулировать несколько связанных требований. Такая необходимость продиктована либо самим законодателем, например, при оспаривании сделки истец требует, как признания ее недействительной, так и применения последствий недействительности сделки (ст. 167 ГК РФ), так и по инициативе истца, например, при признании действий (бездействия) государственного органа незаконными и требований о компенсации морального или материального вреда (ст. 1069, 1070 ГК РФ).

Однако суд в некоторых случаях считает, что взаимообуславливающие требования не должны заявляться, например, требования о признании гражданина утратившим право пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета. Суд, удовлетворяя первое требование, указывает, что в части снятия с регистрационного учета следует отказать, так как признание гражданина утратившим право пользования жилым помещением уже само по себе является достаточным для совершения следующего действия.

В соответствии со ст. 1, ст. 8 ГК РФ выбор способа защиты права избирается истцом, при этом он должен соответствовать характеру допущенного нарушения и удовлетворение заявленных требований должно привести к восстановлению нарушенного права или защите законного интереса, быть в дальнейшем исполнимым.

В подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ закреплено, что гражданские права и обязанности возникают в том числе из судебного решения. Но не только решение суда может лежать в основе прав и обязанностей, возникновение прав возможно и на основании других актов, выносимых в соответствии со ст. 13 ГПК РФ, ст. 15 АПК РФ. К ним можно отнести судебный приказ, определения вышестоящих инстанций, например, апелляционного определения, кассационного определения, а также определения о прекращении дела или об утверждении мирового соглашения.

На основании изложенного, необходимо внести изменение в подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ и указать формулировку, что основания возникновения прав ... «из судебного акта, установившего гражданские права и обязанности».

Библиографический список

1. Решение Центрального районного суда г. Волгограда от 19 сентября 2019 г. по делу № 2-3544/2019 // <https://sudact.ru/regular/doc/F03YpouqRHW/> (дата обращения 20.03.2023)
2. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда № 33-4525/2014 от 26 марта 2014 г. по делу № 33-4525/2014 // <https://sudact.ru/regular/doc/lbqW5glSqP6P/> (дата обращения 20.03.2023)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // <https://legalacts.ru/> (дата обращения 27.03.2023)
4. Решение Шпаковского районного суда Ставропольского края от 30 марта 2021 г. по делу № 2-1025/2021 // <https://sudact.ru/regular/doc/l5FwxZzc3KmV/> (дата обращения 20.03.2023)
5. Решение Ярцевского городского суда Смоленской области от 10 марта 2021 г. по делу № 2-115/2021 // <https://sudact.ru/regular/doc/gMuzzag0DtYO/> (дата обращения 20.03.2023)

УДК 347.511

ПРОТИВОПРАВНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Кузьмина А.И., аспирант 1 курса, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Научный руководитель: Агибалова Е.Н., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Одним из основных условий возникновения деликтной ответственности является противоправность действий (бездействия) причинителя вреда. В данной статье мы рассмотрим, что такое противоправность и как она определяется в российском гражданском праве.

Ключевые слова: деликтная ответственность, противоправность, действие, бездействие, вред, ущерб.

ILLEGALITY AS A CONDITION OF TORT LIABILITY IN RUSSIAN CIVIL LAW

Kuzmina A.I., 1st year postgraduate student, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Scientific adviser: Agibalova E.N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. One of the main conditions for the occurrence of tort liability is the illegality of the actions (inaction) of the harm-doer. In this article we will look at what illegality is and how it is defined in Russian civil law.

Keywords: tort liability, wrongfulness, action, inaction, harm, damage.

В российском гражданском праве вред, противоправность, вина и причинно-следственная связь рассматриваются в качестве общих требований для возникновения деликтной ответственности (ст. 1064 ГК РФ [2]). Наличие всех четырех элементов образует полный состав гражданского правонарушения [3, с. 27]. Отсюда следует, что противоправность является необходимым, но недостаточным условием для возникновения деликтной ответственности. Для того чтобы причинитель вреда был признан ответственным за свои действия, необходимо также установить наличие вины и причинно-следственной связи между его действиями и причиненным вредом. Вина нарушителя может быть как умышленная, когда причинитель вреда осознавал противоправность своих действий и желал причинить ущерб другому лицу, так и неосторожная, когда нарушитель не соблюдал необходимую осторожность и не предпринял мер для предотвращения нарушения прав других лиц. Для установления причинно-следственной связи между действиями причинителя вреда и причиненным ущербом необходимо доказать, что именно действия причинителя вреда стали причиной ущерба. В некоторых случаях действия причинителя вреда могут быть оправданы, например, в случае самообороны или необходимости защиты своих прав и законных интересов.

Предлагаем рассмотреть подробнее противоправность как условие наступления ответственности вследствие причинения вреда. В законодательстве отсутствует легальное определение понятия противоправности. Между тем, ряд исследователей рассматривает противоправность как объективное требование гражданско-правовой ответственности. Буквальное толкование термина «противоправность» означает нарушение права или закона, которое причинило вред другому лицу. Иными словами, противоправность представляет собой нарушение закона или иного правового акта, которое приводит к нарушению прав или законных интересов других лиц. Она позволяет определить, кто несет ответственность за причиненный ущерб, и каким образом он должен быть возмещен. Например, если один человек повредил имущество другого лица, то его действие будет признано противоправным, и он должен будет возместить ущерб.

Помимо этого, противоправность может быть определена как нарушение общепризнанных норм поведения, в результате которого происходит причинение вреда лицу, например, нанесение побоев или невыполнение обязанностей по охране вверенного имущества. Также в деликтном праве противоправность может быть определена и на основе общепризнанных этических и моральных норм. Например, если один человек оскорбил другого, то его действие может быть признано противоправным не только с точки зрения закона, но и с точки зрения общественной морали.

Таким образом, противоправность, по нашему мнению, это несоответствие действий нарушителя требованиям закона или нормам общественного поведения.

Противоправное поведение может выражаться в форме действия, т.е. совершения поступка, причинившего вред другому лицу, и бездействия, когда субъект должен был проявить должную осмотрительность и предотвратить наступающие последствия, но не сделал этого, что привело к нарушению прав других лиц.

Чтобы действие или бездействие было признано противоправным, необходимо, чтобы оно не только было запрещено законом или иным правовым актом, но и нарушало право или законный интерес другого лица. Так, если водитель нарушил правила дорожного движения и передвигался на красный сигнал светофора, но при этом во время передвижения трасса была пуста, то вред никому не причиняется и ответственность по возмещению вреда не наступает, поскольку будет присутствовать только объективная противоправность без сочетания ее с остальными элементами. Иное дело, если в момент передвижения дорогу переходил пешеход на зеленый сигнал светофора, и водитель, управляя источником повышенной опасности, не предпринял никаких действий для предотвращения несчастного случая – наезда на пешехода.

Применительно к нашему первому примеру, водитель нарушил закон, но своим действием не нанес ущерба, поэтому деликтной ответственности не наступает, а во втором случае субъект бездействовал и тем самым нанес ущерб пешеходу, что привело к причинению вреда и наступлению ответственности вследствие причинения такого вреда.

Противоправность можно определить и как нарушение должной осмотрительности субъектом гражданского оборота. По мнению С.К. Степанова, подход к противоправности как к нарушению должной осмотрительности возник из швейцарской доктрины, на которую повлияло французское и английское право [4]. В соответствии с этой доктриной основанием возникновения ответственности за небрежность в англо-американском праве является нарушение обязанности по осмотрительности [5, с. 17].

Если действия были совершены в рамках закона или права, то такое действие не является противоправным и ответственности за вред не возникает.

Противоправность физического лица возможна только в случае, если такое лицо имело возможность и должно было понимать противоправность своих действий. Противоправность может иметь место только в тех случаях, когда действие было совершено сознательно и свободно. Если же лицо было вынуждено совершить противоправное действие под давлением или угрозой, то оно не будет нести ответственность за свои действия.

Кроме нарушения императивных норм, не стоит забывать и о диспозитивных нормах, которые хотя и допускают отклонения от своего содержания, но, в тоже время, становятся обязательными для сторон в случае их принятия, и нарушение таковых приводит к противоправности поведения причинителя вреда.

Важно понимать, что противоправность не всегда однозначна и поэтому может быть определена только судом. Особенно в случае конфликта интересов между двумя сторонами, каждая из которых считает, что нарушены ее интересы.

Также стоит учитывать и тот факт, что в некоторых случаях нарушение закона может быть оправдано, если оно было совершено в целях защиты жизни, здоровья или имущества. В таких случаях необходимо доказать, что действия были необходимы и пропорциональны угрозе. Кроме того, чтобы причинитель вреда был признан ответственным, необходимо установить, что в момент причинения вреда он обладал достаточной правоспособностью и дееспособностью. Если деликвент был недееспособен или не осознавал характер своих действий, то он не может нести ответственность за свои действия. В некоторых случаях ответственность может быть перенесена на других лиц, например, на родителей несовершеннолетнего причинителя вреда (ст. ст. 1073, 1074 ГК РФ) или на работодателя, если вред причинен в рамках осуществления трудовой деятельности (ст. 1068 ГК РФ).

Субъектами гражданского права, в соответствии с главами 3, 4 и 5 ГК РФ [1], являются физические лица, юридические лица и публично правовые образования. Исходя из этого, противоправное поведение можно констатировать не только у физических лиц, но и у юридических лиц, публично-правовых образований.

Противоправность действий юридического лица в гражданском праве определяется на основании наличия нарушения гражданских прав и законных интересов других лиц, совершенных в рамках деятельности юридического лица. Для этого необходимо установить, что действия юридического лица противоречили закону и причинили вред другому лицу. Ответственность юридического лица в полном объеме наступает за действия и (или) бездействия как своих сотрудников, так и представителей. Установление противоправности в данном случае будет связано с несоблюдением сотрудниками юридического лица (его представителями) своих обязанностей, предусмотренных законом или иным нормативным актом, нормами общественного поведения. Важно учитывать обстоятельства, в которых произошло нарушение, такие как: наличие договорных обязательств, согласие сторон и т.п. Необходимо учитывать также цели и задачи совершения таких действий. Если действия юридического лица были направлены на достижение законных целей и соответствовали законодательству, то оно не может быть признано ответственным за свои действия.

В гражданском праве принцип ответственности юридического лица за его действия является одним из основных. Это означает, что юридическое лицо несет ответственность за все свои действия, включая нарушения гражданских прав и законных интересов других лиц. При этом ответственность может быть как имущественной, так и неимущественной. Имущественная ответственность юридического лица означает, что оно должно возместить ущерб, причиненный другому лицу в результате его действий. Тогда как неимущественная ответственность может выражаться, например, в обязанности прекратить нарушение прав другого лица или в возложении на юридическое лицо определенных обязательств по исправлению ситуации.

Публично-правовые образования также несут ответственность за свои действия в рамках деликтной ответственности. Однако определение противоправности их действий может быть более сложным, чем в случаях с физическими и юридическими лицами. По нашему мнению, это может быть связано: во-первых, с особым статусом публично-правовых образований, который может предоставлять им определенные привилегии и возможности; во-вторых, с общественной значимостью и целями деятельности публично-правового образования, которые необходимо учитывать при определении противоправности его поведения. Например, действия органа власти всегда направлены на защиту интересов государства и общества, даже если они могут причинить ущерб своими действиями отдельным лицам; в-третьих, с необходимостью использования специальных норм и принципов, установленных законом, для определения противоправности действий (бездействия) публично-правового образования. Например, при рассмотрении дел, связанных с деятельностью государственных органов, может применяться принцип государственного иммунитета, который, априори, ограничивает возможность привлечения государства к ответственности за свои действия.

Резюмируя, отметим, что противоправность является необходимым условием деликтной ответственности в гражданском праве, представляющей собой инструмент защиты прав и интересов участников гражданского оборота. Противоправность помогает определить наличие ответственности за причиненный ущерб или совершенное правонарушение. Для установления противоправности необходимо сравнить действия (бездействие) правонарушителя с требованиями закона или нормами общественного поведения, а также учитывать целый ряд других обстоятельств.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Агибалова Е.Н. Деликтные обязательства: учебное пособие / Е.Н. Агибалова; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. 1 электрон. опг. Диск (CD-ROM). Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD-ROM диск; Adobe Reader 6.0. Загл. с экрана. 122 с.
4. Степанов С.К. Современные теории противоправности: швейцарский подход // Вестник гражданского права. 2021. № 1. С. 219–253. DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-1-219-253
5. Elliott C., Quinn F. Tort Law. 8th ed. Harlow, 2011. 449 p.

УДК 347

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПО СПОРАМ О НЕНАДЛЕЖАЩЕМ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Мананкова Е.В., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Сергачева О.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса об определении размера суммы компенсации морального вреда, причиненного вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи. Проанализирована позиция Верховного суда, изложенная в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», отечественная правоприменительная практика и опыт зарубежных стран в регулировании данного вопроса, предложена модель системы определения размера компенсации морального вреда по рассматриваемой категории споров, которая позволила бы унифицировать правоприменительную практику и обеспечить объективное определение размера компенсации.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, медицинские споры, определение размера компенсации, доказывание, медицинская документация.

COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE IN DISPUTES ABOUT IMPROPER PROVISION OF MEDICAL CARE

Manankova E.V., 1st year Master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Sergacheva O.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the consideration of the issue of determining the amount of compensation for moral damage caused as a result of improper medical care. The position of the Supreme Court, set out in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/15/2022 No. 33 «On the practice of application by courts of norms on compensation for moral damage», domestic law enforcement practice and the experience of foreign countries in regulating this issue, is analyzed, a model of the system for determining the amount of compensation for moral damage in the category of disputes under consideration is proposed, which would allow to unify law enforcement practice and provide an objective determination of the amount of compensation.

Keywords: compensation for moral damage, medical disputes, determination of the amount of compensation, proof, medical documentation.

Вокруг института компенсации морального вреда постоянно развивается полемика. Обсуждаются проблемные вопросы определения размера компенсации морального вреда, проблемы доказывания, а также частные вопросы, касающиеся компенсации морального вреда по конкретным категориям гражданско-правовых споров. Исключением не стали и споры о ненадлежащем оказании медицинской помощи.

Стоит отметить, что требование о компенсации морального вреда по спорам о ненадлежащем оказании медицинской помощи зачастую является основным, а не сопутствующим какому-либо материальному требованию, и требует подготовки доказательной базы не меньшей, чем по стандартным материальным требованиям.

Активное обсуждение вокруг института компенсации морального вреда в научном кругу связано с тем, что на законодательном уровне не закреплены критерии определения размера компенсации, способы определения глубины физических и (или) нравственных страданий, причиненных потерпевшему. Законодатель, оставив на усмотрение суда такой вопрос, как определение размера компенсации морального вреда, ограничил общей формулировкой, указывающей, что суду необходимо принимать во внимание степень вины причинителя вреда и иные заслуживающие внимания обстоятельства (ч. 2 ст. 151 ГК РФ) [1].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (документ утратил силу) отдельного внимания компенсации морального вреда по спорам о ненадлежащем оказании медицинской помощи не уделялось вообще, несмотря на важность общественных отношений, связанных с охраной здоровья граждан, и высокой степени риска возникновения ошибок в такой сложной сфере деятельности человека, как медицина.

Ситуация несколько поменялась в ноябре 2022 года. Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее – Постановление № 33) даны довольно подробные разъяснения с учетом накопившихся правоприменительных проблем. Верховным судом учтены и особенности разрешения судами требований о компенсации морального вреда по конкретным категориям споров, в том числе, внимание уделено и спорам о ненадлежащем оказании медицинской помощи [2]. Однако, охватить все проблемные вопросы, возникающие на практике, просто невозможно.

Компенсация морального вреда по спорам о ненадлежащем оказании медицинской помощи в Постановлении № 33 уделяется внимание в пунктах 48 и 49.

В абз. 2 п. 48 Постановления № 33 Верховный Суд разъясняет, что при разрешении такого рода требований суду необходимо учитывать такие обстоятельства, как:

1. Принятие медицинской организацией всех необходимых и возможных мер, направленных на своевременное и квалифицированное обследование пациента для постановки верного диагноза;
2. Соответствие организации процесса обследования и лечебного процесса стандартам и порядкам оказания медицинской помощи, а также клиническим рекомендациям.
3. Наличие причинной связи между выявленными дефектами оказания медицинской помощи и ухудшением состояния здоровья пациента (возникновением иного неблагоприятного исхода).

В абзацах 3 и 4 п. 48 Постановления № 33 внимание уделено бремени доказывания, возлагаемого на медицинскую организацию. Медицинской организации надлежит доказывать:

1. Правомерность действий, повлекших причинение морального вреда;
2. Наличие оснований для освобождения от ответственности, а именно:

- a) отсутствие вины;
- б) отсутствие возможности избежать неблагоприятного исхода даже при условии правильной организации лечебного процесса и оказания пациенту своевременной и квалифицированной медицинской помощи.

Перечисленные в п. 48 Постановления № 33 обстоятельства, которые суду надлежит принимать во внимание при разрешении вопроса о компенсации морального вреда по спорам о ненадлежащем оказании медицинской помощи, позволяют определить наличие факта причинения морального вреда, но не позволяют оценить глубину страданий, причиненных потерпевшему лицу, от которой и должен зависеть размер компенсации.

Данному вопросу уделено внимание в пунктах 24-36 Постановления № 33.

В п. 27 раскрывается вопрос определения тяжести физических и (или) нравственных страданий, причиненный потерпевшему. Указывается на необходимость оценки таких факторов, как:

1. Существо и значимость тех нематериальных благ, которым причинен вред;
2. Длительность неблагоприятного воздействия, его интенсивность и масштаб, а также способ причинения вреда;
3. Поведение самого потерпевшего (наличие или отсутствие провокации с его стороны);
4. Последствия причинения вреда (тяжесть и продолжительность расстройства здоровья, необходимость лечения, возможность возвращения к прежнему образу жизни и др.);
5. Было ли нарушение прав потерпевшего единичным или множественным, или имело место только посягательство на нарушение прав потерпевшего.

Помимо этого, необходимо принимать во внимание индивидуальные особенности потерпевшего, такие как возраст, состояние здоровья, профессия, род занятий.

Данный вопрос раскрыт Верховным Судом в отношении определения размера компенсации морального вреда вообще, без какого-либо разграничения по отдельным категориям споров и рекомендаций относительно разумного размера компенсации применительно к конкретным категориям споров.

В абз. 2 п. 29 Постановления № 33 говорится, что суду необходимо учитывать требования разумности и справедливости при определении размера компенсации морального вреда.

Однако, такие категории как «разумность» и «справедливость» являются оценочными, что порождает отсутствие единообразия в правоприменительной практике. Схожие обстоятельства оцениваются судьям по-разному, в связи с чем, суммы компенсаций по схожим делам разнятся, порой даже существенно.

Хотелось бы обратить внимание на то, что по некоторым категориям споров Верховный Суд все же определил, какая сумма компенсации будет являться разумной. Например, разумный размер компенсации морального вреда за незаконное содержание под стражей, по мнению Верховного Суда должен составлять 2000 руб. за каждые сутки незаконного содержания потерпевшего под стражей [3], а по спорам, связанным с защитой чести и достоинства разумная компенсация составляет 5000 руб. [4].

Вопрос об определении разумного размера компенсации морального вреда по иным категориям споров на данный момент остается открытым.

Справедливости ради стоит отметить, что в последние годы наблюдается тенденция к повышению размера суммы компенсации морального вреда по спорам о ненадлежащем оказании медицинской помощи. Поскольку данная категория споров непосредственно связана с причинением вреда здоровью и даже жизни пациента, суммы компенсаций, взыскиваемых с медицинских организаций, по таким спорам могут достигать нескольких десятков миллионов. Беспрецедентное решение было вынесено 9 декабря 2021 года Савеловским районным судом города Москвы по делу родственников режиссёра Владимира Арцыбашева. С организации ООО «Медицина 24/7» была взыскана компенсация морального вреда в сумме 50 млн. руб. [5].

Однако, столь крупные суммы являются скорее исключением, чем правилом. Основная масса споров о компенсации морального вреда, причиненного вследствие некачественного оказания медицинской помощи, заканчивается присуждением компенсации в размере нескольких десятков или сотен тысяч, даже в тех случаях, когда действия медицинских работников привели к летальному исходу [6, 7, 8].

В целях унификации судебной практики по данной категории споров необходимо установить более четкие критерии определения размера компенсации морального вреда, которые будут основываться на тех обстоятельствах, которые можно объективно установить, а не на субъективной оценке ситуации.

К примеру, в странах с англо-саксонской системой права (Великобритания и США) существует специальная методика определения размера компенсации, в которой учитывается такой медицинский критерий, как конкретные телесные повреждения. Для каждого вида телесного повреждения устанавливаются свои «тарифы», определяющие сумму компенсации морального вреда.

Несмотря на то, что такая методика позволяет существенно упростить процесс определения размера компенсации морального вреда и устранить субъективный фактор при принятии судом решения, она имеет и свои недостатки. Нравственные страдания нельзя оценить, основываясь только на причиненных пациенту телесных повреждениях, а оценка их глубины также необходима при разрешении вопроса о сумме компенсации, как и оценка тяжести физических страданий. Два разных человека, утратив трудоспособность вследствие повреждения какого-либо органа или получив увечья, могут испытывать нравственные страдания совершенно разной глубины. К тому же, данная методика не позволяет оценить страдания, которые могут испытывать члены семьи гражданина, погибшего в результате ненадлежащего оказания медицинской помощи.

Вопрос определения глубины нравственных страданий потерпевшего может быть разрешен с помощью применения судебно-психологической экспертизы, которая в настоящее время, к сожалению, не применяется при рассмотрении споров о компенсации морального вреда. Применение судебно-психологической экспертизы позволило бы суду оценить глубину нравственных страданий потерпевшего максимально объективно, основываясь на заключении эксперта, а не на собственном субъективном восприятии конкретной ситуации.

Интересным представляется и опыт стран континентальной системы права, в частности, Германии. В общих чертах содержание морального вреда в германском праве совпадает с содержанием морального вреда в российском праве, вместе с тем, есть некоторые особенности правоприменительной практики. Во-первых, при определении размера компенсации морального вреда учитываются размеры компенсации, присужденные по схожим делам, что позволяет формировать единообразный подход, во-вторых, суммы компенсаций индексируются, что позволяет обеспечить соответствие присуждаемых сумм экономической обстановке в стране.

С учетом зарубежного опыта можно предложить следующую систему определения размера компенсации морального вреда по спорам о ненадлежащем оказании медицинской помощи, нацеленную на унификацию правоприменительной практики и минимизацию субъективного усмотрения при определении размера компенсации.

Для оценки тяжести физических страданий, причиненных потерпевшему, предлагается разработать систему тарифов, в соответствии с которой конкретному повреждению здоровья будет соответствовать конкретная минимальная сумма компенсации морального вреда, которая может быть увеличена судом с учетом обстоятельств конкретного дела.

В целях оценки глубины нравственных страданий предлагается применение судебно-психологической экспертизы. При этом, представляется целесообразным классифицировать нравственные страдания в зависимости от их глубины на 4 группы: незначительные, умеренные, существенные и глубокие, установив для каждой группы минимальный тариф компенсации. Таким образом, заключение эксперта позволит отнести перенесенные потерпевшим нравственные страдания к определенной группе и определить сумму компенсации исходя из имеющихся тарифов.

Также целесообразно предусмотреть ежегодную индексацию тарифов, которая позволит обеспечить соответствие сумм компенсации экономической обстановке в стране.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ, февраль, 2023. № 2.
3. Определение Верховного Суда РФ от 14 августа 2018 г. по делу № 78-КГ18-38. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.04.2023).
4. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2016). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.04.2023).
5. Решение Савеловского районного суда города Москвы от 09.12.2021 № 2-246/2021 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 28.04.2023).
6. Определение Четвертого КСОЮ от 30 ноября 2022 г. по делу № 88-37897/2022 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 28.04.2023).
7. Определение Восьмого КСОЮ от 1 декабря 2022 г. № 88-19387/2022 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 28.04.2023).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС от 19 сентября 2022 г. № 14-КГ22-3-К1 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 28.04.2023).

УДК 347.45.47

ДОГОВОР ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ

Михайлова С.Е., студент-магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Козлова М.Ю., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Данная статья содержит анализ положений действующего законодательства, регулирующих отношения, связанные с договором возмездного оказания услуг. Исследуется сущность договора возмездного оказания услуг и его место в системе гражданско-правовых договоров.

Ключевые слова: Договор возмездного оказания услуг, систематизация, договор подряда, услуга и работа, договорные отношения

A CONTRACT FOR THE PROVISION OF PAID SERVICES AND ITS PLACE IN THE SYSTEM OF CIVIL LAW CONTRACTS

Mikhailova S.E., 1st year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific supervisor: Kozlova M.Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. This article contains an analysis of the provisions of the current legislation regulating relations related to the contract for the provision of paid services. The essence of the contract for the provision of paid services and its place in the system of civil law contracts is investigated.

Keywords: Contract for the provision of paid services, contract, service and work, contractual relations.

Согласно ст. 420 ГК РФ, договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [1].

Одной из характеристик гражданско-правового договора является его возмездность или безвозмездность. Основным критерием для разграничения возмездных и безвозмездных договоров является наличие или отсутствие оплаты или иного встречного предоставления за выполнение обязательств, предусмотренных договором. Порядок оплаты определяется законодательством или соглашением сторон в договоре.

В соответствии с п. 1 ст. 423 ГК РФ, следующим критерием возмездности в договоре является наличие встречного исполнения. Это означает, что для того, чтобы договор был возмездным, необходимо, чтобы одна из сторон выполнила все свои обязательства в соответствии с договором [1].

Исходя из вышесказанного, законодательством установлены два основных признака возмездности договора: наличие платы или встречного предоставления.

В ГК РФ прямо указано на возмездность договора применительно к договору возмездного оказания услуг. В качестве сторон договора возмездного оказания услуг выступают исполнитель – субъект, который должен оказать услуги, и заказчик – субъект, которому поручено оказание услуги.

Первоначально при систематизации гражданского права договорные отношения по предоставлению услуг не были включены в определенную группу и в систему не вошли. Из-за большого количества видов услуг даже на сегодняшний день не существует полной и окончательной системы [2].

Глава 39 ГК РФ регулирует возмездный договор оказания услуг, в соответствии с которым исполнитель обязуется оказывать услуги по заданию заказчика, а заказчик обязуется их принять и оплатить [3].

В науке не разрешены вопросы о правовой сущности данного договора, о понятии услуги, о наличии или отсутствии каких-либо ограничений применения данного договора. В связи с тем, что анализируемый договор является сравнительно новым в российском законодательстве, требуется провести его более тщательное изучение.

Когда была принята часть вторая кодекса 1996 года, и договор возмездного оказания услуг был включен в отдельную главу ГК РФ, существование договора стало самостоятельным.

Гражданский кодекс РСФСР (далее – ГК РСФСР) 1964 года не содержал положений о договоре возмездного оказания услуг. Ст. 350 ГК РСФСР 1964 года в общем виде регулировала только договор подряда. Данный договор предусматривал, что подрядчик должен выполнять различные виды работ по указанию заказчика, обязанного принять и оплатить выполненные работы [4].

Обычно, когда говорят о месте договора возмездного оказания услуг в системе договоров, проводят сравнительный анализ с договором подряда. Исходя из этого, следует отметить два важных момента: договор возмездного оказания услуг, так же, как и договор подряда принадлежит к группе договоров, по выполнению работ и оказания услуг; отношения, связанные с предоставлением услуг, имеют отличные от договора подряда признаки, что и привело к созданию самостоятельного договорного института.

Главным признаком, отличающим договор возмездного оказания услуг от договора подряда, является отсутствие результата, отделенного от процесса работы. Говоря иными словами, в договоре оказания услуг стороны заинтересованы лишь в выполнении каких-то действий, а если есть интерес в результате работы – это договор подряда.

Одни ученые полагают, что услуги — это любая деятельность, не имеющая осязаемого результата (перевозка, хранение, др.), другие утверждают, что услуги могут приносить осязаемый результат. Так, например, в договоре перевозки и хранения имеет место осязаемый результат. Согласно с такими договорами лицо, имеющее обязательства, всегда воздействует на переданный ему предмет [5].

Как считает В.А. Лапач, работа будет иметь осязаемый результат при создании новых вещей или изменении (уничтожении) уже существующих [6].

Одно из важнейших отличий между договором оказания услуг и договором подряда – это возможность одностороннего выхода из договора.

По закону, любая сторона может отказаться от договора на оказание услуг в любое время, а от договора подряда, только в случае возникновения условий, ограниченных законом [7].

Существуют спорные моменты относительно того, считать тот или иной договор договором подряда или договором оказания услуг, и это можно увидеть из судебной практики.

Так, между обществом «Оптик-Трейд» (заказчиком) и обществом «СТК Северо-Запад» (исполнителем) заключен договор на изготовление, монтаж и ремонт рекламных носителей от 09.04.2008 № 02-А08. По условиям договора исполнитель собственными силами и средствами обязуется выполнить работы по изготовлению, монтажу, ремонту и обслуживанию рекламных носителей согласно техническим заданиям заказчика, а заказчик – представить технические задания для выполнения работ, принять выполненные работы и оплатить их.

Сдача результата работ исполнителем и приемка его заказчиком оформляются актом, подписанным обеими сторонами.

В июле 2008 года общество «Оптик-Трейд», приняв работы, не произвело их оплату, в связи с чем общество «СТК Северо-Запад» обратилось в арбитражный суд.

В данном деле, суды неверно дали толкование правоотношений сторон по договору от 09.04.2008 № 02-А08, что привело к принятию неправильного решения. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ оценил отношения сторон как подрядные, указав, что ссылка в договоре и технических заданиях к нему на оказание услуг и доставку не имеет правового значения для определения правоотношений сторон по названному договору, поскольку оказание услуг и доставка являются дополнительными условиями для достижения конечного результата – изготовления рекламных носителей. [8].

Таким образом, при заключении договорных отношений, сторонам необходимо учитывать характер работ или услуг, которые будут выполняться, а также определить, будет ли это договор подряда или договора возмездного оказания услуг, чтобы обеспечить правильное исполнение обязательств и избежать недоразумений в будущем.

Договорная конструкция возмездного оказания услуг используется и в других странах.

К примеру, ст. 1106 ГК Франции определяет договор, об отношениях по оказанию возмездных услуг, как соглашение, дающее или обязывающее каждую сторону что-то дать или сделать. Как мы видим, что очевидной разницей между этой интерпретацией и той, что предусмотрена российским законодательством, выступает отсутствие градации возмездности по признакам оплаты и встречного предоставления. Вместо этого законодатель просто ограничивается формулировкой обязанности «дать или сделать» [9, с. 314].

Помимо этого, основываясь на законодательстве этой страны в гражданском праве есть понятия о степени возмездности договора: меновый, благотворительный и возмездный, что также отличает этот контракт от схожих договоров с аналогичными услугами в России, т. к. ГК РФ не содержит таких положений.

Обобщая сказанное можно прийти к выводу, что договорная структура по возмездному оказанию услуг является популярной не только на территории России, но и в зарубежных государствах, что подтверждает универсальность исследуемого договора.

Согласно, вышензложенным выводам, необходимо продолжить изучение и разработку более подробно гражданско-правового института возмездного оказания услуг как в области гражданского права, так и правоприменительной практики.

Таким образом договор возмездного оказания услуг имеет важное место в системе гражданско-правовых договоров. Он является одним из наиболее распространенных видов договоров в гражданском праве. Используется для регулирования отношений между сторонами в различных сферах жизни и позволяет сторонам урегулировать отношения по оказанию услуг и определить условия их оплаты.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 16.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ 1994. № 32
2. Белов В.А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики в 2 т. Том 1 / В.А. Белов; ответственный редактор В.А. Белов. 2-е изд., стер. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 484 с. (Авторский учебник).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996 № 5.
4. Гражданское право. Учебник. В 3 томах. Том 1 / под ред. Сергеева А.П. М.: Проспект, 2020. С. 278.
5. Митрашова И.Л. Понятие и признаки работы как объекта гражданских прав // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 12А. С. 146–156.
6. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / Издательство «Юридический Центр ПРЕСС», Санкт-Петербург, 2013. 544 с.
7. Данчинова А.Н. Правовые аспекты отграничения договора подряда от договора возмездного оказания услуг в российском законодательстве / А. Н. Данчинова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 47 (337). С. 271–273.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 27.04.2010 №18140/09 по делу № А56-59822/2008. URL: (дата обращения: 24.12.2022).
9. Комаров, А.С. Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник в 2 т. / отв. ред. проф. А.С. Комаров, проф. А.А. Костин, проф. О.Н. Зименкова, доц. Е.В. Вершинина. Т. 1: Общая часть. Москва: Статут, 2019. 559 с.

УДК 347.736

ОСОБЕННОСТИ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Мурадян Ж.С., студент-магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Рахманни Н.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В данной статье исследуются особенности института банкротства физических лиц. Автором рассмотрены некоторые особенности процедуры банкротства физических лиц, ее законодательное регулирование, а также проблемы, возникающие в этой сфере в процессе реализации физическими лицами своего права на банкротство, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: банкротство, физические лица, законодательство, кредитор, должник.

FEATURES OF INDIVIDUAL BANKRUPTCY

Muradyan Zh.S., 1st year undergraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Supervisor: Rakhmanina N.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. This article examines the features of the institution of bankruptcy of individuals. The author considers some features of the bankruptcy procedure for individuals, its legislative regulation, as well as problems that arise in this area in the process of exercising their right to bankruptcy by individuals, and suggests ways to solve them.

Keywords: bankruptcy, individuals, legislation, creditor, debtor.

Банкротство физического лица – это признание неспособности физического лица удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам с последующей реструктуризацией этих долгов или реализацией имущества для их погашения.

Нормы о банкротстве физических лиц – относительно молодой институт российского гражданского права. Он появился в России в 2015 году, когда была принята глава 10 ФЗ № 127 «О несостоятельности (банкротстве)». Необходимость ввода такой процедуры с каждым годом становилась все более очевидной. Из-за нестабильной социально-экономической обстановки в РФ количество заемщиков-физических лиц росло из года в год. Это повлекло за собой рост непогашенных долгов. Все больше заемщиков не справились со своими обязательствами и не могли в срок погасить их перед кредиторами. Согласно данным статистики к середине прошлого года размер задолженности россиян перед банками превысил сумму в 25 триллионов рублей, что на 1,5 триллиона больше показателей предыдущего года [11].

Однако процедура банкротства далеко не самая простая. Чтобы ее пройти, потребуется тщательная предварительная юридическая подготовка. Для начала следует грамотно составить заявление о признании гражданина банкротом. Также следует собрать внушительный «комплект» документов, перечень которых указан в статье 213.4 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В случае, отсутствия какого-либо документа, суд вправе отклонить поданное заявление.

Также актуальным является вопрос о финансовых затратах потенциальных банкротов при прохождении такой процедуры. Во-первых, заявителю необходимо внести на счет Арбитражного суда, где инициируется процедура банкротства, сумму в размере 25 000 рублей. Во-вторых, оплатить госпошлину в размере 300 рублей, в-третьих, оплатить услуги финансового управляющего в размере 25 000 рублей за одну процедуру [4]. Также заявитель несет расходы за публикацию информации о банкротстве в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ) и газете «Коммерсант». Стоимость одной публикации в ЕФРСБ для физических лиц составляет 451,25 рублей [12]. А вот в газете «Коммерсант» эта цена на данный момент в год составляет 267,17 рублей за каждый квадратный сантиметр объявления [13]. При этом еще в 2014 году, по сообщению самого «Коммерсанта», стоимость этой услуги составляла 152,25 рублей за каждый квадратный сантиметр объявления [14]. И это еще не учитывая расходы на услуги представителя, почтовые расходы и прочее. Для физических лиц, которые имеют немалые долги и не способны расплатиться по своим обязательствам, эти суммы весьма значительны.

Среди экспертов и практиков существуют различные мнения относительно того, каким образом эти расходы можно сократить. Полагая, что острой необходимости в публикации сведений о несостоятельности в газете «Коммерсант» нет, так как расходы на публикацию в этой газете могут достигать более 10 000 рублей. При том, что эта же информация публикуется в ЕФРСБ, к которой участники процесса также имеют доступ, а стоит такая публикация в разы дешевле.

Кроме того, оплата услуг арбитражного управляющего так же может стать тяжелым бременем для должников. Да и найти его – не самая простая задача. Нередко арбитражные управляющие не хотят работать с физическими лицами, поскольку аналогичная процедура банкротства юридического лица может принести им гораздо больше дохода. Соответственно и работать с юридическими лицами у них больше мотивации. Все эти обстоятельства являются препятствием для некоторых граждан, для того чтобы они прибегали к процедуре банкротства.

Еще одной проблемой является вопрос о сроках предъявления кредиторами требований к должнику. В пункте 2 статьи 213.8 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» говорится, что «для целей включения в реестр требований кредиторов и участия в первом собрании кредиторов конкурсные кредиторы, в том числе кредиторы, требования которых обеспечены залогом имущества гражданина, и уполномоченный орган вправе предъявить свои требования к гражданину в течение двух месяцев с даты опубликования сообщения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом в порядке, установленном статьей 213.7 настоящего Федерального закона» [4]. При этом, если данный срок пропущен по уважительной причине, то суд может его восстановить. В данном случае вопрос об уважительности причины пропуска срока решается на усмотрение суда. Законодатель мог бы установить конкретные причины, которые считались бы уважительными, чтобы избежать сознательного затягивания сроков со стороны кредиторов.

В тех случаях, когда должнику не удается осуществлять реструктуризацию своих долгов, все его имущество, кроме единственного жилья, предметов обихода, наград, подвергается продаже, а вырученные средства направляются на выплату задолженности кредиторам. Однако под определение единственного жилья не подпадает ипотечная квартира, поскольку такая квартира является залоговой недвижимостью.

Существенным аспектом является и то, что законодательством РФ предусмотрены административная и уголовная ответственность в случаях установления факта фиктивного или преднамеренного банкротства. В статье 197 УК РФ указано: «Фиктивное банкротство, то есть заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб, наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового» [3]. Административная ответственность же за фиктивное или преднамеренное банкротство предусмотрена статьей 14.12 КоАП РФ, если оно не содержит уголовно наказуемого деяния, и влечет за собой наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей; на должностных лиц – от пяти тысяч до десяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок от шести месяцев до трех лет [1]. Соответственно, факт фиктивного или преднамеренного банкротства не освобождает должника от выполнения своих обязательств перед кредиторами.

В положениях главы 10 Закона о банкротстве отдельно не говорится о банкротстве лиц, состоящих в браке, и о том, как процедура банкротства отражается на супруге заявителя. Однако, согласно п. 7 ст. 213.26 данного закона, имущество должника, находящееся в совместной собственности с супругом (бывшим супругом), подлежит реализации по общим правилам. В статье 45 Семейного Кодекса РФ говорится, что «по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга. При недостаточности этого имущества кредитор вправе требовать выдела доли супруга-должника, которая причиталась бы супругу-должнику при разделе общего имущества супругов, для обращения на нее взыскания» [2]. Из этого следует вывод, что несмотря на то, что супруг или супруга не отвечает по обязательствам супруга-должника, кредитор вправе претендовать на долю супруга-должника и выдела ее из общего имущества супругов.

С 2020 года был принят новый параграф под номером 5 (ст. 223.2–223.7) ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который дает определенным гражданам право на внесудебное банкротство. Она доступна для тех, кто имеет задолженность в пределах от 50 000 до 500 000 рублей. Суть этой процедуры заключается в том, что сначала взысканием занимаются органы ФССП. Если ФССП окончила исполнительное производство по ч. 1 п. 4. ст. 46 ФЗ № 229, то в этом случае потенциальный должник подает заявление в органы МФЦ, чтобы списать задолженность во внесудебном порядке. Объявление о банкротстве физического лица будет опубликовано в ЕФРСБ. Если в течение 6 месяцев кредиторы не предоставят никаких возражений, то долги будут признаны безнадежными и списаны. Преимуществом данной процедуры является то, что она бесплатна для должника, в отличие от судебного порядка признания гражданина банкротом, который предполагает немалые финансовые издержки. Важно и то, что у нее ограниченный срок – всего 6 месяцев после подачи заявления в органы МФЦ, в то время как в судах дела о признании физических лиц банкротами могут рассматриваться годами.

Подводя итоги, отметим, что принятие главы 10 в закон о банкротстве вышло хорошим решением. Но в то же время нужно признать, что банкротство – процедура весьма сложная и объемная, к тому же еще и затратная. Однако этот институт является достаточно динамичным, он постоянно меняется, и развивается. Как видим государство старается реагировать на возникающие вызовы и принимает меры, которые позволили бы упростить жизнь банкротящимся должникам. Тем не менее, нужно констатировать, что законодатель еще есть над чем работать. И основной его задачей должна стать оперативная реакция на возникающие недостатки и проблемы и их устранение путем внесения соответствующих изменений в законодательство о банкротстве физических лиц.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп. от 28.04.2023) / Российская Федерация. Законы. Текст: непосредственный // СЗ РФ. 2001. № 1. Ст. 1.
2. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп. от 28.04.2023) / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 28.04.2023) / Российская Федерация. Законы. Текст: непосредственный // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 26 октября 2002г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.04.2023) // СЗ РФ. 2002. № 43 ст. 4190 // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 08.05.2023).
5. Российская Федерация. Правительство. Об официальном издании, осуществляющем опубликование сведений, предусмотренных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.07.2008 № 1049-р / Российская Федерация. Правительство. Текст: непосредственный // СЗ РФ. 2008. № 30. Ст. 3674.
6. Белых В.С. Понятие, критерии и признаки несостоятельности граждан // Арбитражный суд Свердловской области. Круглый стол на тему: «Банкротство физических лиц: проблемные вопросы». 2017. № 5. С. 8–15.
7. Ганюшин О.Е., Терещенко Т.А. На опережение: Верховный Суд высказался по отдельным вопросам процедуры несостоятельности (банкротства) граждан // Закон. 2015. № 12. С. 98–105.
8. Евтушенко Е.В. Процессуально-правовые аспекты банкротства физических лиц // Административное и муниципальное право. 2015. № 6 (90). С. 538–541.
9. Егоров В.Е. Банкротство гражданина: вопросы при производстве отдельных процедур // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2015. № 2. С. 166–174.
10. Ешкилева Н.А., Трофимова И.А. Банкротство физических лиц: современное состояние и перспективы развития // Вестник науки и творчества. 2016. № 10. С. 73–77.
11. Уровень за кредитованности граждан вырос до 55%. В чем причина и как справиться с неподъемным грузом долгов // URL: <https://rg.ru/2022/11/28/zajmy-poit-romansy.html> (дата обращения 14.05.2023.)
12. Стоимость публикации информации о банкротстве на ЕФРСБ // URL: <https://lapin.ru/news/ctoimost-publikatsii-na-efrsb.html> (дата обращения: 14.05.2023.)
13. Стоимость публикации информации о банкротстве в газете «Коммерсант» // URL: <https://lapin.ru/news/ctoimost-publikatsii-v-gazete-kommersant.html> (дата обращения: 14.05.2023.)
14. Стоимость публикации информации о банкротстве в газете «Коммерсант» по состоянию на 2014 год. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2532085> (дата обращения: 14.05.2023.)

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Новикова О.Б., кандидат юридических наук, доцент,

Бессарабова Н.А., студент 1 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу реализации механизма компенсации морального вреда, причиненного потребителю. Исследуются специфические для данной категории дел правила компенсации морального вреда, принимаемые во внимание судом. Выявлены некоторые противоречия между нормами, регулирующими компенсацию морального вреда в сфере прав потребителей. Отмечается, что, имеет место формальный подход к решению вопроса о размере компенсации морального вреда потребителям и полностью основываются на Постановлении Пленума ВС РФ «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», которое противоречит нормам действующего законодательства. Требуется определение возможности компенсации морального вреда при нарушении прав потребителей только при наличии вины правонарушителя или достаточно доказать лишь факт причинения вреда.

Ключевые слова: моральный вред, защита прав потребителей, компенсация морального вреда, вина, презумпция морального вреда.

PROBLEMS OF DETERMINING THE AMOUNT OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE IN THE FIELD OF CONSUMER PROTECTION

Novikova O.B., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Bessarabova N.A., 1st year Master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the mechanism of implementation of the institution of compensation for moral damage caused to the consumer. The rules of compensation for moral damage specific to this category of cases, taken into account by the court, are investigated. Some contradictions have been identified between the norms that regulate compensation for moral damage in violation of consumer rights. It is noted that, recently, the courts have been formally approaching the issue of the amount of compensation for moral damage to consumer citizens and are fully based on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the consideration by courts of civil cases on consumer protection disputes», which contradicts the norms of current legislation. It is required to determine the possibility of compensation for moral damage in case of violation of consumer rights only if the offender is guilty or it is enough to prove only the fact of harm.

Keywords: moral harm, consumer protection, compensation for moral harm, guilt, presumption of moral harm.

Защита нематериальных благ, имущественных и неимущественных прав гражданина является одной из задач, которую призвано решать действующее российское гражданское законодательство. Одним из важнейших способов защиты таковых выступает институт компенсации морального вреда. Основой этому служат положения статей 151, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации. Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда [2, с. 34].

В настоящее время наибольшее количество исков, содержащих требования компенсации морального вреда связано именно с нарушением прав потребителей. Статья 15 соответствующего Закона «О защите прав потребителей» в свою очередь также регламентирует вопрос возмещения морального вреда, причиненного потребителю. Моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда [3, с. 5].

Ввиду сложности определения размера компенсации морального вреда, помимо Гражданского кодекса Российской Федерации, а также Закона «О защите прав потребителей», как основополагающих законодательных актов, важное место занимают разъяснения, приводимые в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Таковым является Постановление Пленума от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». А также Постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», которое содержит некоторые ранее не упоминавшиеся разъяснения. Так пункт 56 вышеуказанного Постановления № 33 указывает, что нарушение прав потребителя, выразившееся в неисполнении обязательства изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), продолжающееся после взыскания судом компенсации морального вреда, является основанием для удовлетворения иска потребителя о компенсации морального вреда за период с момента вынесения решения суда и до дня его фактического исполнения [4, с. 15].

Существует следующая коллизия, наблюдаемая при анализе статей 151 Гражданского кодекса РФ, статьи 15 Закона о защите прав потребителей, а также пункта 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». Так разъяснения гласят, что при решении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя [5, с. 20].

Многие истцы указывают на презумпцию причинения морального вреда потребителю. Однако законом установлено такое необходимое условие, как наличие вины причинителя вреда. Что же касается, так называемой, безвиновной ответственности, которая наступает при причинении вреда жизни или здоровью потерпевшего источником повышенной опасности, либо когда вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию, а также в случае причинения вреда гражданину в результате незаконного осуждения, привлечения к уголовной ответственности, заключения под стражу, ареста и др. (ст. 1100 ГК РФ). К перечисленным случаям не относятся отношения, вытекающие из сферы защиты прав потребителей.

При этом складывающаяся судебная практика свидетельствует о применении разъяснений Верховного Суда РФ в качестве источника права. Но следует отметить, что суды при этом (руководствуясь требованиями закона) учитывают степень вины причинителя вреда, степень и характер физических и нравственных страданий потерпевшего, его индивидуальные особенности, а также требования разумности и справедливости и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

В этом, на наш взгляд, и кроется корень проблемы. На первый взгляд, законодательство закрепляет достаточно критериев для определения справедливой компенсации морального вреда, тем не менее, определенной методики оценки размера компенсации морального вреда не выработано.

Так, из судебной практики по Волгоградской области можно привести следующие примеры относительно присуждаемого размера компенсации морального вреда. Истец обратился в суд с иском к индивидуальному предпринимателю, в обоснование указав, что между истцом и ИП был заключен договор купли-продажи мебели. Сумма договора составила 276 649 рублей, была оплачена своевременно, в полном объеме. Истцом также была оплачена сумма в размере 7020 рублей за доставку товара. Также между сторонами был заключен договор на оказание услуг по установке кухонного гарнитура и выезд сотрудников ответчика, на сумму 5000 рублей, которые также были оплачены истцом надлежащим образом. В установленный договором срок продавец не поставил товар, а также нарушил условия о комплектности товара. Размер неустойки, подлежащий взысканию, составил 58 086 рублей. Размер компенсации морального вреда истец оценил в 50 000 рублей.

Суд, удовлетворяя требования в части, указав, что в силу п.45 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 17 при решении вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения является установленный факт нарушения прав потребителя, который нашел свое подтверждение. Нарушение обязательств ответчиком повлекло нарушение прав истца как потребителя, нарушило его законные ожидания, повлекло определенные переживания, тревогу и другие негативные чувства, то есть нравственные страдания. Но принимая во внимание обстоятельства причинения вреда, продолжительность физических и нравственных страданий, негативных последствий, которые отразились бы на физическом и психологическом состоянии здоровья не заявлено. За медицинской помощью истец не обращался. Камышинский городской суд взыскал компенсацию морального вреда в размере 300 рублей [6].

По другому гражданскому делу, рассмотренному Дзержинским районным судом г. Волгограда, истец обратился с иском заявлением к ПАО СК «Ростосстрах» о взыскании штрафа, компенсации морального вреда.

В обоснование требований указав, что в результате ДТП транспортное средство, принадлежащее истцу на праве собственности, получило механические повреждения. Виновником ДТП явился гражданин К., гражданская ответственность которого была застрахована в ПАО СК «Ростосстрах» по полису ОСАГО.

Истцом в ПАО СК «Ростосстрах» были предоставлены все предусмотренные Правилами ОСАГО документы. В предусмотренный срок страховая компания не предприняла соответствующих действий. Решение о взыскании неустойки в связи с нарушением срока выплаты страхового возмещения по договору ОСАГО в сумме 370 000 рублей было исполнено ответчиком с нарушением срока. В связи с чем истец просил суд взыскать с ответчика помимо штрафа, причиненный моральный вред в размере 15 000 рублей.

В своем решении Дзержинский районный суд также ссылался на п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 17. Признавая обоснованными требования истца как потребителя о компенсации морального вреда, и разрешая вопрос о размере компенсации, судом было установлено, что в результате ненадлежащего исполнения обязательств ответчиком истцу причинен моральный вред.

Суд отметил, что размер иска не может быть поставлен в зависимость от стоимости товара (работы, услуги) или суммы подлежащей взысканию неустойки, а должен основываться на характере и объеме причиненных нравственных и физических страданий в каждом конкретном случае. И частично удовлетворил требования, перейдя к выводу, что истцу по вине ответчика были причинены нравственные страдания, в результате чего истцу пришлось защищать свои права в суде. Взыскал в счет компенсации морального вреда 500 рублей [7].

Подобной практики значительного снижения размера компенсации морального вреда придерживаются суды и других регионов России. Во многих случаях суды подходят к компенсации морального вреда, причиненного вследствие нарушения прав потребителей, с формальной точки зрения.

Полагаем, что в целях совершенствования правового регулирования компенсации морального вреда, причиненного потребителю, надлежит определить минимальный размер компенсации. Кроме того, следует разграничить основания для соответствующего возмещения, руководствуясь значимостью объекта посягательства. Наибольшую ценность имеет жизнь, затем – здоровье, а затем – имущество потребителя. Стоит установить обязательный для применения судами минимальный размер компенсации. Это значит, что суд не может сократить размер компенсации ниже, чем установленная минимальная величина. Однако если потерпевший требует компенсации в меньшем, чем минимальный, размере, суд должен удовлетворить требования в заявленном объеме.

Не стоит исключать и таких ситуаций, когда потерпевший не способен сообщить суду какие-либо сведения относительно переживания им моральных, нравственных страданий либо представить надлежащие доказательства. Исходя из пункта 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 17, это не может служить

основанием для отказа в удовлетворении требования о компенсации морального вреда. Однако в таком случае определить размер компенсации с учетом статей 151, 1101 Гражданского кодекса РФ не представляется возможным.

Н.В. Бугаенко, М.В. Кратенко высказываются мнение, что представлялось бы правильным присуждение компенсации морального вреда в символическом размере (например, 1 рубль). Компенсация в таком размере фактически будет лишена своего имущественного (и компенсационного в точном смысле слова) значения, но судебным решением будет подтверждено наличие у потерпевшего самого права на компенсацию морального вреда [1, с. 324].

С другой стороны, существует мнение, что определением степени физических и нравственных страданий, зависящих от индивидуальных особенностей лица, может заниматься только специалист соответствующей медицинской компетенции – психолог. Проблема в том, что проведение судебно-психологической экспертизы невозможно в каждом случае при рассмотрении дел, вытекающих из потребительских правоотношений, в силу большого количества таких споров, затягивания процессуальных сроков, отсутствия возможности привлечения для участия в деле специалистов, существенной дороговизны процесса.

В любом случае, осуществление механизма компенсации морального вреда, причиненного потребителю, не должна представлять собой реализацию злоупотребления правом, а сохранять баланс интересов, соответствовать принципу справедливости. Также важно окончательно определиться, возможна ли компенсация морального вреда при нарушении имущественных прав потребителей только при наличии вины правонарушителя или достаточно доказать лишь факт причинения вреда, о чем говорит Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Библиографический список

1. Бугаенко Н.В. Судебная практика по гражданским делам. Споры о защите прав потребителей: науч.-практ. пособие / Н.В. Бугаенко, М.В. Кратенко. М.: Юстицинформ, 2013. 500 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
3. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. N 2300-1 (ред. 05.12.2022 г.) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 2.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 9.
6. Решение Камышинского городского суда Волгоградской области от 17.09.2020 № 2-303/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kGx5XJ5vQurZ/> (дата обращения: 10.05.2023).
7. Решение Дзержинского районного суда г. Волгограда от 30.07.2020 № 2-1542/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XsgJoi9PPrs/> (дата обращения: 10.05.2023).

УДК 347.457

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ КРЕДИТНЫХ ДОГОВОРОВ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Погосян Р.Р., аспирант 1 курса, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Белова О.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Информация, представленная в данной научной статье, будет полезна самому широкому кругу читателей, поскольку затрагивает тематику правового регулирования отношений по заключению кредитных договоров с участием потребителей, применительно к настоящему времени.

Как показала практика правоприменения кредитных договоров с участием потребителей, он содержит в себе массу «вопросов» неурегулированного содержания, которые были выявлены уже после начала его правоприменения.

Ключевые слова: Кредитные договоры с участием потребителей, существенные условия кредитного договора, товары широкого потребления, процентная ставка обслуживания, скрытые условия кредитного договора.

LEGAL REGULATION OF RELATIONS ON THE CONCLUSION OF CREDIT AGREEMENTS WITH THE PARTICIPATION OF CONSUMERS

Pogosyan R.R., 1st year postgraduate student, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific supervisor: Belova O.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The information presented in this scientific article will be useful to the widest range of readers, since it touches on the topic of legal regulation of relations on the conclusion of credit agreements with the participation of consumers, as applied to the present time.

As the practice of law enforcement of credit agreements with the participation of consumers has shown, it contains a lot of «issues» of unsettled content, which were identified after the beginning of its enforcement.

Keywords: Credit agreements with the participation of consumers, essential terms of the loan agreement, consumer goods, interest rate of service, hidden terms of the loan agreement.

Общественные отношения, одной из сторон которых выступают потребители (так называемые «потребительски» отношения), составляют особую область в сфере действия гражданского права.

Исходя из тематики данной научной статьи, кредитные договора с участием потребителей, с каждым годом набирают свое более широкое распространение, которое прежде всего основано на необходимости более широкого охвата населения.

Ввиду широкого распространения кредитных договоров с участием потребителей в современной Российской Федерации, актуальным стал вопрос о необходимости более четкого правового регулирования такого рода экономических отношений.

Так, например, согласно официальной статистике «Объединенного кредитного бюро Российской Федерации», всего в 2022 г. было выдано 41,93 млн новых кредитов общим объемом 11,25 трлн руб. В 2021 г. было выдано 46,12 млн кредитов на 14,89 трлн руб. Рост объемов кредитования в 2022 г. стал сегмент кредитных карт. Количество новых карт выросло на 15 % в годовом отношении, объем одобренных лимитов – на 14 %. В 2022 г. было выдано более 19,77 млн новых карт с общим лимитом 1,62 трлн руб., годом ранее – 17,21 млн карт на 1,42 трлн руб. [1].

Несомненная популярность договоров кредитования с участием потребителей и далее будет только расти и увеличиваться, поскольку позволяет гражданам получать тот или иной объект материального мира, либо услугу с возможностью ее погашения в будущем.

По большей части, договоры кредитования с участием потребителей, выдаются для следующих целей – задач:

- для осуществления приобретения различного рода товаров широкого потребления;
- для приобретения автомобилей;
- для оплаты образования;
- для осуществления домашнего ремонта;
- для осуществления туристических поездок и так далее.

В настоящее время, можно уверенно говорить о том, что, только последовательная и системная работа в области правового регулирования кредитных договоров с участием потребителей, придает данным экономическим правоотношениям, безопасное содержание для всех его сторон.

Применительно к современной Российской Федерации, проблематика дальнейшего правового урегулирования отношений по заключению кредитных договоров с участием потребителей и по настоящее время носит крайне актуальное значение и содержание по причине сравнительно недавнего перехода нашей страны на рыночный путь своего дальнейшего развития.

Основополагающим нормативно-правовым актом в области кредитных договоров с участием потребителей, является Конституция Российской Федерации, в которой прямо указано следующее – «...в исключительном ведении Российской Федерации, находятся вопросы следующего содержания: финансовое, валютное, кредитное и иное государственное регулирование...» (п. «ж» ст. 71).

Вторым нормативно – правовым актом в области осуществления правового регулирования кредитных договоров с участием потребителей, является гражданское законодательство Российской Федерации.

Глава 42 Гражданского кодекса Российской Федерации, содержит в себе общие положения о порядке оформления договорных правоотношений между кредитными организациями и заемщиками, соответственно.

Тем не менее, гражданское законодательство Российской Федерации, лишь в общей форме регулирует кредитные правоотношения, не отдавая при этом никакого внимания на особенности, например – простого потребительского кредитования.

Как следствие необходимости скорейшего ликвидации данного законодательного пробела, в 2013 году был принят и введен в действие – федеральный закон Российской Федерации от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [2, с. 1].

Таким образом, вышеуказанный нормативно-правовой акт Российской Федерации, прежде всего был направлен для решения проблем следующего содержания при заключении и последующем исполнении кредитных договоров с участием потребителей:

- установление повышенного уровня к качеству принимаемых нормативно-правовых актов в области потребительского кредитования;
- обязательное и безусловное информационно-правовое обеспечение заемщиков обо всех существенных условиях потребительского кредитования;
- постепенное и последовательное повышение правовой и финансовой грамотности у граждан Российской Федерации;
- постепенное и последовательное повышение финансового планирования у граждан Российской Федерации;
- обязательное информационное оповещение граждан Российской Федерации о высокой степени рисков составляющей, договоров кредитования и так далее.

Как показывает современная практика реализации договоров кредитования с участием потребителей, все указанные выше проблемы по большей части не разрешены и по настоящее время.

Рассматривая тематику данной научной статьи, также необходимо отметить следующее, помимо всех указанных выше нормативно-правовых актов Российской Федерации в области регулирования договоров кредитования с участием потребителей, немаловажную роль играет федеральный закон «О кредитных историях» [3, с. 1].

Основной целью данного нормативно-правового акта Российской Федерации в деле дальнейшего регулирования договоров кредитования с участием потребителей, выступила «кредитная история» заемщика.

Следует отметить, что в большинстве случаев, именно на осуществлении анализа «кредитной истории» заемщика, происходит принятие решения о выдаче потребительского кредита, либо в отказе в его выдаче.

На сегодняшний день существует база кредитных историй [4, с. 603], используя которую, можно понять финансовую возможность заемщика по кредитным обязательствам. Это позволяет кредитору здраво и взвешенно оценить риски при выдаче кредита, а заемщику – обезопасить себя от возможной невыплате суммы кредита и процентов по ней.

Так, например, общий анализ «кредитной истории» заемщика, позволяет получить точную и объективную информацию как об отрицательных, так и об положительных привычках человека, с чем в данном случае нельзя не согласиться.

Р.Т. Балакина и И.М. Реутова высказали точку зрения, согласно которой: потребительским кредитом признается кредит, предоставляемый банком, финансовой компанией или розничным торговцем отдельному индивидууму на различные потребительские цели (например, это могут быть покупки каких-либо предметов личного потребления) [5, с. 5].

Т.М. Ковалева определяет потребительский кредит как экономические отношения, складывающиеся между кредитором (банком) и заемщиком (физическим лицом), в связи с кредитованием конечного потребителя [6, с. 98].

Главной спецификой договора кредитования с участием потребителей, выступает следующее существенное условие, которое заключается в следующем – денежные средства получает не клиент соответствующей финансовой структуры, а непосредственный продавец того или иного объекта материального мира.

При этом, непосредственное перечисление денежных средств на финансовый счет продавца, происходит лишь на следующий день, после подписания заемщиком кредитного договора.

Исходя из всего вышесказанного необходимо резюмировать следующее – договор кредитования с участием потребителей, содержит в себе следующие существенные условия, которые требуют своего обязательного, правового урегулирования:

- договор потребительского кредитования с участием потребителя, несет в себе возникновение соответствующих, юридических обязанностей у его обеих сторон;
- договор потребительского кредитования с участием потребителя, всегда носит консенсуальный характер и содержание, которое заключается в обязательстве финансовой организации в виде выдачи денежного кредита;

- и наконец, договор потребительского кредитования с участием потребителя, всегда носит возмездный характер и содержание.

Так, например, договор кредитования с участием потребителя, изначально содержит в себе императивное правило о том, что заемщик при его подписании, автоматически соглашается с обязанностью по уплате процентов за пользование выданным кредитом.

К указанным выше, существенным условиям договора кредитования с участием потребителей, также необходимо отнести следующие из них:

- предмет договора кредитования;
- лимит договора кредитования;
- срок договора кредитования;
- период возврата полученных денежных средств по ранее заключенному договору кредитования;
- график осуществления ежемесячных платежей по договору кредитования;
- итоговый размер годовой процентной ставки договора кредитования;
- полная стоимость выданного кредита по договору кредитования;
- и наконец, порядок изменения годовых процентов по выданному кредиту, в том случае если в договоре кредитования указано применение переменной процентной ставки и так далее.

Исходя из вышеуказанного необходимо резюмировать следующее, тематика правового урегулирования договоров кредитования с участием потребителей, подлежит своему дальнейшему становлению, поскольку в настоящее время встречаются следующие, «незаконные условия»:

- установление заемщику повышенных процентов за пользование им ранее выданного ему кредита, в случае нарушения срока его погашения;
- привлечение в качестве «гарантов» третьих лиц, в случае невозможности погашения заемщиком, ранее выданного ему кредита;
- необходимо на законодательном уровне установить правило об обязательности раскрытия всех существенных условий договора кредитования с участием потребителей;
- необходимо на законодательном уровне установить правило о возможности досрочного исполнения всех ранее взятых обязательств по договору кредитования с участием потребителей;

- и наконец, необходимо самым максимальным образом упростить систему расчета платежей по договорам кредитования с участием потребителей.

В настоящее время имеет место явная необходимость дальнейшего совершенствования государственного контроля за работой банковской сферы Российской Федерации в части реализации договоров кредитования с участием потребителей.

Также следует принять во внимание, что с проблемами аналогичного характера и содержания, в настоящее время сталкивается не только современная Российская Федерация, но и все иные страны глобального мира, без исключения, вне зависимости от их принадлежности к той или иной правовой семье.

Библиографический список

1. Объединенное кредитное бюро. URL: <https://bki-okb.ru/press/news/v-2022-godu-kreditnye-karty-byli-samym-vostrebovannym-kreditnym-produktom-u-rossiyan/> (дата обращения 13.05.2023).
2. Федеральный закон Российской Федерации от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
3. Федеральный закон «О кредитных историях» от 30.12.2004 № 218-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
4. Мичурин Е.А. Значение правовой природы кредитных обязательств в механизме правоприменения // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. «Экономика. Управление. Право». 2013. № 4-1. С. 603–607.
5. Балакина Р. Т., Реутова И. М. Потребительское кредитование: теоретические и методологические аспекты. Омск: Омский государственный университет, 2012. 118 с.
6. Дьяконова М.Л., Ковалева Т.М., Кузьменко Т.Н. и др. Финансы и кредит: учебник / под ред. Т.М. Ковалевой. М., 2008. 648 с.

УДК 347.235.1

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ БЕСПЛАТНО ГРАЖДАНАМ, ИМЕЮЩИМ ТРЕХ И БОЛЕЕ ДЕТЕЙ

Подьяпольская В.А., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Белова О.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассмотрено предоставление земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности бесплатно гражданам, имеющим трех и более детей. Целью данной работы является поиск и решение проблемы разноточный предоставления земельных участков в федеральном и региональном законодательствах. Определены особенности практики предоставления земельных участков, находящихся в государственной собственности. Представлен ряд предложений, направленных на совершенствование механизма правового регулирования общественных отношений в данной сфере законодательства.

Ключевые слова: земельный участок, государственная собственность, муниципальная собственность, граждане, имеющие трех и более детей.

PROBLEMS ARISING FROM THE PROVISION OF LAND PLOTS IN STATE OR MUNICIPAL OWNERSHIP FREE OF CHARGE TO CITIZENS WITH THREE OR MORE CHILDREN

Podyapolskaya V.A., 1st year undergraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Belova O.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article considers the provision of land plots in state and municipal ownership free of charge to citizens with three or more children. The purpose of this work is to find and solve the problem of discrepancies in the provision of land plots in federal and regional legislation. The specifics of the practice of granting state-owned land plots are determined. A number of proposals are presented aimed at improving the mechanism of legal regulation of public relations in this area of legislation.

Keywords: land, state property, municipal property, citizens with three or more children.

Российская Федерация лидирует по объему принадлежащих ей земельных ресурсов, вследствие чего отношения по обороту земли, вопросы возникновения, изменения, прекращения прав и обязанностей остаются актуальными и требуют нововведений в земельном и гражданском законодательстве.

Общезвестно, что регулярное внесение изменений ведет к проблемам правоприменения, не только правоприменителей, но и обычных граждан. Внедрение изменений в законодательство, регламентирующее вопросы в сфере земельных правоотношений, порядка предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности не остались в стороне.

Со вступлением в силу с 1 марта 2015 года изменений земельного законодательства не обошлось без возникновения проблем в правоприменении.

Подпунктами 6 и 7 ст. 39.5 ЗК РФ (в ред. от 29.12.2014 N 487-ФЗ) предусмотрено право предоставления земельного участка в собственность бесплатно гражданам, имеющим трех и более детей, с указанием на один важный момент: устанавливается такое право органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Этот момент нашел отражение и в ст. 39.19 ЗК РФ, которая прописывает, что данной категории граждан земельные участки предоставляются однократно.

Очень примечательным в данном контексте будет пример из судебной практики [1].

Постановлением администрации Лямбирского муниципального района Республики Мордовия Грошевой Э.Р., как матери многодетной семьи, предоставлен в собственность бесплатно земельный участок для ведения личного подсобного хозяйства.

Грошева Э.Р. приняла решение улучшить условия проживания своей семьи и подала в Администрацию заявление о разрешении построить дом на предоставленном ей земельном участке. Однако Администрация Лямбирского муниципального района отказала ей, мотивировав свой отказ нахождением на земельном участке охранной зоны магистрального газопровода высокого давления составляющей 100 м.

О том, что на территории земельного участка запрещено строительство Грошева Э.Р. узнала из утвержденного градостроительного плана. Она решила повторно обратиться в Администрацию с заявлением о предоставлении ей бесплатно иного земельного участка. Администрация на данное заявление также ответила отказом, указав в своем письме, что право на предоставление она уже исчерпала.

Поскольку исследованным судом материалами дела бесспорно подтверждено, что предоставленный Грошевой Э.Р., как многодетной матери земельный участок не может быть использован для строительства жилого дома, в связи с чем изначально не мог выделяться Грошевой Э.Р., как семье, состоящей на учете в качестве нуждающейся в улучшении жилищных условий, поэтому оспариваемый истцей отказ администрации района № 637 от 02 июня 2017 года в предоставлении ей в собственность бесплатно земельного участка для индивидуального жилищного строительства нельзя признать законным, так как он нарушает права и охраняемые законом интересы многодетной семьи истцы.

В своем решении суд возложил обязанность на Администрацию вновь внести истцу в списки лиц на получение земельного участка.

В данном примере четко прослеживается непропорциональность действий со стороны Администрации при реализации существующего однократного права многодетной семьи на предоставление земельного участка.

В настоящее время ситуация складывается, как уже было указано так, что сам по себе порядок предоставления земельных участков регламентирован более региональным законодательством, на федеральном же уровне закреплены лишь основные положения.

Лица, которые изъявили желание воспользоваться законодательно установленной возможностью получить земельный участок бесплатно, на деле попали в неоднозначное положение. Во-первых, оказалось, что земельных участков, не обремененных правом собственности и отвечающих всем требованиям, установленным в законе, не хватает. Во-вторых, выяснилось, что в бюджетах субъектов недостаточно средств, для того чтобы подготовить земельные участки. В связи с чем, мероприятия по предоставлению земельных участков осуществляются довольно долго и проблемно: «предлагаются земельные участки, не пригодные для использования по целевому назначению (заболоченная местность, отсутствие инфраструктуры и т.д.); а лица, чьи права нарушены, подают в суд на органы местного самоуправления» [2].

Перейдем к не менее важной проблеме – установлению критериев субъекта, который имеет право безвозмездно приобрести земельный участок в собственность.

Обратимся вновь к Земельному кодексу РФ. Статья 39.5 (п.п. 6 и 7) предоставляет данное право многодетным семьям, а точнее – лицам имеющим трех и более детей. Кажется бы, все просто и ясно, но на деле, же прослеживается довольно ощутимая разница регулирования этого вопроса законами субъектов. Основные различия в региональной регламентации:

1) каким образом в данной семье дети устроены (опека, попечительство и т.д.);

2) последствия для семьи находящейся в Реестре очередности при наступлении совершеннолетия одним из детей [3].

В Волгоградской области существует и применяется Закон Волгоградской области «О предоставлении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность граждан бесплатно» от 14.07.2015 № 123-ОД [4].

Согласно ему земельные участки бесплатно предоставляются гражданам, имеющим трех и более несовершеннолетних детей, в том числе находящихся под опекой или попечительством или переданных на воспитание по договору о приемной семье, а также несовершеннолетних детей в возрасте до 23 лет, обучающихся в общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования по очной форме обучения, при условии совместного проживания гражданина и его детей.

Право на постановку на учет на получение земельного участка в собственность бесплатно имеют граждане, постоянно проживающие на территории Волгоградской области в течение не менее пяти лет, непосредственно предшествующих дате подачи ими заявления.

Причем, в ч. 5 ст. 5 названного закона принятый на учет гражданин, имеющий трех и более детей, не подлежит снятию с учета и сохраняет право на получение земельного участка в собственность бесплатно в следующих случаях:

1) достижение ребенком совершеннолетия;

2) достижение ребенком, являвшимся на момент постановки на учет совершеннолетним и обучавшимся в общеобразовательной организации, профессиональной образовательной организации и образовательной организации высшего образования по очной форме обучения, двадцатитрехлетнего возраста;

3) прекращение ребенком, являвшимся на момент постановки на учет совершеннолетним и обучавшимся в общеобразовательной организации, профессиональной образовательной организации и образовательной организации высшего образования по очной форме обучения, образовательных отношений либо изменение формы обучения ребенка;

4) смерть ребенка (детей), если смерть наступила не в результате виновных действий (бездействия) гражданина, состоявшего на учете.

Таким образом, два основных момента относительно формы устройства детей в семье и возможности получения земельного участка при достижении одним из них совершеннолетия в данном регионе имеют правовую регламентацию.

Иначе решен вопрос о нахождении на учете после достижения детьми определенного возраста в Законе Самарской области «О земле»: граждане, имеющие трех и более детей и вставшие на учет, не снимаются с учета только в течение трех лет с момента достижения старшим ребенком возраста, 18 или 23 лет (при обучении в общеобразовательной организации, профессиональной образовательной организации и образовательной организации высшего образования по очной форме обучения), при условии, что они не реализовали принадлежащее им право на приобретение в собственность земельного участка бесплатно [5].

Предоставление в собственность многодетным семьям бесплатно земельных участков не равнозначно в субъектах Российской Федерации, в силу различности бюджета и возможностей.

Для того чтобы достичь единой, согласованной деятельности, региональное законодательство должно оперировать основными положениями, установленными на федеральном уровне. Только при этом будет достигнута задача повышения эффективности законотворчества. Несмотря на то, что на всей территории РФ необходимо существование единой законотворческой мысли, которую вкладывает законодатель, на территории отдельных субъектов имеются существенные различия в интерпретации определенных положений. Принимая во внимание достаточно внушительные размеры протяженности нашего государства и количество, входящих в его состав регионов, которым законодателем предусмотрена некая самостоятельность в принятии решений, стоит задуматься о наиболее скоординированных действиях между уровнями власти. Вследствие чего на первый план выносятся вопросы улучшения взаимодействия. Для наиболее эффективного внедрения инициатив законодателя, предусмотренных изменениями Земельного кодекса 2015 г. органам государственной власти и местного самоуправления, следует действовать слаженно на всех уровнях и проводить единую законотворческую политику.

На данный момент следует закрепить основные положения о форме устройства детей в семье и возможности бесспорного состояния на учете многодетных граждан, претендующих на право получения земельного участка в собственность бесплатно на федеральном уровне, с целью уравнивания положения данных субъектов в разных регионах страны.

Библиографический список

1. Решение № 2-695/2017 от 9 янв. 2017 г. Лямбирского районного суда (Республика Мордовия) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>. (дата обращения 24.11.2022 г.).
2. Козодубов А.А. Правовые проблемы, возникающие при предоставлении земельных участков органами государственной власти и органами местного самоуправления Российской Федерации // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право. 2018. С. 505–509.
3. Белоусова И.А. Многодетная семья, как категория лиц, наделенных правом на получение земельного участка в собственность безвозмездно // Студент года 2018. 2018. С. 112–116.
4. О предоставлении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность граждан бесплатно: Закон Волгоградской области от 14.07.2015 N 123-ОД // Волгоградская правда. № 123. 2015.
5. О земле: Закон Самарской обл. от 11.03.2005 № 94-ГД // Волжская коммуна. № 44. 2005.

УДК 342.553

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАЧЬИХ ОБЩЕСТВ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Поляков А.Н., студент-магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Рахманнина Н.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования деятельности казачьих обществ на территории Волгоградской области. Был проведен анализ регионального законодательства и внутренних правовых актов казачьих обществ, выявлены пробелы правового регулирования и предложены варианты их устранения. Также определены перспективы развития законодательства на федеральном, региональном и местном уровнях.

Ключевые слова: казачьи общества, законодательство, правовой акт, общественная организация, реестр, устав.

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF COSSACK SOCIETIES IN THE VOLGOGRAD REGION

Polaykov A.N., 1st year undergraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd
Scientific adviser: Rakhmanina N.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd

Abstract. This article discusses the actual problems of legal regulation of the activities of Cossack societies in the territory of the Volgograd region. An analysis of regional legislation and internal legal acts of Cossack societies was carried out, gaps in legal regulation were identified and options for their elimination were proposed. The prospects for the development of legislation at the federal, regional and local levels are also determined.

Keywords: cossack societies, legislation, legal act, public organization, register, charter.

Существование казачьих обществ в России имеет длительную историю, связанную с осуществлением военных и административных функций, а также с сохранением культурных и социальных традиций казачества. В настоящее время, казачеству в России присвоен статус национально-культурной автономии, что подразумевает существование самоуправляющихся организаций, осуществляющих свою деятельность на основе казачьих традиций и ценностей.

По данным Министерства юстиции в Российской Федерации на конец 2021 года зарегистрировано более 15 000 казачьих обществ. Однако, не все они имеют статус национально-культурной автономии. Казачьи общества выполняют различные функции, такие как поддержание традиций казачества, образование новых казачьих кадров, участие в военно-патриотическом воспитании молодежи, охрана общественного порядка и т.д. Также, казачьи общества могут выполнять такие функции, как помощь в социальной адаптации и защите прав и интересов населения. Однако, ряд авторов критикуют казачьи общества за то, что в их деятельности просматриваются признаки дискриминации, национализма и ксенофобии. Поэтому, в обществе существует дискуссия относительно роли и места казачьих обществ в России.

Если обратиться к ГК РФ [1], то казачье общество представляет собой внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации объединения граждан, созданные в целях сохранения традиционного образа жизни, хозяйствования и культуры российского казачества, добровольно принявшие на себя в порядке, установленном законом, обязательства по несению государственной и иной службы.

В разных регионах России на разном уровне развития находятся нормы права, касающиеся регулирования деятельности казачьих обществ. Мы же будем рассматривать особенности функционирования казачьих обществ в Волгоградской области.

Сегодня на территории Волгоградской области зарегистрировано и внесено в реестр 67 казачьих обществ [2].

Существует множество правовых актов, которые регулируют деятельность казачьих обществ на разных уровнях, например: федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»; закон Волгоградской области от 29.12.2007 г. № 1622-ОД «О взаимодействии органов государственной власти Волгоградской области с казачьими обществами» [3], [4]; внутренние правовые акты такие как устав, положение и др.

Однако в данном случае, можно обнаружить пробел в законодательстве Волгоградской области, так как отсутствует закон, который регулировал бы вопросы реализации полномочий казачьих обществ и общественных объединений казачества, в том числе и совместных.

Обращаясь к правовому регулированию деятельности казачьих обществ на региональном уровне, можно провести сравнение законодательств Волгоградской и Ростовской областей.

Первое что можно обнаружить это разница в положениях, предусмотренных в основных областных законах (уставах). В Ростовской области этот вопрос с базовыми положениями решен при помощи Устава Ростовской области, в котором прописана правовая основа. Так, например, в ст. 77 содержится определение донского казачества: «Донское казачество – это исторически сложившаяся общность в составе многонационального населения Ростовской области, имеющая самобытные традиции, культуру. Органы государственной власти Ростовской области и органы местного самоуправления в целях восстановления исторической справедливости в отношении казачества осуществляют необходимые меры по реализации федерального законодательства о казачестве, принимают нормативные правовые акты по вопросам возрождения казачества и обеспечивают их выполнение» [5]. И еще ряд статей, регламентирующих правовые основы осуществления деятельности казачьими обществами на территории Ростовской области.

В то время как в Уставе Волгоградской области содержится всего один пункт, содержащий определение казачества и полностью отсутствует конкретика в отношении понятия «казачье общество» на местном уровне. Казачество – это исторически сложившаяся общность, имеющая самобытные традиции и культуру. Органы государственной власти Волгоградской области в целях восстановления исторической справедливости в отношении казачества осуществляют необходимые меры по реализации федерального законодательства о казачестве, принимают нормативные правовые акты по вопросам возрождения казачества в Волгоградской области и обеспечивают их исполнение (статья 8.1) [6]. На наш взгляд необходимо расширить правовое регулирование деятельности казачьих обществ на законодательном уровне региона и дополнить правовые нормы в соответствии с сегодняшними реалиями.

Не менее важный вопрос касается и социальной защиты казачества. В Волгоградской области реализуются федеральные законы, направленные на поддержку отдельных групп населения, в число которых может входить и казачество, однако данную сферу необходимо более детально прописывать на региональном уровне. В случае возникновения несчастных случаев должна быть правовая основа и меры поддержки казачества. Необходимо обеспечить страхование, материальную и правовую защиту жизни и здоровья казака и членов его семьи. Если обратиться к опыту Краснодарского края, то можно обнаружить отдельный закон «О дополнительных мерах социальной защиты казачьих обществ Кубанского войскового казачьего общества привлекаемых к государственной или иной службе в Краснодарском крае» [7]. В данном законе прописаны меры социальной поддержки членов казачьих обществ, в случае получения увечий или смерти в ходе исполнения им обязанностей по несению государственной или иной службы. Так же прописывается роль местного самоуправления в этой ситуации. В других регионах России, где весомую роль играет казачество, тоже имеются такого рода законы, однако в Волгоградской области такой закон попросту отсутствует.

На федеральном и региональном уровнях прописаны меры защиты полиции, пожарных и других служб, которые находятся на государственной службе. В соответствии с федеральным законом от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» [8] казаки являются государственными служащими, однако меры социальной поддержки прописаны в отношении этих некоммерческих организаций в самом общем виде. Следует на региональном уровне рассмотреть возможность более детального регулирования мер поддержки, так как казачество остается самой не защищенной структурой государственной службы.

Несмотря на существующие проблемы, стоит сказать о перспективах развития российского казачества. На наш взгляд должна быть проведена большая работа по совершенствованию законодательства регионального и местного уровня в отношении этих некоммерческих организаций. Необходимо усиление роли казачьих обществ в обеспечении правопорядка, а именно взаимодействие с правоохранительными органами и армейскими подразделениями. Для этого надо прописать в актах региона и во внутренних документах полномочия и возможности осуществления деятельности казачьих общественных организаций наряду с полицией и иными спецслужбами.

С практической точки зрения при наделении казачьих обществ карательными полномочиями появляется возможность использования подготовленных кадров в экстренных ситуациях. Данные полномочия могут быть реализованы путем создания группы быстрого реагирования подведомственной казачьему обществу и действующими совместно с ним подразделениями Росгвардии и МВД РФ. Такие возможности при договоренности с руководством армией, можно реализовать, например на базах 20-ой отдельной гвардейской мотострелковой бригады, 22-й бригады специального назначения или 7-й воздушно-десантной дивизии ВДВ, где непосредственно и служат казаки в Волгоградской области.

30 марта 2023 г. на казачьем кругу в Волгоградской областной общественной организации «Волгоградский округ Донских казаков» было принято решение выступить с инициативой к Государственной Думе о создании федерального органа, который непосредственно будет заниматься вопросами казачества. Если консенсус по этой теме будет достигнут, то мы получим четкую централизацию деятельности всего казачества не только в Волгоградской области, но и в Российской Федерации.

На наш взгляд это приведет к унификации и систематизации законодательства, детальному и полному разграничению полномочий, организации деятельности в политической, социальной и военной сферах всего российского казачества. Будут исправлены многие ошибки и неточности законодательства, налажена система взаимодействия казачьих обществ с другими службами РФ, и будет четко определена роль казачества в военной сфере (на государственной службе) и в гражданском обществе. Соответственно этот вопрос необходимо проработать на самых высоких уровнях, а итогом может стать повышение безопасности граждан РФ и усиление отдельных армейских подразделений, что очень актуально в сегодняшнее время.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что возрождение и развитие казачества в России в целом и на Дону в частности потребовало от государства создания нормативной базы по вопросам казачества, которая, в должной мере не разрешила всех основных проблем казачества. Вместе с тем, надо это признать, что нормативная реализация казачьего самоуправления оказалась частично закрепленной только на основе уставов казачьих обществ и муниципальных образований, деятельность которых доказала не только свою актуальность, но и общегосударственную значимость. В рамках муниципальной реформы казачьи общества смогли упрочить и существенно расширить свои позиции, хотя вопрос принятия единой нормативной базы по вопросам казачьего самоуправления до сих пор остается открытым.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 08.05.2023).
2. Список казачьих обществ, зарегистрированных на территории Волгоградской области и внесенных в государственный реестр казачьих обществ // БезФормата: Новости Волгограда и Волгоградской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://volgograd.bezformatata.com/listnews/kazachih-obshhestv-zaregistrovannih-na/65086642/> (дата обращения 14.05.2023).
3. Областной закон Волгоградской области от 29.12.2007 г. № 1622-ОД «О взаимодействии органов государственной власти Волгоградской области с казачьими обществами» // опубликован в газете «Волгоградская правда» от 16 января 2008 г. № 6 (дата обращения 14.05.2023.);
4. Областной закон Ростовской области от 29 сентября 1999 № 47-ЗС «О казачьих дружинах в Ростовской области» // опубликован в газете «Наше время» от 8 октября 1999 г. № 188–189 (дата обращения 14.05.2023).
5. Областной закон Ростовской области от 29 мая 1996 г. № 19-ЗС «Устав Ростовской области» // опубликован в газете «Наше время» от 6 июня 1996 г. № 98-99 (дата обращения 14.05.2023).
6. Областной закон Волгоградской области от 24 февраля 2012 г. № 1-ОД «Устав Волгоградской области» // опубликован в газете «Волгоградская правда» от 29 февраля 2012 г. № 35 (дата обращения 14.05.2023).
7. Закон Краснодарского края от 13 марта 2000 года № 247-КЗ «О дополнительных мерах социальной защиты членов казачьих обществ Кубанского войскового казачьего общества, привлекаемых к несению государственной и иной службы в Краснодарском крае» (с изменениями на 21 февраля 2023 года) // опубликован в газете «Кубанские новости» от 24 марта 2000 г. № 54-55 (дата обращения 14.05.2023).
8. Федеральный закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О государственной службе российского казачества» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 50. Ст. 5245 // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 14.05.2023).

ДИСТАНЦИОННАЯ ЗАЯВКА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ ГРАЖДАН БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Семёнова С.Ю., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Кузьмина А.И., ассистент кафедры финансового и предпринимательского права, аспирант 1 курса,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Авторы обращают внимание, что долгое отсутствие гражданина и неизвестность места его пребывания, значительно влияет, а в некоторых случаях, нарушает права и законные интересы других лиц, которые связаны с безвестно отсутствующим гражданином определенными обязательствами. В статье рассматривается вопрос о дистанционной заявке на кредит, который может быть использован в качестве доказательства в судебных делах о признании гражданина безвестно отсутствующим.

Ключевые слова: признание безвестно отсутствующим, особое производство, дистанционная заявка на кредит, институт признания гражданина безвестно отсутствующим.

REMOTE APPLICATION AS EVIDENCE IN CASES OF RECOGNITION OF CITIZENS AS MISSING: THEORY AND PRACTICE

Semenova S.Y., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Kuzmina A.I., Assistant of the Department of Financial and Business Law, 1st year postgraduate student,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The authors draw attention to the fact that the long absence of a citizen and the unknown place of his stay significantly affects, and in some cases violates the rights and legitimate interests of other persons who are associated with an unknown absent citizen with certain obligations. The article deals with the issue of a remote application for a loan, which can be used as evidence in court cases on the recognition of a citizen as missing.

Keywords: recognition as missing, special proceedings, remote application for a loan, the institution of recognition of a citizen as missing.

Для регулирования гражданских правоотношений необходимо участие граждан. При этом возможны ситуации, когда гражданин длительное время отсутствует и никаких сведений о его постоянном месте жительства и (или) месте нахождения неизвестно. Одни авторы полагают, что институт безвестного отсутствия регулирует последствия, возникающие в связи с длительной неизвестностью пребывания лица, а также порядок признания безвестно отсутствующих. Другие же, институт безвестного отсутствия определяют через призму невозможности устранения неизвестности его местонахождения.

В конечном итоге, как справедливо отмечает А.Н. Шайдуллина, в настоящее время отсутствует правовое регулирование правового института безвестного назначения, несмотря на многообразие точек зрения, относительно работы такого института [1, с. 180].

Между тем, чтобы констатировать факт безвестного отсутствия, необходимо наличие следующих критериев:

- 1) отсутствие гражданина по месту его жительства;
- 2) отсутствие в течение одного года;
- 3) обращение лиц в суд;
- 4) решение суда о признании гражданина безвестно отсутствующим.

По нашему мнению, безвестное отсутствие – это не нахождение лица по месту его жительства, продолжающееся долгое время без получения кем-либо известий о его месте пребывания.

Если признать гражданина безвестно отсутствующим не составит труда, то, как рассматривать вопрос подачи дистанционной заявки от имени такого лица?!

Дистанционная заявка представляет собой электронный образ документа, который может быть использован в качестве доказательства в судебных делах о признании граждан безвестно отсутствующими.

Однако такая заявка может быть подана родственниками или близкими лицами, которые имеют доступ к персональным данным отсутствующего.

Теоретически, заявку можно подать в любой форме: письменно, электронно или устно, но термин «дистанционная», априори, означает привязанность к компьютерным технологиям, поэтому мы будем рассматривать исключительно электронный вариант подачи заявки.

Общезвестно, что любая форма заявки (потребительский кредит, запрос в органы, покупка в интернет-магазине и пр.) должна содержать информацию о гражданине (паспорт, СНИЛС, ИНН, данные карты, номер телефона, электронная почта, адрес прописки, в исключительных случаях, место работы и т.п.).

Получается, что родственник или близкий человек имея персональные данные гражданина может подать такую заявку без его присутствия или участия, что влечет за собой определенный риск последствий для отсутствующего лица.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 262 ГПК РФ в порядке особого производства суд рассматривает дела о признании гражданина безвестно отсутствующим.

В соответствии со статьей 42 ГК РФ гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц признан судом безвестно отсутствующим.

Институт признания гражданина безвестно отсутствующим – это удостоверение в судебном порядке факта длительного отсутствия гражданина в месте его постоянного жительства, если оказались безуспешными меры по установлению места его пребывания и получению каких-либо сведений о нем.

Указанный правовой институт имеет целью предотвращение как для самого гражданина, о месте пребывания которого нет сведений, так и для других лиц, в том числе имеющих право на получение от него содержания, для которых от признания гражданина безвестно отсутствующим зависит реализация социальных гарантий.

Например, Постановлением судебного пристава-исполнителя Палласовского района Волгоградской области от 26 ноября 2019 года должник по алиментам объявлен в розыск.

Однако по результатам проведенных розыскных мероприятий местонахождение должника не установлено.

Из материалов розыскного дела, следовало о направлении запросов в банки, сотовые компании, МФЦ, ГКБ № 1 им. С.З. Фишера, БТИ, ЗАГС, Военный комиссариат, ОМВД, ГИБДД, ИЦ ГУ МВД РО о наличии (отсутствии) у должника судимости, ГИАЦ МВД России, ПФР, Комитет сельского хозяйства, Учреждение Росреестра, Бюро кредитных историй, железнодорожные и авиакасы, страховые компании, ГУФСИН России, ЦЗН и др.

В течение одного года со дня получения последних сведений о должнике не установлено его место нахождения, судебный пристав-исполнитель, осуществлявший розыск, информировал взыскателя (опекуна по данному делу) о результатах проведенных исполнительно-розыскных действий и разъяснил взыскателю его право на обращение в суд с заявлением о признании должника безвестно отсутствующим.

В июле 2022 года опекун несовершеннолетнего ребенка обратился в Советский районный суд г. Волгограда с заявлением о признании должника безвестно отсутствующим.

Для заявителя это единственная возможность оформления пенсии по случаю потери кормильца в целях защиты интересов несовершеннолетнего ребенка.

20 декабря 2022 Советский районный суд г. Волгограда отказал в удовлетворении требований о признании гражданина безвестно отсутствующим по следующим основаниям:

«по сведениям Национального бюро кредитных историй должник дистанционно обращался в кредитную организацию за предоставлением потребительского кредита, в котором было отказано»

Такая формулировка мотивировочной части решения вызывает сомнения в законности вынесенного решения.

Дистанционная заявка в делах о признании гражданина безвестно отсутствующим может быть использована только в качестве дополнительного доказательства.

Она не может быть единственным основанием для принятия решения суда. Суд должен провести все необходимые процессуальные действия и установить фактические обстоятельства дела, чтобы принять законное решение.

Для признания заявки на кредит в качестве доказательства, необходимо иметь в материалах дела и другие документы, подтверждающие обстоятельства поступления дистанционной заявки от должника в кредитную организацию.

Для признания дистанционной заявки достаточным доказательством, суд должен запросить дополнительные документы и установить:

- 1) факт направления именно должником дистанционного обращения на потребительский кредит;
- 2) установить идентификацию личности субъекта по дистанционной заявке;
- 3) установление доказательства, подтверждающее оформление заявки через мобильный банк или адрес электронной почты, принадлежащие должнику.

Между тем, анализ практики показывает и положительные аспекты применения дистанционных форм заявок, например, родственники или другие заинтересованные лица могут подать заявление в суд о признании гражданина безвестно отсутствующим дистанционно.

Одним из возможных вариантов применений дистанционной заявки является подтверждение факта заключения договора или совершения каких-либо действий в электронной форме. Также, дистанционная заявка может использоваться для подтверждения факта отправки или получения сообщения, или документа в электронном виде. Однако можно привести и прямо противоположный пример. Человек потерял сотовый телефон, его нашел другой субъект, можно ли тогда доказать, что человек не пропал, если находится онлайн в социальных сетях (с утерянного телефона), при условии, что телефоном владеет теперь иное лицо?! На наш взгляд, не представляется целесообразным рассчитывать на доказательство против безвестного отсутствия гражданина – его статус в социальных сетях и отметку прочтения сообщений в мессенджерах.

В целом, дистанционная заявка может быть полезным инструментом для защиты прав и интересов в электронных сделках и коммуникациях. Однако для того, чтобы она была признана действительной, необходимо соблюдение определенных требований.

В частности, заявка должна содержать информацию о гражданине, который подает такую заявку, иначе доказать, что заявку подал именно безвестно отсутствующий гражданин, а не его родственники, не представляется возможным.

Библиографический список

1. Шайдуллина А.Н. К вопросу о последствиях признания граждан безвестно отсутствующими // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 180–183.

ЗАВЕЩАТЕЛЬНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ И ЗАВЕЩАТЕЛЬНЫЙ ОТКАЗ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Осадченко Э.О., кандидат юридических наук, доцент,

Суркова В.А., студентка 2 курса института права, ФГАОУ ВО «Волгоградский Государственный университет», г. Волгоград

Аннотация. Настоящая статья исследует правовые аспекты завещательного распоряжения и завещательного отказа, которые являются важными элементами гражданского права. В статье рассматриваются основные понятия, определения и правовые последствия завещательного распоряжения и завещательного отказа, а также процедуры, необходимые для их проведения. Авторы анализируют актуальные судебные решения и законодательство, связанные с завещательным распоряжением и завещательным отказом, и предоставляют полную информацию о правовых аспектах этих процедур.

Ключевые слова: завещательное распоряжение, завещательный отказ, наследование имущества, наследство, наследник, наследственное право, завещатель, гражданское право, правовые аспекты.

TESTAMENTARY DISPOSITION AND TESTAMENTARY REFUSAL IN CIVIL LAW

Osadchenko E.O., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Surokova V.A., 2nd year student of the Institute of Law, Volgograd State University, Volgograd

Abstract. This article examines the legal aspects of testamentary disposition and testamentary renunciation, which are important elements of civil law. The article discusses the basic concepts, definitions and legal consequences of testamentary disposition and testamentary refusal, as well as the procedures necessary for their implementation. The authors analyze current court decisions and legislation related to testamentary disposition and testamentary renunciation, and provide full information on the legal aspects of these procedures.

Keywords: testamentary disposition, testamentary refusal, inheritance of property, inheritance, heir, inheritance law, testator, civil law, legal aspects.

Завещательное распоряжение и завещательный отказ являются важными институтами гражданского права, которые регулируют наследование имущества после смерти гражданина. Они позволяют определить, кому и какое имущество должно достаться, и устанавливают правила, которые должны соблюдаться в случае отсутствия наследников по закону [1].

Правовая природа завещательного отказа трактуется различными цивилистами не однозначно.

По мнению В.И. Серебряковского, «во всех таких случаях имеет место завещательное распоряжение, доставляющее определенному лицу имущественную выгоду за счет наследственного имущества, но не делающее его, однако, наследником» [2, с. 151].

Никитюк считает, «полученное имущество по завещательному отказу представляет собой особый вид наследственного правопреемства. Откалополучатель становится преемником в отелном праве наследодателя...» [3].

Завещательное распоряжение – это волеизъявление гражданина, направленное на установление порядка распределения его имущества после смерти. Это означает, что завещательное распоряжение может содержать указание на конкретных наследников, указание на доли, которые должны достаться каждому наследнику, а также указание на иные условия, которые должны быть выполнены, чтобы имущество было унаследовано.

В соответствии с Гражданским кодексом РФ [1], завещательное распоряжение должно быть составлено в письменной форме, подписано завещателем и заверено его нотариусом. Завещательное распоряжение может быть изменено или отменено в любое время до смерти завещателя. В случае, если завещательное распоряжение не соответствует законодательным требованиям, оно может быть признано недействительным [4].

Завещательный отказ – это волеизъявление гражданина, направленное на отказ от наследства. Завещательный отказ может быть составлен в любое время до принятия наследства и должен быть зарегистрирован в установленном порядке. Завещательный отказ может быть оформлен в письменной форме и подписан завещателем, а также должен быть заверен нотариусом.

Основным отличием между завещательным распоряжением и завещательным отказом является то, что первое устанавливает порядок наследования имущества, а второе – отказ от наследства [5]. Если завещательное распоряжение является недействительным, имущество будет распределено согласно закону, а если завещательный отказ не зарегистрирован, наследство может быть принято в установленном законом порядке.

Завещательное распоряжение может быть оспорено в случае, если оно содержит ошибки, несоответствия законодательным требованиям или было составлено под давлением. В таких случаях наследники или другие заинтересованные лица могут обратиться в суд с иском о признании завещательного распоряжения недействительным. Суд может признать завещательное распоряжение недействительным и установить порядок наследования имущества согласно закону [6].

В качестве доказательства приведенных выше утверждений, хотелось бы привести в пример решение Красноармейского районного суда в г. Волгограде от 8.07.2020. Истец обратился в суд с иском к ответчику о признании завещания недействительным. Мотивируя это тем, что родная сестра истца в момент составления завещания, пользовалась услугами, оказываемыми АНС «ЦПН СОНЕЧНЫЙ ДОМ». На основании договора за ней был закреплен социальный работник, которая приходится матерью ответчика. Истец полагает, что его родная сестра, имея ряд заболеваний и преклонный возраст, при подписании завещания не могла понимать значение своих действий. На основании этого он просит признать недействительным завещание, составленное его сестрой. Рассмотрев все обстоятельства, суд решил что заявленные требования истца являются обоснованными и подлежат удовлетворению [7].

В отличие от завещательного распоряжения, завещательный отказ не может быть оспорен. Однако он может быть оспорен в случае, если наследник докажет, что завещательный отказ был составлен под давлением, обманом или в состоянии недееспособности. В таком случае суд может признать завещательный отказ недействительным и установить порядок наследования имущества согласно закону [4].

В завещательном распоряжении могут быть установлены как общие, так и особые условия наследования имущества. Общие условия определяют порядок наследования имущества с учетом родства наследников и их долей в наследстве. Особые условия устанавливают более конкретные условия наследования, например указание на конкретных наследников или указание на доли, которые должны достаться каждому наследнику [8].

Кроме того, в завещательном распоряжении могут быть установлены различные условия, которые должны быть выполнены, чтобы имущество было унаследовано. Например, завещатель может установить условие о том, что наследник должен достигнуть определенного возраста или иметь определенное образование. Если эти условия не будут выполнены, наследство может быть передано другому наследнику или распределено согласно закону [9].

В одном из случаев, рассмотренных судом, завещательное распоряжение было оспорено наследниками, так как они не согласились с условиями завещания. В завещании гражданин указал, что часть своего имущества передает своей второй жене, а не своим детям от первого брака. Наследники обратились в суд, утверждая, что такое завещательное распоряжение не является справедливым и не соответствует законодательным требованиям. Суд рассмотрел их аргументы и вынес решение в пользу наследников, признав завещательное распоряжение недействительным.

В другом случае, рассмотренном судом, гражданин оставил завещательный отказ от наследства своим наследникам. Наследники обратились в суд, утверждая, что завещательный отказ является недействительным, так как они не получили достаточной информации о своих правах и возможностях по наследству. Суд рассмотрел их аргументы и принял решение в их пользу, признав завещательный отказ недействительным и установив порядок наследования имущества в соответствии с законодательством.

Эти примеры показывают, что завещательное распоряжение и завещательный отказ могут быть оспорены в суде, если они не соответствуют законодательным требованиям и правилам наследования имущества. Поэтому при составлении завещательного распоряжения и завещательного отказа необходимо учитывать все требования закона [1] и быть осторожным в указании условий наследования имущества.

Одной из главных проблем, связанных с завещательным распоряжением, является возможность его оспаривания в суде. Наследники могут обжаловать завещательное распоряжение, если оно не соответствует законодательным требованиям, содержит ошибки или было составлено под влиянием давления. Это может привести к длительным и сложным судебным процессам, которые могут затянуться на годы и вызвать разногласия внутри семьи [10].

В связи с этим, возможно совершенствование законодательства [1] в части упрощения процедуры составления завещательного распоряжения и установления строгих требований к его форме и содержанию. Также можно рассмотреть вопрос о возможности использования современных технологий, таких как цифровые подписи и удостоверения, для обеспечения надежности и безопасности завещательных распоряжений.

Еще одной проблемой является возможность завещательного отказа от наследства. Некоторые люди могут использовать завещательный отказ, чтобы избежать уплаты налогов или избежать передачи имущества наследникам, что может привести к нарушению правопорядка и нарушению интересов других наследников. В связи с этим, возможно необходимо совершенствование законодательства [1] в части установления более жестких правил и условий для завещательного отказа, чтобы предотвратить злоупотребления и недобросовестное поведение со стороны граждан.

Также стоит отметить, что завещательное распоряжение и завещательный отказ могут вызвать разногласия в семье и привести к конфликтам между наследниками. В связи с этим, возможно, необходимо совершенствование законодательства [1] в части установления механизмов и процедур для урегулирования конфликтов и защиты прав всех заинтересованных лиц.

Современные технологии, новые социальные и экономические условия и другие факторы могут привести к изменению законодательства и правил наследования имущества в будущем.

Также можно предположить, что в будущем наследственное право будет становиться все более сложным и разнообразным, что потребует улучшения законодательства и повышения правовой культуры населения в этой области. Возможно, будут созданы новые правовые инструменты и технологии, которые позволят более надежно и эффективно регулировать наследование имущества.

Кроме того, можно ожидать, что в будущем будут появляться новые формы имущества, которые также будут регулироваться наследственным правом. Например, это могут быть криптовалюты, цифровые активы, интеллектуальная собственность и другие объекты, которые не существовали ранее. Это потребует разработки новых правовых механизмов и инструментов для их наследования и передачи [12].

Таким образом, завещательное распоряжение и завещательный отказ являются важными институтами гражданского права, которые регулируют наследование имущества после смерти гражданина. Завещательное распоряжение позволяет определить порядок наследования имущества, а завещательный отказ позволяет отказаться от наследства. Однако в случае, если завещательное распоряжение или завещательный отказ не соответствуют законодательным [1] требованиям или содержат ошибки, они могут быть оспорены.

ны и признаны недействительными. Поэтому при составлении завещательного распоряжения необходимо учитывать все требования закона и быть осторожным в указании условий наследования имущества.

Важно отметить, что завещательное распоряжение не является единственным способом передачи имущества по наследству. Существуют и другие способы, такие как наследование по закону или дарение имущества. Однако, завещательное распоряжение может быть полезным инструментом для тех, кто хочет установить свои собственные правила наследования имущества и обеспечить его передачу определенным наследникам.

Наконец, хочется подчеркнуть важность консультации специалистов в области наследственного права при составлении завещательного распоряжения. Нотариусы и адвокаты смогут помочь правильно составить завещание, учитывая все требования закона [1] и рекомендации по установлению наилучшего порядка наследования имущества. Это позволит избежать ошибок и возможных споров в будущем, а также обеспечит исполнение воли завещателя по наследованию имущества после его смерти.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#hash=c5515b06c932bdfbd67b34f5b856bb8317deaabded3eacae2ebadfd4c6703785&it=1&ttl=1&lvl=1> (дата обращения 01.05.2023).
2. Серебрековский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 1997. С. 151.
3. Никитюк П.С. Проблемы советского наследственного права: дис. ... д.ю.н. М., 1975.
4. Гриднева, О.В. Наследственное право: учебник / О.В. Гриднева; Министерство внутренних дел Российской Федерации, академия управления. Москва: Академия управления МВД России, 2021. 161 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании»// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453 (дата обращения 01.05.2023)
6. Крашенинников, П.В. Наследственное право: (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / П.В. Крашенинников. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2021. 302 с.
7. Решение Красноармейского районного суда г. Волгограда от 08.07.2020 по делу № 2-2681/2019 // <https://sudact.ru/regular/doc/yhVeq9Hjro1T/> (дата обращения 01.05.2023)
8. Расторгуева, А.А. Раздел имущества между супругами и наследниками: правовой аспект / А.А. Расторгуева. Москва: Редакция «Российской газеты», 2020. 159 с.
9. Наследственное право. 2021. № 3. 2021. 48 с.
10. Тарасенкова, А.Н. Квартира в собственности: способы распоряжения / А.Н. Тарасенкова. Москва: Редакция «Российской газеты», 2020. 143 с.
11. Постановление Правительства РФ от 27.05.2002 N 351 «Об утверждении Правил совершения завещательных распоряжений правами на денежные средства в банках»// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36849/ (дата обращения 01.05.2023).
12. Фатхи, В.И. Наследственное право: учебное пособие / В.И. Фатхи; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ФГКОУ ВО РЮИ МВД России). Ростов-на-Дону: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2021. 127 с.

УДК 347.42

ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРОДАВЦА ЗА ЭВИКЦИЮ

Федотова М.Н., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Сергачева О.А. кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена проблеме ответственности продавца в случае изъятия товара у покупателя, предел которой четко не установлен законом. Убытки, возмещаемые в подобных ситуациях, могут варьироваться с учетом признака покупателя (физическое или юридическое лицо), а также при возможности эвикции без изъятия вещи.
Ключевые слова: продажа чужого, ответственность продавца, эвикция, убытки.

THE LIMITS OF THE SELLER'S LIABILITY FOR EVICTION

Fedotova M.N., 1st year Master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd
Scientific adviser: Sergacheva O.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the problem of the seller's liability in case of withdrawal of goods from the buyer, the limit of which is not clearly established by law. The losses reimbursed in such situations may vary depending on the attribute of the buyer (individual or legal entity), as well as if it is possible to eviction without taking the thing.

Keywords: sale of someone else's, seller's liability, eviction, losses.

Под эвикцией в современном отечественном гражданском праве понимается изъятие в судебном порядке у покупателя приобретенной вещи, проданной ему несобственником, в пользу титульного собственника. То есть это ситуация, при которой продавец чужой вещи производит её отчуждение, при этом покупатель в свою очередь не знает и не может знать о неправомерности владения своего контрагента, а действительный собственник может истребовать данную вещь посредством судебного иска. Церковников М.А. называет «самый главный случай эвикции – изъятие вещи у покупателя при покупке чужого» [1].

Традиционно выделяют следующие признаки эвикции: утрата покупателем владения вещью; наличие решения суда об истребовании вещи; основание для такого о истребования возникло до передачи вещи покупателю.

Основное назначение эвикции усматривается в защите покупателя от недобросовестности продавца и (или) третьих лиц, при условии, что сам покупатель действует добросовестно.

Вообще Гражданский кодекс РФ пронизан идеями добросовестности, которые закреплены и как принцип в ст. 10, и как презумпция в ст. 1, и как обязанность, например в ст. 307 [2]. В отношении исполнения обязательств по договору купли-продажи добросовестность является не только духовно-нравственным началом, но и основанием для возможной защиты субъективного права или отказа в такой защите на любой из сторон обязательства.

В случае изъятия вещи у покупателя ст. 461 ГК РФ предусмотрена ответственность продавца в виде возмещения убытков, если не будет доказано, что покупатель знал или должен был знать о наличии оснований для такого изъятия по основаниям, возникшим до исполнения договора купли-продажи.

Поскольку состязательность сторон выражается в том, что каждая сторона обязана доказывать те основания, на которые она ссылается, получается, что доказать наличие осведомленности покупателя об основаниях эвикции должен продавец, а покупатель должен доказать обратное. Но в случае такого доказательств со стороны продавца можно усомниться в его добросовестности, поскольку закон прямо обязывает передать товар свободным от прав третьих лиц. Что же касается покупателя, то его добросовестность выражается в должной степени разумной осмотрительности и осторожности.

В деле о проверке конституционности п. 1 ст. 302 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Макеева Конституционный суд РФ указал, что разумное и осмотнительное поведение добросовестного участника гражданского оборота, полагающегося на сведения Единого государственного реестра недвижимости, не предполагает в выяснения им, находилось ли имущество до его приобретения отчуждателем в общей совместной собственности бывших супругов и не было ли оно по какой-либо из предыдущих сделок отчуждено без согласия одного из них [3].

Следующий момент, заслуживающий нашего внимания, вытекает из момента исполнения договора купли-продажи. Если речь идет о движимых вещах, то исполнением, по общему правилу, признается передача вещи (статья 223 ГК РФ), в отношении недвижимых вещей – с момента государственной регистрации. В таком случае вскрывается противоречие, поскольку передача объекта права собственности и перенос права собственности могут быть значительно разорваны во времени друг от друга, а с этим может быть связан момент возникновения обязанности по возмещению убытков и, соответственно, их размер.

Итак, в случае изъятия вещи у добросовестного покупателя третьим лицом, обязательство по исполнению договора купли-продажи не исполнено именно продавцом, а не покупателем или обеими сторонами одновременно. Статья 461 ГК РФ устанавливает строгую ответственность для продавца без учета наличия или отсутствия его вины. То есть в этом случае продавец должен вернуть уплаченную цену товара и возместить прочие убытки. При этом соглашении об освобождении продавца от ответственности не действительно.

Представляется, что установление строгой ответственности без учета вины продавца не всегда обосновано. Во-первых, продавец сам может оказаться «звеном» цепочки сделок, в результате которых будет переходить право собственности на спорную вещь. И в сделке, в которой он выступал как покупатель, являлся добросовестным приобретателем. Тогда вина будет являться внешним проявлением поведения отчуждателя после совершения сделки, и особенно в случае угрозы эвикции.

Во-вторых, нельзя нивелировать положения статьи 401 ГК РФ, которая возникновение ответственности ставит в зависимость от наличия вины (умысла или неосторожности). Возможно, если норму об ответственности продавца в случае изъятия товара у покупателя (ст. 461 ГК РФ) применять как специальную по отношению к норме об основаниях ответственности за нарушение обязательства (ст. 401 ГК РФ), то необходимо об этом прямо указать в тексте статьи 461 ГК РФ. Тогда вопрос об учете вины продавца будет снят, правовое регулирование данного вопроса будет четко отражено в законе.

На сегодняшний день пробел в правовом регулировании, а также вопрос применения статьи 461 ГК восполняется на уровне Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. «При рассмотрении требования покупателя к продавцу о возврате уплаченной цены и возмещении убытков, причиненных в результате изъятия товара у покупателя третьим лицом по основанию, возникшему до исполнения договора купли-продажи, статья 167 ГК РФ не подлежит применению. Такое требование покупателя рассматривается по правилам статей 460–462 ГК РФ. По смыслу пункта 1 статьи 461 ГК РФ исковая давность по этому требованию исчисляется с момента вступления в законную силу решения суда по иску третьего лица об изъятии товара у покупателя» [4].

Размер ответственности продавца перед покупателем в случае эвикции устанавливается по нормам статьи 461 ГК РФ и определяется как возмещение убытков. Убытки в силу статьи 15 ГК РФ складываются из двух составляющих: реальный ущерб и упущенная выгода.

Верховный Суд РФ определяет реальный ущерб не только как фактически понесенные расходы, а также расходы, которые произведены лицом, право которого нарушено. И первоначально такие расходы – это цена, которую покупатель уплатил за вещь, которая в последствие подверглась эвикции. На наш взгляд убыток должен определяться не уплаченной ценой за вещь, а её стоимостью на момент судебного разбирательства, то есть цена вещи определяется по правилам пункта 3 статьи 424 ГК РФ. Применение дан-

ной нормы целесообразно, поскольку между покупкой вещи и её изъятием возможен существенный временной интервал, за который стоимость вещи может измениться в большую или меньшую сторону в силу объективных причин.

Так Зеленоградский районный суд города Москвы удовлетворил исковые требования истца о взыскании убытков в размере рыночной стоимости изъятого имущества, а также стоимости затрат на производство оценки. Суд руководствовался нормой статьи 393 ГК РФ, в силу которой возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом. Экспертное заключение ответчиком не оспаривалось. Заключение об оценке имущества принимается судом как надлежащее доказательство по делу, и при вынесении решения суд руководствуется стоимостью, указанной в заключении [5].

Помимо этого, к расходам следует отнести и затраты покупателя на производство неотделимых улучшений в имуществе, которые придется отдать действительному собственнику. В этом случае закон допускает требовать от такого собственника возмещения произведенных на улучшение затрат, но не свыше размера увеличения стоимости имущества (абз. 3 статьи 303 ГК РФ). То есть такое возмещение ограничено. Представляется, что разницу между произведенными затратами на улучшение и компенсированными действительным собственником, следует оценивать как реальный ущерб, и допускается взыскать с продавца вещи, поскольку именно его поведение явилось результатом эвизиционного процесса.

Так же покупатель, как добросовестный владелец, считая вещь своей собственностью, производил затраты на содержание вещи. Такая обязанность закреплена в статье 210 ГК РФ: собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором. В этой связи покупатель вправе требовать от действительного собственника возмещения затрат на содержание, но только за тот период времени, за которые покупатель обязан возместить причитающиеся доходы от имущества такому собственнику (абз. 2 статьи 303 ГК РФ). Разницу опять же предлагается относить на счет продавца.

Подтверждение вышеуказанных выводов можно проследить в судебной практике. В деле Пахалков А.В. против Гладышевой Н.В. Верховный Суд РФ установил, что на момент заключения договора купли-продажи спорного земельного участка от 24 апреля 2010 г. и передачи его Пахалкову А.В. Гладышева Н.В. не являлась законным владельцем земельного участка, выбывшего из владения собственника помимо его воли, а следовательно, она не исполнила свою обязанность по передаче в собственность истцу спорного земельного участка, свободного от прав третьих лиц.

Полагая полученную Гладышевой Н.В. по договору купли-продажи от 24 апреля 2010 г. денежную сумму неосновательным обогащением и своими убытками, истец просил суд взыскать с ответчика денежные средства в размере 725 619 руб., составляющие разницу между ценой земельного участка по договору купли-продажи от 24 апреля 2010 г. в размере 850 000 руб. и ценой земельного участка в размере 124 381 руб., уплаченной им муниципальному образованию «Сергиево-Посадский муниципальный район».

По смыслу нормы статьи 460 ГК РФ в её системном толковании с положениями статей 461, 462 данного кодекса обременение товара правами (притязаниями) третьих лиц в таком случае не сопряжено с изъятием его у покупателя, однако снижает ценность остающегося у покупателя товара, что является основанием для уменьшения покупной цены либо расторжения договора. Данными нормами прямо не урегулированы отношения покупателя и продавца в тех случаях, когда эвизция не состоялась исключительно по причине заключения мирового соглашения покупателя с третьим лицом, в пользу которого товар подлежал изъятию по предусмотренному законом основанию. Предотвращение эвизии заключением мирового соглашения и то, что продавец не участвовал в его заключении, само по себе не освобождает продавца от ответственности, если он не докажет, что в отсутствие такого соглашения он смог бы предотвратить изъятие товара у покупателя [6].

Дело было направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, но важные и необходимые выводы сделаны: разницу между покупной ценой и ценой по мировому соглашению можно истребовать как неосновательное обогащение. Российское законодательство стоит на догме о недопустимости неосновательного обогащения на какой-либо стороне обязательства.

Помимо прочего, ответственность продавца наступает за нарушение обязательства по передаче объекта, свободного от прав и притязаний третьих лиц. Возможность такой ответственности вытекает из норм статьи 394 и статьи 395 ГК РФ. Ограничение ответственности в данном случае может быть по обязательствам, связанным с определенным родом деятельности (например, предпринимательской), но не распространяется на обязательства, в котором кредитором является гражданин, выступающий в качестве потребителя. То есть потребительские отношения пользуются повышенной правовой защитой в связи со «слабостью» и незащищенностью на стороне потребителя.

Например, апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда удовлетворены требования гражданина о взыскании денежных средств, уплаченных за объект недвижимости, изъятый впоследствии в пользу третьего лица, а также процентов за пользование чужими денежными средствами. Получение средств в счет исполнения обязательств по договору ответчиками не оспаривалось. С учетом положений ст. 395 ГК РФ с ответчика подлежат взысканию проценты за неправомерное пользование чужими денежными средствами [7].

Упущенная выгода относится к разновидности убытков. Таковыми являются неполученные доходы, которые лицо могло получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы право не было нарушено. Иначе говоря, если бы эвизция не состоялась, покупатель извлек бы в будущем из спорного объекта определенную выгоду.

Сложность применения института упущенной выгоды представляется, в первую очередь, с трудностью доказывания получения дохода в перспективе. Вместе с тем расчет упущенной выгоды является приблизительным, а вероятность её получения поставлена в зависимость от наступления (или не наступления) определенных событий.

По указаниям Верховного Суда РФ при рассмотрении дел о возмещении убытков следует иметь в виду, что положение пункта 4 статьи 393 ГК РФ, согласно которому при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые стороной для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления, не означает, что в состав подлежащих возмещению убытков могут входить только расходы на осуществление таких мер и приготовлений.

При таком расширительном толковании норм относительно возмещения упущенной выгоды учитываются и принимаются во внимание не только реальные действия к получению будущего дохода, но и приготовления к ним, а также их планирование и намерения. Разумеется, при надлежащем доказательстве упущенной выгоды.

Затраты на ведение эвизиционного процесса, а также судебные расходы в связи с рассмотрением иска покупателя о компенсации понесенных убытков также подлежат взысканию с продавца. С той лишь разностью, что затраты на ведение эвизиционного процесса войдут в состав реального ущерба, а судебные расходы за рассмотрение иска покупателя будут распределяться между сторонами в соответствии с главой 7 ГПК РФ или главой 9 АПК РФ.

Кульминацией всего разбирательства может являться требование покупателя и компенсации морального вреда. Хотя нормы Гражданского кодекса об эвизии не говорят о такой возможности, вместе с тем и не содержат прямого запрета.

Данное требование может быть предъявлено только гражданином – физическим лицом. Правила о компенсации морального вреда не применяются к защите деловой репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, в силу пункта 2 статьи 1099 ГК РФ подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом (например, статья 15 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей»).

Подводя итог исследования необходимо заметить, что закон в большей степени защищает покупателя, при условии его добросовестности, а вина продавца за эвизицию презюмируется. Объем ответственности, возлагаемый при этом на продавца, достаточно существенный. Предел такой ответственности во многом зависит от добросовестного поведения самого продавца во время эвизиционного процесса, а также возможном распределении убытков покупателя между продавцом и действительным собственником.

Библиографический список

1. Церковников Михаил Александрович. Ответственность продавца в случае изъятия товара у покупателя: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.03 / Церковников Михаил Александрович; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования РАНХиГС]. Москва, 2015. 161 с.
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский Кодекс Российской Федерации : часть первая : от 30.11.1994 года № 51-ФЗ / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Российская Федерация. Конституционный суд. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Мокеева : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.07.2021 года № 35-П / Российская Федерация. Конституционный Суд. Текст : непосредственный // СЗ РФ. 2021. № 29. Ст. 5753.
4. Российская Федерация. Верховный Суд. Пленум. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015 года / Российская Федерация. Верховный Суд. Пленум. Высший Арбитражный Суд. Пленум. – Доступ из СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 04.05.2023). Текст : электронный.
5. Москва. Зеленоградский районный суд. Решение Зеленоградского районного суда города Москвы по делу № 02-0460/2019 от 18.03.2019 года / Москва. Зеленоградский районный суд. Текст : электронный // Зеленоградский районный суд города Москвы : официальный сайт. 2023. URL: <https://mosgorsud.ru/rs/zelenogradskij/services/cases/civil/details/f6f6bfc8-ec35-490a-8b4a-a23ecb97df69?formType=shortForm&caseNumber=2-460%2F2019&participant=&uid=&year=&caseDateFrom=&caseDateTo=&caseFinalDateFrom=&caseFinalDateTo=&caseLegalForceDateFrom=&caseLegalForceDateTo=&category=&judge=&publishingState=&baseDecision=&hearingRangeDateFrom=&hearingRangeDateTo=&sessionRoom=&sessionRangeTimeFrom=&sessionRangeTimeTo=&sessionType=&docsDateFrom=&docsDateTo=&documentStatus=&documentType=> (дата обращения 02 мая 2023).
6. Российская Федерация. Верховный Суд. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.08.2017 года № 4-КГ17-32 / РФ. Верховный Суд. – Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 28.04.2023). Текст : электронный.
7. Москва. Московский городской суд. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 04.07.2017 года по делу № 33-25768/17 / Московский городской суд. Текст : электронный // Московский городской суд : официальный сайт. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/7544ac14-1401-4283-ba1d-fcf2b6f6be0e?caseNumber=33-25768/17> (дата обращения: 28.04.2023).

Секция 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Руководители секции: Сенцов А.С., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики; Винниченко А.С., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

УДК 342.553

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Винниченко А.С., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Абезин Д.Д., студент 3 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы использования полиграфа при расследовании преступлений и сомнения в достоверности его результатов у некоторых представителей судебного сообщества. Предлагаются пути решения выявленных проблем правового регулирования использования полиграфа.

Ключевые слова: полиграф, судебная экспертиза, заключение эксперта, эксперт-полиграфолог, доказательства.

ACTUAL PROBLEMS OF USING THE RESULTS OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL EXAMINATIONS WITH THE USE OF POLYGRAPH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vinnichenko A.S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Abezina D.D., 3rd year student of the Faculty of Law Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article examines the problems of polygraph in the investigation of crimes and doubts about the reliability of its results in some representatives of the judicial community. The ways of solving the identified problems of legal regulation of polygraph.

Keywords: polygraph, forensic examination, expert opinion, polygraph examiner, evidence.

Часто при проверке материалов или в процессе предварительного следствия правоохранительные органы и следователи предлагают прохождение полиграфа, или как говорят профессионалы – психофизиологического исследования (экспертизы), гражданам, включая подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей. Это объясняется желанием проверить достоверность показаний, полученных во время допросов.

В данной статье предлагается проанализировать проблемы, связанные с применением полиграфа в качестве доказательства при расследовании преступлений, а также заключения экспертов на основе данных, полученных с помощью этого устройства. Несмотря на то, что психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа включена в перечни видов экспертиз, проводимых государственными судебно-экспертными учреждениями, не все представители научного и профессионального сообщества признают заключение эксперта-полиграфолога полноценным доказательством. Например, обращая внимание на неясность критериев оценки достоверности результатов.

В то же время, несмотря на оптимистичную позицию законодателя и органов исполнительной власти, включая судебно-экспертные подразделения, необходимо решать проблемы правового регулирования использования полиграфа при расследовании преступлений. Мы предлагаем рассмотреть возможные пути решения этих проблем, включая повышение квалификации экспертов-полиграфологов, улучшение методики проведения экспертизы, а также совершенствование правовой базы, регулирующей использование полиграфа в судебных процессах.

В первую очередь, необходимо выявить в каких нормативно-правовых актах определено правовое положение в досудебном и судебном производстве. Хотя полиграф может быть полезным инструментом для определения достоверности показаний подозреваемых и свидетелей, уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не содержит оснований, которые бы предусматривали использование полиграфа в качестве доказательства по уголовным делам. Статья 74 УПК РФ перечисляет виды доказательств, которые могут быть использованы для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, но полиграф не входит в этот перечень. Более того, Верховный Суд Российской Федерации в своем определении № 41-О12-57СП от 11 сентября 2012 года подтвердил [6], что использование полиграфа в уголовном процессе недопустимо по закону. Заключение экспертов, полученные с использованием полиграфа, не могут рассматриваться в качестве доказательств, отвечающих требованиям ст. 74 УПК РФ. Напротив, достоверность показаний подозреваемого должна быть проверена путем прямого допроса в суде, а оценка показаний – дело присяжных, а не эксперта.

В то же время, этот вид экспертизы включен в перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в экспертных подразделениях органов Федеральной службы безопасности, утвержденный Приказом ФСБ России от 23 июня 2011 года № 277 [1], а также в перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Приказом МВД России от 29 июня 2005 года № 511 [3]. Кроме того, данный вид экспертиз указан в перечне родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, утвержденном Приказом Минюста России от 27 декабря 2012 года № 237 [2]. Также, стоит отметить, что данный вид экспертизы упоминается в Приказе Следственного комитета России от 24 июля 2020 года № 77 [5].

Таким образом, несмотря на наличие данного вида экспертизы как одного из видов деятельности представителей определенных органов власти, законодатель на сегодняшний день не выявил оснований для становления психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в качестве доказательства, определенных в статье 74 УПК РФ. Вероятно, отсутствуют юридически значимые элементы, которые необходимо выявить, например, исследовав судебную практику.

Примером того, как неправомерное использование психофизиологических экспертиз может повлиять на уголовный процесс, может служить дело от 23 июля 2012 года в отношении двух граждан из Мурманской области. Верховный Суд Российской Федерации отказался признавать заключения, полученные на основе психофизиологических экспертиз, в качестве доказательств. Суд подчеркнул, что такие экспертизы не соответствуют необходимым стандартам и требованиям УПК РФ и не могут использоваться как доказательства в соответствии со статьей 74 уголовного кодекса. В конечном итоге, по данному делу приговор был изменен [7].

В соответствии со статьей 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперты должны проводить исследование на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, позволяющих проверить обоснованность и достоверность выводов на базе общепринятых научных и практических данных. Это один из главных принципов производства экспертных исследований. Это подразумевает, что при повторении исследования тем же методом должен быть получен одинаковый результат. Тем не менее, в практике судебных экспертиз были замечены случаи, когда повторное исследование с использованием того же метода приводило к результатам, противоположным первоначальному. Такие результаты свидетельствуют о ненадежности такого метода и не могут быть использованы в качестве доказательства. Например, на основании частей 1 и 2 статьи 74 УПК РФ, Верховный Суд Республики Мордовия отказал в ходатайстве подсудимого об обследовании на полиграфе и указал на отсутствие достоверности таких результатов, а методика тестирования на полиграфе не обладает исключительным характером [4].

Аргументация Верховного Суда подтверждается Обзором Президиума Верховного Суда Республики Мордовия от 18 апреля 2019 года, в котором указывается, что результаты психофизиологических исследований с применением полиграфа не могут служить доказательством по уголовному делу и могут использоваться только на стадии предварительного расследования в целях выработки и проверки следственных версий [5].

При использовании результатов психофизиологических экспертиз на полиграфе в качестве доказательства, необходимо проявлять особую осторожность и обоснованность. В контексте уголовного судопроизводства, такие экспертизы не являются универсальным и надежным средством для доказывания вины подсудимого. Оценка достоверности показаний участников судопроизводства является прерогативой суда, который должен проанализировать и сопоставить все представленные доказательства. Стоит также отметить, что сама по себе экспертиза с применением полиграфа содержит некоторые выводы. Во-первых, она использует результаты психофизиологического исследования в качестве доказательства. В результате, это может привести к вторжению в компетенцию суда, следователя и дознавателя. Более того, использование полиграфа может привести к установлению истины по делу без проведения следственных действий, что противоречит статьям 87 и 88 УПК РФ.

Кроме того, существует множество факторов, которые могут повлиять на объективность результата психофизиологического исследования на полиграфе. Эти факторы могут быть связаны с физиологическим состоянием человека, его психическим восприятием процедуры, а также с квалификацией специалиста и выбранной им методикой. В связи с этим, суд должен оценивать все представленные доказательства с точки зрения их достоверности, относимости и допустимости, чтобы принять объективное и справедливое решение.

В соответствии с положениями статьи 195 УПК РФ, осуществление судебной экспертизы требует выявления причинно-следственной связи между информационными сигналами, такими как вопросы, задаваемые лицу, и физиологическими реакциями данного лица. Однако, проведение экспертизы с применением полиграфа может привести к тому, что подозреваемый или обвиняемый признает свою вину даже в том случае, если он не виновен.

В целом, использование полиграфа является эффективным средством проверки достоверности ранее собранных доказательств в криминалистической тактике. Важно отметить, что использование полиграфа не является достаточно точным методом для определения причастности конкретного лица к преступлению. Практически, результаты исследования на полиграфе могут лишь подтвердить факт знакомства испытуемого с деталями и обстоятельствами совершенного преступления. В свете вышесказанного, судьи имеют право не принимать во внимание заключение эксперта-полиграфолога в качестве доказательства, поскольку оно может быть неправильно интерпретировано или искажено. Это подтверждается нормами ст. 195 УПК РФ, которые не предусматривают использование полиграфа в качестве основы для вынесения приговора.

Второй аспект темы, который следует разобрать, связан с совершенствованием механизма проведения психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. Суды с осторожностью рассматривают результаты исследований на полиграфе в качестве доказательства по уголовным делам только в том случае, если участвует специалист с

высоким уровнем подготовки и соблюдаются четкие методики проведения психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа, разработанные соответствующими ведомствами. И это справедливый подход. Однако внутренние локальные акты не раскрывают на должном уровне вопросы, связанные с применением полиграфа, порядком проведения исследований на полиграфе и закреплением результатов.

Например, в Приказе Министерства юстиции РФ от 24 июня 2021 г. № 102 отмечается только, что «психофизиологическое исследование проводится с письменного согласия (завлечения) кандидата... в котором также дается согласие на проведение аудио- и (или) видеозаписи» [4], но не описываются методические и технические требования по организации такой записи.

Таким образом, следует отметить, что разработаны только общие положения, не обладающие достаточной конкретностью. Такое обстоятельство влечет за собой серьезные процессуальные недостатки, на которые обращают внимание правоприменители, опираясь на правовую неопределенность в отношении результатов судебной экспертизы с использованием полиграфа. В целях устранения таких недостатков и обеспечения более высокого качества проведения психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа, следует разработать и утвердить более подробные и конкретные методические и технические требования, которые должны быть точными во внутренних локальных актах. Кроме того, следует обязательно учитывать мнение специалистов и судебных экспертов, которые непосредственно связаны с этой деятельностью и имеют практический опыт.

Тем не менее правовая основа для развития уже заложена. В Российской Федерации существуют определенные нормативно-правовые акты, которые регулируют порядок проведения судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. К примеру, в 2018 году была утверждена Межведомственная методика проведения судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. Кроме того, Министерство внутренних дел Российской Федерации приняло методические рекомендации, которые регламентируют порядок назначения и проведения психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа. В последнее время также был принят законопроект № 663034-7, который предусматривает включение психофизиологической экспертизы в перечень судебных экспертиз по уголовным делам.

Библиографический список

1. Приказ ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» // Доступ из справочной правовой системы Консультант-Плюс (дата обращения: 05.04.2023).
2. Приказ Министерства юстиции РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // Доступ из справочной правовой системы Консультант-Плюс (дата обращения: 05.04.2023).
3. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из справочной правовой системы Консультант-Плюс (дата обращения: 05.04.2023).
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 21 января 2019 г. по делу № 22-691/2019 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант» (дата обращения: 05.04.2023).
5. Обзор Президиума Верховного Суда Республики Мордовия от 18 апреля 2019 г. «Обобщение судебной практики по вопросам допустимости доказательств (по материалам судебной практики судов Республики Мордовия за 2017–2018 годы // Доступ из справочной правовой системы «Гарант» (дата обращения: 05.04.2023).
6. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.09.2012 N 41-О12-57СП // Доступ из справочной правовой системы «Гарант» (дата обращения: 05.04.2023).
7. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.10.2012 N 34-О12-12 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант» (дата обращения: 05.04.2023).

УДК 343.9

ФОНОСКОПИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Винниченко А.С., кандидат юридических наук, доцент,

Аракелян Г.А., студент 3 курса юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей фоноскопической экспертизы, ее проблемных моментов и перспектив развития в ближайшем будущем. Авторами выявлены основные цели и этапы экспертизы, необходимая квалификация эксперта, наиболее распространенные недостатки при проведении экспертизы и ее современные достижения. Подчеркивается, что современные методы исследования уже позволяют увеличить качество звукозаписей, не затрагивая при этом важные идентификационные характеристики.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза, современная экспертиза, экспертиза звуков и голоса, проблемы фоноскопической экспертизы, перспективы фоноскопической экспертизы.

PHONOSCOPIC EXPERTISE: FEATURES, PROBLEMS AND PROSPECTS

Vinnichenko A.S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Arakelyan G.A., 3rd year student of the Faculty of Law of Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of phonoscopic expertise, its problematic moments and development prospects in the near future. Authors identified the main goals and stages of the expertise, the necessary qualifications of an expert, the most common shortcomings in the expertise and its modern achievements. It is emphasized that modern research methods already make it possible to increase the quality of sound recordings without affecting important identification characteristics.

Keywords: phonoscopic expertise, modern expertise, expertise of sounds and voice, problems of phonoscopic expertise, perspectives of phonoscopic expertise

Фоноскопическая экспертиза является одним из видов судебной экспертизы, которая занимается изучением звукозаписей и голосовых данных в качестве доказательства в уголовном процессе. Она может быть применена в случаях, связанных с прослушиванием телефонных разговоров, а также в других случаях, где необходимо установить авторство голоса или выявить возможные изменения записей.

Для проведения фоноскопической экспертизы используются специализированные программы и аппаратное обеспечение, которые позволяют анализировать различные звуковые материалы. Одним из основных направлений фоноскопической экспертизы является распознавание голосов. С помощью специальных алгоритмов анализируются частотные характеристики голоса, особенности речи, интонации, тембра и другие параметры, которые могут быть использованы для идентификации голоса.

Кроме распознавания голосов, фоноскопическая экспертиза может быть использована для анализа различных звуковых материалов, например, для определения местоположения источника звука, анализа шума, определения идентификационных маркеров звука и т.д. Также фоноскопическая экспертиза может применяться для раскрытия преступлений, связанных с нарушением авторских прав на музыкальные композиции, фильмы и другие звуковые материалы.

«В основу проведения фоноскопических экспертиз заложен лингвистический и акустический анализ речи. Лингвистический анализ – это изучение личностных характеристик речи – социальных, интеллектуальных и т.д., акустический – изучение анатомических и физиологических особенностей».

Качественный сбор образцов для сравнительного исследования, определяющий в основном успешность проведения экспертизы, очень трудоемок и требует соблюдения многих условий:

1. Необходимо в речи использовать слова и фразы, в которых наиболее ярко проявляются особенности произношения, патологии речи или иные отклонения от общепринятых норм литературного языка.

2. Микрофон располагают на расстоянии около 0,5 метра от рта человека, запись образца голоса которого производится.

3. Запись желательно проводить на такую же аппаратуру, на какой была записана речь в виде следовой информации, и в тех же акустических условиях.

4. Окна и двери помещения, где производится запись, должны быть плотно закрыты, телефонные аппараты отключены, устранены и другие источники возможных посторонних шумов.

5. При записи фонограммы испытуемый должен произносить те же самые фразы и слова, что и в исследуемой записи» [1, с. 164].

«Проведение успешной судебной фоноскопической экспертизы на современном уровне науки и техники требует комплекса специальных знаний различных базовых наук, включающих процесс порождения, трансмиссии, записи и хранения звукового сигнала».

Судебные фоноскопические экспертизы обычно проводятся двумя специалистами с базовым техническим и лингвистическим образованием. Экспертизы, проводимые двумя экспертами, имеющими исходно разное базовое образование (филологическое и техническое), представляют собой комплексное исследование одних и тех же объектов в целях решения одного и того же вопроса на основе интегральной совокупности признаков, получаемых как при помощи акустического, так и лингвистического анализов. Таким образом, судебная фоноскопическая экспертиза может производиться специалистами разного базового профиля высшего образования, но в рамках единой судебно-экспертной специализации.

Компетентный эксперт по идентификации личности по голосу и речи должен обладать глубокими знаниями в различных научных областях. В частности, такой эксперт должен владеть основами общего языкознания, включая фонетику, грамматику и лексикологию. Кроме того, необходимо иметь понимание фонетики, морфологии, синтаксиса и лексикологии русского языка [2, с. 81].

Важными областями знаний такого эксперта являются физиология и психология речи, логопедия и акустика речи. Также эксперт должен владеть основами магнитной звукозаписи и иметь знания в области распознавания образов и автоматической обработки речи.

Кроме того, для выявления следов монтажа в записях необходим специалист с техническим и лингвистическим образованием, обладающий специальными знаниями в области технического исследования фонограмм. В отсутствие соответствующих знаний эксперт не сможет корректно провести фоноскопическую экспертизу, и результаты его работы могут быть исключены из числа доказательств в суде» [3, с. 326].

Таким образом, для того чтобы эксперт по идентификации личности по голосу и речи был признан компетентным и мог проводить фоноскопическую экспертизу, необходимо обладать глубокими знаниями в различных научных областях, а также техническим и лингвистическим образованием.

Сама по себе фоноскопическая экспертиза является очень сложным и многоступенчатым процессом, который включает в себя несколько этапов:

1. Первый этап – это прослушивание аудиозаписи для определения наличия звуковых сигналов, которые могут свидетельствовать о манипуляциях с записью. К примеру, это может быть звук переключения кнопки записи или звук переноса катушки на другую сторону.

2. На втором этапе эксперты проводят анализ голосовых характеристик, таких как высота и тембр голоса, скорость речи, паузы и т.д. Этот этап может включать сравнение голосов с помощью специальных программ для распознавания голоса.

3. Третий этап – это выделение и анализ фонетических особенностей речи, таких как произношение звуков и интонация. Этот этап может включать сравнение записи с голосами подозреваемых или свидетелей.

4. Наконец, на четвертом этапе эксперты могут провести анализ акустических параметров записи, таких как уровень шума и эхо, чтобы определить, были ли манипуляции с записью.

В зависимости от конкретной ситуации, фоноскопическая экспертиза может включать в себя дополнительные этапы, такие как анализ фонограмм на наличие скрытых сообщений или шумов, связанных с определенными типами устройств записи.

При производстве фоноскопических экспертиз могут возникать различные проблемы, некоторые из которых могут быть наиболее распространенными:

1. Недостаточное качество записи: если аудиозапись имеет низкое качество, то это может затруднить проведение идентификации голоса и речи. Например, шум, искажения и другие помехи могут снизить качество записи и затруднить идентификацию голоса.

2. Отсутствие достаточной информации: если в записи недостаточно информации, то эксперт не сможет провести полноценную идентификацию голоса. Например, если запись содержит только несколько фраз, то это может быть недостаточно для уверенной идентификации голоса.

3. Ошибки в процессе сбора доказательств: если при сборе аудиозаписи были допущены ошибки, например, если была использована неправильная аппаратура или были нарушены правила сбора доказательств, то это может негативно сказаться на качестве идентификации голоса и речи.

4. Недостаточная квалификация эксперта: если эксперт не обладает достаточной квалификацией и опытом, то это может привести к ошибкам при проведении идентификации голоса и речи.

5. Сложности при идентификации голоса: некоторые голоса могут быть трудно идентифицировать из-за особенностей речи, например, если говорящий имеет акцент или дефект в произношении.

6. Неправильное толкование результатов: если эксперт неправильно толкует результаты идентификации голоса и речи, то это может привести к ошибкам в расследовании дела и незаконному вынесению приговора.

Также на практике часто и у граждан возникают проблемы, когда они совершают ошибки, предоставляя материалы для проведения фоноскопической экспертизы. Часто граждане стремятся сохранить важную информацию, перезаписывая ее с цифрового носителя (например, с помощью портативного цифрового диктофона) на обычную аналоговую компакт-кассету или CD-диск. Такая копия может быть приобщена к материалам дела в качестве оригинала, но при производстве судебной фоноскопической экспертизы может быть обнаружено, что фонограмма была перезаписана. Эксперты могут выявить признаки цифровой обработки, несоответствие между параметрами фонограммы и техническими характеристиками магнитофона, а также условиями и обстоятельствами производства звукозаписи. Если факт перезаписи не был правильно оформлен, это может привести к сомнениям в подлинности и достоверности информации на фонограмме. В этом случае фонограмма может быть признана недопустимым доказательством и исключена из числа доказательств по делу.

Также при поручении проведения фоноскопической экспертизы следует учитывать, что в ходе ее выполнения может возникнуть необходимость дополнительной информации о деталях, условиях, способе и технических средствах получения фонограмм, приобщенных к уголовному делу, а также предоставления на экспертизу самого звукозаписывающего устройства (магнитофона). Сведения о месте, способе, технических средствах и других обстоятельствах записи звукозаписей, связанных с делом, имеют важное значение для правильной классификации дефектов звукозаписей и выявления нарушений непрерывности их записи, а также для принятия решения об отнесении или неотнесении их к признакам монтажа, предотвращения возможных ошибок экспертизы.

В целом же, расшифровка звукозаписей представляет собой написанный дословный текст речевых сообщений (переговоров), записанных на звукозаписях. Составленная специалистом (экспертом), она более точно отражает содержание устной речи на звукозаписях, что обычно исключает сомнения в их достоверности при судебном исследовании. Важно, чтобы знаки препинания в расшифровке соответствовали членению звучащей речи на отдельные смысловые единицы.

В последние годы, при проведении фоноскопической экспертизы, стало возможным выявление признаков контрафактности аудиовизуальных произведений. Это позволяет установить факт нарушения моральных и материальных интересов автора или правообладателя. Однако для получения доказательств необходимо провести большую и сложную работу, собрав письменные и вещественные доказательства, договоры и справки, досудебные исследования контрафактных экземпляров произведения. Но важно отметить, что эксперт не вправе давать правовую оценку исследуемому объекту, то есть не может давать заключение о том, что представленный экземпляр аудиовизуального произведения является контрафактным. Нарушения авторских и смежных прав на интеллектуальную собственность могут касаться не только аудиовизуальных произведений, но и книгопечатной продукции. Однако для установления контрафактности письменного текста необходимо проведение другой экспертизы – автороведческой или лингвистической [3, с. 321].

С развитием технологий в области звукозаписи и акустических технологий фоноскопическая экспертиза становится все более точной и надежной. Новые методы и технологии, такие как методы голосовой биометрии, могут значительно улучшить возможности фоноскопической экспертизы в идентификации голоса и анализе звукозаписей. Также возможно расширение области применения фоноскопической экспертизы в связи с увеличением объема цифровых аудио- и видеоматериалов, которые используются в качестве доказательств в уголовных делах.

Сегодня существуют технологии, которые позволяют улучшить качество звучания аудиозаписей и проводить исследования даже для записей с низким уровнем речевого сигнала и высоким уровнем зашумления от внеязычных источников звука. Современные методы исследования позволяют увеличить качество звукозаписей, не затрагивая при этом важные идентификационные характеристики, а также другие спектральные и временные параметры записей [4].

В заключение можно сказать, что фоноскопическая экспертиза является важным инструментом в расследовании преступлений и проведении судебных экспертиз. Развитие технологий и методов анализа звуковых материалов позволит улучшить точность и эффективность фоноскопической экспертизы и повысить ее значимость в судебном процессе.

В целом, фоноскопическая экспертиза – это сложный процесс, требующий высокой квалификации экспертов и использования специального оборудования и программного обеспечения. Однако, благодаря быстрому развитию технологий, перспективы развития этой области криминалистики остаются высокими.

Библиографический список

1. Попов, В.В. К вопросу о проведении идентификации по голосу посредством гауссовой модели смеси / В.В. Попов. Текст : электронный // ЮП. 2021. № 1 (96). С. 164–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-provedenii-identifikatsii-po-golosu-posredstvom-gaussovoy-modeli-smesi> (дата обращения: 07.04.2023).

2. Лебедева, А.К. О компетенции судебного эксперта в области судебной фоноскопической экспертизы / А.К. Лебедева. Текст : электронный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 5 (57). С. 79-85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kompetentsii-sudebnogo-eksperta-v-oblasti-sudebnoy-fonoskopicheskoy-ekspertizy> (дата обращения: 07.04.2023).

3. Российская, Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Российская, Е.И. Галяшина. Проспект, 2010. 464 с. Текст : непосредственный.

4. Ларин, К.И. Использование в доказывании по уголовным делам материалов фото-, киносъемки-, аудио- и видеозаписей, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий / К.И. Ларин. Текст : электронный // Образование и право. 2021. № 10. С. 329-333. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-v-dokazyvanii-po-ugolovnym-delam-materialov-foto-kinos'emki-audio-i-videozapisey-poluchennyh-pri-provedenii-operativno-rozysknykh-meropriyatij> (дата обращения: 07.04.2023).

УДК 343.3/7

ПРОБЛЕМЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТА, КАК ИНОГО УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, ЗА ДАЧУ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Волколупова В.А., кандидат юридических наук, доцент,

Сенцов А.С., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования законодательства, регламентирующего ответственность специалиста как участника уголовного судопроизводства. На основе проведенного авторского анализа современных подходов к решению данных проблем и сложившейся правоприменительной практики в работе предлагаются авторские варианты решения рассматриваемых вопросов.

Ключевые слова: специалист, уголовная ответственность, заведомо ложные показания, участник уголовного судопроизводства.

PROBLEMS RELATED TO THE EXPEDIENCY OF REGULATING THE CRIMINAL LIABILITY OF A SPECIALIST, AS ANOTHER PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS, FOR GIVING A DELIBERATELY FALSE CONCLUSION

Volkolupova V.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Sentsov A.S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article discusses the issues of improving the legislation regulating the responsibility of a specialist as a participant in criminal proceedings. Based on the author's analysis of modern approaches to solving these problems and the established law enforcement practice, the author's solutions to the issues under consideration are proposed in the work.

Keywords: specialist, criminal liability, knowingly false testimony, participant in criminal proceedings.

Понятие специалиста и его процессуальный статус в уголовно-процессуальной доктрине вызывает множество споров. Одной из причин, по которой учеными высказываются различные позиции относительно регламентации правового статуса этого иного участника уголовного судопроизводства, является то, что заключение и показания специалиста в действующем законодательстве стали признаваться в качестве самостоятельных доказательств уже после принятия и введения в действие УПК РФ после внесенных в него в 2003 г.

соответствующих поправок [1]. Вопросам привлечения специалиста в качестве иного участника уголовного судопроизводства посвящены работы Л.В. Винницкого, А.М. Зинина [2], С.Л. Мельника, Я.Д. Ревенко [3], А.П. Рыжакова [4] и др.

Сведущее лицо, обладающее специальными знаниями, приобретает процессуальный статус специалиста только после его официального вызова к лицу, осуществляющему предварительное расследование, или по инициативе суда и привлечения его к участию в этом качестве для дачи заключения (или для дачи показаний).

Специалист принадлежит к категории сведущих лиц, наделенных уголовно-процессуальным законом специфическими обязанностями, отличными от обязанностей представителей защиты, обвинения или разрешения дела.

Как полагают многие авторы, к неурегулированным до конца вопросам, относящимся к правовому статусу специалиста, остается до настоящего времени регламентация его ответственности [5], поскольку заключение и показание специалиста играют важную роль в уголовном процессе могут признаваться одним из источников доказательств (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Как и другие иные участники уголовного судопроизводства, специалист при нарушении нормативных предписаний несет ответственность. Например, дача им заведомо ложного показания является основанием для привлечения его к уголовной ответственности (ст. 307 УК РФ).

В правоприменительной практике нередко возникают вопросы, относящиеся к правовой оценке действий специалиста, давшего заведомо ложное заключение. Специалист как иной участник уголовного судопроизводства, выступающий именно в этом качестве, за заведомо ложное заключение к уголовной ответственности привлечен быть не может, поскольку согласно действующей редакции ст. 307 УК РФ ответственности за дачу заведомо ложного заключения подлежит только эксперт.

Специалист же может быть привлечен к уголовной ответственности по этой статье только за дачу заведомо ложного показания, данного им во время его допроса в качестве специалиста (хотя в УПК РФ специальной нормы, регламентирующей именно допрос специалиста, нет (в отличие от допроса эксперта (ст. 205 и ст. 282 УПК РФ)), и поэтому допрос специалиста процессуально оформляется и проводится по правилам, установленным в нормах УПК РФ для допроса свидетеля.

Несмотря на то, что в соответствии со ст. 58 УПК РФ специалист может быть привлечен в качестве иного участника уголовного судопроизводства к производству процессуальных действий по уголовному делу, а заключение специалиста (ч.3 ст. 80 УПК РФ) (как и его показания) могут быть признаны доказательствами и существенно повлиять на исход уголовного дела и судебного разбирательства в целом (п.3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), вопрос об ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения до настоящего времени остается неурегулированным ни в нормах УПК, ни в нормах УК РФ (см. работы Э.А. Винокурова, Е. П. Гришина, С.А. Кружковой, В.А. Лукьянчиковой, И.Г. Савитской, С.С. Шишилина и др.).

Неурегулированность юридической ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения и ее непредусмотренность в ст. 307 УК РФ (в отличие от ответственности эксперта за дачу им заведомо ложного заключения), по-моему, объясняется рядом как объективных, так и субъективных факторов (детерминант).

Во-первых, заключение специалиста может быть инициировано не только следователем, дознавателем или судом, но и иными участниками уголовного судопроизводства, не наделенными процессуальными полномочиями по назначению судебной экспертизы, в частности, защитником, подозреваемым, обвиняемым и даже потерпевшим, а следовательно, решить вопрос о предупреждении специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в последнем случае весьма проблематично (даже, если в ст. 307 УК РФ и внести соответствующие изменения).

Во-вторых, в отличие от нормативного закрепления процессуальных требований к заключению эксперта (ст. 204 УПК РФ), относительно аналогичных требований к заключению специалиста никаких специальных норм законодатель не предусматривает.

Отсутствуют и требования к процессуальной форме такого заключения, не предусмотрено предупреждение специалиста об ответственности за дачу им заведомо ложного заключения, лишь при его последующем допросе (если он проводится) специалист предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, а также в отдельных случаях об ответственности по ст. 310 УК РФ за разглашение данных предварительного расследования.

В-третьих, заключение специалиста представляет собой отображенное в письменном виде личное суждение по вопросам, поставленным перед специалистом лицом, инициирующим подготовку заключения (ч. 3 ст. 80 УПК РФ).

В-четвертых, можно выделить и еще один проблемный аспект: в нормах УПК РФ вообще не регламентируется процессуальный порядок назначения, производства, дачи и представления заключения специалиста.

Наконец, при рассмотрении заключения специалиста по правилам оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ) его можно оценить лишь по таким критериям как относимость и допустимость, а два других критерия: достоверность и достаточность, в типичных ситуациях следователь, дознаватель и даже судья самостоятельно оценить не смогут (ведь это субъективный фактор).

В силу названных обстоятельств оценка истинности или ложности самого заключения специалиста, являющегося его личным, субъективным суждением, сделанным без проведения необходимых специальных исследований, а основанным лишь на его специальных познаниях, имеет скорее гносеологический, а не уголовно-правовой характер.

Вероятно, именно поэтому на данном этапе в ст. 307 УК РФ и не предусмотрена уголовная ответственность специалиста. А вот за данное им заведомо ложное показание в случае его допроса такая ответственность предусмотрена (разумеется, при доказанности их заведомой ложности).

Однако в специализированной ст. 58 УПК РФ, посвященной регламентации правового статуса специалиста по непонятным причинам закреплена только его ответственность за разглашение данных предварительного расследования в соответствии со ст. 310 УК РФ.

Необходимым условием реализации такой ответственности является заблаговременное предупреждение специалиста о недопустимости разглашения ставших ему известными данных предварительного расследования. Согласно ч. 2 ст. 161 УПК РФ перед началом производства следственных действий, в которых принимает участие специалист, следователь (дознаватель) обязательно должен письменно предупредить этого участника об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. Однако в действующем УПК РФ ни сама процедура предупреждения, ни порядок его оформление не регламентированы.

Для устранения существующей правовой неопределенности в правовом статусе специалиста и в целях повышения уровня межотраслевого согласования норм уголовного и уголовно-процессуального права представляется целесообразным внести соответствующие изменения в ч. 4 ст. 58 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции «4. Специалист не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд.», а также дополнить ст. 58 УПК РФ новой ч. 5 в следующей редакции «5. Специалист несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного показания в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также он не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве специалиста, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования специалист несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.».

Предлагаемые изменения будут способствовать повышению качества заключений, даваемых специалистом по уголовному делу, а также усилению его персональной ответственности за их объективность и непредвзятость.

Библиографический список

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ (ред. от 29.12.2010). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М.: Проспект, 2014. 254 с.
3. Винницкий Л.В., Мельник С.Л., Ревенко Я.Д. Актуальные вопросы использования специалиста на стадии возбуждения уголовного дела. М.: Юрлитинформ, 2012. 226 с.
4. Рыжаков А.П. Специалист в уголовном процессе: учеб. пособие. М.: Экзамен, 2007. 189 с.
5. Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М.: Проспект, 2014. 254 с.
6. Лясина Е.А., Вологина Е.В. Разграничение функций эксперта и специалиста в уголовном процессе // Поиск (Волгоград). 2022. № 2 (13). С. 46-49.
7. Ковалева В.А. Проблемы правового регулирования правового статуса специалиста и форм его деятельности в российском уголовном процессе // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 34. С. 534-539.

УДК 343.3/7

БАНДИТИЗМ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ) ИЛИ УЧАСТИЕ В НЕМ (НЕЙ): КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Волколупов В.Г., кандидат юридических наук, Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются критерии разграничения бандитизма и организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней), выделенные на основе правовой оценки всей совокупности объективных и субъективных признаков, определяющих составы данных преступлений в целом, с учетом того, что отдельные указанные признаки являются присущими каждому из них.

Ключевые слова: банда, вооруженность, организованная группа, преступное сообщество, структурированность, цель нападения на граждан или организации.

BANDITRY AND THE ORGANIZATION OF A CRIMINAL COMMUNITY (CRIMINAL ORGANIZATION) OR PARTICIPATION IN IT (HER): CRITERIA OF DIFFERENTIATION

Volkolupov V.G., Candidate of Legal Sciences, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

Abstract. The article discusses the criteria for distinguishing banditry and the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her), identified on the basis of a legal assessment of the totality of objective and subjective characteristics that determine the composition of these crimes as a whole, taking into account the fact that some of these characteristics are inherent in each of them.

Keywords: gang, armed, organized group, criminal community, structuring, the purpose of attacking citizens or organizations.

Одним из смежных по отношению к составу бандитизма является состав преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ («Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»). В уголовно-правовой теории имеется позиция, согласно которой банда рассматривается как особая разновидность преступного сообщества. В обоснование этой позиции некоторые авторы приводят такой аргумент, как соседнее расположение ст. 209 и 210 УК РФ [1, с. 57]. Однако данный подход далеко не бесспорен, поскольку очевидно, что не все признаки преступного сообщества, предусмотренные в ч. 4 ст. 35 УК РФ, а именно: 1) структурированность; 2) специальная цель совершения тяжких или особо тяжких преступлений; 3) направленность на получение финансовой или иной материальной выгоды, являются обязательными для банды.

На наш взгляд, верной представляется иная имеющаяся в уголовно-правовой науке позиция, согласно которой банда может выступать как самостоятельной устойчивой (организованной) группой, так и существовать в виде преступного сообщества (преступной организации), а точнее являться одним из его структурных подразделений [2, 3].

Выделить четкие критерии разграничения составов бандитизма (ст. 209 УК РФ) и организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) (ст. 210 УК РФ) представляется весьма проблематичным, поскольку практически все обязательные признаки бандитизма в том или ином сочетании могут иметь место и в составе преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ.

С другой стороны, такой конститутивный признак преступного сообщества, как «структурированность» организованной группы, в отдельных случаях может быть присущ и банде.

Поэтому, на наш взгляд, разграничивать рассматриваемые составы следует лишь на основе правовой оценки не какого-то отдельно взятого признака, а всей совокупности объективных и субъективных признаков, определяющих тот или иной состав в целом, и с обязательным учетом того, что большинство отдельных признаков в этих составах по своему содержанию нередко могут и совпадать (например, такие признаки, как вооруженность, цель нападения на граждан или организации, цель получения финансовой или иной материальной выгоды и др.).

Например, конститутивным признаком в составах бандитизма (ч. 1, 2 и 3 ст. 209 УК РФ) является «вооруженность» банды, и он предполагает обязательное наличие пригодного для целевого применения оружия (огнестрельного, холодного, в том числе метательного, газового, пневматического, оружия ограниченного поражения, либо различных взрывных устройств) хотя бы у одного из участников банды, при условии, что другие члены банды осведомлены об этом и осознают, что оружие является именно «оружием банды», а не средством индивидуальной защиты конкретного лица, и что оно может быть использовано в общих интересах для достижения общих целей.

Но, будучи обязательным признаком банды, вооруженность возможна и в преступном сообществе (хотя и не являясь для преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, составообразующим признаком) [4].

Следовательно, такой признак, как «вооруженность» организованной группы сам по себе (взятый изолированно от других признаков, характеризующих тот или иной вид преступного формирования) не позволяет разграничить рассматриваемые составы, поскольку для достижения цели «получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды» (ч. 4 ст. 35 УК РФ) в деятельности преступного сообщества оружие тоже может использоваться при совершении тяжких или особо тяжких преступлений.

Иными словами, данный признак не может служить универсальным критерием, позволяющим разграничить рассматриваемые составы (ст. 209 и 210 УК РФ).

В научной литературе некоторые авторы, рассматривая критерии разграничения банды и преступного сообщества (преступной организации), в качестве отличительных признаков данных деяний предлагают учитывать «профессионализм» членов преступного сообщества, а также наличие (или отсутствие) у этих преступных формирований коррумпированных связей с правоохранительными и государственными органами [5]. На наш взгляд, выделенные признаки являются, во-первых, слишком уж «аморфными» и неопределенными, а во-вторых, они выступают криминологическими характеристиками и не имеют уголовно-правового содержания. В силу этого данные признаки вряд ли могут быть использованы для разграничения рассматриваемых составов (бандитизма и создания преступного сообщества либо участия в нем), конститутивные особенности которых исчерпывающе предусмотрены в соответствующих уголовно-правовых нормах.

Не является универсальным критерием разграничения рассматриваемых составов и такой обязательный признак банды, как специальная цель ее создания – нападение на граждан или организации. В реальной правоприменительной практике иногда встречаются случаи, когда и при создании преступного сообщества одной из целей тоже является нападения на граждан или организации, обеспечивающие получение незаконной материальной выгоды.

Так, по приговору Мурманского областного суда от 18 февраля 2011 г. по делу № 1-12/2011 Хлохов был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 228.1; ч. 1 ст. 210; п. «д», «е» ч. 2 ст. 117; п. «а» ч. 3 ст. 163; п. «а» ч. 4 ст. 162; п. «а» ч. 3 ст. 228.1; ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 228.1; п. «г» ч. 2 ст. 112; п. «а», «г» ч. 3 ст. 228.1; п. «а», «в» ч. 3 ст. 163; ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 228.1; ч. 1 ст. 30, п. «а», «г» ч. 3 ст. 228.1; ч. 1 ст. 30, п. «а», «г» ч. 3 ст. 228.1; ч. 1 ст. 222 УК РФ. В приговоре отмечается, что преступное сообщество действовало под единым руководством, а одна из организованных преступных групп занималась вовлечением в преступное сообщество новых членов из числа лиц, причастных к незаконному сбыту наркотических средств, путем их физического и психического принуждения с использованием оружия. Одним из направлений преступной деятельности рассматриваемой группы являлось силовое решение различных внутренних конфликтов, которые иногда возникали между отдельными участниками данного преступного сообщества, занимавшимися незаконным оборотом наркотических средств, чаще всего, при разделе «сфер влияния», а также при обеспечении их личной безопасности с целью сокрытия от правоохранительных органов совершенных ими преступлений, включая вымогательства и хищения денежных средств у лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств, отказывающихся добровольно участвовать в деятельности преступного сообщества, путем шантажа, угроз и причинения телесных повреждений [6].

На сложности, возникающие у правоприменителя при разграничении рассматриваемых составов по такому критерию, как цель создания соответствующих преступных объединений (банды или преступного сообщества), обращается внимание во многих научных работах. В частности, Т.В. Якушева отмечает, что в ходе проведенного ею исследования материалов современной судебной практики она не обнаружила ни одного случая применения ст. 209 УК РФ и признания организованной группы бандой, созданной для нападения на граждан или организации не с корыстной, а с какой-то иной целью [7, с. 110].

Решению вопроса о разграничении банды и преступного сообщества в какой-то мере способствуют предусмотренные в ч. 4 ст. 35 УК РФ такие конститутивные признаки, как «структурированность» организованной группы, либо же «объединение нескольких организованных групп, действующих под единым руководством», один из которых (альтернативно) является необходимым для признания группы преступным сообществом.

Однако, как показывают вынесенные в последние годы судебные решения по уголовным делам о бандитизме, правоприменители данные признаки не всегда учитывают при разграничении банды и преступного сообщества. Так, в одном из апелляционных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ было отмечено, что устойчивая вооруженная группа, в составе которой находилась и подавший апелляционную жалобу М., «представляла собой организованное структурированное объединение, действовавшее в течение длительного времени, которая тщательно готовилась к совершению преступлений, имела целью нападения на граждан и организации, прежде всего сотрудников правоохранительных органов и органов власти, поэтому обоснованно признана бандой» [8]. Не трудно заметить, что указание судом на наличие признака «структурированность» преступного объединения давало основание квалифицировать деяние М. не как участие в банде, а как участие в преступном сообществе (преступной организации).

Недостаточно четко определено понятие «структурированность» и в разъяснениях, содержащихся в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». В этом пункте разъясняется, что «под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий» [9].

А поскольку согласно разъяснениям, данным в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1, под бандой «следует понимать организованную устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации» [10], то в принципе не исключается наличие банды и в качестве одного из структурных подразделений преступного сообщества.

При квалификации содеянного по делам о бандитизме важно учитывать и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, содержащиеся в п. 21 его постановления от 10 июня 2010 г. № 12, где указано, что «если участники преступного сообщества (преступной организации), наряду с участием в сообществе (организации), создали устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководили такой группой (бандой), содеянное образует реальную совокупность преступлений и подлежит квалификации по статьям 209 и 210 УК РФ, а при наличии к тому оснований также по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за участие в другом конкретном преступлении. В тех случаях, когда организатор, руководитель (лидер) и участники структурного подразделения, входящего в состав преступного сообщества (преступной организации), заранее объединились для совершения вооруженных нападений на граждан или организации, действуя в этих целях, вооружились и, являясь участниками созданной устойчивой вооруженной группы (банды), действовали не в связи с планами преступного сообщества (преступной организации), содеянное ими надлежит квалифицировать по части 1 или части 2 статьи 209 УК РФ, а также по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за совершенное конкретное преступление» [9].

В реальной практике возможны и такие ситуации, когда первоначально созданная в целях нападения на граждан или организации устойчивая вооруженная группа в процессе своей деятельности становится структурированной и перерастает в преступное сообщество. В качестве примера, иллюстрирующего возможность такого «перерастания», можно привести рассмотренное 4 июля 2014 г. Пензенским областным судом уголовное дело № 2-2/2014, по которому был вынесен обвинительный приговор и Максименко признан виновным и осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 209 УК РФ; ч. 1 ст. 210 УК РФ; ч. 3 ст. 30, п. «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ; п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ; п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ; ч. 4 ст. 111 УК РФ [11].

Как указано в приговоре: «Максименко С.В. на основе вооруженной группы <данные изъяты> создал для совершения противоправных деяний преступное сообщество под таким же названием, состоявшее из структурных подразделений, до <дата> руководил этим сообществом и участвовал в совершенных им противоправных деяниях.

По предложению Максименко С.В. в состав преступного сообщества <данные изъяты> в период его формирования добровольно вошли желающие участвовать в противоправной деятельности Бурмистров И.И., Хренов И.В., Ефимюк А.С., Воробьев В.В., Ермолаев Ю.А. и другие лица, которые до <дата> принимали участие в деятельности сообщества, состоявшего из структурных подразделений, а Бурмистров И.И., Ефимюк А.С. и Ермолаев Ю.А., кроме того, руководили данными структурными подразделениями.

По поручению Максименко С.В. преданные ему лично Бурмистров И.И., Ефимюк А.С., Ермолаев Ю.А. и другие лица сформировали структурные подразделения – три функционально обособленных группы» [11].

В уголовно-правовой доктрине представлена и иная позиция, согласно которой в тех случаях, когда участники преступного сообщества (преступной организации) либо лица, входящие в одно из его структурных подразделений, приобрели оружие и с его применением совершили нападения на граждан или организации, содеянное должно квалифицироваться только по соответствующей части ст. 209 УК РФ и дополнительной квалификации данных действий по ст. 210 УК РФ не требуется, поскольку, в конечном счете, такая предшествующая организационная деятельность фактически является лишь подготовительным этапом к созданию банды [12, с. 128]. Другие же авторы, в частности Ж.В. Виденькина, наоборот, полагают, что преступное сообщество, если оно уже создано, не может быть преобразовано в банду, так как банда является самостоятельной разновидностью организованной группы и она может стать лишь одним из структурных подразделений преступного сообщества. Следовательно, при указанном развитии событий, по мнению этого автора, имеет место реальная совокупность преступлений и содеянное должно быть квалифицировано по соответствующим частям ст. 210 и 209 УК РФ [13, с. 136].

А.А. Толкаченко полагает, что при квалификации бандитизма по совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 210 УК РФ, целесообразно исходить из принципа субъективного мнения. По его мнению, если в процессе создания преступного сообщества (преступной организации) формируется как одно из его относительно самостоятельных структурных подразделений специализированная вооруженная группа в целях нападения на граждан или организации, то руководитель и участники такой группы, осознавшие свою принадлежность к преступному сообществу (преступной организации), подлежат уголовной ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 209 и 210 УК РФ, при условии, что и организаторы (создатели или руководители преступного сообщества) были осведомлены о наличии в нем именно банды в качестве относительно обособленного структурного подразделения данного преступного сообщества [14, с. 101].

Думается, что предлагаемые решения обозначенных проблем могут способствовать стабилизации практики применения норм об ответственности за преступления, совершаемые организованными преступными формированиями.

Библиографический список

1. Галиакбаров, Р. Разграничение разбоя и бандитизма: ошибка в теории ломает судебную практику / Р. Галиакбаров // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 56–57.
2. Агапов, П. Бандитизм и организация преступного сообщества (преступной организации): проблемы соотношения / П. Агапов // Законность. 2002. № 4. С. 48–49.
3. Панченко, П. Цели нападения при бандитизме / П. Панченко, В. Кашенин // Уголовное право. 2007. № 3. С. 48–51.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.03.2015 № 20-О15-1сч // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, свободный.
5. Быков, В. Организация преступного сообщества (преступной организации) / В. Быков // Законность. 2010. № 2. С. 18–21.
6. Приговор от 18 февраля 2011 г. Мурманского областного суда по делу № 1-12/2011 // Мурманский областной суд. URL: https://obsud-mgm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_or=doc&number=514086&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 17.04.2023).
7. Якушева, Т.В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Якушева Татьяна Викторовна. Москва, 2016. 219 с.
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.01.2015 № 23-АПУ14-14 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, свободный.
9. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, свободный.
10. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, свободный.
11. Приговор № 2-2/2014 2-9/2013 от 4 июля 2014 г. Пензенского областного суда по делу № 2-2/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/L30WnZQa3jof/> (дата обращения: 17.04.2023).
12. Полный курс уголовного права: в 5 томах. Т. 4: Преступления против общественной безопасности / [Комиссаров В.С. и др.]; под ред. А.И. Коробеева. Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 672 с. ISBN 978-5-94201-545-9.
13. Виденькина, Ж.В. Ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: научно-практическое пособие / Ж.В. Виденькина; отв. ред. Н.Г. Кадников. Москва: Юриспруденция, 2014. 136 с. ISBN 978-5-9516-0666-2.
14. Толкаченко, А.А. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие / А.А. Толкаченко. М.: ЮНИТИ, 2004. 128 с. ISBN 5-238-00668-3.

УДК 343.1

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПОНЯТИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Вологина Е.В., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградская академия МВД, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей института обеспечения законности при производстве по уголовному делу в современной России. Автором выявлены проблемы обеспечения законности при производстве по уголовному делу и предложены пути его развития. Подчеркивается, что одним из ключевых факторов успешного обеспечения законности является повышение правовой культуры и грамотности всех участников уголовного процесса: судей, следователей, адвокатов, обвиняемых и свидетелей. Особенности обеспечения законности в уголовном процессе включают применение гарантий защиты прав и свобод, доказательственной базы и законных процедур.

Ключевые слова: обеспечение законности, законность, производство по уголовному делу.

ENSURING THE RULE OF LAW IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE CONCEPT AND CURRENT PROBLEMS

Vologina E.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of the institution of ensuring the rule of law in criminal proceedings in modern Russia. The author identifies the problems of ensuring legality in criminal proceedings and suggests ways of its development. It is emphasized that one of the key factors for the successful enforcement of the rule of law is to increase the legal culture and literacy of all participants in the criminal process: judges, investigators, lawyers, defendants and witnesses. The specifics of ensuring legality in criminal proceedings include the application of guarantees for the protection of rights and freedoms, the evidence base and legal procedures.

Keywords: ensuring legality, legality, criminal proceedings.

Общепринято, что законность является неотъемлемой характеристикой правового государства и гарантией его развития. Соблюдение законности обеспечивает верховенство закона в правовом государстве, закрепляет принципы и формы деятельности государственного аппарата и главную общественную ценность – права и свободы человека и гражданина. К принципам уголовного процесса традиционно базовым и основным относится принцип законности уголовно-процессуальной деятельности [7, с. 207].

Некоторые авторы именуют его как принцип законности при производстве по уголовным делам, но суть остаётся прежней [4, с. 122].

Есть и те, кто считает, что это комплексный элемент – и именуют принцип законности, обоснованности, мотивированности и справедливости процессуальных решений [3, с. 102].

Система принципов уголовного процесса представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих требований, необходимых и достаточных для построения оптимального порядка уголовного судопроизводства [1, с. 13].

Обеспечение законности при производстве по уголовному делу в России является процессом, направленным на соблюдение прав и законов при рассмотрении уголовных дел в судебных органах и государственных органах, занимающихся расследованием и уголовным преследованием.

Законность в уголовном процессе – это принцип, в соответствии с которым правопорядок должен соблюдаться во всех этапах уголовного процесса. Это означает, что все действия в рамках уголовного процесса должны соответствовать установленным законам и процедурам.

Термин «законность», в слове русского языка, толкуется как «положение, соответствующее которому жизнь общества охраняется законами; законность означает соответствие закону» [6, с. 208]. В юридическом словоупотреблении законность – неукоснительное исполнение законов и соответствующих им иных правовых актов всеми органами государства, должностными и иными лицами; «один из элементов демократии и правового государства» [8, с. 104].

Понятие законности в период функционирования советского государства трактовалось как требование (условие) соблюдения и исполнения законов, подзаконных актов субъектами правоотношений, в настоящее время, наряду с прежним его пониманием, используется и в новой интерпретации как политико-правовой режим в обществе (государстве), выраженный в законах [2, с. 605].

Принцип законности пронизывает все уголовное судопроизводство. Вполне обоснованно, отмечают Ю.Д. Лившиц и А.В. Кудрявцева, что законность в уголовном судопроизводстве – столь же необходимое требование, как и в других сферах государственной деятельности, регулируемых правом, она является органическим свойством уголовного судопроизводства, без которого немислимо его существование [5, с. 54].

Законность в юридическом словоупотреблении понимается в широком и узком значении. В широком значении как «отражение естественно-правовых начал права», законность выступает в качестве политико-правового режима, в узком (отраслевом) значении как требование соблюдения буквы и формы закона [5, с. 22].

На наш взгляд, законность в уголовном процессе включает в себя следующие элементы:

К существенным характеристикам законности в уголовном процессе относятся:

1. Презумпция невиновности – основная принципиальная гарантия уголовному подсудимому, заключающаяся в том, что до доказательства обратного, подсудимый считается невиновным;

2. Уважение прав подсудимого – права подсудимого должны быть полностью защищены в ходе уголовного процесса, включая право на защиту, право на информацию, право на адвоката и право на справедливое судебное разбирательство;

3. Равенство перед законом: Закон должен применяться в равной степени ко всем, независимо от социального статуса, расы или религии и т.д.;

4. Обоснованность и соотношение доказательств – все выводы, сделанные судом, должны быть основаны на обоснованных и достаточных доказательствах, относящихся к делу;

5. Судебная независимость и непредвзятость – судьи должны быть независимыми и не подвержены влиянию извне, чтобы обеспечить правильную и справедливую оценку дела на основании доказательств;

6. Соблюдение юридических процедур – все процедуры и правила, применяемые в ходе уголовного процесса, должны быть полностью соблюдены и в точности соответствовать законодательству;

7. Право на справедливое судебное разбирательство и эффективную защиту: Обвиняемый имеет право быть представленным и заслушанным в суде, и судебное разбирательство должно быть справедливым и беспристрастным;

8. Средства правовой защиты и апелляции: Обвиняемый должен иметь средства правовой защиты для оспаривания любых незаконных действий в ходе уголовного разбирательства и обжалования приговора.

В целом, законность в уголовном процессе – это гарантия справедливости и правового порядка в ходе уголовного разбирательства. Соблюдение законности обеспечивает защиту прав граждан и обеспеченное сохранение всех составных элементов правопорядка.

Сущность процесса обеспечения законности при производстве по уголовному делу заключается в выполнении требований закона, установленных для каждого этапа уголовного процесса – начиная от расследования и заканчивая вынесением приговора. Особенности обеспечения законности в уголовном процессе включают применение гарантий защиты прав и свобод, доказательственной базы и законных процедур.

Способы обеспечения законности при производстве по уголовному делу в разных странах могут различаться в зависимости от правовых систем страны, но все они основаны на международных стандартах прав человека.

В США законность в уголовном процессе обеспечивается системой юридических гарантий, которые включают право на адвоката, презумпцию невиновности и защиту от самообвинения. Также в США используется система присяжных заседателей, которые составляют и определяют виновность обвиняемого. Одним из примеров способа обеспечения законности является процедура «Миранда», которая обязывает правоохранительных органов проинформировать обвиняемого о правах, включая право на адвоката.

В Германии законность в уголовном процессе обеспечивается системой судебной защиты и принципом конфликта интересов. Данный принцип подразумевает, что следование интересам каждой стороны (защиты и обвинения) должно гарантировать справедливый процесс. Один из примеров способа обеспечения законности – необходимость предоставления полного доказательственного материала обвиняемому до начала судебного процесса.

Обеспечение верховенства закона в уголовном судопроизводстве имеет решающее значение для поддержания легитимности системы уголовного правосудия в любой стране.

В Китае для обеспечения законности в уголовном процессе используются следующие критерии:

- соблюдение юридических процедур: Китай внедрил всеобъемлющую правовую базу, определяющую процедуры уголовных расследований и судебных разбирательств;

- независимая судебная система: Китай осуществил судебные реформы, направленные на повышение независимости судебной системы и предотвращение коррупции. Это предполагает создание независимой судебной системы и обеспечение нейтралитета судей, чтобы предотвратить влияние на них в неспешных сил.

Одной из ключевых проблем обеспечения верховенства закона в уголовном судопроизводстве в России является отсутствие высокого уровня правовой культуры и грамотности среди судей, следователей, адвокатов, подсудимых и свидетелей.

Еще одной проблемой является отсутствие адекватной доказательной базы в уголовном судопроизводстве, что подрывает законность всего процесса. Отсутствие веских доказательств или их использование с нарушением юридических процедур может привести к необоснованным обвинительным или оправдательным приговорам, что приведет к потере доверия к судебной системе.

Для решения этих проблем необходимо повышать правовую культуру и грамотность всех участников уголовного процесса. Этого можно достичь с помощью различных мер, включая обеспечение надлежащего юридического образования, повышение правовой осведомленности общественности и обеспечение того, чтобы судьи, следователи и адвокаты проходили непрерывную юридическую подготовку.

Одной из основных проблем обеспечения законности в России является процессуальный конфликт, который может возникнуть между интересами следствия, защиты и судов. Это может привести к нарушению законных прав и свобод граждан, а также снизить качество судебных решений в уголовных делах.

В заключение следует отметить, что обеспечение верховенства закона в уголовном судопроизводстве имеет решающее значение для поддержания легитимности системы уголовного правосудия в России. Решение выявленных проблем и реализация мер по развитию и совершенствованию института обеспечения законности будут способствовать осуществлению правосудия и защите прав и свобод человека.

Для минимизации рисков нарушения законности при производстве по уголовному делу в России необходимо:

1. Соблюдать процедуры, установленные законодательством, в том числе в отношении допроса, перевода документов, обыска, задержания и т.д.
2. Применять принцип урегулирования конфликта интересов в уголовном процессе, чтобы предотвратить нарушение прав обвиняемых и свидетелей.
3. Соблюдать принципы доказывания и разумности при сборе доказательств, используемых для обвинения в уголовном деле.
4. Обеспечивать прозрачность судопроизводства и публичность рассмотрения уголовных дел.

Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Законность, обоснованность и мотивированность являются требованиями, предъявляемыми к процессуальным решениям. Требование закона, предъявляемое к процессуальным решениям – это условие, которое должно быть выполнено при его вынесении. Требования относятся к процессуальным решениям, которые еще не приняты, и выступают в качестве правил, которыми обязан руководствоваться суд (судья), прокурор, следователь, дознаватель. Таким образом, они направлены в будущее и относятся ко всем без исключения процессуальным решениям.

Одним из ключевых факторов успешного обеспечения законности является повышение правовой культуры и грамотности всех участников уголовного процесса: судей, следователей, адвокатов, обвиняемых и свидетелей. Также необходимо улучшать законодательство в уголовной сфере и совершенствовать работу судов и следственных органов в целях предотвращения нарушений прав и законных интересов граждан.

Библиографический список

1. Безруков С.С. Система принципов отечественного уголовного процесса: актуальные проблемы и подходы к построению // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 11–18.
2. Гуськова А.П. Взаимодействие законности и справедливости в уголовном судопроизводстве // Избранные труды / А.П. Гуськова. Оренбург: Изд. центр Оренбург. гос. аграр. ун-та, 2007. С. 605–607.
3. Давлетов А.А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 2. С. 102.
4. Качалова О.В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе: Монография. М., 2015. С. 122.
5. Лившиц Ю.Д. Принцип законности в уголовном процессе / Ю.Д. Лившиц, А.В. Кудрявцева // Южно-Уральский юридический вестник. 2001. № 1. С. 53–56.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд. М.: ИТИ Технологии, 2003. 944 с.
7. Томин В.Т. Принципы отечественного уголовного процесса // Уголовный процесс. Проблемные лекции / Под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2013. С. 207–208.
8. Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. М.: Инфра-М, 1998. 368 с.

УДК 343.12

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Глебов В.Г., кандидат юридических наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Сиратюк В.С., студент 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В данной статье рассматривается принцип неприкосновенности личности как один из основных принципов уголовного судопроизводства. Он предполагает, что каждый человек обладает определенными правами и свободами, которые нельзя нарушать даже в случае совершения им преступления. В рамках уголовного процесса этот принцип обеспечивает защиту прав и интересов обвиняемого, а также гарантирует, что проверка обвинения будет осуществлена в соответствии с законом и процессуальными нормами. Кроме того, принцип неприкосновенности личности устанавливает гарантии от произвольных действий правоохранительных органов и суда, что позволяет предотвратить злоупотребления властью и сохранить правовой порядок в обществе.

Ключевые слова: неприкосновенность личности, уголовное судопроизводство, права человека, закон, доказательства, справедливость, презумпция невиновности, гуманизм.

PERSONAL INVIOABILITY AS A PRINCIPLE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Glebov V.G., Candidate of Legal Sciences, Professor, Head of the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА,
Siratyuk V.S., 2th year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. This topic examines the principle of personal inviolability as one of the basic principles of criminal proceedings. It assumes that everyone has certain rights and freedoms that cannot be violated even if they commit a crime. In the framework of criminal proceedings, this principle ensures the protection of the rights and interests of the accused, and also guarantees that the verification of the charge will be carried out in accordance with the law and procedural norms. In addition, the principle of personal inviolability establishes guarantees against arbitrary actions of law enforcement agencies and the court, which helps to prevent abuse of power and preserve the legal order in society.

Keywords: inviolability of the person, criminal proceedings, human rights, law, evidence, justice, presumption of innocence, humanism.

Права и свободы личности занимают особое место по сравнению с другими правами и свободами, так как они тесно связаны с жизнью человека. Несмотря на то, что конституционные права и свободы являются базовыми для многих прав человека, право неприкосновенности личности занимает одну из ведущих позиций в этом списке (ст. 22 Конституции РФ).

Человек имеет право неприкосновенности с момента его появления на свет. Это право дает ему возможность совершать любые действия, которые не противоречат закону. Оно является одним из самых важных социальных благ для человека, которое позволяет ему реализовать свои духовные интересы, способности и особенности. Неприкосновенность – это неприкосновенность личности, которая подразумевает недопустимость незаконного насилия над ней и выражается в гуманизме [1, с. 96].

Кроме того, право на неприкосновенность личности связано с правом на частную жизнь и конфиденциальность. Человек имеет право на защиту своих личных данных и информации о своей жизни от несанкционированного доступа со стороны государства, общественных организаций или других людей. Эти права являются важными гарантиями для того, чтобы человек мог свободно развиваться, создавать и участвовать в общественной жизни.

Неприкосновенность личности – это принцип, закрепленный в конституционном праве, которое запрещает любое незаконное вмешательство в личную жизнь, здоровье, честь и достоинство граждан и гарантирует защиту граждан от произвольного вторжения государства в личную жизнь. Этот принцип очень важен в уголовном судопроизводстве, потому что он гарантирует право на справедливый процесс для всех подозреваемых и обвиняемых [2, с. 6].

Неприкосновенность личности означает, что при рассмотрении уголовного дела не могут использоваться незаконно собранные доказательства, например, полученные с помощью нарушения прав на частную жизнь, человеческое достоинство или здоровье. Это означает, что все средства, использованные для сбора доказательств, должны быть законными и соблюдать принципы неприкосновенности личности [3, с. 100].

Кроме того, принцип неприкосновенности личности также гарантирует, что подозреваемые и обвиняемые имеют право на адвоката и защиту, а также на разумные компенсации и возмещения за любые несправедливые ущербы, причиненные им в результате незаконных действий государства.

Неприкосновенность личности является одним из основных принципов прав человека и гражданина, и его соблюдение является необходимым для защиты основных прав граждан и сохранения справедливости в уголовном судопроизводстве [4].

Она закреплена в статье 22 Конституции Российской Федерации и означает, что никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или насильственным действиям, не предусмотренным законом.

То есть, можно сделать вывод, что это правовая гарантия личной безопасности и свободы каждого человека. Она выражается в предоставлении ему реальной возможности располагать собой, определять место пребывания по своему усмотрению, не находиться под охраной и постоянным наблюдением, а также она состоит в недопущении, пресечении и наказуемости посягательств на его физическую, психическую неприкосновенность и индивидуальную свободу действий.

Также, неприкосновенность соответствующих процедур и формальностей при применении мер уголовно-процессуального принуждения, закрепленные Конституцией и законами, будут защищены в процессе рассмотрения уголовных дел в судах. Эта гарантия означает, что никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию, обыску или аресту без установленной законом процедуры. Кроме того, гарантия неприкосновенности личности включает право на защиту и поддержку со стороны адвоката, право на отказ от самообвинения, право на правовую помощь и другие права. Эти гарантии направлены на обеспечение справедливого и беспристрастного процесса и защиту конституционных прав граждан.

Одним из таких гарантий является презумпция невиновности, которая означает, что каждый человек считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в суде. Кроме того, обвиняемый имеет право на защиту своих прав и интересов, на обжалование решений суда, на информирование о своих правах и обвинении, на тайну переписки, телефонных и иных сообщений, на неразглашение своих сведений и т.д.

Следует отметить, что ограничения свободы личности в уголовном судопроизводстве могут применяться только в случаях и в порядке, предусмотренном законом. Также необходимо соблюдение соответствующих процедур и формальностей при применении мер уголовно-процессуального принуждения.

В целом, использование мер принуждения в уголовном судопроизводстве является необходимым для обеспечения правопорядка и раскрытия преступлений. Однако, при этом необходимо соблюдение прав и свобод личности, обеспечиваемых законом. Важно, чтобы государство не злоупотребляло своими полномочиями и не нарушало никаких прав обвиняемого или подозреваемого.

Впрочем, следует помнить, что неприкосновенность личности не является безусловным правом и может ограничиваться в определенных случаях, например, в целях защиты общественной безопасности, предотвращения преступлений и т.д. При этом, ограничения должны быть предусмотрены законом, пропорциональны и не допускать произвольных и незаконных действий со стороны государства.

Государство обязано гарантировать защиту неприкосновенности личности и бороться с любыми формами ее нарушения. Это особенно важно в условиях современного информационного общества, когда возможность нарушения прав личности через интернет и цифровые технологии значительно возрастает.

Таким образом, право на неприкосновенность личности является одним из самых важных и фундаментальных прав человека, гарантирующим его свободное развитие и участие в общественной жизни.

Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве является одним из основных принципов правовой системы и закреплён в международных и национальных законах. Он означает, что каждый человек имеет право на независимость своей личности, защиту своего достоинства и свободы от произвольных вмешательств со стороны государства или других людей.

В контексте уголовного судопроизводства принцип неприкосновенности личности означает, что каждый подозреваемый или обвиняемый должен быть рассматриваем как невиновный до тех пор, пока его вина не будет доказана в суде.

Здесь можно выделить некие общие положения данного принципа:

– В процессе следствия и судебного разбирательства не должно быть применено насилия или других недопустимых методов допроса, а также произвольных задержаний и арестов. Любая информация, полученная с нарушением принципа неприкосновенности личности, не может быть использована в качестве доказательства (ч. 3 ст. 7 УПК РФ).

– В ходе уголовного процесса необходимо соблюдать принципы законности, равенства перед законом и судом, неподкупности судей, доказательственной недостаточности и гуманизма.

– Личность обвиняемого должна быть защищена от незаконного использования доказательств, нарушения его права на презумпцию невиновности и излишнего применения мер пресечения.

– Органы следствия и судебные органы должны действовать с уважением к правам и свободам человека и не применять незаконные методы допроса, пыток и других форм физического или психического насилия.

Также, этот принцип обеспечивает право на защиту и открытость процесса, гарантирует доступ к адвокатской помощи и возможность обжалования решений суда. В целом, принцип неприкосновенности личности гарантирует справедливость и равенство перед законом в уголовном процессе.

Неприкосновенность личности в уголовном процессе означает защиту прав личности в процессе рассмотрения уголовного дела. Это право закреплено во многих международных и национальных законах, включая статью 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Таким образом, неприкосновенность личности раскрывается в таких правах как:

1. Право на справедливое судебное разбирательство. Это право гарантирует каждому обвиняемому проведение судебного процесса в равных условиях, с возможностью представления своей точки зрения, напоминания о доказательствах, опровержении обвинения и защите своих интересов.

2. Право на недопустимость принуждения. То есть, право на недопустимость использования принуждения, пыток, жестокого или унижающего обращения во время следствия или судебного разбирательства.

3. Право на конфиденциальность. Заключается в отношении личных данных и секретов, например, право на неразглашение медицинских данных или банковских счетов.

4. Право на выражение своего мнения. Выражается в свободе слова и выражения своего мнения, доступ к информации и возможность общения с юристом [5, с. 198].

Неприкосновенность личности в уголовном процессе не является абсолютной, она может быть ограничена законными интересами других лиц и общественной безопасностью. Однако любые ограничения должны быть предусмотрены законом и пропорциональны конкретной ситуации.

Тем не менее, даже при наличии законодательного подкрепления и всех необходимых гарантий, в уголовном процессе могут возникнуть ситуации, когда права и свободы личности оказываются нарушенными. В таких случаях имеет место проблема баланса интересов государства и личности. Государство должно иметь возможность использовать меры принуждения для защиты общества от преступлений, но при этом не должно нарушать законных интересов личности и ее прав на защиту [6].

Важно также отметить, что уголовное право и уголовный процесс являются постоянно развивающимися и усовершенствующимися областями права. Законодатели и правоприменители постоянно анализируют практику и вносят коррективы в законодательство, чтобы обеспечить эффективную защиту прав и свобод личности, а также более справедливое применение мер принуждения.

Таким образом, можно подвести итог вышеизложенному, а именно, что неприкосновенность личности является основополагающим принципом уголовного процесса, который гарантирует защиту прав и свобод каждого человека. Этот принцип в уголовном процессе является неотъемлемой частью правового государства и становится одним из главных гарантов законности и справедливости. Неприкосновенность личности не только гарантируется государством, но и требует активного участия каждого человека в обеспечении своей неприкосновенности.

И в целом, право на неприкосновенность личности является основой для защиты других прав и свобод человека. Оно гарантирует индивидуальную свободу и защищает человеческое достоинство. Поэтому, правовая защита неприкосновенности личности является одной из важнейших задач государства и общества.

Библиографический список

1. Щербакова М.А. Принцип неприкосновенности личности как гарантия права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. №1 (95). С. 99–106.
2. Лысых Р.С., Асеева Н.В. Принцип неприкосновенности личности как форма защиты прав и свобод человека и гражданина // Сборник научных работ серии «Право». 2021. № 3 (23). С. 6–16.
3. Малдаева М. Неприкосновенность личности как принцип уголовного судопроизводства // Проблемы совершенствования законодательства: Сборник научных статей юридического факультета. Махачкала, 2019. С. 100–103.
4. Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России // Учебное пособие для вузов. М., 2021.
5. Константинова Е.А. Понятие, сущность и значение принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы функционирования и развития государства и права на современном этапе. Материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) // Под ред. И.А. Ворониной. Оренбург, 2021. С. 198–204.
6. Волобуева К.О., Колосов Н.Ф. Процессуальные аспекты взаимодействия следователя с прокуратурой и судом в ходе предварительного следствия // Форум. 2023. № 2(28). С. 320–324.

УДК 342.553

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СЛЕДОВАТЕЛЯ В РФ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РЕШЕНИЯ

Иванов Д.Я., студент 1 курса очной формы магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Глебов В.Г., кандидат юридических наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению процессуального статуса следователя в России, а также его элементов. Особое внимание уделяется выявлению проблем, связанных с процессуальным статусом следователя при расследовании уголовных дел, а также возможные пути их решения. Также подчёркивается наличие процессуальной самостоятельности, как одного из элементов процессуального статуса следователя и то, как данный элемент реализуется на практике.

Ключевые слова: процессуальный статус, процессуальная самостоятельность, следователь.

PROBLEMS OF THE MODERN PROCEDURAL STATUS OF THE INVESTIGATOR IN THE RUSSIAN FEDERATION AND PROSPECTS FOR ITS SOLUTION

Ivanov D.Y., 1st year student of the full-time education form of the magistracy of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd
Scientific supervisor: Glebov V.G., Candidate of Legal Sciences, Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the consideration of the procedural status of the investigator in Russia, as well as its elements. Special attention is paid to the identification of problems related to the procedural status of the investigator in the investigation of criminal cases, as well as possible ways to solve them. It also emphasizes the existence of procedural independence as one of the elements of the procedural status of the investigator and how this element is implemented in practice.

Keywords: procedural status, procedural independence, investigator

Следователь играет важную роль среди остальных участников уголовного судопроизводства, поскольку именно на нем лежит обязанность по сбору и анализу доказательств, которые, в дальнейшем, ложатся в основу обвинения. Связи с этим, стоит наиболее пристально обратить внимание на деятельность самого следователя в России и то, какие возможности и границы дает ему наше законодательство. Детальное изучение деятельности следователя позволит найти некоторые ответы на решение более глобальных проблем как на стадии предварительного расследования, так и российского уголовного судопроизводства в целом. Так, по мнению Березина А.Ю., одним из наиболее эффективных методов решения проблем является расчленение основной проблемы на более простые, даже элементарные [2, с. 1]. В данной статье будет рассмотрен один из важных элементов в деятельности следователя – его процессуальный статус и связанные с ним проблемы в российском уголовно-процессуальном праве.

Среди ученых и практиков существуют различные мнения о том, что же такое процессуальный статус следователя и что в него входит. Так, например, Никифорова Н.П., под процессуальным статусом понимает: «установленную уголовно-процессуальными нормами совокупность таких элементов как: функция, задачи, полномочия следователя, процессуальная самостоятельность, обоснованность деятельности, гарантии законности и ответственность» [3, с. 308–309]. В свою очередь, Мухаметшин Ф.Б. под процессуальным статусом следователя понимает «совокупность принципов, задач, законодательно закрепленных прав и обязанностей, а также ответственность за некачественное и противоправное проведения расследования» [4, с. 3]. Существуют и иные подходы к пониманию процессуального статуса следователя среди других авторов, но так или иначе, общее между ними является то, что все они включают в данный статус такие элементы как: принципы деятельности, процессуальная самостоятельность и независимость, права и обязанности, а также ответственность. При этом, по мнению автора, одним из элементов процессуального статуса можно выделить процессуальное положение следователя в уголовном судопроизводстве по отношению к другим участникам при расследовании уголовного дела.

Стоит отметить, что предварительное расследование в России осуществляется следователями трёх ведомств: МВД, ФСБ и СК России. У каждого вышеуказанного органа определен свой круг уголовных дел, иначе говоря, своя подследственность. Что касается процессуального статуса, то независимо от ведомства и расследуемого уголовного дела, он является одинаковым. Также он является одинаковым и между различными должностями следователя (следователь, старший следователь, следователь по особо важным делам).

Деятельность следователя, при расследовании уголовных дел, регламентирована Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее УПК РФ). Так, согласно ст. 5 УПК РФ, следователь – это должностное лицо, которое уполномочено осуществлять предварительные следствия по уголовному делу, наряду с иными полномочиями предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством [1]. Правовое положение следователя регулируется ст. 38 УПК РФ, а также подведомственными федеральными законами и приказами, информационными письмами и иными подзаконными актами.

Как было указано выше, в процессуальный статус следователя включены такие элементы как: принципы деятельности, процессуальная самостоятельность, права и обязанности, ответственность и, по мнению автора, положение следователя в уголовном судопроизводстве по отношению к другим участникам при расследовании уголовного дела. Наиболее проблемное и дискуссионное среди вышеперечисленных является именно процессуальная самостоятельность, но, по мнению автора, лучше всего будет рассмотреть данный элемент в конце научной статьи после детального изучения остальных проблемных элементов.

Итак, первым рассматриваемым элементом является принципы деятельности следователя. Безусловно, не одна правовая деятельность не может обойтись без опоры на основополагающие начала или базу, регламентирующую законом. Следственная деятельность также не является исключением. При расследовании уголовных дел, следователь руководствуется принципами, перечисленные в Главе 2 УПК РФ. В данной статье будут рассмотрены некоторые принципы, при реализации которых возникают определённые проблемы. Так, одним из основных принципов в деятельности следователя является законность, который предполагает, что любая следственная деятельность, а также собранные в результате неё доказательства, не должны иметь нарушений или опираться на закон, противоречащие уголовному законодательству. Что касается закона, то проблем в этом моменте не возникает, поскольку любой следователь в качестве нормативно базы использует УПК (как основополагающий закон в своей деятельности), а также ведомственные и иные подзаконные акты, которые так или иначе являются действующими и в своей части, не противоречащие УПК. Основной проблемой при реализации данного принципа следователем, является именно нарушение норм УПК, а точнее порядка, который регламентирован в кодексе, при проведении следственных действий. В подавляющем большинстве случаев, причиной данного нарушения является незнание данного порядка в полном объёме, в силу неграмотности и некомпетентности сотрудника, либо в силу небрежности и забывчивости. В результате допущения таких нарушений, полученные доказательства, в силу ч. 3 ст. 7 УПК РФ, признаются недопустимыми. Для решения подобных проблем, в различных следственных ведомствах установлены специальные программы обучения по следственной деятельности, а также вступительные экзамены для кандидатов, поступающих на службу, которые проверяют их знание в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства. При этом, уже действующие сотрудники проходят определённые мероприятия, связанные с переквалификацией имеющихся у них знаний, порядок, который определен внутренними актами ведомства. Также, деятельность уже действующих следователей проверяются руководителями следственных органов, а также прокурором, которые выявляют и устраняют допущенные следователем нарушения при проведении следственных действий.

Ещё одним принципом, который обязан реализовать следователь при расследовании преступлений является неприкосновенность жилища. Данный принцип закреплен в Конституции Российской Федерации, который гласит, что жилище неприкосновенно и любое проникновение против воли собственника недопустимо за исключением случаев, когда имеется согласие самого лица либо в случаях, установленных федеральными законами или по решению суда. При расследовании уголовного дела, у следователей может возникнуть необходимость в проникновении в те или иные жилища для того, что собрать те или иные доказательства. Для этого, законодательство допускает возможность следователю проникнуть в данное жилище, в том числе и против воли самого собственника. В УПК РФ предусмотрено три вида следственных действий, целью которых является выявление и фиксации доказательств, найденных в жилище тех или иных лиц: осмотр, обыск и выемка, порядок которых предусмотрен в ст.ст. 177, 182 и 183 УПК РФ соответственно с соблюдением требований, предусмотренной ст. 165 УПК РФ (против воли собственника, с разрешением суда). Поэтому, при наличии данной возможности, особенно важно, чтобы следователь проводил вышеуказанные следственные действия с соблюдением требований законодательства, иначе принцип неприкосновенности жилища будет нарушен. В связи с этим, при производстве осмотра, обыска или выемки жилища, возникают определённые процессуальные проблемы, связанные как с действиями самого следователя, так с недостаточной конкретизации в самом законодательстве, связанным с порядком проведения. Так, например, в ст. 182 УПК РФ имеется формулировка, которая гласит: «основанием производства обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица...». Связи с этим, возникает логичный вопрос: «сколько необходимо доказательств для того, чтобы иметь основания для данного обыска? Или достаточно иметь одно, но «железобетонное»?» Ведь от этого зависит, непосредственно и сам исход проведения данного следственного действия, поскольку допущение ограничения права гражданина на неприкосновенность его жилища связано именно с возможностью получения доказательств, которые, предположительно, мог скрывать преступник. При этом, как отмечает Меркулов М.А., даже при наличии тех самых «достаточных данных», нет никаких гарантий предполагать, что в данном жилище действительно имеется какие-либо предметы, связанные с самим преступником или его преступным деянием или иные доказательства, необходимые в уголовном деле [5, с. 42]. Связи с этим, для решения данной проблемы в ст. 182 УПК РФ требуется внести дополнение, касающиеся конкретизации понятия «достаточных данных», введя примеры универсальных данных, которые будут применимы при расследовании большинства уголовных дел.

Следующим рассматриваемым элементом является положение следователя по отношению к другим участникам уголовного судопроизводства. Казалось бы, здесь каких-либо недопониманий или проблем быть не должно, ведь, итак, понятно, что следователь занимает одно из центральных положений при расследовании уголовного дела, поскольку именно он руководит и направляет ход расследования преступления, собирает доказательства, на основе которых строится доводы стороны обвинения в суде, решает, кто и когда привлекается в качестве участника и так далее. Однако, и здесь есть свои нюансы, из которых потом рождаются проблемы. Так, в соответствии с п. 47, ст. 5 УПК РФ, следователь, наравне с прокурором, перечислен на стороне обвинения, что, в свою очередь предполагает его обвинительный уклон. С одной стороны, это так, ведь конечная цель всей деятельности следователя: на основе собранных доказательств, помимо проверки самого факта совершения преступления, найти лицо, причастное к его совершению, но с другой стороны, УПК обязывает следователя установить обстоятельство не только указывающие на виновность обвиняемого, и также и на те, которые исключают преступность и наказуемость деяния (п.5 ст. 73) как конкретного лица, так и в целом. Любое действие следователя нахождение истинности, согласно УПК, должно происходить путем полного, всестороннего и объективного исследователя всех обстоятельств совершенного деяния. Также, назначение уголовного судопроизводства, согласно ст. 6 УПК, является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения. Однако, наличия у следователя так называемого «ярлыка обвинителя», подталкивает на мысль о том, что следователь собирает исключительно обвинительные доказательства, игнорируя иные сведения. Безусловно, законодательство предусматривает возможность опаривание незаконных действий следователя лицом, которого признали обвиняемым, уже в судебном порядке, предоставляя самим или с помощью своего адвоката, свои доказательства, подтверждающие их позицию, однако это не означает, что эти самые доказательства должны быть проигнорированы следователем на стадии возбуждения уголовного дела. Поэтому, как отмечает Лазарева В.А., «в законе следует закрепить роль следователя как объективного исследователя, который бы в полной мере соблюдал требования всесторонности и объективности» [6, с. 184].

Ну и последнее, на что стоит обратить внимание, это, конечно же процессуальная самостоятельность следователя. Прежде всего, нужно начать с того, что само понятие «процессуальная самостоятельность» в УПК не предусмотрено. При этом, в отдельных статьях Кодекса также об этом указано крайне мало и если и идёт упоминание, то только косвенно. Однако, многими учёными и практиками данный элемент выделяется и является наиболее дискуссионным среди остальных частей процессуального статуса. Так, Соловьёва Н.А., под процессуальной самостоятельностью следователя понимает – «приятие им решений по всем относящимся к его компетенции вопросам уголовного судопроизводства, согласно внутренним убеждениям и установкам, на основе анализа и оценки доказательств, имеющиеся в деле, и исключает постороннее влияние или внушение со стороны третьих лиц...» [7, с. 23]. В свою очередь, Стольников П.М., считает, что под самостоятельностью следователя подразумевается наличие усмотрения, то есть, возможность, дарованная законом, применять в различных ситуациях несколько вариантов правомерного поведения, поскольку именно следователь направляет ход расследования, а значит сам решает, что конкретно нужно предпринять. [8, с. 149] Однако, дискуссионным в данном элементе, как отмечается многими учеными, является именно наличие контроля как внутри ведомства (со стороны руководителя следственного отдела), так и со стороны прокурора. Как следователь может самостоятельно направлять ход расследования, если он всегда под контролем руководителя, а также действует по его указаниям (п.3 ч.1 ст. 39 УПК РФ). С одной стороны, возможность контролировать деятельность следователя руководителем предполагает выявление нарушений, допущенным в ходе проведения предварительного следствия на первоначальных этапах, однако, с другой стороны, лишает следователя полной свободы в плане выбора хода расследования. В свою очередь, на практике, молодые следователи и вовсе не участвуют в формировании плана расследования и выполняют весь комплекс следственных действий исключительно по указанию руководителя. Конечно, с одной стороны, в силу отсутствие практического опыта, молодому следователю сложно

сориентироваться и составить собственный план расследования уголовных дел, в силу чего, более надежнее и безопаснее придерживаться указаний и контролю руководителя как более опытного специалиста, однако, с другой стороны, такой молодой следователь, проработав уже несколько лет, привыкает к такому режиму, связи с чем, он не нарабатывает навык именно самостоятельного и личного рассмотрения уголовного дела, с точки зрения собственного правоприменения, и, тем самым, превращается из статусного и самостоятельного следователя в лицо, исключительно исполняющее приказы руководства. При этом, все-таки, законодатель предусмотрен возможность следователя доказать свою правоту путем обжалования решений прокурора, такие как, например, отмена постановления о возбуждении уголовного дела, возврат дела следователю для производства дополнительного следствия и так далее, с согласия руководителя следственного органа в порядке ч.4 ст. 221 УПК РФ. Из всего вышеуказанного, может сложиться ощущение, что процессуальная самостоятельность у следователя отсутствует и он полностью зависимое лицо, однако это совсем не так. Наличие возможности самому направлять ход расследования, проводить то количество следственных действий, которые, по его мнению, необходимы для нахождения истины и является доказательством того, что все-таки самостоятельность у следователя имеется. Также, самостоятельность выражается в том, что следователь именно руководит процессом расследования и иные участники уголовного дела никаким образом не могут препятствовать и влиять на собрание доказательств и проведение различных следственных действий.

Таким образом, из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что в процессуальном статусе следователя не все так однозначно и просто, связи с чем, для более эффективной и качественной деятельности следователя, требуется улучшение и дополнения действующего законодательства в области регулирования его процессуального статуса, что позволит решить множество проблем, как связанных со следственной деятельностью, так и в целом всего уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Федеральный закон. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ 18.12.2001. № 174. Ст. 475.
2. Березина, А.Ю., Актуальные проблемы в современной науке и пути их решения / А.Ю. Березина, В.М. Мапошук. Текст: непосредственный // Евразийский Союз Ученых. 2018. С. 25–27.
3. Никифорова, Н.П. Процессуальный статус и процессуальная самостоятельность следователя / Н.П. Никифорова. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2014. № 16 (75). С. 308–309. URL: <https://moluch.ru/archive/75/12645/> (дата обращения: 05.05.2023).
4. Мухаметшин, Ф. Б., Уголовно-процессуальный статус следователя в уголовном судопроизводстве / Ф.Б. Мухаметшин, Р.Р. Гумерова. Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. С. 12–15.
5. Меркулов, М.А. Актуальные проблемы производства обыска и выемки в контексте обеспечения безопасности прав участников уголовного процесса / М. А. Меркулов, И. И. Абросимов // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1. С. 40–44. ISSN 2071-3622. Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/329765> (дата обращения: 06.05.2023).
6. Лазарева, В.А., Актуальные проблемы уголовного-процессуального права: учебник для вызова / В.А. Лазарева, А.А., Тарасов. Текст электронный // Издательство Юрайт. 2023. С. 434. URL: <https://urait.ru/code/510776> (дата обращения: 06.05.2023).
7. Соловьева, Н.А., Процессуальная независимость и самостоятельность следователя: Вопросы соотношения / Н.А. Соловьева, П.В. Соловьева, И.Ю. Чеглов. – Текст: непосредственный // Вестник Науки и Творчества. 2019. С. 20–23.
8. «Стольников, П.М. Проблемы обеспечения процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе / П.М. Стольников // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 2. С. 148–153. ISSN 2542-047X. Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/309221> (дата обращения: 08.05.2023).»

УДК 343.137

УЧАСТНИКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ В СТАДИИ ПОДГОТОВКИ К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ

Симонова С.С., кандидат юридических наук, доцент,

Голубева О.В., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Анализируется сфера действия принципа состязательности в досудебных стадиях уголовного процесса. Рассматривается вопрос об объединении прокурорских функций надзора и государственного обвинения. Обосновывается правомерность отнесения следователя к стороне обвинения, акцентируется внимание на том, что реализация функции обвинения несовместима с обвинительным уклоном. Анализируются полномочия защитника как участника уголовного судопроизводства. Основной целью настоящего исследования выступает пересмотр и обновление устоявшихся теоретических конструкций и принятие мер по оптимизации законодательных правил ее определения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, состязательность, сторона обвинения, суд, прокурор, следователь, потерпевший, сторона защиты, подозреваемый, защитник.

PARTICIPANTS OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS ON THE SIDE OF THE PROSECUTION AND DEFENSE IN THE STAGE OF PREPARATION FOR THE COURT SESSION

Simonova S.S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Golubeva O.V., 1st year master of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd

Abstract. The article deals with the issues of the adversarial principle in the criminal proceedings of the Russian Federation. The scope of the adversarial principle in the pre-trial stages of the criminal process is analyzed. The issue of combining the prosecutorial functions of supervision and state prosecution is being considered. The legitimacy of referring the investigator to the side of the prosecution is substantiated, attention is focused on the fact that the implementation of the function of the prosecution is incompatible with the accusatory bias. The powers of the defense counsel as a participant in criminal proceedings are analyzed. The main goal of this study is the revision and updating of established theoretical structures and the adoption of measures to optimize the legislative rules for its definition.

Keywords: criminal proceedings, competitiveness, prosecution, court, prosecutor, investigator, victim, defense, suspect, defender.

Традиционно интерес, как ученых-правоведов, так и практиков к вопросам правового статуса различных участников уголовного процесса не угасает. При этом представляется важным рассмотреть особенности правового статуса участников уголовного процесса (как со стороны защиты, так и со стороны обвинения) в ракурсе принципа состязательности сторон.

Принцип состязательности, взятый за основу осуществления уголовного судопроизводства, разделяет функции обвинения и защиты при разрешении уголовного дела. То есть эти функции не могут выполнять один и тот же орган. Это представляется вполне обоснованным, ведь данное положение обусловлено имеющимися различиями в уголовно-процессуальном статусе участников уголовного процесса со стороны обвинения и защиты, их процессуальными функциями и задачами. Представляется весомым аргументом исследования о рассмотрении принципа состязательности сторон с позиций равенства перед оставляемых им процессуальных прав. Так, например, А.А. Данилевич в своих трудах, указывает на: «... необходимость предоставления сторонам состязательного судебного процесса равенства активных процессуальных прав при исключительных полномочиях суда» [1]. Такая позиция представляется нам вполне обоснованной.

При этом важно учитывать, что различные компоненты уголовно-процессуального статуса каждого из участников уголовного процесса имеют свою специфику на той или иной стадии судопроизводства. Представляется обоснованным рассмотреть в том числе и особенности уголовно-процессуального положения участников со стороны защиты и обвинения в стадии подготовки к судебному заседанию.

Как известно, все участники процесса делятся на две группы в зависимости от характера защищаемого интереса.

Традиционно участники уголовного процесса делятся на две группы. Рассмотрим их подробнее, делая акцент на процессуальных полномочиях и правах каждого из участников.

К первой группе относятся государственные органы и должностные лица, наделенные властью: суд, судья, прокурор, следователь, начальник следственного отдела, орган дознания, лицо, производящее дознание.

Главным для них является соблюдение государственных интересов и выполнение функций, направленных на достижение задач уголовного процесса, они производят те или иные следственные и судебные действия, определяют направление и объем исследования, несут персональную ответственность за ведение уголовного дела.

Защищая в процессе своей деятельности государственно-правовые интересы, органы государства действуют строго в пределах своей компетенции и в соответствии с действующим законодательством.

Ко второй группе участников уголовного процесса относятся: подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители обвиняемого и потерпевшего, представители гражданского истца, гражданского ответчика, общественный защитник.

Их основная цель: защита в уголовном деле своих или общественных интересов.

Коротко коснемся каждого из участников.

Суд

В ч. 1 ст. 118 Конституции РФ сказано: «... правосудие осуществляется только судом» [2]. Суд важный самостоятельный и независимый орган в уголовном процессе, так как является специально созданным для осуществления правосудия

Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения

Прокурор

Прокурор – участник уголовного судопроизводства, должностное лицо, в чьи функции входит выполнение уголовного преследования и решение задач по осуществлению прокурорского надзора. Только прокурор согласно п.4 ст.37 УПК РФ поддерживает государственное обвинение в ходе судебного производства, что обеспечивает его законность и обоснованность.

Исследователи сходятся в том, что достаточно неэффективной является организационная система, в которой разные представители прокуратуры отвечают за надзор на стадии, которая предшествует суду, и за поддержание государственного обвинения. Соединив данные две функции, как, отмечает Н. П. Кириллова, «...такой подход уменьшит взаимные претензии следователя и государственного обвинителя по результатам уголовного преследования и позволит провести совместную оценку возможности доказывания по уголовному делу в суде. Затрачивая время на участия в расследовании, государственный обвинитель сэкономит его при изучении материалов дела в судебных стадиях, так как он будет иметь о них представление».

Как правильно отмечает В. Демидов: «...у сотрудника, осуществляющего надзор на всём протяжении расследования и поддерживающего обвинение, «замыливается» глаз и он идет в суд со сложившимся мнением, и психологически ему очень трудно признать в судебном заседании свою неправоту или ошибку, допущенную на досудебной стадии».

Некоторые ученые выступили против такого подхода и заявили о том, что объединение функций прокуратуры, таких как надзор и государственное обвинение приведет к возникновению обвинительного уклона, но замечают, что на практике происходит согласованность действий прокуратуры.

Следователь

Следователь – должностное лицо, осуществляющее предварительное следствие по уголовному делу (ч. 1 ст. 38 УПК). Предварительное следствие производится следователями органов внутренних дел, следователями федеральной службы безопасности, следователями федеральных органов налоговой полиции (ст. 151 УПК РФ). Одинаковы процессуальное положение и объем процессуальных полномочий следователя, независящий от его ведомственной принадлежности.

В его обязанности входит установление фактических обстоятельств события преступления, сведения о субъекте преступления. Самостоятельность в принятии решений о производстве иных следственных и процессуальных действий, а также о направлении хода расследования следователь принимает согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Потерпевший

Факт причинения лицу любого вида вреда является фактическим основанием для признания лица потерпевшим по уголовному делу, а формальным основанием признается наличие признания лица в качестве потерпевшего в документальном виде. Потерпевший может участвовать в уголовном деле самостоятельно и (или) через представителя, в соответствии с ч. 10 ст. 42 УПК РФ. Традиционно именно права и законные интересы потерпевшего защищаются представителями как стороны защиты, так и обвинения.

Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты

Подозреваемый

В законе предельно ясно сказано, с какого момента лицо становится подозреваемым, таким образом, введя понятие подозреваемого в уголовном процессе. Но при этом законодатель оставил много пробелов. Во-первых, до сих пор спорным вопросом остается проблема, с какого момента считать лицо задержанным по подозрению в совершении преступления. Во-вторых, нет отдельной статьи о порядке допроса в действующем УПК РФ. Вызывает много споров стремление законодателя указать суду, как надо оценивать показания подозреваемого и обвиняемого. Так как это представляет собой отход от свободной оценки доказательств, сутью которой является оценка доказательств судей, присяжными заседателями, прокурором, следователем и дознавателем по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ч. 1 ст. 17 УПК).

Также отмечается несоответствие в законодательных актах. Так, например, в п. 4 ч. 4 ст. 46 УПК РФ сказано, что подозреваемый имеет право представлять доказательства, а в ч. 2 ст. 86 УПК РФ говорится, что подозреваемый вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств.

Судья, на стадии подготовки к судебному заседанию, выясняет подлежит ли удовлетворению заявленные ходатайства по каждому из обвиняемых, руководствуясь пунктом 4 части 1 статьи 228 УПК РФ. Судья удовлетворяет только обоснованные ходатайства, которые не нуждаются в дополнительной проверке [3].

Защитник

В главе 7 УПК РФ защитник прописан как участник уголовного судопроизводства со стороны защиты и в соответствии с ч. 1 ст. 49 УПК РФ, является лицом, осуществляющим в установленном законом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, оказывающим им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Если брать во внимание закон, то с одной стороны он, по закону, считается полноценным участником сбора доказательств по уголовному делу, а также, по закону, имеет достаточно оснований для сбора доказательств, в защиту интересов представляемого им лица. Но, с другой стороны, защитник не имеет права участвовать в доказательственной деятельности, а имеет возможность лишь представлять сведения, которые имеют потенциал доказательств. [4]

На наш взгляд, весомой и обоснованной является точка зрения С.А. Шейфера, согласно которой: «Представляется, что, применив термин «собрание доказательств» к деятельности защитника, законодатель проявил поспешность и определенную беззаботность, выразив в такой неточной и противоречивой формуле правильную мысль о необходимости усиления состязательных элементов в доказывании» [5].

В п. 5 ч. 3 ст. 51 УПК РФ законодатель четко прописал момент допуска защитника при затрагивании прав и свобод, лица подозреваемого в совершении преступления при реализации процессуальных действий. Но момент допуска к участию в деле защитника не прописан и правила осуществления права иметь защитника подозреваемого не указываются.

Таким образом, мы приходим к выводу, что уголовно-процессуальное положение участников уголовного процесса со стороны обвинения и защиты имеет свою специфику на каждой из стадий уголовного процесса, и в том числе – в стадии подготовки к судебному заседанию.

Рассмотрев участников уголовного производства можно сделать вывод, что в уголовно-процессуальном законодательстве много пробелов. Внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации улучшит качество выполняемой работы всех участников уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Титов, П.М. О принципе состязательности в уголовном судопроизводстве – Текст: электронный // Вестник УЮИ. 2023. № 1 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-principse-sostyazatelnosti-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 27.04.2023).
2. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 / Российская Федерация. Конституция (1993). Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. Текст: электронный. (дата обращения 20.04.2023).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 N 28 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» – Текст: электронный // Доступ из СПС КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95621/ (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.12.2022) (дата обращения 05.05.2023)
4. Левченко, О.В. Теоретические проблемы тактики защиты при реализации принципа состязательности сторон по уголовному делу / О.В. Левченко, Е.А. Марина. Текст: электронный // Закон и право. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-problemy-taktiki-zaschity-pri-realizatsii-printsipa-sostyazatelnosti-storon-pogolovnomu-delu> (дата обращения: 28.04.2023).
5. Баева, К.М. «Собрание» доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения – Текст: электронный // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobiranie-dokazatelstv-advokatom-zaschitnikom-osnovnyye-problemy-i-puti-ih-razresheniya> (дата обращения: 22.04.2023).

УДК 343.137

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Симонова С.С., кандидат юридических наук, доцент,

Калинина О.С., студент 3 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые проблемы применения досудебного соглашения о сотрудничестве, анализируется соответствующая судебная практика о заключении досудебного соглашения со следственными органами. В статье характеризуется нормативно-правовая база, регулирующая формы и применение, а также проблемы применения и эффективности досудебного соглашения на современном этапе.

Ключевые слова: досудебное соглашение, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, соглашение о сотрудничестве, судопроизводство, стадии уголовного процесса.

MODERN PROBLEMS OF APPLICATION OF PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Simonova S.S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Kalinina O.S., 3rd year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. This article examines the judicial practice, the subjects of which have concluded a pre-trial agreement with the investigative authorities, as well as the regulatory framework governing the forms and application, as well as the problems of the application and effectiveness of the pre-trial agreement at the present time.

Keywords: practice, prosecutor, investigator, defender, accused, suspect, prosecution side, defense side.

В 2023 году исполняется 14 лет со дня принятия Федерального закона от 29 июня 2009 года №141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ», которым была введена в действие Глава 40.1 УПК РФ, регламентирующая одну из разновидностей сокращенных форм досудебного и судебного производства по уголовным делам о групповых преступлениях. Однако до настоящего времени устойчивая практика применения досудебного соглашения о сотрудничестве еще не сложилась. В процессе его становления стало очевидным, что для обеспечения его эффективности необходимо совершенствование норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих процедуру его применения. В совершенствовании нуждается и процессуальный статус участников соглашения путем уточнения их прав и обязанностей.

Российский законодатель в п. 61 ст. 5 УПК РФ определяет досудебное соглашение о сотрудничестве как соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. В юридической литературе можно встретить различные точки зрения относительно формулировки понятия досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, например, З.Р. Агаев, В.М. Быков, Р.В. Тишин рассматривают досудебное соглашение как разрешенную законом письменную сделку с правосудием по аналогии с институтом,

действующим в США [1], Н.А. Дудина и И.Э. Звечаровский считают, что оно является «одним из видов деятельного раскаяния» [2], по мнению Т.Ю. Строгановой «досудебное соглашение является формой правового закрепления действий, совершаемых сторонами обвинения и защиты» [3].

Безусловно, досудебное соглашение о сотрудничестве носит публичный характер, поскольку преследует цель не защиту интересов отдельно взятого потерпевшего, а направлено на максимально быстрое раскрытие наиболее сложных групповых преступлений, выявление максимального числа виновных. В таких ситуациях интересы государства (общества) и потерпевшего могут не совпадать.

Законодатель в своем понятии определяет две стороны досудебного соглашения о сотрудничестве – сторону защиты и сторону обвинения, однако анализ статей, регламентирующих порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с момента обращения подозреваемого или обвиняемого с таким ходатайством, свидетельствует о том, что не все лица, относящиеся к стороне защиты и обвинения участвуют при заключении данного соглашения. Помимо лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, и прокурора в процедуре досудебного соглашения о сотрудничестве участвуют также защитник, следователь и руководитель следственного органа. Защитник подписывает ходатайство подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, тем самым выступая гарантом его добровольности и соблюдения процессуальных прав лица, а также подтверждает те обязательства, которые возлагает на себя его доверитель. Следователь оценивает значимость и ценность предоставляемой информации для расследования уголовного дела и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, после чего, возбуждает перед прокурором ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве либо выносит постановление об отказе в удовлетворении ходатайства.

Трудно согласиться с авторами, которые высказываются за упрощение порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и отнесении данного вопроса только к компетенции следователя, а за прокурором предлагают оставить право процессуального контроля [4].

Вместе с тем, такое упрощение процедуры может повлечь неверную оценку следователем реального публичного интереса тех действий и той информации, которые сторона защиты обязуется совершить или сообщить. Такое мнение было высказано и председателем Московского городского суда Ольги Егоровой: «следователи... даже не хотят собирать доказательства, которые бы объективно подтверждали вину соучастников. А упираются в показания того лица, которое признало вину и заключило сделку со следствием».

Еще одним признаком соглашения о сотрудничестве является то, что оно, как и всякий договор, предполагает наличие у сторон ряда взаимных обязательств. Термин «обязательство» подразумевает «официально данное обещание, обычно в письменной форме, требующее безусловного выполнения» [5]. Вместе с тем, уголовно-процессуальный закон перечня таких обязательств не содержит, что на практике порождает сложности закрепления обязательств в тексте соглашения и споры об объеме.

Такая широкая трактовка возможных обязательств обвиняемого (подозреваемого) с одной стороны противоречит положениям ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, в силу которой обвиняемый может ходатайствовать о сотрудничестве в целях изобличения других соучастников преступления, за совершение которого он привлекается к уголовной ответственности. Из этого следует, что закон не предусматривает право заключения соглашения о сотрудничестве с обвиняемыми по иным делам. Данная правовая позиция закреплена в рекомендациях Верховного Суда РФ [6].

Изученная практика свидетельствует об отсутствии единообразного применения вышеприведенных норм закона. Например, глава Царицынского сельского поселения Городищенского района Волгоградской области Мамонтов С.А., который привлекался к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные п. «в» ч. 5 ст. 290, ч. 4 ст. 159, ч. 2 ст. 286, ч. 2 ст. 292 УК РФ, ходатайствовал перед прокурором Волгоградской области о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, в рамках которого предлагал изобличить в коррупционных преступлениях «высокопоставленных лиц Администрации Волгоградской области». Однако прокурором области ему и его защитнику было отказано в заключении такого досудебного соглашения, поскольку преступление Мамонтов С.А. совершил не в соучастии, сведения, о которых он собирался сообщить, не имели отношения к преступлениям, за которые Мамонтов С.А. привлекался к ответственности [7].

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ: «следователь вправе выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве». В силу ч. 2 указанной статьи «выделение уголовного дела в отдельное производство допускается, если это не отразится на всесторонности и объективности расследования и разрешения уголовного дела».

Реализация данных положений закона является дискуссионной в научной литературе, а в следственной и судебной практике создает многочисленные проблемы, связанные с судебным разбирательством, как по выделенному уголовному делу, так и по основному.

Так, по мнению В.С. Шадрина, при рассмотрении выделенного уголовного дела существенно снижается возможность проверить достоверность сведений, сообщенных обвиняемым о других соучастниках преступления. В процессе рассмотрения основного уголовного дела лицо, уже осужденное в особом порядке и получившее предусмотренные законом льготы, зачастую уклоняется от своих обязательств и не проявляет ожидаемой активности в изобличении соучастников, что позволяет им избежать заслуженной уголовной ответственности и может негативно отразиться на предупреждении совершения ими новых преступлений [8].

С.А. Новиков указывает: «...весьма желательно, чтобы выделение дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не производилось, а уголовное дело в отношении всех соучастников преступления рассматривалось одновременно» [9].

Однако Пленум Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 занял по этому вопросу принципиальную позицию и разъяснил: «по смыслу ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ в целях применения судом ст. 317.7 УПК РФ особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство. В случаях, когда такое уголовное дело не было выделено в отдельное производство и поступило в суд в отношении всех обвиняемых, следует назначать предварительное слушание для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ».

Такое же положение содержится в Приказе Генеральной прокуратуры РФ «считать достаточным основанием для выделения уголовного дела в отдельное производство в отношении подозреваемого (обвиняемого) факт заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве» [10].

Следует отметить, что, несмотря на сформировавшуюся на сегодняшний день практику, проблемы раздельного рассмотрения основного и выделенных уголовных дел безусловно, остались. И среди таких проблем можно назвать недопустимость повторного участия судей в рассмотрении этих дел. Верховный Суд РФ еще в 2012 году указал, что «каждое уголовное дело, образованное в результате разделения общего следственного производства в связи с заключением с обвиняемым соглашения о сотрудничестве, должно рассматриваться «новым» судьей. Несоблюдение этого правила влечет незаконность состава суда и отмену как приговора по выделенному уголовному делу, так и приговора по основному делу» [11].

Для малосоставных районных судов поступление таких дел, порой, означает необходимость изменения территориальной подсудности в соответствии с п.п. «а» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ.

Проблема процессуального статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство по тем или иным основаниям, при допросе его в отношении соучастников преступления появилась задолго до введения в действие института досудебного соглашения о сотрудничестве. На практике такие лица допрашивались как свидетели по основному уголовному делу. При этом суды исходили из того, что процессуальный статус лица, в отношении которого уголовное дело было прекращено либо был вынесен обвинительный приговор, не может приравниваться к статусу подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, поскольку по основному уголовному делу он таковым не является, соответственно, на него не распространяется право подозреваемого не давать показания.

С другой стороны, такое лицо при его допросе в отношении соучастников преступления не может рассматриваться как обычный свидетель и давать показания о преступлении, в котором само принимало участие.

Аналогичным образом ситуация складывалась, когда обвиняемый, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, дает показания в отношении соучастников преступления. По основному делу статус обвиняемого у него утрачивался, он привлекался к участию в деле в качестве свидетеля, т.е. процессуально не заинтересованного лица, а потому его показания принимались судом как достоверные.

Однако такая практика вызвала немало отрицательных отзывов ученых и правоприменителей. В частности, в научной литературе отмечался высокий риск возникновения у обвиняемых умысла на оговор соучастников и занижения собственной роли в преступлении [12].

Процессуальный статус нового участника уголовного судопроизводства, активно обсуждается в научной литературе. Большинство ученых отмечает двойственность его положения, как сочетающего в себе черты одновременно и обвиняемого, и свидетеля, а также неудачность избранного законодателем термина «лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство» [13]. Например, М.Т. Аширбекова в своей работе рассматривает его как «заинтересованного осужденного» [14].

Высказываются предложения именовать указанное лицо «свидетельствующим соучастником» [15], а также «особым обвиняемым» [16].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что обвиняемый, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве, при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу в отношении соучастников преступления имеет особый статус. Дача им изобличающих показаний в суде вытекает не из процессуального статуса свидетеля, а из сути его соглашения о сотрудничестве и принятых на себя обязательств.

На сегодняшний день институт досудебного соглашения о сотрудничестве действует в российском уголовно-процессуальном законодательстве более 10 лет. За истекший период практика его применения выявила множество проблем, которые законодателем решались поэтапно. Однако и по сей день отдельные положения главы 40.1 УПК РФ не находят однозначного толкования как в доктрине уголовного процесса, так и на практике.

Являясь по своей сути договорной формой, досудебное соглашение о сотрудничестве, служит достижению целей уголовного судопроизводства через взаимные уступки сторон. Безусловно, применение данного института позволяет наиболее эффективно расследовать уголовные дела, привлекая на свою сторону одного или нескольких участников преступной группы.

Невозможно согласиться с теми авторами, которые, критически оценивая правовую природу института досудебного соглашения о сотрудничестве и текущую практику его применения, считают его скорее кабальной сделкой, чем согласованным договором равных сторон [17].

В представленной работе была предпринята попытка доказать, что досудебное соглашение является взаимовыгодным договором, сделкой. Сами договаривающиеся стороны вправе решать, стоит ли ее заключать или нет и на каких условиях, при этом обвиняемый свободен в своем волеизъявлении. Вместе с тем, можно согласиться с мнением большинства ученых и практических работников о необходимости обеспечить максимальную определенность правового регулирования и института досудебного соглашения о сотрудничестве, которая исключила бы возможность злоупотреблений сторонами договора и ненадлежащего исполнения ими взятых на себя обязательств. Подводя итог изложенному, полагаем, что более широкое применение института досудебного соглашения о сотрудничестве, как одной из согласительных процедур, используемых в регулировании уголовно-процессуальных отношений, послужит повышению эффективности предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Библиографический список

1. Агаев З.Р. Правовое регулирование досудебного соглашения в России // Адвокат. 2010. № 9; Быков В.М. Защита прав и интересов потерпевшего при заключении стороной обвинения соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым // Следователь. 2010. № 3; Тишин П.В. Генезис досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве // История государства и права. 2010. № 18.
2. Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния // Дис. канд. юрид. наук. Томск. 2015. 212 с.; Звечаровский И.Э. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2009. № 9.
3. Строганова Т.Ю. Понятие и признаки досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский судья. 2018. № 7.

4. Гриненко Александр Викторович Договорные отношения в российском уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2019. № 2; Казаков А.А., Коreshников Д.С. К вопросу о наделении следователя правом заключать досудебное соглашение о сотрудничестве в контексте разрешения проблем применения главы 40.1 УПК РФ. // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 02.04.23).

5. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд. 1990 г. 944 с.

6. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Часть 2. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики: Практическое пособие» (7-е издание, переработанное и дополненное) (под ред. В.М. Лебедева) (М.: «Юрайт», 2016) (дата обращения: 01.04.23).

7. Архив Городищенского районного суда Волгоградской области. Уголовное дело № 1-24/2017 по обвинению Мамонтова С.А.

8. Шадрин В.С. Законодательное регулирование, практика и возможности совершенствования института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3.

9. Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание для выделения уголовного дела // Российский судья. 2012. № 11.

10. Пункт 1.11 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 02.04.23).

11. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

12. Жеребятьев И.В., Ермолин А.Ю., Яфаров А.А. Процесс доказывания по уголовным делам в отношении обвиняемых, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // В сборнике: Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Пенза. 2018. 134 с.

13. Шадрин В.С. «Новый» участник уголовного судопроизводства – свидетельствующий соучастник // Российская юстиция. 2020. № 2.

14. Аширбекова М.Т. Процессуальный кентавр: «заинтересованный осужденный» // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1.

15. Осипов А.Л. Процессуальное значение и правила оценки показаний соучастников подсудимых: конституционно-правовые и международно-правовые аспекты. // Адвокат. 2016. № 9.

16. Авдеев В.Н., Воскобойник И.О. Некоторые размышления относительно регламентации в ст. 56.1 УПК РФ процессуального статуса нового участника уголовного процесса // Российская юстиция. 2019. № 2.

17. Ковтун Н.Н. «Кабальная сделка» (о фактической сути института, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2.

УДК 343.13

ПОЯВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Колосевич О.С., кандидат юридических наук, доцент, докторант Волгоградской академии МВД России, г. Волгоград

Аннотация. В статье проводится анализ формирования правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в России источниками древнерусского права, повлиявшие на его развитие и современное состояние. Автор приходит к выводу, что первым письменным памятником древнерусского права, содержащим положения об оказании международной правовой помощи в уголовном судопроизводстве и выдаче преступников стал Договор Руси с Византией 911 г.

Ключевые слова: возникновение правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства России.

THE EMERGENCE OF LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF CRIMINAL JUSTICE IN RUSSIA

Kolosovich O.S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, doctoral student of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

Abstract. The article analyzes the formation of legal regulation of international cooperation in the field of criminal justice in Russia by the sources of ancient Russian law that influenced its development and current state. The author comes to the conclusion that the first written monument of ancient Russian law containing provisions on the provision of international legal assistance in criminal proceedings and the extradition of criminals was the Treaty of Russia with Byzantium 911.

Keywords: the emergence of legal regulation of international cooperation in the field of criminal justice in Russia.

В отечественной и зарубежной науке нет единой точки зрения в вопросе возникновения и развития русского права. Традиционно этапы формирования права выделяли на основании исторических типов развития государства. Это позволяет нам рассматривать следующие этапы развития русского права: 1) памятники права Древнерусского государства (с IX до середины XII в.); 2) памятники русского права в период феодальной раздробленности (середина XII – середина XIV вв.); 3) памятники права периода образования Русского централизованного государства (с середины XIV в. до середины XVI в.); 4) памятники русского права сословно-представительной монархии (вторая половина XVI – середина XVII вв.); 5) памятники русского права в период абсолютизма (вторая половина XVII – конец XVIII вв.); 6) памятники русского права периода разложения крепостнических и формирования капиталистических отношений (конец XVIII – первая половина XIX вв.); 7) право Российской империи второй половины XIX – первой половины XX вв.); 8) право советского периода развития государства (октябрь 1917 г. – 2000-е годы) [1, с. 8-9]; 9) современное состояние.

О возникновении русского государства и права в отечественной и зарубежной науке еще в XIX веке сложились две противоречащие друг другу теории: норманнская теория – о варяжском или варварском происхождении; антинорманнская теория – о восточнославянском происхождении. [2, с. 24] Сегодня можно констатировать популярность ещё одной теории, центральной идеей которой является естественное взаимное обогащение культур соседствующих народов, в рамках которой сформулированы следующие основные выводы: 1) организация Древнерусского государства была проведена князем Олегом путем объединения двух важнейших центров восточнославянских земель, варяги не являлись реальными организаторами этого объединения; 2) первоисточником русских законов были правовые обычаи славян, а не варяжское право; 3) славяне и варяги общались, что, несомненно, оказывало влияние на нравы обоих обществ, однако ни в культуре, ни в языке, ни в традициях России «практически не осталось варяжских следов» [1, с. 9-11].

Если в исторических типах государства и права, его первых письменных источников существует относительно единое понимание, то в вопросе появления правового регулирования международного сотрудничества, в том числе, в уголовном судопроизводстве, единого мнения среди ученых до настоящего времени нет. Поэтому первыми значимыми источниками регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства называют, правовые обычаи древних славян [3, с. 9-11] и заканчивается источниками русского права начала XVIII в. [4, с. 37] Таким образом, среди существующих точек зрения возникновения правового регулирования международного сотрудничества по уголовно-правовым вопросам наблюдается многовековое различие.

В частности, Ю.И. Глумилин считает, что исторические этапы формирования и совершенствования международного сотрудничества в борьбе с преступностью имеют права на существование, когда достигнута цивилизационная форма, на основании этого им выделяются: 1 этап – двухвековой период – начало XVIII – 20-е годы XX века; 2 этап – с начала 20-х до конца 40-х годов прошлого века; 3 этап – с начала 50-х по начало 90-х годов XX века; современный – 4 этап, начался в 1990-е годы [4, с. 37, 44, 46, 51].

Представляется, что изложенная Глумилиным Ю.И. точка зрения не позволяет эффективно исследовать развитие правового регулирования международного сотрудничества в борьбе с преступностью, т.к. изучение правового явления требует системного подхода, а не исследования отдельных периодов его развития.

В нашем исследовании мы исходим из того, что отечественное правовое регулирование международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства началось с источников древнерусского права. Это было обусловлено следующим.

Как показывает мировая история, в целях обеспечения безопасности и противостояния общим угрозам, сотрудничество между племенами и общинами существовало еще до образования первых государств. В условиях борьбы за выживание создавались союзы, прежде всего, для достижения результатов в военной и экономической сфере. Правила поведения не были облечены в письменную форму и передавались из уст в уста [5, с. 2-5], сформировались правовые обычаи. По мере развития общества и появления государств сотрудничество изменялось и развивалось, затрагивая различные сферы деятельности, приобретая новые формы. Одним из направлений сотрудничества стало сотрудничество в осуществлении правосудия, в оказании правовой помощи.

История появления российского государства также началась с первобытнообщинного строя. Существуют различные точки зрения относительно происхождения Древнерусского государства, однако все авторы едины во времени его появления – IX в., если точнее, – объединение князем Олегом новгородских земель с киевскими [6, с. 25] Существование Древнерусского государства историками признается период с IX в. до середины XII в. [7, с. 11]

Поведение восточных славян регулировалось обычаями, которые позднее преобразовались в нормы обычного права, право договоров. Обычное право стало основой для первых законов, появившихся, как считается, в V-VI вв. – это «единые законы», получившие название – Закон Русский [1, с. 10, 28]. Они послужили основой для формирования первых письменных источников Древнерусского права – Русской Правды и других источников древнерусского права (княжеских уставов, отдельных княжеских законоположений, договоров между княжествами) [8, с. 9-11].

Исследователями отмечается, что уже в VI в. славянская лексика содержала «основные понятия, относящиеся к суду и судостроительству» [8, с. 47].

Для восточных славян Русская Правда была регулятором общественных отношений, более того, «важным источником правовых, социальных и экономических отношений древнерусского государства ...», объединившая в себе старые акты, княжеские указы, законы и другие административные документы, регулирующие общественные отношения, возникающие в рамках уголовного, наследственного, торгового и процессуального права [9, с. 31].

Несмотря на значимость Русской Правды для тех лет, в её тексте отсутствовали нормы, регулирующие международное сотрудничество в связи с совершенным преступлением. Но это не означало отсутствие сотрудничества.

Например, отечественными исследователями упоминаются положения Мерила праведного о подсудности вора, схваченного на территории другого государства [10, с. 98].

Тем не менее, в рамках проводимого нами исследования вызывает интерес ст. 11 Русской Правды (Краткая редакция), которая содержит обязанность выдачи иностранцами (варягами и колбягами) беглого «челядина» и вид наказания в случае его укрывательства. В статье речь шла об иностранцах, проживающих общиной на территории Древнерусского государства [10, с. 47]. Как видно из содержания статьи, речь еще не идет о международном сотрудничестве, но в позднее похожие положения найдут свое отражение в Договорах Руси с Византией 911 г. (ст. 12) и 944 г. (ст. 3, 4) [11, с. 13, 38].

Изучение Устава князя Владимира Святославовича, Устава князя Ярослава о церковных судах, Уставной грамоты владими́ро-во́льнского князя Мстислава Даниловича 1289 года, Смоленских уставных грамот, Устава новгородского князя Святослава Олеговича о церковной десятине 1137 года, Устава князя Ярослава о мостех (60-е годы XIII в.), Новгородского устава великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых, Рукописания князя Всеволода (XIII в), Новгородской судной грамоты, Псковской судной грамоты, также позволяет нам констатировать отсутствие в них норм, регулирующих международное сотрудничество в связи с совершением преступления.

Это объясняется тем, что, несмотря на то, что перечисленные памятники древнерусского права являлись важнейшими источниками для развития отечественного государственного устройства и права, однако в то время существовали межгосударственные договоры. Первыми такими договорами были Договоры Руси с Византией, содержащие нормы русского и византийского права [1, с. 28]. Это договоры Древней Руси с Византией 907 г., 911 г., 944 г. и 971 г.

В Договоре 911 г. содержание ст. 12, 13а, 14 представляет для нас особый интерес. В статье 12 предусматривались основания и порядок возврата сбежавшего, украденного или насильно проданного челядина: «О следующем. Если русский челядин будет украден или убежит, или будет насильно продан и русские начнут жаловаться, то пусть подтвердится это показаниями челядина и (тогда) русские его возьмут; также если и купцы потеряют челядина и заявят об этом, то пусть производят розыск и, найдя его, заберут... Если кто не даст произвести этого розыска местному чиновнику, то будет считаться виновным». Статьи 13а, 14 предусматривают принудительную выдачу преступников по жалобе одной из сторон [11, с. 13–14] Здесь необходимо пояснить, что по Русской Правде челядин был объектом купли-продажи и не мог быть признан преступником, т.к. субъектом преступления признавался только свободный человек. [12, с. 33] Поэтому в ст. 12 фактически речь шла не о выдаче преступника, а, выражаясь современной терминологией, о производстве розыска и возврате похищенного или «беглого» имущества русских. Т.е., можно констатировать, что двухстороннем договором впервые регулируются по вопросам возврата похищенного (или «сбежавшего») имущества, оказавшегося на византийской территории, посредством подачи жалобы «русскими» или «купцами», производства поисковых (розыскных) действий византийскими чиновниками, а также выдачи преступников с обеих сторон. Попробуем подробнее разобраться в порядке возврата челядина.

Согласно статье 12 договора, основаниями для возникновения правоотношений и выдачи челядина служила жалоба «русских» или заявление «купцов», а не чиновников. Несмотря на отсутствие обязанности чиновников с обеих сторон участвовать в процедуре подачи и рассмотрения жалобы, подобные действия можно сравнить с современным направлением запроса о правовой помощи и исполнением запроса о правовой помощи (ст. 453, 457 УПК РФ). И вот почему.

В своих исследованиях М.Б. Свердлов доказал, что при составлении русско-византийских договоров в качестве источников составителями использовались нормы Русской Правды. Помимо этого непосредственно в договорах упоминался Закон Русский [8, с. 35], в основе которого были правовые обычаи славян.

Также если учесть, что для того времени содержание таких договоров носило развитый характер, международное сотрудничество не было редкостью, отсутствие в договоре порядка подачи жалобы, получения показаний челядина, свидетельствовало о знании этих процедур обеими сторонами договора и не требовала дополнительной регламентации, т.к. они содержались в Русской Правде или правовых обычаях.

Данный вывод подтверждается положениями ст. 16 Русской Правды (Краткая редакция), предписывающими самостоятельный поиск истцом недобросовестного владельца вещи (челядина) до третьего покупателя, а далее поиск осуществлялся добросовестным покупателем [13, с. 57], т.е. не чиновником. Ст. 38 Русской Правды (Пространная редакция) содержала правила оценки показаний челядина, ст. 114 Русской Правды (Пространная редакция) обязывала владельца, обнаружившего сбежавшего челядина в другом городе, обратиться к княжескому чиновнику и взять у него «отроков» для поимки [11, с. 95–96, 136].

Следовательно, можно говорить о том, что жалоба о возврате челядина подавалась истцом или добросовестным покупателем, чиновником. Если в дальнейшем жалоба подтверждалась показаниями челядина, его возвращали. Розыск челядина, сбежавший от купца на византийской территории, осуществлялся принудительно византийским чиновником.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что в Древнерусском государстве правовое регулирование международного сотрудничества было хорошо развито, а Договор Руси с Византией 911 г. был первым письменным источником права, содержащим положения о выдаче преступников, об оказании правовой помощи в розыске похищенного имущества, его порядке возврата.

Библиографический список

1. Перфильев В.В. История государства и права России: учебное пособие / В.В. Перфильев, О.Н. Старикова, Т.Ю. Фалькина. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2014. 334 с.
2. Чистяков О.И. § 1 гл. 3. История государства и права СССР. Ч. 1. Под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 280 с.
3. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юрид. лит., 1988. 176 с.
4. Глумилин Ю.И. Международно-правовая помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права России: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2005. 277 с.
5. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. 3-е изд., испр. и доп. М.: типография Московского ун-та, 1908. 616 с.
6. Чистяков О.И. § 1 гл. 3. История государства и права СССР. Ч. 1. Под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 280 с.
7. Титов Ю.П. § 1 гл. 1 История государства и права СССР : Учебник Ч. 1 / Под ред. Ю.П. Титова. М.: Юрид. лит., 1988. 544 с.
8. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юрид. лит., 1988. 176 с.
9. Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2019. 536 с.
10. Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. I. 432 с.
11. Памятники русского права / под ред. проф. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. Вып. 1. 288 с.
12. Чистяков О.И. § 4 гл. 3. История государства и права СССР. Ч. 1. Под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 280 с.
13. Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. I. 432 с.

УДК 343.1

ЗАЩИТА И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Колосов Н.Ф., кандидат юридических наук, доцент,

Мозговая А.В., студентка 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Данная статья посвящена анализу института представительства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Помимо значимости эффективного функционирования данного правового института отмечаются проблемы, с которыми сталкиваются обвиняемые, участвующие в уголовном процессе без представителя.

Ключевые слова: представительство, уголовный процесс, обвиняемый, право.

REPRESENTATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

KolosoV N.F., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Mozgovaya A.V., 2th year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd

Abstract. This article is devoted to the analysis of the institution of representation in the criminal proceedings of the Russian Federation. In addition to the importance of the effective functioning of this legal institution, there are problems faced by the accused participating in the criminal process without a representative.

Keywords: representation, criminal process, accused, law.

Представительство в уголовном процессе в Российской Федерации является важным правом, предоставляемым всем подозреваемым и обвиняемым. Это право гарантирует, что подозреваемым и обвиняемым сможет получать защиту прав, интересов и юридическую помощь на протяжении всего уголовного судопроизводства, а также обеспечивает присутствие квалифицированного в юридической сфере человека на различных стадиях процесса.

Представительство может быть платным или бесплатным в зависимости от конкретной ситуации. В зависимости от участников процесса, от имени которых действует представитель, различают следующие виды представительства:

- представительство обвиняемого;
- представительство потерпевшего;
- представительство гражданского истца;
- представительство гражданского ответчика;
- представительство организаций.

Представителями могут быть защитники-адвокаты, поверенные, действующие от имени юридического лица на основании договора поручения, лица, имеющие юридическое образование, законные представители также, в качестве представителя могут быть допущены один из близких родственников потерпевшего или гражданского истца. В соответствии с уголовно-процессуальным кодексом, а именно статьей 5, к близким родственникам относятся супруг(а), родители, дети, усыновители/усыновленные, родные братья/сестры, дедушки/бабушки, внуки [1].

Таким образом, представительство подразделяется на договорное и законное. Договорное представительство возникает по воле самого лица на основании соответствующего договора, в то время как законное осуществляется в силу прямых указаний закона с целью защиты недееспособных или частично недееспособных лиц. Законными представителями являются родители несовершеннолетних, опекуны, попечители и усыновители. При полной недееспособности лица законные представители осуществляют вместо представляемых все процессуальные действия, а при ограниченной дееспособности лица представители действуют вместе с ним [2].

При этом личное участие в уголовном деле потерпевшего, гражданского истца или частного обвинителя не лишает его права иметь по этому уголовному делу представителя.

Представители допускаются к участию в деле при наличии соответствующих документов, подтверждающих их полномочия: ордер юридической консультации для адвокатов, доверенность или документ, удостоверяющие их отношение к представляемым участникам процесса.

В России представительство защитника-адвоката является обязательным для некоторых видов уголовных дел, например, связанных с преступлениями против государственной безопасности или тяжкими преступлениями, такими как убийство или изнасилование. Обязательным является участие представителя в случае, если подозреваемый/обвиняемый является несовершеннолетним, не владеет языком, на котором осуществляется уголовное судопроизводство, при рассмотрении дела судом присяжных. Обвиняемый, который не может позволить себе представительство, имеет право на получение бесплатной юридической помощи от любой коллегии адвокатов, зарегистрированной в

России, при условии, что он соответствует определенным критериям, таким как ограниченный доход, является ветераном Великой Отечественной Войны, инвалидом 1 или 2 группы. [3]. Кроме того, лица, которым предъявлены уголовные обвинения, могут нанять частных адвокатов, не состоящих в какой-либо коллегии адвокатов.

На основании УПК РФ представитель на стороне защиты или обвинения обладает теми же процессуальными правами, что и названные стороны: быть в известности о сущности исковых требований, обстоятельствах, на которых они основаны; возражать против гражданского иска; давать объяснения и показания по существу; собирать и представлять суду доказательства; заявлять отводы и ходатайства; знакомиться с материалами дела; участвовать в судебных прениях; обжаловать решение суда и другое [4].

На любой стадии уголовного процесса в России представительство является весьма значимым благодаря способности обеспечить доступ к процессуальной информации и знанию соответствующих законов. Оно также гарантирует, что все участники будут в курсе всех событий по делу, помогает предотвратить возможные ошибки, которые могут кардинально изменить его ход. В некоторых случаях это даже позволяет смягчить наказание обвиняемым, если они признаны виновными, на основании смягчающих обстоятельств, которые могли быть упущены или неизвестны во время первоначального судебного разбирательства. Всем обвиняемым, которым предъявлены уголовные обвинения, важно понимать свои права, когда речь идет о представительстве на протяжении всего судебного процесса. Возможность обратиться за советом к человеку, обладающему соответствующими ресурсами и опытом, может помочь обеспечить, чтобы любое решение, принятое в ходе уголовного судопроизводства, в том числе, по вынесению приговора, было обоснованным, и справедливым и соответствовало российскому законодательству [5].

В Российской Федерации наблюдается заметный рост числа уголовных дел, возбужденных в отношении конкретных лиц и получивших процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого, не имеющих защитника-адвоката, и это может создать серьезные проблемы для обвиняемых. Обвиняемые в России обязаны иметь доступ к адвокату во время предварительного расследования и на стадии судебного производства. Однако многие из них не могут получить такую помощь из-за отсутствия средств или других обстоятельств. В результате они оказываются беззащитными и рискуют столкнуться с долгосрочными последствиями, которые могут быть несправедливыми или необоснованными.

В некоторых случаях обвиняемые не имеют финансовых средств для надлежащего представительства в суде, что может привести к несправедливому для них исходу, поскольку их права не защищены. Даже при наличии финансовых средств потенциальные адвокаты могут не захотеть или не иметь возможности взяться за дело из-за целого ряда факторов, таких как угрожающее поведение со стороны сотрудников полиции или других сторон, участвующих в уголовном деле. Кроме того, обычно доступ некоторых подозреваемых к защитникам-адвокатам ограничивается чрезмерно бюрократическим регулированием или судебными администраторами, которые либо не знают закона о доступе к адвокатам, либо относятся к нему неоднозначно. Другие просто не имеют доступа к компетентным юристам, специализирующимся на уголовном праве, из-за ограниченного количества специалистов в своем населенном пункте; особенно страдают от этого сельские районы России, где практикующих юристов меньше. Кроме того, люди, живущие за пределами крупных городов, часто сталкиваются с предрассудками, основанными на региональной принадлежности, что заставляет более опытных адвокатов менее охотно браться за их дело, независимо от статуса невиновности клиента, поскольку обвинительный приговор несет мало профессиональной выгоды для них. Наконец, простое попадание в «черный список» в местном обществе либо из-за прошлых судимостей (независимо от вины), либо по политическим причинам может сильно затруднить возможность получения надлежащего представительства, даже если для этого существуют средства.

В нормах российского Уголовно-процессуального кодекса имеются лишь отдельные положения, касающиеся особенностей участия в уголовном производстве лиц с ограниченными возможностями. Их изучение позволяет назвать в числе таких обстоятельств следующие: несовершеннолетие (гл. 50, п. 2 ст. 51, ст. 191 и др.), физические или психические недостатки (п. 3 ч. 1 ст. 51, ч. 3 ст. 167), физические или психические состояния (п.п. 3–5 ст. 196) и др. Неурегулированность особенностей участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями приводит к нарушениям (создает условия для этого) их прав. Необходим пересмотр института участников уголовного судопроизводства с целью определения места в нем лиц с ограниченными возможностями, участвующих в производстве по уголовному делу, с наделением их специальным процессуальным статусом и гарантиями его реализации, в том числе касающимися вопросов овладения соответствующими компетенциями и технологиями юристами, осуществляющими их защиту и представительство [6].

Таким образом, мы приходим к такому выводу, что без доступа к адекватной защите и юридической помощи на стадии предварительного расследования и на стадии судебного производства создает значительные препятствия для обвиняемых, сталкивающихся с обвинениями, потенциально меняющими жизнь; они должны полагаться исключительно на свои собственные знания и навыки, и во время как сталкиваются с высококвалифицированными специалистами осуществляющих уголовное преследование со стороны обвинения, состоящими из следователей, подкрепленных экспертами, финансируемым государством, создавая чрезмерно несбалансированную динамику власти между стороной защиты и стороной обвинения. Увеличивая тем самым шансы на обвинительный приговор независимо от доказанности или недоказанности выдвинутого обвинения в ходе предварительного расследования, в связи с возможностью обвиняемого оценить имеющиеся в деле доказательства в соответствии с законом.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023): Текст: электронный // Некоммерческие интернет-версии системы Гарант. <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 20.04.2023)
2. Крутойров, А.А. Бесплатная юридическая помощь: современное состояние и перспективы / А.А. Крутойров, В.Г. Глебов, Е.Н. Колосова // Форум. 2022. № 3 (26). С. 144–150.
3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в РФ» (с изм. и доп. с 12 июля 2021 г.) Текст: электронный // Некоммерческие интернет-версии системы Гарант. – <https://base.garant.ru/12191964/> (дата обращения: 20.04.2022).
4. Алтыбармакин, А.А. Проблемные аспекты представительства участников со стороны защиты в уголовном судопроизводстве / А.А. Алтыбармакин // Интернаука. 2022. № 43–4 (266). С. 40–42.
5. Астафичев, П.А. Обеспечение конституционности законодательства об уголовной ответственности в деятельности органов народного представительства и конституционного правосудия / П.А. Астафичев // Журнал Конституционного правосудия. 2022. № 4. С. 10–17.
6. Курбатова, С.М. Защита и представительство в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями: сравнительно-правовые аспекты / С.М. Курбатова // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61). С. 99–101.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Колядина В.А., магистрант 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Ручкин В.А., доктор юридических наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье раскрываются принципы охраны прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве. Дается краткая характеристика закрепления данных принципов не только в российском законодательстве, но и на международном уровне. Рассматриваются проблемы, при которых происходят нарушения прав участников уголовного судопроизводства. Анализируется роль адвоката (защитника) в реализации принципа прав и свобод человека и гражданина. Право на получение юридической помощи адвоката, рассматривается, как одно из важнейших прав, предоставляемых подозреваемым или обвиняемым.

Ключевые слова: права и свободы, адвокат, юридическая помощь, обвиняемый, уголовное судопроизводство.

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kolyadina V.A., 2nd year Master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific supervisor: Ruchkin V.A., Doctor of Law, Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article reveals the principles of protection of human rights and freedoms in criminal proceedings. A brief description of the consolidation of these principles is given not only in Russian legislation, but also at the international level. The problems in which violations of the rights of participants in criminal proceedings occur are considered. The role of a lawyer (defender) in the implementation of the principle of human and civil rights and freedoms is analyzed. The right to receive legal assistance from a lawyer is considered as one of the most important rights granted to suspects or accused.

Keywords: rights and freedoms, lawyer, legal aid, accused, criminal proceedings.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве был введен с принятием нового Уголовного процессуального кодекса РФ в 2001 году. Одной из причин введения данного принципа стала высокая масштабность преступности не только внутри страны, но и за ее пределами.

Основной закон страны указывает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью государства. Это означает, что никакие пытки, запугивания, жестокие виды наказания, унижающие человеческое достоинство, достоинство семьи - недопустимы на территории Российской Федерации. Государство должно гарантировать каждому равный для всех доступ к правосудию, справедливое обращение и безопасность.

Уголовное процессуальное законодательство, а именно, статья 11 УПК РФ закрепляет в себе положения охраны прав и свобод человека и гражданина, а также указывает, что он распространяется только на уголовно-процессуальные отношения. Однако, существует статья 6 УПК РФ, которая указывает на защиту в уголовном судопроизводстве. Исходя из этого, многие ученые разошлись во мнениях, и возникло множество вопросов.

В.А. Азаров считает: «Охрана интересов – понятие более объемное, оно включает в свое содержание и защиту. Охраняются права и интересы постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются» [1, с. 58].

С данным высказыванием трудно не согласиться, ведь принцип охраны прав и свобод человека и гражданина действует постоянно и ориентирован на предупреждение процессуальных правонарушений со стороны любых субъектов уголовно-процессуальных отношений. А защита направлена на восстановление данных прав и свобод человека и гражданина и принятие определенных действий в каждом отдельном случае. Так в чем же заключается сущность этого принципа?

Сущность указанного выше принципа заключается, прежде всего, в обязанности должностных лиц уголовного судопроизводства обеспечивать возможность реализации данных прав и свобод подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и иных лиц уголовного судопроизводства, сразу же после приобретения ими данного статуса. Обеспечение данной возможности является необходимой частью установления истины и защиты интересов личности в уголовном процессе.

Конституция РФ гласит: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников», часть 2 ст. 11 УПК РФ обязывает должностных лиц разъяснять это положение в ходе уголовного производства. В свою очередь часть 3 статьи 11 УПК говорит об обеспечении безопасности участников уголовного производства, а также их близких родственников в случае угрозы им убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества, или иной опасностью. При буквальном толковании данной статьи можно заметить, что защита государством допускаясь в отношении потерпевшего, свидетеля, а также их близких родственников. Однако, не указано, что государственная защита при угрозе жизни, здоровью или имуществу применяется в отношении подозреваемого, обвиняемого или лица, согласившегося на сотрудничество с органами расследования.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ обязывает должностных лиц принимать меры по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, например, часть 9 статьи 166 УПК РФ закрепляет приведение в протоколах следственных действий псевдонимов потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц вместо настоящих данных о личности, а часть 5 статьи 278 УПК РФ говорит о проведении допроса свидетеля в судебном заседании в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками процесса, и без оглашения подлинных данных о его личности, а также применение иных мер для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Статья 4 УПК РФ устанавливает, что нарушенные права и свободы участников уголовного судопроизводства подлежат восстановлению, в случае их нарушения судом или иными должностными лицами, осуществляющими уголовное расследование. Например, глава 18 УПК РФ гласит о возникновении права на реабилитацию гражданина, в результате неправомерных действий должностных лиц, которое включает возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда, восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Таким образом, государство дает гарантию, что права участников уголовного судопроизводства не должны быть нарушены, ни на одной из стадий уголовного судопроизводства, однако, данная гарантия рассчитана только на определенный круг лиц.

Как говорилось ранее в настоящей статье, принцип охраны прав и свобод человека и гражданина был введен по причинам высокой преступности не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами. Соответственно, существует ряд международно-правовых норм, в которые заложены основы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Первым документом, который закладывал в себе основу безопасности прав и свобод человека и гражданина стала «Всеобщая декларация прав человека» 1948 года. Декларация закрепила такие общечеловеческие ценности, которые являлись необходимыми для обеспечения безопасности прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Ни одно цивилизованное государство не могло не признать основные положения данного документа, а более того, должно воплотить в своем законодательстве его содержание.

Немаловажным международно-правовым документом выступил «Международный пакт о гражданских и политических правах», поскольку, закрепил возможность проведения закрытого судебного разбирательства, учитывая моральные ценности человека, особенно, касающиеся его личной жизни, а также для безопасности иных участников уголовного судопроизводства.

Как можно заметить, большое количество угроз для жизни, здоровья и имущества происходит в отношении жертвы преступлений или ее близких родственников. В этой связи было подготовлено «Руководство для сотрудников уголовного правосудия в отношении осуществления Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью». Данное Руководство закрепляет положения о принятии мер и защите жертв преступлений при существовании реальной угрозы им или их близким родственникам.

Таким образом, можно отметить, что принято достаточное количество международных и внутрисудовых норм, которые закрепляют основные положения охраны прав и свобод человека и гражданина. Однако в настоящее время существует проблема реализации этих норм как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому совершенствование механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина остается приоритетным направлением в уголовном судопроизводстве.

Принцип охраны прав и свобод, как уже ранее отмечалось, должен соблюдаться на всех стадиях уголовного судопроизводства. Однако не всегда должностные лица соблюдают данный принцип, что порождает на практике массу проблем. Особое внимание заслуживает проблема разъяснения прав участникам процесса при осуществлении следственных действий. Как известно, большинство участников следственных действий не обладают юридическим знанием, соответственно, это лишает их возможности пользоваться в полной мере своими правами. В соответствии с законодательством РФ следователь или дознаватель обязан разъяснить всем участникам уголовного расследования их права, обязанности и ответственность, независимо от того, имеют ли они юридическое образование или нет. Однако на практике это происходит иначе. Учитывая, что разъяснение каждому участнику уголовного расследования его прав, обязанностей и ответственности обычно занимает много времени, должностные лица подходят к этому без должной ответственности, рассматривают это как простую формальность. Необходимо заметить, что участники уголовного расследования не сразу усваивают данную информацию (кто-то быстро запоминает, кому-то нужно подумать, задать вопрос и прочее). Поэтому следователь или дознаватель не должен доводить ситуацию до крайней степени догматизма, должна присутствовать разумность. В частности, должностному лицу рекомендуется преподнести информацию так, чтобы это занимало необходимое количество времени, и участники процесса усвоили ее, дабы не нарушать часть 5 статьи 164 УПК РФ. Важно, чтобы должностное лицо обладало не только юридическими знаниями, но и хорошо разбиралось в психологии человека.

Вся уголовно-процессуальная деятельность преследует цель защиты всех вовлеченных участников судопроизводства, а адвокат выступает в качестве защитника своего доверителя, на месте которого может быть и обвиняемый, и потерпевший, и даже свидетель. В уголовном судопроизводстве сторона защиты направлена на опровержение подозрения или обвинения, а также на смягчение уголовного наказания. Необходимо учитывать, что именно в уголовном производстве защита предусмотрена для подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, для остальных лиц – это является представительством.

Уголовное судопроизводство является тем процессом, где государство гарантирует предоставление бесплатной юридической помощи, а в некоторых случаях она является обязательной. Адвокат является тем самым субъектом, без которого бы нарушались многие из принципов уголовного судопроизводства.

Таким образом, государство предоставляет возможность для реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина, создавая при этом правовое поле, в котором обеспечивается правовая защита, реальное пользование субъективными правами и законными интересами.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что введение принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в систему уголовно-процессуальной принципов является важным шагом к реальной заботе о правах человека. Реализация его положений будет выступать серьезной гарантией в обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В свою очередь, от должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, требуется серьезное и вдумчивое отношение к обеспечению прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Азаров В.А., Супрун С.В. Охрана имущественных интересов личности в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности: монография. Омск: Омская Академия МВД России. 2001. 266 с.
2. Базюк М.Л. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. Иркутск, 2009. 21 с.
3. Федорова О.В. Защита прав и свобод человека и гражданина – принцип уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2019 152 с.
4. Проблемы реализации конституционных прав на защиту в уголовном судопроизводстве РФ / Н.А. Рубцов // Молодой ученый. 2015. № 13 (93). С. 3–5.

УДК 340.67

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОМ ПАРАМЕТРОМ ВОЛОКОН ПРИ СРАВНИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТИЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Кочубей А.В., кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский институт управления – филиал ВИУ РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Решение задачи по установлению единого целого при исследовании волокнистых материалов возможно неразрушающими методами – проведя оценку оптических свойств материала текстильного изделия. Оценка оптических свойств текстильных материалов ахроматических цветов может проводиться фотометрическими методами.

Ключевые слова: волокна, волокнистые материалы, белизна, отражающая способность.

DETERMINATION OF THE FIBER PARAMETER BY THE SPECIALIST IN A COMPARATIVE STUDY OF TEXTILE MATERIALS

Kochubey A.V., Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The solution of the problem of establishing a single whole in the study of fibrous materials is possible by non-destructive methods – by evaluating the optical properties of the textile material. The evaluation of the optical properties of textile materials of achromatic colors can be carried out by photometric methods.

Keywords: fibers, fibrous materials, whiteness, reflectivity.

Нередко при проведении криминалистического исследования волокнистых материалов и изделий из них приходится решать задачи по установлению единого целого или принадлежности части конкретному изделию.

Такие задачи решаются различными методами, в том числе и путем определения вида волокон, входящих в состав изделия с помощью химических, физико-химических и других методов. Часть таких методов является разрушающими.

Однако решение подобных задач возможно и неразрушающими методами – проведя оценку оптических свойств материала текстильного изделия.

При действии светового поля на поверхность материала текстильного изделия проявляется ряд его определенных оптических свойств. К основным оптическим свойствам, воспринимаемым визуально, относятся: цвет, белизна, блеск, прозрачность, разнооттеночность. Оценка этих характеристик может быть проведена и инструментально.

Цвет текстильного материала определяется длинами волн, отраженных от него лучей. Общеизвестно, что видимая область электромагнитного спектра расположена в пределах от 380 до 760 нм. Текстильный материал может быть либо бесцветным – ахроматическим, либо окрашенным в хроматические цвета.

Ахроматический цвет материала получается в результате одинакового соотношения всех отраженных длин волн видимой области. Причем, белый цвет наблюдается при полном отражении, серый – при неполном, черный – при полном поглощении. Если хроматические цвета могут характеризоваться тональностью, светлотой (белизной), яркостью и насыщенностью, то ахроматические – белый, серый, черный – только белизной (светлотой). Так, черный бархат обладает меньшей светлотой, чем другие ткани черного цвета. Различные серые ткани получают путем переплетения черных и белых нитей [2, с. 167].

Оценка оптических свойств текстильных материалов ахроматических цветов проводится как органолептически, так и фотометрическими методами. Прежде всего, определяется белизна, блеск и разнооттеночность.

Количественной оценкой ахроматического цвета является белизна, определяемая из соотношения:

$$K_0 = S_0/S,$$

где, K_0 – коэффициент отражения;

S_0 – количество отраженного света, S – количество падающего света.

Белизна материала не зависит от интенсивности его освещения, то есть эта величина постоянна для данной поверхности.

Органолептическая оценка белизны материала может быть проведена путем сравнения его цвета с цветом ахроматической шкалы. Такая шкала представляет собой набор образцов с заранее определенными коэффициентами отражения.

Инструментально белизну можно определить как с помощью фотометра ФМ-58, так и электронного компаратора цвета ЭКЦ-1. Такое определение белизны исключает субъективность в оценке свойств материала.

Если белизна характеризует общее в ощущении представленной на исследование и идеально белой поверхности, то блеск обуславливается отражающими способностями волокон, входящих в состав материала данного изделия.

Отражательная способность поверхности физического тела ограничивается крайними состояниями – абсолютно шероховатым и зеркальным. В этом интервале расположены степени блеска различных объектов, в том числе и текстильных материалов [1, с. 298]. Примером зеркальной поверхности может служить отполированная поверхность металла, стекла. Абсолютно шероховатой поверхностью является поверхность плоского слоя баритовых белил.

Отражение света волокнами может быть диффузным – когда падающие на волокна лучи находятся в плоскости, перпендикулярной оси волокна, и зеркальным – когда угол между плоскостью падающих лучей и осью волокна имеют в результате рассеянного отражения света в различных направлениях, возникающих из-за неровностей поверхности волокна. Материалы из хлопка, лубяных волокон, шерсти имеют меньший блеск, чем изготовленные из химических волокон. Блеск текстильного материала возникает за счет зеркального отражения волокнами падающего света.

В связи с тем, что сильный блеск химических волокон снижает потребительские качества изготовленных из них изделий, такие волокна матируют – в вещество волокон вводят частицы, преломляющие свет меньше, чем само волокно. Кроме того, блеск волокон может быть уменьшен за счет повышения крутки нитей, увеличения изгиба волокон в материале.

В результате эксплуатации текстильных изделий блеск на отдельных участках ткани возникает вследствие образования плоских микроучастков на волокнах и нитях из-за их разрушения. Кроме того блеск (ласы) появляются на тканях и в результате глажения или прессования. Такого рода ласы особенно видны на темных, очень плотных тканях из сильно крученной пряжи, на швах [2, с. 162-163].

Белизна текстильных материалов может быть определена с помощью электронного компаратора цвета ЭКЦ-1. Сущность метода заключается в измерении коэффициента отражения поверхности пробы испытываемого материала в синей области спектра при светофильтре, воспроизводящем в комбинации с фотоприемником стандартную кривую сложения $Z(\lambda)$ по отношению к коэффициенту отражения идеально белой поверхности, равной 100 % [3]. Белизна (%) определяется по формуле:

$$W = 100pz/pz_0,$$

где pz – коэффициент отражения пробы при синем светофильтре;

pz_0 – коэффициент отражения эталонной белой пластины при том же светофильтре.

Испытания материала проводятся на трех участках. Коэффициент отражения R_0 – среднее арифметическое трех измерений [1, с. 301].

От источника света через объективы и приемы световой поток двумя пучками направляется на моделирующий диск, привод которого осуществляется электродвигателем. Через сетки, обеспечивающие равномерное ослабление света, лучи, через линзы поступают на сравниваемые пробы. Для увеличения зеркально отраженного потока света в интегрирующей сфере используется ловушка и светопровод, соединенные с фотоумножителем. На фотоумножитель попеременно через светофильтры подаются световые потоки от сравниваемых проб. В блок-схеме прибора имеется электронный преобразователь, усилитель, фоточувствительный детектор, генератор напряжения, измерительный прибор [1, с. 298].

Блеск текстильных материалов определяется соотношением коэффициентов отражения поверхности материала и эталона по формуле:

$$C = 100K_{от.м}/K_{от.эт.},$$

где $K_{от.м}$ – коэффициент отражения материала;

$K_{от.эт.}$ – коэффициент отражения эталона

Коэффициент отражения определяют по формуле:

$$K_0 = S_{от}/S_{п.},$$

где $S_{от}$ – количество отраженного света;

$S_{п.}$ – количество падающего света.

С помощью электрического блескомера ФВ-2 определяют коэффициент как образца, так и эталона.

От источника линзой световой поток направляется на исследуемую поверхность. Системой линз через диафрагму отраженный поток направляется на фотозлемент. В фотозлементе, пропорционально интенсивности светового потока возникает электрический ток, измеряемый микроамперметром. В схеме также имеется блок питания и два потенциометра.

Настройка прибора проводится по эталону – увалевому стеклу с коэффициентом отражения $K_{от.эт.} = 0,65$ [1, с.300].

Библиографический список

1. Лабораторный практикум по текстильному материаловедению: учеб. пособ. для вузов / Кобляков А.И., Кукин Г.Н., Соловьев А.Н. и др. 2-е изд., перераб., и доп. М., 2006.
2. Баженов В.И. Материалы для швейных изделий: учебник для сред. спец. учеб. заведений. 3-е изд., испр. и доп. М., 2015.
3. ГОСТ 18054-72. Материалы текстильные. Метод определения белизны.

УДК 340.67

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ С ЦЕЛЬЮ УСТАНОВЛЕНИЯ СОСТОЯНИЯ НАРКОТИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ

Кочубей А.В., кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский институт управления – филиал ВИУ РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Выявление лиц, употребляющих наркотики, их учет оперативными работниками и инспекторами по делам несовершеннолетних, т.е. фактически профилактика и предупреждение преступлений, дело такой же важности, как и расследование уже совершенных. Настоящая работа посвящена особенностям использования специальных знаний участниками проведения оперативно-розыскных мероприятий при задержании лица, предположительно находящегося в состоянии наркотического опьянения.

Ключевые слова: наркотические средства, наркотическое опьянение, экспресс-тесты, признаки наркотического опьянения, судебная экспертиза.

USE OF SPECIAL KNOWLEDGE WHEN CARRYING OUT OPERATIONAL SEARCH MEASURES FOR THE PURPOSE OF ESTABLISHING THE STATE OF DRUG DRUG

Kochubey A.V., Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The identification of people who use drugs, their registration by operatives and juvenile inspectors, i.e., in fact, the prevention and prevention of crimes, is a matter of the same importance as the investigation of those already committed. The present work is devoted to the peculiarities of the use of special knowledge by participants in conducting operational search activities when detaining a person allegedly under the influence of drugs.

Keywords: narcotic drugs, drug intoxication, rapid tests, signs of drug intoxication, forensic examination.

«Нет наркобизнеса, нет наркоманов, нет наркопроблем!» Такие утверждения были популярны в период существования Советского Союза. Однако и в те времена были и наркоманы, и наркокурьеры, и наркодельцы, и люди, осужденные за употребление наркотиков. Причин тому было много. Количества диорастущей конопли в знаменитой Чуйской долине хватало бы на всю Европу, маковые плантации на Украине обеспечивали опием всю европейскую часть бывшего Союза, свобода передвижения по одной шестой части суши обеспечивала бесперебойность доставки и т.д.

Но, несмотря на существование проблемы, в СССР не было «эпидемии», которая охватила всю Россию на рубеже столетий. Оказалось, что поколение девяностых предпочло героин, экстази, опиум, ЛСД и тому подобное.

В сегодняшнем Уголовно-процессуальном кодексе отсутствует статья, карающая за употребление наркотиков – это проблема нравственная, проблема здоровья нации – ее подрастающего поколения, и, как следствие, проблема самого существования государства.

С другой стороны, кроме указанных проблем все-таки существует и чисто криминальная. В криминологии давно выявлена закономерность: употребление наркотиков неразрывно связано с различными категориями преступлений, предполагающими быструю добычу денег, необходимых для их покупки.

Наркотическое опьянение, также как и алкогольное, подчас толкает людей на поступки, которые они никогда не совершили бы, находясь в нормальном (трезвом) состоянии. Это хорошо видно при анализе статистики преступлений и правонарушений – до 90% так называемых бытовых преступлений, 85-92% случаев мелкого хулиганства и т.д. совершаются в состоянии опьянения (алкогольного или наркотического). При этом, большинство правонарушителей и преступников попадают в поле зрения правоохранительных органов впервые.

Выявление лиц, употребляющих наркотики, их учет оперативными работниками и инспекторами по делам несовершеннолетних, т.е. фактически профилактика и предупреждение преступлений, дело такой же важности, как и расследование уже совершенных.

Как таковое, употребление наркотических средств не является преступлением, однако в соответствии со ст. 61-63 Уголовного кодекса России наркотическое и алкогольное опьянение при совершении преступления, является отягчающим обстоятельством. Если выявить алкогольное опьянение при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, не представляет особых трудностей, то с наркотическим опьянением дело обстоит несколько сложнее – экспресс-тесты дороги, а характерный запах отсутствует. Именно по причине сложности выявления наркотического опьянения внешние признаки наркоманов должны знать и участники следственно-оперативных групп, работающие на местах происшествий, и сотрудники служб ППС и ДПС, осуществляющие патрулирование на улицах городов, и участковые уполномоченные.

Еще одно отличие наркотического опьянения от алкогольного, определяющего специфику работы, заключается в необходимости изъятия образцов (крови, слюны, мочи) для проведения последующего экспертного исследования.

Имеющаяся литература по этому вопросу носит в основном специальный медицинский характер, изобилует множеством специальных терминов и мало понятна для восприятия человеком, далеким от медицины. Публицистические же статьи, систематически появляющиеся в газетах и журналах, как правило, отличаются общностью фраз и отсутствием конкретных рекомендаций.

Настоящая работа посвящена особенностям использования специальных знаний участниками проведения оперативно-розыскных мероприятий при задержании лица, предположительно находящегося в состоянии наркотического опьянения.

В южных регионах России, к которому относится и Волгоградская область, наиболее популярным наркотиком среди молодежи является высушенная конопля – **марихуана** («травка», «шала», «хеш», «гажубас» и т.д.).

Далее следует **гашиш** («пластелин»), который получают из пыльцы цветущей конопли. Подчеркнем, что гашиш действует в течении 10-24 часов, а главное – может вызвать трудно преодолимую зависимость.

Достаточно распространенным наркосодержащим средством является **«винт»**, который изготавливают, например, из лекарства «Солутан». Из одной упаковки «варят» пять-семь доз.

Опий («черняшку») изготавливают кустарным или полукустарным способом из млечного сока мака. Продается обычно «чеками». Это достаточно сильнодействующий препарат, который вводит потребителя в длительный наркотический сон и вызывает быстрое привыкание. При употреблении кустарно изготовленного опия наркоман, помимо наркотических компонентов (морфин, кодеин, тебаин...), получает и значительное количество балластных веществ, что в значительной степени усиливает его вредное воздействие.

В последнее время во многих регионах страны (прежде всего в центральных, а также в портовых и курортных городах) получил широкое распространение **ЛСД** – появились в продаже так называемые «промокашки», т.е. кусочки бумаги маленького размера (квадратиками), пропитанные ЛСД, нередко – в упаковке с изображением фруктов или зверей.

Среди «клубных наркотиков» лидирующее место, как и прежде, занимает **экстази** – наркотическое средство амфитаминового ряда.

Наряду с **кокаином** употребляется его синтетический заменитель, так называемый **«феномен»**, похожий по виду и свойствам, но более дешевый и опасный для здоровья.

По данным ЭКУ ГУВД Волгоградской области намного проще сейчас достать и **героин**.

В криминалистической литературе совершенно не затронуты технические и тактические приемы работы с человеком, находящимся в состоянии наркотического опьянения. В данном контексте речь идет о случаях, когда встает вопрос о возможном опьянении наркотическим средством задержанного или подозреваемого в совершении преступления лица. Традиционные виды освидетельствования, проводящиеся, например, при установлении факта изнасилования, нанесении телесных повреждений или наличия алкогольного опьянения, в данном случае не применимы по многим объективным причинам. В первую очередь, это наркологическая специализация врача и наличие специализированной лабораторной базы, что обычно отсутствует в удаленных от городских и районных центров.

В результате, отсутствие теоретических положений и практических рекомендаций приводит к тому, что один из важных признаков классификации преступлений остается во многих случаях неучтенным.

Анализ специальной литературы и проведенных исследований показывает, что не всегда в описанных ситуациях требуется привлечение врача соответствующей специализации. Зачастую, бывает достаточно обычного отбора образцов биологических жидкостей медицинским работником. Отобранные образцы могут длительное время храниться (при соблюдении соответствующих правил) и подвергаться в дальнейшем самым разнообразным исследованиям – начиная от биологического и заканчивая физико-химическим исследованием наркотических средств.

При отборе образцов для экспертизы необходимо руководствоваться рекомендациями, основанными на результатах исследований по определению количеств наркотически активных компонентов в различных органах и тканях человека систематически или разово употребляющего наркотические средства.

В качестве примера в таблицах 1 и 2 приведены данные таких анализов, которые наглядно иллюстрируют, что, например, при употреблении героина, в качестве образцов целесообразно брать мочу, а не кровь или другие **биологические жидкости**.

Таблица 1

Содержание диацетилморфина и метаболитов в организме человека, погибшего в результате передозировки героина нг/мл или нг/г

ОРГАН	ДАМ	6-МАМ	МОРФИН
КРОВЬ	0	16,2	81,7
МОЧА	71	848	655
МЕСТО ИНЪЕКЦИИ	130	3656,7	1088,3
ВОЛОСЫ ГОЛОВЫ	0	0,10	0,07

Таблица 2

Содержание кодеина и метаболитов в случае смерти в результате передозировки кодеина нг/мл или нг/г нг/мл или нг/г

КРОВЬ	
КОДЕИН	0,1-48
МОРФИН	0,1-0,7
МОЧА	
КОДЕИН	3,2-370
МОРФИН	0,1-70

Аналогичные данные получены и для других видов наркотических и психотропных средств. По результатам работы планируется выпустить методическое пособие по отбору проб у лица, предположительно находящегося в состоянии наркотического опьянения.

УДК 343.3/7

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЗ АККРЕДИТАЦИИ В СФЕРЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ОСМОТРА ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Лихолетов А.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград

Аннотация. Ответственность за незаконное предпринимательство установлена с момента принятия Уголовного кодекса РФ. Вместе с тем за время своего существования она подвергалась изменениям около десятка раз. Существенная модернизация указанной нормы была произведена в 2019 году. В статье проводится уголовно-правовой анализ новой формы незаконного предпринимательства – осуществление предпринимательской деятельности без аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств.

Ключевые слова: аккредитация, незаконное предпринимательство, технический осмотр, транспортное средство, уголовная ответственность.

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS OF BUSINESS ACTIVITIES WITHOUT ACCREDITATION IN THE FIELD OF TECHNICAL INSPECTION OF VEHICLES

Likholetov A.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

Abstract. Responsibility for illegal entrepreneurship has been established since the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation. However, during its existence it has undergone changes about a dozen times. Significant modernization of this norm was carried out in 2019. The article provides a criminal law analysis of a new form of illegal entrepreneurship - the implementation of entrepreneurial activities without accreditation in the field of technical inspection of vehicles.

Keywords: accreditation, illegal business, technical inspection, vehicle, criminal liability.

В июле 2019 года объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, дополнена еще двумя новыми формами деяния – осуществление предпринимательской деятельности без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств в случаях, когда такие аккредитация в национальной системе аккредитации или аккредитация в сфере технического осмотра транспортных средств обязательны [1].

Данные изменения были направлены на противодействие практике массового оформления диагностических карт без реального проведения процедуры технического осмотра транспортных средств [2] и вступили в силу с 27.07.2020 года.

С учетом поправок в ст. 171 УК РФ можно отметить, что в настоящее время основным непосредственным объектом незаконного предпринимательства можно считать *общественные отношения, возникающие между регистрирующими органами, органами лицензирования и аккредитации с одной стороны и физическими и юридическими лицами с другой стороны в связи с организацией и осуществлением отдельных видов предпринимательской деятельности, обеспечивающие соблюдение требований необходимости постановки на учет в качестве субъекта такой деятельности или получения лицензии или прохождения аккредитации на определенные законом виды предпринимательства, за исключением аналогичных общественных отношений, охраняемых специальными нормами уголовного закона, выделенным по признаку вида хозяйственной деятельности.*

Под аккредитацией понимается процедура подтверждения соответствия органа по оценке соответствия третьей стороной, служащая официальным признанием его компетентности в выполнении конкретных задач по оценке соответствия [3].

Порядок аккредитации операторов технического осмотра транспортных средств предусмотрен Федеральным законом от 01.07.2011 г. № 170 (далее – ФЗ № 170) [4] и приказом Минэкономразвития России от 26.03.2020 № 173 (далее – Приказ № 173) [5].

Так, органом, осуществляющим аккредитацию в данном направлении деятельности, является профессиональное объединение страховщиков.

Для проведения аккредитации заинтересованное лицо предоставляет заявление с приложением пакета документов, которые рассматриваются профессиональным объединением страховщиков в течение рабочих дней.

Кроме этого, заявитель должен соответствовать определенным аккредитационным требованиям, к которым, в частности, относятся: наличие на праве собственности (или на ином законном основании) сооружений и средств технического диагностирования, наличие в штате не менее одного технического эксперта¹, наличие технической возможности для ежедневной передачи сведений о результатах проведения технического осмотра в единую автоматизированную информационную систему технического осмотра и т.д. [4]. Соответствие указанным требованиям должно ежегодно подтверждаться лицом, получившим аттестат аккредитации.

После рассмотрения заявления в течение 10 рабочих дней проводится документарная проверка. В случае подтверждения достоверности сведений, содержащихся в материалах заявителя, в течение 30 рабочих дней со дня окончания документарной проверки проводится выездная проверка по местам нахождения пунктов технического осмотра с целью установления соответствия соискателя аккредитационным требованиям [4].

По результатам проведенных проверок в течение трех дней принимается решение о выдаче аттестата аккредитации либо об отказе в его предоставлении.

Основаниями отказа в аккредитации закон называет наличие в представленном заявителем пакете документов недостоверной или искаженной информации, а также несоответствие заявителя требованиям аккредитации [4].

Приказом № 173 предусмотрены основания для переоформления аттестата аккредитации, одним из которых является расширение либо сокращение области аккредитации [5]. Таким образом, осуществление оператором технического осмотра деятельности за пределами области аккредитации, следует признавать деянием, образующим объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ (при наличии иных составообразующих признаков). Однако подобные действия можно оценивать, как осуществляемые без прохождения процедуры аккредитации.

Действие аттестата аккредитации может быть приостановлено на определенный срок по решению профессионального объединения страховщиков за нарушение требований аккредитации, совершенное впервые [5]. В случае устранения выявленных недостатков действие аттестата возобновляется.

Аттестат аккредитации аннулируется решением профессионального объединения страховщиков в случаях: предоставления заявления оператора технического осмотра о прекращении деятельности, ликвидации или некоторых форм реорганизации юридического лица, неполучения оператором технического осмотра подтверждения соответствия требованиям аккредитации оператора технического осмотра, несообщения в профессиональное объединение страховщиков сведений необходимых для ведения реестра операторов технического осмотра, в случае их изменения и др. [5].

С учетом вышеизложенного, можно прийти к выводу, что без аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств предпринимательская деятельность будет иметь место в случаях, когда она осуществляется:

- 1) без обращения в уполномоченные органы (профессиональное объединение страховщиков) для прохождения процедуры аккредитации;
- 2) после обращения в компетентные органы с заявлением об аккредитации, но до выдачи аттестата аккредитации;
- 3) после получения отказа в выдаче аттестата аккредитации со стороны уполномоченного органа;
- 4) после приостановления действия аттестата аккредитации;
- 5) после аннулирования аттестата аккредитации.

Субъектом рассматриваемого преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста к моменту совершения преступления.

Наиболее обоснованным представляется подход, в соответствии с которым субъективная сторона незаконного предпринимательства характеризуется умышленной формой вины. При этом умысел может быть как прямой, так и косвенный [6, с. 202].

Следует отметить, что внесение изменений в ст. 171 УК РФ в июле 2019 года не в полной мере соответствует принципам криминализации деяний и социально не обусловлено. При наличии оснований по устоявшемуся ответственно за незаконный оборот документов, выдаваемых аккредитованными участниками рыночных отношений, целесообразно внесение изменений в ст. 327 УК РФ в части выделения квалифицированных составов деяний по признаку предмета преступления. Оценка иных противоправных действий в рассматриваемой сфере в настоящее время возможно в рамках действующих уголовно-правовых норм (ст.ст. 204, 204², 238 УК РФ и др.) [7, с. 28–31].

Несмотря на существование новых форм незаконного предпринимательства более двух с половиной лет, анализ судебной практики не позволил выявить факты привлечения к уголовной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без аккредитации в национальной системе аккредитации и без аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств².

Представленные доводы указывают на преждевременность расширения круга деяний, образующих незаконное предпринимательство.

С учетом изложенного, предлагается исключить в рамках ст. 171 УК РФ ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без аккредитации в национальной системе аккредитации и без аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств.

Библиографический список

1. О внесении изменения в статью 171 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 26.07.2019 № 207-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 684667-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/684667-7> (дата обращения: 16.04.2023).
3. ГОСТ ISO/IEC 17000-2012 Оценка соответствия. Словарь и общие принципы (Издание с Поправкой) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.
4. О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 01.07.2011 г. № 170-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
5. Об утверждении Правил аккредитации операторов технического осмотра, Порядка прохождения операторами технического осмотра процедуры подтверждения соответствия требованиям аккредитации в сфере технического осмотра : приказ Минэкономразвития России от 26.03.2020 г. № 173 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
6. Уголовное право России. Особенная часть : учеб. : в 2 ч. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. Ч. 1. 356 с.
7. См. подробнее: Лихолетов А.А. Проблемы квалификации незаконного предпринимательства в условиях реформирования уголовного законодательства // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 27–31.

УДК 343.131.5

ПРОВЕДЕНИЕ АДВОКАТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ПРАВООЗАЩИТНАЯ ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАЩИТНИКА

Маринина В.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Мамедова Д.И., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических и практических основ института адвокатского расследования как правозащитной формы деятельности. Анализируется роль защитника при собирании доказательств на стадии предварительного следствия. Обосновывается вывод о возможности закрепления адвокатского расследования на законодательном уровне.

Ключевые слова: адвокат, защитник, состязательный процесс, адвокатское расследование.

¹ Технический эксперт – технический эксперт – работник оператора технического осмотра, осуществляющий техническое диагностирование и отвечающий установленным в сфере технического осмотра квалификационным требованиям (ст. 1 Федерального закона от 01.07.2011 г. № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

² При подготовке настоящего исследования автором сплошным методом изучено 687 судебных решений, вынесенных в период с 01.08.2019 г. по 30.12.2022 г. и размещенных в свободном доступе на сайтах Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «ПравоСудие» (<https://sudrf.ru/>) и «Судакт» (<http://sudact.ru/>).

CONDUCT OF THE LAWYER'S INVESTIGATION AS A HUMAN RIGHTS FORM OF THE DEFENDER'S ACTIVITY

Marinina V.N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Mamedova D.I., 1st year undergraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the theoretical and practical foundations of the institute of advocate investigation as a human rights form of activity. The role of the defender in the gathering of evidence at the stage of preliminary investigation is analyzed. The conclusion is substantiated about the possibility of fixing advocate's investigation at the legislative level.

Keywords: advocate, defender, adversarial process, advocate's investigation.

Адвокатура представляет собой один из важнейших институтов гражданского общества, сложность которого заключается как по характеру выполняемых задач, так и по формам и видам образующих структур, по взаимоотношениям с правоохранительными органами. Правозащитная деятельность адвокатуры состоит в оказании квалифицированной юридической помощи на профессиональной основе. От квалификации, опыта и добросовестности адвоката-защитника зависит ход уголовного процесса и судьба доверителя.

Согласно положениям статьи 48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Подозреваемый (обвиняемый) имеет право защищать себя лично или посредством выбранного защитника, а при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника – бесплатно, когда того требуют интересы правосудия [7, с. 119]. Обязательное участие защитника предусмотрено статьей 51 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Роль адвоката-защитника очень важна на всех этапах уголовного дела, особенно на стадии предварительного расследования. На данном этапе от защитника, который участвует во всех следственных действиях, зависит ход расследования, ведь на стадии судебного разбирательства обвиняемый не сможет отказаться от показаний, данных на следствии в присутствии адвоката.

Цель адвоката заключается в доказывании невиновности подзащитного либо переквалификации категории преступления на более «мягкую». «Не навреди» - данным правилом должен руководствоваться адвокат-защитник, он не должен усугублять положение своего доверителя. Адвокат должен следить за тем, чтобы на стадии предварительного расследования не нарушались законные права подозреваемого (обвиняемого).

Правозащитной формой деятельности органов адвоката-защитника является организация и проведение адвокатского расследования. Оно помогает реализовать на практике принцип состязательности. Основной целью адвоката при проведении расследования является поиск доказательственной базы, которая в последующем продемонстрирует невиновность подзащитного.

В российском законодательстве отсутствует определение понятия «адвокатское расследование». Г.О. Пахомова считает, что адвокатское расследование можно определить как урегулированную нормами права деятельность адвоката по сбору сведений и выявлению обстоятельств, имеющих юридическое значение [5, с. 146].

Давыдова Д.А. отмечает, что институт адвокатского расследования является важной гарантией обеспечения защиты прав обвиняемого на стадии предварительного расследования, механизм реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. При этом в законодательстве остается ряд пробелов и противоречий, препятствующих нормальному и эффективному осуществлению адвокатских расследований; понятие «адвокатское расследование» не нашло отражение в ряду общих понятий уголовно-процессуального законодательства (ст. 5 УПК РФ). Разрешив эти формальные вопросы, можно добиться практического повышения эффективности работы адвоката-защитника, обеспечить принципы равенства и состязательности уголовного судопроизводства [3, с. 80].

Можно согласиться с автором о том, что следует закрепить институт адвокатского расследования в УПК РФ, тем самым не ограничивать свободу, самостоятельность, независимость деятельности адвоката.

Согласно п. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

В соответствии со статьей 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [8] адвокат вправе направлять в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации официальное обращение по входящим в их компетенцию вопросам о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи.

Важной составляющей адвокатского расследования является время предоставления ответов на запросы адвоката. Учитывая тот факт, что в обвинительном заключении должен быть перечень доказательств как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, у защитника – ограниченные сроки по сбору доказательств.

Поэтому закон устанавливает четкие процессуальные сроки реагирования: в соответствии с п. 2 ст. 6.1 Закона об адвокатуре ответ на адвокатский запрос должен быть дан в письменной форме в тридцатидневный срок со дня получения данного запроса. Однако Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что в предоставлении ответа на адвокатский запрос может быть отказано, если: 1) субъект, получивший адвокатский запрос, не располагает запрошенными сведениями; 2) нарушены требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса, определенные в установленном порядке; 3) запрошенные сведения отнесены законом к информации с ограниченным доступом [1].

Представляется, что 30-дневный срок является необоснованно затянутым. Полагаем необходимым внести изменения в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и предоставить срок ответа на адвокатский запрос по уголовному делу – не превышающий трех суток, так как важно своевременно предоставить качественную доказательную базу стороны защиты прежде, чем будет утверждено обвинительное заключение/акт.

В судебной практике существует значительное количество отмененных решений или постановлений, связанных с иными нарушениями конституционных прав защитника-адвоката при проведении им расследования, в их числе:

- апелляционное определение Нижегородского областного суда, постановившее отменить приговор суда первой инстанции от 15 июля 2020 года в отношении Позднякова Х.Ш. в связи с ущемлением права на защиту;

- кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.04.2019 г. № 16-КА19-2, обзывающее ФКУ «Исправительная колония № <...>» предоставить свидание адвокату с его подзащитной с использованием технических средств и др.

Многие судебные решения основываются на Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева» [6] о неправомерности ограничений допуска адвоката-защитника в следственный изолятор для свидания с подзащитным.

Нам близка позиция А.А. Давлетова о том, что уголовно-процессуальная деятельность ориентирована на состязательность, в результате чего следователь, дознаватель оказались на стороне обвинения, а адвокат-защитник – на стороне защиты. Однако многие нормы Особенной части УПК РФ сохранили розыскной характер расследования, где следователь, дознаватель как полновластные «хозяйева» уголовного дела не считают равноправным участником процесса защитника. Однако нельзя, на наш взгляд, категорично утверждать, что в досудебном производстве нет состязательности и равноправия сторон как основы адвокатского расследования [2, С. 73].

Также спорной представляется позиция Е.Г. Мартыничка о том, что параллельное (адвокатское) расследование по своей сути призвано «заменить предварительное расследование, производимое по закону органами и должностными лицами государства» [4]. Безусловно, защитник обладает собственной правовой позицией по делу и действует в интересах подзащитного, однако полученные сведения, собираемые им в отношении клиента, будут иметь доказательственную силу только после официального приобщения процессуальных документов к уголовному делу следователем (дознавателем) или судом. И, несмотря на то, что уголовное дело направляется в суд с обвинительным заключением (актом), в суде можно доказать невиновность подзащитного или смягчить наказание.

Из всего вышеизложенного можем сделать вывод о необходимости адвокатского расследования как правозащитной формы деятельности защитника, однако законодательно нужно установить четкий механизм осуществления адвокатского расследования и приобщения сведений, которые собирает адвокат-защитник, к материалам уголовного дела. Также необходимо сократить сроки ответов на запросы адвокатов по уголовным делам.

Библиографический список

1. Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/28665/ (дата обращения 08.04.2023).
2. Давлетов А.А. Адвокатское расследование: миф или реальность? // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 1. С. 71–77.
3. Давыдова Д.А. Проблемы и перспективы совершенствования право регулирования производства адвокатского расследования в уголовном процессе // Актуальные вопросы современной науки и образования. 2021. С. 78–80.
4. Мартынич Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М.: Юрист, 2009. 258 с.
5. Пахомова О.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе как процессуальный институт // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения. 2019. С. 146–151.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 октября 2001 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева» // Российская газета. 2001. 14 ноября. № 223.
7. Тронева В.Н. Гарантии защиты прав подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых применяется мера пресечения в виде заключения под стражу // Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика: международная научно-практическая конференция [материалы] / редкол.: В.Н. Тронева [и др.]. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013. С. 112–119.
8. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102 (в ред. от 31.07.2020, с изм. от 10.11.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022).

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Могутин Р.И., кандидат технических наук, доцент,
Трубникова А.Е., студент 4 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Полиграфные исследования прошли долгий и тернистый путь становления и развития, начиная от полного отрицания полиграфа и придя к повышенному интересу, вниманию, дискуссиям и спорам в отношении проведения и применения результатов полиграфного исследования. Современная действительность характеризуется стремительным развитием технологий. Высокие требования предъявляются также и к технической оснащенности правоохранительных органов и поиску оптимальных средств и методов, которые позволят повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений. Таковым как раз и является внедрение полиграфа в качестве вспомогательного технического средства, которое поможет повысить раскрываемость преступлений.

Несмотря на то, что в настоящее время отечественная практика применяет полиграф в раскрытии и расследовании и преступлений, на сегодняшний день все еще существует ряд проблем, как теоретического, так и практического характера.

Ключевые слова: полиграф, детектор лжи, полиграфное исследование, психофизиологическое исследование.

ON SOME ASPECTS OF POLYGRAPH USE IN CRIMES DISCOVERY AND INVESTIGATION

Mogutin R. I., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Trubnikova A. E., 4th year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd

Abstract. Polygraphic research has come a long and thorny path of formation and development, starting from the complete denial of the polygraph and coming to increased interest, attention, discussions and disputes regarding the conduct and application of the results of a polygraph examination.

Modern reality is characterized by the rapid development of technology. High demands are also placed on the technical equipment of law enforcement agencies and the search for optimal means and methods that will improve the efficiency of detecting and investigating crimes. Such is precisely the introduction of a polygraph device as an auxiliary technical tool that will help increase the detection of crimes.

Despite the fact that at present domestic practice uses the polygraph in the detection and investigation of crimes, today there are still a number of problems, both theoretical and practical.

Keywords: polygraph, lie detector, polygraph examination, psychophysiological examination.

В настоящее время к исследованию особенностей использования полиграфных исследований проявляется особый интерес, в том числе, и со стороны криминалистов. Заинтересованность обусловлена тем, что для данной темы характерно наличие достаточно большого количества дискуссионных аспектов, как теоретического, так и практического содержания.

В рамках настоящей статьи нами будут рассмотрены две наиболее актуальные проблемы, связанные с использованием полиграфа.

Первая проблема касается правовой регламентации его использования.

Вторая проблема сводится к профессиональной квалификации экспертов, которые проводят исследования с использованием полиграфа.

Как известно, положения действующего отечественного законодательства не закрепляют правовую регламентацию использования полиграфных исследований, что, во-первых, служит поводом для большого количества дискуссий среди исследователей в области уголовного права и криминалистики, а во-вторых, обуславливают ряд сложностей в практике применения полиграфных исследований на стадии расследования уголовного дела, а также при постановлении приговора судом.

По данному вопросу мы разделяем точку зрения, сформулированную А.М. Лариным, который полагает, что отсутствие четкой правовой регламентации приводит к существенным негативным последствиям, которые могут выражаться, к примеру, в том, что недобросовестные специалисты, могут предоставлять и оказывать некачественные услуги по проведению полиграфного исследования [1].

Решение данной проблемы необходимо решать комплексным путем, внося соответствующие изменения в положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также принятием закона на федеральном уровне, который будет закреплять подробную правовую регламентацию деятельности эксперта-полиграфолога, порядка проведения полиграфного исследования, а также использования его результатов.

Следующей проблемой практического характера – это проблема квалификации экспертов-полиграфологов [2].

На наш взгляд, данная проблема уже находится на стадии решения. Об этом очевидно свидетельствует разработка на базе МГУ им. М.А. Шолохова курсов повышения квалификации для экспертов-полиграфологов. Положительный аспект данных курсов сводится к приглашению зарубежных специалистов, что способствует обмену опытом.

Исследователи отмечают, что данные курсы положительно сказались на развитии профессиональных качеств экспертов, которые существенно подняли уровень осведомленности и владения современными валидными западными методиками использования исследования полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений [3].

Сложившаяся практика, на наш взгляд, совершенно очевидно свидетельствует об эффективности использования полиграфных исследований при раскрытии и расследовании преступлений.

А.Н. Халиков отмечает: «Одним из самых важных свидетельств признанной эффективности полиграфа, стало появление собственных служб полиграфологов почти во всех правоохранительных органах, во многих крупных международных компаниях, а также постоянный запрос с их стороны на поиск хороших специалистов. Причина этих изменений не в только в том, что в полиграф стали верить и стали прислушиваться к самим полиграфологам» [6, с. 45].

О положительной тенденции развития полиграфологии свидетельствует тот факт, что правоохранительные органы все чаще прибегают к использованию полиграфа.

В настоящее время в доктрине остро стоят вопросы, которые требуют более детального исследования, и ответ на которые должен быть сформулирован не только в теории, но и на законодательном уровне, в ином случае, это подрывает авторитет всей правоохранительной и судебной системы.

К закону таких вопросов следует отнести возможность использования полиграфных исследований, как доказательств по уголовному делу.

Ряд исследователей полагают, что поскольку положениями действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства полиграфное исследование не признано допустимым доказательством, его использование в качестве такого невозможно и противоречит закону [7]. Интересным представляется тот факт, что, проведя анализ литературы, нами было отмечено, что данная точка зрения утрачивает свою актуальность. Исследователи, в данном случае, больше склоняются к тому, что даже при наличии существующих проблем, с целью повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, полиграфные исследования могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу.

Несмотря на противоречивость мнений, получивших отражение в научной полемике, в настоящее время достоверность заключения психофизиологических экспертиз продолжает благополучно признаваться судами. Между тем по данной проблеме уже неоднократно высказывал свою позицию Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ).

Проблема в данном случае, в том числе, заключается и в том, что судебная практика высших судебных инстанций не характеризуется единообразием, что свидетельствует о том, что она также, как и институт экспертиз с использованием полиграфа, все еще находится на стадии становления.

В рамках настоящей статьи нами проведено исследование, раскрывающее некоторые проблемные аспекты использования полиграфных исследований при раскрытии и расследовании преступлений.

Несмотря на повышенный интерес к данной теме, ее все еще сложно назвать до конца изученной, что обуславливает наличие большого количества проблем теории, законодательства и практики.

Несомненно, затронутые нами проблемы не являются исчерпывающими, но даже их решение окажет позитивное влияние на развитие использования полиграфных исследований.

Формируя авторскую позицию по результатам проведенного в рамках настоящей статьи исследования относительно затронутых дискуссионных вопросов, отметим следующее.

На наш взгляд, несмотря на всю существующую критику полиграфа, его использование и совершенствование его использования таит в себе огромный потенциал, который поможет более эффективно и оперативно раскрывать, и расследовать преступления. Все же не стоит забывать, что мы живем в эпоху стремительно развивающегося технического прогресса, который упрощает быденную жизнь каждого. Внедрение новых технологий в профессиональную деятельность – это всегда шаг навстречу новому и преодолению трудностей. Тоже самое и с использованием полиграфа. На наш субъективный взгляд, отказ от использования полиграфного исследования может стать существенной ошибкой, а решение существующих проблем и «налаживание» использования и применения полиграфных исследований, напротив, внесет свою большую положительную лепту в раскрытие и расследование преступлений.

Библиографический список

1. Ларин, А.М. Криминалистика и паракриминалистика: научно-практическое и учебное пособие / А.М. Ларин. Москва: БЕК, 1996. 179 с.
2. Китаев, Н.Н. Результаты опроса на полиграфе не могут иметь статус уголовно-процессуальных доказательств / Н.Н. Китаев, А.Н. Архипова // Российский следователь. 2010. № 3. С. 5–7.
3. Пеленицын, А.Б., Сошников А.П. О научной обоснованности применения полиграфа // Эксперт-криминалист. 2021. № 2. С. 12–15.
4. Фостюкова, М.А. Соотношение криминалистических и процессуальных задач при осуществлении психофизиологического исследования с применением полиграфа / М.А. Фостюкова // Вестник научных конференций. 2018. N 8-2(36). С. 117–119.
5. Гончарова, Н.В. Психофизиологические и личностные особенности восприятия стимулов подозреваемыми и обвиняемыми лицами в ходе расследования и раскрытия преступлений / Н.В. Гончарова, Д.В. Бельх-Силаев // Юридическая психология. 2016. № 4. С. 3–9.
6. Халиков, А.Н. Соотношение криминалистических и процессуальных задач при проведении специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа / А.Н. Халиков // Российский следователь. 2016. N 4. С. 12–16.
7. Иванова, А.А. Об использовании полиграфа в антикриминальной практике / А.А. Иванова // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 78–8.

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБСЛЕДОВАНИЯ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Попова М.О., студент магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Аширбекова М.Т., доктор юридических наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Автором рассматриваются процессуальные особенности обследования жилых помещений в рамках уголовного дела. Анализируются следственные действия: осмотр места происшествия и осмотр жилища. Сделан вывод о том, что роль обследования жилых помещений в уголовном расследовании заключается в том, чтобы объективно и всесторонне запечатлеть и зафиксировать место преступления, собрать доказательства, определить смысловые связи между предметами и событиями, и помочь суду принять законное и обоснованное решение на основе собранных фактов и материалов.

Ключевые слова: осмотр, осмотр жилых помещений, обследование жилых помещений.

CERTAIN FEATURES OF THE EXAMINATION OF RESIDENTIAL PREMISES IN THE FRAMEWORK OF A CRIMINAL CASE

Popova M.O., a graduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific supervisor: Ashirbekova M.T., Doctor of Law, Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The author considers the procedural features of the examination of residential premises in the framework of a criminal case. Investigative actions are analyzed: inspection of the scene and inspection of the dwelling. It is concluded that the role of the residential premises survey in a criminal investigation is to objectively and comprehensively capture and record the crime scene, collect evidence, determine the semantic connections between objects and events, and help the court to make a legitimate and informed decision based on the facts and materials collected.

Keywords: inspection, inspection of residential premises, inspection of residential premises.

Оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) представляют собой специальные действия и операции, проводимые силами правоохранительных или специальных служб для сбора информации, предотвращения и раскрытия преступлений, обеспечения общественной безопасности и защиты прав и интересов граждан.

Силы органов правопорядка осуществляют оперативное наблюдение, контроль и сбор информации о подозреваемых, преступных группировках, коррупционных схемах и других противоправных деятельности. Для этого применяются методы, такие как наблюдение, перехват и анализ телефонных разговоров, работы с информационными системами и т.д.

ОРМ направлены на предупреждение преступлений и недопущение угроз общественной безопасности. Это могут быть проведение проверок, оперативных задержаний, выявление и ликвидация преступных сетей и схем.

ОРМ предоставляют информацию и доказательства, необходимые для раскрытия преступлений, ведения расследования и установления виновных. Силы правоохранительных органов могут использовать оперативные данные, свидетельства, сведения о подозреваемых и другую информацию, чтобы привести преступников перед лицом правосудия.

Роль оперативно-розыскных мероприятий очень важна в обеспечении безопасности граждан и поддержании законности. Они способствуют:

- предупреждению преступлений и противодействию угрозам общественной безопасности;
- обеспечению соблюдения закона и порядка в обществе;
- защите прав и интересов граждан, предотвращению преступлений и нахождению виновных;
- укреплению доверия к правоохранительным органам.

Оперативно-розыскные мероприятия являются неотъемлемой частью работы правоохранительных органов и помогают поддерживать общественную безопасность и правопорядок. Вместе с тем, при их проведении необходимо обеспечивать баланс между защитой прав и свобод граждан и необходимостью бороться с преступностью.

В п. 8 ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» сказано, что при осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводится такое оперативно-розыскное мероприятие как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, решают ее задачи посредством личного участия в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий, используя помощь должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями, а также отдельных граждан с их согласия на гласной и негласной основе.

Обследование жилища является одним из наиболее эффективных следственных действий, при котором обнаруживается и включается в сферу процессуального доказывания значительная часть материальных носителей криминалистической информации [3, с. 521]. Доказательства будут признаны недопустимыми, если при проведении осмотра жилища суд выявит нарушения требований законодательства.

Обследование жилых помещений является одной из важных процедур в рамках расследования уголовного дела. Оно имеет свои особенности и выполняется с целью сбора доказательств и выявления следов преступления. Рассмотрим некоторые из особенностей и роли обследования жилых помещений:

Обследование жилого помещения проводится с целью поиска и сбора материальных доказательств, которые могут быть связаны с преступлением. Это могут быть орудия преступления, следы преступной деятельности, улики и т.д.

Обследование позволяет искать следы преступления, такие как отпечатки пальцев, ДНК, следы обязательства преступления, а также любые предметы, связанные с преступлением или потенциального свидетеля.

В ходе осмотра жилища следователь составляет протокол, в котором описывает все действия, а также все обнаруженное при осмотре в той последовательности, в какой производился осмотр, и в том виде в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра. Если осмотр некоторых предметов невозможно произвести в самом жилище, то следователь изымает их, упаковывает, опечатывает и заверяет подписями понятых и своей подписью и впоследствии осматривает их в ходе самостоятельного следственного действия. Изъятые предметы прилагаются к протоколу, в котором указывается перечень изъятых предметов с описанием их индивидуальных признаков и особенностей. Внесенные в протокол изъятые предметы могут быть признаны постановлением следователя вещественными доказательствами.

До настоящего времени в повседневной практике правоохранительных органов вызывает трудности проведение обследования жилища в процессе проверки сообщения о преступлении.

Владелец или жилец помещения может не предоставить согласие на проведение обследования или препятствовать его проведению – как по собственной инициативе, так и из-за различных опасений.

В процессе обследования могут быть обнаружены скрытые предметы преступления или укрытия, где хранятся доказательства. Нахождение таких предметов требует тщательного и систематического обследования, иногда с привлечением квалифицированных специалистов.

В случае обследования крупных домов или квартир требуется значительное время и дополнительные ресурсы для полного и детального исследования каждого помещения. Процесс может осложняться, если помещение перегружено предметами или плохо освещено.

В некоторых случаях, обследуемые помещения могут содержать ценности или документы, требующие особого внимания и мер для их защиты и предотвращения повреждений или уничтожения в процессе обследования.

Важно обеспечить правильную фиксацию и сохранение доказательств, чтобы они были пригодны для дальнейшего анализа и использования в судебном рассмотрении. В некоторых ситуациях (например, в поиске цифровых доказательств), требуется специализированный подход и использование соответствующего оборудования.

Несмотря на то, что проблеме толкования статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее -УПК РФ), касающихся осмотра места происшествия, посвящено достаточно публикаций, практика проведения осмотра жилища как места происшествия по-прежнему неоднозначна.

В криминалистике под местом происшествия, как правило, подразумевают участок местности или помещение, в пределах которого были обнаружены следы преступления.

Осмотр жилища регламентирован ст. 12, п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 165, 176, 177 УПК РФ, в которых изложены основания, порядок проведения и закрепления данного следственного действия. В определенных ситуациях жилище может являться местом происшествия, что обуславливает необходимость соблюдения общих правил проведения данного следственного действия (в частности, ход, содержание и результаты осмотра рекомендуется фиксировать в протоколе осмотра места происшествия) [4, с. 24].

Однако по данному поводу высказываются неоднозначные мнения в научной среде. Так, одни авторы считают, что осмотр места происшествия, являющегося жилищем необходимо оформлять в протоколе осмотра жилища на основании постановления следователя, а при отсутствии согласия проживающих в нем лиц добиваться судебного решения [2, с. 26].

О. Я. Баев указывает, что при осмотре жилища одна из первых тактических задач следователя – это убедить проживающих в нем лиц дать согласие на проведение осмотра, путем разъяснения целей данного следственного действия, не противоречащих их интересам, а также негативных последствий отказа [1, с. 82,83].

Однако при проведении обследования жилища, являющегося местом происшествия, постановление о производстве осмотра жилища не выносится, так как, во-первых, осмотр места происшествия не предусматривает вынесения постановления для его проведения, во-вторых, вынесение постановления о производстве осмотра жилища в случаях, не терпящих отлагательства, возможно только в рамках возбужденного уголовного дела, т.к. форма бланка данного постановления указывает на то, что следователь руководствуется материалами уже возбужденного уголовного дела.

Таким образом, в процессуально правильно оформлять осмотр места происшествия, когда оно является жилищем, протоколом осмотра места происшествия.

Обследование жилого помещения может помочь определить, кто проживает в данной квартире или частном доме, а также выяснить наличие свидетелей, которые могли наблюдать или иметь информацию о преступлении.

Обследование может помочь следователям и судебным экспертам воссоздать хронологию преступления и установить обстоятельства, в которых оно произошло. Это позволяет лучше понять мотивы, ход преступления и определить виновных.

Обследование может помочь определить пропавшие ценности, указать на ущерб, причиненный в результате преступления, и использоваться в последующем уголовном преследовании для установления уголовной ответственности.

Трудности проведения обследования жилища могут быть преодолены с помощью профессиональных навыков и опыта следователей, правильного планирования и подготовки, а также с учетом требований и ограничений, установленных законодательством. Чтобы обеспечить справедливость и законность проведения обследования, важно соблюдать процессуальные права и защиту частной жизни граждан. Нередко полученные в ходе проведения данного следственного действия доказательства признаются недопустимыми, а при его проведении нарушаются конституционные права и свободы граждан.

Таким образом, роль обследования жилых помещений в уголовном расследовании заключается в том, чтобы объективно и всесторонне запечатлеть и зафиксировать место преступления, собрать доказательства, определить смысловые связи между предметами и событиями, и помочь суду принять законное и обоснованное решение на основе собранных фактов и материалов. Обследование является важным инструментом расследования преступлений, и от его качества и тщательности может зависеть успешное проведение уголовного дела.

Библиографический список

1. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. М., 2003.
2. Власенко Н., Иванов А. Осмотр жилища // Законность. 2004. № 11. С. 25–27.
3. Уварова И.А., Сорочан В.В. Тактические особенности осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц // Молодой ученый. 2015. № 19 (99). С. 520–523.
4. Шипунова Ольга Владимировна Особенности проведения осмотра жилища как места происшествия при проверке сообщения о преступлении // Концепт. 2014. № S29.

УДК 343.1

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Ручкин В.А., доктор юридических наук, профессор,

Сулимов П.В., студент 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. неприкосновенность жилища – неотъемлемая составляющая права на личную жизнь и безопасность. В статье рассматривается правовое закрепление этого вопроса в уголовном судопроизводстве, в том числе ограничения права на жилище при наличии достаточных оснований.

Ключевые слова: жилище, неприкосновенность жилища, уголовная деятельность, право.

INVIOIABILITY OF THE HOME AS A PRINCIPLE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Ruchkin V.A., Doctor of Law, Professor,

P.V. Sulimov, 2nd year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The inviolability of the home is an integral component of the right to privacy and security. The article deals with the legal enshrining of this issue in the criminal proceedings, including the limitation of the right to a home in the presence of sufficient grounds.

Keywords: home, inviolability of the home, criminal activity, right.

Неприкосновенность жилища относится к числу принципов как международного (ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), так и отечественного права (ст. 25 Конституции РФ, ст. 12 УПК РФ, ст. 3 ЖК РФ, ст. 15 ФЗ «О полиции»).

Правовое закрепление неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве является одним из главных гарантов защиты человека и его прав в любой стране. В этой статье мы внимательнее рассмотрим этот важный вопрос.

В первую очередь, необходимо определить, что такое неприкосновенность жилища и какую роль она играет в правовой системе страны. Неприкосновенность жилища – это право каждого человека на свое жилище, которое охраняется государством и не может быть нарушено никакими лицами, включая представителей власти. Таким образом, неприкосновенность жилища является неотъемлемой составляющей права на личную жизнь, свободу и безопасность. Неприкосновенность данного права в уголовно-процессуальном законодательстве гарантируется особым порядком производства следственных действий, сопряженных с его ограничением, – только при наличии для этого определенных условий и оснований. [8]

Для надлежащего обеспечения права на неприкосновенность жилища важным является понимание самого термина «жилище».

В Жилищном кодексе РФ законодатель использует два понятия «жилище» и «жилое помещение». Необходимо отметить, что понятие «жилище» встречается в Законе всего лишь один раз в статье 3 ЖК РФ, где речь идет о принципе неприкосновенности жилья, корреспондирующего из конституционного законодательства. Во всех остальных нормах, законодатель использует понятие «жилое помещение», детализируя его виды в ст. 16 ЖК РФ, относя к ним следующие категории: жилой дом, квартира, комната, часть дома (квартиры) [2].

Согласно п. 10 ст. 5 УПК РФ жилище – индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания [4].

Одной из главных функций неприкосновенности жилища является защита частной жизни и конфиденциальности личных данных, которые находятся в жилище. В современном обществе личная жизнь человека подвергается постоянному давлению со стороны различных институтов и организаций, поэтому гарантии неприкосновенности жилища являются необходимыми для поддержания свободы личности и укрепления демократических институтов и правовой системы.

Как же неприкосновенность жилища регулируется в уголовном судопроизводстве? В первую очередь, необходимо отметить, что уголовное судопроизводство является одной из сфер, где может возникнуть необходимость в нарушении неприкосновенности жилища [4]. Однако, такие нарушения допускаются только при наличии строгих законодательных норм и оговоренных условий.

Одно из наиболее важных юридических ограничений на нарушение неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве – это наличие судебного решения. Без наличия суда правоохранительные органы и другие государственные агенты не имеют права войти в жилище человека, даже если имеют достаточно веские основания для этого. Следует отметить, что законодательство различных стран может различаться по этому вопросу.

Еще одним важным ограничением на нарушение неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве является требование описания всего имущества, которое находится в жилище, и присутствия представителей жильцов в момент обыска. [5] Это позволяет сберечь конфиденциальность личной жизни людей и укрепить доверие к государственным органам.

Однако, даже если все условия для нарушения неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве выполнены, оно должно осуществляться исключительно в рамках законодательных норм и при отсутствии других способов решения проблемы. Неприкосновенность жилища является правом, которое должно быть защищено государством, а не нарушено самим государством.

Жилище – это место, где человек проживает и имеет право на свободу передвижения, свободу мысли, свободу передачи информации и конфиденциальности коммуникаций. Оно является одним из важнейших элементов человеческой жизни, что признается и уголовным законодательством многих государств.

В России жилище является особо охраняемым объектом, защищенным государством в силу статьи 23 Конституции РФ. Это означает, что укрепление и сохранение жилища, а также защита его от проникновения несанкционированных лиц, особенно с применением насилия, являются приоритетной задачей.

Проникновение в жилище без согласия его владельца является одним из видов квалифицирующей кражи, предусмотренной в ст. 158 УК РФ. На данный вид кражи уголовным законом предусмотрена тяжелая ответственность до 10 лет лишения свободы в зависимости от обстоятельств совершения преступления. [3]

Проникновение в жилище может быть осуществлено различными способами. Например, это может быть попытка двери без ключа, обыск с применением насилия, с тем чтобы завладеть вещами, находящимися внутри. Или проникновение может произойти через окно или балкон – в этом случае совершается кража с проникновением, поскольку злоумышленник вторгается в чье-то жилище без разрешения. [6]

Не совсем такая же ответственность предусмотрена в случае, если человек все же осуществляет проникновение в жилище, но не совершает при этом кражу. В данном случае говорят об административном проступке – нарушении порядка въезда в жилище.

Законодательство охраны жилища основывается на праве граждан на собственность, гарантируемой Конституцией РФ. Статья 17 Конституции РФ устанавливает, что «земля и другие природные ресурсы, являющиеся объектами права собственности, могут находиться в государственной, муниципальной и иной формах собственности». [1] Владельцы жилищ имеют право на защиту своей собственности от противоправных посягательств.

В случае возбуждения уголовного дела по проникновению и краже в жилище, ограничение свободы злоумышленника может составлять от 1 до 10 лет [3]. В некоторых конкретных случаях может применяться альтернативная мера в виде штрафа.

Основным условием ограничения неприкосновенности жилища является наличие достаточных оснований для проникновения в жилище. Так, например, сотрудники правоохранительных органов могут получить соответствующее разрешение в случае, если в жилище находятся подозреваемые лица, которые уклоняются от суда, либо какие-то коррумпированные материалы, которые могут быть использованы в рамках уголовного процесса.

Вторым важным условием является наличие обоснованных причин для вторжения в жилище. Одной из таких причин может быть сообщение о возникновении угрозы безопасности гражданина или группы граждан, которые могут пострадать от возможного преступления. Также обоснованной причиной является наличие опасных объектов, например, грубо нарушающих технологии производства и могущих привести к авариям, в жилых домах [7].

Кроме того, гарантии законности и обоснованности вторжения в жилище гражданина также обеспечиваются правовой системой Российской Федерации. Так, для получения права на вторжение в жилище, правоохранительные органы должны обратиться в суд с соответствующим заявлением. При этом решение о выдаче разрешения на вторжение принимается только на основании доказательной базы, представленной правоохранительными органами.

Более того, сотрудники правоохранительных органов не могут использовать полученные транслированные сведения в отношении граждан без уведомления их о таком использовании. Это означает, что даже если были получены какие-то сведения о деятельности гражданина в его жилище, их использование в уголовном процессе может быть оспорено, если соответствующее уведомление гражданина не было получено.

Таким образом, можно заключить, что неприкосновенность жилища граждан является важным правом. Но, при этом, есть условия и основания, при которых это право может быть ограничено. В данном случае, такое ограничение должно быть обоснованным и законным. В иных случаях гарантии обоснованности и законности вторжения в жилище могут быть нарушены. Поэтому очень важно, чтобы сотрудники правоохранительных органов действовали в рамках действующего законодательства и не нарушали прав граждан.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г.) Текст: электронный // Некоммерческие интернет-версии системы Гарант. <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).
2. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 12.07.2022) Текст: электронный // Некоммерческие интернет-версии системы Гарант. <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.03.2023) Текст: электронный // Некоммерческие интернет-версии системы Гарант. <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).
4. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023): Текст: электронный // Некоммерческие интернет-версии системы Гарант. <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).
5. Вяземцев, И.С. Содержание принципа неприкосновенности жилища / И.С. Вяземцев // Теоретические и правоприменительные проблемы современного российского права : Сборник статей. Тюмень : Институт государства и права Тюменского государственного университета, 2022. С. 232–238.
6. Криминалистика : Министерство внутренних дел РФ / А.П. Резван, М.В. Кардашевская, Н.Ф. Колосов, Р.И. Могутин ; Департамент кадрового обеспечения. Москва : Центр обеспечения кадровой работы МВД России, 2006. 328 с.
7. Одношвин, И.А. Понятие «жилище» и его значение для уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности / И.А. Одношвин // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6(43). С. 1232-1239.
8. Ткачева, Е.С. Ограничение права на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве / Е.С. Ткачева // Законодательство и практика. 2022. № 1 (48). С. 28-32.

УДК 347.9

КОРРУПЦИЯ В ОРГАНАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ РОССИИ: ПРИЧИНЫ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Сафарова Т.Ю., магистрант 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Шевчук И.В., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются понятие коррупции и причины ее появления в органах Федеральной службы судебных приставов РФ. Автор формулирует приоритетные направления по предупреждению и недопущению совершения преступлений коррупционной направленности судебными приставами-исполнителями.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, судебный пристав-исполнитель, преступления коррупционной направленности.

CORRUPTION IN THE BODIES OF THE FEDERAL BAILIFF SERVICE OF RUSSIA: CAUSES AND COUNTERACTION MEASURES

Safarova T.Y., 2nd year master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd
Scientific adviser: Shevchuk I.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd

Abstract. This article discusses the concept of corruption and the reasons for its appearance in the bodies of the Federal Bailiff Service of the Russian Federation. The author formulates priority directions for the prevention and prevention of corruption-related crimes by bailiffs.

Keywords: corruption, anti-corruption, bailiff, corruption-related crimes.

Коррупция – одна из старейших и серьезнейших проблем российского государства. Сегодня она таит в себе огромную общенациональную угрозу, поскольку оказывает негативное влияние на эффективное и стабильное функционирование и развитие всех сфер общественной жизни. Более того она наносит серьезный вред легитимности государственной власти, снижает уровень нравственности, правовой и политической культуры населения.

Термин «коррупция» (от лат. *corruptio* – подкуп) представляет собой деятельность общественных и политических деятелей, государственных чиновников и должностных лиц, использующих свои служебные права в целях личного обогащения. Прежде всего речь идет о взяточничестве, состоящем в получении должностным лицом материальной выгоды за совершение им определенных действий с использованием своего служебного (должностного) положения. Если обратиться к легальному определению термина «коррупция», то в соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ коррупция представляет собой злоупотребление служебным положением, дача взятки, ее получение, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денежной суммы, материальных ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. [1]

Стоит констатировать тот факт, что ежегодно проблемы коррупционной направленности обостряются еще больше. Подтверждением этого служит статистика. Так, по данным МВД России за 2022 год зарегистрировано 35 140 дел коррупционной направленности, из них 19 490 дел связаны со взяточничеством (по сравнению с 2021 годом наблюдается рост преступлений коррупционной направленности, поскольку в 2021 году было зарегистрировано чуть более 18 500 подобных преступлений). [2]

К сожалению, сегодня коррупция затронула практически все сферы государственной деятельности. Не обошла стороной и Федеральную службу судебных приставов Российской Федерации, которая является единственным в своем роде органом, который занимается принудительным исполнением и обеспечением установленного порядка деятельности судов. Как считает К.А. Суренко, «вследствие коррумпированного поведения некоторых судебных приставов-исполнителей часть судебных и иных решений на практике не реализуется» [3, с. 31], что в конечном итоге нарушает права и законные интересы граждан, а также нивелирует значимость таких общеправовых принципов как законность, справедливость, неотвратимость наказания, что в конце концов ударяет по авторитету самого государства и легитимности государственной власти.

На подобное поведение судебного пристава-исполнителя может влиять множество факторов. Рассмотрим некоторые из них. Одной из предпосылок совершения в органах ФССП РФ преступлений коррупционной направленности является невысокая заработная плата при сильной загруженности. Так, средняя заработная плата судебного пристава-исполнителя по России в 2022г. варьируется в пределах 30 000 – 50 000 рублей и предопределяется рядом факторов, как то: в каком именно субъекте РФ работает судебный пристав-исполнитель, какую должность он занимает, в каком структурном подразделении ФССП РФ он служит и т.д.

Еще одним поводом к совершению преступления коррупционной направленности работником ФССП является чрезмерно высокая загруженность. Некоторые приставы рассматривают взятку как своего рода денежную компенсацию за тяжелый труд и ненормированный рабочий день. В соответствии с Итоговым докладом о результатах деятельности ФССП России в 2022 году, в указанный период на исполнении находилось 131,5 млн. исполнительных производств (в 2021 году – 119,7 млн.). В общем количестве исполнительных производств 68,7 млн (52,3%) составили судебные акты. В среднем у одного судебного пристава-исполнителя на исполнении находилось 5,6 тыс. исполнительных производств (в 2021 году – 4,9 тыс.), что в 21,2 раза превышает норму нагрузки судебного пристава-исполнителя, установленную постановлением Министерства труда РФ, Министерства юстиции России от 15 августа 2002 года № 60/1 «Об утверждении Норм нагрузки судебных приставов». [4] Бесспорно, что такое серьезное превышение норм нагрузки не может считаться допустимой. Более того, данная проблема сказывается на эффективности работы приставов, а также способствует постоянной текучке кадров.

Таким образом, в организации деятельности ФССП России существует ряд системных проблем, которые искусственно создают почву для совершения судебными приставами-исполнителями преступлений коррупционной направленности. Эти проблемы можно систематизировать на две группы:

- внутренние (мировоззренческие установки судебного пристава, его моральные устои, духовные ценности, наполняющие личность пристава);
- внешние (низкий уровень заработной платы судебных приставов, недостаточная материальная и техническая обеспеченность территориальных подразделений ФССП).

Эффективная антикоррупционная деятельность в принципе возможна тогда, когда выявлены и устранены предпосылки, влияющие на появление коррупции, а также когда организован постоянный контроль, направленный на своевременное обнаружение и пресечение преступлений коррупционной направленности.

Работа по противодействию коррупции в органах ФССП России ведется на постоянной основе. В частности, в качестве внутреннего структурного подразделения ФССП функционирует Управление противодействия коррупции, обеспечения работы с кадрами и вопросов безопасности Федеральной службы судебных приставов, образованное в 2015г. Полномочия Управления реализуются в рамках исполнения задач по профилактике коррупционных правонарушений в ФССП России, по разработке и принятии необходимых мер на обеспечение соблюдения работниками Федеральной службы судебных приставов различных запретов и ограничений, установленных в целях противодействия коррупции и т.п. Таким образом, деятельность Управления способствует формированию у судебных приставов-исполнителей антикоррупционного сознания и поведения. За годы функционирования Управления накопился достаточно материалов правоприменительной практики, связанной с раскрытием преступлений коррупционной направленности, совершаемых служащими ФССП. Как показывает ее анализ, чаще всего коррупционные схемы связаны «с распределением бюджета и денежных средств, которые выделены из федерального бюджета на нужды региона, а также с хищением чужого имущества, вверенного виновному, хищением имущества должника путем обмана или злоупотребления доверием, использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, служебным подлогом». [5, с. 240]

В органах ФССП уделяется большое внимание мерам предупреждения коррупции на уровне внутриведомственного правотворчества и его реализации. Для предотвращения совершения работниками Службы преступлений коррупционной направленности необходимо осуществлять строгий контроль за действиями и принятыми решениями судебных приставов-исполнителей. В связи с этим важно периодически проводить внутриведомственный контроль и в случае обнаружения факта совершения преступления коррупционной направленности контролирующий орган может отменить решение проверяемого (контролируемого) органа и применить соответствующие меры ответственности. Потому так важно проводить не только плановые проверки, о которых прекрасно известно судебным приставам-исполнителям соответствующих районных отделов, но и внеплановые, не предполагающие предварительного уведомления и оповещения о сроках их проведения.

Довольно примечательны те рекомендации, которые делает Н.Н. Бакурова, в отношении минимизации распространения коррупционных проявлений в сфере деятельности ФССП. Они сводятся к следующему:

- обеспечить исполнение каждым работником Федеральной службы судебных приставов принципа законности;
- формировать антикоррупционное сознание служащих ФССП;
- повышать требования к моральным устоям и нравственности судебных приставов-исполнителей;
- назначать на должности государственной службы в органах ФССП только тех лиц, которые соответствуют требованиям высоких моральных качеств, общей и правовой культуры, нетерпимо относящихся к коррупции в целом;
- улучшить материальное содержание судебных приставов-исполнителей и обеспечить им должную социальную защиту. [6, с. 22]

В процессе поиска оптимального решения вопросов предупреждения коррупционных проявлений со стороны сотрудников ФССП мы пришли к выводу, что важнейшей составляющей деятельности государственного служащего ФССП является неуклонное соблюдение принципа законности. В связи с этим формирование антикоррупционного поведения должно осуществляться постоянно как со стороны самого судебного пристава-исполнителя, так и со стороны ведомственных структур. Потому сотрудникам Федеральной службы судебных приставов необходимо четко знать и понимать нормы действующего законодательства, регулирующего деятельность судебных приставов-исполнителей, а для этого необходимо постоянное их просвещение, в том числе и антикоррупционное. Однако оно не должно проводиться исключительно в форме сообщения и доведения до сведения работников ФССП нормативной и статической информации. Антикоррупционное просвещение должно быть системным, систематическим и с использованием разнообразных способов и методов, способствующих выработке у служащего привычки исполнять и соблюдать требования законодательства, в том числе в части антикоррупционного поведения.

Подводя итоги, следует еще раз акцентировать внимание на том, что борьба с коррупцией как с негативным социальным явлением должна осуществляться как путем совершенствования законодательства о противодействии коррупции в сфере исполнительного производства, так и практическими мерами, благодаря которым будут минимизироваться коррупционные проявления в органах Федеральной службы судебных приставов.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 30 декабря 2008 г. № 4823.
2. Статистика по коррупции в России за 2022 год // <https://komiss-koopur.ru/statistika-po-korruptsii-v-rossii-2022/> (дата обращения 08.05.2023)
3. Суленков К.А. Федеральная служба судебных приставов в системе органов исполнительной власти // Вопросы науки и образования. 2018. № 14. С. 31–36.
4. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2022 году // <https://fssp.gov.ru/283777/> (дата обращения 08.05.2023).
5. Вуйцик А.М. Профилактика коррупционных преступлений и формирование антикоррупционного сознания государственных гражданских служащих Федеральной службы судебных приставов // Право. Общество. Государство. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Санкт-Петербург, 2019. С. 239–242.
6. Бакурова Н.Н. К вопросу о противодействии коррупции в сфере исполнения судебных решений: право и человеческий фактор // Административное право и процесс. 2017. № 9. С. 21–23.

УДК 343.24

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВИЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ РЕЦИДИВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Сенцов А.С., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Волколупова В.А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются сложные вопросы, относящиеся к установленным в законе правилам назначения наказания при рецидиве преступлений. На основе проведенного авторского анализа современных подходов к решению существующих в этой сфере проблем и обобщения современной правоприменительной практики в работе предлагаются авторские варианты решения рассматриваемых вопросов.

Ключевые слова: рецидив, наказание, лишение свободы, принцип справедливости.

PROBLEMS OF REGULATION OF THE RULES OF SENTENCING IN CASE OF RECIDIVISM

Sentsov A.S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd
Volkolupova V.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd

Abstract. The article deals with complex issues related to the rules of sentencing established in the law in case of recidivism of crimes. Based on the author's analysis of modern approaches to solving existing problems in this area and generalization of modern law enforcement practice, the author's solutions to the issues under consideration are proposed in the work.

Keywords: specialist, criminal liability, knowingly false testimony, participant in criminal proceedings.

В уголовно-правовой теории по-прежнему остаются весьма актуальными вопросы, относящиеся к правовой регламентации рецидива преступлений, в том числе и его влиянию на степень общественной опасности нового совершенного лицом преступления, а также на общественную опасность самого рецидивиста.

Одной из самых дискуссионных проблем в этой сфере является проблема назначения наказания при рецидиве преступлений и по этому поводу вот уже несколько десятилетий ведется оживленная полемика на страницах юридической печати [1, с. 176–179; 2, с. 446–450; 3, с. 226–229].

В рамках этой дискуссии представляется целесообразным дать критический анализ закрепленных в действующем УК РФ правил назначения наказания при рецидиве преступлений и на этой основе определить основные направления совершенствования соответствующих уголовно-правовых норм.

Согласно ст. 18 УК РФ «рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление». Наличие в российском уголовном праве института рецидива преступлений и нормативное закрепление в ст. 68 УК РФ специальных правил назначения наказания при рецидиве вовсе не означает, что в таких случаях лицо как бы «повторно» осуждается за ранее совершенное им преступление или дополнительно наказывается за него [4, с. 7]. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ имеющиеся в УК РФ нормы о судимости и рецидиве преступлений не нарушают конституционный принцип равенства всех перед законом и судом, а указание в ст. 86 УК РФ на то, что судимость учитывается при рецидиве преступлений, при назначении наказания и влечет за собой иные правовые последствия..., не свидетельствует о ее «двойном учете» ни при квалификации преступления, ни при назначении наказания, а следовательно, и не нарушает принцип «non bis in idem» и не означает «двойную ответственность» за одно и то же [5].

В ч. 6 ст. 86 УК РФ специально установлено, что погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, связанные с судимостью». Поэтому при назначении наказания нельзя учитывать в качестве данных, относящихся к личности виновного, сведения о наличии у него погашенных или снятых судимостей. Они не учитываются и при признании рецидива преступлений (п. «в» ч. 4 ст. 86 УК РФ).

Таким образом, установленные в ст. 68 УК РФ специальные правила назначения наказания при рецидиве преступлений можно рассматривать лишь как особый способ дифференциации и индивидуализации наказания [6, с. 121].

В ч. 5 ст. 18 УК РФ содержится общее положение о том, что «рецидив преступлений влечет более строгое наказание на основании и в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом».

Конкретизируя это положение, ч. 1 ст. 68 УК РФ устанавливает, что «при назначении наказания при рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений учитываются характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений».

Понятия опасного и особо опасного рецидива преступлений определены, соответственно, в ч. 2 и ч. 3 ст. 18 УК РФ. Однако само особое правило, определяющее обязательное усиление наказания при рецидиве преступлений, почему-то определено безотносительно к виду рецидива (простой, опасный или особо опасный). Согласно ч. 2 ст. 68 УК РФ «срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особой части настоящего Кодекса». Следовательно, даже при особо опасном рецидиве преступлений за совершение такого преступления, как, например, особо квалифицированное хищение наркотических средств (ч. 4 ст. 229 УК РФ) суд может назначить и минимальное наказание, предусмотренное в санкции этой нормы – лишение свободы на срок 15 лет, поскольку это значительно больше, чем одна треть от 20 лет (20:3 = 6,66), а в данном случае наиболее строгим наказанием является лишение свободы на срок до двадцати лет. Но и ведь при отсутствии рецидива преступлений минимальное наказание за данное преступление тоже составляет 15 лет лишения свободы.

И во многих других санкциях уголовно-правовых норм Особой части УК РФ, предусматривающих наказание в виде лишения свободы с указанием его верхнего и нижнего предела («от ... и до...») нижний предел, как правило, значительно превышает одну треть «верхнего» предела. И на практике это приводит к тому, что установленное в ч. 2 ст. 68 УК РФ правило усиления наказания при рецидиве преступлений реально эту свою роль не выполняет.

Более того, согласно ч. 3 ст. 68 УК РФ наказание при любом виде рецидива преступлений может быть назначено и в меньших пределах, чем установлено ч. 2 этой статьи. Согласно этой норме «при любом виде рецидива преступлений, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 настоящего Кодекса, срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса, а при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных статьей 64 настоящего Кодекса, может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление».

Представляется, что существующие единые правила назначения наказания при рецидиве преступлений независимо от его вида вряд ли отвечают объективным потребностям усиления противодействия рецидивной преступности.

На современном этапе с учетом наметившейся устойчивой тенденции роста рецидива тяжких и особо тяжких преступлений целесообразно, на наш взгляд, изменить подход законодателя, отраженный в ст. 68 УК РФ и обеспечить дифференциацию минимального размера наказания, назначаемого при рецидиве преступлений с учетом его вида. Например, установить в этой статье, что при простом рецидиве минимальный размер наказания не может быть менее 1/2 максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса, соответственно, при опасном рецидиве – не менее 2/3 максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.

Такое законодательное решение, на наш взгляд, будет способствовать повышению эффективности противодействий рецидивной преступности.

Библиографический список

1. Елесина И.Г. Назначение наказания при рецидиве преступлений // Государственная служба и кадры. 2023. № 1. С. 176–179.
2. Филиппова О.В. Некоторые проблемы назначения наказания при рецидиве преступлений // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов IX Международной науч.-практич. конф., Санкт-Петербург, 11 марта 2022 года / Под общ. ред. Е.Н. Рахмановой. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 446–450.
3. Севастьянов А.П. Влияние рецидива на назначение наказания при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве // Закон и право. 2023. № 3. С. 226–229.
4. Армашова А.В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2006. 27 с.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 13300. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Воронин В.Н. Критерии индивидуализации наказания при рецидиве преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 121–127.

УДК 343.211

ОСНОВНЫЕ АРГУМЕНТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СУДЕБНОГО ШТРАФА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

Стрилец О.В., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Автором представлены основные аргументы законодательной регламентации судебного штрафа как института уголовного права. В рамках гуманизации и либерализации отечественного законодательства принимаются меры, направленные на поиск новых средств противодействия преступности, в частности, связанных с обеспечением баланса частных и публичных интересов в уголовном праве, модернизацию методов уголовно-правового воздействия на преступников в зависимости от степени их общественной опасности и введении в действующее законодательство мер, отличных от наказания, но оказывающих достаточное превентивное воздействие.

Ключевые слова: судебный штраф, освобождение, кодекс, уголовная ответственность, наказание.

MAIN ARGUMENTS FOR THE REGULATION OF THE JUDICIAL FINE IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Strilets O.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of exemption from criminal liability with the appointment of a judicial fine. The author presents the main arguments of the legislative regulation of the judicial fine as an institution of criminal law. Within the framework of the humanization and liberalization of domestic legislation, measures are being taken to seek new means of combating crime, in particular those related to the balance of private and public interests in criminal law, the modernization of methods of criminal legal influence on criminals, depending on the degree of their public danger, and the introduction into the current legislation of measures other than punishment, but having a sufficient preventive impact.

Keywords: judicial fine, release, code, criminal liability, punishment.

В 2016 году увидел свет Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». В соответствии с данным нормативным актом в Уголовный кодекс РФ (далее по тексту – УК РФ) было введено новое основание освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, которое сразу же породило вокруг себя много споров в научном сообществе. Ввиду того, что данный правовой институт существует относительно недавно, споры о его перспективности и целесообразности не утихают и по сей день. В первую очередь, представители научных кругов пытаются найти ответ на вопрос «Что предопределило его возникновение?».

Безусловно, инструментарий противодействия преступности должен отражать социальный запрос, быть разнообразным, вариативным и иметь основной целью исправление лица, совершившего преступление и восстановление тех общественных отношений, которым был причинен вред, для достижения которой необходимо выбрать соответствующие меры исходя из конкретной ситуации. При этом, каждый акт преступного поведения характеризуется не только как правовое, но и как обладающее некоторыми закономерностями социальное обусловленное явление.

Нельзя не согласиться с мнением, что судебный штраф является результатом поиска государством резервов для выполнения уголовным законодательством его социального предназначения, а также новым стимулом для позитивного посткриминального поведения гражданина, преступившего уголовный закон [1].

Наличие норм в российском уголовном законодательстве, закрепляющих возможность применения к лицу, совершившему преступление, иных мер уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в качестве альтернативы наказанию, позволяет реализовать профилактическую (превентивную), воспитательную, восстановительную и экономическую функции, а неприменение наказания за совершенное преступление при судебном штрафе отражает его социально-правовую сущность.

Безусловно, новелла в виде судебного штрафа не является случайной, в связи с чем, выделим и рассмотрим ряд аргументов, которые, в свою очередь, обусловили появление рассматриваемого института.

Процесс возникновения института судебного штрафа в отечественном уголовном законодательстве обусловлен глубокими историческими корнями.

Так, факт возможности освобождения от уголовной ответственности при уплате штрафа можно проследить даже в Пространной редакции и Русской Правды. Если процессуальная фигура в лице потерпевшего от преступления отсутствовала, то уплата штрафа осуществлялась только в пользу князя, например, ст. 23, 24 указанного и источника права Древней Руси гласят: «Если кто ударит мечом, не обнажив его, или рукоятью меча, то платит 12 гривен продажи (штраф в пользу князя) за обиду. Если же обнажит меч, а не поранит, то платит гривну кун» [2, с. 11].

В советскую эпоху уголовное законодательство содержало норму, закрепленную в ст. 50.1 УК РСФСР, регламентирующую вопросы освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности. По мнению авторов пояснительной записки к проекту вышеуказанного Федерального закона, механизм освобождения от уголовной ответственности с последующим привлечением к административному наказанию в виде штрафа был достаточно эффективным [3].

Одним из аспектов этого вида освобождения является его закрепление в зарубежном законодательстве. Россия, как и абсолютное большинство стран мира, периодически обновляет уголовный закон с учетом новелл законодательства других стран. При этом происходит не бездумное копирование всего, а берутся лишь те нормы, применение которых привело к положительным результатам в той или иной стране и с соответствующей доработкой в целях приспособления под отечественное законодательство.

Целесообразно обратить внимание на законодательство стран, входивших ранее в Союз Советских Социалистических Республик, ввиду единых правовых истоков и схожей законодательной основой с Российской Федерацией.

Так, Уголовный кодекс Республики Беларусь и Уголовный кодекс Республики Молдова регламентируют механизмы освобождения от уголовной ответственности схожие с порядком, которые были предусмотрены УК РСФСР. В Республике Беларусь происходит последующее привлечение лица к административной ответственности, а в Республике Молдова – к ответственности за правонарушение. Вместе с тем, отметим, что смена уголовной ответственности на административную какой-либо существенной роли в процессе предупреждения преступности в целом не играет, однако является экономически не рациональным решением, ввиду затрат времени и средств на последующее административное производство по делу.

По уголовному законодательству Литовской Республики также можно освободить от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление, с назначением в отношении него «средств карательного воздействия» (обязанности взноса им в соответствующий фонд определенной денежной суммы) [4].

В Уголовных кодексах Эстонии и Грузии регламентацию получил институт транзакции. В обоих законодательствах это возможность альтернативного наказанию урегулирования конфликта, заключающегося в возможности освободить виновного от уголовной ответственности, если он выплатит соответствующую сумму в доход государства. Различия в законодательствах рассматриваемых стран заключается лишь в процессуальных аспектах реализации института транзакции.

Уголовное законодательство Республики Казахстан предусматривает применение «принудительного платежа». Данный институт в Уголовный кодекс Республики Казахстан был введен лишь в 2018 году, поэтому не мог оказать влияние на введение в российский законодательство института судебного штрафа, но все же достоин внимания ввиду интересных фактов, в частности, обязанность уплаты принудительного платежа возлагается на лицо не только освобождаемое от ответственности, но и привлекаемое к ней [5].

Таким образом, можно сказать, что уголовно-правовые нормы, схожие с положениями о российском судебном штрафе имеются в законодательстве многих стран, что свидетельствует о его эффективности и востребованности.

Э.А. Алимурзаев считает, что предпосылкой введения в уголовное законодательство института судебного штрафа является политический курс государства в целом, направленный на получение из всевозможных сфер жизнедеятельности общества выгоды [6, с. 11]. С автором в целом можно согласиться, конечно же, ни у кого не вызывает сомнения, что освобождение лица от уголовной ответственности помимо внесения положительных изменений в социальную структуру общества, исходя из механизма реализации рассматриваемого института, является дополнительным источником пополнения в государственный бюджет за счет выплаты виновными лицами назначаемых судами денежных взысканий («судебных штрафов»), что также является положительным моментом.

И.Ю. Прокопенко указывает на то, что помимо гуманного характера судебного штрафа он обладает ещё таким экономическим фактором как снижение затрат на содержание осуждённого в тюрьме [7].

Авторы пояснительной записки к вышеуказанному Федеральному закону, согласно которому было предложено ввести в уголовное законодательство данный вид освобождения, уверяют, что порой такое последствие как судимость, не всегда оправдана и в некоторых случаях является чрезмерно строгой для лица, совершившего преступление. Учитывая еще то, что негативные последствия распространяются даже на близких родственников правонарушителя, такие меры зачастую не соразмерны его степени общественной опасности и «не вполне адекватны характеру этих деяний или личности осужденного» [3]. Действительно, судимость – мера очень серьезная, влияющая на жизнь человека, на ограничения, это блокирует доступ ко многим возможностям в жизни.

Многие правоведы, в частности, Е.А. Малетина считают судимость излишеством, накладывающим на виновного и его близких родственников социальные-правовые последствия, в которых не было необходимости, особенно по делам небольшой и средней тяжести, а не достигающим исправления преступника [8].

Как видим, институт судебного штрафа, бесспорно, кроме стимулирования положительного постпреступного поведения виновного лица и восстановления прав потерпевшего, нарушенных преступлением, представляет интересы и самого правонарушителя.

Когда законодательством страны устанавливается возможность в некоторых случаях освободить от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление, данный факт направлен на реализацию принципа индивидуализации и персонализации уголовной ответственности исходя из личности правонарушителя и степени его общественной опасности.

По мнению Н.С. Луценко, судебный штраф следует рассматривать никак иначе как пользу, положительный результат, так как введение такого рода основания освобождения от уголовной ответственности было необходимо и обуславливалось закономерностями развития общества [9, с. 11]. Этому же мнению придерживается и А.Г. Полуэктов, уверяя, что введение нового основания освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа является, несомненно, закономерным «продуктом» нынешней политики России [10, с. 19].

Справедливости ради заметим, что, не смотря на ряд положительных моментов, рассмотренных нами выше, некоторые правоприменители очень критично отнеслись к новелле в виде судебного штрафа, и рассматривают ее в качестве потенциальной социально-правовой угрозы, поскольку «возникает механизм легализованного денежного откупа от уголовной ответственности».

На рассматриваемую проблему обратил внимание и Генеральный прокурор РФ. В рамках специализированной коллегии И.В. Краснов отметил, что судебный штраф может стать «своего рода лазейкой для тех, кому он не должен назначаться» [11].

Необходимо согласиться с мнением тех ученых, которые положительно относятся к институту судебного штрафа, однако со следующим условием, что все нормы его регламентирующие будут правильно и в соответствии с законом применены. Судебный штраф, как нововведение, которое направлено на либерализацию и смягчение уголовного законодательства, можно рассматривать как своего рода компромисс, который имеет преимущества для всех участников реализации уголовной ответственности. Судебный штраф является эффективной мерой уголовно-правового воздействия, которая позволяет потерпевшей стороне восстановить свои права, путем возмещения вреда, причиненного им преступлением, а государству реализовать принцип неотвратимости ответственности за совершение преступления, а его материальная сущность заставляет виновного переосмыслить свой образ жизни и исправиться без испытания им таких мер ограничительного характера как судимость.

Введение судебного штрафа в российский уголовный закон обусловлено наличием исторических, социально-политических аргументов для существования данного института. В условиях развития альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта применение судебного штрафа по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести стало весьма закономерным и социально обоснованным правовым событием в российском уголовном законодательстве.

Библиографический список

1. Лобанова Л.В., Мкртчян С.М. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности. // Уголовное право. 2016. № 6. С. 111–121.
2. Хрестоматия по истории государства и права России. Русская Правда. Пространная редакция. Текст по Троицкому списку : учебное пособие / Ю.П. Титов. М.: Проспект, 1997. 472 с.
3. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.
4. Уголовный кодекс Литовской Республики. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-tran/ugolovnyy-koдекс-литвы.html> (дата обращения: 03.04.2023).
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 07.04.2023).
6. Алимурзаев Э.А. Назначение судебного штрафа как новый вид освобождения от уголовной ответственности. Состояние преступности в России и борьба с ней уголовно-правовыми средствами. М.: Академия Управления МВД России, 2017. 174 с.
7. Прокопенко И. Ю. Особенности применения судебного штрафа в России на современном этапе // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2017. № 4 (31). С. 183–185.
8. Малетина Е.А. Опыт взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций с лицами, отбывшими наказание в местах лишения свободы, в рамках программ ресоциализации // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3(8). С. 44–50.
9. Луценко Н. С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения : дис. ... кан. юрид. наук : 12.00.08. Хабаровск, 2019. 237 с.
10. Полуэктов, А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2018. 210 с.
11. Егоров И. Не откупятся // Российская газета. 2020. 20 декабря. С. 1-3.

УДК 343.575

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАПРЕЩЕННЫХ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СПОРТЕ СУБСТАНЦИЙ И (ИЛИ) МЕТОДОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Стрилец О.В., кандидат юридических наук, доцент,
Жмурин Д.В., начальник учебного отдела, Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу преступлений в сфере применения запрещенных для использования в спорте субстанций и (или) методов. Авторами представлена характеристика основных проблем связанных с регламентацией ответственности за преступления в исследуемой сфере. Низкий уровень регистрируемой преступности в данной сфере и в то же время высокое количество дисквалифицируемых российских спортсменов, тренеров и врачей спортивных команд свидетельствуют о недостатках антидопингового законодательства.

Ключевые слова: спорт, субстанций и (или) методов, ответственность, преступлений, антидопинговых правил.

CRIMES IN THE FIELD OF THE USE OF SUBSTANCES PROHIBITED FOR USE IN SPORTS AND (OR) METHODS: CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Strilets O.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Zhmurin D.V., Head of Training Department, Volgograd Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of crimes in the field of the use of substances prohibited for use in sports and (or) methods. The authors present a description of the main problems associated with the regulation of responsibility for crimes in the field under study. The low level of recorded crime in this area and at the same time the high number of disqualified Russian athletes, coaches and doctors of sports teams indicate the shortcomings of anti-doping legislation.

Keywords: sports, substances and (or) methods, responsibility, crimes, anti-doping rules.

С 2017 года российские спортсмены лишены права выступать в соревнованиях под своим флагом и исполнять гимн России. Таким образом, сфера спорта используется международным сообществом в качестве одного из инструментов давления на руководителей государства с целью изменения его политического курса. Задача России в этой ситуации – лишить международное сообщество рычагов такого давления, обеспечить максимальное выполнение спортивных и антидопинговых требований нашими спортсменами.

Современное российское законодательство закрепляет ответственность за преступления в сфере применения запрещенных для использования в спорте субстанций и (или) методов в ст. 230¹ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и ст. 230² «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

С момента вступления в действие данных норм спорными стали сразу несколько вопросов, решение которых должны были самостоятельно найти законодатели с учетом сложившейся в нашей стране системы нормативно-правовых актов. Во-первых, это вопрос о перечне действий, составляющих объективную сторону деяний. Во-вторых, вопрос о круге субъектов, подлежащих ответственности. В-третьих, вопрос о возможности привлечения к ответственности дважды (в дисциплинарном порядке на уровне спор-

тивных федераций и в уголовном или административном порядке на уровне государства) одного и того же лица за одно и то же деяние. Перечисленные вопросы при видимой простоте являются довольно неоднозначными.

Первый из них – о перечне действий, составляющих объективную сторону этих преступлений. Полагаем, он должен быть гораздо шире, чем тот, что представлен в статьях 230¹ и 230² УК РФ. Так, в соответствии с Законом Германии «О борьбе с допингом» [1] в объективную сторону состава преступления входит «приобретение, хранение, изготовление запрещенной в спорте субстанции, ее сбыт или иное размещение на рынке». Думается, такой подход в определенной степени оправдан. Однако, оценивая возможности имплементации данной нормы в УК РФ, считаем, что она требует дополнительного акцента на цели «приобретения, хранения, изготовления или сбыта». Ведь по российскому законодательству только часть субстанций, запрещенных в спорте, запрещены или ограничены и для гражданского оборота (например, наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги [2], за которые наступает ответственность по статье 230 УК РФ). Вместе с тем есть и такие средства, которые находятся в свободной продаже для населения, тогда как в спорте они запрещены (например, алкоголь, диуретики, и т.д.). За распространение запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов в КоАП РФ предусмотрена ответственность по части 2 статьи 6.18., а в УК РФ ее нет. В целях охраны здоровья спортсменов, обеспечения справедливости и равных возможностей в ходе спортивных соревнований и содействия тем самым сохранению честности в поведении спортсменов и их вспомогательного персонала, полагаем, было бы правильно восполнить этот пробел.

Второй вопрос касается круга субъектов, подлежащих ответственности, и он в российской правовой науке и практике до конца не решен. Российским антидопинговым агентством ежегодно берется примерно 10 тысяч проб по программе тестирования спортсменов. По результатам проверок за время действия антидопинговых статей (230¹ и 230² УК РФ) по решению спортивных федераций по видам спорта были дисквалифицированы 186 российских спортсменов и 16 российских сотрудников вспомогательного персонала (14 тренеров и 2 врача) [3]. Среди всех видов спорта допинговый антирекорд установила легкая атлетика – 39 фактов, далее – тяжелая атлетика – 19, пауэрлифтинг – 13, бокс – 6, по 5 – в лыжных гонках и биатлоне. Среди наиболее часто употребляемых запрещенных веществ фигурируют дегидрохлорметилтестостерон (способствует увеличению силы и росту мышечной массы) и эритропозин (увеличивает количество эритроцитов, благодаря чему повышается уровень кислорода и улучшается общая выносливость организма). Однако по смыслу статей 230¹ и 230² УК РФ кроме тренеров и врачей субъектами этих преступлений выступают еще и специалисты по спортивной медицине, а также иные специалисты в области физической культуры и спорта [4]. Спортсмены субъектами данных деяний не являются. Получается, что к дисциплинарной ответственности из всех субъектов фактически привлекаются только спортсмены, тренеры и врачи. Тренеры же и врачи являются субъектами еще и уголовно-правового воздействия [5]. Внятной расшифровки термина «специалисты по спортивной медицине» вообще пока не существует. Этим во многом объясняется ситуация, при которой из 202 случаев использования запрещенных в спорте субстанций и методов было возбуждено всего лишь 8 уголовных дел с соответствующей квалификацией (в 2017 году – 1 по ст. 230² УК РФ; в 2018 году – 3 по статье 230¹ УК РФ; в 2019 году – 2 по статье 230² УК РФ; в 2020 году – 1 по статье 230¹ УК РФ; в 2021 году – 1 по статье 230¹ УК РФ; в 2022 году – 0) [6]. Из них до суда дошли всего 3 уголовных дела.

Первое уголовное дело по статье 230² УК РФ в России было возбуждено на основании материалов Российского антидопингового агентства в Республике Чувашия в 2017 году в отношении женщины – медицинского работника, которую обвиняли в превышении предельно допустимых доз лекарств, вводимых спортсменам (в том числе несовершеннолетним) в одном из училищ олимпийского резерва Чебоксар [7]. Через 6 месяцев уголовное дело было прекращено по пункту 2 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «за отсутствием в деянии состава преступления».

Второе уголовное дело по статье 230² УК РФ было возбуждено в начале 2018 года в отношении 50-летнего Михаила Клишова, тренера по пауэрлифтингу из Северодвинска Архангельской области. В ходе следствия было установлено, что «в рамках подготовки к соревнованиям по пауэрлифтингу тренер лично вводил тестостероновые инъекции трем своим наиболее перспективным несовершеннолетним воспитанникам – двум юношам и одной девушке. Тренер использовал установившиеся доверительные отношения со своими воспитанниками, чтобы убедить их в необходимости уколов, позволяющих временно повысить спортивные показатели» [8].

Третье уголовное дело по статье 230¹ УК РФ было возбуждено в конце 2019 года в Челябинской области в отношении 46-летнего тренера по силовым видам спорта. По материалам уголовного дела тренер склонял к использованию запрещенной в спорте субстанции свою 21-летнюю ученицу [8].

Приведенные сведения говорят о том, что в нашей стране до сих пор отсутствует эффективная практика выявления и привлечения к ответственности лиц, в исследуемой сфере.

Необходимость выделения сферы применения запрещенных в спорте субстанций и (или) методов в отношении спортсменов, а также изучения преступности в этой сфере как отдельного вида преступности обусловлена несколькими обстоятельствами:

1) сфера применения запрещенных в спорте субстанций и (или) методов в отношении спортсменов обладает довольно специфическими свойствами, поскольку объединяет узкий круг представителей спортивной отрасли – тренеров и врачей спортивной медицины, которые выступают субъектами только в двух статьях УК РФ. Их цели, мотивы и другие характеристики преступных деяний существенно отличаются от всех остальных преступлений, перечисленных в УК РФ;

2) бланкетность статей 230¹ и 230² УК РФ предопределяет необходимость обращения к спортивному антидопинговому законодательству, поскольку именно в нем раскрывается перечень запрещенных в спорте субстанций и (или) методов. Все остальные преступления, перечисленные в УК РФ, к спортивному антидопинговому законодательству отношения не имеют;

3) систематизация знаний о преступности в сфере применения запрещенных в спорте субстанций и (или) методов в отношении спортсменов позволяет выявить общие характеристики, тенденции и закономерности, присущие преступной деятельности тренеров и врачей спортивной медицины, определить пути предупреждения их преступной деятельности.

Проблема существования преступности в сфере применения запрещенных в спорте субстанций и (или) методов в отношении спортсменов в современном спорте продолжает оставаться довольно значимой. Глобальная разница между количеством выявленных случаев нарушений антидопинговых правил и количеством возбужденных уголовных дел по данным фактам говорит о глубокой латентности этого явления.

Закономерности преступности исследуемой в сфере заключаются в сохраняющемся довольно высоком уровне правового нигилизма по поводу необходимости соблюдения антидопинговых правил как со стороны спортсменов, так и со стороны вспомогательного персонала. Ключевой фактор создавшейся ситуации заключается в том, что все участники спортивных соревнований в той или иной мере осведомлены о наличии антидопинговых правил и ответственности за их нарушения, тем не менее, не стремятся добросовестно их выполнять, осознавая высокую степень безнаказанности.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что имеющиеся уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за применение спортсменами запрещенных субстанций и (или) методов, требуют некоторой коррекции. Кроме того, определенным изменениям должен быть подвергнут перечень спортсменов, проходящих тестирование на предмет нарушения антидопинговых правил: он должен быть существенно расширен. Требуется пересмотра практика взаимодействия Антидопингового центра и правоохранительных органов, а также система дополнительного физкультурно-спортивного образования, которая пока оказывает незначительное влияние на формирование антидопинговых знаний у спортсменов.

Библиографический список

1. О борьбе с допингом : закон Германии, вступил в силу 18 декабря 2015 г. // Bundesgesetzblatt. 2015. № 51. S. 2210.
2. Шеслер В.А. К вопросу о криминализации ряда незаконных действий с аналогами наркотических средств или психотропных веществ // Наркоконтроль. 2022. № 2. С. 13–16.
3. Список персонала спортсмена, отбывающего дисквалификацию на данный момент по решению общероссийских федераций и международных федераций по видам спорта. URL: <https://rusada.ru/upload/iblock/5b3/Персонал> (дата обращения: 07.04.2023).
4. Калинина Т.А. Проблема допинга в современном спорте. // Теория и практика современной науки. 2017. № 12 (30). С. 292–295.
5. Булаевский Б.А. Презумпция вины как основание принципа ответственности в антидопинговых правилах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 5 (36). С. 99–101.
6. Состояние преступности. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения 09.04.2023).
7. Как спортсменов застукали с капельницами в руке. Кто виноват. URL: <https://www.sport-express.ru/doping/reviews/pochenu-sportsmenam-iz-chuvashii-delali-zapreshchennye-inekicii-cto-govoritsya-v-doklade-nezavisimoy-komissii-1610965/> (дата обращения: 11.04.2023).
8. Первое уголовное дело за допинг в России: приговор – есть, посадки – нет. URL: <https://www.sport-express.ru/doping/reviews/kakoy-prigovor-poluchil-pervyy-obvinyayemy-pu-dopingovoy-state-ugolovnogo-kodeksa-rf-1723242/> (дата обращения: 11.04.2023).

УДК 343.1

ЗАКОННОСТЬ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Сухова Н.Н., старший преподаватель,

Бондарь М.А., студентка 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматривается принцип законности как один из основных принципов уголовного судопроизводства. Анализируется содержание данного принципа, его значение для обеспечения справедливости и законности в уголовном процессе. В статье подчеркивается, что соблюдение принципа законности является необходимым условием для защиты прав и свобод граждан, а также для эффективной борьбы с преступностью.

Ключевые слова: Принцип законности, уголовное судопроизводство, справедливость, законность, защита прав и свобод граждан, борьба с преступностью, расследование, приговор.

LEGALITY AS A PRINCIPLE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Sukhova N.N., senior lecturer,

Bondar M.A., 2nd year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article considers the principle of legality as one of the basic principles of criminal proceedings. The article analyzes the content of this principle, its significance for ensuring justice and legality in criminal proceedings. The article emphasizes that the observance of the principle of legality is a necessary condition for the protection of the rights and freedoms of citizens, as well as for the effective fight against crime.

Keywords: The principle of legality, criminal proceedings, justice, legality, protection of the rights and freedoms of citizens, the fight against crime, investigation, sentence.

Государственная политика в правовой сфере постоянно развивается, что можно заметить в постоянном изменении самих норм, совершенствовании законодательства, но для того, чтобы что-то изменять или дополнять нужно иметь основу, нерушимые плиты, то, что будет лежать в основе права. Принцип законности отражен во второй главе

Уголовно-процессуального кодекса и является неким базисом для остальных принципов уголовного процесса. Так же он включает в себя определенные положения, которые должны подразумевать под собой соблюдение Конституции, законов как органами государственной власти, так и каждым человеком – это закреплено в 2 части 15 статьи Конституции РФ – Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, а также это закреплено в ст. 7 УПК РФ [1].

Государству необходим такой вид реализации уголовной нормы, как Уголовный процесс, в связи с тем, что нужно обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и обеспечить защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, что прямо указано в статье 6 уголовно-процессуального кодекса. Также государству необходимо построить уголовный процесс на определенных признаках, в том числе демократических, в связи с переходом нашего государства на демократические идеалы. Поэтому в уголовном судопроизводстве остался такой принцип как законность, но и добавились новые, отвечающие новым требованиям, но одним из самых важных является законность, его соблюдение помогает реализовать и не нарушить другие принципы уголовного процесса. То есть место нахождения принципа законности, по сути, на самом вершине, являясь главенствующим. Конечно, другие принципы помогают сделать уголовный процесс справедливым, позволяют ограничить органы власти в их возможностях по отношению к стороне защиты, помогают ускорить процесс, позволяют обжаловать процессуальные действия и решения, позволяют потерпевшим участвовать в процессе, но, чтобы исполнялся каждый принцип есть зависимость их друг от друга, потому что так или иначе – это система. Принцип законности является одним из основных, потому что указывает на одно обстоятельство – это соблюдение законов и проверка судом в отсутствии их противоречия. Нарушив данный принцип, могут быть нарушены и другие, например: статья 9 УПК «Уважение чести и достоинства личности», статья 10 «Неприкосновенность личности» или же другие принципы уголовного судопроизводства, как мы видим принципы связаны с принципом законности. Не стоит забывать и о принципе, указанном в статье 8 «Осуществление правосудия только судом», данный принцип тоже один из основных, а также презумпция невиновности, указанная в статье 14, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту в статье 16 и другие принципы [2].

В постсоветский период законодатель приступил к Уголовному процессуальному праву, многие статьи не были приспособлены к новой России. В советском судопроизводстве были изложены некие принципы, одним из важнейших являлся принцип законности, который указан в «Основы Уголовного Судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик», в статье 2 указано, что: Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения конституции СССР и советских законов, уважения правил социалистического общежития, в редакции Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г. № 5447-Х. Данный принцип был сохранен в Уголовно-процессуальном кодексе, принятым в 2001 году Государственной думой, но в то же время был добавлен один из важнейших принципов нового уголовного процесса – принцип состязательности и равноправия сторон. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации провозглашает состязательность, принципом уголовного судопроизводства, обращая внимание, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо, стороны обвинения и защиты равноправны перед судом

Принцип законности присутствует во многих отраслях права, так – принцип законности не обошел и уголовный процесс.

Принцип законности направлен на защиту прав и свобод граждан, обеспечение справедливости и законности в уголовном процессе. Он является гарантией того, что уголовное преследование будет проводиться в соответствии с законом и в рамках установленных процедур, что, в свою очередь, обеспечивает доверие к судебной системе и государству в целом. В том числе, принцип законности означает, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и не может быть подвергнут наказанию без предварительного установления виновности в установленном законом порядке и на основании доказательств, собранных в ходе уголовного процесса. Это означает, что презумпция невиновности является неотъемлемой частью принципа законности.

Данный принцип также требует, чтобы уголовный процесс был проведен в соответствии с установленными законом процедурами и правилами. Это включает в себя право на защиту, право на адвоката, право на обжалование решения суда и другие процессуальные гарантии. Право на защиту, в частности, является одним из основных гарантий обвиняемого в уголовном процессе в Российской Федерации. Оно закреплено в статье 48 Конституции РФ и определяет право каждого обвиняемого на защиту своих прав и свобод в уголовном процессе.

Принцип законности гарантирует, что каждый гражданин России будет защищен от произвольных и незаконных действий со стороны правоохранительных органов. В соответствии с этим принципом, уголовное преследование возможно только на основании закона, и любые действия правоохранительных органов, не предусмотренные законодательством, будут признаны незаконными. Кроме того, данный принцип является гарантией справедливости в уголовном процессе. Все участники процесса должны действовать только в рамках закона и не должны использовать произвольные действия или методы. В случае нарушения принципа законности гражданин имеет право обжаловать действия правоохранительных органов и получить справедливый судебный процесс. Также существуют гарантии, что права граждан на свободу и личную неприкосновенность будут защищены в полной мере. Например, допросы и аресты должны осуществляться только на основании закона, и любые действия, нарушающие права граждан, будут признаны незаконными.

Мы должны понимать, что ключевой обязанностью государственных органов и служебных лиц перед страной, является исполнения процессуальных и материальных норм. В соответствии с 7 статьей Уголовно-процессуального кодекса, суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу. В свою очередь суд, в ходе судебного разбирательства, устанавливает несоответствие федерального закона либо другого нормативно-правового акта этого кодекса, принимает решение в соответствии со второй частью этого кодекса. В результате данного анализа мы приходим к выводу, что данный запрет, также имеет возможность распространяться и на другие нормативно-правовые акты, которые не соответствуют федеральному закону, а именно на законы субъектов Российской Федерации.

Когда происходит нарушение обязанности соблюдать закон – это способствует использованию разных процессуальных санкций, признание недействительности данных актов. В 7 статье Уголовно-процессуального кодекса мы можем наблюдать воспроизведение положения второй части 50 статьи Конституции РФ, данное положение более раскрыто по сравнению с Конституцией – нарушение норм настоящего Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств [3].

Данная формулировка была сделана для того, чтобы обезопасить социум от произвола служебных лиц, которые имеют отношение к уголовному судопроизводству. То есть обеспечить и гарантировать любому гражданину справедливое расследование и в полной мере обеспечить права участников данного процесса. Соблюдение основ Конституции РФ в первую очередь, до недавнего времени и международной конвенции по правам человека, но с 16 марта 2022 года документ прекратил свое действие в отношении России [4].

Если же в процессе уголовного судопроизводства будет выявлено расхождение между федеральным конституционным законом и Уголовно-процессуальным кодексом РФ, то использованию в соответствии с 15 статьей и 76 статьей Конституции РФ - будет подлежать использованию непосредственно федеральный конституционный закон, либо международный договор РФ, как документ, который обладает большей юридической силой, чем федеральный закон, чем и является Уголовно-процессуальный кодекс. В результате чего, мы приходим к выводу, что часть 1 и 2 статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса имеет влияние на те ситуации, когда положения иных федеральных законов, которые напрямую регулируют процедуру производства по уголовным делам, будут нести противоречащий характер Уголовно-процессуального кодекса РФ [2].

В России, как и в любой другой правовой системе, неизбежно возникают случаи нарушения принципа законности в уголовном процессе. В таких ситуациях граждане имеют право обратиться в суды или другие правоохранительные органы, чтобы защитить свои права и интересы. Однако, еще более важно, чтобы власти и правоохранительные органы сами были строго придерживались принципа законности и не допускали нарушений прав и свобод граждан.

Одним из важных аспектов принципа законности в уголовном процессе России является его соотношение с другими аспектами уголовного процесса – доказывание в процессе. Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса. Согласно принципу законности, уголовное преследование возможно только на основании закона, тогда как доказывание требует доказательств, подтверждающих обвинения [2].

Также важно отметить, что принцип законности охватывает собой все начала уголовного судопроизводства Российской Федерации, относится к основным по отношению ко всем остальным принципам уголовно-процессуального права, которые представляют собой различные выражения принципа законности [5, 6].

Таким образом, мы приходим к такому выводу, что основы уголовного судопроизводства – это управляющие положения, которые закреплены в Конституции, Уголовно-процессуальном кодексе РФ и находятся в базе уголовно-процессуальной деятельности, которая в первую очередь связана с расследованием, возбуждением и рассмотрением уголовных дел. Они определяют и характеризуют ее сущность, гарантируют реальность прав и свобод человека, который вовлечен в сферу уголовно-процессуальных отношений и достижения целей уголовного судопроизводства, а также гарантируют наказание лиц государственных органов, совершающих незаконные действия в уголовном процессе, которые противоречат принципу законности. В России принцип законности не ограничивается только сферой уголовного судопроизводства. Он также распространяется на все сферы жизни граждан, где каждое действие или бездействие должно соответствовать закону. Этот принцип является одним из основополагающих принципов правового государства, на котором базируется весь российский правовой порядок. Таким образом, принцип законности охватывает не только уголовный процесс, но и гражданское, административное и другие области права. Государство обязано гарантировать, что законы и правовые акты, принимаемые в рамках их исполнения, не противоречат принципу законности и не ограничивают права и свободы граждан.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г.). Текст: электронный // Некоммерческие интернет-версии системы Гарант. <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023): Текст: электронный // Некоммерческие интернет-версии системы Гарант. – <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).
3. Актуальные проблемы судопроизводства по уголовным делам о мошенничестве / Н.Ф. Колосов, В.Г. Глебов, В.В. Слеженков, А.А. Крутойров // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 1 (127).
4. «Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции» в 2 т. Том 1. Общие положения уголовного судопроизводства : учебное пособие для вузов / В.Т. Томин [и др.] ; под редакцией В.Т. Томина, И.А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2023. 366 с.
5. Лесников, А.С. Принцип законности в уголовном судопроизводстве / А.С. Лесников. 2022. № 85–8. С. 79–81.
6. Волобуева, К.О. Процессуальные аспекты взаимодействия следователя с прокуратурой и судом в ходе предварительного следствия / К.О. Волобуева, Н.Ф. Колосов // Форум. 2023. № 2 (28). С. 320–324.

ТЕНДЕНЦИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Сысолина Н.С., преподаватель кафедры уголовного права, УНК по ПС в ОВД, Волгоградская академия МВД России

Аннотация. В статье рассматривается связь экстремизма с деструктивной идеологией и, в частности, с криминальной субкультурой. Анализируются криминологическая обоснованность причисления международного движения АУЕ, как одного из проявлений криминальной субкультуры, к экстремистским организациям, обобщаются мнения специалистов по данному вопросу. Обозначаются трудности, связанные с легальным закреплением определения понятия «криминальная субкультура», а также механизм решения данной проблемы на практике. Кроме того, автором сформулированы перспективы развития законодательства в сфере предупреждения криминальной субкультуры в контексте противодействия экстремизму и деструктивной идеологии в целом.

Ключевые слова: криминальная субкультура, деструктивная идеология, экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистская организация, АУЕ.

TRENDS IN THE PREVENTION OF PROLIFERATION CRIMINAL SUBCULTURE THROUGH THE PRISM OF COUNTERING EXTREMISM

Sysolina N.S., Lecturer of the Department of Criminal Law, UNK on PS in the Department of Internal Affairs, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article examines the connection of extremism with destructive ideology and, in particular, with the criminal subculture. The criminological validity of the attribution of the international AUE movement, as one of the manifestations of the criminal subculture, to extremist organizations is analyzed, and the opinions of experts on this issue are summarized. The difficulties associated with the legal consolidation of the definition of the concept of «criminal subculture», as well as the mechanism for solving this problem in practice, are indicated. In addition, the author formulated the prospects for the development of legislation in the field of prevention of criminal subculture in the context of countering extremism and destructive ideology in general.

Keywords: criminal subculture, destructive ideology, extremism, extremist activity, extremist organization, AUE.

В соответствии с российским законодательством экстремизм подразумевает под собой, в том числе, возбуждение социальной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека, а также нарушение его прав, свобод и законных интересов по признаку социальной принадлежности, использование атрибутики или символики экстремистских организаций, публичные призывы, организацию, подготовку и финансирование указанных деяний [1]. Анализ легального подхода к определению экстремистской деятельности позволяет сделать вывод, что суть данного явления всегда связана с деструктивной идеологией, разрушающей базовые ценности, принятые в обществе на определенном этапе развития и охраняемые в связи с этим законом.

Об опасности распространения такой идеологии упоминается в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [2]. В частности, документом вводится понятие деструктивной идеологии, которая, порождая эгоизм, вседозволенность, безнравственность, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству и др., представляет угрозу национальным интересам России.

Таким образом, экстремизм по своей сути – следствие распространения деструктивной идеологии. В данном контексте механизм противодействия экстремизму предусматривает, в том числе, ликвидацию или запрет функционирования общественных или религиозных объединений, осуществляющих экстремистскую деятельность.

Так, решением Верховного Суда РФ от 17.08.2020, принятого по результатам рассмотрения иска Генеральной Прокуратуры РФ, к числу экстремистских организаций, чья деятельность запрещена на территории государства, отнесено международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» (другие наименования «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е.) [3].

Из официального пресс-релиза Генеральной Прокуратуры РФ следует, что АУЕ – хорошо структурированная и управляемая организация, молодежное движение экстремистской направленности, деятельность которого основана на криминально-экстремистской идеологии и представляет реальную угрозу жизни и здоровью граждан, обществу и государству. Причисление указанной организации к числу экстремистских, как полагает надзорный орган, служит благородным целям: эффективному пресечению криминальной деятельности его участников, защите интересов подрастающего поколения, оздоровлению общества и обеспечению безопасности государства [4].

Вместе с тем, данное событие вызвало неоднозначную реакцию правоприменителей и научного сообщества. В том числе потому, что заседание Верховного Суда РФ проходило в закрытом режиме, а само решение опубликовано не было. Так, спорные вопросы касаются как самой сущности указанного движения АУЕ, его содержания и состава участников, так и признаков, наличие которых позволяет называть его международным и причислить к «хорошо структурированной экстремистской организации». Официальные разъяснения по данным аспектам до сих пор отсутствуют.

Если обобщить мнения представителей науки по рассматриваемому вопросу, то имеющиеся подходы можно сгруппировать следующим образом:

- а) АУЕ – продукт информационных технологий, является не объединением и единой субкультурой, а отдельным словосочетанием, используемым в криминальных кругах, и называется целостным движением именно с подачи средств массовой информации [5, с. 96];
- б) АУЕ – самый известный представитель и одновременно носитель криминальной субкультуры, более всего олицетворяющий тюремный уклад жизни и традиционные «воровские» понятия, распространившие свое влияние как внутри, так и за периметром мест лишения свободы [6];
- в) АУЕ – сформированное целостное движение, активно насаждающее неписанные нормы поведения и принципы жизни, сформировавшиеся не одно десятилетие в местах лишения свободы еще в советских лагерях, и требующее комплексного противодействия [7].

Таким образом, существующие точки зрения о признанной законом экстремистской организации АУЕ варьируются от абсолютного отрицания и скептицизма до полного признания, и одобрения политики законодателя. Однако даже в таких диаметрально противоположных мнениях есть нечто общее – признаваемая специалистами связь движения АУЕ с криминальной субкультурой.

Полагаем, что именно назревшая фактическая необходимость предупреждения распространения криминальной субкультуры и послужила толчком к расширению Перечня общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Перечень экстремистских организаций).

Косвенно об этом свидетельствуют неоднократные попытки реформировать действующее законодательство путем закрепления определения таких понятий, как «криминальная субкультура» и «пропаганда криминальной субкультуры», потерпевших неудачу в виду того, что предлагавшиеся формулировки признаны неопределенными и рисковали привести к неоднозначной правоприменительной практике (проект федерального закона № 318286-7 от 20.07.2017, проект федерального закона № 1009841-7 от 18.08.2020).

Вместе с тем даже после провальных законодательных инициатив и уже после признания движения АУЕ экстремистским Генеральный Прокурор РФ Игорь Краснов на координационном совещании руководителей правоохранительных органов не только вновь указал на необходимость закрепления на законодательном уровне понятия «криминальная субкультура», но и предложил признать установление факта вовлечения в нее несовершеннолетних в качестве отягчающего и наказание обстоятельства. В обоснование своего предложения он сослался на статистику, согласно которой несмотря на сокращение уровня преступности несовершеннолетних за последние 10 лет более чем в два раза, возросло количество тяжких и особо тяжких преступлений с участием подростков [8].

Стоит отметить, что введение в законодательство определения понятия «криминальная субкультура» вызывает споры еще более сильные, чем криминологическая обоснованность внесения АУЕ в перечень экстремистских организаций. Действительно, множество предложенных учеными дефиниций оставляет слишком широкий простор для их толкования и необоснованного правоприменения. Одновременно представляется, что в случае основательного, заинтересованного подхода законодателя к данной проблеме семантическую неопределенность предлагаемых определений как основного аргумента в пользу отказа принятия вносимых поправок помогло бы устранить привлечение к обсуждению текста потенциального законопроекта специалистов в области юриспруденции и лингвистики.

Таким образом, с одной стороны – наличие признаваемая в той или иной степени проблема наличия и распространения криминальной субкультуры и необходимость ее предупреждения, с другой – отсутствие единства мнений, что вкладывать в содержание этого термина.

В существующих условиях законодатель, по всей видимости, избрал наиболее простой и эффективный способ устранения данного пробела, причислив так называемое международное движение АУЕ, как наиболее распространенную форму выражения криминальной субкультуры, основанной на некогда традиционной «воровской» идеологии, к числу экстремистских организаций. В настоящее время наиболее активные приверженцы данной идеологии (в основном лидеры уголовно-преступной среды, включая, лиц фактически занимающих высшее положение в преступной иерархии) при наличии доказательственной базы, полученной главным образом оперативным путем, привлекаются к уголовной ответственности по статьям 282.2, 282.3, 282.4 УК РФ. В первых двух случаях уголовная ответственность наступает за организационные аспекты распространения криминальной субкультуры в лице ее разновидности – АУЕ, в третьем случае – за демонстрацию ее атрибутики и символики.

На первый взгляд решение проблемы предупреждения криминальной субкультуры найдено путем причисления отдельного ее проявления к экстремистским организациям, что позволяет поставить точку в данном вопросе. Однако стоит отметить, что криминальная субкультура, внутри которой ученые выделяют не только привычный «воровской» вариант, но и более современные проявления – субкультуры наркоманов, религиозных сект, киберпреступников и т.п. – понятие более широкое, чем спорное международное движение АУЕ, является в социальном смысле криминогенным фоновым явлением и оказывает деструктивное воздействие на мировоззрение в том числе и законопослушного населения, еще и не вставшего на криминальный путь.

В этой связи прогнозируется два основных сценария реформирования законодательства, регулирующего общественные отношения в рассматриваемой сфере:

- а) введенная в законодательство поправка, касающаяся включения АУЕ в Перечень экстремистских организаций полностью покрывает текущие потребности в методах и способах предупреждения криминальной субкультуры, устранив необходимость внесения в закон определения данного понятия и сопутствующих ему терминов;
- б) проявление различных видов криминальной субкультуры, их постоянная трансформация в современных геополитических условиях, возникновение новых методов воздействия на мировоззрения людей с целью формирования устойчивой криминальной идеологии потребует дальнейшего фундаментального криминологического изучения указанного явления и расширение возможности законодательного воздействия на него, что вряд ли может сводиться лишь к запрету деятельности АУЕ.

Та или иная перспектива развития отечественного законодательства, безусловно, зависит от эффективности комплексного противодействия экстремизму, деструктивной идеологии и от политики сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Чем эффективнее окажутся предпринятые усилия, тем менее вероятна необходимость возвращения к вопросу законодательного определения понятия криминальной субкультуры.

Библиографический список

1. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Карточка административного судопроизводства по делу № АКПИ20-514С от 21.07.2020 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfl.ru/lk/practice/cases/10730656> (дата обращения 24.04.2023).
4. По иску Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова Верховный Суд Российской Федерации запретил деятельность международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» // Генеральная Прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=56759800> (дата обращения 24.04.2023).
5. Кочои С.М., Трапидзе К.З. Нужно ли признаватьотячающим наказанием обстоятельством «вовлечение несовершеннолетнего в криминальную субкультуру»? // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3 (136). С. 93–101.
6. Орлов В.В. Роль ритуала в функционировании экстремистского движения АУЕ // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 64–70.
7. Семочкина А.А. АУЕ – как фактор криминализации несовершеннолетних и их активного противопоставления государству и обществу // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 154–158.
8. Координационное совещание по вопросам профилактики, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении их // Генеральная Прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=56752099> 56759800 (дата обращения 24.04.2023).

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Тюрнина С.В., студент 1 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Могутин Р.И., кандидат технических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы выявления и возбуждения уголовных дел по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В результате исследования определены основные причины низкой раскрываемости преступлений данной категории, трудности и допускаемые органом дознания ошибки при проведении проверочных мероприятий, а также пути их решения.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, возбуждение уголовного дела, поводы и основания, регистрация сообщения о преступлении.

SPECIFICS OF INITIATING CRIMINAL CASES FOR CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Tyrina S.V., 1st year master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Mogutin R.I., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article addresses the problems of identifying and initiating criminal cases for crimes committed using information and telecommunication technologies. As a result of the study, the main reasons for the low detection of crimes of this category, difficulties and mistakes made by the inquiry body during verification measures, as well as ways to solve them were determined.

Keywords: information and telecommunication technologies, initiating criminal case, reasons and grounds, crime reporting.

Как показывает официальная статистика, количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, неустанно увеличивается. При этом, уровень раскрываемости данных преступлений остается на низком уровне. Из последней актуальной характеристики состояния преступности за январь-декабрь 2022 года видно, что из 522 065 зарегистрированных преступлений указанной категории раскрыто всего 142 384, что составляет 19,7% [1]. Кроме того, количество зарегистрированных преступлений данной категории увеличилось на 0,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а удельный вес среди общего количества преступлений увеличился до 26,5%. С учетом изложенного, представляется обоснованным вывод о достаточном высоком уровне общественной опасности, которая стала присуща преступлениям рассматриваемой категории в последние годы. В связи с чем их своевременное выявление, раскрытие и расследование становятся приоритетной задачей в современных условиях борьбы с преступностью.

Одной из основных причин такого низкого уровня раскрываемости и высокого удельного веса среди иных групп преступлений можно назвать несовершенство и в целом отсутствие единой методики расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на одном из более узких аспектов – особенностях возбуждения уголовных дел указанной категории, необходимых первичных мероприятиях и проблемах, связанных с их проведением.

Выполнение приоритетной задачи – своевременного выявления преступления, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, сопряжено с определенными трудностями, носящими как субъективный, так и объективный характер. Малоизученным в науке и слабо применяемым в практике остается вопрос взаимодействия подразделений предварительного следствия с органом дознания на этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Как правило, информация о совершенном преступлении, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, поступает из следующих источников:

- 1) сеть «Интернет»;
- 2) во время проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками правоохранительных органов;
- 3) в ходе расследования иных преступлений;
- 4) при поступлении заявления о совершенном преступлении непосредственно от потерпевшего.

Данный список источников информации не является исчерпывающим.

Часто лицом, совершившим преступление данной категории, предпринимаются попытки избежать обнаружения, а также используются различные уловки, к которым можно отнести [2]:

- 1) использование одноразовых абонентских номеров, идентифицировать которые по владельцу практически не представляется возможным;
- 2) недочеты и ошибки в процессе эксплуатации программного обеспечения ресурсов сети «Интернет», создание сайтов-двойников;
- 3) маскировка под стили известных брендов в сети «Интернет», игра на доверии пользователей;
- 4) осуществление звонков в пределах нескольких субъектов Российской Федерации, что усложняет дальнейшую работу оперативных подразделений по установлению лица, совершившего преступление.

Анализ уголовных дел, как направленных в суд, так и приостановленных в связи с не установлением лица, показывает, что во многом успешное расследование уголовного дела зависит от того, насколько быстро начато проведение первых проверочных мероприятий после совершения и выявления преступления. Промедление в проведении процессуальной проверки и последующем расследовании может привести к срыву, в сравнении с другими преступлениями, утрате важных доказательств (удаление информации из сети «Интернет», утрата записей с камер видеонаблюдения), увеличению сроков расследования и превращению уголовного дела в так называемое «глухое».

Не последнее значение будет иметь оптимальная организация взаимодействия следственных подразделений, органа дознания, экспертными службами и специалистами служб безопасности с целью оперативного получения максимально полной информации о совершенном преступлении и дальнейшего ее использования в процессе расследования.

К основным поводам для возбуждения уголовного дела о преступлении, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, можно отнести:

- 1) чаще всего это заявления о совершенных преступлениях, поданные в правоохранительные органы;
- 2) обнаружение признаков преступления органом дознания в ходе проверки сообщения, поступившего из оперативных источников, о совершенном или готовящемся преступлении, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, по материалам документальных проверок, при задержании лица;
- 3) обнаружение признаков преступления прокурором в результате проведенных сверок, проверок материалов процессуальных проверок;
- 4) сообщения, поступившие из СМИ и других источников информации.

В результате получения и регистрации сообщения о преступлении, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, лицу, производящему процессуальную проверку, предшествующую возбуждению уголовного дела, необходимо провести некоторые определенные мероприятия. В первую очередь, это подробный опрос лица, в отношении которого совершено преступление, и истребование у него документов, свидетельствующих о неправомерных кредитных или иных расчетных операциях по счетам заявителя. Далее проводится анализ полноты истребованных документов и проверка изложенной в них информации, к чему относится направление запросов в банки, иные кредитные организации и сотовые компании с целью установления лица, которому принадлежит счет, на который заявителем были переведены денежные средства, а также владельца абонентского номера, с которого производились звонки заявителю [3]. В зависимости от способа совершения преступления в план могут быть включены и иные проверочные мероприятия.

С учетом собранных в результате процессуальной проверки данных решается вопрос о возбуждении уголовного дела. При этом, как показывает практика, допускается ряд ошибок, влияющих на процесс раскрытия и расследования преступления. К таковым можно отнести низкое качество проведенных проверочных мероприятий при большой загруженности органа дознания, что приводит к вынесению необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Помимо этого, отсутствие необходимой квали-

фикации, соответствующей специфике указанной категории дел, а также недостаточного технического оснащения органов дознания влияет на качество проводимой проверки и дальнейшей волоките.

Предпочтительным путем решения указанных выше проблем и трудностей представляется подробная научная и практическая регламентация действий органа дознания и следственных подразделений при проверке сообщения о преступлении и дальнейшем расследовании уголовных дел данной категории.

Библиографический список

1. Статистические данные [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. Электрон. дан. М., 2023. URL: <http://www.mvd.ru/userfiles/file/statistics> (дата обращения: 20.03.2023).
2. Гурин А.Д. Обеспечение достоверности официальных статистических данных о преступлениях в сфере информационных технологий // Законность. 2020. № 2.
3. Бердникова О.П., Ржанникова С.С. Особенности возбуждения уголовных дел о мошенничестве в сфере компьютерной информации и типичные следственные ситуации на первоначальном этапе расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 3.
4. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ / Российская Федерация. Законы. Доступ из СПС Гарант (дата обращения: 22.03.2023). Текст : электронный.
5. Данные судебной статистики : сайт / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. М., 2022. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895> (дата обращения: 20.03.2023). Текст : электронный.

УДК 343.96

К ВОПРОСУ О РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ, НЕ ИСКЛЮЧАЮЩИМИ ВМЕНЯЕМОСТИ

Шевчук И.В., кандидат юридических наук, доцент,

Стольникова П.М., студент 1 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам расследования преступлений против жизни и здоровья, которые совершаются лицами, страдающими определенными расстройствами психики, которые, при этом не исключают их вменяемости, а также, вовлечению в процесс расследования обозначенных преступлений профильных специалистов. Представлены рекомендации, посредством которых, может значительно повыситься эффективность расследования преступлений против жизни и здоровья, которые совершаются лицами с психическими аномалиями.

Ключевые слова: психические расстройства, не исключющие вменяемости, расследование, психические аномалии, расследование преступлений против жизни и здоровья.

METHODOLOGY OF INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH COMMITTED BY PERSONS WITH MENTAL DISORDERS NOT EXCLUDING SANITY

Shevchuk I.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Stolnikova P.M., 1st year student of the Master's program of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the study of the methodology for investigating crimes against life and health, which are committed by persons with certain mental disorders, which, at the same time, do not exclude their sanity, as well as to the study of the participation of specialized specialists in the investigation of this group of crimes.

The author presents recommendations through which the effectiveness of the investigation of crimes against life and health committed by persons with mental anomalies can significantly increase.

Keywords: mental disorders that do not exclude sanity, investigation, mental anomalies, investigation of crimes against life and health.

Состояние человеческой психики, оказывает непосредственное воздействие не только на возможность привлечения лица к уголовной ответственности, и назначения ему соответствующего наказания, но и на весь процесс расследования преступлений.

Проведение оценки психического состояния лица, осуществляется посредством научных трудов, содержащихся и выработанных психиатрией и психологией.

В соответствии со ст. 21 УК РФ, лица, которые, в момент совершения преступления пребывали в невменяемом состоянии, не представляющим возможность осознавать характер совершаемых действий, и их общественную опасность, не могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Однако существуют разнообразного рода расстройства психики, не приводящие к невменяемости.

К сожалению, на сегодняшний день, под влиянием неблагоприятных условий, уровень преступлений против жизни и здоровья, которые, совершаются лицами с психическими расстройствами, не исключая вменяемости, возрастает.

В специальной литературе отмечается, что психические расстройства, не исключющие вменяемости, представляют собой расстройства психики, которые не достигли болезненного уровня, но, при этом, могут приводить к определенным отклонениям в поведении [6].

Лица, страдающие психическими расстройствами, не исключая вменяемости, в большинстве случаев, являются дееспособными и трудоспособными гражданами.

При этом существующие у них расстройства, характеризуются наличием определенных личностных изменений, которые, могут оказать влияние на не вполне осознанное, и адекватное поведение в конкретных ситуациях.

Анализ литературных источников позволяет отметить, что в качестве мотива совершения преступлений против жизни и здоровья, лицами, имеющими психические расстройства, не исключая вменяемости, чаще всего выступают: совершение преступления для удовлетворения внезапно возникших сексуальных потребностей; в виду сформировавшихся в детстве деструктивных садистских наклонностей; вследствие желания самоутверждения; мести.

В большинстве случаев, лицами, имеющими психические расстройства, не исключая вменяемости, подобные преступления совершают с импульсивно, без заранее продуманных действий своего поведения.

Можно констатировать, что если преступление заранее планировалось, то оно, чаще всего, совершалось на сексуальной почве, и было вызвано наличием психотравмирующих обстоятельств, происходящих с данными лицами в прошлом.

В число подобного рода психических расстройств, включают: токсикомания, психопатия, эпилепсия, алкоголизм, наркомания.

Особенности расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных лицами с психическими аномалиями, отражает определенные закономерности, которые существуют в процессе раскрытия и расследования преступных деяний, которые совершаются лицами с психическими расстройствами, не исключая вменяемости [3].

Наличие характерных мотивов действий указанных лиц, совершивших рассматриваемые преступления, в комплексе с невысоким уровнем интеллекта, обуславливают наличие, на месте преступления, большого количества следов.

Характер повреждений на теле жертвы, может отражать наличие психического расстройства лица, совершившего преступление. Это обстоятельство подлежит тщательному анализу при производстве осмотра места происшествия.

Методика раскрытия и расследования противоправных деяний, совершаемых лицами с психическими расстройствами, не исключая вменяемости, характеризуется наличием некоторых особенностей, которые связаны с аномалиями психики обвиняемых, или подозреваемых в совершении преступлений.

Так, при производстве следственных действий необходимо обеспечить активное участие профильных специалистов, которые, в соответствии со своими профессиональными знаниями, смогут провести оценку действий лиц, совершивших преступление и помогут грамотно организовать процесс расследования. К указанным специалистам, относятся: психиатр, психолог, сексолог, и другие лица, обладающие специальными знаниями. Помощь указанных участников позволит раскрыть полную картину тех психических процессов, которые характерны для личности подозреваемого или обвиняемого лица. На основании полученной у профильных специалистов информации, следователь может избрать наиболее эффективную тактику проведения допроса и иных следственных действий

В процессе раскрытия и расследования преступлений данной категории дел, должны быть доказаны конкретные обстоятельства совершенного преступления, вменяемость лица, совершившего преступное деяние, наличие психического заболевания в прошлом, а также, те отличительные особенности психики, которые преобладали у лица, в момент совершения преступления [2].

Помимо этого, исследованию подвергаются также характерные особенности поведения лица после совершения преступления. Эти аспекты необходимо учитывать при подготовке и производстве различных следственных действий. Необходимо учитывать возможные проявления необоснованной агрессии или жестокости, отсутствие логики в действиях подозреваемого или обвиняемого лица.

В том случае, если у следователя, возникают сомнения относительно вменяемости подозреваемого, должна быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза.

Ранее указывалось, что в качестве признаков, свидетельствующих о том, что преступление совершено лицом с психическими расстройствами, могут выступать: наличие большого количества ран, повреждений и пыток, на теле жертвы, использование большого количества инструментов, позволяющих проникнуть в помещение, без какой-либо необходимости, или применение по отношению к жертве мер, характеризующихся особой жестокостью [5].

Методика раскрытия и расследования преступлений, совершенных лицами с психическими аномалиями, также, должна включать в себя выявление круга лиц, которые потенциально могли совершить преступление, на основании знаний криминалистической характеристики преступных деяний, которые совершаются лицами с психическими аномалиями.

Достижение этих целей, как уже отмечалось, возможно, посредством привлечения определенных специалистов, например психиатров, которые, после ознакомления с особенностями совершенного преступления, могут сделать вывод о наличии в действиях лица определенного психического заболевания.

После установления личности предполагаемого преступника, следователю, необходимо ее изучить, как посредством проведения допросов, так назначения различных следственных экспертиз. К их числу следует отнести: комплексные медико-психиатрические, сексолого-психиатрические, психолого-психиатрические, и иные экспертные исследования.

На практике, при расследовании преступлений против жизни и здоровья, далеко не во всех случаях следователи назначают судебно-психолого-психиатрическую экспертизу, что негативно отражается на всем ходе расследования.

В частности, это влечет за собой лишь частичное установление обстоятельств, которые отражают личностные особенности подозреваемого, мотивы и цели совершенного преступления.

По нашему мнению, назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы, необходимо во всех случаях, когда у следователя возникают сомнения относительно наличия у лица психических девиаций.

В ходе проведения расследования, могут быть проверены версии о том, что преступление совершено: невменяемым лицом; лицом, с психическими расстройствами, не исключающим вменяемости; или лицом, не имеющим психических расстройств, но выдающим себя за психически нездоровую личность.

Помимо этого, проверке подлежат обстоятельства, свидетельствующие о самооговоре лица, а также присутствие факта аморального поведения потерпевшего, которое могло спровоцировать состояние аффекта подозреваемого или обвиняемого. Важно установить, не было ли совершено преступное деяние под влиянием других лиц [7].

При раскрытии и расследовании преступлений против жизни и здоровья, которые совершаются лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости, следует, кроме выявления наличия психического расстройства, установить и доказать факт его влияния на совершение преступления.

Расстройство психики, которое существует у лица, но, при этом, вменяемости не исключает, не оказавшее влияния на возможность лица осознавать характер совершаемых противоправных действий, не должно выступать в качестве обстоятельства, смягчающего наказание.

Вместе с тем, доказанность совершения лицом преступления против жизни и здоровья, по причине психического расстройства, обуславливает снижение возможности лица осознавать общественную опасность совершаемых действий, позволяет признавать данный факт, как обстоятельство, смягчающее наказание.

Таким образом, психические расстройства, не исключающие вменяемости, представляют собой расстройства психики, которые не достигли болезненного уровня, но, при этом, могут приводить к определенным деструктивным отклонениям в поведении.

Методика расследования данного вида преступных деяний, отражает определенные закономерности, которые существуют в процессе раскрытия и расследования преступных деяний.

К данным закономерностям, относится: способ совершения преступления, характер следов, оставленных на месте преступления, поведение лица, в момент преступного деяния, и после его совершения.

Особенности раскрытия и расследования указанной категории преступлений, состоят в том, что следователю необходимо привлечь к изучению материалов дела, специалистов, которые, на основании профессиональных знаний, могут сделать вывод о наличии или отсутствии у лица психического расстройства, не исключающего его вменяемости.

Кроме того, следует обеспечить проведение соответствующих видов судебных экспертиз, позволяющих выявить у лица наличие психических отклонений, не исключающих вменяемости, и установить факт их влияния на совершение преступления.

По нашему мнению, для обеспечения эффективности раскрытия и расследования преступлений, которые совершаются лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, следует сформировать следственные и оперативные группы, которые будут специализироваться на раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых указанной группой лиц.

Кроме того, полагаем, что необходимо сформировать централизованный орган, которой может обеспечить поступление данных об обращениях лиц, с психическими аномалиями за помощью, а также данных о выявленных заболеваниях, в результате которых, у лица могут сформироваться определенные психические аномалии.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2022) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения 02.03.2022)
2. Гостева Я.Ю. Особенности тактики допроса лиц с психическими нарушениями / Я.Ю. Гостева, Ю.В. Прокофьева, Д. Ф. Мамаева [и др.]. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 7 (245). С. 234–237.
3. Королева М.В. Особенности расследования насильственных преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами, не исключающими вменяемости // Наука и образование сегодня. 2019. № 12 (47). С. 90–99.
4. Минкова Е.А. Социально-психологические аспекты профилактики насильственной пенитенциарной преступности // Прикладная юридическая психология. 2019. № 2. С. 123–129.
5. Негуляева А.В. Особенности расследования преступлений, совершаемых лицами с психическими аномалиями. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-3. С. 98–106.
6. Шуточкина А.С., Фастович Г.Г. Влияние психических аномалий на преступное поведение личности // Universum: экономика и юриспруденция. 2021. № 5 (62). С. 21.
7. Толстолужинская Е.М. Особенности расследования преступлений, совершенных лицами с психическими аномалиями // дис. ... канд. юр. наук. Тюмень, 2020. С. 12.

УДК 343.985.7

О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАРМАННЫХ КРАЖ

Шевчук И.В., кандидат юридических наук, доцент,

Жиба М.А., студент 1 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу отдельных элементов криминалистической характеристики карманных краж. Автор проводит анализ личности преступника, на основании таких элементов криминалистической характеристики как место и способ совершения преступления, приводит два вида классификации воров-карманников: по их квалификации, а именно в зависимости от способа, которым совершается преступление, и специализации, в основе которой лежит место совершения преступления.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, личность преступника, место совершения преступления, способ совершения преступления, карманные кражи.

ABOUT SOME ELEMENTS OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF PICKUP

Shevchuk I.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Zhiba M.A., 1st year student of the Master's program of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of individual elements of the forensic characteristics of pickpocketing. The author analyzes the identity of the offender, based on such elements of forensic characteristics as the place and method of committing the crime, gives two types of classification of pickpockets: according to their qualifications, namely, depending on the method by which the crime is committed, and specialization, which is based on the place committing a crime.

Keywords: forensic characteristics, the identity of the offender, the place of the crime, the method of committing the crime, pickpocketing.

Кража является одним из наиболее распространенных видов преступлений, а также одним из наиболее разнообразных по способам ее совершения. Под кражей понимается тайное хищение чужого имущества, совершаемое без применения насилия. Тайным оно является в первую очередь для лица, чье имущество похищают.

По статистике на 2022 год за преступления, предусмотренные ст. 158 УК РФ было вынесено около семидесяти четырех с половиной тысяч приговоров [1], но за период 2023 года по статистике МВД наблюдается снижение количества краж на 25,8 % [2].

Такая разнородность краж как карманные кражи, представляет особый интерес для изучения, поскольку является одним из самых распространенных вариантов совершения преступления, предусмотренного статьей 158 УК РФ [3]. Интерес представляет и то, что данный вид кражи имеет свои определенные особенности, присущие только ему, в частности, это относится к криминалистической характеристике данного вида преступлений.

Исторически сложилось так, что квалификация вора-карманника представляется классическим выражением «преступной профессии», а личность преступника, представляющая один из элементов криминалистической характеристики, в этом случае наиболее тесно связана со способом и местом совершения преступления.

В классическом понимании различают шесть основных специализаций по месту совершения преступления:

1. На рынках и базарах – «рыночники», на их долю приходится порядка 66 % мелких краж, они орудуют на рынках.
2. Воры, работающие в метро, именуются «кротами». Кражи в метро являются очень распространенными в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, к примеру, в 2021 году в Москве было зарегистрировано порядка 120 эпизодов карманных краж, совершенных различными способами.
3. Те, кто промышляет на железнодорожном транспорте – «майданчики». Чаще всего такие воры «работают» на вокзалах, в поездах и электричках.
4. Вор-карманник, работающий на городском транспорте (автобусы, маршрутные такси, троллейбусы), именуется «гонщиком» или же «маршрутником». В транспорте совершается более 30 % краж.

5. Определенные воры, осуществляющие свою деятельность в таких местах как магазины, называются «магазинными» ворами, а те, кто «работает» в театрах – «театральными». Они действуют в толпе, при случайных столкновениях, на кассах магазинов.

6. Также принято определять воров-карманников, чьей территорией являются улицы, их так и именуют – «уличные» воры.

В криминальном мире вор-карманник представляет собой элиту воровского дела, поскольку данная «профессия» считается почетной, большинство «воров в законе» являются карманниками. Эта категория воров никогда не имеет дело с оружием, не идет на рукоприкладство или убийство, они пользуются большим уважением, поскольку никогда не оставляют крови.

Сама по себе карманная кража в криминальном мире представляет собой нечто напоминающее искусство, это обосновано тем, что незаметное изъятие имущества, непосредственно у человека, представляется достаточно сложным и профессиональным действием, на которое способен не каждый человек. Карманные воры — высшая каста преступного мира, самые квалифицированные воры, самые уважаемые в преступной среде [4].

Квалификация вора-карманника не претерпела существенных изменений за тот период, что существует, поскольку является классическим выражением преступной «профессии». Она определяется спецификой способа совершения преступления. В силу этого, способ совершения преступления является одним из наиболее важных элементов криминалистической характеристики карманной кражи.

Выше мы говорили о специализациях, определение которых связано с местом совершения преступления, но для каждой из них характерна квалификация, так как разными способами можно совершать преступление в разных местах.

По способу принято различать восемь воровских квалификаций:

1. «Писарь», еще их называют «писсаками» и «технарями». Обладая обозначенной техникой, вор-карманник совершает кражу посредством разреза одежды или сумки при помощи различных технических средств, например, остро заточенная монета или лезвие. Кстати, попутно следует отметить, что нередко сам преступник получает небольшие повреждения в виде порезов используя эти предметы, что неизбежно влечет за собой оставление криминалистически значимой информации на жертве. Впоследствии, обнаруженные следы могут стать неопровержимой уликой совершения преступления задержанным. Рассматриваемая квалификация относится к элите в криминальной среде, «писари» являются наиболее авторитетными ворами и в большинстве своем именно они впоследствии становятся «ворами в законе».
2. «Ширмачи» совершают кражу, прикрывая руки различными предметами, ими могут быть, к примеру, букет цветов, плащ, сумка и тд. Также данная категория преступников использует отвлекающие маневры, в качестве «ширма».
3. «Рыболовы» («крючечники») совершают кражу при помощи специально изготовленных крюков, при помощи которых вытаскивают кошельки из сумочек и карманов жертвы.
4. «Хирурги» используют пинцеты, совершая кражу из труднодоступного потайного места, в которое потерпевший старается спрятать свой кошелек. Как правило, «рыболовы» и «хирурги» не оставляют явных следов в силу способа совершения преступления, который свойственен им, что затрудняет процесс доказывания, поскольку криминалистически значимой информации на жертве практически не остается, это обосновано тем, что непосредственного контакта с жертвой преступник не имеет, все его действия опосредованы, они совершаются при помощи вспомогательных средств.
5. «Щипачи» – карманники, которые не используют никаких дополнительных устройств, а только свои руки, они совершают кражу группой лиц без применения технических средств и «ширма» при массовом скоплении народа.
6. «Трясуны» – вытаскивают предметы быстрыми и точными движениями, эта квалификация распространена среди глухонемых воров.
7. «Сумочники» – воры, которые осуществляют кражу всех видов дамских сумочек.
8. Воры, похищающие вещи из хозяйственных сумок именуется «дубило» или «верхушечник».

Следует отметить тот факт, что среди карманников существует определенная иерархия, во главе которой стоят «писари», как наиболее уважаемая «каста», на втором месте стоят «щипачи» и «ширмачи», на третьем – «рыболовы», четвертое место занимают «верхушечники» и «сумочники», которые еще называются «воровской чернью».

Также выделяют более мелкие квалификации воров – карманников, к примеру, «пропальщики», те, кто принимает похищенное, и хранят краденые предметы. Карманные кражи группой лиц совершают «щипачи» с помощью «тырщиков», осуществляющих отвлекающий жертву маневр. «Козлятники» обучают навыкам кражи новичков. Отдельным видом воров, не только карманников, являются «гастролеры», они не задерживаются на одном месте, совершая преступления в разных городах и других видах населенных пунктов. Знание того местного жителя или приезжий также упрощает задачу следователя или дознавателя, сужая круг подозреваемых. Гастролеры, как правило, отличаются дерзостью способов совершения преступления. Они действуют как в одиночку, так и группой лиц, в зависимости от их квалификации.

Чем выше криминальная квалификация, тем интенсивнее ведется преступная деятельность. В среднем карманный вор-профессионал в течение месяца совершает до 25 карманных краж.

Квалификация преступника самым тесным образом связана с показателями раскрытия совершаемых ими преступлений: чем она выше, тем ниже уровень раскрываемости. Раскрываемость карманных краж, по данным нашего исследования, не превышает 15%, а в городах-курортах она составляет не более 1 – 3 %.

Для эффективного раскрытия и расследования преступления необходимо знать, что собой представляет личность преступника, а способ и место совершения преступления способствуют этому, позволяя составить приблизительный портрет злоумышленника, определить круг лиц, подходящих под него. Поэтому такие элементы криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступления как личность преступника, место и способ совершения преступления приобретают огромное значение, они позволяют следователю или дознавателю выстроить тактику расследования.

Так, например, полицейскими был задержан 31-летний местный житель, который для совершения преступлений использовал способ кражи вещей, которые лежат непосредственно сверху открытой сумки потерпевшего. Мужчина под видом обычного покупателя заходил в магазины, либо аптеки и, прикрывая сумки потерпевших пакетом, совершал хищения [5]. Исходя из этих сведений, можно сделать вывод, что преступником является «магазинный верхушечник». Проанализировав данную ситуацию, можно создать портрет преступника и определить круг лиц, причастных к данному деянию.

Ярким примером действий «ширмача» является следующая ситуация: в 2015 году в городе орудовала жительница Омска, которая совершала преступления в лечебных учреждениях. Она незаметно пачкала потерпевших детским кремом, а затем предлагала свою помощь. Пока граждане были отвлечены на чистку испачканной одежды, злоумышленница совершала кражу кошелька или телефона [5].

Таким образом, такие элементы криминалистической характеристики как место и способ совершения преступления являются основанием для определения личности преступника, совершающего карманную кражу, в частности для определения его специализации и квалификации, что существенно упрощает задачу лицам, занимающимся расследованием подобных преступлений, сужая круг подозреваемых в противоправном деянии.

Библиографический список

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2022 года – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – февраль 2023 года – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/36479770/> (дата обращения: 10.04.2023).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 N 63-ФЗ : в редакции от 18.03.2023. – доступ из СПС КонсультантПлюс – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 10.04.2023).
4. Богданов А.В. Карманные кражи в России (современное состояние, тенденции и перспективы противодействия) / А.В. Богданов, И.А. Завьялов, Е.Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России № 10. 2013. С. 38–40.
5. Сайт МВД России. Памятка по профилактике карманных краж. – URL: https://mvd.ru/upload/site1421/document_news/temp/___1521709554_14420/press_reliz_karman.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

УДК 343.852

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В XXI В.

Шкаплеров Ю.П., кандидат юридических наук, доцент, Могилевский институт МВД Республики Беларусь

Аннотация. В статье рассматривается эволюция мер пресечения как института досудебного производства в белорусском уголовном процессе на современном этапе его развития. Прослеживается трансформация процессуального регулирования данного института с момента вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь до настоящего времени. Приводятся статистические данные и мнения практических работников по обозначенной проблематике.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, меры пресечения.

DEVELOPMENT OF THE PREVENTIVE MEASURES INSTITUTION IN BELARUSIAN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN THE XXI CENTURY

Shkapterov Y.P., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

Abstract. The article deals with the evolution of preventive measures as an institute of pre-trial proceedings in the Belarusian criminal process at the present stage of its development. The author traces the transformation of procedural regulation of this institution since the entry into force of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus up to the present time. Statistical data are given as well as practitioners' opinions on the mentioned problematics.

Keywords: criminal procedure, pre-trial proceedings, preventive measures.

Принуждение является неотъемлемым элементом государственно-властной деятельности, в том числе – уголовно-процессуальной. Именно поэтому во все уголовно-процессуальные законы, действовавшие на территориях Беларуси в предшествующие исторические периоды, включались положения, регулирующие институт мер пресечения (в современном понимании данного термина).

С вступлением в юридическую силу с 1 января 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ) названный процессуальный институт претерпел определенные изменения по сравнению с регламентацией в УПК БССР 1960 г. В частности, из УПК РБ исключалось редко применяемое [1, с. 14] поручительство общественных организаций и трудовых коллективов, что в большей мере обуславливалось сменой общественного строя. Одновременно законодателем вновь вводились подзабытые со времен отмены УПК БССР 1923 г. залог и домашний арест, которые должны были выступать в качестве альтернативы заключению под стражу, но этого не произошло [2, с. 36; 3, с. 36, 38]. Так, в первые годы после своего появления залог и домашний арест влечь до 2005 г. в общей структуре применяемых мер пресечения составляли всего лишь около 3 % [4, с. 91]. В последующем, несмотря на постоянное давление на следователей руководством республики [5] и Следственного комитета эта цифра, наоборот, только уменьшилась: на общем фоне применяемых мер пресечения домашний арест составляет примерно 1 %, а залог – 0,3 % [4, с. 94]. При этом доля мер пресечения, альтернативных заключению под стражу (23,9 %) и подписке о невыезде и надлежащем поведении (71,5 %), вообще составляет всего 4,6 % [6].

Приведенная статистика имеет место, несмотря на то, что законодатель учитывает критику нормативного регулирования залога и домашнего ареста и регулярно вносит соответствующие корректировки в УПК РБ. Например, изначально минимальная сумма залога согласно ст. 124 УПК РБ составляла 500 минимальных зарплат, т. е. внушительную сумму, не подъемную для небольшой части населения. Законом от 20 декабря 2007 г. № 297-3 [7], который был принят в рамках реализации п. 49 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной 10 апреля 2002 г. [8], названная сумма снижалась до ста базовых величин. А в 2015 г. предмет залога расширялся за счет включения в него ценных бумаг, ценностей, ничем не обремененных и не исключенных из гражданского оборота, иного движимого и недвижимого имущества, принадлежащих

залогодателю на праве частной собственности [9]. Позднее, в 2021 г. размер залога вновь был понижен, а также появилась возможность применения данной меры пресечения в отношении несовершеннолетних [10].

Вместе с тем, указанные изменения законодательства не переломили сложившееся исторически отношение правоприменителей к конкретным мерам пресечения. Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами в феврале-марте 2023 г. анкетирования 120 следователей Следственного комитета Республики Беларусь, проходящих службу во всех регионах страны. Так, на вопрос «Наиболее предпочтительной с точки зрения эффективности на предварительном следствии является следующая мера пресечения» были получены следующие ответы:

- 1) Подписка о невыезде и надлежащем поведении – 17,2 %;
- 2) Личное поручительство – 11,5 %;
- 3) Передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части – 2,3 %;
- 4) Отдача несовершеннолетнего под присмотр – 3,4 %;
- 5) Запрет определенных действий – 3,4 %;
- 6) Залог – 6,3 %;
- 7) Домашний арест – 9,2 %;
- 8) Заключение под стражу – 46,6 %.

Следует отметить, что современный этап развития мер пресечения характеризуется не только корректировкой их нормативной регламентации. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. УПК РБ дополняется новой ст. 123¹ «Запрет определенных действий», определяющей порядок реализации новой меры пресечения, состоявшей в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанности по соблюдению одного или нескольких запретов, а именно:

- 1) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- 2) пребывать в общем с потерпевшим жилом помещении и распоряжаться общей совместной собственностью (для подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в отношении члена семьи);
- 3) общаться с определенными лицами;
- 4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- 5) использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет;
- 6) управлять транспортным средством (если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) [10].

Думается, что одной из причин введения в уголовный процесс этой меры пресечения являлась попытка создания альтернативы домашнему аресту, т. к. до указанных корректировок подобные запреты (выхода из жилища полностью или в определенное время; телефонных переговоров, отправления корреспонденции и использования средств связи; общения с определенными лицами и принятия кого бы то ни было у себя) являлись только его составной частью. В то же время согласно ст. 75 Уголовного кодекса Республики Беларусь при постановлении приговора судом два дня домашнего ареста засчитываются за один день ареста, направления в дисциплинарную воинскую часть или лишения свободы, что, при очевидной мягкости данной меры пресечения, представляется не вполне справедливым.

Интересно, до настоящего времени в Беларуси сохраняется порядок санкционирования мер пресечения в виде запрета определенных действий, домашнего ареста и заключения под стражу прокурором, а не судом, как это предполагалось в Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной 10 апреля 2002 г. [8], и имеет место в Российской Федерации.

С другой стороны, в контексте тенденций по демократизации законодательства действующий УПК РБ допускает возможность судебного обжалования заключения под стражу и домашнего ареста, а также продления срока их применения. Вместе с тем, в исходной редакции ст. 144 данного уголовно-процессуального закона предусматривалась возможность судебной проверки исключительно законности названных решений. Интересно, что в 1994 г., когда в УПК БССР впервые появилась судебная проверка применения заключения под стражу и его продления, объектом проверки со стороны суда, помимо законности, выступала и обоснованность действий должностного лица органа уголовного преследования (ст. 220² УПК БССР 1960 г.). Но в связи с тем, что в ч. 2 ст. 25 Конституции Республики Беларусь контроль суда в обозначенной сфере ограничен лишь проверкой законности, то и в ст. 144 УПК РБ законодатель сохранил такой же подход [11, с. 29]. Указанный изъян был устранен Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. [12] и сегодня, как и в период с 1994 по 2000 г. суды, помимо законности, обязаны проверять обоснованность решений о заключении под стражу, домашнего ареста, а также продлении сроков указанных мер пресечения.

Завершая рассмотрение вопросов обозначенного проблемного поля целесообразно сформулировать следующие выводы. В действующем УПК РБ нормативное регулирование мер пресечения (гл. 13) впервые помещается в один раздел IV «Меры процессуального принуждения» наравне с задержанием (гл. 12) и иными мерами процессуального принуждения (гл. 14). Порядок применения мер пресечения не является статичным, а наоборот, белорусский законодатель не только активно уточняет механизм их реализации, но и дополняет их перечень новыми видами. В то же время, до сегодняшнего дня решение о санкционировании мер пресечения, существенно ограничивающих права и интересы подозреваемого и обвиняемого, в Республике Беларусь принимает прокурор, а не суд. Что, на наш взгляд, не является изъяном анализируемого института.

Библиографический список

1. Зайцева Л. Л. В новое столетие – с новым Уголовно-процессуальным кодексом // Юстиция Беларуси. 2000. № 2. С. 13–18.
2. Мытник П. В. Залог как мера пресечения // Юстиция Беларуси. 2001. № 3. С. 34–36.
3. Мытник П., Скрипко Т. Домашний арест // Судебный вестник. 2001. № 4. С. 36–38.
4. Савчук Т. А. Правовой механизм и практика применения мер пресечения в досудебном уголовном производстве: современное состояние и пути совершенствования // Теоретико-прикладные вопросы развития досудебного производства по уголовным делам на современном этапе : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 26–27 сент. 2019 г. : в 2 т. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. Новополоцк, 2019. Т. 2. С. 90–101.
5. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения : Указ Президента Республики Беларусь, 23.12.2010, № 672. Доступ из ИПС «ЭТАЛОН» (дата обращения: 24.03.2023).
6. В Следственном комитете проанализировали практику применения мер пресечения // Официальный сайт Следственного комитета Республики Беларусь. URL: <https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/v-sledstvennom-komitete-proanalizirovali-praktiku-primeneniya-mer-prescheniya-8565/> (дата обращения: 24.03.2023).
7. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь, 20.12.2007, № 297-3. Доступ из ИПС «ЭТАЛОН» (дата обращения: 24.03.2023).
8. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь, 10.04.2002, № 205. Доступ из ИПС «ЭТАЛОН» (дата обращения: 24.03.2023).
9. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Закон Республики Беларусь, 5 января 2015 г., № 241-3. Доступ из ИПС «ЭТАЛОН» (дата обращения: 24.03.2023).
10. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности : Закон Республики Беларусь, 06.01.2021. № 85-3. Доступ из ИПС «ЭТАЛОН» (дата обращения: 24.03.2023).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь с обзором изменений и практики применения / авт. обзора Л. Л. Зайцева. Минск : Амалфея. 544 с.
12. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросу усиления борьбы с преступностью : Закон Республики Беларусь, 4 января 2010 г., № 107-3. Доступ из ИПС «ЭТАЛОН» (дата обращения: 24.03.2023).

УДК 343.1

ЗАДЕРЖАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Чекачкова Г. Н., старший преподаватель,

Чубарова М. В., студент 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена описанию процедуры задержания лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Автор описывает комплекс процессуальных действий, которые включают в себя этапы задержания, условия, основания, сроки и иные действия, совершаемые уполномоченными органами в отношении задерживаемого лица.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, основания задержания, сроки, момент фактического задержания, уголовный процесс.

DETENTION OF A SUSPECT IN A CRIMINAL TRIAL

Chekachkova G. I., senior lecturer,

Chubarova M. V., 2nd year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the description of the procedure for detaining a suspect or accused of committing a crime. The author describes a set of procedural actions that include the stages of detention, conditions, grounds, terms and other actions performed by authorized bodies in relation to the detained person.

Keywords: detention of a suspect, grounds for detention, terms, time of actual detention, criminal trial.

Задержание подозреваемого в уголовном процессе – это осуществление органами государственной власти меры пресечения, которая заключается в ограничении свободы подозреваемого на определенный срок с целью обеспечения дальнейшего расследования уголовного дела и предотвращения скрытия от правосудия или угрозы общественной безопасности.

Ведущей целью задержания является установление истинности обвинений, предъявленных ему в соответствии с законом. Задержание позволяет остановить действия подозреваемого и обеспечить его нахождение под контролем правоохранительных органов во время проведения расследования. Для достижения цели процедуры задержания осуществляются следующие задачи: предотвращение побега лица; доставление лица к уполномоченным органам для решения вопроса о его причастности к совершению преступления и о применении к нему меры пресечения; обеспечение исполнения приговора в части уголовного наказания [6].

Задержание должно производиться без нарушения прав и свобод подозреваемого. Подозреваемый не должен быть подвергнут пыткам, жестокому или унижающему его достоинство обращению. Подозреваемый должен иметь доступ к защитнику-адвокату. Подозреваемый должен иметь право на невиновность до тех пор, пока его вина не доказана в суде [2].

Основными принципами задержания подозреваемого являются:

1. Законность. Задержание подозреваемого должно быть проведено в соответствии с установленными законом процедурами и требованиями.
 2. Необходимость. Задержание должно быть необходимым для обеспечения правопорядка, предотвращения новых преступлений или защиты общества и жизни людей.
 3. Пропорциональность. Задержание должно быть пропорциональным природе и серьезности предъявленных подозрений. Уважение к правам подозреваемого. Все права и свободы подозреваемого должны быть уважены и защищены в соответствии с законом.
 4. Безопасность. Задержание должно проводиться без нарушения жизни, здоровья и достоинства подозреваемого, а также лиц, находящихся рядом.
 5. Право на защиту. Подозреваемый имеет право на защиту и юридическую помощь на всех этапах задержания и дальнейшего уголовного процесса.
 6. Документирование. Все действия, связанные с задержанием, должны быть документированы в соответствии с требованиями закона.
- Также, для успешного осуществления задержания уполномоченными органами производится ряд следующих действий:
1. Сбор информации о подозреваемом: его местоположении, жизненном стиле, социальной активности и другой информации, которая позволит легче обнаружить и задержать подозреваемого.
 2. Разработка плана действий: на основе собранной информации нужно разработать детальный план действий для задержания подозреваемого. Это может включать в себя выбор места, времени и способа задержания.
 3. Подготовка оперативной группы: необходимо сформировать команду из специалистов, которые будут задействованы в операции по задержанию подозреваемого. Это могут быть полицейские, специальные агенты, военные или другие эксперты.
 4. Осуществление контроля: перед началом операции нужно установить контроль над всеми входами и выходами из здания или другого места, где находится подозреваемый.
 5. Использование технических средств: могут использоваться различные технические средства, такие как скрытые камеры, аппаратура для подслушивания или другие средства.
 6. Применение техники задержания: при задержании подозреваемого необходимо использовать технику задержания, которая позволит быстро и безопасно уничтожить сопротивление со стороны подозреваемого.

Задержание может быть произведено на месте. Если подозреваемый был пойман во время совершения преступления, обвинительный орган может заключить его под стражу сразу на месте. Также, задержание подозреваемого может производиться на границе. Подозреваемый может быть задержан при пересечении границы, если у него нет документов или если у него есть открытое уголовное дело в стране, куда он пытается въехать [5, 7].

Время задержания подозреваемого не должно превышать определенного законом срока и должно соответствовать требованиям конституционных прав человека и гражданина. Так, исключительно по решению допускаются суда арест, заключение под стражу и содержание под стражей. Часть 1 ст. 95 УПК РФ ссылается на Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». В данном Федеральном законе указаны порядок и условия содержания под стражей подозреваемых лиц.

До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов, в соответствии со ст. 22 Конституции РФ [1].

Выделяют следующие этапы задержания подозреваемого:

1. Момент фактического задержания – это время, когда лицо было задержано сотрудником правоохранительных органов. С момента фактического задержания начинается исчисляться срок задержания. На данном этапе проводится осмотр и само задержание подозреваемого или обвиняемого лица.

Момент фактического задержания подозреваемого – это время, когда подозреваемый был остановлен и задержан правоохранительными органами на основании достаточных доказательств, что он совершил преступление. Это могут быть различные события, такие как арест в общественном месте, задержание на производственной площадке или постановление на стенде. В каждом случае необходима прямая и неопровержимая улика, чтобы задержать подозреваемого и перевести его в подследную власть. В случае неправомерного задержания или нарушения прав подозреваемого, он может обратиться в суд с требованием возмещения ущерба. Так, при утверждении задержанных лиц с нарушением законности, также как лиц, содержащихся с несоблюдением срока, установленного ч. 2 и 3 ст. 94 УПК РФ, прокурор незамедлительно обязан принять соответствующие меры к их освобождению. Кроме того, под надзор прокурора подпадает и соблюдение сроков содержания под стражей лиц в следственных изоляторах, установленных ст. 109 УПК РФ [3,8].

В ч. 1 ст. 96 УПК РФ есть требование на «обязательное уведомление не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого кого-либо из близких родственников (при их отсутствии – других родственников)».

2. Доставка подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору, допрос.

Допрос подозреваемого в органе дознания является одним из основных методов получения информации от лица, которое подозревается в совершении преступления. В рамках допроса подозреваемого устанавливаются обстоятельства дела и уточняются факты, связанные с его участниками. При этом следователь должен обеспечить соблюдение прав подозреваемого, к которым относятся: право на защиту, право на неприкосновенность частной жизни, право на отказ от дачи показаний против себя и других лиц.

3. Процессуальное оформление путем составления протокола задержания. Протокол ведется сотрудником правоохранительных органов, который провел задержание лица. В протоколе указываются время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, на основании каких статей было произведено задержание, результаты его личного обыска, были ли применены силовые приемы в отношении задержанного лица, в присутствии кого было произведено задержание и иные обстоятельства.

Среди общих условий задержания подозреваемого выделяют следующие: 1) наличие возбужденного уголовного дела; 2) субъект, который осуществляет задержание, обязан занимать соответствующую должность, по правилам подследственности принять дело к своему производству или выполнять поручение другого органа и не подлежать отводу; 3) надлежащий объект задержания – задерживаемое лицо.

Основания задержания подозреваемого в уголовном процессе основаны на ст. 91 УПК РФ:

1. Когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения.

Данное основание предполагает нахождение лица в момент его фактического задержания в непосредственной близости от места совершения преступления или места обнаружения следов преступления.

2. Когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление.

Под очевидцами понимаются те свидетели, которые непосредственно присутствовали на месте преступления и наблюдали за его подготовкой, совершением или скрытием.

3. Когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

Такое основание предполагает связь подозреваемого с преступлением посредством объектов материального мира, элементов вещной обстановки.

4. Наличие иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

5. Подозреваемый может продолжать совершать преступления.

Таким образом, основанием для задержания лица должны являться фактические данные, определяющие основания подозревать его в причастности в совершении преступления, наказуемого по закону лишением свободы, которые могут быть извлечены из обстоятельств, перечисленных в статье 91 УПК РФ.

Итак, задержание подозреваемого в совершении преступления является одним из этапов уголовного процесса. Оно проводится сотрудниками правоохранительных органов с целью установления личности подозреваемого, его обвинения в совершении преступления и предоставления доказательств его вины. Задержание осуществляется по постановлению следователя, дознавателя или прокурора, которое необходимо выдать в письменной форме. Согласно данному документу, не позднее чем через сутки должно быть сообщено подозреваемому, а также его близким, о том, что он задержан. Подозреваемый должен быть уведомлен о причинах задержания, о его правах и обязанностях в момент фактического задержания. После задержания подозреваемого проводится следственная проверка, в ходе которой собираются доказательства его вины или невиновности. В зависимости от результатов проверки, подозреваемый может быть либо освобожден от обвинения, либо передан в суд для дальнейшего рассмотрения дела.

Касательно института задержания подозреваемого можно сделать следующий вывод. Задержание по своей специфике относится к превентивным мерам предупреждения возможных последствий, которые могут быть вызваны лицом, и отрицательно отразиться на развитии уголовного дела и уголовного судопроизводства в целом.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г.). Текст: электронный // Некоммерческие интернет-версии системы Гарант. <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2022).
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023): Текст: электронный // Некоммерческие интернет-версии системы Гарант. – <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2023).
3. Криминалистика : Министерство внутренних дел РФ / А.П. Резван, М.В. Кардашевская, Н.Ф. Колосов, Р.И. Могутин; Департамент кадрового обеспечения. Москва : Центр обеспечения кадровой работы МВД России, 2006. 328 с.
4. Булатов Б.Б., Кальницкий В.В. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие / Б.Б. Булатов, В.В. Кальницкий. Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 1 (88). С. 5–11.
5. Волобуева, К.О. Процессуальные аспекты взаимодействия следователя с прокуратурой и судом в ходе предварительного следствия / К.О. Волобуева, Н.Ф. Колосов // Форум. 2023. № 2(28). С. 320–324.
6. Гапонова В.Н. К вопросу о задержании в уголовном судопроизводстве России / В.Н. Гапонова. Текст : непосредственный // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 132–141.
7. Десятова О.В. Природа правоотношений, возникающих при фактическом задержании / О.В. Десятова. Текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. Совершенствование правоохранительной практики. 2022. № 3 (61). С. 73–80.
8. Друкаров, И.Л. Надзор прокурора за законностью задержания подозреваемых и обвиняемых и заключения под стражу / И.Л. Друкаров // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2(66). С. 78–82.
9. Ферзилаева С.Д. Задержание подозреваемого в уголовном процессе / С.Д. Ферзилаева. Текст : непосредственный // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 163–165.

Секция 3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Руководитель секции: Голоманчук Э.В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права

УДК 35.08

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ И КОНКУРСНОГО ОТБОРА В РОССИИ

**Абезин Д.А., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Белолипецкая К.С.**

Аннотация. Авторами произведен комплексный анализ научных и правовых аспектов государственной кадровой политики с целью выявления пробелов и противоречий в правовом регулировании государственно-служебных отношений, предложены конкретные меры, направленные на повышение эффективности конкурсных процедур на государственной службе и совершенствование государственной кадровой политики.

Ключевые слова: государственная кадровая политика, конкурсный отбор.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PERSONNEL POLICY AND COMPETITIVE SELECTION IN RUSSIA

**Abezina D.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd
Belolipetskaya K.S.**

Abstract. The authors carried out a comprehensive analysis of scientific and legal aspects of the state personnel policy in order to identify gaps and contradictions in the legal regulation of state-service relations, specific measures were proposed aimed at increasing the effectiveness of competitive procedures in the civil service and improving the state personnel policy

Keywords: state personnel policy, competitive selection.

Государственная кадровая политика призвана, в частности, создавать условия для реализации конституционного права граждан Российской Федерации на доступ к государственной службе, а равно права государственных служащих на профессиональный рост и развитие. Имея по своей природе весьма сложную структуру и являясь системой официально признанных целей, принципов и задач по организации и управлению кадровыми отношениями в государственном аппарате, кадровая политика выступает способом повышения эффективности кадрового потенциала в системе государственной службы, что можно рассматривать в качестве важной предпосылки укрепления нашего государства и функционирующих в нем органов управления. Иными словами, выработка и реализация научно-обоснованной и социально-ориентированной государственной кадровой политики представляет собой существенную потребность развития Российской Федерации на данном этапе своего существования, поскольку эффективное решение стоящих перед государством политических, экономических и социальных задач во многом зависит от персонала государственных органов.

При этом представляется, что кадровая политика – многоуровневое явление, включающее в себя не только кадровую политику в системе государственной службы, но и в иных секторах публичной власти, корпоративную кадровую политику в государственном и частном секторе.

Можно сделать вывод, что только при согласованной деятельности всех звеньев системы управления государством и общества возможно достичь необходимого единства всех уровней государственной кадровой политики, преследующих единую цель – регулирование кадровых отношений и процессов в Российской Федерации.

Правовой основой кадровой политики в системе государственной службы в Российской Федерации выступают внешние формы выражения законодательства, иными словами, официально установленные и закрепленные в государственно-служебном законодательстве правовые нормы, в которых выражается государственная воля [1].

Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» определяет основополагающее для рассматриваемого нами института понятие «государственная служба» как профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий государства и его органов, а также лиц, замещающих государственные должности [2]. При этом деятельность лиц, замещающих государственные должности, законами о государственной службе не регулируется, что свидетельствует о различном правовом поле данных явлений и возможности возникновения двойственности при рассмотрении затрагиваемых в нашей работе вопросов реализации кадровой политики и конкурсного отбора на равноуровневые должности государственного аппарата. Также не стоит забывать о ведомственном, региональном и муниципальном уровнях правового регулирования кадровых процессов, где наблюдаются аналогичные проблемы.

В итоге можно констатировать, в Российской Федерации действуют изолированные системы организации конкурсных процессов как на разных видах государственной службы, на муниципальной службе, так и на разных уровнях формирования высших управленческих кадров органов публичной власти и корпоративного сектора. Иными словами, в Российской Федерации отсутствует единая, иерархичная общенациональная кадровая политика, способная обеспечить согласованность деятельности всех звеньев и уровней аппарата публичной власти и отраслевого управления. Представляется целесообразным нормативное закрепление и реализация единых принципов кадровой политики на государственной, муниципальной службе, а также в отношении лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, должности в публично-правовых компаниях, в иных государственных и муниципальных организациях.

С нашей точки зрения, успешным примером упорядоченной системы, создающей единообразный подход к порядку формирования кадрового резерва, выступает Постановление Администрации Волгограда «Об утверждении положения о кадровом резерве муниципальной службы в администрации Волгограда, Положения о резерве управленческих кадров в администрации Волгограда» [3]. Представляется, что подобная интеграция в единый правовой акт на региональном и федеральном уровнях системы формирования резерва кадров государственных служащих и лиц, замещающих государственные должности в большей мере содействует уменьшению субъективизма при реализации кадровых процессов путем объединения в себе регламентированного механизма существования кадрового резерва, что, в конечном счете, будет способствовать формированию общенациональной кадровой политики.

При этом ограничиваться нормативным закреплением единых подходов при замещении должностей государственной (муниципальной службы) и государственных (муниципальных) должностей нельзя. Сегодня мы можем констатировать недостаточную открытость, прозрачность и эффективность процедур отбора, прежде всего, на высшие группы должностей гражданской и муниципальной службы, а также на некоторые виды государственных и муниципальных должностей, должностей в иных государственных и муниципальных организациях. Прежде всего, речь идет о принципах прозрачности и открытости кадровых решений при реализации кадровой политики, направленных на формирование высокопрофессионального кадрового состава на всех уровнях публичного управления.

Одним из важнейших направлений деятельности руководителей и кадровых служб выступает весьма сложный и многогранный процесс комплектования штатных должностей государственных и муниципальных организаций высококвалифицированными кадрами, что возможно достичь исключительно посредством осуществления ряда мероприятий, обеспечивающих соответствие профессиональных и личностных качеств человека установленным требованиям вида деятельности, должности, именуемых термином «конкурсный отбор».

Сущностью данного процесса является идентификация, сопоставление нормативно установленных общих критериев с фактическими данными конкретного лица, что выступает непосредственным отбором наиболее подходящих кандидатов. При этом необходимо отметить наличие нескольких видов отбора на должности, цели которых не идентичны. Так, первичный отбор осуществляется при замещении вакантной должности, исходя из наиболее общих требований к кандидату в то время, как пролонгированный отбор, который проводится многократно в период нахождения лица на службе, в целом выступает средством регулирования и обеспечения принципов равенства и демократизма при прохождении государственной или иной службы и, одновременно, механизмом служебного продвижения служащего [4].

Можно выделить несколько разновидностей отбора кадров на должности. Основным является профессиональный отбор, который можно охарактеризовать как процесс идентификации качеств претендента и установленных критериев конкретной должности. Профессиональный отбор – явление комплексное, поскольку в процессе его осуществления лицо подбирается на должность исходя из ряда критериев: профессионального образования, его уровня и профиля, стаж государственной службы или работы по специальности, профессиональных способностей, в том числе профессионального опыта и личностных качеств.

Помимо профессионального отбора можно выделить отбор интеллектуальный, критериями которого выступают уровень культуры, кругозор и т.д.; психологический, посредством которого происходит сопоставление психологических особенностей профессиональной деятельности и психологических характеристик личности; медицинский – определяющий соответствие кандидата установленным требованиям здоровья для конкретной должности.

Конкурсный отбор базируется на основополагающих принципах, предъявляемых к организации, содержанию и процессу осуществления конкурсных процедур. В первую очередь необходимо выделить всеобъемлющий принцип законности, в соответствии с которым процедура отбора должна осуществляться неукоснительно в соответствии с требованиями закона. Во-вторых, отсутствие какой-либо дискриминации по признакам пола, расы, национальности и т.д., что вытекает из законодательно закрепленных конституционных основ правового статуса личности.

Помимо вышеназванных, базовых принципов осуществления конкурсного отбора, с нашей точки зрения, необходимо выделить и специальные, характерные для данной процедуры принципы. К таким следует отнести принцип профессионализма и компетентности кандидатов, законодательно устанавливающий критерии для конкурсантов и исключающий возможность прохождения отбора лицом без полного соответствия им. При этом важно не только обеспечить единство основных требований, предъявляемых к претендентам на должности, а также правил поступления на службу, не менее важным представляется возможность выявления в ходе конкурсных процедур наиболее востребованных компетенций для тех или иных категорий должностных лиц, а также определение соответствия их оценки.

Следует отметить, что в последние годы в Российской Федерации совершенствуются методики отбора на высшие должностные позиции, в том числе посредством отк-крытых массовых кадровых конкурсов. Примерами таких конкурсов являются: на федеральном уровне – конкурс «Лидеры России»; на региональном уровне – конкурсы, направ-ленные на поиск региональных лидеров в Нижегородской, Липецкой, Ульяновской областях; аналогичные конкурсы в отдельных российских компаниях и корпорациях – ТМК, Сбер [5, с.74-79]. Вместе с тем, данная практика не стала на сегодняшний день правилом и повсеместной практикой ни в органах публичной власти, ни на корпоративном или отраслевом уровнях управления. Эту ситуацию необходимо менять.

Механизм открытых массовых кадровых конкурсов, при соблюдении вышеупомянутых принципов отбора, позволит повысить общественное доверие к институтам публичной власти и превратить управленческий аппарат в инструмент, способствующий повышению эффективности социально-экономического развития страны. В противном случае возникает проблема недостаточной проработанности методики проведения конкурсных процедур и, вытекающих из этого, субъективизма и коррупционных моментов при осуществлении конкурсного отбора. Полагаем, что к возможным коррупционным ситуациям в процессе конкурсного отбора при несоблюдении вышеуказанных принципов и нечеткости процедур следует отнести, прежде всего, взяточничество, неопитизм, протекционизм. Из вышесказанного следует вывод, конкурсный отбор должен проводиться исключительно в заранее определенных законных целях при соблюдении нормативно закрепленных принципов и процедур. Данный подход на практике позволяет достичь укрепления кадрового потенциала как на государственной службе, так и в корпоративном секторе.

На сегодняшний день существуют проблемы в сфере кадровой политики и конкурсного отбора в российском государстве, необходимость скорейшего разрешения кото-рых объективно существует.

В качестве первой проблемы следует выделить проблему единства государственной кадровой политики в пределах российского государства. Как уже было отмечено, на данном этапе в Российской Федерации сложились изолированные системы организации конкурсных процедур и формирования кадровых резервов как на разных видах госу-дарственной службы, так и на разных уровнях формирования управленческих кадров. С целью разрешения выделенной проблемы необходимо, чтобы кадровая политика в Рос-сийской Федерации была основана на единых принципах, включая федеральную, региональную, муниципальную кадровую политику. В этом случае, все уровни кадровой поли-тики Российской Федерации, являясь взаимосвязанными и взаимозависимыми частями единого явления и находясь в системе, взаимодействуя между собой, имеют общую цель, заключающуюся в организации эффективной власти.

Помимо этого, для обеспечения единства общенациональной кадровой политики, необходимо закрепление и реализация общей системы осуществления конкурсных процедур и формирования кадрового резерва не только в системе государственной службы Российской Федерации, но и на муниципальной службе, а также в отношении лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, должности в публично-правовых компаниях, в иных государственных и муниципальных организациях.

К проблемам в сфере государственной кадровой политики относится расхождение провозглашенных нормативных положений с их практической реализацией. Без искоренения формального подхода в реализации конкурсных процедур и формировании кадрового резерва, без реального претворения нормативно закрепленной системы органи-зации кадровой политики РФ в жизнь, а равно без соблюдения процедур, закрепленных в нормативных правовых актах, неизбежно возникновение еще одной злободневной про-блемы — субъективизма при осуществлении механизмов формирования и реализации кадровой политики, коррупции и использования инструментов кадровой политики в личных интересах.

Представляется необходимым, во-первых, обеспечение объективного и прозрачного, основанного на предписаниях закона, отбора управленческих кадров в органы власти и иные государственные и муниципальные организации, в кадровый резерв путем конкретизации положений, касающихся правового регулирования проведения кадровых процедур, а также унификации требований к должностям. Необходимо осуществлять конкурсный отбор и объективную оценку кандидатов в действительности согласно нормам законодательства.

Во-вторых, с целью формирования высококвалифицированного кадрового состава возможно учреждение государственного органа, независимого от государственных и общественных структур и учитывающего как краткосрочные, так и долгосрочные кадровые потребности органов власти, осуществляющего вышеперечисленные обязанности посредством применения в своей работе актуальных методов и технологий.

В-третьих, для ликвидации бессистемности при формировании профессионального кадрового резерва и субъективизма в случае единоличного решения представите-лем нанимателя вопросов назначения из кадрового резерва следует сформировать систему замещения вакантной должности путем назначения на нее кандидата из резерва, явля-ющегося первым в рейтинговом списке, обязанность составления которого возлагается на конкурсную комиссию в момент вхождения претендентов в резерв кадров.

В отдельных звеньях государственного аппарата и в некоторых корпорациях предпринимаются безуспешные попытки разрешения указанных проблем и претворе-ния в жизнь принципов эффективной кадровой политики не только de iure, но и de facto. Идет процесс создания нормативной и методической базы, обеспечивающий качествен-ный отбор кадров, проверку их профессиональной компетенции, разработаны и утверждены формы, методы осуществления кадровой оценки, что создает основу для эффективно-го противодействия коррупционным проявлениям в процессе реализации кадровой политики. Однако на сегодняшний день говорить о завершении процесса формирования зако-нодательства, отсутствии в нем неразрешенных вопросов в сфере кадровой политики и конкурсного отбора, на наш взгляд, невозможно.

Существующие проблемы можно ликвидировать в случае отсутствия формализма при осуществлении нормативно закрепленных процедур, форм и методов реализа-ции государственной кадровой политики на всех уровнях публичного управления и перманентном процессе совершенствования процедур и методик отбора кадров.

Библиографический список

1. Кузнецов, И.А. Общая теория государства и права / И.А. Кузнецов. Волгоград: Изд-во ВФ ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 340 с.
2. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
3. Постановление Администрации Волгограда «Об утверждении Положения о кадровом резерве муниципальной службы в администрации Волг ограда, Положения о резерве управленческих кадров в администрации Волгограда» от 17.08.2016 г. № 1293 // Волгоградская правда. 2016. 03 сентября (№ 85).
4. Черепанов, В.В. Основы государственной службы и кадровой политики / В.В. Черепанов. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2017. 679 с.
5. Комиссаров, А.Г. Методология оценки компетенций и отбор высших управленческих кадров / А.Г. Комиссаров // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2023. № 1. С. 63–85. EDN KDTCWJ.

УДК 351

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Булетова Н.Е., доктор экономических наук, доцент,
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей институциональных изменений, которые в современной истории административного права России находят свое отражение в реформах бюджетного федерализма, в подходе к финансированию деятельности бюджетных организаций и т.п. Автор представляет набор факторов, на внешнем и внутреннем уровне определяющих и влияющих на вектор и результаты развития системы государственного управления в нашей стране. Особое внимание в рамках теории институционализма и в целом подходов к определению роли и направлений участия государства в управлении экономическими процессами уделено системе национальных проектов, включая федеральный проект «Экономика замкнутого цикла». Представлены ключевые направления повышения эффективности государственного управления в рамках проектного менеджмента и концепции устойчивого развития.

Ключевые слова: институциональные изменения, бюджетные реформы, проектный менеджмент, устойчивое развитие.

INSTITUTIONAL CHANGES IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM: MAIN TRENDS AND THEIR REFLECTION IN THE RUSSIAN ADMINISTRATIVE LAW

Buletova N.E., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow

Abstract. The article is devoted to the study of the features of institutional changes, which in the modern history of Russian administrative law are reflected in the reforms of budgetary feder-alism, in the approach to financing the activities of budgetary organizations, etc. The author presents a set of factors that determine and influence the vector and results of the development of the public administration system in our country at the external and internal levels. Particular attention within the framework of the theory of institutionalism and, in general, approaches to determining the role and directions of state participation in the management of economic processes is given to the system of national projects, including the federal project «Circular Econo-my». The key directions for improving the efficiency of public administration within the framework of project management and the concept of sustainable development are presented.

Keywords: institutional changes, budget reforms, project management, sustainable development.

«Формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений», а «неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям»
Д. Норт

Тенденции в формализации и актуальных изменениях в тех нормах, которые на правовой основе регламентируют и регулируют процессы и отношения в сфере госу-дарственного управления и в открытых социально-экономических отношениях, в которых роль и участие государства является ключевым на фоне важности и безальтернативно-сти антициклической, антикризисной государственной политики имеют более 30-летнюю современную историю, к основным фехам которой можно отнести:

- либерализацию цен 1992 года и дефолт 1998 года, активное включение России в мировую экономику на условиях приверженности принципам рыночной экономики и выполнения требований норм и правил международных институтов, например МВФ, ВТО и т.п. Самым ярким примером такого соответствия является Руководство по статисти-ке государственных финансов МВФ 2001 года [1] или Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) [2];

- переход системы государственного и муниципального управления России на модель управления по результатам как альтернатива модели управления по затратам в условиях применения принципов эффективности расходования бюджетных средств и применения коммерческих методов планирования, контроля и аудита для повышения эф-фективности принимаемых решений;

- логическим продолжением реализации западной модели эффективного государственного и муниципального управления стала коммерциализация бюджетных услуг, затронувшая все бюджетные учреждения с изменением их классификации и статуса получателя бюджетных средств на получателя бюджетных субсидий. Борьба с государственной «монополией» на предоставление населению бесплатных общественных благ в области медицины, образования, культуры, спорта привело на первом этапе к выходу на рынок бюджетных услуг коммерческих конкурентов с целью создания условий для оптимизации «ценообразования» на такие услуги для населения в сторону уменьшения в условиях конкурентной борьбы, и повышения качества как экономически признанный результат перехода от монополизации сферы деятельности в сторону монополистической конкуренции. В результате бюджетные учреждения, имея статус некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства (один сектор экономики обслуживает второй сектор экономики), являются полноценным участником рынка услуг для населения в перечисленных сферах деятельности и принимают активное участие в формировании добавленной стоимости и национальной экономики.

К современным тенденциями 2023 года следует отнести как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе с учетом приоритетов стратегического развития страны и системы государственного управления, следующие направления деятельности, в первую очередь, государственной исполнительной власти:

- на фоне растущего противостояния между тенденциями и угрозами глобализации и защиты национального экономического суверенитета происходит постоянная переоценка внешних и внутренних угроз национальной и экономической безопасности государства, что находит свое отражение в содержании соответствующих стратегий и других документах, и проектах;

- наращивание темпов устаревания норм и требований таких международных организаций, как МВФ со своими руководствами для стран-членов по построения системы государственной исполнительной власти, учета и идентификации состояний и процессов, соответствующих или не соответствующих общемировой финансовой, политической систем и т.п.; другой пример – Всемирный банк и проблемы с достоверностью и коррупционной составляющей представителей организации при составлении международных рейтингов на примере рейтинга стран мира «Doing Business», в результате чего с 2021 года данный рейтинг не публиковался;

- по накопленной массе незаконных западных санкций, затронувших все сферы жизни страны и отрасли экономики, и возможность полноценно реализовывать механизмы и инструменты государственной политики, проблема прироста инвестиций в российскую экономику нарастает и требует все большей ориентации на внутренние инвестиции и потенциал их прироста, так как в текущем периоде именно бюджетные инвестиции выступали практически единственным гарантом финансирования проектов в ряде отраслей национальной экономики.

Рассматривая государство и его институты как ключевого экономического агента национальной экономики и субъекта предпринимательской деятельности, отметим наиболее долгосрочные направления влияния государственных институтов на других экономических агентов (фирмы и домашние хозяйства):

- в соответствии с концепцией устойчивого развития, реализация которой, в том числе, происходит через внедрение в национальные денежно-кредитные системы принципов ответственного инвестирования ООН, в политике Банка России отражаются планы и цели внедрения данных принципов в систему инвестирования реального сектора экономики, несмотря на изменение ситуации в мировой экономике и кризис финансовой и политической систем;

- на уровне Правительства РФ, в деятельности которого сосредоточены все инструменты и средства государственного проектного менеджмента, в соответствии с ЦУР ООН (целями устойчивого развития) обеспечивается управление национальными показателями достижения ЦУР в России [3]; можно говорить о полномочном включении концепции Менеджмент 3.0 в проектное управление на уровне проектных офисов органов исполнительной власти федерального, регионального и местного уровней, направленных, в том числе на полноценное использование всех преимуществ Менеджмент 3.0 (партиципативное управление, стратегия при неопределенности, экосистема, Agile, организационные трансформации [4]) с учетом особенностей государственной финансовой системы и условий прозрачности и доказательности принимаемых решений и ожидаемых результатов управления;

- в продолжение повестки устойчивого развития на уровне корпоративной политики фирм (в первую очередь, для крупного бизнеса) актуальным является адаптация действующей корпоративной политики к ESG-факторам, ориентирующим корпоративный менеджмент на внедрение принципов экологического, социального и управленческого поведения менеджмента при принятии решений в области углеродной нейтральности экономической деятельности, предотвращения действий в области недобросовестной конкуренции, коррупции и налоговой прозрачности [5, с. 7].

Еще одним актуальным направлением повышения роли государства и обеспечения эффективного взаимодействия с бизнес-структурами в рамках преодоления системных кризисов в экономических процессах и трансформации бизнес-модели в направлении циркулярного развития с минимальными отходами экономической и потребительской деятельности, что основывается на регулируемом со стороны государства внедрении в национальную экономику (начиная с трансформации нормативно-правового регулирования) таких бизнес-моделей экономики замкнутого цикла как: модели рекуперации ресурсов, модели продления сроков службы изделий, модели сервисного обслуживания [6].

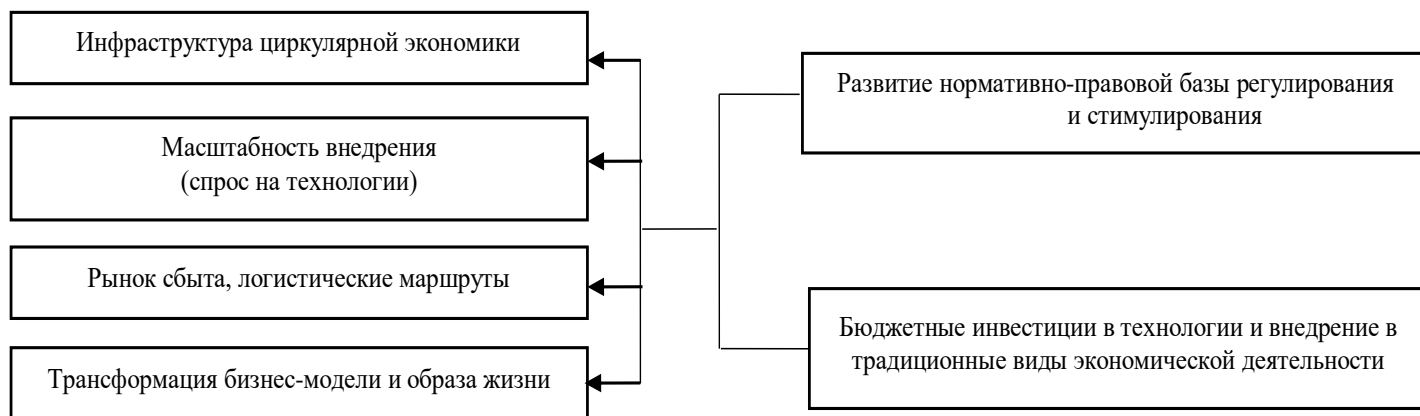

Рис. 1 Меры и направления воздействия государства на трансформацию национальной экономической системы

На рисунке 1 представлены содержательные характеристики ответственности и направления воздействия государственной политики по трансформации экономической системы с целью повышения ее эффективности и устойчивости.

Совокупная эффективность системы государственного управления и состояния, развития объектов управления является главным условием устойчивости и сбалансированности действий и взаимодействия государства с другими экономическими агентами. Это позволяет подвести итог в обосновании ключевых направлений повышений эффективности системы государственного (и муниципального) управления в современных условиях и тенденциях – как мировых, так и национальных:

- полноценное внедрение направлений и элементов концепции Менеджмент 3.0. в государственный проектный менеджмент с учетом особенностей принципов и полномочий государства в сфере финансовых и бюджетных процессов, отношений;

- поддержка и стимулирование со стороны государства внедрения в деятельность всех фирм ESG-принципов как в экологической, социальной, так и в управленческой сфере, в первую очередь – в управлении персоналом, прозрачности налоговых отношений, недопущении недобросовестной конкуренции и коррупции;

- стимулирование и регулирование процессов внедрения технологий и условий применения бизнес-моделей циркулярной экономики (пример федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» 2022 года [7]).

Библиографический список

1. Руководство по статистике государственных финансов 2001 года. URL: <https://minfin.gov.ru/common/img/uploaded/library/2004/06/408372.pdf> (дата обращения: 15.04.2023).
2. Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) ВТО. Приложение 1В к Марракешскому Соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902340076> (дата обращения: 15.04.2023).
3. Росстат. Национальный набор показателей ЦУР. URL: <https://rosstat.gov.ru/sgd/national> (дата обращения: 18.04.2023).
4. Сафонов А. Деловое совершенство: эволюция менеджмента от механистического к социальному типу организации // Business Excellence. 2022. № 8. С. 40–45.
5. Buletov N.E., Stepanova E.V., AlMoatassembellah Mostafa Mohamed, Timofeeva G.V., Skachkova S.A. Sustainable Digital Development of Russian Agricultural Territories: Considering ESG Factors // Managing Sustainable Development. 2022. № 2 (39). С. 5–12.
6. Экономика замкнутого цикла: Обзор международных подходов. Отчет Департамента многостороннего экономического сотрудничества Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d30/obzory_i_analitika/minekonomrazvitiya_rossii_podgotovil_obzor_mezhdunarodnyh_podhodov_po_ekonomike_zamknutogo_cikla.html (дата обращения: 18.04.2023).
7. Паспорт федерального проекта «Экономика замкнутого цикла». URL: news.solidwaste.ru/wp-content/uploads...pasport.pdf (дата обращения: 18.04.2023).

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТАПОВ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В СССР

Голоманчук А.Е., студент 2 курса бакалавриата, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
Каюшникова Ю.Е., старший преподаватель, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу этапов конституционного развития СССР. Автор анализирует все советские Конституции, выявляются особенности конституционного процесса, его плюсы и минусы. Подчеркивается, что изучение истории конституционного развития России помогает понять, как формируется современное правовое сознание и культура общества, а также выявить потенциальные угрозы, связанные с возможным ретроградным развитием правовой системы.

Ключевые слова: этапы конституционного развития, конституционное развитие, конституционный процесс в советской России.

HISTORICAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF THE STAGES OF CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT IN THE USSR

Golomanchuk A.E., 2nd year undergraduate student, Volgograd State Socio-Pedagogical University
Scientific Supervisor: Kayushnikova Yu.E., senior lecturer, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the historical and legal analysis of the stages of the constitutional development of Russia. The author analyzes all Soviet Constitutions, identifies the features of the constitutional process, its pros and cons. It is emphasized that the study of the history of the constitutional development of Russia helps to understand how the modern legal consciousness and culture of society is formed, as well as to identify potential threats associated with the possible retrograde development of the legal system.

Keywords: stages of constitutional development, constitutional development, constitutional process in Soviet Russia.

Изучение этапов конституционного развития в России – это актуальная тема, поскольку она позволяет лучше понимать особенности и проблемы существующего конституционного права и правовой системы в Российской Федерации. Кроме того, анализ исторических этапов конституционного развития помогает определить тенденции и возможные сценарии будущего развития правовой системы страны.

Одной из причин актуальности изучения этапов конституционного развития может являться необходимость понимания, какие идеи и концепции легли в основу существующего конституционного строя.

Однако изучение истории конституционного развития России имеет и практический аспект. На основе анализа предыдущих этапов развития государства можно выработать новые подходы и стратегии развития правовой системы, которые учитывают и предотвращают совершение ошибок и провалов, связанных с исторической практикой. Знание об этапах конституционного развития позволяет также более осознанно разрабатывать конституционные акты, учитывать опыт предшествующих попыток создания правовых норм и институтов.

Понятие «этапы конституционного развития» означает, что систематически проводящиеся конституционные реформы со временем приводят к изменениям и эволюции политической и правовой системы страны. Каждый этап конституционного развития характеризуется своими идеологиями, ценностями, институтами и способами распределения власти. Под этапами конституционного развития обычно понимают периоды времени, когда происходят возможные конституционные изменения или реформы, из-за которых меняются структуры и функционирование политической системы.

В целом, изучение этапов конституционного развития в России имеет большой теоретический и практический интерес. Это помогает учитывать опыт и ошибки предшествующих попыток реформирования политической и правовой системы, выработать оптимальные решения при проектировании новых конституционных актов, а также формировать научно обоснованный и адекватный подход к конституционной теории и практике России.

История появления Конституции в России связана с длительным процессом становления и развития государственной власти. Первой конституцией России была принята в 1906 году и представляла собой попытку установить правовые основы современной конституционной демократии.

Перечень основных прав и свобод был установлен в Конституции 1906 года, а полномочия государственных органов и их взаимодействие были определены в деталях. Конституция 1906 года была принята после революции 1905–1907 годов и предполагала открытую политическую жизнь страны и участие граждан в управлении государством. Однако реализация этих положений была затруднена из-за отсутствия политической культуры и нежелания многих государственных деятелей участвовать в демократических процессах.

В последующие годы Россия прошла через ряд революционных событий и войн, что привело к установлению коммунистического режима и утверждению конституции, которая также называлась Основной закон страны. Эта конституция была принята в 1918 году и формально гарантировала права и свободы граждан, однако вскоре стала инструментом установления однопартийной власти и ограничения прав и свобод граждан.

Конституция Российской Федеративной Советской Социалистической Республики (РФСР) 1918 года была принята 10 июля 1918 года и стала первым документом, определяющим конституционный порядок построения советской власти в России. Эта конституция заменила Временное правительство и формально учредила Советскую Россию.

Основные принципы этой конституции заключались в установлении диктатуры пролетариата, коллективизации земли и индустриализации экономики. Конституция не признавала частной собственности на землю и предприятия, а также устанавливала плановую экономику и государственную монополию на внешнюю торговлю [4, с. 78].

Конституция 1918 года установила Верховный Совет как высший орган государственной власти, который собирался раз в год. Верховный Совет формально утвердил Совет Народных Комиссаров как исполнительный орган власти. Правительственный аппарат был полностью подчинен Совету Народных Комиссаров, который также координировал деятельность региональных экспериментальных советов.

Одной из особенностей принятия этой конституции было отсутствие всенародного референдума, чтобы узаконить Ленинскую власть. Решение о принятии Конституции было принято от имени Верховного Совета, который в свою очередь был выбран из узкого круга сторонников большевистско-коммунистической власти. Тем не менее, неопределенность власти и слабость органов государственного управления на территории России, а также угрозы вторжения белых армий и немецких войск, побудили большевиков принять конституционный документ и установить законодательную базу для своей власти.

Конституция 1918 года действовала менее чем год, и была заменена Конституцией 1924 года. Несмотря на краткое время своего существования, она оказала огромное влияние на развитие политической и правовой системы Советского государства, а также на идеологию и практику коммунизма во всем мире. Все последующие конституции, принимаемые Союзом Советских Социалистических Республик, были базированы на принципах, заложенных в Конституции 1918 года, и продолжали развиваться в рамках этих принципов.

Конституция Союза Советских Социалистических Республик (СССР) 1924 года была принята 31 января 1924 года и заменила Конституцию Российской Федеративной Советской Социалистической Республики 1918 года. Эта конституция была первой федеральной конституцией СССР и заложила основы конституционной и политической системы СССР на более чем 50 лет [1, с. 19].

Основным принципом Конституции 1924 года была установка федеративного государственного устройства в СССР, в котором республики имели самоуправление и равные права. Конституция также определяла государственное устройство СССР в качестве федерации Советских социалистических республик, организационные формы местного самоуправления и деятельность государственных органов на всех уровнях власти.

Конституция СССР 1924 года установила Верховный Совет СССР как высший орган государственной власти, а также Совет Народных Комиссаров (СНК) как высший исполнительный орган власти. СНК был компетентен во всех вопросах гражданского и экономического управления на всей территории СССР, а также имел право издавать указы и распоряжения, обязательные для исполнения. Республики в составе СССР сохраняли право самоуправления и действовали в соответствии с Конституцией СССР [3, с. 9].

Принятие Конституции 1924 года происходило в условиях политических и экономических преобразований в СССР. Эта Конституция была принята после смерти Владимира Ленина, когда появилась необходимость утверждения нового статуса СССР в мировом сообществе. Она также определяла государственный уклад СССР, направленный на укрепление федерации и сокращение влияния национальных республик.

Конституция СССР 1924 года действовала до принятия Конституции СССР 1936 года, и была заменена в результате кардинальных изменений в целом государственном устройстве страны. Однако, эта Конституция существенно влияла на развитие политической и правовой системы СССР на протяжении многих десятилетий и долгое время была основным источником законодательства в СССР.

Конституция Союза Советских Социалистических Республик (СССР) 1936 года была принята 5 декабря 1936 года и стала третьей конституцией СССР. Эта конституция была важным шагом в развитии советской государственности, установив принципы социалистической демократии, которые были активно продвигаемы в СССР в те годы.

Основной принцип Конституции 1936 года заключался в установлении социалистической демократии, в рамках которой все граждане имели равные права и свободы, включая право на труд, свободу слова, прессы, собраний, религиозных и национальных прав. Кроме того, конституция устанавливала гарантии социального обеспечения для граждан в качестве благ освобождения от эксплуатации, дискриминации на основе расы, пола и религии. Конституция устанавливала также любой человек должен работать и что государство должно обеспечить каждому работу [5, с. 247].

Конституция СССР 1936 года также устанавливала Верховный Совет СССР, со вновь созданными Палатой Советов и Советом народных комиссаров. Конституция также описывала функционирование органов власти на местном уровне, включая Советы депутатов народов и Советы депутатов трудящихся.

Принятие Конституции 1936 года происходило в условиях политической стабильности в стране, и она стала попыткой закрепить успехи Советской власти в укреплении социалистического государства. Вместе с тем, она была продиктована необходимостью укрепления власти Иосифа Сталина, который был в это время Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Конституция СССР 1936 года имела огромное значение для общественной жизни СССР и была выражением политической идеологии, господствовавшей в СССР в тот период. Она создала базу для развития социалистической политики и использовалась для регулирования большинства аспектов жизни граждан СССР на протяжении последующих десятилетий. Кроме того, она существенно повлияла на политический и правовой порядок во всем мире, особенно в странах, где были установлены социалистические режимы.

Конституция Союза Советских Социалистических Республик (СССР) 1977 года была принята 7 октября 1977 года и стала четвёртой и последней конституцией СССР. Она была результатом длительной работы конституционной комиссии и была принята в период, когда в СССР происходило затихие в политической жизни после периода «оттепели».

Основным принципом Конституции 1977 года была установка социалистического государственного устройства в СССР, основанного на диктатуре пролетариата – то есть, тоталитарных принципах, в которых политическая власть концентрируется в руках партийной элиты – Коммунистической партии СССР. Конституция устанавливала глубокий сверху вниз принцип власти, описывая высшие государственные органы, а также местные органы власти.

В то же время, Конституция 1977 года включала крупные изменения, гарантирующие гражданам некоторые права, которых не было в предыдущих конституциях. Так, было установлено право на питание, здравоохранение, жилье и постоянную работу. Конституция также обеспечивала свободу совести, слова, собраний и прессы, хотя они были существенно ограничены политикой СССР по контролю над обществом [2, с. 117].

Принятие Конституции 1977 года было закрытым процессом. Она была разработана и принята секретной конституционной комиссией, члены которой были назначены Техническим советом Верховного Совета и были конвоированы участниками КГБ. В конечном счёте, Конституция была одобрена Верховным Советом СССР печально известной единогласной процедурой.

Конституция СССР 1977 года действовала в СССР на протяжении 14 лет, до распада СССР в 1991 году. Она была одобрена в условиях жесткой цензуры и контроля над обществом, и её положения противоречили установленным всемирным стандартам прав человека. Конституция СССР 1977 года существенно влияла на политическую и правовую систему СССР, а также на систему социального и экономического управления страной на протяжении всего периода её действия.

Современная Конституция Российской Федерации была принята в 1993 году, после развала Советского Союза и периода политических и экономических реформ в России. В ней были зафиксированы основные принципы государственного строя и установлены права и свободы граждан. Однако конституция не была полностью реализована, многие положения были нарушены или не претерпели изменений для адаптации к новым условиям.

Конституционное развитие в России претерпело ряд изменений за все годы ее существования. Особенно было активно перестроено государство в начале XX века, после Октябрьской революции и перехода к советским структурам власти. В последующие годы были завершены основные политические и экономические реформы, которые привели к созданию современной Конституции.

Сущность конституционного развития заключается в последовательных изменениях конституционной системы страны, которые приводят к смене формы государственного устройства, установлению новых прав и свобод граждан, определению полномочий государственных органов и их взаимодействия. В процессе конституционного развития происходит постепенное совершенствование правового регулирования политических, экономических и иных важных для общества процессов.

Конституционное развитие Советского Союза включало несколько этапов, начиная с принятия первой конституции в 1918 году до последней конституции 1977 года.

Особенности конституционного развития в СССР:

1. Однопартийная система. Вся политическая власть концентрировалась в руках Коммунистической партии Советского Союза, что означало, что осуществление конституционных прав граждан контролировалось партией. В то же время, Конституция СССР устанавливала гарантии социальных, экономических и политических прав для граждан, включая право на работу, здравоохранение, жилье и образование.

2. Централизованное управление государством. Конституции СССР устанавливали сильную централизацию власти, начиная от высших инстанций – Парткома и Совета Министров, и заканчивая местными органами власти, такими как Советы депутатов народов и Советы депутатов трудящихся.

3. Отсутствие судебной независимости. В СССР судебная власть не была независимой, и её действия контролировались центральными властями. Суд состоял из представителей КПСС, а обвинение и защита были осуществлены государственными адвокатами.

Плюсы процесса:

1. Широкая социальная защита граждан. Работоспособное население получило гарантии социального обеспечения, включая право на работу, бесплатное здравоохранение и образование, а также гарантированный доступ к жилью. Это защитило граждан от бедности и низкого уровня жизни.

2. Прогрессивный экономический рост. СССР сумел достичь впечатляющих результатов по экономическому росту, особенно в годы пятилеток. Это позволило улучшить жизненный уровень граждан, обеспечить повышение квалификации и международно укрепить положение страны.

Минусы процесса:

1. Ограничивались права и свободы граждан. Несмотря на формальное обеспечение гарантий, существовали ограничения на свободу совести, слова и на собрания. Контроль партии над социальной, экономической и политической жизнью страны привел к ограничениям свободы личности, к культуре одной лидерской фигуры и к запрету на любую форму политической оппозиции.

2. Ограничения на демократические процессы. Партия была единственным политическим организмом в СССР, поэтому выборы были формальностью, без альтернативных кандидатов и партий. Это подорвало доверие и общества и отчасти привело к распаду СССР и возникновению современной Российской Федерации.

Библиографический список

1. Дулич Л.М., Вахмистров В.П. Этапы развития российской конституции: от конституционной монархии до социалистической конституции 1925 года // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 2 (47). С. 18–23.
2. Климов И.П. Права и свободы граждан в Конституции СССР 1977 г. и их реализация // Евразийский юридический журнал. 2017. № 1 (104). С. 111–113.
3. Майоров В.И. Этапы конституционного развития России // Южноуральский юридический вестник. 2003. № 6 (32). С. 8–10.
4. Назарова Т.В. Этапы конституционного развития России: опыт и перспективы // Проблемы качества российского законодательства. сборник научных трудов. С.Б. Верещак (отв. ред.). Чебоксары, 2015. С. 78–81.
5. Упоров И.В. Конституция СССР 1936 года: необходимость принятия и обсуждение проекта основного закона // Заметки ученого. 2023. № 2. С. 246–250.

УДК 342.553, 342.9

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАЯВИТЕЛЯ О КОРРУПЦИИ

Голоманчук Э.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу правового статуса заявителя о коррупции. Автором выявлены проблемы защиты заявителя о коррупции, определены пути их минимизации. Подчеркивается, что перспективы регулирования правового статуса заявителя о коррупции в России связаны с необходимостью улучшения законодательной базы, приведения ее в соответствие с международными стандартами и созданием эффективных механизмов защиты прав заявителей.

Ключевые слова: противодействие коррупции, заявитель о коррупции, коррупция.

THE LEGAL STATUS OF THE APPLICANT ON CORRUPTION

Golomanchuk A.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the applicant's legal status on corruption. The author identified the problems of protecting the applicant about corruption, identified ways to minimize them. It is emphasized that the prospects for regulating the legal status of the applicant on corruption in Russia are connected with the need to improve the legislative framework, bring it in line with international standards and create effective mechanisms to protect the rights of applicants.

Keywords: anti-corruption, corruption complaint, corruption.

Изучение статуса заявителя о коррупции важно для эффективной борьбы с коррупцией, которая остается актуальной проблемой в нашей стране. В особенности, изучение статуса заявителя о коррупции необходимо для более точной оценки информации, на основе которой могут быть приняты меры по пресечению коррупционных проявлений. Например, в процессе расследования коррупционных преступлений следует учитывать, что некоторые заявители о коррупции могут иметь собственную выгоду от поднятия вопроса о коррупции [1, с. 40]. Это может повышать значимость одних коррупционных фактов и снижать значимость других, что может исказить картину коррупционных проявлений в данной сфере и мешать эффективной борьбе с коррупцией.

Заявитель о коррупции – это человек, который сообщает о фактах коррупции в органы государственной власти или в другие государственные или некоммерческие организации. В соответствии с законом, заявитель о коррупции защищен от возможных отрицательных последствий со стороны организаций и должностных лиц, в отношении которых он сообщил о фактах коррупции. Такие последствия могут включать угрозы, вред и другие преследования.

Существует несколько стран, где действуют успешные практики защиты прав заявителей о коррупции. Рассмотрим некоторые из них:

Филиппины внедрили меры по защите заявителей о коррупции в 2010 году. Здесь действует Закон о борьбе с коррупцией и Закон о правах заявителей о коррупции. Согласно этим документам, заявитель имеет право на защиту от мести и дискриминации со стороны своих работодателей или других лиц, причастных к коррупционным проявлениям.

В Испании функционирует агентство по борьбе с коррупцией и экономическим преступлениям (Agencia Tributaria), которое занимается защитой прав заявителей о коррупции. Здесь существует система анонимного сообщения о коррупции, а также имеются законы, которые защищают заявителей от репрессий со стороны работодателей [2, с. 42].

В Израиле действует Закон о защите заявителей о коррупции, который предусматривает компенсации гражданам, ставшим жертвами коррупционных преступлений. Кроме того, заявители имеют право на анонимность, а также на защиту от увольнения или дискриминации по социальным, политическим и другим признакам [4, с. 209].

В целом, все эти примеры показывают, что эффективная защита прав заявителей о коррупции включает не только законодательную базу, но и соответствующие институты и практики, гарантирующие права людей, желающих рассказать об имеющихся коррупционных проявлениях.

Российская Федерация является участником Конвенции ООН против коррупции, принятой в Нью-Йорке 31.10.2003, которая ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ. Согласно данному закону, Россия обязуется принять Конвенцию за договорно-правовую основу для обеспечения защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции.

В соответствии с ч. 4 ст. 9 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» государственный или муниципальный служащий, уведомивший представителя нанимателя, органы прокуратуры или другие государственные органы о фактах обращения в целях склонения его к совершению коррупционного правонарушения, о фактах совершения другими государственными или муниципальными служащими коррупционных правонарушений, непредставления сведений либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, находится под защитой государства в соответствии с законодательством РФ.

В отношении лиц, сообщивших о коррупционном правонарушении, действующим законодательством в качестве одной из мер по обеспечению государственной защиты предусмотрен особый порядок привлечения таких лиц к дисциплинарной ответственности [2].

Так, в соответствии с положениями Указа Президента РФ от 02.04.2013 № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» государственный служащий, сообщивший в правоохранительные или иные государственные органы или средства массовой информации о ставших ему известными фактах коррупции, может быть привлечен к дисциплинарной ответственности (в случае совершения этим лицом в течение года после указанного сообщения дисциплинарного проступка) только по итогам рассмотрения соответствующего вопроса на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов (аттестационной комиссии). В таком заседании комиссии может принимать участие прокурор. Председатель комиссии представляет прокурору, осуществляющему надзор за соблюдением законодательства о государственной службе или законодательства о труде, необходимые материалы не менее чем за пять рабочих дней до дня заседания комиссии.

Кроме того, участники государственной системы бесплатной юридической помощи, предусмотренные Федеральным законом от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», обязаны оказывать бесплатную юридическую помощь гражданам в подготовке сообщений о фактах коррупции, а также в случаях нарушения законных прав и интересов граждан в связи с такими сообщениями.

Заявитель о коррупции имеет право подавать заявления о фактах коррупции в государственные и негосударственные организации, в том числе в правоохранительные органы.

Он также защищен от недобросовестных действий со стороны должностных лиц и организаций. Например, он не может быть уволен, его права не могут быть ограничены, а его сообщения не могут использоваться против него.

Заявитель о коррупции имеет право на конфиденциальность и анонимность своих сообщений. Однако стоит помнить, что анонимные сообщения не всегда могут быть доказательствами коррупции и привести к ее пресечению.

Анонимное заявление о коррупции — это сообщение о факте коррупционного проявления, содержащее информацию о месте, времени и других деталях инцидента, но не содержащее информации об авторе заявления.

Рассмотрим плюсы анонимного заявления: защита автора от возможных угроз и давлений со стороны обвиняемых лиц; возможность предоставить важную информацию без риска утраты имущества, работы или прочих благ; увеличение шансов на проведение более качественной проверки и налаживание мер по борьбе с коррупцией.

Выделим минусы анонимного заявления: оно может вызвать подозрения в ложности и угрожать качественному рассмотрению дел и других заявлений; в случае, если заявитель не предоставляет дополнительной информации, которая подтвердит его заявление, его сообщения может быть недостаточно для начала расследования; анонимное заявление может повлиять на заинтересованность общества в борьбе с коррупцией, поскольку люди могут рассматривать такой подход как бегство от ответственности; а отсутствие непосредственной связи с проверяющими органами может затруднить отслеживание дальнейших действий, а также усложнить выяснение некоторых моментов и данных.

Анонимное заявление должно содержать как можно более подробную информацию о фактах коррупционных проявлений, личностях и структурах, связанных с проявлениями коррупции. Важно, чтобы заявитель не указывал данные о себе и своих персональных связях, которые могут быть использованы для идентификации автора заявления.

Заявление можно отправлять через защищенный web-ресурс, который обеспечит безопасность данных и передачи информации.

Если возможно, стоит проверить достоверность информации до отправления заявления и подтвердить его предоставлением дополнительных свидетельств и материалов.

Стоит понимать, что отправка анонимного заявления может быть недостаточной для дальнейшего процесса борьбы с коррупцией, поэтому важно несколько раздумать перед отправкой и варианты самосохранения.

Стоит заметить, что при всех способах минимизации рисков заявителя необходимо учитывать тот факт, что действия, связанные с коррупционными проявлениями, являются запрещенными, и только в том случае, если заявление будет основано на надежных доказательствах, можно рассчитывать на успех правового регулирования ситуации.

В случае получения заявления о коррупции должностные лица и организации обязаны провести полную и объективную проверку факта, описанного заявителем.

В случае, если заявитель о коррупции понес ущерб, связанный с нарушением его прав на работе или в иных сферах жизни в связи с подачей заявления о коррупции, он имеет право на возмещение ущерба.

Заявитель о коррупции может получить помощь и поддержку от государственных или негосударственных организаций, занимающихся борьбой с коррупцией.

Таким образом, заявитель о коррупции имеет ряд прав, которые обеспечивают его защиту от отрицательных последствий со стороны должностных лиц и организаций, а также помогают ему в борьбе с коррупцией.

Заявление о коррупции может повлечь за собой риски как для заявителя, так и для других лиц, в том числе для обвиняемого в коррупции. Рискам для заявителя можно отнести:

- увольнение или ограничение прав на работе в связи с обращением к сотрудникам власти;
 - потеря служебного или другого влияния в связи с обращением к власти;
 - угрозы и иные формы давления со стороны обвиняемых во взяточничестве или других формах коррупции;
 - наложение дисциплинарной, административной или уголовной ответственности на заявителя за ложное обвинение в коррупции.
- Для минимизации рисков заявления о коррупции, заявитель может использовать следующие способы:
- анонимность – в ряде случаев заявитель может оставаться анонимным, отправив сообщение в анонимном режиме;
 - готовность к совместной работе с сотрудниками власти – в случаях, когда заявитель уверен в сути его обращения, он может действовать совместно с сотрудниками власти, для более качественной проверки заявления;
 - предоставление доказательств – для того, чтобы обеспечить конструктивное рассмотрение заявления, заявитель должен предоставить всю имеющуюся у него информацию и доказательства, свидетельствующие о коррупционных проявлениях;
 - конфиденциальность – если заявитель просит обеспечить конфиденциальность в отношении предоставленной информации, он может быть вправе обратиться к уполномоченному органу по борьбе с коррупцией;
 - консультация юриста или специалиста кадрового подразделения органа власти – в случае если заявитель преследует свою выгоду, его мотивацию и объективность могут быть подвергнуты сомнению, поэтому консультация квалифицированных специалистов может уберечь от правовых недопониманий.

Важным аспектом улучшения законодательной базы является внедрение механизмов защиты прав заявителей, включая процедуры анонимной подачи жалоб, их конфиденциальное рассмотрение и защиту от мести, увольнения и других форм негативного воздействия.

Помимо улучшения законодательной базы, необходимо создание эффективных механизмов поддержки заявителей и защиты их прав в России. В данном случае, наряду с законодательными мерами, могут использоваться и другие способы, например создание отдельных организаций для помощи заявителям, которые смогут надежно и квалифицированно оценивать имеющуюся информацию и обеспечить защиту соответствующих прав.

В целом, перспективы регулирования правового статуса заявителя о коррупции в России связаны с необходимостью системных изменений, проведение которых позволит обеспечить правовое равенство, защиту граждан от произвола и коррупционных проявлений. Однако для дальнейшего прогресса необходимо проведение обширной работы по совершенствованию механизмов и поддержке заявителей о коррупции, что позволит добиться постепенного улучшения в данной области.

Библиографический список

1. Балог М.М. Противодействие коррупции в России: защита заявителей // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2018. № 8. С. 39–44.
2. Батищева Н.А. Понятие «whistleblowers» и проблема защиты информаторов о преступлениях в европейской правовой культуре // Право и практика. 2021. № 1. С. 40–44.
3. Каюшников Ю.Е., Омельченко Т.А. Запреты и ограничения на государственной службе: вопросы привлечения к ответственности // Аграрное и земельное право. 2022. № 12 (216).
4. Сидоренко Э.Л. Успешные практики правовой защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2 (51). С. 207–212.

УДК 342.4

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК ПРАВОПРЕЕМНИК И ПРАВОПРОДОЛЖАТЕЛЬ СССР: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Козюк М.Н., кандидат юридических наук, доцент,

Енгоян М.С., студент 4 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению институтов правопреемства и правопродолжательства, а также обоснования их включения в статью 67.1 Конституции Российской Федерации. Автор рассматривает понятия указанных явлений и их применение на практике в период распада Союза ССР. Также проводится подробный анализ законодательства, из чего делается вывод об обоснованности включения данных положений в Конституцию РФ.

Ключевые слова: правопреемство, правопродолжательство, конституция, права, обязанности.

THE RUSSIAN FEDERATION AS A SUCCESSOR AND CONTINUER OF THE USSR: THEORETICAL QUESTIONS

Kozuk M.N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Engoyan M.S., 4th year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the consideration of the institutions of succession and continuer, as well as the rationale for their inclusion in Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation. The author examines the concepts of these phenomena and their application in practice during the collapse of the USSR. A detailed analysis of the legislation is also carried out, from which a conclusion is made about the validity of the inclusion of these provisions in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: succession, continuation, rights, constitution, duties.

Развитие любого государства не стоит на месте, из чего следует возможность его преобразования. Так в 1991 году сформировалось государство Российская Федерация, которое признано правопреемником и правопродолжателем раннее существовавшего Союза Советских Социалистических Республик.

Факт такого статуса РФ можно подтвердить положениями части 1 статьи 67.1, внесенными в 2020 году поправками в Конституцию РФ: «Российская Федерация являясь правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации» [1].

Прежде, чем теоретически и практически обосновать факт признания РФ как правопродолжателя и правопреемника Союза СССР, необходимо рассмотреть ряд международно-правовых актов и документов.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров от 23.08.1978, «правопреемство государств» означает смену одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории» [2]. Раскрывая данное определение, можно говорить об обязательствах образованных государств, перешедших к ним от ранее существовавшего государства, при этом, если эти обязательства приняты ими. Например, «Соглашение глав государств Содружества Независимых Государств о собственности бывшего Союза ССР за рубежом» [3], в котором стороны, подписавшие соглашение, признали, что каждое из них имеет право на соответствующую фиксированную справедливую долю в собственности бывшего Союза ССР за рубежом и будет способствовать реализации этого права.

Но более конкретного рассмотрения требует вопрос о правопродолжательстве, понятие которого и по сей день может рассматриваться либо равным понятию правопреемственности, либо, в сущности, от него отличающимся.

Правопродолжательство или континуитет государства означает непрерывность существования государства как субъекта международно-правовых отношений [4]. Объяснить это можно в сравнении с правопреемством: государства-преемники принимают на себя обязательства государства-предшественника в договорном порядке, исключая некоторые обязательства, которые могут относиться, например, к вопросам режима на определенных территориях и переходят в автоматическом порядке, как и внутреннее правопреемство. Следовательно, правопреемство представляет собой переход прав и обязанностей одного субъекта другому. Тогда как государство-продолжатель – непрерывно существующий субъект, у которого могут меняться государственно-правовой режим, административно-территориальное устройство, форма правления, но в вопросах большей части своих прав и обязанностей как в рамках государства, так и в международных отношениях, признанное государство остается неизменным, следовательно, является тем же субъектом, что и государство, осуществляющее свою деятельность до преобразования.

До принятия поправок в Конституцию РФ в 2020 году, и по сей день, ведутся дискуссии о правопреемстве и правопродолжательстве РФ и стран СНГ, но необходимо обратиться к нормативно-правовым актам, подтверждающим факт статуса РФ как государства-продолжателя. Среди них Указ Президента РФ от 8 февраля 1993 г. № 201 «О государственной собственности бывшего Союза ССР за рубежом» [5], в котором РФ признается государством-продолжателем в вопросах всего движимого и недвижимого имущества за рубежом и берет на себя обязательства по использованию этого имущества (вопросы по Соглашению СНГ от 30 декабря 1991 г. решались Правительством РФ на двусторонней основе [3]).

Также необходимо рассмотреть положения Указа Президента РФ от 21 апреля 1993 года № 472 «О выполнении Российской Федерацией межправительственных соглашений о сотрудничестве в сооружении атомных электростанций за рубежом» [6], которые подтверждают статус РФ как государства-продолжателя РФ, касающихся «обязательств, вытекающих из межправительственных соглашений о сотрудничестве в сооружении атомных электростанций за рубежом, заключенных СССР до 1991 года» [6].

Кроме этого, правопродолжательство РФ подтверждается датой вступления РФ в Организацию Объединенных Наций. На официальном сайте ООН [7] указано, что Россия стала членом ООН 24 октября 1945 года, но при этом датой образования РФ является 25 декабря 1991 г. Этот факт объясняется тем, что письмом Президента Российской Федерации Ельцина Б.Н. от 24 декабря 1991 года был проинформирован Генеральный секретарь Хавьер Перес де Куэльяра: «членство СССР в Совете Безопасности и всех других органах ООН будет продолжено РФ при поддержке стран-членов Содружества Независимых Государств» [8].

Даты вступления в ООН других государств, например, Республики Армения, – 2 марта 1992 года, Грузинской Республики – 31 июля 1992 года, подтверждают то, что они являются новыми образованными государствами, которые приняли некоторые обязательства СССР в порядке преемственности, но не продолжили свое существование как СССР.

Признавая два рассматриваемых понятия как разных по значению, необходимо углубиться в анализ того, может ли государство одновременно являться и правопреемником, и правопродолжателем, как это произошло с Россией, и не противоречит ли это специфике этих явлений. Возвращаясь к вышесказанному, правопреемство представляет собой переход обязательств от одного субъекта другому, а правопродолжательство – продолжение обязательств одного субъекта, но в разных его формах.

Государство-продолжатель либо молчаливо, либо путем заключения соглашений, продолжает все права и обязанности ранее существовавшего государства.

Практика же говорит об ином раскладе: странами СНГ были заключены соглашения, в которых Россия признавалась именно правопреемником определенного соглашения прав и обязанностей Союза ССР (Соглашение СНГ от 30 декабря 1991 г.), как и другие страны. Союз СССР при этом был признан прекратившим свое существование как субъект международного права, что противоречит тому, что РФ является его продолжателем, так как, во-первых, в этот же период принимались нормативно-правовые акты, в которых РФ уже обозначалась в качестве государства-продолжателя (Указ Президента РФ от 8 февраля 1993 г. N 201), во-вторых, Россия, как описывалось выше, продолжила членство СССР в Организации Объединенных Наций. Россия как бы и так продолжает все обязательства Союза СССР, но дополнительно еще заключает соглашения о преемственности, только подтверждая уже существующие права и обязанности.

Принятие ряда соглашений, признающих РФ как правопреемника, можно аргументировать тем, что странам бывшего СССР необходимо было в срочном порядке распрямить обязательства Республик, не заключая при этом двусторонних соглашений с Россией. К тому же, в тяжелый период не исключены факты игнорирования теоретических международно-правовых положений для удобства распределения обязательств между новыми странами.

Подводя итог всего вышесказанного, статус РФ как государства-продолжателя СССР является признанным и очевидным как для других государств, так и для РФ в вопросах принятия прав и обязательств СССР. Закрепление же этого факта в Конституции РФ необходимо для уяснения исторической, политической и экономической ролей СССР в развитии современной России, а также объяснения причин наследования значительного объема обязательств Союза.

Вопрос признания России в качестве правопреемника является спорным с теоретической точки зрения, так как противоречит сущности правопродолжательства, хотя практически факт РФ как правопреемника доказан принятием ряда международных соглашений, документов и положениями национального права.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // СЗ РФ. 03.07.2020. № 31. Ст. 4412.
2. Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров. Принята 23 августа 1978 года // Действующее международное право. В 3-х т. М.: МНИИП, 1996 том 1.
3. Соглашение глав государств Содружества Независимых Государств о собственности бывшего Союза ССР за рубежом // Содружество (информационный вестник СНГ) N 1. 1992 год.
4. Черниченко С.В. Россия: продолжатель или правопреемник СССР? // «Международное право». 2001. № 3. С. 35.
5. Указ Президента РФ от 08 февраля 1993 № 201 «О государственной собственности бывшего Союза ССР за рубежом» // СЗ РФ. 15.02.1993. № 7. Ст. 560.
6. Указ Президента РФ от 21 апреля 1993 № 472 «О выполнении Российской Федерацией межправительственных соглашений о сотрудничестве в сооружении атомных электростанций за рубежом» (с изменениями на 1 ноября 2002 года) // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1512; 2000. № 15. Ст. 1576.
7. Члены Организации Объединенных Наций: Российская Федерация: [Электронный ресурс.] // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/member-states/russian-federation>
8. Ельцин Б.Н. Письмо Генеральному Секретарю ООН К.Пересу де Куэльяру о драматических событиях в России от 4 декабря 1991 г. // Документы личного фонда Б.Н. Ельцина из Архива Президента Российской Федерации. 171 с.

УДК 342.92

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ НА СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Каюшникова Ю.Е., старший преподаватель кафедры конституционного и административного права, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей административной ответственности за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях в современной России и других странах. Автором выявлены проблемы привлечения к административной ответственности за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях. Подчеркивается, что Основы административной ответственности за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях различаются в зависимости от страны и законодательства. В общем, административная ответственность может включать штрафы, исправительные работы, обязательное участие в программе реабилитации, молодежные учебные занятия и даже запрет посещения спортивных мероприятий на определенный период времени.

Ключевые слова: административная ответственность, спортивные мероприятия, правила поведения на спортивных мероприятиях.

GENERAL CHARACTERISTICS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF THE RULES OF CONDUCT AT SPORTING EVENTS

Kayushnikova Yu.E., Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of administrative responsibility for violations of the rules of conduct at sporting events in modern Russia and other countries. The author identifies the problems of bringing to administrative responsibility for violations of the rules of conduct at sporting events. It is emphasized that the basics of administrative responsibility for violations of the rules of conduct at sporting events vary depending on the country and legislation. In general, administrative liability may include fines, correctional labor, mandatory participation in a rehabilitation program, youth training sessions, and even a ban on attending sports events for a certain period of time.

Keywords: administrative responsibility, sports events, rules of conduct at sports events.

Актуальность изучения административной ответственности за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях обусловлена тем, что такие нарушения могут приводить к серьезным последствиям. Агрессивное поведение на стадионах и в окрестностях спортивных мероприятий может вызывать насилие и даже приводить к трагическим последствиям, включая физические повреждения, а также материальные и психологические убытки.

Цель изучения административной ответственности за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях заключается в том, чтобы сформировать систему мер, которые бы максимально защищали граждан от насилия и других противоправных действий на стадионах.

Одним из основных методов изучения административной ответственности за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях является анализ законодательства, регламентирующего поведение на спортивных мероприятиях, а также правил и требований, разработанных спортивными организациями и правительственными структурами.

Другим методом изучения административной ответственности является мониторинг происходящих нарушений и сбор статистических данных о них. Такой мониторинг позволяет выявлять тенденции в нарушениях правил поведения на спортивных мероприятиях и разрабатывать меры для их предотвращения.

Примеры наиболее жестких мер по административной ответственности за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях можно увидеть в странах, где происходят серьезные инциденты и насилие на стадионах.

Например, в Италии за участие в массовых беспорядках на стадионах, бросание в пределах спортивных сооружений пиротехнических средств, нарушения общественного порядка, осквернение спортивных сооружений и другие преступления на спортивных мероприятиях был введен специальный закон 401/1989. Этот закон предусматривает тюремное заключение на срок до 5 лет и штрафы до 10 тысяч евро, а также запрет на посещение стадионов [2, с. 145].

В Великобритании в конце 1980-х годов были введены жесткие меры контроля за нарушениями правил поведения на спортивных мероприятиях. Эти меры были направлены на борьбу с хулиганством на футбольных матчах и включали в себя запрет алкоголя на стадионах, фан-зоны, индивидуальную ответственность владельцев клубов, отсутствие клубных и личных символов на стадионах и другие меры. Кроме того, за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях в Великобритании могут быть применены штрафы, принудительные работы, запрет посещения спортивных мероприятий на определенный период времени и другие меры [3, с. 120].

Одним из наиболее успешных примеров борьбы с хулиганством на спортивных мероприятиях можно считать Германию. С 1990 года в Германии не произошло ни одного случая насилия на стадионах, благодаря строгому контролю со стороны организаторов мероприятий, законодательству и действенным мерам в отношении нарушителей.

Таким образом, лучшими мерами административной ответственности за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях можно считать те, которые направлены на предотвращение насилия и гарантируют безопасность зрителей и участников, которые поощряют совершенствование законодательства и контроля за его исполнением, и которые являются эффективными, обеспечивают ответственность и предотвращают повторные случаи нарушения правил.

Меры административной ответственности за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях зависят от законодательства конкретной страны. Однако, общими мерами ответственности могут быть штрафы, запрет посещения спортивных мероприятий (бан), обязательное выполнение работ на общественной службе, участие в программе реабилитации, а также отправление на обязательное психиатрическое или медицинское лечение.

В России правила поведения на спортивных мероприятиях установлены Постановлением Правительства РФ от 16.12.2013 N 1156 «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований». Согласно данному акту, установлены права, обязанности и запреты для зрителей.

Так, среди прочего, зрителям в местах проведения официальных спортивных соревнований запрещается:

- находиться в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность;
- осуществлять действия, создающие угрозу собственной безопасности, жизни, здоровью, а также безопасности, жизни, здоровью иных лиц, находящихся в месте проведения официального спортивного соревнования или на прилегающей к нему территории;
- скрывать свои лица, в том числе использовать маски, за исключением случаев, специально установленных организатором официального спортивного соревнования, а также средства маскировки и иные предметы, специально предназначенные для затруднения установления личности;
- нарушать общественную мораль и нормы поведения путем обнажения интимных частей тела во время нахождения в местах проведения официальных спортивных соревнований;

- проводить публичные мероприятия, не предусмотренные положением (регламентом) проведения официального спортивного соревнования;
- осуществлять незаконную торговлю (включая торговлю входными билетами или иными документами, предоставляющими право на посещение такого соревнования), распространять любым способом продукцию политического, религиозного и расистского характера (включая плакаты, листовки, буклеты) и т.д.

В целях противодействия нарушениям правил поведения на спортивных мероприятиях, могут быть приняты следующие меры:

1. Жесткий контроль над продажей алкоголя. Некоторые случаи насилия на стадионах связаны с потреблением алкоголя. Поэтому государства должны запретить продажу алкоголя на стадионах и близ них.
2. Система видеонаблюдения на стадионах и окрестностях. Видеокамеры должны устанавливаться на стадионах и вблизи них, чтобы все события на мероприятиях могли быть зафиксированы на видео. Это поможет выявлять и пресекать нарушения.
3. Регулярные общественные кампании. Государственные организации, спортивные федерации и сообщества должны сочинять общественные кампании, направленные на борьбу с противоправным поведением и насилием на стадионах. Они должны привлекать внимание к проблемам и научить людей поведению на спортивных мероприятиях.
4. Строгий контроль со стороны властей на стадионах и окрестностях. Органы власти должны принимать меры для обеспечения безопасности на стадионах, включая проверку людей и предметов, которые попадают на мероприятие.
5. Создание уникальных клубных и зрительских идентификаторов. Каждый зритель должен иметь уникальный идентификатор для посещения спортивных мероприятий, который позволяет быстро идентифицировать нарушителей. В России подобные меры встретили неприятие, о чем поговорим позже.
6. Установка металлических детекторов на входах на стадионы – такой контроль необходим для защиты зрителей на стадионах от использования оружия и опасных предметов.
7. Совершенствование правовой базы. Государство должно обновить законодательную базу для расширения мер административной ответственности за противоправные деяния на спортивных мероприятиях.

В целом, меры административной ответственности необходимы для обеспечения безопасности зрителей и участников на спортивных мероприятиях. Кроме того, важно противодействовать нарушениям правил поведения.

Для контроля над поведением болельщиков, в первую очередь, футбольных ультрас, в России введен так называемый FAN-ID - особый идентификационный документ, который даёт возможность болельщикам посещать матчи и иные спортивные мероприятия. Сначала FAN-ID был представлен как временная мера на время проведения ЧМ по футболу, однако потом власти приняли решение продлить использование этого документа для российских футбольных матчей.

Одной из основных причин проблем с FAN-ID в России является то, что процесс его получения затянут и неудобен для многих болельщиков. Кроме того, на создание и внедрение этого документа были потрачены значительные средства из бюджета страны, что вызвало критику среди некоторых групп населения.

Среди аргументов за использование FAN-ID можно выделить следующие:

- улучшение безопасности на стадионах и сокращение насилия со стороны болельщиков, так как каждый болельщик приобретает индивидуальный идентификатор;
- повышение эффективности контроля за продажей билетов и устранение риска подделки билетов – все билеты соотносятся с FAN-ID, что позволяет избежать фальсификаций [1, с. 131];
- увеличение экономической выгоды для страны. Так как FAN-ID позволяет иностранным туристам беспрепятственно принимать участие в футбольных событиях в России, может вырасти инвестиционная и экономическая привлекательность турниров, при этом денежные средства придут и всей туристической сфере региона, в котором проводится соревнование.

Среди аргументов против использования FAN-ID можно найти следующие:

- затраты бюджетных средств на проведение процедуры получения FAN-ID. Сумма, вложенная в создание и внедрение этого документа, могла бы быть использована более эффективно для выполнения других государственных задач;
- ограничения свободы перемещения граждан. Получение FAN-ID требует от людей сдачу отпечатков пальцев и других личных данных, и это может ограничивать их права на конфиденциальность;
- спорное отношение болельщиков и их организаций к самому институту FAN-ID. То, что FAN-ID нужен как идентификатор и для его получения требуется наличие доступа к цифровым сервисам, отталкивает часть граждан, стремящихся к анонимности.

В целом, проблемы с FAN-ID в России связаны с неудобством процесса его получения и финансовыми затратами на его создание. Тем не менее, он может стать важным инструментом для усиления безопасности на стадионах и привлечения зарубежных туристов в Россию, что ведет к росту экономической выгоды.

Негативные последствия (а это и есть суть ответственности) за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях могут быть следующими:

1. Штрафы. За нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях могут быть предусмотрены административные штрафы. Величина штрафа может зависеть от вида нарушения правил, среднего заработка населения, а также других параметров.
2. Запрет посещения спортивных мероприятий. Лицам, которые допустили нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях, может быть запрещено посещать спортивные мероприятия на определенный срок или навсегда. КоАП РФ в статье 3.14 предусматривает отдельное наказание в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения.

Административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения заключается во временном запрете гражданину на посещение таких мест в дни проведения официальных спортивных соревнований и устанавливается за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований. Административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения назначается судьей.

Административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения устанавливается на срок от шести месяцев до семи лет.

3. Обязательное медицинское или психиатрическое лечение. Лицам, допустившим нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях, может быть назначено обязательное медицинское или психиатрическое лечение, если в результате нарушений был причинен ущерб здоровью самих людей или других лиц.

Для того, чтобы снизить вероятность нарушений правил поведения на спортивных мероприятиях, необходимо внедрить следующие способы, позволяющие осуществить:

- проведение регулярных общественных кампаний, направленных на борьбу с нарушением правил поведения на спортивных мероприятиях;
- внедрение дополнительных мер безопасности, таких как металлоискатели на входе на стадионы и системы видеонаблюдения;
- создание уникальных клубных и зрительских идентификаторов, которые позволяют быстро идентифицировать нарушителей;
- увеличение числа организаторов на спортивных мероприятиях для контроля за поведением зрителей;
- обновление законодательной базы для расширения мер административной ответственности за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях;

- регулярные обучающие мероприятия для зрителей, где они могут быть уведомлены о правилах поведения на спортивных мероприятиях.

Таким образом, административная ответственность за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях в России определяется нормами права, регулирующими правила поведения зрителей на спортивных мероприятиях.

Согласно КоАП РФ, административная ответственность за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях включает такие виды ответственности, как:

1. Административный штраф. За нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях гражданам или юридическим лицам может быть назначен штраф в размере от 500 до 50 000 рублей.
2. Запрет на посещение спортивных мероприятий. В случае грубых или систематических нарушений правил поведения на спортивных мероприятиях суд может запретить лицам посещать спортивные мероприятия на срок от шести месяцев до семи лет.
3. Административный арест. За грубые нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях граждане могут быть административно арестованы на срок до 15 суток.

Для того чтобы снизить риск нарушений правил поведения на спортивных мероприятиях, на территории России существует ряд мер, направленных на укрепление безопасности на спортивных мероприятиях. Однако нарушения всё же происходят, поэтому важно, чтобы люди понимали и соблюдали правила поведения на спортивных мероприятиях и осознавали, что за их нарушение будет наложена административная ответственность. В целом, риски административной ответственности за нарушения правил поведения на спортивных мероприятиях могут быть минимизированы за счет внедрения определенных мер безопасности и регулярного образования населения. Однако, без строгих мер административной ответственности за нарушение правил поведения, невозможно добиться достаточно высокого уровня безопасности на спортивных мероприятиях, поэтому важно сохранять баланс между предупреждением правонарушений и их наказанием.

Библиографический список

1. Ашарова К.М. Внедрение «FAN ID» как позитивный фактор обеспечения общественной безопасности и негативный фактор для развития культуры болельщика в российском спорте // Физическое воспитание, спорт, физическая реабилитация и рекреация: проблемы и перспективы развития. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2022. С. 130–133.
2. Гавриленко В.А., Шишков С.М. Вопросы административно-правового режима проведения массовых спортивных мероприятий // В сборнике: Форсайт санаторно-курортной и туристской сферы. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. 2020. С. 144–151.
3. Крамаренко А.К. Анализ зарубежного опыта и перспективы развития массовых спортивных мероприятий в республике Беларусь // Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. Материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 120–122.

УДК 340.131.5:342.552

О ФОРМИРОВАНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СОВЕТОВ ПРИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РЕГИОНОВ

Коростелева М.В., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. С января 2023 года в Российской Федерации окончательно была упразднена конституционная (уставная) юстиция в регионах. Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» признал утратившими силу нормы федерального законодательства, регламентировавшие статус конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, установив при этом право субъектов принимать решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при региональных законодательных органах государственной власти. В статье проведен анализ складывающейся в российских регионах (прежде всего, входящих в Южный и Северо-Кавказский федеральные округа) практики формирования данных советов.

Ключевые слова: конституционный судебный контроль, конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации, законодательный орган субъекта Российской Федерации

ON THE FORMATION OF CONSTITUTIONAL (STATUTORY) COUNCILS UNDER THE LEGISLATIVE BODIES OF THE REGIONS

Marina V. Korosteleva, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. Since January 2023, constitutional and statutory courts have been abolished in the regions of the Russian Federation. The norms of the federal law establishing their status have become invalid. At the same time, the subjects of the Russian Federation were given the right to form constitutional and statutory councils under the regional legislative bodies of state power. The article analyzes the emerging practice of their formation. Subjects of the Russian Federation that are part of the Southern Federal District and the North Caucasian Federal District were selected for analysis.

Keywords: constitutional judicial control, constitutional (statutory) councils of subjects of the Russian Federation, legislative body of a subject of the Russian Federation.

Конституция Российской Федерации, регулируя вопросы осуществления судебной власти (как ветви единой государственной власти) устанавливает, в том числе, и виды судопроизводства, посредством которых она осуществляется. Таких видов пять, и среди них особое место занимает судопроизводство конституционное. Его осуществляют судебные органы конституционного контроля.

В научной литературе справедливо отмечается, что сама природа судебного конституционного контроля обусловлена объективным фактом отделения учредительной власти от учреждаемых осуществляющими её субъектами властных институтов [1, с. 14]. Данная власть, прямо выражая суверенитет народа, разрабатывает и утверждает конституцию государства как учредительный акт, передавая функции по принятию законов, управлению государством, отправлению правосудия специально учреждаемым в ней органами. Эти органы при реализации возложенных на них функций не могут «подменять» учредительную власть и изменять (или нарушать) положения конституции. Гарантом соблюдения данного правила как раз и выступает конституционное правосудие [1, с. 14].

В России на федеральном уровне его осуществляет Конституционный Суд Российской Федерации. Одна из важнейших целей существования данного органа – обеспечение верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории государства.

Что касается регионального уровня публичной власти, то в течение достаточно длительного времени субъектам Российской Федерации было предоставлено право формировать собственные судебные органы конституционного и уставного контроля.

В соответствии с ранее действующей редакцией Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации мог формироваться по желанию региона для того, чтобы рассматривать вопросы о соответствии конституции (уставу) субъекта региональных и муниципальных правовых актов, а также для толкования конституции (устава) субъекта в целях его верного и единообразного применения. Примечательно, что законные решения данных органов не могли быть пересмотрены иными судами.

С января 2023 года это право у субъектов Российской Федерации было фактически отозвано. С этой даты были окончательно упразднены конституционные и уставные суды субъектов Федерации. Их упразднение привело к появлению у российских регионов прямо предусмотренной возможности формирования специализированных органов – конституционных (уставных) советов, действующих при представительных органах государственной власти.

В целом по России пока очень незначительно число субъектов воспользовались правом создавать конституционные (уставные) советы при своих законодательных органах. Вполне закономерно, что первыми такие структуры стали формировать республики, причем те, в которых ранее были созданы органы судебного конституционного контроля. На апрель 2023 года таких субъектов всего три, и все они имеют статус республики: Адыгея, Башкортостан, Якутия.

Отдельные республики заявили о намерении сформировать такой орган в ближайшее время (в частности, Республика Татарстан).

Одна из упомянутых республик – Адыгея, входит в состав Южного федерального округа. Это единственная из входящих в округ республика, в которой ранее был сформирован Конституционный Суд. С 1 января 2022 года он был упразднен, а уже в апреле 2022 года в республике был принят закон о Конституционном Совете [3].

Он создается при представительном органе – Государственном Совете – Хасэ Республики Адыгея в целях выработки заключений по внесенным в Государственный Совет – Хасэ проектам конституционных законов республики. В составе Конституционного совета – четырнадцать человек. По семь из них назначаются законодательной [4] и исполнительной [5] властью республики, хотя сам он формируется при законодательном органе (как представляется, это сделано исходя из объективной необходимости обеспечения независимой оценки принимаемых им актов). Его основная функция заключается в рассмотрении проектов республиканских конституционных законов. Согласно части 3 статьи 70 Конституции Республики Адыгея, конституционным законом принимаются поправки к ней. Как и Конституция Республики, конституционный закон принимаются большинством не менее двух третей голосов от установленного числа депутатов. По данной причине закономерен вывод о том, что данный орган вряд ли можно считать полноценным «аналогом» ранее существовавших конституционных судов как самостоятельных институтов, осуществляющих конституционный контроль. Он выполняет, скорее, экспертные функции, дополнительно легитимируя деятельность законодательного органа субъекта.

Несмотря на то, что в Северо-Кавказском федеральном округе (далее – СКФО) конституционные суды были сформированы практически во всех республиках, входящих в его состав, ни в одной из них конституционный совет на момент подготовки статьи не создан.

В Республике Северная Осетия-Алания правовые основы организации и деятельности Конституционного Суда определял конституционный закон. Конституционным законом Республики Северная Осетия – Алания от 23 ноября 2021 года № 92-РЗ он был упразднен с 1 апреля 2022 года. Конституционный совет в республике на момент подготовки статьи не создан, хотя до образования Конституционного Суда в регионе действовал комитет конституционного надзора.

В Республике Ингушетия Конституционный Суд был упразднен с 1 января 2022 года Конституционным законом Республики Ингушетия от 25 ноября 2021 года № 2-РКЗ. И в данном регионе конституционный совет на момент подготовки статьи не создан.

Аналогичная ситуация и остальных республиках СКФО.

Конституционный Суд Чеченской Республики упразднен с 30 декабря 2022 года. С 1 января 2023 года признан утратившим силу региональный закон 2004 года о Конституционном Суде Карачаево-Черкесской Республики (но здесь необходимо отметить, что данный орган так и не был сформирован и фактически существовал лишь «на бумаге»).

С 1 января 2022 года утратил силу Закон Кабардино-Балкарской Республики от 12 декабря 1997 года № 38-РЗ «О Конституционном Суде Кабардино-Балкарской Республики».

31 декабря 2022 года прекращены полномочия судей Конституционного Суда Республики Дагестан.

Как представляется, одной из причин такой «неторопливости» формирования указанных органов выступает отсутствие на федеральном уровне правовой регламентации их статуса в системе государственной власти региона. Федеральный закон, регламентирующий общие начала организации публичной власти в российских субъектах [6], даже не называет конституционные (уставные) советы как потенциально возможные для формирования в регионе государственные органы. Субъекты, конечно, вправе их формировать (согласно положениям части 7 статьи 5 Федерального конституционного закона от 08 декабря 2020 года № 7-ФКЗ [7]), но в каком качестве? Это государственный орган или экспертно-консультативное «образование» при региональной законодательной палате? В нынешних реалиях субъекты, формируя конституционные (уставные) советы, формально имеют право по-разному определять их статус и место в системе региональной власти. Хотя немало ученых полагают, что конституционные (уставные) советы нельзя характеризовать как структурный элемент регионального законодательного органа, обеспечивающего его деятельность [8, с.73]. Они должны получить статус государственного органа региона, причем именно на федеральном уровне. Именно при таких условиях «замена» конституционной (уставной) юстиции в субъектах на специализированные органы, наделенные правом осуществлять конституционный (уставный) контроль будет пусть и не эквивалентной, но позволяющей в какой-то мере обеспечить приоритет учредительной власти народа, от имени которого (или, возможно, которым применительно к республиканским конституциям) принимаются основные законы субъектов России. Сейчас же тем ограниченным числом субъектов, в которых сформированы конституционные (уставные) советы, они созданы именно как экспертно-консультативные структуры, наделенные правом принимать решения рекомендательного, а не императивного характера.

В любом случае, закономерен вывод о том, что конституционные (уставные) советы нацелены, прежде всего, на осуществление предварительного конституционного (уставного) контроля, который касается проектов региональных законов [9, с.153-154]. Субъект Федерации не может самостоятельно наделить их правом отмены уже вступившего в силу закона, поскольку они не являются органами судебной власти. А вот обязательность для регионального законодателя заключений этих органов про законопроекты целесообразно установить именно на федеральном уровне. Также целесообразным видится наделение опять же на федеральном уровне этих органов правом толковать конституцию (устав) субъекта для его единообразного и законного применения.

Библиографический список

1. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. Конституционный Суд Российской Федерации. СПб., 2021. 154 с.
2. Закон Республики Адыгея от 27.10.2021 № 3 «Об упразднении Конституционного Суда Республики Адыгея» // Официальный Интернет-сайт Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея <http://www.gshra.ru>, 28.10.2021.
3. Закон Республики Адыгея от 28.04.2022 № 66 «О Конституционном Совете Республики Адыгея» // Официальный Интернет-сайт Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея <http://www.gshra.ru>, 28.04.2022.
4. Постановление ГС – Хасэ Республики Адыгея от 20.05.2022 № 194-ГС «О назначении членов Конституционного совета Республики Адыгея от Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // Официальный Интернет-сайт Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея <http://www.gshra.ru>, 23.05.2022.
5. Указ Главы Республики Адыгея от 19.05.2022 № 49 «О членах конституционного совета Республики Адыгея от исполнительной власти Республики Адыгея» // Обращение Законодательства Республики Адыгея. 2022. № 5 (май 2022).
6. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 21.12.2021.
7. Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 08.12.2020.
8. Мионов Д.Н. Конституционный совет при парламенте субъекта РФ (к вопросу об интеллектуальной модели) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 71–75.
9. Коростелева М.В., Сухомлинов Н.М. К вопросу о конституционном правосудии в субъектах Российской Федерации // Восьмые юридические чтения [Электронный ресурс]: Всероссийская научно-практическая конференция, г. Сыктывкар, Республика Коми, 25 декабря 2020 года: сборник статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Соркина, 2021. С. 151–155.

УДК 349.6

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ РАДИОАКТИВНЫХ ОТХОДОВ В РАМКАХ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Лалин О.А., аспирант кафедры финансового и предпринимательского права Волгоградского института управления – филиал РАНХиГС
Научный руководитель: Осетрова А.Ю., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей территориального планирования захоронения РАО в рамках пространственного развития. Автором выявлены проблемы связанные с территориальными проблемами захоронения РАО и пути их решения в будущем. Подчеркивается, что данная область исследования является относительно новой в рамках нашего государства и открывает для исследователей достаточно обширную почву для изучения, выявления пробелов в законодательстве, а также проблемы и пути решения данных проблем. Грамотная разработка схем территориального планирования поможет в дальнейшем предотвращать проблемы, связанные с пространственным развитием Российской Федерации, и сможет упростить механизм обустройства в целом.

Ключевые слова: радиоактивные отходы, схемы территориального планирования, территория, пространственное развитие, системы захоронения.

TERRITORIAL PLANNING OF RADIOACTIVE WASTE DISPOSAL WITHIN THE FRAMEWORK OF SPATIAL DEVELOPMENT

Lapin O.A., Postgraduate student of the Department of Financial and Business Law of the Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA
Scientific supervisor: Osetrova A.Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of the territorial planning of the disposal of radioactive waste within the framework of spatial development. The author identifies problems related to the territorial problems of disposal of radioactive waste and ways to solve them in the future. It is emphasized that this area of research is relatively new within the framework of our state and opens up a fairly extensive ground for researchers to study, identify gaps in legislation, as well as problems and solutions to these problems. Competent development of territorial planning schemes will help to prevent problems related to the spatial development of the Russian Federation in the future, and will be able to simplify the arrangement mechanism as a whole.

Keywords: radioactive waste, territorial planning schemes, territory, spatial development, burial systems.

К настоящему времени накопленные радиоактивные отходы (далее – РАО) в России – это около 410 млн м³ жидких и 83 млн м³ твердых РАО общей активностью 6,3 10¹⁹ Бк (1,7 млрд Ки). Еще 60 млн м³ ЖРО захоронены в пунктах глубокого захоронения РАО. Основная часть накопленных РАО находится на промышленных площадках организаций Госкорпорации «Росатом» [8].

В Российской Федерации правовое регулирование захоронения радиоактивных отходов осуществляется с учетом территориального планирования. В 2007 году были утверждены мероприятия Федеральной целевой программы «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2008 год и на период до 2015 года» (ФЦП ЯРБ). В 2008 году были выработаны основные подходы и начата практическая работа по совершенствованию правовых основ в области обращения с РАО, которая завершилась вступлением в силу 2011 г. Федерального закона «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 11.07.2011 № 190-ФЗ [2] (далее – № 190-ФЗ). В нем определена ответственность государства за обращение с накопленными РАО, т.е. образовавшимися до 15 июля 2011 года и предусмотрено проведение первичной регистрации РАО и установления мест их размещения, дающей правовое основание отнесения всех накопленных РАО к федеральной собственности. Закрепление конечной ответственности за государством уже реализуется – через субсидии на хранение, переработку, захоронение накопленных РАО и мероприятия ФЦП ЯРБ.

С 2011 года в России официально занимается захоронением радиоактивных отходов «Национальный оператор по обращению с РАО», или коротко «НО РАО». В данное время данная организация является единственной, которая уполномочена на контроль за всеми видами РАО, а также поддерживать те отходы, которые были созданы до появления организации.

Дискуссия в данном вопросе заключается в том, что количество поставляемых отходов только увеличивается и мест хранения становится все меньше. К большому сожалению, законодательный орган разрешил использовать природную среду, как пункты размещения и консервации отходов. В 2019 году Правительством Российской Федерации была принята Стратегия пространственного развития государства на период до 2025 года. [4] Данная стратегия вообще не учитывает проблем с транспортировкой и ликвидацией РАО.

Немаловажной проблемой, несомненно, является транспортировка РАО между регионами нашего государства. Исходя из норм законодательства о РАО в Российской Федерации формируется единая система обращения с отходами от пользования радиацией и учитывая определенные принципы создания данной системы все РАО, которые образованы на территории Российской Федерации могут перемещаться в практически любой пункт временного хранения или так называемый ПЗРО-пункт захоронения радиоактивных отходов. ПЗРО-пункт – это некий комплекс зданий, сооружений, комплексов, который находится на определенной защищенной территории и первостепенной целью которого служит захоронение радиоактивных отходов.

Исходя из принципов создания данной системы [5] (они перечислены в законе) любые РАО, образованные в пределах Российской Федерации, могут быть перемещены в любой пункт временного хранения или ПЗРО. В статье 21 закона о РАО содержится обязанность организации, поставщика РАО, собственными силами или с привлечением специализированных организаций перевезти радиоактивные отходы к пункту хранения радиоактивных отходов, указанному НО РАО, и передать радиоактивные отходы с их паспортами национальному оператору по акту приема-передачи.

На сегодняшний день шесть пунктов захоронения радиоактивных отходов (ПЗРО) внесены в обновлённую Схему территориального планирования в области энергетики, утверждённую Правительством РФ 1 августа.

Территориальные схемы размещения радиоактивных отходов носят сложный характер. Прежде всего, это связано с тем, что процесс размещения отходов должен быть основан на научных данных и технологиях, а также на социальном согласии. Однако никаких общественных слушаний связанных с транспортировкой радиоактивных отходов никогда не проводилось – местных граждан даже не предупредили.

Одним из главных преимуществ правильной территориальной схемы для размещения радиоактивных отходов является гарантия сохранности окружающей среды и предотвращения катастрофических последствий для населения. Таким образом, правильная территориальная схема – это гарантия развития как социальной, так и экономической сферы региона

Кроме того, важно понимать, что правильное размещение отходов может быть выгодно для региона. Например, инфраструктура, построенная в рамках территориальной схемы, может привлечь новые инвестиции и создать рабочие места, что будет способствовать экономическому развитию.

В данного рода вопросах необходимо устанавливать консенсус между муниципальными и региональными законодателями и непосредственно населением субъекта. В рамках данных процедур Правительство России неизбежно предоставит все необходимые гарантии экологической безопасности и работоспособности пункта хранения или захоронения РАО.

А для того, чтобы принятое решение было положительным органам власти нужно будет «заинтересовать» регион и спрогнозировать развитие данного субъекта на годы вперед. Так можно описать перспективное развитие региона в целом и такой подход, действительно, представляется как социально-ответственный и справедливый, учитывающий интересы населения конкретного региона.

Возникает необходимость дополнения и реформирования как регионального, так и федерального законодательства в рамках пространственного развития. Региональное законодательство должно содержать нормы общественного контроля в сфере обеспечения ядерной и радиационной безопасности при обращении с РАО.

Данные решения должны способствовать гармоничному развитию регионов в рамках повсеместного пространственного развития субъектов нашей страны. Данные процедуры должны ограничить нас от целого ряда вопросов: будет ли соседствовать полигоны захоронения РАО и ООПТ, будет ли построена грамотным образом логистика для избежания непредвиденных ситуаций и будет ли размещение данных объектов пагубно влиять на экосистему и благополучие граждан?

Тем не менее, необходимо учитывать и потенциальные риски, связанные с размещением радиоактивных отходов. Даже при соблюдении всех правил размещения может быть риск для жизни и здоровья людей, а также влияние на экосистему района. Кроме того, проблема правильного выбора места размещения отходов может создавать перспективные проблемы. Государство и частный сектор могут быть заинтересованы в принятии радиоактивных отходов, так как это может значительно улучшить экономическую ситуацию региона. Это может привести к тому, что государство и компании будут искать места, где можно размещать радиоактивные отходы, игнорируя мнение местного населения и экологические риски.

Согласно основному закону нашей страны, а именно Конституции каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Мы живем в век информационных технологий и найти интересующий нас материал практически не составляет никаких проблем, но только не с информацией, связанной с захоронением и утилизацией радиоактивных отходов. Вопреки требованиям самого законодательства отсутствует информация об самих объектах размещения РАО по категориям, информация о состоянии объекта хранения или захоронения РАО, неполнота сведений об объемах и составе РАО, которая должна предоставляться структурами Росатома.

Например, предусмотреть в соответствующем нормативном акте положения о Наблюдательном совете в структуре органа государственной власти субъекта Российской Федерации и определить порядок его формирования, предусмотреть активное участие общественности и местных органов власти. Окончательное решение о согласовании места размещения пункта хранения или захоронения РАО или ОЯТ целесообразно закрепить за представительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, тем самым обеспечив широкое обсуждение соответствующего решения [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что принятие решений по размещению радиоактивных отходов — это сложный и ответственный процесс в рамках территориального планирования, который требует комплексного подхода и данные решения должны быть отражены в Стратегии пространственного развития России. В случае, если территориальные схемы размещения радиоактивных отходов разрабатываются и реализуются правильно, они могут значительно снизить риски для здоровья людей и окружающей среды, предотвратить аварии и создать условия для безопасного и экологически чистого хранения радиоактивного материала.

Территориальные схемы размещения радиоактивных отходов являются необходимым инструментом для планирования и достижения задач Стратегии пространственного развития. Однако, чтобы эти схемы были эффективными и безопасными, они должны быть разработаны и реализованы с учетом международных стандартов и правил. Вопросы, связанные с населением, нужно решать комплексно, делая акцент сразу на несколько аспектов подготовки к определенным ситуациям. У граждан нужно вызвать заинтересованность в вопросах, которые непосредственно касаются их жизнедеятельности и безопасности, дать им понять, что от их голоса и мнения могут решаться глобальные вопросы и проблемы. Путём возможности создания групп общественного надзора за данной областью.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.20 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.20.
2. Федеральный закон от 11 июля 2011 г. № 190-ФЗ. «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 21.07.2011, N 13, ст. 2079.
3. Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2011 N 2322-р «Об утверждении Концепции развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 года» (вместе с «Планом мероприятий по реализации Концепции развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 года»).
4. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. N 207-р об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. (с изменениями и дополнениями)
5. Принципы системы захоронения РАО [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/71892468/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
6. Большов Л.А., Линге И.И., Уткин С.С., Савельева Е.А., Дорофеев А.Н. Стратегический мастер-план исследований в обоснование безопасности сооружения, эксплуатации и закрытия пункта глубинного захоронения радиоактивных отходов // Радиоактивные отходы. 2017. № 1. С. 33–42.
7. Сорокин В.Т., Павлов Д.И. Стоимость захоронения РАО: зарубежные оценки // Радиоактивные отходы. 2019. № 1 (6). С. 46–55.
8. Обращение с РАО в России [Электронный ресурс]: Режим доступа URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?file=print&name=News&sid=6544>
9. Особые радиоактивные отходы / Под общей редакцией И.И. Линге. М.: ООО «САМ полиграфист», 2015.

УДК 342.9

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ, ИХ ЦЕЛИ

Марочко А.П., студент 4 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Астафурова О.А., кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой информационных систем и математического моделирования,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена комплексному рассмотрению особенностей административных наказаний. Автором была проделана работа по изучению различных подходов понимания системы и классификации административных наказаний. Важно подчеркнуть, что все виды административных наказаний в совокупности образуют систему, которая включает в себя различные правовые последствия для нарушителя. Классификация административных наказаний позволяет проследить, насколько всё-таки обширна данная сфера и какова специфика такой системы.

Ключевые слова: административное наказание, виды административного наказания, классификация видов административного наказания, система административных наказаний, мера государственного принуждения.

THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF ADMINISTRATIVE PENALTIES, THEIR GOALS

Marochko A.P., 4th year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Astafurova O.A., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information Systems and Mathematical Modeling,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to a comprehensive review of the features of administrative penalties. The author has done work on the study of various approaches to understanding the system and classification of administrative penalties. It is important to emphasize that all types of administrative penalties together form a system that includes various legal consequences for the violator. The classification of administrative penalties allows us to trace how extensive this area is and what the specifics of such a system are.

Keywords: administrative punishment, types of administrative punishment, classification of types of administrative punishment, system of administrative penalties, measure of state coercion.

Шубин И.В. в научной работе пишет: «система – это совокупность взаимосвязанных элементов, образующих целостное единство, по своим свойствам отличающееся от свойств образующих ее элементов. Рассмотрим проявление этой взаимосвязи относительно административных наказаний» [1].

На данный момент в КоАП РФ административным наказаниям посвящена третья глава. Важно отметить, что ранее в названии главы вместо слова «наказание» был термин «вызыскание».

Данная смена правовых категорий была объяснена многими аспектами.

Во-первых, что «любая мера ответственности обязательно содержит в себе какие-либо ограничения или лишение прав и свобод субъекта, привлекаемого к ответственности. Сами же эти лишения или ограничения прав составляют содержание наказания как адекватной реакции государства на совершенное правонарушение».

Во-вторых, термин «административное наказание» точнее отражает суть карательной санкции и не создает тавтологической ситуации с законодательной конструкцией «взыскание взыскивается», утверждает, что он более согласуется с названием уголовно-правовой санкции («наказание»).

Согласно ч. 1 ст. 3.1 административное наказание – это установленная государством мера ответственности за совершение административного правонарушения [2]. Из данного определения административного наказания следует выделить наиболее существенные его признаки: мера государственного принуждения, мера ответственности за противоправное деяние, применяется за совершенное административное правонарушение.

Приведем понятие административного взыскания, которое давалось в КоАП РСФСР, который в настоящее время уже утратил силу. В соответствии со ст. 23 КоАП РСФСР административное взыскание является мерой ответственности и применяется в целях воспитания лица, совершившего административное правонарушение, в духе соблюдения советских законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. [3]

Хобта А.Д. высказывает мнение: «очевидно, что из нынешнего Кодекса исчезла советская идеология, которая была свойственна большинству нормативно-правовых актов советского периода. А также термин «административное взыскание» был заменен на «административное наказание». В остальном смысл остается идентичным» [4].

Административное наказание представляет собой одну из мер административной ответственности, направленную на привлечение лиц, совершивших административное правонарушение, к юридической ответственности и наказанию за их действия (или бездействия), имеющие общественную значимость.

Административное наказание может быть наложено на физических и юридических лиц, а также на должностных лиц за нарушение норм и правил в сфере государственного управления, экономики, экологии, транспорта, здравоохранения, образования и многих других.

Сущность административного наказания заключается в применении мер административного воздействия к лицам, которые совершили нарушения закона или нормативных актов.

Роль административного наказания заключается в следующем:

- обеспечение соблюдения важнейших норм и правил общественной жизни;
- защита общественных интересов и прав граждан;
- превентивный эффект – предотвращение совершения аналогичных правонарушений в будущем;
- выработка у должностных лиц и граждан отношения к закону и его соблюдению;
- защита контрреволюционных, экстремистских и террористических действий;
- восстановление нарушенных прав и свобод граждан.

Применение административного наказания объективирует нормы права и повышает дисциплину и порядочность поведения в обществе. Кроме того, это помогает укрепить принцип законности и показывает, что нарушения законодательства и норм могут иметь негативные последствия для виновных лиц.

В целом, административное наказание является важным инструментом, гарантирующим соблюдение законов и правил и обеспечивающим защиту интересов государства и граждан.

В настоящее время существует Концепция нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в которой предлагается изменение системы административных наказаний в современных реалиях и рассматриваются иные вопросы.

Так, внимание уделяется разяснению такого вида наказания как конфискация имущества. Вместе с этим предлагается уменьшить срок административного приостановления деятельности и внести такое наказание вместе с временным запретом деятельности в перечень мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Кроме того, также выдвигается мнение об изменении порядка назначения наказаний за некоторые категории правонарушений.

Тем самым стоит отметить, что законодатель заинтересован в так называемой коррекции административного законодательства. В свою очередь, всё это может каким-то образом повлиять на достижение целей рассматриваемого вида наказаний.

Это связано с историческим изменением государства и общества. Поэтому особого внимания требует постоянный мониторинг за актуальностью и соответствием законодательства потребностям конкретной страны, чтобы своевременно внести изменения в данную сферу.

Таким образом, цели административных наказаний можно рассматривать с разных аспектов. Эффективность их реализации и зависит от деятельности уполномоченных и иных субъектов. Важно изначально уделять внимание общественному сознанию, поведению, морали, нравственности, правовой культуре, так как от их уровня зависит и достижение целей наказания. Итак, административные наказания представляют из себя одну из мер государственного реагирования на правонарушение.

Проанализировав систему данного вида наказания, мы видим, что она включает в себя самые разнообразные виды, некоторые из которых в какой-то мере пересекаются с уголовными наказаниями. Однако рассматриваемый вид, на первый взгляд, может показаться менее суровым.

Тем не менее, в настоящее время продолжают существовать мнение о карательных целях административного наказания. И в каком-то смысле это может показаться логичным, ведь любое наказание выражается в принуждении, ограничении, в таком называемой мере.

Классификация административных наказаний позволяет проследить, насколько всё-таки обширна данная сфера и какова специфика такой системы.

Перечень административных наказаний, закреплённый в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, достаточно обширен и насчитывает десять видов. Их классификация может быть составлена по различным основаниям.

По порядку назначения административные наказания разделяются на основные и дополнительные. Такое разделение устанавливает сам законодатель. Основными являются такие, которые не могут быть соединены с другими наказаниями: предупреждение, административный штраф и другие. Дополнительные – это те, которые можно применять в качестве и основных, и дополнительных, то есть можно сочетать с другими видами наказаний: административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства и другие.

По виду прав, которые могут ограничивать административные наказания, можно разделить их на те, что ограничивают имущественные права лица (административный штраф и т.д.) и личные права лица (административный арест и т.д.) [5]. Помимо этого, можно выделить такую категорию наказаний, которые ограничивают трудовые права лица – дисквалификация, обязательные работы.

По субъектам, уполномоченным назначать административные наказания, выделяются такие как назначаемые только судом и назначаемые любым уполномоченным субъектом. Большинство наказаний назначаются только судом (судебные) и всего лишь два из них – предупреждение и административный штраф могут быть назначены также и иными субъектами, имеющими на то право (внесудебные). Однако административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства и административное приостановление деятельности имеют некоторые исключения и могут применяться не только судом. Стоит учесть, что суд назначает те административные наказания, которые ограничивают конституционные права (право на свободу, право на свободный труд и т.д.).

По уровню закрепления административные наказания подразделяются на наказания, установление которых возможно на уровне Российской Федерации (федеральный уровень), куда относятся все виды наказаний, и наказания, установление которых возможно на уровне субъектов Российской Федерации (региональный уровень): предупреждение и административный штраф. Данная классификация исходит из того, что административное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов. А связано это с особенностями отдельных регионов России, их законодательством.

По субъектам, к которым применяются административные наказания, выделяют наказания, установленные только для физических лиц, и наказания, назначение которых возможно юридическим лицам [6]. Согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях, юридические лица могут быть подвергнуты только предупреждению, административному штрафу, конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения и административному приостановлению деятельности. Такой ограниченный перечень связан с особенностями данного субъекта и невозможностью применить все виды наказания.

По длительности действия административные наказания классифицируются на краткосрочные (предупреждение и другие) и долгосрочные (обязательные работы и другие) [1]. Такое разделение можно учитывать при анализе достижения целей административного наказания, так как можно предположить, что краткосрочные наказания оказывают меньше превентивное воздействие на определённое лицо или неограниченный круг лиц [8].

Таким образом, как мы видим, существует несколько критериев, по которым можно разделить административные наказания. Приведённые классификации позволяют проследить специфику данного вида наказания, особенности их закрепления, назначения, исполнения и эффективности реализации.

Библиографический список

1. Шубин И.В. К вопросу о системности и системе административных наказаний, месте и роли в ней административного штрафа // Журнал «Административное право и процесс». 2021. № 8. С. 80–82.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2022)
3. «Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001)
4. Хобта А.Д. Понятие и система административных наказаний // Актуальные проблемы государства и права: опыт, проблемы, решения сборник материалов международной научно-практической конференции. 2018. С. 39–44.
5. Безукладников, В.В. Классификация административных наказаний / В.В. Безукладников // Молодой ученый. 2021. № 14 (356). С. 168–172.
6. Телегин А.С. Административная ответственность юридических лиц: некоторые проблемы применения // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (80). С. 50–53.
7. Молоков, Н. Д. Классификация административных наказаний / Н.Д. Молоков // Молодой ученый. 2021. № 26 (368). С. 198–199.

КРУГ ЛИЦ, ПРИВЛЕКАЮЩИХ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Мирзагомедова С.М. студент 4 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Астафурова О.А., кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой информационных систем и математического моделирования,
 Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются субъекты, уполномоченных привлекать к административной ответственности, а также проблемы определения подведомственности дел об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, подведомственность дел об административных правонарушениях, производство по делам об административных правонарушениях.

THE CIRCLE OF PERSONS BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Mirzmagomedova S.M. 4th year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Astafurova O.A., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information Systems and Mathematical Modeling,
 Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article discusses the subjects authorized to bring to administrative responsibility, as well as the problems of determining the jurisdiction of cases of administrative offenses.

Keywords: administrative offense, administrative responsibility, jurisdiction of cases of administrative offenses, proceedings on cases of administrative offenses.

Каждое административное правонарушение, за которое предусмотрена административная ответственность, описывается конкретным набором правил и санкций, установленных административным законодательством. Она может быть применена как государственным органами, так и отдельными частными субъектами, которые могут предъявить требования о возмещении ущерба, причиненного правонарушением. Таким образом, административная ответственность – это мера ответственности, предусмотренная административным правом за совершение административных правонарушений.

Изучая институт административной ответственности в более широком смысле, можно определить структуру органов государственной власти и систему их функционирования. На данный момент Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в главе 23 определяет более 60 субъектов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях и привлекать к административной ответственности. Так, например, многообразие общественных отношений в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности обуславливает отнесение к подведомственности органов внутренних дел широкого круга дел об административных правонарушениях [1, с. 53].

Система субъектов, привлекающих к административной ответственности, имеет важное значение для соблюдения законодательства и нормативных актов в различных сферах общественной жизни, а также для защиты интересов государства и граждан.

В соответствии с ст. 22.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных настоящим Кодексом, рассматриваются в пределах компетенции, установленной главой 23 настоящего Кодекса:

- судьями (мировыми судьями);
- комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- федеральными органами исполнительной власти, их структурными подразделениями, территориальными органами и структурными подразделениями территориальных органов, а также иными государственными органами в соответствии с задачами и функциями, возложенными на них федеральными законами либо нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации;
- Банком России в соответствии с задачами и функциями, возложенными на него федеральными законами;
- органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы;
- органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими региональный государственный надзор либо переданные им полномочия в области федерального государственного надзора, указанными в главе 23 КоАП РФ;
- государственными учреждениями, подведомственными федеральным органам исполнительной власти, уполномоченным в соответствии с федеральными законами на осуществление федерального государственного лесного надзора (лесной охраны), федерального государственного пожарного надзора, государственного портового контроля, государственного надзора в области использования и охраны особо охраняемых природных территорий федерального значения, а также государственными учреждениями, подведомственными органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченным в соответствии с федеральными законами на осуществление федерального государственного лесного надзора (лесной охраны), государственного надзора в области использования и охраны особо охраняемых природных территорий регионального значения.

Данная систематизация регламентирована в КоАП РФ, но можно привести и иную классификацию основных субъектов, которые имеют право привлекать к административной ответственности:

1. Государственные органы, включая суды, полицию, налоговую и другие инспекции, различные контролирующие органы федерального и регионального уровней.
2. Саморегулируемые организации (СРО), действующие в конкретных отраслях и имеющие право проверять своих членов на соблюдение законодательства и нормативных актов.
3. Конкурентные органы, такие как Федеральная антимонопольная служба России, которые отслеживают нарушения антимонопольного законодательства.
4. Органы муниципального управления, ответственные за контроль за соблюдением законодательства и нормативных актов на местном уровне.

Особенности административно-правового статуса каждого из вышеуказанных субъектов напрямую связано с порядком определения подведомственности дел об административных правонарушениях. Понятие подведомственности не имеет легального определения. Подведомственность в КоАП РФ означает порядок распределения дел об административных правонарушениях – для их рассмотрения по первой инстанции (гл. 29 КоАП РФ) – между судьями, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, федеральным органом исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, административными комиссиями и иными коллегиальными органами, создаваемыми в соответствии с законами субъектов РФ, а также иными уполномоченными органами и должностными лицами в соответствии с их компетенцией [2].

Подведомственность по делам об административных правонарушениях является понятием, которое определяет юрисдикционную принадлежность суда или другого органа, рассматривающих дела об административных правонарушениях.

В России существует несколько уровней юрисдикции по делам об административных правонарушениях. Любое дело начинается в соответствующем органе, уполномоченном проводить проверку по данному виду нарушения. Затем рассмотрение дела может перейти в другой орган вышестоящего уровня или в судебную инстанцию, если необходимо рассмотреть вопрос с правовой точки зрения.

Каждый орган, занимающийся делами об административных правонарушениях, имеет определенные полномочия и осуществляет свою деятельность в соответствии с конкретными правилами и процедурами. Например, государственные инспекции, такие как ГИБДД или Роспотребнадзор, могут проверять организации на соблюдение правил и норм в определенной сфере деятельности. Если в результате проверки обнаруживаются нарушения, то инспекция может вынести постановление об административном правонарушении или передать дело в суд.

Суды, в свою очередь, рассматривают дела об административных правонарушениях на основе доказательств, предоставляемых сторонами дела и обязательных для соблюдения правил процессуального законодательства. При вынесении решения о судьбе подсудимого (виновного лица) суды должны руководствоваться законом и принимать во внимание степень вины и обстоятельства дела.

Таким образом, понятие подведомственности по делам об административных правонарушениях имеет важное значение для эффективной работы всей системы правосудия. Она позволяет определить полномочия органов, обхват дел, подведомственных за ними, и обеспечивает реализацию закона с минимальной задержкой и максимальной точностью.

Анализируя действующее административное законодательство, а именно гл. 23 КоАП РФ можно сделать вывод о том, что органы внутренних дел (полиции) обладают особым статусом при осуществлении административно-юрисдикционной деятельности. Это обусловлено наличием различных функций на всех стадиях производства по делу об административных правонарушениях. К таким функциям можно отнести: выявление административного правонарушения, возбуждение дела об административном правонарушении, непосредственное осуществление производства по делу об административном правонарушении, а также привлечение к административной ответственности.

Особенности производства по делам об административных правонарушениях в органах внутренних дел (полиции) зависят от целого ряда факторов (полноты содержания; временных, территориальных критериев; от применения отдельных видов административных наказаний; от различных категорий лиц, привлекаемых к административной ответственности, и др.) [3, с. 818].

Среди субъектов, уполномоченных привлекать к административной ответственности, центральное место занимают судебные органы. Судьи рассматривают дела об административных правонарушениях с целью обеспечения надежных гарантий прав и законных интересов потерпевших, а также лиц, привлекаемых к административной ответственности. Порядок привлечения к ответственности за административное правонарушение имеет целью использование правоохранительной функции, предупреждение и недопущение административных правонарушений [4, с. 111].

Суды общей юрисдикции и мировые судьи обладают большим объемом полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях и назначению административных наказаний в соответствии со ст. 23.1 КоАП РФ. Необходимо отметить, что соотношение терминов «подсудность» и «подведомственность» в теории права определяется по-разному. Подсудность дел об административных правонарушениях представляет собой определение компетенции отдельных судов судебной системы Российской Федерации.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что в соответствии с административным законодательством множество органов и их представителей наделены властными полномочиями, в частности привлекать к административной ответственности. Такая множественность способствует более оперативному и экономному производству дел об административных правонарушениях, поскольку они охватывают разные сферы, нуждающиеся в контроле и надзоре. Основоположающим понятием в данном исследовании является подведомственность. Сущность этого понятия заключается в определении компетенции органов, разбирающих дела об административных правонарушениях. Таким образом, подведомственность подразумевает определенный круг вопросов, которыми занимаются различные органы, что позволяет обеспечить правильную и эффективную работу всей системы органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях.

Библиографический список

1. Володченко В.С., Ланцова Д.С., Метельницкая Т.А., Пыхтина М.Г. Органы, должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях // Достижения науки и образования. 2019. № 8–1 (49). С. 53–54.
2. Смоляков П.Н. Порядок изменения подведомственности и подсудности дела об административном правонарушении // СПС КонсультантПлюс. 2023.
3. Таджибов В.Р. Производство по делам об административных правонарушениях и принципы его реализации в деятельности полиции // Административное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 816–823.
4. Терехова Л.А. Рассмотрение судами дел о привлечении к административной ответственности // Правоприменение. 2018. № 3. С. 110–115.

УДК 330.117

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Михнева А.И., студент 4 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Михнева С.В., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье исследуются актуальные для современности вопросы обеспечения экономической безопасности. Выделены основные направления государственного управления в сфере экономической безопасности с учетом положений действующего законодательства, стратегий развития национальной экономики и обеспечения экономической безопасности. Проанализированы проблемы обеспечения экономической безопасности России в условиях санкционной политики, обозначены перспективы экономического развития Российской Федерации.

Ключевые слова: экономическая безопасность, национальная безопасность, санкции, стратегия обеспечения экономической безопасности, государственное управление.

PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF ECONOMIC SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Mihneva A.I., 4th year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd
Mikhneva S.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd

Abstract. The article examines the current issues of ensuring economic security. The main directions of public administration in the field of economic security are highlighted, taking into account the provisions of current legislation, strategies for the development of the national economy and ensuring economic security. The problems of ensuring Russia's economic security in the conditions of the sanctions policy are analyzed, the prospects for the economic development of the Russian Federation are outlined.

Keywords: economic security, national security, sanctions, economic security strategy, public administration.

На сегодняшний момент на всех уровнях публичной власти идет активное обсуждение развития экономики России в современных геополитических, политико-правовых, социально-экономических и иных условиях. Во многом, это связано с тем, что экономические показатели развития государства, рост внутреннего валового продукта, стабильность рынка, укрепление финансовой, денежной, банковской систем и прочность внутренних и внешних экономических связей дает основание утверждать о новых реальных возможностях политического, культурного, социального развития общества, охраны и защиты национальных приоритетов и интересов, а значит, и благосостояния населения страны [1, с. 294]. В этом ракурсе вопросы государственного управления экономической сферой требуют рассмотрения важной темы, касающейся экономической безопасности. В то же время, экономическая безопасность является разновидностью и элементом национальной безопасности, важной функцией государства. На современном этапе обеспечения экономической безопасности наша страна столкнулась с рядом угроз и вызовов. В первую очередь, надо отметить категорическое изменение принципов международного экономического сотрудничества и взаимодействия государств, попирающие интересы экономически слабых и неразвитых стран, введение ограничительных мер недружественными государствами в отношении России, применение неправомерных актов и совершение несправедливых действий рядом стран с развитой экономикой в одностороннем порядке. Именно сегодня данные вопросы особенно актуальны в связи с систематическим формированием и внедрением санкционных пакетов в отношении РФ, появлением новых вызовов внешнеполитическому курсу нашего государства, уходом с российского рынка ряда зарубежных хозяйственных субъектов, совершением террористических актов в отношении российских газовых трубопроводов и разрывами международного сотрудничества, и прежде всего, экономического.

Как отмечает Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию РФ от 21 февраля 2023 года, страны западного мира в рамках своей санкционной агрессивной войны используют против России их своего арсенала такие средства как: разрыв хозяйственных связей с российским бизнесом и различными компаниями, отключение российской финансовой системы от каналов коммуникаций, лишение доступа к экспортным рынкам для уменьшения прибыли и доходов, «воровство» наших валютных резервов, попытки обвалить рубль и спровоцировать разрушительную инфляцию [2]. Все обстоятельства в совокупности привели к разработке публичными государственными органами федерального уровня новой стратегии экономики страны, выстраиванию принципиально иных приоритетов в национальном инвестировании, а также к формированию государственной политики по обеспечению экономической безопасности. Еще принятая в 2021 году Стратегия национальной безопасности РФ обозначила основные национальные приоритеты, которые легли в основу государственной политики и государственного управления, в том числе, и в сфере экономической безопасности [3].

Обращаясь к категориальному аппарату, надо отметить, что национальную безопасность можно определить как устойчивое состояние защищенности интересов и потребностей во всех сферах жизнедеятельности государства и общества. Экономическая безопасность является разновидностью национальной безопасности, точнее ее составным элементом. Экономика определяет хозяйственную сферу с возможными инвестиционной политики, банковского регулирования, ведения частного бизнеса, развитие малого и среднего предпринимательства, государственного регулирования процессов производства, развития социального предпринимательства.

Государственное управление означает воздействие государственно-властных субъектов – органов публичной власти федерального и регионального уровней на все сферы экономического развития. Законодательное понятие государственного управления закреплено в статье 3 Федерального закона № 172-ФЗ от 28 июня 2014 года «О стратегии национальной безопасности РФ» [4]. Таким образом, государственное управление в сфере экономической безопасности – это одна из важных задач органов публичной власти, имеющих теоретическую, нормативно-правовую и практическую стратегическую значимость.

Правовую основу именно экономической безопасности составляют нормы и положения Стратегии национальной безопасности РФ, Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года [4], федеральные законы, а также федеральные, региональные и муниципальные подзаконные акты. Для выявления направлений обеспечения экономической безопасности следует обратить внимание на угрозы и риски в этой сфере. В Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 года выделяется несколько угроз таковой. Если объединить их в группы, то можно обозначить такие как: 1) ориентация российской экономики на экспорт энергоресурсов, 2) неразвитая база компаний несырьевого характера на международном уровне среди глобальных лидеров мировой экономики, 3) финансовая, инвестиционная, бюджетная, технологическая, научно-техническая, конкурентная, информационно-технологическая «слабость» РФ, 4) неэффективное государственное управление, коррупционность государственных структур.

Целевыми приоритетными установками государственного управления в сфере обеспечения экономической безопасности являются: экономический суверенитет, устойчивость экономики, экономический рост, научно-техническое развитие экономики, оборонно-промышленный комплекс, качество жизни населения. Принципы государственного управления в сфере экономической безопасности – основополагающие начала данной деятельности. К ним относятся: принцип законности, принцип системности, принцип государственной поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, принцип взаимовыгодного внешнего и внутреннего экономического сотрудничества, принцип единства системы публичной власти (объединяющий и государственные органы, и органы местного самоуправления).

Основные направления государственного управления в сфере экономической безопасности – это комплекс мер и мероприятий, воздействующих на сферы экономики для устранения возможных угроз, и их последствий. В основополагающих документах экономического и политического характера намечены перспективные направления дальнейшего развития государственного управления в экономической сфере, в частности: 1) расширение внешнеэкономических связей, выстраивание новых логистических коридоров с рынками Юго-Восточной Азии, 2) формирование устойчивой безопасной системы международных расчетов, независимой от западных валют, 3) поиск и выход на новые и перспективные глобальные рынки, включая Азиатско-Тихоокеанский Регион, 4) развитие российской внутренней экономики рынка, научной, технологической, кадровой базы, 5) производство товаров с высокой добавленной стоимостью, 6) развитие региональной инфраструктуры в субъектах Российской Федерации (связь, телекоммуникации, дорожные сети, газификация социальных объектов), 7) инвестирование сферы строительства и жилищно-коммунального хозяйства, 8) расширение технологических возможностей российской отечественной экономики, обеспечение роста мощностей отечественной индустрии, 9) поиск новых источников финансирования инвестаций, 10) создание дополнительных условий для граждан вкладывать деньги и зарабатывать внутри страны, 11) привлечение капитала в быстрорастущие и высокотехнологичные бизнесы.

Важнейший элемент экономического суверенитета – это свобода предпринимательства. В связи с этим, были предприняты меры по поддержке бизнеса: в марте 2022 года был запущен пакет мер по поддержке бизнеса и экономики на общую сумму триллион рублей на рыночной основе.

Важность в рамках национальной безопасности именно экономической безопасности обусловлена необходимостью сохранения и приумножения всех хозяйственных субъектов, государственных корпораций и государственных компаний, кредитных банковских организаций, секторов малого и среднего бизнеса, государственных и негосударственных фондов, взаимодействие и функционирование которых обеспечит финансовые, материальные, инвестиционные и иные ресурсы государства, его экономический потенциал существования и дальнейшего эффективного развития.

На сегодняшний момент создана достаточно широкая нормативно-правовая база РФ, направленная на обеспечение экономической безопасности, включающая федеральные и региональные законы, указы Президента РФ, утверждающие программы и стратегии национального и, в частности, экономического развития России, постановления Правительства РФ, муниципально-правовые акты, принимаемые представительными и исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления.

Для стабилизации социально-экономической ситуации в государстве на федеральном уровне принимается ряд нормативно-правовых актов. Прежде всего, надо отметить стремление государства к формированию национальных приоритетов в основных государственных программных официальных документах. Например, в Стратегии национальной безопасности 2021 года определены национальные приоритеты и интересы.

Подводя итоги анализу основных аспектов государственного управления в сфере экономической безопасности, можно сделать следующие выводы. Россия вступила в новый этап своего экономического развития, ознаменованный поиском новых взаимовыгодных экономических отношений с устойчивыми странами-партнерами, ориентацией на переход от сырьевого экспорта к развитию отечественного производства и конкурентоспособности национального товара. Об свидетельствует как нормативно-правовая база, так и последовательные политические шаги российского руководства на международной арене. Можно указать на ключевые этапы современного государственного управления в сфере обеспечения экономической безопасности в РФ, которыми являются:

1) разработка новой концепции обеспечения экономической безопасности в РФ в соответствии с вызовами и угрозами санкционной политики «недружественных» стран в отношении России. К примеру, уже на данный момент доля российского рубля в международных расчетах по сравнению с декабрем 2021 года удвоилась. Многие базовые гражданские отрасли отечественной экономики за 2022 год значительно нарастили производство. Высокие темпы роста показало сельхозпроизводство;

2) в этом ракурсе требуется разработка краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных программ и стратегий экономического развития России, субъектов РФ и муниципальных образований;

3) как следующий этап для эффективной реализации Стратегии экономической безопасности - разработка мер антикоррупционной политики, направленной на выявление экономических коррупционных правонарушений, в том числе, и экономических преступлений в федеральных и региональных органах государственной власти и местного самоуправления, в бизнес-структурах, в государственных корпорациях и компаниях;

4) важным моментом в обеспечении экономической безопасности является ориентация на развитие импортозамещения товаров на российском рынке. Следовательно, и повышение уровня конкурентоспособности российской экономики, отечественных товаров и услуг на международной арене;

5) для преодоления как самих санкций, так и их последствий, необходим поиск новых внешнеэкономических форм взаимодействия и международного сотрудничества;

6) увеличение рынков сбыта национальной отечественной продукции, сырья и товаров позволит увеличить объем финансовых вливаний в бюджет и государства и предпринимателей;

7) инвестиционная направленность на отечественный сегмент экономики сегодня довольно проблемная зона, о которой не раз подчеркивалось в выступлениях должностных лиц публичной власти, представителей государственной кредитной, банковской, финансово-экономической сферы и бизнес-сообщества;

8) как следующий шаг в это направлении требуется финансовая, экономическая, дотационная поддержка субъектов малого и среднего бизнеса;

9) введение налоговых каникул для субъектов хозяйствования;

10) повышение качества российских товаров для их конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынке;

11) переориентирование российского производства, нефтедобывающей промышленности для создания условий экономического роста;

12) повышение значимости социального предпринимательства в российском обществе, бизнес-сфере [6, с. 134];

13) стабилизация и развитие сформированных национальных и международных экономических отношений;

14) увеличение субъектов малого и среднего бизнеса, ориентированных и заинтересованных как на внутренний национальный отечественный рынок, так и на международный.

Решение данных задач и достижение приоритетов будет в целом способствовать экономическому росту государства, укреплению внутренних и внешних экономических связей. Как отмечается в Государственной программе РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 25.12.2021 г. экономическое развитие оказывает прямое влияние на экономический рост, внедрение инновационных технологий, повышение качества и уровня жизни населения, повышение производительности труда и на достижение других стратегических целей социально-экономического развития страны [7].

Система целеполагания и задачи Программы сформированы с учетом национальных целей развития на период до 2030 года, определенных Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» [8], и Единого плана по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года, утвержденного распоряжением Правительства РФ от 1 октября 2021 г. № 2765-р. Реализация Программы будет непосредственно направлена на достижение двух национальных целей развития РФ на период до 2030 года – «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» и «Цифровая трансформация». Стратегическая задача, обусловленная многими субъективными национальными факторами и объективными международными фактами, и событиями, поставленная сегодня руководством страны, политической и экономической элитой, заключается в том, чтобы вывести экономику на новые рубежи. А это возможно только при надлежащем выполнении мер, направленных на эффективное обеспечение экономической безопасности.

Библиографический список

1. Михнева С.В. Новеллы государственного и муниципального управления современной России в ракурсе единой системы публичной власти // В сборнике: «Новеллы права, экономики и управления 2022». Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2023. С. 294–297.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 года // Российская газета, 22 февраля 2023 г. № 39.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2.07.2021 г.
4. Федеральный закон № 172-ФЗ от 28 июня 2014 года «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. № 26 (часть I) ст. 3378.
5. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
6. Михнева С.В., Рай А. Социальное предпринимательство в Российской Федерации: понятие и правовые основы // в сборнике «Социально-экономические процессы современного общества: теория и практика». Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2022. С. 134–137.
7. Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.12.2021 г.
8. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

УДК 323.22/28

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Михнева С.В., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты формирования единой системы публичной власти с учетом новых политико-юридических основ развития государственного управления и местного самоуправления, направленной на объединение федеральных, региональных и муниципальных органов РФ. Отдельное внимание автор уделяет вопросам взаимодействия властных институтов ввиду изменения и усовершенствования действующего законодательства, а также проблемам их реализации в новых политико-правовых условиях России.

Ключевые слова: государственное управление, муниципальное управление, местное самоуправление, принципы, реформа, публичная власть, единая система публичной власти, государственное и муниципальное управление.

DEVELOPMENT OF STATE ADMINISTRATION AND LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mikhneva S.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article discusses the legal aspects of the formation of a unified system of public authority, taking into account the new political and legal foundations for the development of public administration and local self-government, aimed at uniting federal, regional and municipal bodies of the Russian Federation. The author pays special attention to the issues of interaction between government institutions due to changes and improvements in the current legislation, as well as the problems of their implementation in the new political and legal conditions of Russia.

Keywords: public administration, municipal administration, local self-government, principles, reform, public authority, unified system of public authority, state and municipal administration.

Важность и актуальность научного осмысления и рассмотрения практических аспектов современного управления в государстве связаны с осуществлением демократии, выражением интересов народа и конкретного индивида, качественной защитой прав и свобод человека и гражданина, а также с обеспечением национальной безопасности, включающей национальный государственный суверенитет, единство и территориальную целостность страны. С переходом от советской централизованной системы устройства власти к современному управлению в РФ наметились политические и правовые условия становления и развития новой системы организации российской публичной власти - государственного и муниципального управления. Главными особенностями его можно назвать: трехуровневое построение субъектов управления – федеральных, региональных и муниципальных органов власти, появление наряду с государственными органами местного самоуправления, законодательное признание самостоятельности и независимости местного самоуправления, распространение государственной власти на уровень субъектов федерации и появление равнозначных муниципальных образований.

Обращаясь к анализу категориального аппарата, надо заметить, что государственное и муниципальное управление можно рассматривать в различных смыслах: как управленческий процесс, как систему субъектно-объектных отношений, как сферу государственного воздействия и как научную категорию.

Анализ любого понятия закономерно предполагает обращение к нормативно-правовой базе, закрепляющей официальную дефиницию, а также учет выработанных научных подходов и концепций. В действующем законодательстве РФ нет официального определения категории «государственное и муниципальное управление», однако, детальное и пристальное рассмотрение при расщеплении этой категории позволяет найти определение, сформулированное законодателем, отдельно государственного и муниципального управления. Так, Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» под государственным управлением понимается деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития России и обеспечения национальной безопасности РФ. А муниципальное управление, соответственно, деятельность органов местного самоуправления по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития.

Сущность государственного и муниципального управления заключается в совокупности взаимосвязанных элементов, направленных на обеспечение действия государственного механизма по выполнению государственных функций в социально-экономической сфере. Поскольку законодатель не закрепляет четкого понятия государственного и муниципального управления ни в одном действующем нормативно-правовом акте, поэтому сегодня ученые предпринимают активные попытки определить смысловое значение данного института. Для анализа современной системы государственного управления и местного самоуправления надо проанализировать факторы, определяющие сегодня как сами органы власти, их полномочия и функции, так и положения данных органов во всей институционально-властной структуре государства и способы их организации. Сложность рассматриваемой темы заключается в существовании двух по своей сути и назначению одинаковых систем – единой системы публичной власти и системы государственного и муниципального управления. Власть в любом государстве представляет собой организованный аппарат взаимосвязанных субъектов – органов публичной власти всех уровней и должностных лиц власти –

руководителей государства, его территориальных единиц, глав органов публичной власти. Различие двух систем кроется уже в самом наименовании – публичная власть является «единой», а управление делится на государственное и муниципальное, хотя его осуществляют те же самые публичные органы, составляющие единую систему. Раскрытие вопроса соотношения двух систем детально не нашло своего отражения в законодательной базе и подзаконных нормативно-правовых актах. На современном этапе законодатель ограничился лишь определением понятия «единой системы публичной власти», не определяя понятия государственного и муниципального управления.

Исходя из смыслового содержания данного определения, с 2020 года в нашей стране все органы и государственного и муниципального уровней находятся в единой взаимосвязи, а следовательно, и в соподчинении друг другу, то есть федеральные государственные органы по своему юридическому статусу и политическому положению занимают более приоритетное и значимое положение, нежели государственные органы региональной власти и органы местного самоуправления. Вопрос о «самостоятельности» органов местного самоуправления остается открытым в этой политико-правовой связке институтов публичной власти. Усугубляет положение местных органов власти и смысловое положение статьи 131 Конституции РФ о возможности государственной власти влиять на формирование органов местного самоуправления. В этой связи видится актуальным новый законопроект о общих принципах организации местного самоуправления в России, принятый в третьем чтении в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Следующим шагом законодателя будет закрепление нового правового статуса муниципального образования и его органов местной власти.

Сегодня в быстроменяющихся международных, геополитических, экономических, политико-правовых и внешнеэкономических условиях происходит активный поиск эффективных форм организации и осуществления государственного управления. Начиная с 2020 года вносятся конституционные изменения в механизм государства и создаются иные принципы государственного управления и местного самоуправления. Это в итоге приводит к принятию важных управленческих решений, оформляемых в виде законов и подзаконных актов. С периода 2020 года в нашей стране изменяется политика устройства государственной власти, взяв направление на централизацию и укрепление политического и правового положения органов федерального и регионального уровней. При этом построение системы публичной власти во главе с Президентом РФ является ответом на новые угрозы внешней и внутренней национальной безопасности России.

В рамках предмета исследования следует различать понятия государственного и муниципального управления и системы государственных и муниципальных органов власти. На наш взгляд, под системой органов государственного и муниципального управления можно понимать совокупность взаимосвязанных органов государственной власти, иных государственных органов и органов местного самоуправления, уполномоченных на решение определенного круга задач и выступающих от имени государства или муниципалитета соответственно. При этом, отдельно понятия «государственное управление» и «муниципальное управление» официально признаны в 2014 году Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» в целом как деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития страны.

Надо отметить, что основные принципы построения и функционирования государственного и муниципального управления закреплены в Конституции РФ 1993 г., к которым можно отнести: 1) принцип разделения властей, закрепленный в статье 10 Основного Закона государства, 2) принцип федеративного устройства, связанный со ст. 5 Конституции России и 3) принцип самостоятельности и независимости местного самоуправления, прописанный в 12 статье основополагающего нормативно-правового документа.

На наш взгляд, современные социальные, экономические, политические, правовые, духовно-нравственные и иные системы общественного развития и взаимодействия претерпевают значительные изменения, что не может не сказаться на всей системе государственного и муниципального управления. Так, новая геополитическая расстановка сил на мировой арене, нарушения прав и законных интересов РФ в различных областях науки, образования и культуры поставили перед политическим руководством и партийной элитой задачи укрепления государства, вертикали государственной власти, обеспечения единой и согласованной политики на всех уровнях власти, взаимосвязанных действий как государственных и местных органов, так и их должностных лиц.

В связи с чем, в январе 2020 года Президент РФ выступил с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию, в котором подчеркнул необходимость сближения государственной власти и местного самоуправления для обеспечения эффективной защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина, для проведения единой государственной политики на всех территориальных единицах государства: в субъектах федерации и в муниципальных образованиях.

Следующим шагом последовательно проводимых действий по объединению государственных и муниципальных органов было внесение поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году. В частности, представляет интерес статья 132 Конституции, где впервые на уровне Основного Закона страны был закреплен термин «единая система публичной власти» в РФ. Таким образом, новое понятие «публичная власть» и новая смысловая содержательная конструкция «единая система публичной власти» внесли новые принципиально иные основы в формирование, организацию и функционирование всей системы государственного и муниципального управления.

Сегодня идут правовые процессы по формированию единой системы публичной власти, которая в соответствии с Федеральным законом № 394-ФЗ от 8.12.2020 года «О Государственном совете РФ» определила структурно данную систему как совокупность федеральных, региональных, местных органов власти и иных государственных органов, возглавляемую главой государства. Для рассмотрения непосредственно государственного и муниципального управления как деятельности органов публичной власти следует рассмотреть и проанализировать понятие публичной власти, ее свойства, признаки, формы и виды, а также выделить политико-правовые основы и принципы, регламентирующие формирование и развитие публичной власти и ее органов.

Публичная власть образуется в процессе образования государства, в системе управления которого, входит в особый аппарат, который обладает функциями распорядительной власти. Во многих источниках определение публичной власти указывается как власть, управляющая обществом и стоящая над ним. В общем понятии данную власть можно отнести как авторитет, в лице индивида, группы или общества. Определение публичной власти разнообразно. Политологами, философами, историками, правоведами и иными учеными принимались подходы, концепции, взгляды к понятию публичной власти. Можно отметить, что политико-правовая концепция, доминирующая в сознании общества, оказывает важное внимание на научно-теоретические понятия организации публичной власти. В ст. 12 Конституции России 1993 года закреплены принципы организации публичной власти в РФ, которые разграничивают местное самоуправление и государственную власть. В единой системе публичного управления конституционным положением выделена разобщенность функций и стратегии во взаимодействии федеральных, региональных аппаратов государственной власти и муниципального управления. Данную проблему отметил Президент РФ в своем послании Федеральному собранию в январе 2020 года, акцентируя внимание на необходимости единства и слаженности в действиях всех органов публичной власти на всех уровнях власти в РФ. Особую актуальность тематика публичности государственной и муниципальной власти приобрела в 2020–2021 гг., когда правовые нормы и положения ряда нормативно-правовых актов закрепили дефиницию (определение) термина «единая система публичной власти», а так же определили некоторые функции и правомочия органов государственной власти по отношению к органам местного самоуправления, к их должностным лицам и служащим органов муниципальной власти. В частности, определение единой системы публичной власти регламентируется ст. 2 ФЗ № 394 от 08.12.2020 года «О Государственном совете РФ». В данном Федеральном законе под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции РФ и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства.

В декабре 2021 г. был принят и вступил в силу Федеральный закон № 414 от 21.12.2021 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», который внес существенные изменения в функции и полномочия органов государственной власти субъекта РФ в отношении муниципалитетов. Например, сегодня областные государственные органы власти вправе формировать самостоятельно органы местного самоуправления. Обратимся к анализу используемого категориального аппарата. В политическом, юридическом и других словарях термин «публичная власть» как правило трактуется как один из важнейших признаков государства, как аппарат управления вместе с особыми отрядами вооруженных людей.

Обращаясь к действующей нормативно-правовой базе, надо заметить, что в законодательстве РФ термин «публичная власть» не рассматривается в своем понятийном выражении, а потому юридически не закреплен, как некоторые другие термины и понятия, представляющие сегодня особую политическую и правовую значимость, например, правовое государство, гражданское общество, демократия.

В соответствии со ст. 131 Основного Закона страны органы государственной власти вправе влиять на формирование органов местного самоуправления и их должностных лиц. Таким образом, возникает, с одной стороны, угроза значимости института местного самоуправления и уменьшения объемов его самостоятельности в решении вопросов местного значения, а, с другой стороны, интересы местного сообщества, права и свободы человека и гражданина конкретного муниципалитета могут неэффективно защищаться.

В продолжении такого нормативного конституционного установления принимается Федеральный закон № 414-ФЗ от 21.12.2021 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», в котором закрепляются принципы публичной власти и правовое положение региональных органов государственной власти субъектов РФ. И на сегодняшний момент в стадии издания находится новый законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в системе публичной власти РФ», который принят только пока не имеет юридическую силу. Важность законопроекта в новых категориальных позициях. Особенно важен тот факт, что в данном законопроекте умалено значение исторических, национальных и иных местных традиций, и обычаев. Именно в сохранении национальных особенностей состоит важность института местного самоуправления, о чем непосредственно закреплено в Стратегии национальной безопасности РФ, в «Целях национального развития» нашего государства, утвержденных Указом Президента РФ 2021 года.

Подводя итоги, еще раз отметим, что термин «государственное и муниципальное управление» в его современном понимании появляется с момента принятия Конституции РФ 1993 года и закрепления понятия местного самоуправления наряду с государственной властью.

Сложность рассмотрения темы во многом обусловлена терминологической запутанностью, поскольку государственное и муниципальное управление признают как систему органов власти, и как деятельность только в сфере социально-экономической. Органы власти как известно государства работают и функционируют не только в социально-экономической сфере, но и политической, юридической, правоохранительной и других. Однако, это не мешает им осуществлять государственное управление. Так и муниципальная власть в виде органов местного самоуправления, работает не только в социально-экономической сфере, она призвана реализовывать муниципальную демократию, защищать права и свободы человека и гражданина, взаимодействовать с институтами гражданского общества. Таким образом, комплексность и многогранность темы выявляет и высвечивает ряд факторов и проблем от терминологической и смыслового понимания до фактического построения целостной системы государственного и муниципального управления в современных условиях формирования единой системы публичной власти, которая осуществляет свою полномочия как в социально-экономической, так и иных областях общественной жизнедеятельности. Поэтому для полного ответа на вопросы о сосуществовании двух систем, определении правового статуса органов публичной власти в уже новых условиях конституционного оформления власти, требуется научные разработки и законодательное оформление, прежде всего, понятийного аппарата и четкой структуры системы и иерархии органов федеральной власти, региональной власти и муниципальной власти.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации 1993 года.
2. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.
3. Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Российская газета от 27 декабря 2021 года. № 294 (8645).
4. Михнева С.В., Панфилов Г.В., Митячкина Е.С. Правовые основы муниципальной политики в системе государственного управления // Вестник Евразийской академии административных наук. 2022. № 1 (58). С. 71–74.
5. Михнева С.В., Митячкина Е.С., Хачиров А.В. Правовое обеспечение реформы государственного и муниципального управления в рамках концепции единой публичной власти Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 114–117.

КОНТРОЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НАРОДНОГО ХУРАЛА (ПАРЛАМЕНТА) РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

Мохов А.Ю., старший преподаватель,
Гагаринская А.Ю., студентка 4 курса факультета государственного и муниципального управления,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье обозначены особенности практической деятельности региональных органов законодательной власти по контролю за реализацией национальных проектов в субъектах Российской Федерации (на примере работы Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия. Указывается на взаимодействие органов законодательной и исполнительной власти субъекта, необходимость развития контрольной функции региональных парламентов – в том числе, и в целях более эффективного исполнения национальных проектов.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, национальные проекты, демография, Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия, Правительство Республики Калмыкия, контрольная функция парламента.

CONTROL FUNCTION OF THE LEGISLATIVE BODY OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION (BY THE EXAMPLE OF THE PEOPLE'S KHURAL (PARLIAMENT) OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)

Mokhov A.Yu., senior lecturer,
Gagarinskaya A.Yu., 4th year student of the Faculty of State and Municipal Administration,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article outlines the features of the practical activities of regional legislative bodies to control the implementation of national projects in the constituent entities of the Russian Federation (on the example of the work of the People's Khural (Parliament) of the Republic of Kalmykia. It indicates the interaction of the legislative and executive authorities of the subject, the need to develop the control function of regional parliaments – in including, and in order to more effectively implement national projects.

Keywords: social and economic development, national projects, demography, People's Khural (Parliament) of the Republic of Kalmykia, Government of the Republic of Kalmykia, control function of the parliament.

Политической реформой, реализующейся в нашей стране с 2020 г., предполагается существенная корректировка правового статуса органов государственной власти на всех уровнях – в том числе, и в субъектах. Изменение перечня вопросов совместного ведения РФ и её субъектов, а также исключительно федеральной компетенции (статьи 71 и 72 Конституции), значительное изменение общих положений о местном самоуправлении, как первичном «звене» органов публичной власти в государстве, предопределило необходимость изменения законодательной базы осуществления государственной власти и на региональном уровне. Закономерным итогом реформы в части изменения конфигурации власти в субъектах стало принятие в декабре 2021 г. нового Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Таким образом, сохраняет свою актуальность вопрос об исследовании и уточнении основных функций региональных парламентов.

Уточняя функции законодательного органа субъекта, необходимо отметить и контрольные полномочия региональных парламентов. В силу положений Закона № 414-ФЗ законодательный орган, наряду с иными государственными органами обязан осуществлять контроль за исполнением регионального законодательства, а также исполнением бюджета субъекта, иными вопросами финансового контроля (п. 4 ст. 8). Подразумевается, что данные полномочия также входят компетенцию (а, следовательно, и сферу ответственности) парламента субъекта. Кроме того, аналогично праву осуществления парламентского контроля депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ (что предусмотрено отдельным Федеральным законом), «парламентский контроль» закрепляется в качестве одного из принципов организации публичной власти на территории субъекта (абз. 13 п. 1 ст. 2 Закона № 414-ФЗ) – соответственно, необходимо предусмотреть на уровне конституционного законодательства субъектов порядок выдвижения инициативы парламентского контроля, его участников, конкретных видов, порядка и последствий контрольных процедур. Нужно отметить, что на сегодняшний день единых принципов и основ парламентского контроля в субъектах не предусмотрено: в отдельных субъектах приняты отдельные законы о контроле со стороны региональных депутатов (как, например, в Волгоградской области); в некоторых регионах право на ведение парламентского контроля закреплено в законах о статусе регионального депутата.

Контроль реализуется также и в применении мер конституционно-правовой ответственности к должностным лицам субъекта – в частности, парламент оформляет решение о выражении недоверия высшему должностному лицу субъекта, иных руководителей региональных органов исполнительной власти (в порядке, предусмотренном конституцией (уставом) субъекта). Региональный парламент отмечает несоответствие действий (бездействий) главы субъекта публичным интересам, на основе принципов целесообразности достаточности и своевременности. Как отметил по применению данного полномочия в 2017 г. Верховный Суд РФ, «...вопрос о выражении высшему должностному лицу субъекта РФ недоверия является одним из основных полномочий законодательного (представительного) органа субъекта <...> решение о выражении главе субъекта недоверия со стороны законодательного (представительного) органа субъекта РФ может послужить основанием для отрешения от должности главы субъекта РФ главой государства» (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20 сентября 2017 г. № 55-АПГ17-3).

В контексте современной экономической ситуации большое значение приобретает сохранение за государством своих социальных обязательств, направленных, прежде всего, на поддержание и повышение достойного уровня жизни граждан, создания условий для свободного развития личности, самореализации в финансовой и социальной сферах – что прямо предопределено провозглашённым в ст. 7 Конституции [1] принципом социального государства. Приоритетное значение занимает здесь реализация и надлежащее исполнение национальных проектов, непосредственно затрагивающих все основные сферы социального и экономического развития страны.

Как отметил Президент в Послании Федеральному Собранию, главными задачами государства являются «обеспечение высоких стандартов жизни и равных возможностей для каждого человека, на всей территории страны, в целях которых и принимаются национальные проекты, все планы развития» [2]. Фактически реализуемые с начала 2010-ых гг. и нашедшие своё окончательное отражение в Указе Президента РФ, которым были закреплены основные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации [3], национальные проекты, по справедливому замечанию исследователей – это «определение приоритетов государственной политики в рамках стратегического развития Российского государства» [4, с. 18]. Окончательно статус национальных проектов как документов стратегического планирования был закреплён только в 2021 г., когда каждый из этих проектов (паспорт проекта, основные задачи и целевые показатели реализации) были оформлены в виде отдельных нормативно-правовых актов.

На сегодняшний день в Российской Федерации реализуется пятнадцать национальных проектов, тринадцать из которых носят «постоянный» характер (т.е., исполняются без определения конкретных сроков, соответствующими нормативными актами предусматриваются только основные целевые показатели), тогда как два национальных проекта реализуются в строго ограниченные сроки, что предусмотрено самими их наименованиями (так, проекты по совершенствованию магистральной инфраструктуры реализуются до 2024 г., действие специальной национальной программы по развитию атомной энергетики продлено до 2030 г. [5]).

Необходимо отметить важную роль субъектов Российской Федерации в реализации национальных проектов, особое положение региональных органов государственной власти, как основных участников соответствующих программ государственного в пределах отдельной территории. При исполнении своих государственных полномочий, реализация национальных проектов на территории субъекта должна основываться на следующих принципах:

- учёт приоритета прав и свобод, а также социального государства, как важных конституционно-правовых основ осуществления национальных проектов;
- соблюдение общих правил разделения предметов ведения между федеральными и региональными органами власти, в соответствии с нормами статей 71-73 Конституции;
- осуществление полномочий в соответствии со своей компетенцией; важным условием является исполнение «основных» функций органов государственной власти субъекта, предусмотренных конституциями (уставами) соответствующих регионов.

Республика Калмыкия занимает особое положение в общем ряду регионов Южного Федерального округа. Не только достаточно большая площадь при высоких показателях плотности населения, но и особое приграничное положение субъекта предопределяет сложный комплексный подход при планировании и дальнейшей реализации мер, связанных с реализацией национальных проектов – как представляется, такие меры должны одновременно сочетать и «собственные» интересы субъекта (уровень жизни населения, развитие систем образования и здравоохранения), но и общегосударственные задачи, связанные, прежде всего, с совершенствованием транспортной системы (что особенно важно в условиях повышения внешнеэкономического статуса Республики Казахстан как «дружественного» Российской Федерации государства), необходимо усилению защиты Государственной границы. Кроме того, статус Калмыкии как республики предполагает большой объём полномочий, связанных с самостоятельным разрешением вопросов своего ведения республиканскими властями (в сравнении с краями и областями, входящими в состав Южного Федерального округа), что также является фактором, специфицирующим нормативное регулирование исполнения национальных проектов в субъекте.

Говоря об организации реализации основных национальных проектов на территории Республики Калмыкия, необходимо отметить создание специального органа при Главе республики, который осуществляет координацию действий органов исполнительной и законодательной власти субъекта, органов местного самоуправления – в контексте формирования единой согласованной публичной власти в стране. Действующий с 2019 г. Совет по стратегическому развитию и национальным проектам является совещательным органом при главе субъекта, основной задачей которого является создание условий для взаимодействия органов публичной власти, научных учреждений и объединений гражданского общества по вопросам, связанным с реализацией региональных проектов, которые принимаются в субъекте в связи с реализацией национальных проектов.

Анализ состава Совета, закреплённого в соответствующем Указе Главы республики [6], позволяет сделать вывод, что представителей законодательного органа власти субъекта – Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия в нём не предусмотрено; по «должности» в состав данного совещательного органа входят представители Правительства республики (за некоторыми из которых закрепляется «курирование» отдельных национальных проектов), а также представителей органов власти отдельных муниципальных образований, научных учреждений региона [7, с. 74].

При этом, определяя основные полномочия Совета, можно определить основные функции законодательного органа, которые определяются во взаимодействии с органами исполнительной власти и Главой республики в целях создания условий для реализации национальных проектов. Наиболее важным представляется отметить такое взаимодействие, которое осуществляется в течение всего 2022 и начала 2023 г., охарактеризованных трансформацией национальной экономики и требований соответствующего «реагирования» на это со стороны регионов.

Так, в части «координации деятельности органов исполнительной власти Республики Калмыкия, органов местного самоуправления, экспертного и предпринимательского сообщества по вопросам реализации региональных и национальных проектов» (п. 2 Положения о Совете по стратегическому развитию и национальным проектам) прово-

дятся заседания Народного Хурала (Парламента) с участием представителей Правительства Республики по вопросам, связанным с реализацией национальных проектов. В частности, в начале февраля 2023 г. произошло заседание Народного Хурала (Парламента) с участием членов Правительства республики – в целях совершенствования и корректировки регионального законодательства для реализации национального проекта «Демография».

По итогам заседания было отмечено, что необходимо проводить индивидуальную работу с несовершеннолетними, которые находятся в социально опасном положении – в частности, с целью развития трудоустройства подростков указывалось на «оказание органами власти республики, органами местного самоуправления мер для содействия во временной занятости и трудоустройстве несовершеннолетних, получения ими среднего профессионального образования» [8]. Кроме того, в целях поддержки мобилизованных граждан и членов их семей указано на необходимость принятия изменений в региональное законодательство о государственной гражданской службе, аналогично гарантиям, предоставляемым мобилизованным служащим на федеральном уровне, а также в федеральном трудовом законодательстве.

В целом, считаем необходимым принятие Народным Хуралом (Парламентом) единого республиканского Закона «О стратегическом планировании в Республике Калмыкия», который отражал бы специфику регионального социально-экономического развития, развивал нормы о планировании в тесном взаимодействии с органами местного самоуправления и федеральными структурами. Отметим, что на сегодняшний день региональное планирование урегулировано только подзаконным актом – соответствующим Постановлением Правительства республики [9], и устанавливает полномочия только органов исполнительной власти субъекта.

В части непосредственных полномочий органа законодательной власти необходимо отметить контрольные функции, которые возлагаются на региональный парламент в силу прямого указания Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [10]. Согласно п. 4 ст. 8 данного законодательного акта, законодательный орган, наряду с иными государственными органами обязан осуществлять контроль за исполнением регионального законодательства, а также исполнением бюджета субъекта, иными вопросами финансового контроля. Как представляется, в соответствующем региональном законодательстве (в том числе, и Степном Уложении Республики Калмыкия) необходимо отметить следующие контрольные полномочия законодательного органа, непосредственно связанные с реализацией национальных проектов:

- осуществлять совместно с органами исполнительной власти субъекта контроль за реализацией законодательства по исполнению задач и целевых показателей национальных (региональных) проектов;
- совместно с федеральными органами государственной власти осуществлять контроль за расходованием средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, направленных на реализацию национальных (региональных) проектов.

Подобные дополнения, значительно расширяющие круг полномочий законодательного органа Республики Калмыкия, не только позволят, на наш взгляд, осуществлять оперативный контроль за расходованием бюджетных средств, но и формировать надлежащую нормативно-правовую базу, исходя из итогов текущего парламентского контроля, учитывая конкретные потребности при реализации отдельных национальных проектов на территории субъекта.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 27.06.2023).
3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
4. Фомичёва О.А. Конституция Российской Федерации как национальный проект реализации прав народа на участие в законотворческом процессе / О.А. Фомичёва // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 18–22. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-12-18-22
5. Справочная информация: «Перечень государственных программ, национальных и федеральных проектов, приоритетных программ и проектов в Российской Федерации» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.06.2023).
6. Указ Главы Республики Калмыкия от 11 февраля 2019 г. № 15 (ред. от 26 марта 2021 г.) «О Совете при Главе Республики Калмыкия по стратегическому развитию и национальным проектам» [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.06.2023).
7. Ажлуни А.М., Шарыгина О.Л. Национальные проекты России и их реализации / А.М. Ажлуни, О.Л. Шарыгина // Вестник аграрной науки. 2019. № 6. С. 72–76.
8. О заседании Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] // Официальный портал «Национальные проекты». Режим доступа: naiproekty.rf/o-zasedaniye-narodnogo-hurala-parlamenta/ (дата обращения: 27.06.2023).
9. Постановление Правительства Республики Калмыкия от 12 февраля 2019 г. № 36 (ред. от 24 марта 2021 г.) «Об организации проектной деятельности в органах исполнительной власти Республики Калмыкия и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Республики Калмыкия» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в органах исполнительной власти Республики Калмыкия») [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.06.2023).
10. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 6 февраля 2023 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

УДК 342

ВИДЫ ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

Мохов А.Ю., старший преподаватель,

Нерозникова Д.М., студентка 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье обозначена специфика отдельных разновидностей толкования Конституции РФ. Указывается на официальное значение толкования, осуществляемого Конституционным Судом; в целях соблюдения баланса ветвей государственной власти предлагается расширить круг субъектов официального толкования, предоставив право на нормативную интерпретацию отдельных положений Основного закона палатам Федерального Собрания.

Ключевые слова: конституционное право, толкование Конституции, акт толкования, официальное толкование, парламентский контроль.

TYPES OF INTERPRETATION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: ESSENCE AND SIGNIFICANCE

Mokhov A.Yu., senior lecturer,

Neroznikova D.M., 2nd year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch the RANEP, Volgograd

Abstract. The article outlines the specifics of individual varieties of interpretation of the Constitution of the Russian Federation. The official meaning of the interpretation carried out by the Constitutional Court is indicated; in order to maintain the balance of the branches of state power, it is proposed to expand the circle of subjects of official interpretation, giving the right to normative interpretation of certain provisions of the Basic Law to the chambers of the Federal Assembly.

Keywords: constitutional law, interpretation of the Constitution, act of interpretation, official interpretation, parliamentary control.

Многообразие целей и принципов толкования подразумевает, в том числе, и большое количество его видов, которые подразделяются в теории по самым различным основаниям. Деятельность по интерпретации конституционных положений не является здесь исключением, поскольку учредительный характер Конституции и основополагающий характер конституционного права по отношению ко всей правовой системе государства как бы «предопределяют» большое количество субъектов толковательной деятельности, преследуемых участниками толкования целей и задач, а также применяемых при этом способов. Согласимся с М.Н. Марченко, отмечающим, что соблюдение принципа экономии средств государственного воздействия (в том числе, и в части издания лаконичных и понятных правовых норм) порождает, в свою очередь, затруднение в ходе их применения, создавая предпосылки для квалифицированного и однозначного толкования [1, с. 777]. Таким образом, разнообразие различных видов и форм толкования Конституции обусловлено, прежде всего, повышенной социальной значимостью данного акта, его центральным положением в правовой системе.

Обозначим содержание и особенности отдельных, наиболее распространённых, классификаций разновидностей интерпретации конституционных положений.

1. Так, в зависимости от субъекта осуществления правотолковательной деятельности, а также по связанным с актом толкования последствиям толкование Конституции подразделяется на официальное и неофициальное. Официальное толкование конституционного акта осуществляется специально уполномоченными на то законом государственными органами и должностными лицами. На сегодняшний день, как уже отмечалось ранее, официальное толкование Конституции Российской Федерации осуществляет только Конституционный Суд в силу прямого указания на это в тексте Основного закона, а также подробной регламентации правотолковательной деятельности в Федеральном конституционном законе, устанавливающим статус органа конституционного правосудия и его регламенте.

Признак официальности означает, что результаты толкования (соответственно, специальный интерпретационный акт) будет иметь обязательную силу для граждан и организаций, субъектов публичной власти, непосредственно будет оказывать влияние, в том числе, и на международно-правовые отношения, так как связанные с толкованием Конституции положения непосредственно влияют на включение международного договора, заключённого Российской Федерацией, в её правовую систему, трактовку уже ратифицированных нашей страной международных договоров, произведённую органами межгосударственной юрисдикции (например, Судом Евразийского экономического союза, судебными инстанциями ООН и т.д.) в отношении Российского государства, его граждан и организаций.

Интересной в данной связи представляется позиция И. Марино, которая называет официальное толкование Конституции «нулевым уровнем» непосредственно применения положений Основного закона, поскольку в ходе своей интерпретации той или иной нормы Конституционный Суд задаёт общие принципы и условия реализации норм на практике (сообразно смыслу и «духу» конституционного акта, текущим установкам действующей государственной власти), что, по определению должно отражаться в дальней-

шем при создании и реформировании всей системы текущего законодательства, деятельности конкретных граждан и их объединений, носителей публично-властных функций по исполнению предписаний, реализации прав и свобод, предусмотренных Конституцией [2, с. 48].

Официальное толкование в теории права традиционно подразделяется на аутентичное (аутентичное, авторское) и делегированное. Для аутентичного толкования субъектом правоинтерпретационной деятельности непосредственно является орган, осуществивший принятие конституционного акта. К примеру, в государствах, где конституция была принята законно и легитимно избранным парламентом или октроирована, такой вид официального толкования осуществляется такими органами или монархом.

Поскольку действующая Конституция Российской Федерации была принята народом нашей страны по итогам общенародного голосования в 1993 г. (а наиболее крупный пакет конституционных поправок, закрепляющий существенную трансформацию системы публичного управления и парадигмы конституционных ценностей также прошёл народное «одобрение» посредством голосования по правилам референдума в июне-июле 2020 г.) при буквальной трактовке термина «аутентичное толкование» подразумевается, что такая разновидность интерпретации конституционных положений невозможна, так как народ Российской Федерации не может выступать в качестве какого-либо квалифицированного субъекта толковательной деятельности. При этом отметим, что не до конца урегулированный статус Конституционного Собрания Российской Федерации (упоминание этого органа, исключительно уполномоченного разрабатывать новый Основной закон в случае его пересмотра – в порядке, предусмотренном главой 9 Конституции) позволяет некоторым исследователям сделать вывод, что в случае, если «Конституционное Собрание продолжит свою работу и после принятия новой Конституции, ему могут быть делегированы отдельные функции в области конституционного контроля и надзора – в частности, осуществление официального толкования конституционных положений – с сохранением таких же функций за Конституционным Судом» [3, с. 579].

До принятия действующей Конституции РФ возможность официального толкования Основного закона РСФСР 1978 г. закреплялась также и за парламентом Российской Федерации – Съездом либо постоянно действовавшим Верховным Советом, что было вполне оправдано в конфигурации тогдашней системы государственной власти (смешанная республика с преобладанием власти законодательного органа, при этом именно Съезд народных депутатов имел право самостоятельно, без согласования с легислатурами субъектов, вносить поправки в текст Конституции) [4, с. 74].

Среди современных исследователей стоит отметить мнение М.А. Краснова предлагающего, в целях соблюдения баланса ветвей власти закрепить функции толкования Конституции за Федеральным Собранием в целом, либо за одной из её палат [5, с. 46]. На наш взгляд, такая позиция вполне обоснована, так как исключительная компетенция Конституционного Суда, напрямую зависящего в порядке своего формирования от главы государства и Совета Федерации, не может считаться полностью объективной, поэтому дополнительное закрепление функций официального толкования Основного закона (например, с установлением глав Конституции, положения которых имеет право толковать Государственная Дума) повысит статус парламента как органа, непосредственно формируемого многонациональным народом Российской Федерации и представляющего его интересы.

Официальное толкование Конституции подразделяется также и в зависимости от «круга» субъектов и ситуаций, на которые распространяются его результаты. Так, осуществляемое Конституционным Судом РФ нормативное толкование по сути своей расширяет содержание конституционной нормы, представляя собой обязательный к исполнению всеми субъектами права на территории страны «квазинормативный акт» (при отсутствии возможности судов в нашей правовой системе издавать акты документов законодательной силы в контексте участия в континентальной правовой семье). Постановлением Конституционного Суда о толковании конституционных положений приобретают такую общеобязательную силу [6, с. 75].

В отличие от нормативного, казуального толкование осуществляется Конституционным Судом применительно к каждому конкретному делу, в порядке рассмотрения жалоб граждан и организаций на неконституционность акта, в соответствии во исполнение которого было принято правоприменительное решение, по мнению заявителя, нарушающего его конституционные права и свободы. Несмотря на то, что в данном случае рассматривается жалоба конкретного лица, результатом такого толкования (не являющегося при этом актом официального толкования Конституции РФ в порядке статей 105 и 106 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») может стать признание не соответствующим конституции оспариваемого акта в целом, либо его отдельной статьи – что обязательно повлечёт за собой корректировку или полную отмену нормативного материала, в силу принципа общеобязательности решений Конституционного Суда (ст. 6 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Соответственно, свойство казуальности будет здесь соблюдаться только в основании рассмотрения спора в порядке конституционного судопроизводства, правовые последствия же по сути будут нормативными.

Кроме того, необходимо отметить изменения в Конституции (и соответствующем законодательстве), внесённые в 2020 г. в части дополнения федерального законодательного процесса факультативным участием органа конституционного правосудия – в соответствии с новой редакцией ст. 107 Конституции, если Федеральное Собрание голосованием квалифицированного большинства преодолевает отлагательное вето главы государства на принятый федеральный (или федеральный конституционный закон), Президент вправе вместо немедленного подписания такого закона обратиться в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности такого «спорного» нормативно-правового акта.

В случае, если в порядке конституционного судопроизводства этот федеральный (федеральный конституционный закон) будет признан не соответствующим положениям Основного закона, акт возвращается в Федеральное Собрание без подписания. Представляется, что такая процедура также будет подпадать под случаи казуального толкования Конституции – причём даже более высокого уровня, так как по смыслу содержания ст. 107 Основного закона, в результате такого толкования может быть признан неконституционным уже принятый федеральный конституционный закон – нормативно-правовой акт повышенной юридической силы. Кроме того, в контексте конституционных поправок Суд по запросу Президента может рассмотреть конституционность ещё не принятого федерального закона, закона субъекта Российской Федерации до его подписания высшим должностным лицом (осуществление т.н. «предварительного нормоконтроля» – что существенно расширяет полномочия органа конституционного правосудия по осуществлению толкования правовых положений различного уровня (отметим, что ранее «предварительный контроль обсуждаемого в Федеральном Собрании РФ законопроекта» прямо запрещался Конституционным Судом, поскольку это не могло «подменяться непосредственным толкованием положений Конституции» [7]). При этом неизменным остаётся позиция о том, что Конституционный Суд не вправе издавать самостоятельные новые правовые нормы, «подменяя» тем самым федеральный или региональный законодатель – итоговая редакция правового акта в соответствующей Основному закону редакции должна быть принята исключительно уполномоченным органом [8].

2. В отличие от официального, неофициальное толкование Конституции осуществляется лицами, не наделёнными властными полномочиями – соответственно, результаты такой интерпретационной деятельности не будут иметь обязательной юридической силы. Неофициальное толкование может осуществляться на обыденном уровне (в пределах житейских знаний и представлений о Конституции и законе, осуществляется гражданами, не имеющими юридического образования – в целях повседневного общения, выражения своей позиции по вопросам содержания положений Основного закона в межличностном общении, без целей правоприменения). Неофициальным может быть также и профессиональное толкование, осуществляемое юристами-профессионалами при исполнении ими своих рабочих обязанностей [9, с. 25].

В целях научно-исследовательской либо образовательной деятельности может осуществляться доктринальное толкование (от термина «доктрина» – юридическая наука). Субъектами доктринального толкования конституционных положений являются учёные-юристы; непосредственным результатом толкования будет выступать чтение учебных курсов по конституционному праву, издание комментариев к Конституции, научных статей, диссертаций и монографий по различным аспектам содержания норм Основного закона.

Исходя из общих требований к судьям Конституционного Суда РФ (прямое указание о наличии у них «общепризнанной высокой квалификации в сфере права»), можно сделать вывод, что в процессе толкования Конституции органом конституционного контроля также используются доктринальные методы, а сами акты толкования могут стать предметом дальнейшего научного осмысления и анализа.

Таким образом, можно сделать вывод о значительном многообразии видов толкования положений Основного закона. В данной работе обозначены содержание и особенности видов толкования в зависимости от степени обязательности этих результатов (официальное и неофициальное); аргументировано расширение круга субъектов, уполномоченных осуществлять официальное толкование Конституции Российской Федерации – представляется, что в целях реализации системы сдержек и противовесов необходимо наделить правом толкования Конституции Федеральное Собрание Российской Федерации (всех положений Конституции, либо каких-то их глав). В свою очередь, при неофициальном толковании субъекты интерпретационной деятельности не преследуют целей правоприменения; неофициальное толкование направлено на решение повседневных вопросов (в межличностном общении или при оказании квалифицированной юридической помощи), а также в научных и образовательных целях. Особо необходимо отметить доктринальное толкование, результатами которого являются учебные и методические пособия, комментарии к Конституции, научные статьи и диссертации.

Библиографический список

1. Марченко, М.Н. Общая теория права и государства: академический курс в трёх томах. Том второй: Право / М. Н. Марченко. М.: ИНФРА-М, Норма, 2019. 960 с.
2. Марино, И. Толкования Конституции: опыт России (часть вторая) / И. Марино // Журнал Российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 44–59. DOI: 10.12737/jr.2022.116.
3. Цыполенкова, Н.В. Особенности аутентичного толкования норм права на современном этапе / Н.В. Цыполенкова // Актуальные проблемы публичного права: сб. науч. тр. Всероссийской научно-практической конференции. Владимир: ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2020. С. 579–581.
4. Григорьянц, В.В. Историческое становление института легального толкования Конституции России / В.В. Григорьянц // Аграрное и земельное право. 2019. № 9. С. 73–74.
5. Краснов, М.А. О новом смысле института Президента / М.А. Краснов // Koinon. 2021. № 1. С. 38–60. DOI 10.15826/koinon.2021.02.1.002
6. Зорькин, В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография / В.Д. Зорькин. М.: Норма, 2019. 592 с.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2004 г. № 395-О [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2023).
8. Определение Конституционного Суда РФ от 26 декабря 1996 г. № 106-О [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2023).
9. Маршова, Л.А. Некоторые проблемы неофициального систематического толкования норм Конституции Российской Федерации / Л.А. Маршова // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 1 (256). С. 25–27.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПО ИНВЕНТАРИЗАЦИИ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕАЭС

Осетрова А.Ю., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В настоящей работе автор проводит анализ законодательной практики в государствах – членах Евразийского экономического союза, направленной на создание цифрового пространства для сбора, анализа и оценки оказываемого воздействия на климат, включая создание внутринациональных систем инвентаризации парниковых газов. Все страны ЕАЭС в той или иной степени включены в процесс по обновлению внутрисоюзного законодательства, направленного на создание информационных систем инвентаризации парниковых газов. Автор делает вывод о том, что необходимо наделить ЕАЭС соответствующей компетенцией в области реализации климатической повестки, и делать упор на интегрированный уровень сотрудничества.

Ключевые слова: климатическое законодательство, инвентаризация парниковых газов, информационные технологии, международное сотрудничество.

DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION AND INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGY FOR INVENTORYING GREENHOUSE GASES IN THE EAEU MEMBER STATES

Osetrova A. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law,
Volgograd Institute of Management – branch the RANEP, Volgograd

Abstract. The author of this article conducts an analysis of the lawmaking practice in the member states of the Eurasian Economic Union aimed at creating a digital space for the collection, analysis and assessment of the impact on climate including the creation of national greenhouse gas inventory systems. All countries of the EAEU are involved in the process of renewing their own state legislation aimed at creating greenhouse gas inventory information systems to various extents. The author makes a conclusion that it is necessary to provide the EAEU with the relevant competence in the area of the implementation of the climate agenda and to put emphasis on the integrated level of cooperation.

Keywords: climate legislation, greenhouse gas inventorying, information technology, international cooperation.

Проблема глобального изменения климата носит многоаспектный характер и исследуется представителями различных гуманитарных и естественных наук. Применительно к юриспруденции, данная проблема обычно рассматривается через призму развития международного сотрудничества (реализации на национальном уровне положений Парижского соглашения по климату 2015 г.) [1. С. 16], сокращения вредных выбросов CO₂, возмещения вреда, причиненного природе, жизни и здоровью человека неблагоприятными климатическими изменениями [2. С. 84], реализации стратегий реагирования на последствия глобального изменения климата [3. С. 854], закрепления климатических прав человека [4. С. 457]. Каждое из государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в рамках Парижского соглашения по климату на национальном уровне разработало правовые механизмы реагирования на изменение климата. Развитие инструментов противодействия изменению климата это глобальная задача, решение которой важно осуществлять скоординированными усилиями государств, заинтересованных в экономическом сотрудничестве и преодолении экологических проблем. Цифровые технологии по инвентаризации парниковых газов в государствах – членах ЕАЭС – эффективный инструмент решения такой задачи, который постепенно внедряется на национальном уровне каждого государства.

Целью настоящей статьи является анализ правотворческой практики в государствах – членах ЕАЭС, направленной на создание цифрового пространства для сбора, анализа и оценки оказываемого воздействия на климат, включая создание внутринациональных систем инвентаризации парниковых газов. Легитимация сбора такой информации в разной степени осуществляется на государственном уровне в настоящее время.

Российская Федерация. В России принят и вступил в силу Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» [8], в соответствии со статьей 8 данного закона, государственный учет выбросов парниковых газов осуществляется в форме ведения реестра выбросов парниковых газов. С 1 июня 2023 года в России данный Реестр официально функционирует. Информация о выбросах парниковых газов, содержащаяся в реестре выбросов парниковых газов, является общедоступной. Согласно постановлению Правительства РФ № 355 от 14.03.2022 «О критериях отнесения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к регулируемым организациям» юридические лица, деятельность которых сопровождается выбросами парниковых газов, масса которых эквивалента 150 и более тыс. тонн углекислого газа в год обязаны представлять специальную «климатическую» отчетность. Законодательно установлен перечень парниковых газов, в отношении которых осуществляются государственный учет выбросов парниковых газов и ведение кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, определенным в соответствии с частью 2 статьи 8 Федерального закона «Об ограничении выбросов парниковых газов».

Республика Армения. В Программе Правительства Республики Армения на 2021–2026 гг. (утверждена постановлением Правительства Республики Армения № 1363 А от 18.08.2021) предусмотрено внедрение цифровых технологий по инвентаризации парниковых газов: планируется совершенствовать систему мониторинга охраны окружающей среды, внедрить единые и современные системы разрешений, лицензий, скоординировано управлять первичной информацией, совершенствовать систему оценки воздействия на окружающую среду.

Республика Беларусь. Опыт внедрения системы учета парниковых газов в данном государстве достаточно обширен. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 7 марта 2023 г. № 170 «О мерах по обеспечению охраны озонового слоя и климата» установлен допустимый объем потребления озоноразрушающих веществ. Национальный реестр углеродных единиц Республики Беларусь содержит информацию о введении в обращение, хранении, передаче, приобретении, аннулировании, изъятии из обращения и переносе углеродных единиц на следующий период обязательств Киотского протокола к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата.

Республика Казахстан. С 2017 года принята и реализуется государственная программа «Цифровой Казахстан» (Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.12.2017 № 827). В данном документе в качестве одного из приоритетов поставлены вопросы автоматизации сбора информации о состоянии окружающей среды в контексте влияния на климат имеют важное стратегическое значение (п. 3.1). Для реализации национальной стратегии устойчивого развития создана единая государственная система мониторинга окружающей среды и природных ресурсов. В соответствии со статьей 152 Экологического кодекса Республики Казахстан [6], данная система включает в себя информационную систему «Национальный банк данных о состоянии окружающей среды и природных ресурсов Республики Казахстан» и направлена на интеграцию государственной системы мониторинга окружающей среды и природных ресурсов и государственного климатического кадастра, государственного углеродного кадастра; государственного кадастра потребления озоноразрушающих веществ; регистра выбросов и переноса загрязнителей Республики Казахстан (статья 155). Согласно Правил государственного регулирования в сфере выбросов и поглощений парниковых газов, утвержденных Приказом Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 28 марта 2022 года № 91, ведется также государственный реестр углеродных единиц.

Кыргызская Республика. В 2021 году Кабинет Министров Кыргызской Республики издал распоряжение, которым предусмотрено разработать и обеспечить функционирование информационной онлайн-платформы по климатической информации и знаниям; создать базы данных проектов в сфере изменения климата и разработать, и внедрить онлайн-платформы по экологическим нарушениям к IV кварталу 2023 г. (п. 23 и 24 таблицы) [7]. Отчасти эта цель уже реализована.

Все страны ЕАЭС в той или иной степени включены в процесс по обновлению внутрисоюзного законодательства, направленного на создание информационных систем инвентаризации парниковых газов. 29 мая 2015 года в г. Бурябай заключено Соглашение о перемещении озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции, и учете озоноразрушающих веществ при осуществлении взаимной торговли государств – членов Евразийского экономического союза.

Как отмечает М. Р. Салия: «С учетом положений статьи 64 Парижского соглашения, а также статей 526, 797, 868 Договора о ЕАЭС, представляется, что государства-члены могли бы наделить ЕАЭС соответствующей компетенцией в области реализации климатической повестки» [9. С.255]. Современные усилия государств по противодействию глобальному изменению климата важны не только с точки зрения сохранения устоявшихся форм экономической деятельности или защиты природных объектов, но и для сохранения существующей культурной идентичности, которая может разрушиться вследствие происходящих изменений мирового климата [5. С.46].

Цифровые технологии по инвентаризации парниковых газов в разной степени развиты и применяются в государствах – членах ЕАЭС. Опыт их применения важно исследовать. По результатам проведенного исследования можно резюмировать следующее:

- 1) в государствах – членах ЕАЭС длительное время ведется работа по внедрению систем учета озоноразрушающих веществ, однако в последнее время такие системы учета переводятся в цифровой формат в связи с развитием технологий;
- 2) климатическое внутрисоюзное законодательство государств – членов ЕАЭС за последние несколько лет существенно обновлено в связи с введением цифровых систем учета;
- 3) при общей идентичности государственных задач в сфере учета озоноразрушающих веществ сохраняются существенные различия в объемах и характере систематизируемой информации, в тех государственных реестрах (регистрах, кадастрах), которые ведутся в государствах – членах ЕАЭС.

Библиографический список

1. Savaresi A. The Paris Agreement: a new beginning? // Journal of Energy & Natural Resources Law. 2016. Vol. 34. № 1. P. 16–26.
2. Boutros T.J., Lanza Jr., Lanza D. Global Warming Tort Litigation: The Real «Public Nuisance» // Ecology Law Currents. 2008. Vol. 35. P. 84–87.
3. Hester T.D. Remaking the World to Save It: Applying U.S. Environmental Laws to Climate Engineering Projects // Ecology Law Quarterly. 2011. Vol. 38. P. 854–874.
4. Limon M. Human Rights and Climate Change: Constructing a Case for Political Action // Harvard Environmental Law Review. 2009. Vol. 33. P. 457–458.
5. Дискуссионные проблемы теории экологического права: монография / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. А.П. Анисимова. М., 2020. 544 с.
6. Кодекс Республики Казахстан от 02.01.2021 № 400 VI «Экологический кодекс Республики Казахстан» (с изм. и доп. от 27.12.2021).
7. Распоряжение Кабинета Министров КР от 24.09.2021 № 201 р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Указа Президента Кыргызской Республики «О мерах по обеспечению экологической безопасности и климатической устойчивости Кыргызской Республики» от 19.03.2021 № 77 // Сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/218675/10> (дата обращения: 03.04.2022).
8. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5124.
9. Салия М.Р. Цифровая трансформация законодательства государств-членов ЕАЭС в рамках реализации климатической повестки // Legaltech: научные решения для профессиональной юридической деятельности. Сборник докладов IX Московского юридического форума. В 4-х ч. Т. 2. Ч. 2. Москва, 2022. С. 252–255.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ РЕСТОРАННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Очкина А.В., магистрант, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Научный руководитель: Голоманчук Э.В., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей предпринимательской деятельности в сфере ресторанного обслуживания. Ресторанный бизнес — это одно из наиболее динамично развивающихся направлений в сфере услуг, и его рост не прекращается. Наличие востребованности в этой отрасли может привести к появлению новых предприятий и повышенной конкуренции, что может привести к улучшению качества услуг. В ресторанном бизнесе происходят постоянные изменения - от изменения потребностей и предпочтений потребителей до изменения политики, и законодательства. Знание тенденций и новых методов может дать бизнесу преимущество в конкурентной борьбе, а правовое регулирование способствует стабильности развития данной сферы услуг.

Ключевые слова: ресторанное обслуживание, предпринимательство в сфере ресторанного обслуживания, предоставление услуг.

FEATURES OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE FIELD OF RESTAURANT SERVICE

Ochkina A.V., Master's student, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Scientific supervisor: Golomanchuk E.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the peculiarities of entrepreneurial activity in the field of restaurant service. The restaurant business is one of the most dynamically developing areas in the service sector, and its growth does not stop. The presence of demand in this industry can lead to the emergence of new enterprises and increased competition, which can lead to an improvement in the quality of services. There are constant changes in the restaurant business - from changes in the needs and preferences of consumers to changes in policy and legislation. Knowledge of trends and new methods can give businesses an advantage in competition, and legal regulation will contribute to the stability of the development of this service sector.

Keywords: catering, entrepreneurship in the field of catering, provision of services.

Тема предпринимательства интересна и очень важна для настоящего времени. Все цивилизованные страны обязаны своим благополучием не командно-административной, а рыночной системе хозяйства, мощным двигателем экономического и социального развития которой является предпринимательство.

Предприятия общественного питания играют довольно важную роль в жизни человека. Предприятие объединяет в себе искусство и традиции, механизмы деятельности и опыт маркетологов, философию обслуживания и концепцию формирования потенциальной аудитории.

Данная статья построена по принципу обоснования главной роли предпринимательства в развитии рыночной экономики, сам бизнес в сфере общественного питания. Также сказано о трудностях, с которыми сталкивается предприниматель на пути к рынку. Изучение предпринимательской деятельности в сфере ресторанного обслуживания является очень актуальным для успешной работы в этой отрасли. Знание особенностей ресторанного бизнеса помогает развивать собственный бизнес, улучшать предоставляемые услуги и добиваться успеха в конкурентной борьбе.

Предпринимательская среда – общественная экономическая ситуация, включающая степень экономической свободы, наличие (или возможность появления) предпринимательского корпуса, доминирование рыночного типа экономических связей, возможность формирования предпринимательского капитала и использования необходимых ресурсов. Показателем степени общественной свободы предпринимательства служит число вновь появляющихся (в течение определенного периода) самостоятельных (независимых) организаций.

Предпринимательство – это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законе порядке.

Предпринимательская деятельность в сфере ресторанного обслуживания – это вид предпринимательства, который связан с организацией и управлением ресторанным бизнесом. Суть этой деятельности заключается в том, чтобы создать и развивать бизнес, связанный с предоставлением услуг в сфере ресторанного обслуживания.

Организация ресторанных услуг включает в себя широкий спектр деятельности – от выбора места расположения и проектирования интерьера до выбора персонала и закупки продуктов питания. Эффективность этого бизнеса зависит от многих факторов, включая управление финансами, маркетинг и управления персоналом, а также от выбора бизнес-модели и меню.

Один из ключевых аспектов предпринимательской деятельности в ресторанном бизнесе – это правильный выбор целевой аудитории. Ресторанный бизнес может ориентироваться на разное количество аудиторий и типов услуг, например, рестораны быстрого питания, кафе для завтрака, рестораны для ужина, бары и кафе, предлагающие алкогольные напитки, рестораны высшей категории и т.д. [2, с. 40–41].

Другой важный аспект – контроль над производством и качеством продуктов. Производство продуктов питания должно соответствовать стандартам и правилам гигиены и безопасности, а качество продукции должно удовлетворять потребности и требования клиентов. Также важно контролировать процесс приготовления блюд и качество обслуживания.

Управление персоналом также играет важную роль в предпринимательской деятельности в ресторанном обслуживании. Выбор правильного персонала и обучение их навыкам сервировки, взаимодействия с клиентами и приготовлению блюд может повысить качество обслуживания, что приведет к увеличению дохода и улучшению репутации ресторана.

В целом, предпринимательская деятельность в сфере ресторанного обслуживания заключается в создании и управлении ресторанным бизнесом с целью предоставления высококачественных услуг и удовлетворения потребностей клиентов. Само понятие предпринимательства в этой сфере подразумевает эффективное управление ресурсами и рисками, построение успешной бизнес-модели, а также постоянное развитие и инновации, чтобы удерживать свою репутацию и привлекать новых клиентов.

Предпринимательская деятельность в сфере ресторанного обслуживания включает множество элементов, которые нужно учитывать в процессе организации своего бизнеса. Вот некоторые из них:

1. Выбор места расположения может сильно повлиять на успех бизнеса. Нужно учитывать такие факторы, как поток людей, доступность общественного транспорта, наличие конкурентов в районе и т.д.

2. Разработка бизнес-плана поможет определить цели и задачи вашего бизнеса, описать бизнес-модель, вычислить необходимые расходы и доходы, а также определить платежеспособную аудиторию [3, с. С. 81–84].

3. Создание меню – важный элемент бизнеса, который должен соответствовать потребностям и предпочтениям целевой аудитории. Нужно учитывать такие элементы, как ориентация на сезонные и местные ингредиенты, разнообразие блюд, диетические ограничения и т.д. Когда клиент покупает обед в ресторане, он покупает услугу, которая производится и потребляется в одно и то же время. Впечатление от обслуживания является существенным элементом «продукта», который производит ресторан.

Таким образом, «продукт» в сфере общественного питания включает в себя две составляющие: материальную (блюдо) и нематериальную (обслуживание). Поведение обслуживающего персонала, с этой точки зрения, является частью продукта. Так как состав персонала меняется изо дня на день, основной характеристикой этого «продукта» является его многовариантность.

Еще одной существенной особенностью сервиса является его «сиюминутность»: так как производство «продукта» и его потребление происходят одновременно, запас создать невозможно.

4. Привлечение и управление персоналом – каждый ресторан нуждается в команде квалифицированных сотрудников, которые могут выполнить все задачи, связанные с предоставлением услуг ресторана. Нужно учитывать такие факторы, как подбор сотрудников, обучение навыкам сервировки и обслуживания, определение графика работы и т.д.

5. Управление финансами. В ресторанном бизнесе много расходов, связанных с закупкой продуктов, арендой помещения, оплатой персонала и т.д. Правильное управление финансами поможет контролировать затраты и увеличивать прибыль.

6. Маркетинг и реклама. Для привлечения новых клиентов необходимо проводить маркетинговые и рекламные кампании. Нужно учитывать такие элементы, как проведение мероприятий, сообщества в социальных сетях и др.

Вышеупомянутые элементы – это только некоторые из многих, которые должны учитываться при организации бизнеса в сфере ресторанного обслуживания. Успех в этом бизнесе зависит от умения управлять всем этим комплексом элементов, что позволит получить максимальную прибыль и обслужить клиентов на высшем уровне.

Предпринимательская деятельность в сфере ресторанного обслуживания связана с рисками, которые необходимо учитывать и управлять, чтобы снизить их влияние на бизнес.

Ресторанный бизнес требует значительных инвестиций в закупку продуктов питания, оборудования, аренду помещения, оплату персонала и т.д. Недостаток финансовых ресурсов может привести к тому, что вам не удастся реализовать свои идеи и достичь поставленных целей. Способы минимизации: составление детального бизнес-плана, в котором будут учтены все расходы на различные фазы бизнеса, а также поиск источников финансирования, таких как инвесторы или банки [1].

Плохое расположение может привести к тому, что ресторан будет незаметным для потенциальных клиентов, или наоборот, будет расположен в районе с высокой конкуренцией. Способы минимизации: проведение исследования рынка и оценки потенциального трафика клиентов в регионе, а также анализ конкурентов и для того, чтобы выбрать место с минимальными рисками.

Неудовлетворенность клиентов может привести к потере репутации и уменьшению дохода. Она может возникнуть из-за низкого качества обслуживания и продуктов питания, плохого дизайна интерьера, длительности ожидания, а также других факторов [5, с. 206–210]. Способы минимизации: повышение качества блюд и сервиса, участие в дегустациях и опросах, чтобы оценить удовлетворенность клиентов, а также доступность компенсации в случае отрицательных отзывов.

Данная сфера требует большого количества квалифицированных сотрудников, таких как повара, официанты и бармены, недостаток которых может серьезно затруднить работу ресторана. Способы минимизации: подробное планирование найма сотрудников, обучение персонала и выгодные условия работы.

Риск непредвиденных выплат и штрафов, которые могут возникнуть из-за несоответствия гигиеническим нормам, нарушения местных правил и различных административных ошибок. Способы минимизации: обеспечение соответствия зданий и пространств, в которых находится ресторан, соответствующим гигиеническим нормам, и ознакомление с местными законодательными и административными правилами.

Правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере ресторанного обслуживания охватывает широкий спектр вопросов, которые необходимо учитывать при организации и управлении ресторанным бизнесом.

В соответствии с законодательством каждый бизнес должен быть зарегистрирован на территории Российской Федерации. Нужно зарегистрировать свой бизнес, получить все необходимые разрешения и лицензии. Сертификация – это процедура подтверждения соответствия результата производственной деятельности, товара, услуги нормативным требованиям, посредством которой третья сторона документально удостоверяет, что продукция, работа (процесс) или услуга соответствует «заданным требованиям». На сегодняшний день существует система добровольной и обязательной сертификации товаров и услуг.

Организации в сфере ресторанного бизнеса должны соблюдать нормы, регулирующие безопасность и гигиену производства и обслуживания продуктов питания. Необходимо проводить контроль качества продуктов питания, учитывать сроки хранения и соблюдать правила санитарного надзора.

Ресторанный бизнес нуждается в разработке меню и интерьеров, и все эти элементы могут пересекаться с авторскими правами других людей или компаний. Необходимо учитывать это при разработке меню и интерьерных решений и обеспечить защиту собственных авторских прав [4, с. 111].

Предприниматель в сфере ресторанного обслуживания нуждается в команде квалифицированных сотрудников, и организация трудовых отношений должна соответствовать всем законодательным требованиям, включая правила, касающиеся оплаты труда, социальных гарантий, условий работ и т.д.

Сфера доставки еды за последнее время сильно растет – сначала в связи с пандемией, а теперь из-за её бесспорного удобства. Необходимо учитывать, что для такого бизнеса существует законодательная база.

В целом, правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере ресторанного обслуживания — это набор правил и требований, которые необходимо учитывать при организации своего бизнеса. Нарушение правил может повлечь за собой административные или гражданско-правовые санкции, поэтому важно следить за соблюдением требований законодательства.

Библиографический список

1. Белошапка М.И. Технология ресторанного обслуживания. / учеб. пособие для образоват. учреждений нач. проф. образования / Сер. Федеральный комплект учебников. (2-е изд., испр.) М., 2006.
2. Ефремова М.В. Основные технологии обслуживания гостей в ресторанном бизнесе // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки. Электронный сборник статей по материалам LIX студенческой международной научно-практической конференции. 2017. С. 40–41.
3. Ризванов Н.А. Бизнес-план как инструмент привлечения инвестиций в ресторанном бизнесе (на примере предприятий быстрого обслуживания) // Вопросы экономики и управления. 2017. № 2 (9). С. 81–84.
4. Соколова Н. Нормативно-правовые аспекты ресторанного обслуживания // Современный гостинично-ресторанный бизнес: экономика и менеджмент. материалы пятой научно-практической конференции. 2018. С. 110–112.
5. Федоркова А.В., Малинина О.Ю. Стандарты обслуживания посетителей ресторана как эффективный инструмент повышения качества оказания ресторанных услуг. // Научная весна – 2022: Экономические науки. Шахты, 2022. С. 206–210.

УДК 342.553, 342.9

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Петрова О.Ю., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский технологический колледж, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу административной ответственности преподавателя. Закон об образовании непосредственно не предусматривает юридической ответственности педагогических работников, а содержит отсылочную норму к другому законодательству. В частности, к работникам образовательных организаций применимы меры ответственности, предусмотренные Трудовым кодексом РФ, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) и Уголовным кодексом РФ. Подчеркивается, что сущность административной ответственности преподавателя заключается в том, что такая ответственность возникает в случае нарушения им законодательства и правил, и несет социальную опасность. Административная ответственность преподавателя должна обеспечить эффективное функционирование образовательной среды, которая важна для успеха студентов и развития общества в целом.

Ключевые слова: административная ответственность преподавателя, преподавательская деятельность, административный статус преподавателя.

SOME ASPECTS OF THE ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF THE TEACHER

Petrova O.Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Technological College, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the administrative responsibility of the teacher. The Law on Education does not directly provide for the legal responsibility of teaching staff, but contains a reference norm to other legislation. In particular, the measures of responsibility provided for by the Labor Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (Administrative Code of the Russian Federation) and the Criminal Code of the Russian Federation are applicable to employees of educational organizations. It is emphasized that the essence of the administrative responsibility of the teacher is that such responsibility arises in case of violation of the legislation and rules, and carries a social danger. The administrative responsibility of the teacher should ensure the effective functioning of the educational environment, which is important for the success of students and the development of society as a whole.

Keywords: administrative responsibility of a teacher, teaching activity, administrative status of a teacher.

Ответственность, предусмотренную законом для физических и юридических, а также для должностных лиц, за нарушение каких-либо норм, направленных на защиту личных, государственных или общественных интересов в любой из перечисленных областей, соблюдение которых контролируется органами исполнительной власти, можно рассматривать как административную [3, с. 19].

Актуальность изучения административной ответственности преподавателя обусловлена необходимостью соблюдения законодательства в процессе обучения и воспитания студентов. Преподаватели, которые нарушают законы, несут ответственность перед обществом и должны быть наказаны в соответствии с действующим законодательством.

Ответственность работников образовательной организации по нормам Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», согласно которому образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов

В соответствии с ч. 4 ст. 48 Федерального закона № 273-ФЗ педагогические работники несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей в порядке и в случаях, которые установлены федеральными законами. Неисполнение или ненадлежащее исполнение педагогическими работниками их обязанностей также учитывается при прохождении ими аттестации.

Таким образом, закон об образовании непосредственно не предусматривает юридической ответственности педагогических работников, а содержит отсылочную норму к другому законодательству.

В частности, к работникам образовательных организаций применимы меры ответственности, предусмотренные Трудовым кодексом РФ, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) и Уголовным кодексом РФ.

Административная ответственность преподавателя – это вид юридической ответственности, который возникает в случае нарушения преподавателем законов и правил, регулирующих образовательный процесс.

К административной ответственности по этим составам в основном могут быть привлечены лишь должностные лица (т.е. руководители, их заместители и другие работники, наделенные организационно-распорядительными полномочиями). И только за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ, к административной ответственности могут быть привлечены граждане, т.е. рядовые работники образовательной организации и другие лица.

Вопросом, требующим особого рассмотрения в данном контексте, является вопрос о том, кто считается должностным лицом в рассматриваемых случаях.

Согласно ст. 2.4 КоАП РФ должностное лицо подлежит административной ответственности в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей. В соответствии с примечанием к данной статье под должностным лицом следует понимать лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти, то есть наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, а равно лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях.

Учитель, преподаватель далеко не всегда являются должностными лицами, но могут быть таковыми, например, принимая экзамены в составе государственных комиссий, представляя организацию и т.д.

Вместе с тем, в тех случаях, когда соответствующая норма КоАП РФ предусматривает административную ответственность граждан, преподаватель может быть привлечен к административной ответственности в качестве гражданина. Как отмечалось выше, в сфере образования выделяется только один состав административного правонарушения, в котором в качестве субъекта нарушения указывается гражданин.

Особую роль играет ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ – умышленное искажение результатов государственной итоговой аттестации и предусмотренных законодательством об образовании олимпиад школьников, а равно нарушение установленного законодательством об образовании порядка проведения государственной итоговой аттестации – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от двадцати тысяч до сорока тысяч рублей; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до двухсот тысяч рублей.

Здесь учитель является должностным лицом как член ГЭК. Например, Ш. была признана виновной в совершении административного правонарушения предусмотренного ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ, выразившегося в том, что во время проверки заданий по английскому языку в аудитории зазвонил мобильный телефон, принадлежащий Ш. Ш. было назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 4 000 (четырёх тысяч) рублей (Постановление Московского городского суда от 06 апреля 2018 г. по делу № 4а-0043/2018).

Необходимо отметить, что статус педагога предполагает высокие моральные и нравственные требования к работнику, занимающему педагогические должности, а также к другим лицам, профессионально занимающимся образовательной деятельностью. Законодательно эти требования обеспечиваются условиями «допуска к профессии» как на стадии приема на работу, так и в период работы. В этих целях установлено ограничение на право занятия профессиональной образовательной деятельностью [2, с.42].

Преподаватель несет административную ответственность за любые правонарушения, которые связаны с его профессиональной деятельностью. К нарушениям, за которые преподаватель может быть привлечен к административной ответственности, относятся: нарушения правил охраны труда в образовательных учреждениях; нарушения правил обеспечения пожарной безопасности; нарушения правил проведения учебных (лекционных и семинарских) занятий; нарушения дисциплины в учебных заведениях и др.

При наступлении административной ответственности преподавателя, ему может быть назначен штраф, административный арест, дисквалификация. В любом случае преподавателю предоставляется право защиты, в лице адвоката или другой высококвалифицированной юридической помощи.

В целом, общий подход к привлечению преподавателей к административной ответственности имеет большое количество связанных с поведением преподавателей или нарушений правил, установленных в образовательном учреждении. Лучшей практикой в области привлечения преподавателей к административной ответственности является применение наказания в соответствии с действующим законодательством. Необходимо обеспечение законных прав и интересов студентов. Важно устанавливать штрафы, административный арест или вынесение предписания, исходя из серьезности и обстоятельств нарушения. Более строгая административная ответственность может быть применена в случае повторных нарушений.

Привлечение преподавателя к административной ответственности может иметь негативные последствия как для преподавателя, так и для студентов и образовательного учреждения в целом.

Необходимо учитывать риск снижения престижа и репутации преподавателя, а также учебного заведения. Преподаватель может быть лишен должности и причислен к списку нарушителей, что может негативно сказаться на карьере. Учебное заведение может стать объектом преследования со стороны властей, что снизит его репутацию в глазах общественности [1, с. 264]. Способы минимизации: необходимо вести правильную дисциплинарную политику в образовательном учреждении и контролировать деятельность преподавателей с использованием четких, прозрачных правил.

Административная ответственность преподавателя может воздействовать на обучение и успеваемость студентов, если преподаватель пострадает от дискредитации или потери должности. Способы минимизации: данную проблему можно решить путем настройки адекватной поляризации, двусторонней оценки проблемы и задействования служб профсоюза для защиты интересов преподавателей.

Основными направлениями совершенствования привлечения преподавателя к административной ответственности являются следующие:

1. Для более эффективного привлечения преподавателей к административной ответственности необходимо разрабатывать новые правила и нормативные акты, а также усиливать контроль и мониторинг своевременного и активного соблюдения действующего законодательства. Кроме того, нужно уточнить, какие действия со стороны преподавателя могут быть квалифицированы как административное правонарушение и прописать соответствующие санкции в КоАП РФ.

2. Важно создать профессиональную систему контроля, которая будет легко доступна и понятна для всех. Эта система должна предоставлять правильную обратную связь и оценку профессионального поведения преподавателей, учитывая их роли и обязанности, а также помогать в тренировке и развитии их профессиональных навыков [4, с.192].

3. Образовательные учреждения должны брать на себя ответственность за формирование и укрепление правильного профессионального поведения своих преподавателей. Они должны уделять больше внимания подготовке преподавателей, понимая важность этой роли в том, чтобы сохранить хорошую репутацию и строить успешную академическую среду.

4. Развитие механизмов защиты прав преподавателей в рамках административного процесса при привлечении к административной ответственности. Следует обеспечить правовую и профессиональную помощь преподавателям, правильно выявлять и анализировать ситуации, приводящие к нарушениям, соответственно защищать образовательное учреждение и студентов, а также разрабатывать и координировать планы действий при возникновении проблемных ситуаций.

Таким образом, для достижения более эффективного привлечения преподавателей к административной ответственности необходимо укреплять правовую и профессиональную базу, использовать эффективные механизмы контроля и оценки профессионального поведения, развивать защиту прав преподавателей, а также рассматривать их социальные интересы и права.

Существует ряд способов обеспечения защиты прав преподавателя, которые могут использоваться в рамках административного процесса, при привлечении его к административной ответственности.

Преподаватель может обращаться за юридической помощью к профессиональным юристам, которые окажут правовую помощь в случае возникновения административной ответственности. Юристы смогут объяснить преподавателю его права и возможности, разрабатывать стратегию защиты и проводить переговоры с администрацией. Остается последним, но никак не менее важным, что преподаватель может обратиться к руководству учебного заведения с высказыванием своих претензий и заявлениями, которые должны быть рассмотрены и проверены на предмет наличия состава административного правонарушения или дисциплинарного проступка.

В целом, существует ряд механизмов, которые вместе могут обеспечить более широкий контроль и оценку работы преподавателей. Решение, какой способ контроля и оценки использовать, зависит от предметной области, характера учебного заведения и других факторов.

Библиографический список

1. Зверева Т.В. Управление развитием корпоративной социальной ответственностью преподавателя вуза // Самоуправление. 2020. № 4 (121). С. 263–267.
2. Куванова О.А. Ответственность как профессионально-этическое качество личности преподавателя // Теория, практика и социальные проблемы современной экономики. материалы научно-практической конференции. 2016. С. 42.
3. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2004. 409 с.
4. Резник С.Д., Юдина Т.А. Подходы к формированию репутационной ответственности преподавателя университета // Друкеровский вестник. 2021. № 2 (40). С. 191–206.

УДК 342.951:351.82

ОПАСНОЕ ВОЖДЕНИЕ КАК РАСПРОСТРАНЁННЫЙ СПОСОБ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Пучкова Т.М., студент 5 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Голоманчук Э.В., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена изучению явления опасного вождения как распространённого способа нарушения правил дорожного движения. Дана характеристика понятия опасного вождения и представлены виды опасного вождения. В данной статье выделены правовые проблемы законодательного закрепления категории опасного вождения.

Ключевые слова: опасное вождение, правила дорожного движения, технические средства фиксации, дорожно-транспортное происшествие, административная ответственность.

DANGEROUS DRIVING AS A COMMON TRAFFIC VIOLATION

Puchkova T.M., 5th year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Golomanchuk A.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of dangerous driving as a common way of violating the rules of the road. The characteristic of the concept of dangerous driving is given and the types of dangerous driving are presented. The author highlights the legal problems of legislative consolidation of the category of dangerous driving.

Keywords: dangerous driving, rules of the road, technical means of fixation, traffic accident, administrative responsibility.

Актуальность темы исследования выражена в том, что смертность на дорогах в России продолжает оставаться достаточно высокой. Ежегодно в результате ДТП гибнут и остаются инвалидами более 300 тысяч человек. Дальнейшая работа по снижению смертности на дорогах в странах Европы обозначена как борьба с тремя D: «Dangerous, Drunk and Drugged Driving». В России борьба с пьяными водителями и лицами, находящимися за рулем в состоянии наркотического опьянения, ведется планомерно и уже дает свои результаты. Острее всего стоит вопрос повышения культуры вождения и снижения случаев так называемой агрессивной езды, способной повлечь серьезные дорожно-транспортные происшествия.

Об актуальности безопасности на дорогах из-за правонарушения в области движения говорят различные факторы, относящиеся к проблемам реализации административных наказаний в данной сфере.

Риски опасного вождения могут выражаться в возможности возникновения аварийных ситуаций, приводить к травмам и даже гибели людей, а также вызывать экономические потери. Опасные маневры автомобилей, осуществляемые работниками специальных служб таких, как полиция, спасатели или скорая помощь, могут являться необходимыми в процессе выполнения их профессиональных обязанностей, однако их использование должно быть ограничено в целях обеспечения безопасности всех участников дорожного движения.

Актуальность этой темы связана с рядом причин:

1. Безопасность дорожного движения: каждый год многие люди становятся жертвами дорожно-транспортных происшествий, которые происходят по вине водителей, допустивших опасные маневры на дороге. Административная ответственность за опасное вождение — это один из способов обеспечения безопасности на дорогах и снижения числа ДТП.

2. Сокращение числа нарушений ПДД: административная ответственность за опасное вождение также способствует борьбе с нарушениями ПДД. Водители будут более ответственно относиться к соблюдению правил дорожного движения, чтобы избежать штрафных санкций и уберечь себя и окружающих от непреднамеренных действий на дороге.

3. Социальное значение: безопасность дорожного движения касается не только участников ДТП, но и всего общества в целом. Нежелательно, чтобы аварийный и инцидентный характер дорожной ситуации оставались без должного внимания и контроля со стороны государства, в результате чего люди могут попадать в беду из-за нерадивости других на дороге.

4. Укрепление дисциплины водителей: административная ответственность за опасное вождение укрепляет дисциплину водителей на дороге. Когда водитель знает, что за опасное вождение ему грозят штрафные санкции, он будет более внимательным и осторожным на дороге, что в свою очередь снижает риски возникновения неприятных ситуаций на дороге.

5. Законодательные изменения: в последние годы в некоторых странах произошли изменения в законодательстве, затрагивающие административную ответственность за опасное вождение. Поэтому, тема «административная ответственность за опасное вождение» актуальна для изучения этой новой тенденции.

6. Новые технологии: на сегодняшний день появление новых технологий, таких как камеры наблюдения на дорогах, автоматические контроллеры скорости и т.д., административная ответственность за опасное вождение становится еще более значимой, так как это позволяет надежнее фиксировать и устанавливать нарушения ПДД водителей.

Административная ответственность за опасное вождение может привести к сокращению количества нарушений ПДД, снижению числа ДТП, укреплению дисциплины водителей и улучшить общую безопасность на дорогах.

Учитывая темпы роста нарушений правил дорожного движения, законодатель проводит политику ужесточения административной ответственности. Наглядно данная политика реализуется через ужесточение наказания, увеличение штрафов, расстановку средств фото и видео фиксации нарушений. С 2016 года предпринимаются попытки внесения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях нового состава правонарушений – «опасное вождение» [1]. Несмотря на тот факт, что в 2017 году законопроект был принят в первом чтении Государственной Думой Российской Федерации, необходимо отметить, что по состоянию на 2023 год данный законопроект снят с рассмотрения.

Необходимость установления ответственности за указанное нарушение обусловлена постановлением Правительства Российской Федерации от 30 мая 2016 г. N 477 «О внесении изменения в Правила дорожного движения Российской Федерации», «которым предусмотрен запрет на опасное вождение, выражающееся в неоднократном совершении одного или совершении нескольких следующих друг за другом действий, заключающихся в невыполнении при перестроении требования уступить дорогу транспортному средству, пользующемуся преимущественным правом движения, перестроении при интенсивном движении, когда все полосы движения заняты, кроме случаев поворота налево или направо, разворота, остановки или объезда препятствия, несоблюдении безопасной дистанции до движущегося впереди транспортного средства, несоблюдении бокового интервала, резком торможении, если такое торможение не требуется для предотвращения дорожно-транспортного происшествия, препятствовании обгону, если указанные действия повлекли создание водителем в процессе дорожного движения ситуации, при которой его движение и (или) движение иных участников дорожного движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба» [2].

Понятие опасного вождения, представленное в Правилах дорожного движения является широким и неконкретным, в связи с этим в юридической сообществе распространены споры, относительно данного явления. По мнению С.А. Кутякина все правонарушения связанные с опасным вождением следует делить на категории в соответствии со степенью общественной опасности [3, с. 7]. И.К. Шмарко считает, что опасное вождение – стиль езды, в связи с чем угроза административного наказания не будет являться сдерживающим фактором данного явления [4, с. 3].

По моему мнению, опасное вождение сложный феномен, имеющий несколько правовых проблем, недостаточность правового регулирования порождает сложность разграничения опасного вождения и вынужденного резкого вождения. На сайте Опасноевождение.рф водители могут узнать, что такое опасное вождение, и ознакомиться с видеоматериалами, которые наглядно демонстрируют его виды. Также можно посмотреть статистику аварийности. Всего выделено шесть видов опасного вождения, каждому из них присвоено шутовское название:

- «перестроение при интенсивном движении, когда все полосы движения заняты, кроме случаев поворота налево или направо, разворота, остановки или объезда препятствия («шашки»);

- подрезание при перестроении («нервяки»);

- несоблюдение безопасной дистанции («торопыги»);

- несоблюдение бокового интервала («грядки»);

- необоснованное резкое торможение перед другим ТС («воспитатели»);

- препятствование обгону («спертый»)» [5].

Однако, виды опасного вождения, размещённые на сайте, носят исключительно информационный рекомендательный характер и не обладают нормативно-закреплённым статусом.

Важной правовой проблемой опасного вождения выступает сложность фиксирования данного правонарушения. Большинство административных правонарушений, в настоящее время, фиксируется при помощи специальных технических средств (фото и видео камер). Однако, в случае с опасным вождением возникают вопросы, что конкретно должны фиксировать камеры в качестве правонарушения? Какие характеристики должны иметь специальные технические средства для определения опасного вождения? Сотрудники Государственной инспекции безопасности дорожного движения также неэффективны в определении опасного вождения. Из определения, установленного правилами дорожного движения, следует, что действия должны быть совершены неоднократно. Сотрудник ГИБДД, находящийся на дороге и обнаруживший признаки опасного вождения не может зафиксировать повторяющийся характер правонарушения, в связи с чем не может в полной мере определить опасное вождение как административное правонарушение.

Ещё одним важным вопросом внедрения категории опасного вождения выступает определение субъектов правонарушения. Учитывая особый стиль езды мотоциклистов и специальные возможности, например, езду между полосами, встаёт важный правовой вопрос включения их в перечень субъектов опасного вождения. На наш взгляд, введение категории опасного вождения должно предусматривать особое регулирование езды на мотоцикле. Фактически, разрешённая езда на мотоцикле между рядами, выступает ярким примером опасного вождения в прямом его понимании, более того, езда на мотоцикле, как правило, сопровождается большей скоростью по сравнению с потоком машин, что создаёт потенциально опасную ситуацию на дороге. Перед законодателем стоит ряд серьёзных вопросов регулирования опасного вождения мотоциклистов с учётом специфики данного вида транспорта.

Необходимость нормативного закрепления категории опасного вождения и административной ответственности за опасное вождение неоднократно отмечалось на форумах и в выступлениях политических деятелей. Председатель комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по труду, социальной политике и делам ветеранов, член фракции ЛДПР Ярослав Нилов в своём официальном новостном telegram-канале сообщил, что партия готовит новый законопроект об установлении административной ответственности за опасное вождение.

Таким образом, подводя итог необходимо отметить, что категория опасного вождения на современном этапе порождает множество противоречивых вопросов. Важными проблемами внедрения административной ответственности за опасное вождение выступает неурегулированность критериев опасного вождения, отсутствие закреплённого круга субъектов и сложность фиксации правонарушения в форме опасного вождения. Однако российская действительность и уровень смертности в дорожно-транспортных происшествиях обуславливает необходимость детальной разработки данного правового института и внедрения административной ответственности за опасное вождение.

Библиографический список

1. Проект Федерального закона N 37057-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности за опасное вождение» // Режим доступа: <https://online.consultant.ru/ti/v/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1&IqXcTCex9jYRfy&cacheid=0F1D383B5FD10B30CE4CCF7D4FE5C145&mode=splus&md=mVYENA&base=LAW&n=39156#EJpuYcThNwV OZ2VP>.

2. Постановление Правительства РФ от 30.05.2016 N 477 «О внесении изменения в правила дорожного движения Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 06.06.2016, N 23, ст. 3325.

3. Кутякин С.А., Донченко Е.Г. Современное состояние и перспективы развития административного законодательства РФ // Административное право и процесс. 2022. N 4. С. 39–42.

4. Шмарко И.К. Казнить нельзя и помиловать тоже // Закон. 2021. N 11. С. 87–94.

5. Официальный сайт Гарант.ру. Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/725397/>.

УДК 34.09

ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРАКТИКОЙ АУДИТОРСКОЙ ПРОВЕРКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Санчикина А.Н., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Голоманчук Э.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Процессы в экономике, связанные с цифровой трансформацией, подвергают изменениям все отрасли, в том числе сферу аудиторской деятельности. В связи с этим, актуальность приобретают вопросы применения информационных технологий при проведении аудиторских проверок, обеспечение качества и конкурентоспособности аудиторских услуг на рынке. В статье рассмотрено влияние цифровой трансформации на сферу аудита и проведение аудиторских проверок. Проанализированы факторы, влияющие на процесс внедрения инноваций в сфере аудиторских услуг. В результате исследования были выявлены основные вызовы, связанные с практикой аудиторской проверки в условиях цифровой трансформации, среди которых: необходимость повышения квалификации аудиторов, в том числе, приобретения ИТ-компетенций, создание материально-технической базы для внедрения информационных технологий, обеспечение информационной безопасности, а также работа с большими объемами данных и оперативное реагирование на их изменения.

Ключевые слова: аудит, цифровая трансформация, информационные технологии, автоматизация, цифровая экономика.

THE MAIN CHALLENGES ASSOCIATED WITH THE PRACTICE OF AUDITING IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Saichkina A.N., 1st year master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific supervisor: Golomanchuk A.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The processes in the economy associated with digital transformation are changing all industries, including auditing. In this connection, the use of information technologies in conducting auditing, ensuring the quality and competitiveness of audit services in the market are becoming relevant. Impact of digital transformation on audit sphere was reviewed in the article. The factors effect on the process of innovation implementation in the field of audit services were analyzed. As a result of the research, the main challenges associated with the

practice of auditing in the context of digital transformation were identified, among which: the need for professional development, including the acquisition of IT competencies, the creation of a material and technical base for the introduction of information technologies, ensuring information security and working with large volumes of data and prompt response to their changes.

Keywords: audit, digital transformation, information technology, automation, digital economy.

Одной из национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. является цифровая трансформация, предполагающая достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей российской экономики. [1]. Внедрение цифровых технологий позволяет достичь качественных изменений в развитии и всех видов экономической деятельности, в частности, это касается и аудиторской деятельности.

В условиях нарастания объема информации аудиторы вынуждены адаптироваться к всемерным изменениям, причиной которых являются как внешние факторы, так и внутренние закономерности развития института аудита. Соответственно, актуальной проблемой для аудиторских организаций становится вопросы обеспечения качества оказываемых услуг и их конкурентного преимущества в условиях цифровой экономики. Оперативное реагирование на инновации и активное их применение в своей деятельности способствует гармоничному развитию процессов, осуществляемых в ходе аудиторской проверки.

На основе исследования, проведенного Международной ассоциацией образования и исследований в области бухгалтерского учета (IAAER), можно сформулировать несколько факторов, влияющих на цифровую трансформацию и внедрение инноваций в сферу аудиторской деятельности [2].

Первая группа факторов связана с человеческими ресурсами. Цифровые технологии не могут существовать обособленно, их внедрение и эффективность дальнейшего применения зависит от профессиональных качеств аудиторов.

К данной группе факторов можно отнести компетенции аудиторов, а также их субъективное отношение и готовность к внедрению технологий.

По мнению авторов исследования, именно данная группа оказывает наибольшее влияние на низкую скорость интеграции цифровых технологий в рамках аудиторской проверки.

Также на цифровую трансформацию аудита влияют факторы, связанные с задачами, выполняемыми в ходе проведения проверки. По мере усложнения задач, снижается эффективность применяемых технологий, что требует от аудитора применения своих профессиональных навыков и опыта. На нынешнем этапе развития прикладные технологии лишь снижают вовлеченность аудитора при выполнении рутинных задач, вследствие чего появляется возможность сфокусироваться на более важных этапах и процедурах аудита, требующих профессионального суждения.

Последняя группа – внешние факторы. К ним можно отнести тенденции, клиентские факторы, конкуренцию. Рассмотрим более подробно каждый из них.

1. Глобальная тенденция к автоматизации бизнес-процессов, оцифровке информации, бизнес-аналитике. Совет по международным стандартам аудита и заданий, обеспечивающих уверенность (IAASB) обращает внимание на влияние технологий на многие отрасли и сообщает о своем намерении адаптировать разработку международных стандартов аудита к вызовам, связанным с применением новых технологий. Для этих целей была создана Цифровая консультативная группа, занимающаяся непосредственно технологиями и инновациями [3]. Помимо этого, следует отметить влияние государства: Правительством РФ была разработана «Концепция развития аудиторской деятельности в Российской Федерации до 2024 года». Ею определены меры для совершенствования рынка аудиторских услуг, среди которых «совершенствование практики оказания аудиторских услуг, в том числе посредством применения электронных технологий анализа данных, интенсификации процесса оказания аудиторских услуг» [4]. Также Минфин РФ указывает, что в целях совершенствования основ функционирования рынка аудиторских услуг должна осуществляться стандартизация бизнес-процессов оказания аудиторских услуг [5].

2. Клиентские факторы. На фоне глобальных изменений в экономике большинство компаний внедряет новые технологии в свою деятельность. Это неизбежно ведет к возникновению новых рисков. Так, изменения, внесенные Постановлением Правительства РФ от 06.06.2022 № 1035, обязывают аудиторские организации и индивидуальных аудиторов дополнить свои правила внутреннего контроля в целях предотвращения легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, финансирования терроризма и финансирования распространения оружия массового уничтожения. В них необходимо предусмотреть положение о порядке оценки возможности использования новых услуг и (или) программно-технических средств в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, а также разработать комплекс мер, направленных на снижение (минимизацию) такой возможности [6].

Помимо необходимости контроля рисков, необходимо отметить субъективное отношение клиентов. Такие факторы, как ожидание клиентом использования аудитором новых технологий и поддержка клиентом доступа к данным, влияют на то, как аудитор может внедрять новые технологии.

3. Конкуренция. Новые технологии открывают возможности для повышения эффективности аудита и сокращения сроков проверки, как следствие порождая конкуренцию среди компаний. Однако более крупные фирмы значительно продвинулись в данной сфере, многие из них имеют собственные программные продукты, квалифицированных специалистов в штате, в то время как более мелкие компании находятся на начальном пути внедрения технологий, что ставит их в невыгодное положение в борьбе за клиентов и человеческий капитал.

С учетом факторов, влияющих на ход цифровой трансформации аудита, можно определить основные вызовы, возникающие в ходе аудиторской проверки.

1. Квалификация аудитора. Отсутствие необходимых навыков в сфере информационных технологий, перспектив их применения для конкретных задач требует повышения уровня квалификации аудитора, иначе попытка введения инноваций обернется снижением качества оказываемых услуг. Минфин РФ указывает на то, что повышению результативности системы непрерывного повышения квалификации аудиторов будет способствовать обучение аудиторов использованию электронных технологий анализа данных и других современных IT-технологий оказания аудиторских услуг [5].

По данным исследования KMDA, ключевыми препятствиями реализации стратегии цифровой трансформации являются нехватка компетенций и квалифицированных кадров, а также сопротивление изменениям [7, с. 21].

2. Материально-техническая база. Внедрение новых технологий неизбежно требует материального обеспечения. Необходима техника, программные продукты, прием в штат компетентных специалистов или повышение квалификации имеющихся – все это требует определенных затрат и четкой стратегии. Однако не все компании могут или желают вести работу в данном направлении из-за высокой стоимости технологий и недостаточного технического оснащения.

3. Информационная безопасность. В условиях работы с большими массивами оцифрованных данных, возникает необходимость в их защите от несанкционированного доступа в целях соблюдения аудиторской тайны. Утечка данных – является общей негативной тенденцией процесса цифровизации, которая диктует требования к обеспечению защиты информации.

4. Объемы данных. В ходе проведения аудита возникает необходимость в поиске и анализе обширного количества данных об аудируемом лице. Кроме того, в связи с применением информационных технологий клиентами, увеличиваются скорость и объемы передаваемой информации, что требует оперативной реакции на изменения. По мнению В. В. Панков и В. Л. Кожухова, «традиционный аудит, который проводится в отношении отчетности, содержащей историческую информацию, перестает отвечать требованиям времени» [8].

Таким образом, цифровая трансформация все в большей степени влияет на аудит, меняя методы проведения проверки. Цифровые технологии признаны как государством, так и аудиторским сообществом, что определяет вектор развития сферы аудита и ее нормативно-правового регулирования. Следует отметить, что важной проблемой является то, что бизнес-среда опережает в развитии технологии аудита. Для решения данной проблемы аудиторскому сообществу необходимо оперативно реагировать на вызовы, возникающие в условиях цифровизации: повышать свою квалификацию в сфере информационных технологий и информационной безопасности и адаптироваться к применению инноваций в своей профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // Российская газета. 2020. № 159.
2. Barr-Pulliam, Dereck and Brown-Liburd, Helen L. and Munoko, Ivy, The Effects of Person-specific, Task, and Environmental Factors on Digital Transformation and Innovation in Auditing: A Review of the Literature (June 2022). Journal of International Financial Management & Accounting, 33 (2): 337-374. URL: <https://ssrn.com/abstract=4012092> (дата обращения: 08.05.2023)
3. Tom Seidenstein, Danielle Davies: Assurance in the Digital Age. URL: <https://www.ifac.org/knowledge-gateway/supporting-international-standards/discussion/assurance-digital-age> (дата обращения: 09.05.2023).
4. Об утверждении Концепции развития аудиторской деятельности в Российской Федерации до 2024 года: распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3709-п/Собрание законодательства РФ. 2021. N 2 (Часть II). Ст. 532.
5. Об основных направлениях развития аудиторской деятельности в Российской Федерации на период до 2024 года: приказ Министерства финансов Российской Федерации от 29.11.2019 № 1592. – Доступ из СПС КонсультантПлюс.
6. О внесении изменений в требования к правилам внутреннего контроля, разрабатываемым адвокатами, нотариусами, доверительными собственниками (управляющими) иностранной структуры без образования юридического лица, исполнительными органами личного фонда, имеющего статус международного фонда (кроме международного наследственного фонда), лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами: постановление Правительства РФ от 06.06.2022 № 1035// Собрание законодательства РФ. 2022. № 24. Ст. 4060.
7. Исследование KMDA «Цифровая трансформация в России – 2020». URL:<https://drive.google.com/file/d/1xVK4ISanDZSCN6kGAHXkrGoGkVplcwN/view> (дата обращения: 09.05.2023).
8. Панков, В.В. Трансформация института аудита в условиях применения цифровых технологий / В.В. Панков, В.Л. Кожухов // Журнал «Аудит». 2019. № 12. С. 4–7. URL: https://gaap.ru/articles/Transformatsiya_instituta_audita_v_usloviyakh_primeneniya_tsifrovyykh_tekhnologiy/ (дата обращения: 10.05.2023).

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Тёткина Е.А., студент 1 курса бакалавриата, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»,
Петрова О.Ю., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский технологический колледж, г. Волгоград
Научный руководитель: Шохнех А.В., доктор экономических наук

Аннотация. Статья посвящена анализу конституционных основ экономической политики. Автором выявлены их направления и риски формирования и действия. Подчеркивается, что институты, созданные правительством и бизнесом, создают экономическую структуру, которая влияет на жизнь людей. Она может задавать условия труда, определять уровень дохода и доступность того или иного товара или услуги. Правительство в свою очередь должно гарантировать права граждан, и в том числе экономические права, обеспечивая нормальное функционирование рынка, защищая бизнес-интересы и устанавливая правила конкуренции.

Ключевые слова: конституционные основы экономической политики, конституционные экономические права, экономическая политика.

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF ECONOMIC POLICY IN RUSSIA

Tetkina E.A., 1st year undergraduate student, Volgograd State Socio-Pedagogical University
Petrova O.Yu., Candidate of Law, Associate Professor, Volgograd Technological College, Volgograd
Scientific supervisor: Shokhneh A.V., Doctor of Economics

Abstract. The article is devoted to the analysis of the constitutional foundations of economic policy. The author identifies their directions and risks of formation and action. It is emphasized that the institutions created by the government and business create an economic structure that affects people's lives. It can set working conditions, determine the level of income and availability of a particular product or service. The government, in turn, must guarantee the rights of citizens, including economic rights, ensuring the normal functioning of the market, protecting business interests and establishing competition rules.

Keywords: constitutional foundations of economic policy, constitutional economic rights, economic policy.

Становление конституционного законодательства, его развитие происходит в связи с уточнением его функций в общей системе российского законодательства, а также путем структурирования его норм в подотрасли, институты конституционного законодательства.

Конституционный институт основ экономического строя Российской Федерации является составной частью подотрасли конституционного законодательства, регулирующей сферы жизнедеятельности гражданского общества и государства, в которой преобладают смежные нормы, дающие импульс для развития таких отраслей законодательства как гражданское, финансовое, трудовое, земельное, экологическое, международное.

Одной из основных задач современного конституционного законодательства, регулирующего общественные отношения, составляющие институт основ экономического строя, является четкое определение пределов допустимого вмешательства государства в экономику, оптимизация отношений государства и общества.

Вариант, при котором конституция полностью оставляет регулирование экономики текущему законодательству, в российских условиях - неприемлем. Регулирование рассматриваемого блока общественных отношений представляет собой правовую массу нормативных актов, в котором конституционные положения составляют небольшую часть, но по своей значимости они выделяются среди других норм и являются исходной правовой базой, на которую опирается текущее законодательство.

Взаимодействие экономики и права проявляется прежде всего во взаимозависимости экономических и правовых отношений. Хотя экономические отношения и развиваются по собственным законам, но при этом, с одной стороны, многие из них регулируются нормами права, становясь правовыми отношениями, не утрачивая при этом своей экономической сути, с другой стороны, экономические отношения оказывают существенное влияние на всю систему права.

Отмечая роль права в развитии экономической основы общества, следует подчеркнуть ведущую роль конституционного права в механизме правового регулирования экономических отношений, которое в своих нормах закрепляет исходные начала экономики, формы собственности, экономические основы общественных отношений и в целом экономической системы.

Изучение конституционных основ экономической политики является актуальной задачей, потому что экономика существенно влияет на жизнь людей и развитие общества. Конституционные основы определяют правовые и институциональные рамки, которые определяют, каким образом государство должно управлять экономикой, реализуя политику, направленную на обеспечение экономического роста, устойчивости и благосостояния населения.

Институты, созданные правительством и бизнесом, создают экономическую структуру, которая влияет на жизнь людей. Она может задавать условия труда, определять уровень дохода и доступность того или иного товара или услуги. Правительство в свою очередь должно гарантировать права граждан, и в том числе экономические права, обеспечивая нормальное функционирование рынка, защищая бизнес-интересы и устанавливая правила конкуренции.

Заслуживает внимания мнение Г.А. Гаджиева, который предлагает заменить понятия «экономическая система», «экономическая основа» понятием «экономическая конституция», представляющим собой совокупность конституционных положений, связанных отношениями в сфере экономики и проникнутых внутренним единством посредством логико-правовых системных связей. Содержание «экономической конституции» составляют конституционные нормы, имеющие отношение к экономике и закрепляющие [4, с. 331]:

- а) экономическую основу свободы личности;
- б) границы свободы личности в экономической сфере;
- в) способы разрешения социальных конфликтов в сфере предпринимательства;
- г) роль государства, его экономическую политику и компетенцию государственных органов в сфере экономики.

В объекте изучения конституционных основ экономической политики можно выделить такие аспекты:

1. Конституционные положения, определяющие цели экономической политики. В конституции каждой страны обычно формулируются цели экономической политики, такие как создание благоприятных условий для экономического роста, обеспечение стабильности финансовой системы, защита прав собственности и т.д.

2. Определенные роли государства в экономике. Конституционные основы экономической политики регулируют, каким образом государство может влиять на экономический рост, например, за счет своих функций по поддержке инфраструктуры, созданию благоприятных условий для предпринимательства, контролю над ценами и т.д. [1, с. 48]

3. Права и обязанности граждан и организаций в экономической сфере. Конституционные основы также определяют права и обязанности граждан и организаций в экономической сфере, обеспечивая защиту экономических интересов граждан и бизнеса в рамках правовой системы.

4. Организация законодательной и исполнительной власти в экономической сфере. Конституционный фундамент экономической политики определяет, каким образом должен быть организован законодательный и исполнительный органы власти, включая функции федеральных, региональных, муниципальных органов управления экономикой.

В целом, изучение конституционных основ экономической политики позволяет понимать, каким образом государство, бизнес и гражданское общество должны работать вместе, чтобы обеспечить экономический рост, стабильность и устойчивость.

Конституционные основы экономической политики – это нормы и принципы, заложенные в конституционном законодательстве, которые определяют правовые и институциональные рамки, регулирующие управление экономикой государства. Эти основы включают в себя положения, предписывающие правительству определенные обязанности и устанавливающие права граждан и бизнеса в сфере экономики.

Основная цель конституционных основ экономической политики заключается в обеспечении устойчивого, стабильного и наиболее эффективного функционирования экономики государства для удовлетворения потребностей и интересов населения.

Конституционные основы экономической политики включают в себя следующие аспекты:

1. Цели экономической политики, определяемые Конституцией. К примеру, Конституция может определять цели экономической политики, такие как обеспечение национальной безопасности, стабильности на рынке, поддержки инноваций и технологического прогресса, развития конкуренции. Так, в соответствии со ст. 8 Конституции России, в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности. В Российской Федерации также признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

2. Роль государства в экономике. Конституционные основы определяют функции государства в экономике, такие как регулирование экономики, поддержка малого и среднего бизнеса, обеспечение инфраструктуры и защита прав собственности. Они также обеспечивают правовые гарантии для участников экономики, такие как гарантии свободы конкуренции, защита прав собственности и т. д.

3. Права и обязанности участников экономики. Конституционные основы определяют права и обязанности граждан и бизнеса в сфере экономики, включая условия труда, свободу предпринимательства, права потребителей и продавцов, правовую защиту бизнеса и т.д. Статья 34 Конституции устанавливает права и свободы, связанные с осуществлением экономической деятельности, включая права на предпринимательство, запрет монополистической деятельности и т. д. Конституция также определяет обязательства граждан и организаций в экономической сфере.

4. Организация законодательной и исполнительной власти в экономической сфере. Конституционные основы определяют организацию законодательной и исполнительной власти в экономической сфере, включая функции федеральных, региональных и муниципальных органов управления экономикой. В России федеральной властью определяются конституционные принципы федерализма (статья 5 Конституции РФ), которые определяют порядок регулирования отношений между федеральным и региональным уровнями [2, с. 44].

Отсутствие нормативного закрепления понятия «единое экономическое пространство», не относит его к числу ясных правовых. Оно выражается в стремлении народа видеть территорию России как своеобразный общий рынок с едиными правилами игры.

В преамбуле Конституции провозглашается необходимость «сохранения исторически сложившегося государственного единства», которое обеспечивается единством власти, территории и закона.

Объединение интересов производителей и собственников, направленное на реализацию их хозяйственных интересов, составляет основу функционирования единого экономического пространства. Указанная интеграция возможна только в условиях свободного движения товаров, денежных средств, рабочей силы и информации, что и гарантируется следующими положениями Конституции:

- на территории Российской Федерации не допускается установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств. Ограничения могут вводиться в соответствии с федеральным законом (статья 74)
- правило о единой денежной единице, осуществлении денежной эмиссии исключительно Центральным банком Российской Федерации (статья 75);

- общие принципы налогообложения и сборов в Российской Федерации устанавливаются федеральным законом (часть 3 статьи 75).

Направления конституционных основ экономической политики включают следующие задачи:

- развитие конкурентной экономики – конституционные основы экономической политики поощряют развитие конкурентной экономики и запрещают монополистические практики;
- формирование открытых рынков – в соответствии с Конституцией, экономическая политика Российской Федерации должна основываться на защите прав собственности, поощрение предпринимательской инициативы и развития открытых рынков;
- обеспечение устойчивого развития экономики – конституционные основы экономической политики подразумевают обеспечение устойчивого развития экономики, в рамках которого, преодолеваются узкие специализации в ресурсной выдержке;
- гарантированность социально-ориентированной экономической политики – в рамках конституционных основ экономической политики, приоритет ставится на социально-ориентированную экономическую политику и справедливое распределение доходов;
- обеспечение экономической безопасности России – нормы конституционного права предусматривают создание необходимой базы для экономической безопасности России путем расширения рынков продуктов, мер по защите экономических интересов страны и т. д.;
- внедрение инновационной экономики – необходимо планомерное развитие инновационной экономики, включая проведение научных и технических исследований, разработку новых технологий, подготовку квалифицированных кадров и другие меры;
- модернизация экономики на основе использования природных ресурсов – важно развитие экономики на основе использования природных ресурсов, включая развитие нефтегазовой промышленности, разработку зон концентрации предпринимательства в природно-ресурсообеспеченных регионах и т. д. [4, с. 533]

Однако существует ряд рисков, которые могут ослабить конституционные основы экономической политики России и отрицательно повлиять на экономическое развитие страны. Ниже перечислены некоторые из главных рисков:

1. Низкая эффективность государственного управления экономикой. Российское государство, как и во многих других странах, играет важную роль в регулировании экономики. Однако, в России по-прежнему присутствует «потерянное десятилетие» в реформах, результатом чего является слабый рынок и медленное развитие.
2. Высокая степень загрязнения окружающей среды. Россия является одной из крупнейших стран в мире по государственному загрязнению, что приводит к затруднению в реализации экологических реформ и повышению экономической эффективности.
3. Ограничения на международной арене. Россия будет продолжать сталкиваться с ограничениями на международной арене, в том числе в виде санкций, которые могут снизить экономическую активность и снизить потенциал конкурентоспособности.

Несмотря на эти риски, Россия также имеет некоторые перспективы, которые могут обеспечить долгосрочное устойчивое развитие экономики:

1. Новые технологии и инновации. Россия обладает значительным потенциалом для перехода к цифровой экономике и развития новых технологий, что может стать ключевым фактором для повышения эффективности и конкурентоспособности экономики страны на международной арене.
2. Широкий доступ к ресурсам и наличие крупных компаний во многих отраслях. Россия имеет значительные запасы значимых ресурсов и огромный рынок покупателей, что может обеспечить устойчивый рост экономики при развитии диверсификации экономики.
3. Новые международные отношения. Новые формы сотрудничества с международным сообществом, соглашения о свободной торговле и сотрудничество с другими странами в рамках малоэнергетических экспортных товаров могут способствовать росту экономики России.

Таким образом, конституционные основы экономической политики являются важной основой для формирования национальной экономической стратегии и ее долгосрочного развития и представляют собой структуру, которая ограничивает экономические действия государства и бизнеса, описывают рамки для регулирования экономики, а также гарантируют права граждан и участников экономической жизни.

Конституционные основы экономической политики в России — это нормативно-правовые акты, определяющие принципы, цели, задачи, механизмы и формы регулирования экономической деятельности в границах Российской Федерации.

Библиографический список

1. Болдырев О.Ю. Конституционно-правовые аспекты экономической политики государства. // Новая экономическая политика для России и мира. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции. XXVII Кондратьевские чтения. под редакцией В.М. Бондаренко. 2019. С. 46–52.
2. Болдырев О.Ю. Конституционные основы макроэкономической политики в контексте обеспечения экономической безопасности государства // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 2019. С. 42–46.
3. Конституционное законодательство России / Г. А. Гаджиев, В. П. Кашепов, Н. М. Колосова и др.; Под общ. ред. Ю. А. Тихомирова; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М., 1999. С. 331.
4. Угольков И.А. Конституционно-правовые основы экономической политики в Российской Федерации // Актуальные проблемы развития экономических, финансовых и кредитных систем. Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Белгород, 2022. С. 532–536.

УДК 342.915

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХОТЫ С СОБАКАМИ ОХОТНИЧЬИХ ПОРОД И ЛОВЧИМИ ПТИЦАМИ

Шустова Е.С., студент 1 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования охоты с собаками охотничьих пород и ловчими птицами, проблемы и пробелы в законодательстве, а также рассматривается соотношение позиции законодателя с возможностью практического применения норм, регулирующих данные способы охоты.

Ключевые слова: охота, собаки охотничьих пород, ловчие птицы, правовое регулирование охоты.

LEGAL REGULATION OF HUNTING WITH HUNTING DOGS AND BIRDS OF HUNTING

Shustova E.S., 1st year student of the Master's program of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd

Abstract. The article discusses the features of the legal regulation of hunting with hunting dogs and birds of prey, problems and gaps in the legislation, and also examines the relationship between the legislator's position and the possibility of practical application of the rules governing these methods of hunting.

Keywords: hunting, dogs of hunting breeds, birds of prey, legal regulation of hunting.

В Российской Федерации основным нормативным актом, посредством которого осуществляется правовое регулирование охоты, является Федеральный закон от 24.07.2009 N 209-ФЗ в редакции от 06.02.2023 «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В статье 1 рассматриваемого нами нормативно-правового акта, содержится следующие определения охоты, как вида деятельности: «охота - деятельность, связанная с поиском, выслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой» [1].

Существует множество способов осуществления данной деятельности, к которым, указанный нами закон, относит и те методы, и приемы, которые применяются при осуществлении охоты с охотничьими собаками и ловчими птицами.

Более подробно и полно регулирование добычи охотничьих ресурсов осуществляется Правилами Охоты, которые были утверждены приказом Минприроды России в 2020м году [2]. До 2020 года действовали Типовые правила охоты, действовавшие еще с семидесятых годов прошлого века [3].

Охота с применением охотничьих собак и ловчих птиц имеет свою специфику, что, с нашей точки зрения, должно быть отражено на законодательном уровне. Правилами Охоты устанавливаются требования к осуществлению охоты данным способом, частично отражающие специфику применения в охоте собак и ловчих птиц, а также особенности содержания последних. При этом, указывается, что основанием для осуществления охоты рассматриваемым нами способом, являются те же документы, что и при охоте иными способами, указанные в пункте 5.2. Правил Охоты, а именно: охотничий билет, разрешение на хранение и ношение охотничьего оружия, а также разрешение на добычу охотничьих ресурсов. Особенностью регулирования для осуществления охоты с ловчими птицами, является наличие разрешения на их содержание и разведение в полувольных условиях или искусственно созданной среде обитания [2]. Более ловчие птицы не упоминаются в данном нормативном акте.

Ситуация с регулированием охоты с охотничьими собаками является еще более неоднозначной. В силу того, что в Правилах, как и в 209-ФЗ, неоднократно упоминаются собаки охотничьих пород, следует более подробно рассмотреть, какие именно собаки относятся к данной категории. Необходимость обусловлена тем, что только две группы пород, относящихся к охотничьим, упоминаются в данном нормативно-правовом акте, а именно, островные и континентальные легавые и спаниели. Четкого перечня пород, относящихся к охотничьим, на законодательном уровне не представлено. Не указаны документы, которые должны находиться у владельца собаки, при осуществлении с ней охоты, которые подтверждали бы ее отношение к «собакам охотничьих пород». Следует также отметить, что нет установленного на законодательном уровне образца таких документов, подтверждающих происхождение собаки.

Проблема заключается в том, что при получении путевки в зону нагонки и натаски, от охотника требуют предоставление документа на охотничью собаку, который бы подтверждал ее возраст и происхождение, что отражено в пункте 60 рассматриваемых нами Правил.

В Российской Федерации существует несколько кинологовических ассоциаций, каждая из которых выдает документы о происхождении собаки своего образца, в частности документы Российской Кинологической Федерации (РКФ) радикальным образом отличаются от документов, выдаваемых Росохотрыболовсоюзом (РОРС). Непосредственно кинологией в области охотничьего собаководства занимается именно РОРС, опираясь, на нормативную базу которого можно выделить следующие группы охотничьих пород: лайки, гончие, легавые, спаниели, ретриверы, норные и борзые [4]. Не стоит забывать, что к охоте приравнивается нахождение в охотничьих угодьях с собакой охотничьих пород, не находящейся на привязи. При этом, существенная часть пород собак, относящихся к охотничьим, не применяется в охоте уже много лет и большая редкость встретить охотничьего бигля, кокер-спаниеля, или, в последнее время, даже таксу. Стоит также отметить, что в разных регионах России осуществляют охоту с разными собаками. Так, в Волго-

градской области нет ни одного ретривера или кокер-спаниеля, с которым бы ходили на охоту, но такие есть в Астраханской области. Похожая ситуация с биглями, во всей Волгоградской области на охоту ходит только один бигль, который охотится в паре с лайкой, в ближайших областях же охотничьих биглей нет вообще. При этом, бигль – относится к гончим, которые вообще не упоминаются законодателем.

Мы можем исходить из нормативной базы РОРСа, который занимается непосредственно охотничьим собаководством, но РОРС признает не все охотничьи породы. К примеру, Бракко Итальяно, признанный РКФ и FCI (международная кинологическая организация), относится к легавым и является охотничьей собакой, чего РОРС не признает, что порождает коллизию локальных нормативных актов двух организаций, и приводит нас к тому, что необходим перечень охотничьих пород, установленный на законодательном уровне.

Также необходимо установить единый образец документов на собак охотничьих пород, в которых должна быть предусмотрена отметка о том, используется ли эта собака в охоте или же нет. Эта необходимость обусловлена тем, что многие владельцы заводят собаку «для души» или потому что она «красивая», не применяя ее охотничьи инстинкты по назначению. Но они могут пойти погулять с такой собакой в лес, в степь и так далее, которые относятся к охотничьим угодым, а нахождение с собакой в охотничьих угодах даже без ружья приравнивается к охоте. Но поскольку путевки или разрешения на добычу охотничьих ресурсов у них нет, то нарушается законодательство Российской Федерации в области регулирования охоты и такое лицо подлежит административной ответственности.

На настоящий момент на рассмотрении и общественном обсуждении находится проект приказа Минприроды, который вносит изменения в Правила Охоты [5]. Данный проект предлагает внести изменения в пункт 55 Правил, в котором сейчас упоминается только охота с легавыми и спаниелями. Изменения имеют следующий характер: охота на глухарей, тетеревов, фазанов, водоплавающую дичь допускается с лайками и норными, имеющими справку или свидетельство о происхождении, в проекте непосредственно указывается: «справка о происхождении охотничьей собаки или свидетельство на охотничью собаку». Данные документы предусмотрены деятельностью Россохотрыболовсоюза и выдаются владельцу собаки в соответствии с правилами племенной работы данной организации. Подобная формулировка также предлагается в отношении осуществления охоты на зайца, дикого кролика и лисицу, но уже в отношении «собак охотничьих пород», а не конкретных групп пород.

Несомненно, данный Проект внесет существенные положительные изменения в Правила Охоты, более конкретизируя отдельные аспекты правового регулирования охоты с собаками охотничьих пород, чего нельзя сказать о ловчих птицах, поскольку полного перечня видов, относящихся к последним на законодательном уровне, не существует вовсе, и этот вопрос регулируется в большей степени обычаем. Также, можно сделать вывод о том, что законодатель принимает позицию РОРСа в аспекте перечня пород, относящихся к охотничьим, поскольку использует терминологию и документацию непосредственно этой организации. И, в таком случае, возникает вопрос о том, что делать с породами, которые РОРС не признает, а, следовательно, и не выдает справки и свидетельства о происхождении собаки.

По нашему мнению, указанный проект Приказа требует доработки, поскольку не разрешает всех вопросов, которые могут возникнуть на практике. В частности, не упоминается несколько групп охотничьих пород, а также не урегулирован вопрос, что делать с собаками, которые для охоты не используются.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24.07.2009 N 209-ФЗ в редакции от 06.02.2023 «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – доступ из СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89923/08fc56bd86e19a3adf05254e1449e3ae4694df32/ - дата обращения: 10.04.2023.
2. Российская федерация. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Об утверждении Правил охоты : приказ МПР России от 24 июля 2020 года № 477 : с изменениями на 01 марта 2023 года / Российская федерация. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. // Текст : электронный. – доступ из СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361066/78a0a2aeb15bf4f1d73e3bce18cef0e2cc1671d3/#dst100021 - дата обращения: 10.04.2023.
3. Главное управление Охотничьего хозяйства и заповедников при Совете министров РСФСР. Об утверждении Типовых правил охоты в РСФСР : Приказ от 1 марта 1974 года №66 // Текст : электронный. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/9042844> - дата обращения: 10.04.2023.
4. Стандарты пород охотничьих собак. Утверждено постановлением Центрального правления Россохотрыболовсоюза № 81 от «11» декабря 2019 г. С изменениями и дополнениями, принятыми постановлением Центрального правления Россохотрыболовсоюза № 128 от «21» сентября 2021 г. // Текст : электронный. - URL: https://rosos.ru/zadmin_data/file.attach/1606.pdf - дата обращения: 10.04.2023.
5. Российская федерация. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Проект приказа. О внесении изменений в Правила охоты, утвержденные приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 24 июля 2020 г. № 477. Подготовлен Минприроды России 14.03.2023 // Текст : электронный. – доступ из СПС Гарант - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56851832/> - дата обращения: 10.04.2023.

Секция 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Руководитель секции: Миронова С.М., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового и предпринимательского права

УДК 346.26

ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Алиева А.Э., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиала РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Литвиненко З.Г., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиала РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем деятельности индивидуальных предпринимателей в волгоградской области. Автором выявлены проблемы, а также предложены пути решения данных проблем с приведением примеров решений. Исследованы статистические данные.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, предпринимательская деятельность, проблемы деятельности.

PROBLEMS OF ACTIVITY OF INDIVIDUAL ENTREPRENEURS IN THE VOLGOGRAD REGION

Alieva A.E., 1st year undergraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Litvinenko Z.G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of the activities of individual entrepreneurs in the Volgograd region. The author identified problems, and also proposed ways to solve these problems with the ghost of examples of solutions. Statistical data have been researched.

Keywords: individual entrepreneur, entrepreneurial activity, activity problems.

Деятельность индивидуальных предпринимателей в России играет большую роль в развитии экономики страны в целом, но также немаловажным является ее влияние на экономику региона. Индивидуальные предприниматели уплачивают налоги, тем самым пополняя бюджета не только Волгограда, но и Российской Федерации, создают рабочие места, что приводит к снижению безработицы.

Предпринимательская деятельность граждан регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами, например, Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», который регулирует порядок регистрации граждан, решивших заняться предпринимательской деятельностью.

По данным выборочного статистического наблюдения по форме № 1-ИП (годовая) «Основные показатели деятельности индивидуальных предпринимателей». Сведения сформированы в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЭС Ред. 2). (см. Таблица) больше всего действующих индивидуальных предпринимателей работают в сфере торговли оптовой и розничной, в сфере ремонта автотранспортных средств и мотоциклов – 13 221, что составляет 1/3 действующих индивидуальных предпринимателей (32 866). Объем выручки составил 136 935,8, что составляет более 50% объема выручки за 2021 г.

Таблица 1

Основные показатели деятельности индивидуальных предпринимателей по видам экономической деятельности в 2021 г.

	Численность занятых в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности, человек	Численность наёмных работников, занятых в сфере индивидуального предпринимательства, человек	Численность фактически действующих индивидуальных предпринимателей, человек	Объем выручки (с учетом налогов и аналогичных обязательных платежей) от продажи товаров, продукции, работ, услуг по всем видам деятельности, млн. рублей
Всего	96 130	41 869	32 866	250 438,9
из них:				
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	13 016	7 643	2 883	31 455,6
обрабатывающие производства	4 164	1 972	998	8 130,4
строительство	5 643	2 043	1 695	7 957,9
торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	35 084	16 223	13 221	136 935,8
транспортировка и хранение	11 086	3 255	4 867	12 742,3
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	5 662	3 630	982	9 281,9
предоставление прочих видов услуг	4 704	1 635	1 977	3 230,5

Но, как и в любом другом регионе, в Волгоградской области существуют проблемы предпринимательства, что снижает количество предпринимателей и уменьшает желание людей заниматься собственным делом. Некоторые из них:

1. Высокая налоговая нагрузка. Предприниматели часто жалуются на высокие налоги и сборы, которые существенно уменьшают прибыль.
2. Недостаток квалифицированных кадров. В регионе не хватает специалистов в различных областях, что затрудняет развитие многих предприятий.
3. Сложности с получением кредитов. Многие банки не готовы выдавать кредиты предпринимателям из-за высокого риска.
4. Неэффективная инфраструктура. В ряде районов области отсутствуют достаточно развитые дорожные сети, транспортная логистика и другие элементы инфраструктуры, что создает проблемы для бизнеса.
5. Бюрократические препятствия. Предприниматели часто сталкиваются с большим количеством различных разрешений и документов, которые нужно получить, чтобы начать свой бизнес, что затрудняет их работу и замедляет развитие.
6. Низкая доступность инновационных технологий. В регионе не всегда есть возможность использовать новые технологии и инновации, что ограничивает конкурентоспособность предприятий.
7. Незрелость малого и среднего бизнеса. В волгоградской области малый и средний бизнес не всегда получает достаточную поддержку и стимулы для развития, что может приводить к уменьшению числа предприятий и рабочих мест.
8. Недостаточная поддержка со стороны властей. Предприниматели часто жалуются на отсутствие эффективных программ поддержки и стимулирования бизнеса со стороны государства и местных властей.
9. Низкий уровень конкуренции. В некоторых отраслях региона наблюдается низкий уровень конкуренции, что может приводить к монополизации рынка и ограничению выбора для потребителей.
10. Неблагоприятный бизнес-климат. Некоторые предприниматели считают, что в Волгоградской области не всегда создаются условия для развития бизнеса, что затрудняет их работу и инвестирование в регион.

Мы считаем, что чем более развита деятельность индивидуальных предпринимателей, тем лучше устроен регион, поэтому предлагаем некоторые пути решения:

1. Развивать инновационную инфраструктуру и создавать условия для применения новых технологий. Для этого существуют ярмарки, где желающие могут ознакомиться с новыми идеями ведения бизнеса, к примеру, выставки в ЦВК «Экспоцентр», такие как «Современное хлебопечение», «Нефтегаз», «Связь», «Электро».
2. Поддерживать и стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, например, через программы льготного кредитования, налоговые послабления и другие меры. Государство должно чаще устраивать «налоговые каникулы» и «кредитные каникулы».
3. Создавать эффективные программы поддержки и стимулирования бизнеса со стороны государства и местных властей.
4. Повышать уровень конкуренции в отраслях региона, например, через создание более благоприятной среды для новых субъектов на рынке.
5. Улучшать бизнес-климат в регионе, создавать условия для развития бизнеса и инвестирования в регион, например, через упрощение процедур регистрации предприятий и получения разрешительной документации.
6. Обеспечивать доступность квалифицированного персонала для развития бизнеса в регионе, через программы обучения и переподготовки кадров.
7. Содействовать развитию научно-исследовательской деятельности и технологических инноваций в регионе.
8. Привлекать инвестиции в регион, например, через проведение мероприятий и форумов для инвесторов.
9. Развивать туризм и другие отрасли экономики, которые могут привлечь новые инвестиции и создать новые рабочие места в регионе, как например, в 2022–2023 гг. стало с Республикой Дагестан. Благодаря развития туризма в данном регион, стали открываться разные предприятия, возрос интерес населения к предпринимательству с целью получения прибыли.

10. Проводить мероприятия с целью информирования граждан, например, путем бесплатных вебинаров, где опытные спикеры будут рассказывать все плюсы и минусы предпринимательства: как открыть и зарегистрировать ИП, целесообразно ли открывать ИП или можно зарегистрироваться в качестве «самозанятого»; проводить уроки по повышению прибыли для уже действующих индивидуальных предпринимателей.

Как мы видим огромную роль в уменьшении проблем для индивидуальных предпринимателей играет государство, в виде налоговых органов, различных служб, центров, с помощью национальных проектов и т.д.

Но при этом нельзя забывать, что одним из главных признаков предпринимательской деятельности является – риск. То есть регистрируясь, предприниматель должен самостоятельно понимать, что для увеличения прибыли и привлечения новых клиентов нужно действовать более инновационно и предлагать такие условия, которых еще нет или мало на рынке услуг и товаров. Нельзя всегда надеяться на «кредитные» или «налоговые каникулы».

Библиографический список

1. Волгоградстат. Основные показатели деятельности индивидуальных предпринимателей по видам экономической деятельности в 2021 г. URL: [https://34.rostat.gov.ru/storage/mediabank/index\(11\).html](https://34.rostat.gov.ru/storage/mediabank/index(11).html) (дата обращения: 10.05.2023).

2. Гребенкина, В.В. Проблемы и перспективы деятельности индивидуальных предприятий Волгоградской области / В. В. Гребенкина // Экономика, управление, право: актуальные вопросы и векторы развития: сборник статей II международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 02 февраля 2020 г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская Ирина Игоревна), 2020. С. 43–48.

3. Министр туризма и НХП Дагестана выступил на сессии по развитию туризма в СКФО в Минеральных Водах. URL: https://riadagestan.ru/news/society/ministr_turizma_i_nkhp_dagestana_vystupil_na_sessii_po_razvitiyu_turizma_v_ssko_v_mineralnykh_vodakh/ (дата обращения: 10.05.2023).

4. Идеи для малого бизнеса. URL: <https://www.expoentr.ru/articles-of-exhibitions/17021/>. (дата обращения: 10.05.2023).

УДК 336.22

СХЕМЫ УХОДА ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ ПРИ УПЛАТЕ НДС

**Аникеев С.С., магистрант 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Миронова С.М., доктор юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград**

Аннотация. Статья посвящена проблеме создания плательщиками НДС способов ухода от уплаты законно установленного налога для повышения общей суммы своих доходов. Автор рассмотрены основные предпосылки возникновения необходимости у налогоплательщиков оптимизации своих расходов путем уклонения от уплаты НДС. Кроме того, рассмотрены пробелы законодательства, позволяющие реализовать данные схемы ухода от уплаты налогов, и международный опыт выявления подобных способов оптимизации доходов.

Ключевые слова: налог, налоговое законодательство, НДС, уклонение от уплаты налогов, схемы уклонения, законодательное регулирование, международный опыт.

TAX EVOIDANCE SCHEMES FOR VAT PAYMENT

**Anikeev S.S., 2nd year undergraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific director: Mironova S.M., Doctor of Law, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd**

Abstract. The article is devoted to the problem of creating ways for VAT payers to avoid paying legally established tax in order to increase the total amount of their income. The author considers the main prerequisites for the need for taxpayers to optimize their expenses by avoiding VAT. In addition, gaps in legislation are considered that allow the implementation of these tax evasion schemes, and international experience in identifying such ways to optimize income.

Keywords: tax, tax legislation, VAT, tax evasion, evasion schemes, legislative regulation, international experience.

Основные предпосылки ухода от уплаты налогов, которые становятся предметом юридических дискуссий, кроются в экономических мотивах участников гражданского оборота. Так, целью любого предпринимателя является максимизация прибыли своего предприятия. Поскольку на прибыль зависит не только от размера доходов от деятельности предпринимателя, но и от тех расходов, которые он несёт, усилия предпринимателей оказываются направленными не только на увеличение доходов, но и снижение расходов. При этом налоги составляют значительную часть расходов. Но поскольку прямая неуплата налогов является правонарушением, которое в зависимости от размера неуплаченных налогов может признаваться преступлением, на практике появляются схемы, которые формально соответствуют налоговому законодательству и в то же время позволяют оптимизировать налоговую нагрузку на предпринимательский бюджет. Поэтому одной из основных задач налоговых органов является идентификация таких схем и привлечение к ответственности таких налогоплательщиков.

Как отмечено в Гражданском кодексе Российской Федерации, предпринимательская деятельность заключается в пользовании имуществом, продаже товаров, выполнении работ или оказании субъектом предпринимательства услуг, а основной целью предпринимательской деятельности является получение прибыли [5]. Получение прибыли подразумевается, что предприниматель, во-первых, компенсирует понесённые расходы для подготовки товаров, но также и складывает с себестоимостью товаров добавленную стоимость. Это разделение обуславливает разницу между налогом на прибыль организаций (НПО) и налогом на добавленную стоимость (НДС).

Налог на добавленную стоимость, таким образом, является косвенным налогом. Он включается в стоимость товара, и фактически уплачивает стоимость этого налога конечный покупатель, хотя таковые и не перечисляются в качестве налогоплательщиков в статье 143 НК РФ. Но часто, прежде чем товар становится доступен розничному потребителю, товар проходит много стадий: изготовления, доставки, перепродажи, которые также осуществляются предпринимателями, добавляющими стоимость к тому товару, который они сбывают. Поэтому в цепочке уплаты НДС становятся задействованными не только розничные потребители, но и профессиональные предприниматели. И если потребители не могут избежать уплаты цены налога при потреблении товаров (работ и услуг), то для предпринимателей по вышеуказанным обстоятельствам становится актуальным для снижения расходов создание схем ухода от уплаты НДС.

Описание схемы ухода от уплаты НДС предполагает системное описание правовых норм, регулирующих рассматриваемые отношения. Поэтому для характеристики причин, которые позволяют выстраивать системный уход от уплаты НДС, также следует использовать системный подход, предполагающий обращение к тексту налогового законодательства, а также судебной практике и её обобщениям, составленным налоговыми органами.

Правовому регулированию налога на добавленную стоимость посвящена глава 21 Налогового кодекса Российской Федерации, где конкретизируются элементы НДС, а также право на вычет в соответствии со ст. 170–171 НК РФ [6]. Наибольший интерес в контексте ухода от уплаты налогов представляют специальные нормы, которые устанавливают исключения из общего порядка исчисления и уплаты НДС. Для пояснения того, как указанные исключения позволяют создавать схемы ухода от уплаты налога, обратимся к понятию ухода от уплаты налогов и его месту в системе категорий отечественного законодательства.

Сама категория ухода от уплаты налогов встречается в Письме ФНС России от 31.10.2013 № СА-4-9/19592 «О направлении обзора практики рассмотрения жалоб налогоплательщиков и налоговых споров судами по вопросам необоснованной налоговой выгоды», где перечислены основные схемы от уплаты НДС. Кроме того, её упоминает Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 01.07.2015 № 19-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта 4 пункта 1 статьи 162 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Сони Мобайл Коммонкейшнз Рус». Перечень схем ухода дополняется Письмом ФНС России от 21.08.2015 № АС-4-2/14800@ «О размещении на интернет-сайте нового способа ведения финансово-хозяйственной деятельности с высоким налоговым риском».

Категория ухода от уплаты налогов не находит легального определения ни в федеральных законах, ни в одном из приведённых актов. Однако по смыслу данных актов, а также опираясь на анализ литературы, посвящённой уходу от уплаты налогов, мы можем привести ряд её устойчивых признаков. Во-первых, с долей условности авторы сходятся на том, что уход от уплаты налога является законной деятельностью. Примечательна, например, точка зрения, выраженная Карасевой М.В., на уход от уплаты налога как на злоупотребление правом [13].

Исследователи указывают, что для обоснования квалификации ухода от уплаты налога как налогового правонарушения, они прибегают к категории злоупотребления права, установленной в ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако конструкция гражданского злоупотребления правом адаптируется под налоговые правоотношения с помощью категорий, установленных Верховным судом Российской Федерации. В частности, в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – Постановление Пленума ВАС РФ) от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» для обозначения злоупотребления правом вводится понятие «необоснованной налоговой выгоды», а для её квалификации вводятся такие категории как «действительный экономический смысл операции» или «деловая цель». Последние используются при оценке налоговой выгоды как обоснованной или необоснованной [12].

Гипотеза об уходе от уплаты налогов как злоупотреблении правом подтверждается при попытке её верификации. Это подтверждается хотя бы от обратного: если бы уход от уплаты налогов был явным правонарушением, не было бы смысла для налогоплательщиков выстраивать схемы ухода от уплаты, а для налогового органа не было бы смысла выявлять многообразие этих схем. Поэтому, признаком ухода от уплаты НДС является формальное соответствие таких действий требованиям налогового законодательства. В связи с этим возникает вопрос об основаниях считать его налоговым правонарушением. Полагаем, в данном случае критерием для квалификации правонарушения становится умысел. Перечисленные в указанном Постановлении Пленума ВАС РФ признаки действительного экономического смысла и деловой цели так или иначе отсылают к умыслу как определяющим моментам для квалификации ухода от уплаты налогов как правонарушения.

С 2017 года в Налоговый кодекс РФ была введена статья 54.1. В ней частично установлен состав юридических фактов, который был описан в Постановлении Пленума ВАС РФ. В частности, пункт первый приведённой статьи устанавливает запрет на произвольное уменьшение налоговой базы. Субъективная сторона в виде сформулированного критерия деловой цели отражена в пункте 2 статьи 54.1 НК РФ. Так, основной целью совершения сделки, по которой налогоплательщик снижает налоговую базу, не должна являться неуплата, неполная уплата, возврат или зачет суммы налога. Также второй пункт устанавливает, что обязательство по такой сделке исполнено стороной договора, заключённого с налогоплательщиком, или лицом, которому переданы её права. Эта особенность статьи 54.1 НК РФ, как отмечают в литературе по налоговому праву, не позволяет охватить всех схем ухода от уплаты налогов. Так, статья 54.1 НК РФ не предусматривает для налогоплательщиков негативных последствий за неправомерные действия контрагентов второго, третьего и последующих звеньев в цепи движения денежных средств [14]. К аналогичному выводу приходят и налоговые органы в Письме ФНС России от 16.08.2017 N СА-4-7/16152@ [10].

В Письме ФНС России от 31.10.2013 № СА-4-9/19592 перечислено 5 основных схем, используемых налогоплательщиками для снижения налогового бремени. Условно можно разделить эти схемы на две группы. В первой группе основной нормой, которую пытаются обойти налогоплательщики, является норма о налоговом вычете, которую мы

упоминали выше (170-171 НК РФ). К таким относятся схемы увеличения стоимости товаров для завышения сумм налоговых вычетов, а также использование организаций, не осуществляющих реальной хозяйственной деятельности для завышения сумм вычета [8].

Схемы, объединённые в другую группу, основаны на обходе специальных норм и изъятий из общего порядка, которые освобождают от обязанности уплаты НДС или же предоставляют льготы по нему. Среди таких схем: дробление бизнеса для применения специальных режимов налогообложения, совершение хозяйственных операций, не имеющих деловой цели, кроме получения необоснованной налоговой выгоды. Также в документе упомянута схема использования «подконтрольных» для минимизации единого социального налога, но, поскольку глава 24 НК РФ, устанавливающая её, утратила силу, то представляется неактуальным включение её в общий перечень схем.

Перечень дополняется Письмом ФНС России от 21.08.2015 № АС-4-2/14800@, в котором описаны схемы ухода от уплаты налогов в сфере осуществлении сделок с драгоценными металлами в слитках. Описанная в этом Письме схема находит две формы воплощения на практике. Обе связаны с вовлечением банков в эти схемы и подмену реального покупателя фирмой-однодневкой [7].

Указанные схемы фактически выведены из судебной практики. В связи с этим они обозначены налоговым органом лишь как примерные схемы. Эта приблизительность отражается также в Письме ФНС 2013 года, где указывается, что вопрос о достаточности собранных доказательств для квалификации ухода от уплаты налогов при проведении проверок, досудебном и судебном урегулировании спора остаётся актуальным. Из этого следует, что несмотря на существование описания схем, вопрос квалификации становится в каждом случае выявления схемы индивидуально.

Исследовательский и практический интерес представляет выяснение причин появления схем ухода от уплаты налогов. И в этом аспекте нам представляется, что перечисленные схемы не имеют единого источника, из которого они проистекают, а возникают, скорее по нескольким причинам различного происхождения. Хотя одной из преобладающих причин является задействование хозяйствующими субъектами неформальных практик, которые занимают промежуточное положение между правомерным и неправомысленным поведением [4]. В частности, одна из схем базируется на «теневой» практике дробления бизнеса. Подробно останавливаться на описании этого обширного неформального института представляется нам нецелесообразным. Однако отметим, что дробление бизнеса в практике налоговых органов также вызывает множество вопросов по той причине, что фактически такая практика осуществляется, а надлежащей регламентации в отечественном законодательстве не производится.

Ещё одним примером неформальных практик, задействованных в нескольких схемах ухода от уплаты НДС является использование юридических лиц-однодневок. Определение такого субъекта также не приводится в законодательстве. Оно устанавливается письмом ФНС РФ [9]. В общем смысле под фирмой-однодневкой понимается юридическое лицо, не обладающее самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности. Способ использования юридических лиц-однодневок состоит в том, что такое юридическое лицо включается в цепочку хозяйственных связей. В частности, такие фирмы-однодневки используются и в схеме дробления бизнеса, и в схеме ухода от НДС при займе драгоценных металлов.

Таким образом, неформальные практики как использование фирм-однодневок или дробление бизнеса становятся универсальными инструментами для налогоплательщиков в вопросах ухода от уплаты НДС. А сама схема воспроизводится следующим образом: универсальная неформальная практика (вроде дробления или регистрации однодневок) адаптируется под конкретные финансово-хозяйственные условия деятельности налогоплательщика и используется для получения налоговой выгоды. Представленная объяснительная модель подходит, в большей степени, для схем, нацеленных на обход общего порядка начисления и взимания налогов. Первая же группа схем ухода от уплаты НДС представляется нам в большей степени подходящей под квалификацию как прямого правонарушения. Примерами таких схем являются ситуации, где налогоплательщик искусственно завышает цену товара или передаёт заёмные ценные бумаги с целью имитации их движения [11].

Трудность выстраивания стратегий противодействия и профилактики ухода от уплаты НДС состоит в выборе сообразной цели. В связи с тем, что основной причиной ухода от уплаты налогов оказывается задействование налогоплательщиками неформальных практик, представляется некорректным обращение для их исправления, например, к законодательным инструментам. Такие могут решить проблемы технико-юридического уровня, однако, когда юридическая практика находит своё отражение в законодательстве лишь частично, законодательные изменения представляются безрезультатными. Для поиска альтернатив решения этого вопроса, обратимся к зарубежной практике ухода от уплаты НДС и его профилактики.

В юридической литературе за рубежом (преимущественно в юрисдикции Евросоюза) уход от уплаты НДС обозначается понятием «value added tax avoidance» или «VAT avoidance» [3]. Часто в публикациях встречаются такие понятия как «VAT Fraud» и «VAT Evasion» [2]. Однако если «avoidance» и «evasion» более близки по смыслу уходу от уплаты как злоупотреблению правом, то уже «fraud», переводимое как «мошенничество» ближе по смыслу к налоговым преступлениям, которые в российском праве охватываются действием норм уголовного законодательства (ст. 199-199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В иностранной литературе также перечислены формы, в которых осуществляется уход от уплаты налогов. К таким относятся: заниженные показатели продаж (underreported sales), отказ в регистрации (failure to registration), некорректная классификация товаров (misclassification of commodities), исключение из учёта операций в свою пользу (omission of self-deliveries), аккумулятивное, но не перечисление налога (tax collected but not remitted), заявление на вычет расходов, которые не облагаются НДС (credit claimed for VAT on purchases that are not creditable), некорректная дифференциация ставок, занижение налоговой ставки (rate differentiation, level of VAT rates), льготы для субъектов малого бизнеса (simplified and lump-sum schemes), махинации со сроками уплаты и вычета по НДС (timing of payments and refunds) и некоторые прочие [2]. Достаточно многие имеют свою специфику, связанную с налоговым правом зарубежных юрисдикций. Однако в приведённом перечне мы также видим и сходства со схемами в российской практике. Среди сходств мы наблюдаем дробление бизнеса с последующим использованием льгот малого бизнеса, завышение ставок для получения вычета, манипуляции с регистрацией юридических лиц (аналогично отечественному использованию фирм-однодневок). Таким образом, мы можем констатировать, что при существовании определённых сходств между практиками ухода в российских реалиях и за рубежом мы можем обратиться также и к поиску решений, которые принимаются за рубежом для сдерживания таких практик.

Примечательен подход Великобритании к правовому регулированию схем ухода. Мы предлагаем обратить внимание на Руководство по раскрытию информации о схемах ухода от уплаты НДС, составленное Налоговой и таможенной службой Её Величества – Disclosure of VAT avoidance schemes (VAT Notice 700/8) (далее – Руководство). В нём предусмотрен механизм уведомления государственного органа в случае использования схем ухода от уплаты. В пункте 4.1 руководства перечислены условия, при которых налогоплательщик должен уведомить налоговый орган. Причём эти условия описаны детально как в отношении налогоплательщиков, в отношении которых действует обязанность уведомления (раздел 3 Руководства), так и в отношении схем, при наличии которых действует соответствующая обязанность (раздел 11 Руководства) [1].

Если попытаться рассмотреть обязанность уведомления об участии в подобных схемах применительно к российским реалиям, то очевидной проблемой покажется не определённость самой категории. Также на практике, вполне возможно, появятся вопросы о разработке форм отчётности, определении круга обязанных субъектов. Однако эти вопросы, как показывает опыт Великобритании, вполне возможно решить на уровне статутного регулирования. Что касается определения категории схем ухода от уплаты налогов, то в Руководстве мы его также находим в п. 7.3. «Схема» в контексте упомянутого Руководства и ухода от уплаты налогов понимается как любое запланированное действие, включающее в себя соглашения, транзакции или серию транзакций. Безусловно, это определение является достаточно обширным по объёму и в некоторой степени оценочным. Вместе с тем, мы считаем, что оно в той или иной степени обозначает границы той категории, которая нуждается в определении на практике. И вокруг этого определения уже может организовываться более детальное правовое регулирование, как это последовало в Великобритании. В российской практике аналогичной видится ситуация введения в судебной практике понятия «деловая цель», которая хотя и не была досконально определена, но стала ориентиром для правоприменения.

Обобщая вышесказанное, считаем необходимым отметить основные выводы, сделанные в ходе исследования схем ухода от уплаты налогов при уплате НДС. Появление схем ухода от уплаты НДС обусловлено мотивацией хозяйствующих субъектов снизить налоговое бремя и получить необоснованную выгоду. Схемы ухода от уплаты НДС не представляются возможным однозначно отнести ни к одной классификации существующих правовых форм. С одной стороны, схемы ухода от уплаты НДС являются не чем иным как формами злоупотребления правом. В данном случае имеется в виду конструкция злоупотребления правом, существующая в налоговом законодательстве, которая выражается через получение налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды. Аргумент в пользу этой стороны состоит в том, что схемы ухода от уплаты НДС основываются на формальном соответствии нормам права. С другой стороны, схемы ухода от уплаты налогов являются составными правонарушения (во всяком случае, объективной их стороной). В пользу этой точки зрения действует аргумент к содержанию данной практики – в её результате образуются недоимки со стороны бюджета в то время как налогоплательщик получает необоснованную выгоду.

Схемы ухода от уплаты НДС в российском праве перечислены в ряде писем ФНС РФ и в судебной практике. Перечень этих схем не является исчерпывающим, а пределы доказывания для квалификации соответствующей схемы должны быть определены в каждом конкретном случае индивидуально. В иностранных юрисдикциях с учётом специфики налогового права в них мы можем наблюдать не существующие в России оригинальные схемы ухода от уплаты НДС. Однако между российским и зарубежными порядками существует сходство в использовании иных неформальных практик для выстраивания таких схем. В качестве решения нами предлагается модель уведомления об участии в такой схеме ухода от уплаты НДС по аналогу регулирования, существующего в Великобритании. Такое новшество в Российской Федерации потребует дополнительных интеллектуальных решений и затрат в связи с разработкой документов и выработкой схемы исполнения этой обязанности уведомления. Поэтому полагаем, что дальнейшее исследование темы в этой части остаётся актуальным.

Библиографический список

1. Disclosure of VAT avoidance schemes (VAT Notice 700/8) // Сайт правительства Великобритании. URL: <https://www.gov.uk/guidance/disclosure-of-vat-avoidance-schemes-vat-notice-7008> (дата обращения 21.03.2023).
2. Keen M., Smith S. VAT Fraud and Evasion: What Do We Know and What Can Be Done? // National Tax Journal. Vol. 59, No. 4. 2006. Pp. 861–887.
3. Schenk A., Thuronyi V. & Cui W. VAT Evasion and Avoidance. In Value Added Tax: A Comparative Approach. 2015. Pp. 311–346.
4. Баранов В.М. Теневое право как антиюридическая жизнь // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 9-21.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации : часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. – № 238-239. 1994.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации : часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
7. Письмо ФНС России от 21.08.2015 № АС-4-2/14800@ «О размещении на интернет-сайте нового способа ведения финансово-хозяйственной деятельности с высоким налоговым риском» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Письмо ФНС России от 31.10.2013 N СА-4-9/19592 «О направлении обзора практики рассмотрения жалоб налогоплательщиков и налоговых споров судами по вопросам необоснованной налоговой выгоды» // Экономика и жизнь. № 46. 2013.
9. Письмо ФНС РФ от 11.02.2010 № 3-7-07/84 «О рассмотрении обращения» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-7/16152@ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31 мая 2016 г. по делу № А40-206055/2015 // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/arbitral/case/ZblauaPKhby/region/GVAbdi53bXL5/> (дата обращения 22.03.2023).
12. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. № 12. 2006.
13. Карасева М.В. Актуальные проблемы налогового права // Сайт журнала «Налоговед». – URL: <https://nalogoved.ru/art/9533.html> (дата обращения 20.05.2023).
14. Щепотьев А.В. Влияние финансового показателя «налоговая нагрузка» на определение налоговых рисков // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2022. № 18. С. 30–41.

ДИСТАНЦИОННАЯ ПРОДАЖА ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ТОВАРОВ ПРИ ПОМОЩИ МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Афанасьев И.С., студент 1 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Голоманчук Э.В., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. При осуществлении коммерческой деятельности предприниматели преследуют цель извлечения прибыли. Таким образом, зачастую они продают товары при помощи маркетплейсов, которые в соответствии с законодательством нельзя продавать дистанционным способом. Именно поэтому важно понимать какие категории товаров могут быть запрещены или ограничены в обороте при дистанционной торговле.

Ключевые слова: маркетплейс, коммерческая деятельность, продажа товаров дистанционным способом, категории товаров, запрет на продажу товаров.

REMOTE SALE OF CERTAIN CATEGORIES OF PRODUCTS USING MARKETPLACES

Afanasiev I.S., 1st year master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Golomanchuk A.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. In carrying out commercial activities, entrepreneurs pursue the goal of making a profit. Thus, they often sell goods through marketplaces, which, in accordance with the law, cannot be sold remotely. That is why it is important to understand which categories of goods may be prohibited or restricted in circulation during distance selling.

Keywords: marketplace, commercial activity, remote sale of goods, categories of goods, ban on the sale of goods.

В современном мире на рынке дистанционной продажи товаров широкую популярность получили маркетплейсы. Поэтому стоит более подробно остановиться на понятийной основе. В законодательстве Российской Федерации нет закреплённого термина «маркетплейс», из-за чего в научной литературе появляются различные мнения. В данной статье мы будем рассматривать определенные интернет-платформы, на которых зарегистрированные предприниматели предлагают свои товары для продажи широкому кругу потребителей. Здесь потребители могут выбрать наиболее подходящий для себя товар из большого ассортимента.

То есть маркетплейс – это определённая электронная витрина, на которой представлено большое количество товаров от разных производителей, которые можно купить сразу или отложить на неопределённое время. Причём удобство такого способа покупки связано с тем, что потребитель может сэкономить своё время и искать необходимый товар, например, дома или в дороге, а также ознакомиться с отзывами других покупателей. Несмотря на это, офлайн-продажи не утрачивают своей значимости, так как многим потребителям важно физически осматривать товар при покупке, примерять его и так далее.

Важным вопросом при использовании маркетплейсов остается то, какие товары допустимо продавать через них, а какие – нет. При создании онлайн-системы продаж необходимо учитывать законодательные ограничения на дистанционную продажу отдельных видов товаров, установленные в Российской Федерации.

Так, на маркетплейсах предпринимателям запрещено осуществлять продажу следующих видов товаров:

1. Алкогольная продукция (Федеральный закон от 22.11.1995 N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» ст. 26) [1];
2. Лекарственные средства (Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» ст. 55) [2];
3. Табачная продукция и изделия (Федеральный закон от 23.02.2013 N 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» ст. 19) [3];
4. Драгоценные металлы и драгоценные камни (Федеральный закон от 26.03.1998 N 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», ст. 22) [4];
5. Гражданское оружие (Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ «Об оружии», ст. 18) [5];
6. Наркотические и психотропные вещества (Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 N 3-ФЗ) [6].

Таким образом данные виды товаров нельзя продавать при помощи маркетплейсов. Считаем необходимым более подробно разобрать некоторые из них, а именно алкогольную продукцию, лекарственные средства и табачную продукцию.

Согласно А.И. Бычкову, на маркетплейсах не разрешается продавать алкогольную продукцию и другие товары, продажа которых запрещена или ограничена законодательством Российской Федерации [7]. В соответствии с законодательством РФ, продажа алкогольной продукции розничным способом через интернет-магазины запрещена. За нарушение данной нормы закона предусмотрены административные штрафы по ст. 14.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [8].

Например, нельзя на сайте ресторана заказать себе алкогольную продукцию с доставкой на дом, так как по общему правилу розничная продажа такого товара при оказании услуг общественного питания осуществляется только в объектах организации общественного питания, имеющих зал обслуживания посетителей, вагонах-ресторанах и других местах, указанных в законодательстве РФ.

Непосредственным нарушением законодательства будет также являться ситуации, в которой потребитель получает алкогольную продукцию в качестве подарка при приобретении другого товара через маркетплейсы. В данном случае основной целью продавца является продажа именно алкогольной продукции, так как именно она приносит наибольшую прибыль.

Важно отметить, что нарушением закона является именно дистанционная продажа алкогольной продукции через маркетплейсы, а не предложение товара на сайте с последующим оформлением заказа. Например, если потребитель сделал заказ товара на сайте магазина, но оплатил и получил его непосредственно в магазине, это не считается нарушением закона.

Продажа лекарственных средств через маркетплейсы возможна только для аптек, ветеринарных организаций и других юридических лиц, указанных в законе, а именно в п. 1 ст. 55 Федерального закона от 12.04.2010 N 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» Лица, не входящие в этот перечень, не могут заниматься продажей лекарственных средств, однако могут оказывать сопутствующие услуги, включая информационное сопровождение продажи. Важно помнить, что запрет распространяется только на продажу лекарственных средств, а не на дополнительные виды деятельности.

В данном случае также имеется особенность, а именно, если лекарственные средства были предварительно заказаны через интернет-сайт, но получены и оплачены в аптечной организации, то такой способ продажи не будет являться правонарушением. Это обосновывается тем, что приобретение лекарственных средств непосредственно осуществлялось в аптечной организации с оформлением кассового чека. То есть, предприниматель лишь оказывает услугу по бронированию лекарственных средств, оформлению заказа, без дистанционных способов оплаты.

Согласно законодательству РФ, розничная продажа табачной продукции, никотинсодержащих товаров и кальянов допускается только в магазинах и павильонах. Под магазином понимается здание или его часть, специально оборудованное для продажи товаров и оказания услуг покупателям, иметь помещения для хранения товаров и их подготовки к продаже. Павильон – это строение, рассчитанное на одно или несколько рабочих мест, с торговым залом. Так, дистанционная продажа табачной и никотинсодержащей продукции при помощи маркетплейсов запрещена законом на территории РФ.

Продавец должен предоставить информацию о табачной продукции, которая доступна для розничной торговли, через размещение перечня продукции в торговом зале, при этом запрещается размещение такой информации на цифровых платформах. Демонстрация табачной продукции покупателю в торговом объекте возможна только после ознакомления покупателя с перечнем продаваемой табачной продукции и по его требованию.

Таким образом, при осуществлении коммерческой деятельности предприниматели должны соблюдать запреты и ограничения, установленные законодательством РФ на продажу определенных видов товаров. В основном, продажа таких товаров с использованием маркетплейсов и иных дистанционных платформ запрещена и может осуществляться при соблюдении требований, указанных в законодательстве РФ (в заведении общественного питания, в аптечных организациях, магазинах, торговых павильонах и т.д.). Предприниматели имеют право продвигать данные виды товаров при помощи маркетплейсов, не осуществляя их продажу при помощи сет и Интернет.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: текст с изменениями и дополнениями на 27.03.2022 г. / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
2. Российская Федерация. Законы. Об обращении лекарственных средств : текст с изменениями и дополнениями на 27.03.2022 г. / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.
3. Российская Федерация. Законы. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции: текст с изменениями и дополнениями на 27.03.2022 г. / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 721.
4. Российская Федерация. Законы. О драгоценных металлах и драгоценных камнях : текст с изменениями и дополнениями на 27.03.2022 г. / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1463.
5. Российская Федерация. Законы. Об оружии : текст с изменениями и дополнениями на 27.03.2022 г. / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 51. Ст. 5681.
6. Российская Федерация. Законы. О наркотических средствах и психотропных веществах : текст с изменениями и дополнениями на 27.03.2022 г. / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
7. Бычков А.И. Агрегаторы и маркетплейсы / А.И. Бычков. Текст: непосредственный // Экономико-правовой бюллетень. 2019. N 12. 160 с.
8. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : текст с изменениями и дополнениями на 27.03.2022 г. / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ГОСУДАРСТВА

Башкирцева Е.А., студент 1 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
 Научный руководитель: Голоманчук Э.В., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Коррупция является одной из наиболее острых проблем развития государства и предпринимательской деятельности. Именно поэтому одним из приоритетных направлений противодействия коррупции является взаимодействие предпринимателей и государства посредством принятия нормативно-правовых актов, утверждения правил и рекомендаций, которые стимулировали бы предпринимателей к сотрудничеству с государственными и муниципальными органами.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционная политика, коррупционные правонарушения, бизнес, государство, юридическая ответственность предпринимателей, обоснованность, взаимодействие.

ANTI-CORRUPTION INTERACTION BETWEEN ENTREPRENEURS AND THE STATE

Bashkirtseva E.A., 1st year master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
 Scientific adviser: Golomanchuk A.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. Corruption is one of the most acute problems of the development of the state and entrepreneurship. That is why one of the priority areas of combating corruption is the interaction of entrepreneurs and the state through the adoption of regulatory legal acts, the approval of rules and recommendations that would encourage entrepreneurs to cooperate with state and municipal authorities.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption policy, corruption offenses, business, state, legal responsibility of entrepreneurs, validity, interaction.

Противодействие коррупции является одной из приоритетных задач государства. При этом коррупция существует не только в государственных и муниципальных органах, но и в предпринимательской деятельности. Поэтому важно изучить как государство помогает предпринимателям бороться с коррупционными проявлениями.

Как известно, в 2017 году Указом Президента РФ №208 был издан документ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Согласно отчёту Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, по состоянию на 2019 год, из 46 815 представителей бизнеса 29,7% столкнулись с необходимостью выплачивать неофициальные платежи или дарить подарки должностным лицам. Наиболее распространённой практикой стало требование оплаты товаров, работ или услуг от третьих лиц при получении разрешений (47,5%), в соответствии с санитарными нормами и нормами по обеспечению охраны окружающей среды (38,8%), а также в процессе вывоза ТБО. Неофициальные платежи также были связаны с получением разрешения на подключение к электросетям и системам отопления (34,8%), получением справок (25%) и лицензий (22,1%). [1].

При этом, по сравнению с другими годами и выработанной антикоррупционной политикой, данные показатели стали ниже. Это можно заметить по данным пятого этапа проведения опроса среди предпринимателей. В нём было выявлено, что 36% сталкивались с необходимостью делать некоторые неофициальные платежи или различные подарки должностным лицам, что составляет на 6,3% выше по сравнению с шестым этапом.

Изучив статистику судебной практики, можно заметить, что количество осуждённых предпринимателей нестабильно и подвержено изменениям в динамике. Например, данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации показали, что в 2014 году было осуждено 9 200 предпринимателей (в том числе 339 человек за взятничество), а в 2017 году – 6 800 предпринимателей (в том числе 230 человек за взятничество). В 2021 году количество осуждённых предпринимателей, занимающихся предпринимательской деятельностью или участвующих в ней, составило 10 200 человек (в том числе 382 человека за взятничество). Таким образом, можно наблюдать как положительную, так и отрицательную динамику в борьбе с коррупцией.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» устанавливает ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения, совершенные от их имени или в их интересах. Согласно статье 14 этого закона, юридические лица могут быть привлечены к ответственности, если их действия создают условия для коррупционных правонарушений. Наказания для юридических лиц могут включать штрафы, ликвидацию компании или отзыв лицензии. Важно отметить, что ответственность юридического лица не означает освобождение физического лица от ответственности за совершенное им коррупционное правонарушение. Например, если сотрудник маркетплейса получает взятку от продавца за преимущественное размещение его товаров на сайте, оба лица могут быть привлечены к ответственности в соответствии с законом о противодействии коррупции.

В Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [4] была введена статья об ответственности юридических лиц за незаконное вознаграждение от имени юридического лица. Можно говорить о том, что это поспособствовало выявлению и пресечению коррупционных правонарушений среди предпринимателей.

Министерство труда РФ опубликовало «Методические рекомендации по разработке и принятию мер организациями для предотвращения и борьбы с коррупцией» [5]. В этих рекомендациях отмечается, что компании должны регулярно оценивать риски коррупции, создавать процедуры для выявления и устранения конфликта интересов, а также внедрять нормы поведения для сотрудников. Также важно организовать внутренние механизмы контроля и создать антикоррупционные подразделения. Помимо этого, компании должны обучать своих сотрудников принципам борьбы с коррупцией и организовывать систему обратной связи, чтобы сотрудники могли сообщать о подозрениях на коррупционные действия. В целом, реализация этих мер поможет предотвратить коррупционные правонарушения в организациях.

Прокуратура РФ играет важную роль в защите прав и законных интересов предпринимателей во взаимодействии с государством. Например, юридические лица могут обратиться в прокуратуру, если они не согласны с результатами лицензирования или не получили разрешение на осуществление какой-то деятельности. Кроме того, если органы власти не исполняют требования по выделению бюджетных средств для бизнеса, предприниматели также могут обратиться в прокуратуру для защиты своих прав.

Прокуратура РФ также играет важную роль в борьбе с коррупцией в сфере бизнеса и соблюдении правил экологической безопасности. Если предприятие нарушает правила охраны окружающей среды, предприниматели могут обратиться в прокуратуру для защиты своих интересов.

В целом, прокуратура РФ выступает в роли гаранта правопорядка во взаимодействии бизнеса и государства и является важным инструментом защиты прав предпринимателей.

Важным этапом по противодействию коррупции является дополнение в 2016 году ст. 291–291.2, 204–204.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [7] примечаниями. Согласно указаниям, лицо, которое стало субъектом предоставления взятки или коммерческого подкупа может быть освобождено от ответственности в следующих случаях: если оно активно помогало в раскрытии или расследовании преступления, если взятка была получена при помощи вымогательства со стороны должного лица, и если оно добровольно сообщило о совершенном преступлении в правоохранительные органы.

Были внесены дополнения в КоАП РФ, связанные с условиями освобождения юридических лиц от административной ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных статьей 19.28 КоАП РФ. Одно из таких дополнений заключается в том, что юридическое лицо может быть освобождено от административной ответственности, если оно принимало активное участие в выявлении правонарушения, сотрудничало с органами власти в проведении административного расследования и раскрытии преступления, связанного с данным нарушением, а также если в отношении этого юридического лица имело место вымогательство. Важно отметить, что данное положение не распространяется на правонарушения, совершенные в отношении иностранных должностных лиц и публичных международных организаций при заключении и реализации коммерческих сделок.

Примеры того, когда юридическое лицо может быть освобождено от ответственности, включают ситуации, когда оно самостоятельно раскрыло правонарушение среди своих сотрудников и приняло меры для его урегулирования, или когда оно оказало содействие правоохранительным органам в выявлении мошенничества, совершенного в отношении компании.

Таким образом, внесенные изменения в КоАП РФ предусматривают возможность освобождения юридических лиц от ответственности за правонарушения в определенных обстоятельствах, что способствует более лояльной позиции государства в отношении бизнеса при условии, что предприятия сами принимают меры по борьбе с преступлениями и нарушениями.

Для проведения независимой оценки мер по предупреждению коррупции предлагается создание экспертных центров, которые будут обязаны получить аккредитацию от Национального совета по предупреждению коррупции (ТПП РФ должна создавать эти центры). По запросу организаций они будут предоставлять обоснованные результаты оценки, а также пояснения по ее проведению. Центры обязуются защищать коммерческую тайну всей полученной информации и не распространять ее на третьих лиц.

Несмотря на положительные нововведения, имеется ряд существенных проблем, которые тем или иным образом снижают эффективность борьбы с коррупцией. Основными факторами почему предприниматели не заявляют о нарушениях их законных прав является боязнь мести или причинения вреда со стороны государственных органов и должностных лиц или отсутствие интереса в сотрудничестве с правоохранительными органами ввиду недоверия к ним.

Также достаточно сложным является элементом является обоснованность и доказательственная база. Это означает, что даже в случае отсутствия материальных доказательств для возбуждения уголовного дела, предприниматель может столкнуться с уголовным преследованием, например, за обвинение в клевете или подачу заведомо ложных доносов. Также, возможна ситуация, когда предприниматель может быть обвинен в нарушении авторских прав без наличия фактических доказательств, на основе лишь утверждений правообладателя. Кроме того, если предприниматель работает в сфере электронной коммерции, он может столкнуться с уголовной ответственностью за нарушение правил обработки персональных данных, даже если не было умысла или вредоносных намерений. Следовательно, особую значимость приобретает деятельность по противостоянию с коррупцией, противодействию ей, поскольку ее положительные результаты могут дать возможность претворению вышеотмеченных норм в действительность.

Подводя итог необходимо отметить, что взаимодействие предпринимателей и государства имеет свои плоды. Издание новых законов, возможность освобождения от уголовной и административной ответственности, гарантированная защита государства – это положительные факторы противодействия коррупции. Но, как видно из статистических данных, в последние годы уровень коррупционных правонарушений среди предпринимателей увеличился. Это указывает на недостаточное законодательное урегулирование антикоррупционной политики. Поэтому предлагается ввести экспертные центры для помощи организациям в определении, предотвращении и устранении коррупционных рисков.

Библиографический список

1. <http://ach.tpprf.ru/barometer/stage6/>. (дата обращения : 20.03.2022). Текст : электронный.
2. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121/> (дата обращения : 20.03.2022). Текст : электронный.
3. Российская Федерация. Законы. О противодействии коррупции [Текст] : федер. закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ [с послед. изм. и доп.] / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

4. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : текст с изменениями и дополнениями на 27.03.2022 г. / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

5. Методические рекомендации Минтруда России от 08.04.2014 г. «Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции» [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/499057913> / (дата обращения: 20.03.2023).

6. Сухаренко А.Н., Крылова Д.В. Антикоррупционное взаимодействие бизнеса и государства: состояние и перспективы / А.Н. Сухаренко, Д.В. Крылова. Текст: непосредственный // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 53–56.

7. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 27.03.2022 г. / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 347.151

ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ НЕУСТОЙКИ ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

Безотосова В.С., студент 1 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, Волгоград
Научный руководитель: Канцер Ю.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Автором выявлены проблемы взыскания неустойки за нарушение условий договора поставки. Подчеркивается, что определение размера неустойки остается на усмотрение судебных органов, что можно назвать существенным законодательным пробелом, ведущим к возможному нарушению прав сторон по договору поставки.

Ключевые слова: договор поставки, товар ненадлежащего качества, возмещение убытков, взыскание неустойки.

PROBLEMS OF COMPENSATION FOR DAMAGES AND RECOVERY OF PENALTY FOR BREACH OF THE TERMS OF THE DELIVERY CONTRACT

Bezotosova V.S., 1st year master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd
Scientific adviser: Kantser Y.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The author identified the problems of collecting a penalty for violation of the terms of the supply contract. It is emphasized that the determination of the amount of the penalty remains at the discretion of the judicial authorities, which can be called a significant legislative gap leading to a possible violation of the rights of the parties under the supply contract.

Keywords: supply contract, goods of inadequate quality, compensation for losses, recovery of a penalty.

В договорных отношениях очень часто встречаются случаи неисполнения одной из сторон выполнения взятых на себя обязательств. Тем не менее законодатель предоставляет возможность защиты гражданских прав и средств восстановления имущественного положения лиц, право которых было нарушено. Взыскание неустойки выступает в этой системе как важнейшая мера воздействия на противоправное поведение людей в условиях гражданско-правовых отношений, так как является стимулом для правомерного поведения должника. В отличие от убытков, неустойка взыскивается за сам факт нарушения обязательств и не требует доказывания причины их возникновения.

Форма ответственности должника в виде уплаты неустойки – это упрощенный способ взыскания, используемый кредитором для восстановления своего нарушенного права. Согласно ст. 330 Гражданского кодекса Российской Федерации, неустойка – это определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан выплатить кредитором в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. При предъявлении требования об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков [1].

Также рассмотрим четыре вида неустойки. Штрафная – в договоре предусмотрены условия взыскания убытков сверх неустойки. Например, сумма, подлежащая возмещению, составляет 200 000, 00 рублей, из них 150 000,00 убытки и 50 000,00 неустойка. Альтернативная – условиями договора предусмотрен выбор или убытки, или неустойка. Исключительная – взыскивается только неустойка. Зачетная – убытки взыскиваются в части, не покрытой неустойкой. Например, убытки покупателя вследствие поставки товара с задержкой на 5 дней составили 60 000,00 рублей, а неустойка по договору поставки составила 10 000,00 рублей, в этом случае убытки могут быть взысканы в размере 50 000,00 рублей.

Что касается договора поставки требуется четко установить размер неустойки: при нарушении сроков поставки товара, при несоблюдении сроков платежей, за качество и количество поставляемой продукции и другое. Так как в законе не урегулирован размер штрафа за недобросовестное поведение должника (исключение государственный контракт по поставке и договор поставки электроэнергии), кредитор будет проще взыскать с должника неустойку по согласованному договору.

Если рассматривать штраф как неустойку, то он может взиматься с поставщика в случае виновного поведения или за неисполнение, или ненадлежащее исполнение своего обязательства. Например, если поставка товара была осуществлена с задержкой на 5 дней (если условие не предусмотрено договором) и данное нарушение привело к возникновению расходов и убытков у заказчика, то эти расходы подлежат возмещению продавцом в виде неустойки. Штраф является однократно взыскиваемым платежом. В данном случае применяется ст. 393 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой должник обязан в полном объеме возместить убытки, причиненные кредитором в результате ненадлежащего исполнения обязательств [3].

Стоит также отметить, что в соответствии со ст. 521 Гражданского кодекса Российской Федерации неустойка может быть взыскана лишь до момента поставки недостающих товаров по договору. После того как поставка окончена, неустойка не начисляется [1]. Например, если поставщик, в указанный срок, доставил меньшее количество товаров, в этом случае поставщик возмещает неустойку в пределах срока поставки остальной части до приемки товара заказчиком.

Также, в судебном порядке можно уменьшить размер неустойки, если она несоразмерна последствиям нарушения обязательства в соответствии со ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Так в решении арбитражного суда Приморского края от 06.12.2022 г. по делу А51-2705/2022 говорится о том, что ООО «Судоремонтный комплекс «Звезда» обратилось в арбитражный суд с заявлением о взыскании общества с ООО «АТ-ГАЗ» неустойки по договору поставки с 09.10.2021 до 30.12.2021 года, просрочка в поставке товара составила 82 календарных дня, соответственно неустойка согласно п. 8.2. Договора, достигла максимального порога ответственности 5% от суммы неисполненного обязательства – 7418475,00 рублей. Ответчик факт нарушения обязательства по договору не оспаривает, однако по заявлению просит суд снизить неустойку исходя из однократной ставки Банка России. Суд удовлетворил требования ООО «Судоремонтный комплекс «Звезда» о взыскании ООО «АТ-ГАЗ» 3709237 рублей 50 копеек неустойки по договору поставки и 60092 рубля расходов по уплате государственной пошлины. В остальной части требования отказано, так как суд посчитал, что установленный размер неустойки обеспечит баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности и оценкой действительного размера ущерба, причиненного ответчиком в результате нарушения договорных обязательств [4].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что актуальной проблемой взыскания неустойки за нарушения условий поставки является определение размера неустойки остается на усмотрение судебных органов, что можно назвать существенным законодательным пробелом, ведущим к возможному нарушению прав сторон по договору поставки; а также в судебной практике нет однозначного ответа на вопрос о том, подлежит ли взысканию неустойка вне срока действия договора.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: части первая, вторая, третья и четвертая: официальный текст по состоянию на 01.01.2022 года с изменениями и дополнениями согласно Федеральному Закону от 22.12.2020 № 456-ФЗ / Российская Федерация. Законы. Текст: непосредственный. М.: Проспект, 2022. 721 с.

2. Шевченко Л. И. Регулирование отношений поставки: теория и практика / Л.И. Шевченко. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 284 с.

3. Морозов А.А., Сварчевский К.Г., Саченко А.А. // Правое регулирование договора поставки в России // Право и Политика. 2021. № 9. С. 197–203.

4. Приморский край. Арбитражный суд. Категория спора: о взыскании неустойки по договору поставки: Решение Арбитражного суда от 29 ноября 2022 по делу № А41-67410/2020 / Приморский суд. Арбитражный суд Приморского края. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document> (дата обращения: 15.05.2023). Текст: электронный.

5. Московская область. Десятый арбитражный апелляционный суд. Категория спора: о возмещении вреда: Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 07.04.2021 № 10АП-4675/2021 по делу № А41-67410/2020 / Московская область. Десятый арбитражный апелляционный суд г. Ростова-на-Дону. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document> (дата обращения: 15.05.2023). Текст: электронный.

УДК 342.553

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМИНИРУЮЩИМ ПОЛОЖЕНИЕМ И КРИТЕРИИ ЕГО КВАЛИФИКАЦИИ

Боброва Е.А., магистрант 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Абезин Д.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей определения действий хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на рынках, как злоупотребление своим положением и предоставленными правами. Автором выявлены основные критерии для квалификации злоупотребления в действиях таких субъектов, а также изучен вопрос соотношения злоупотребления гражданским правом и злоупотребления доминирующим положением.

Ключевые слова: злоупотребление доминирующим положением, доминирующее положение, злоупотребление гражданским правом.

DEFINITION OF ABUSE OF A DOMINANT POSITION AND CRITERIA FOR ITS QUALIFICATION

Bobrova E.A., 1st year Master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd
Scientific adviser: Abezin D.A., Candidate of Legal Sciences, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of defining the actions of economic entities occupying a dominant position in the markets as an abuse of their position and granted rights. The author has identified the main criteria for the qualification of abuse in the actions of such subjects, and also studied the question of the relationship between the abuse of civil law and the abuse of a dominant position.

Keywords: abuse of dominant position, dominant position, abuse of civil law.

В соответствии с принятыми нормами развития конкурентной борьбы наиболее значимым нарушением антимонопольного законодательства является нарушение установленных правил конкуренции лидерами рынка, что можно определить как одно из самых общественно опасных нарушений антимонопольного законодательства [1]. Рассмотрим подход к определению данного злоупотребления в Российской Федерации.

В период экономических реформ в России было принято несколько важных законов, одним из которых стал Закон о конкуренции. Именно в этом законе была закреплена норма, запрещающая злоупотребление доминирующим положением на рынке. Однако со временем стало ясно, что этот закон не соответствует новым вызовам и потребностям экономики.

Российская концепция злоупотребления доминирующим положением теперь основывается на более современных законодательных актах, которые учитывают изменения в экономической системе. Одним из таких актов стал Федеральный закон «О защите конкуренции», который принят в 2006 году и является фундаментом для борьбы с нарушениями антимонопольного законодательства.

Сегодня Россия активно борется с злоупотреблением доминирующим положением на рынке, а нормы антимонопольного законодательства постоянно уточняются и дополняются. Это позволяет обеспечивать более эффективную защиту прав потребителей и бизнеса, а также поддерживать здоровую конкуренцию на рынке.

С момента появления новой Конституции в декабре 1993 года, обновление всего отраслевого законодательства было необходимым. Ведь все акты должны были соответствовать новой Конституции. Также, нужно было разработать и внедрить все необходимые изменения в законодательство, чтобы оно регулировало общественные отношения, сформировавшиеся в то время.

Стоит также отметить, что на момент вступления в силу названного Закона, общественные отношения только начинали формироваться, и нужно было учесть их дальнейшее развитие и преобразование. Было ясно, что неизбежно потребуются внесение изменений в Закон.

Именно внесение изменений в законодательство станет важным моментом в регулировании социальных отношений, чтобы они соответствовали развивающейся ситуации. Только так законодательство будет способным эффективно регулировать общественные отношения и защищать права граждан [2].

Экономические и законотворческие процессы в начале 90-х гг. XX в. были столь динамичными, что принимаемые тогда законы не всегда оказывались в достаточной степени согласованными друг с другом. Статья 5 Закона о конкуренции наиболее серьезно изменялась дважды: в 1995 и 2002 гг. [3]. Правоприменение также было осложнено наличием отдельного регулирования рынка финансовых услуг, что изменилось только с принятием Закона о защите конкуренции.

В соответствии со ст. 10 Закона о защите конкуренции запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц, в том числе следующие действия (бездействие):

- 1) установление, поддержание монопольно высокой или монопольно низкой цены товара;
- 2) изъятие товара из обращения, если результатом такого изъятия явилось повышение цены товара;
- 3) навязывание контрагенту условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора (экономически или технологически не обоснованные и (или) прямо не предусмотренные федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента РФ, нормативными правовыми актами Правительства РФ, нормативными правовыми актами уполномоченных федеральных органов исполнительной власти или судебными актами требования о передаче финансовых средств, иного имущества, в том числе имущественных прав, а также согласие заключить договор при условии внесения в него положений относительно товара, в котором контрагент не заинтересован, и другие требования);
- 4) экономически или технологически не обоснованные сокращение или прекращение производства товара, если на этот товар имеется спрос или размещены заказы на его поставки при наличии возможности его рентабельного производства, а также если такое сокращение или такое прекращение производства товара прямо не предусмотрено федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента РФ, нормативными правовыми актами Правительства РФ, нормативными правовыми актами уполномоченных федеральных органов исполнительной власти или судебными актами;
- 5) экономически или технологически не обоснованные отказ либо уклонение от заключения договора с отдельными покупателями (заказчиками) в случае наличия возможности производства или поставок соответствующего товара, а также в случае, если такой отказ или такое уклонение прямо не предусмотрены федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента РФ, нормативными правовыми актами Правительства РФ, нормативными правовыми актами уполномоченных федеральных органов исполнительной власти или судебными актами;
- 6) экономически, технологически и иным образом не обоснованное установление различных цен (тарифов) на один и тот же товар, если иное не установлено федеральным законом;
- 7) установление финансовой организацией необоснованно высокой или необоснованно низкой цены финансовой услуги;
- 8) создание дискриминационных условий;
- 9) создание препятствий доступу на товарный рынок или выходу из товарного рынка другим хозяйствующим субъектам;
- 10) нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка ценообразования;
- 11) манипулирование ценами на оптовом и (или) розничных рынках электрической энергии (мощности).

Запрет злоупотребления доминирующим положением также прямо установлен ст. 10 ГК РФ. Эта статья, содержащая норму о запрете злоупотребления гражданским правом, запрещает использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением [4].

Будучи одной из ключевых тем общественной жизни, злоупотребление гражданским правом является сложным исследовательским вопросом, который требует детального и более глубокого рассмотрения. Важно понять взаимосвязь между злоупотреблениями гражданским правом и доминирующим положением, чтобы разобраться в подобных ситуациях.

В последнее время количество случаев злоупотребления гражданским правом значительно возросло. Это может привести к серьезным юридическим проблемам и негативно отразиться на обществе в целом. Кроме того, злоупотребление гражданским правом может спровоцировать создание прецедентов для дальнейшего необоснованного использования прав.

Ключевой аспект понимания злоупотребления гражданским правом заключается в том, как это связано с доминирующим положением. В случае, когда одна сторона в сделке имеет существенно более выгодные условия, то есть доминирует над другой стороной, вероятность злоупотребления гражданским правом растет в разы. Многие авторы, в том числе М.М. Агарков [5], не признают понятие злоупотребления правом и убеждены, что противоправные действия не могут быть осуществлены в рамках закона.

Однако это мнение оспаривается другими исследователями, которые утверждают, что некоторые действия могут противоречить закону, но все еще оставаться в рамках гражданского права. Кроме того, степень доминирующего положения может оказывать влияние на наличие злоупотребления правом. Однако, это мнение не согласуется со всеми специалистами на данную тему.

Если рассматривать тему более детально, то можно отметить, что злоупотребление гражданским правом может проявляться в различных ситуациях. Например, при умышленном нарушении закона, когда личные интересы преобладают над общественными. Кроме того, злоупотребление правом может заключаться в использовании юридических норм для уклонения от ответственности или получения неоправданных выгод.

Именно поэтому, важно проводить сбалансированный анализ с целью выявления случаев злоупотребления гражданским правом и принятия соответствующих мер для предотвращения таких практик. Кроме того, необходимо иметь четкое понимание достаточной свободы, которую предоставляют гражданские права, и ограничения, которые могут быть наложены на них в интересах общества.

В.П. Грибанов полагал [6], что понятие «злоупотребление правом» может быть использовано только тогда, когда субъект обладает определенным субъективным правом. В тех же случаях, когда лицо совершает какие-нибудь действия, не основанные на субъективном праве, говорить о злоупотреблении правом нельзя. О злоупотреблении правом речь может идти в случае, когда управомоченный субъект, действуя в границах принадлежащего ему субъективного права, в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права.

Рассмотрим критерии, которые приводятся для определения случаев злоупотребления гражданским правом.

В первую очередь, наличие субъективного гражданского права является основным критерием. Это означает, что гражданин имеет право на что-то конкретное и при его нарушении может обратиться в суд. Однако, если это право используется не в соответствии с общими принципами права, возникает риск злоупотребления.

Следующим критерием является реализация гражданских прав без учета общепринятых правил и норм. Например, использование гражданского права для ущемления прав других граждан.

Наконец, степень осознания при совершении деяния также может свидетельствовать о злоупотреблении правом. В зависимости от того, насколько осознанно было совершено действие, может измениться степень вины и сословие ответственности.

В итоге, правовая защита граждан – это взаимодействие нескольких факторов: субъективного права, общих норм, осознания при использовании и контекста ситуации. Только целостный подход и внимательное изучение каждого случая позволит добиться справедливости и защитить права всех граждан.

По мнению Н.И. Клейн, ст. 10 ГК РФ устанавливает границы (пределы) осуществления гражданских прав, запрещая определенное поведение. Она предусматривает общий ограничитель усмотрения субъектов гражданских прав при осуществлении ими своих прав и распоряжении ими: нельзя осуществлять свои права, если это ведет к нарушению прав и интересов других лиц. Здесь имеется в виду:

- злоупотребление правом с прямым умыслом нанести ущерб интересам других лиц;
- злоупотребление правом, хотя и не имеющее такой цели, но объективно причиняющее вред другим лицам;
- злоупотребление доминирующим положением на рынке и ограничение конкуренции [9].

Разбираясь в вопросах права и конкуренции, следует учитывать различия между запретами, содержащимися в статье 10 Гражданского кодекса РФ и статье 10 Закона о защите конкуренции. При этом стоит отметить, что второй из этих законов включает нормы разного уровня, что можно заметить, изучая содержание запретов.

Анализ статьи 10 Закона о защите конкуренции показывает, что большинство запретов находятся в сфере частного права, в то время как часть, связанная с защитой рынка как такового, занимает меньшую долю. Но даже в этом случае, можно выделить ряд важных запретов, например, запрет на прекращение производства товара или применение монополично низких цен продажи.

Неудовлетворительное выполнение этих запретов может привести к злоупотреблению доминирующим положением на рынке и несправедливому ограничению конкурентной среды. Поэтому, стоит проявлять ответственность в соблюдении законодательства, чтобы не подпасть под негативные последствия его нарушения.

Запреты второй группы являются скорее общественными, а не индивидуальными правами. Они были установлены, чтобы предотвратить неблагоприятное воздействие определенных действий на конкуренцию в целом, а не из-за нарушения какого-либо индивидуального права гражданина. Поэтому случаи нарушения этих запретов невозможно отнести к злоупотреблению гражданским правом. Однако это не относится к запретам, направленным на защиту зависимой стороны в экономических отношениях, так как они связаны с индивидуальными правами.

Устанавливается группа запретов, чтобы гарантировать здоровую конкуренцию между участниками рынка, а также для защиты прав потребителей. Без этих запретов конкуренция могла бы быть искажена в сторону более мощных участников рынка, что повредило бы небольшим предприятиям и частным лицам.

Наличие запретов помогает избежать повреждения конкуренции в экономике и устанавливает ограничения на поведение участников рынка, которые могут навредить другим. Это также важно для того, чтобы защитить потребителей от абьюзивных и вредных практик.

Тем не менее, некоторые запреты могут быть не столь жесткими, чтобы рассматриваться как злоупотребления правом. Например, запрет на монопольные практики может быть необходим для того, чтобы гарантировать, что более слабые участники рынка имеют равные возможности в конкуренции. Однако установка запретов требует балансирования интересов потребителей, компаний и правительства.

Необходимо учитывать, что ущемление прав контрагента является ключевым моментом при квалификации деяния как злоупотребление доминирующим положением. В большинстве случаев нарушения прав контрагента происходят при заключении или исполнении договоров, когда существует неравенство сторон. Это может нанести значительный ущерб не только материальный, но и имиджевый.

Более детально можно рассмотреть злоупотребления, которые подразумевают использование необходимых элементов субъективного гражданского права не по назначению. В этом случае сторона, которая злоупотребляет своим положением, использует свое доминирующее положение, чтобы нарушить права контрагента и получить для себя выгоду.

Однако, стоит упомянуть, что нарушения прав контрагента могут иметь не только экономические, но и моральные последствия. Например, равная возможность достойной работы, участия в конкурсах также является гражданским правом. Незаконное соглашение между несколькими участниками о распределении результатов может в корне нарушить это право.

Более того, защита прав контрагента – это не только задача государственных органов, но и общества в целом. Повышенная ответственность и внимательность со стороны бизнеса, а также взаимное доверие между контрагентами могут быть одним из многочисленных способов защиты гражданских прав. С другой стороны, важно отметить, что злоупотребление доминирующим положением может иметь не только гражданско-правовые, но и экономические последствия. Это может приводить к снижению конкуренции, повышению цен на рынке и ограничению прав потребителей.

Одним из распространенных случаев злоупотребления доминирующим положением является установление завышенных цен. В этом случае доминирующий предприниматель намеренно выставляет цены выше рыночных, что приводит к существенным потерям для потребителей и других участников рынка.

В целом, злоупотребление доминирующим положением является серьезным нарушением конкурентной среды и приводит к дисбалансу в отношениях между участниками рынка. Поэтому важно не только уметь определять и квалифицировать такие деяния, но и принимать меры по их предотвращению и пресечению.

Как известно, в последнее время были внесены изменения в статью 10 ГК РФ [10], которые отразились на цивилистическом аспекте запрета злоупотребления доминирующим положением. Новая редакция не позволяет использовать гражданские права с целью нанесения вреда другому лицу, а также запрещает действия, нацеленные на обход закона с противоправной целью. Кроме того, она затрагивает и другие случаи заведомо недобросовестного осуществления этих прав, например, злоупотребление правом.

Согласно пункту 2 статьи 10 ГК РФ также запрещено использование гражданских прав для ограничения конкуренции на рынке. Это связано с тем, что злоупотребление доминирующим положением может привести к причинению вреда как конкурентам, так и потребителям.

В целом, новая редакция статьи 10 ГК РФ направлена на защиту прав и интересов всех участников гражданского оборота и предотвращение злоупотреблений со стороны доминирующих субъектов рынка. Это важный шаг на пути к развитию конкуренции и поддержанию честных условий экономической деятельности. Если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков.

Злоупотребление доминирующим положением на рынке не только вредит конкуренции, но и нарушает права всех других участников. Определение этого явления может быть выполнено по ряду критериев:

- Наличие хозяйствующего субъекта с доминирующим положением на рынке товара или услуги. Но это не является нарушением само по себе, как в зарубежных юрисдикциях;

- Запрет на допуск, ограничение или исключение конкуренции. Этот критерий служит юридическим определением злоупотребления доминирующим положением.

В перечень действий, которые составляют злоупотребление доминирующим положением, попадают все те действия, которые главным образом ущемляют права контрагентов и не способствуют развитию конкуренции. Однако на практике, может случиться и наоборот, когда действия доминирующих хозяйствующих субъектов сопровождаются ограничением конкуренции.

В условиях свободного рынка компании могут стремиться к доминации на соответствующем рынке, но если доминирующая позиция приводит к ущемлению прав потребителей и конкурентов, то антимонопольные органы применяют ответные меры. В соответствии со статьей 10 Закона о защите конкуренции, антимонопольные власти расследуют злоупотребления доминирующей позицией на рынке, особенно у субъектов естественной монополии.

Альтернативное условие, которое используется для квалификации правонарушений, – ущемление прав третьих лиц. Это означает, что антимонопольные власти принимают во внимание не только негативный эффект на конкуренцию, но и на потребителей и другие контрагенты на рынке.

Злоупотребление доминирующей позицией, которое может привести к ущемлению прав потребителей, осуществляется теми компаниями, деятельность которых вызывает недовольство среди граждан-потребителей.

Антимонопольное законодательство направлено не только на защиту интересов потребителя как родового участника рынка, но и на создание равных условий конкуренции и предупреждение монополизации рынка.

Тем не менее, сложности возникают при рассмотрении конкретных споров потребителей-граждан, связанных с завышенной ценой на товары и услуги и другими нарушениями прав потребителей, запрещенными законодательством. В этом случае, важно провести баланс между защитой интересов потребителей и соблюдением правового регулирования, чтобы не допустить злоупотреблений со стороны правоприменительных органов и сохранить равновесие на рынке.

Мы все сталкиваемся с понятием потребления для личных целей. И часто задаемся вопросом: подвергается ли это потребление регулированию антимонопольного законодательства? Однако, сегодняшняя практика работы ФАС России показывает, что широта ее действия не соответствует ни букве, ни духу антимонопольного закона.

И это приводит к негативным последствиям для потребителей. Ведь когда компании монополизуют рынок и не допускают других поставщиков, цены на товары и услуги незаметно, но вероятно, начинают расти. Это имеет прямое отношение к потреблению для личных целей, так как каждый из нас в определенный момент сталкивается с необходимостью приобрести что-то на рынке.

Поэтому, регулирование антимонопольного законодательства должно распространяться и на потребление для личных целей. Рынок должен быть открытым для всех поставщиков, чтобы потребители могли выбрать лучшее предложение и получить качественный товар или услугу по доступным ценам. Это в свою очередь снизит монопольную позицию компаний и объективно улучшит их качество и уровень обслуживания.

Таким образом, необходимо принять меры к улучшению функционирования антимонопольного законодательства в отношении потребления для личных целей, чтобы защитить интересы потребителей и обеспечить конкуренцию на рынке.

В отношении действий (бездействия), прямо поименованных в ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, наличие или угроза наступления соответствующих последствий предполагается и не требует доказывания антимонопольным органом. Вопрос в том, какие последствия являются соответствующими: ограничение конкуренции, ущемление прав или то, и другое? С внесением изменений в КоАП РФ в части применения фиксированного штрафа в отношении злоупотребления доминирующим положением, вопрос о разграничении последствий приобрел особую важность. Теперь в России стало ясно, что антимонопольное законодательство защищает не только рынок, но и отдельных хозяйствующих субъектов.

Библиографический список

1. Кадымов Ф.Ф. Правовая неопределенность соотношения актов антимонопольных органов о злоупотреблении доминирующим положением и актов арбитражных судов при рассмотрении гражданско-правовых споров // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 3. С. 40–45.
2. Даурова Т.Г. Эволюция российского антимонопольного законодательства // Законодательство и экономика. 2004. № 1; СПС «КонсультантПлюс»
3. Федеральный закон от 25 мая 1995 г. N 83-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // СЗ РФ. 1995. № 22. Ст. 1977. Федеральный закон от 9 октября 2002 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // СЗ РФ. 2002. № 41. Ст. 3969.
4. Башлаков-Николаев И.В., Максимов С.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении судами антимонопольного законодательства: научно-практический комментарий. Москва: Проспект, 2022. 184 с.
5. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР, отделение экономики и права. 1946. № 6.
6. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. С. 43–55
7. Пашин В.М. Институт злоупотребления субъективными правами de lege ferenda // Актуальные проблемы гражданского права. 2003. Вып. 7. С. 44–47.
8. Садиков О.Н. Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России // Хозяйство и право. 2002. № 2. С. 42.
9. Клейн И.И. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части первой) / Под общ. ред. О.Н. Садикова. М., 1999. С. 31.
10. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», официальный документ опубликован 11 января 2013 г. в Российской газете (Федеральный выпуск. № 3 (5979)).

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ К ЛИЦАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПЕРЕВОЗКИ ОПАСНЫХ ГРУЗОВ

Болтава А.О., магистрант 2го курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Михнева С.В., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления-филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
Скачкова И.И., доктор филологических наук, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Данная статья посвящена актуальным вопросам, связанным с привлечением к административной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере перевозки опасных грузов. Были выявлены проблемы, возникающие при назначении административного наказания юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, а также предложены варианты для разрешения подобных вопросов.

Ключевые слова: административная ответственность, административное наказание, административные правонарушения, индивидуальный предприниматель, предпринимательская деятельность, юридическое лицо, опасный груз, транспортная компания.

FEATURES OF THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY TO PERSONS ENGAGED IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY FOR VIOLATION OF THE RULES OF TRANSPORTATION OF DANGEROUS GOODS

Boltava A.O., Master student of the 2st year of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd
Scientific adviser: Mikhneva S.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd,
Skachkova I.I., Doctor of Philology, Volgograd Institute of Management – a branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. This article is devoted to topical issues related to bringing to administrative responsibility persons engaged in entrepreneurial activities in the field of transportation of dangerous goods. The problems that arise when imposing administrative penalties on legal entities and individual entrepreneurs were identified, and options for resolving such issues were also proposed.

Keywords: administrative responsibility, administrative punishment, administrative offenses, individual entrepreneur, entrepreneurial activity, legal entity, dangerous cargo, transport company.

Экономическое развитие государства тесно связано с осуществлением грузоперевозок как внутри страны, так и за ее пределами. В связи с большим количеством классификаций и видов грузов, их особенностей хранения и транспортировки, существует необходимость в правовом регулировании подобного рода процессов.

Освежая проблематику привлечения к административной ответственности за нарушение правил перевозки опасных грузов, следует понять, какие грузы относятся к категории «опасные».

Опасные грузы или как их еще называют «ADR» (European Agreement of Transport of Dangerous Good on Road) – «вещество (смесь веществ, раствор), материал, изделие или отходы производства или другой деятельности, которые удовлетворяют классификационным показателям, критериям или признакам и вследствие присущих им свойств и при наличии определенных факторов могут стать причиной нанесения ущерба окружающей среде, материального ущерба, привести к гибели, травме, отравлению, заболеванию людей и животных» [5].

Существует девять классов опасных грузов:

1. взрывчатые материалы;
2. газы сжатые, сжиженные и растворенные под давлением;
3. легковоспламеняющиеся жидкости;
4. легковоспламеняющиеся твердые вещества, самовозгорающиеся
5. вещества, выделяющие воспламеняющие газы при
6. взаимодействии с водой;
7. окисляющиеся вещества;
8. ядовитые вещества и инфекционные вещества;
9. радиоактивные вещества;
10. едкие и коррозионные вещества;
11. прочие опасные вещества [6, с. 55-58].

Правила перевозки опасных грузов, а также ответственность за нарушение таких правил регламентирована как отечественным, так и зарубежным законодательством.

Требования к перевозке опасных грузов закреплены в «Европейском соглашении о международной дорожной перевозке опасных грузов» (далее – ДОПОГ), которые также распространяются и на Российскую Федерацию [5].

Помимо того, в ст. 12.21.2 КоАП РФ регламентированы санкции, которые будут применены к субъекту, нарушившему правила перевозки опасных грузов.

Действующее законодательство предусматривает штрафные санкции, в отношении субъектов, ответственных за перевозку опасных грузов. В случае, если при перевозке опасного груза будут отсутствовать соответствующие документы, организация может быть оштрафована на сумму от ста до двести пятидесяти тысяч рублей. Данные взыскания применяются в случае отсутствия документации, которая не является лицензионным допуском.

В случае, если правонарушение противоречит нормам правил дорожного движения, то штраф в таком случае составляет двадцать тысяч рублей – для должностного лица, пятьсот тысяч рублей – для организации.

При несоблюдении общепринятых правил и стандартов поддержания в исправном техническом состоянии транспортного средства, осуществляющего транспортировку опасного груза, назначается штраф в размер от тридцати до пятидесяти тысяч рублей.

Таким образом, нарушение правил транспортировки грузов может повлечь за собой серьезные последствия для предпринимателя и его сотрудников. Поэтому необходимо строго соблюдать все требования законодательства и технических правил при перевозке грузов на автотранспорте. Это позволит избежать штрафов и уберечь груз от повреждений и порчи во время перевозки [7].

Нарушения, связанные с неправильной упаковкой или маркировкой опасного груза, также могут повлечь за собой санкции, включая штрафы и ответственность за возможные последствия инцидента. Если перевозка опасного груза нарушает правила, установленные международными или национальными организациями, например, ВОЗ или Международной ассоциацией автомобильных перевозок, также могут быть предусмотрены санкции и ответственность. В целом, санкции за перевозку опасных грузов без соблюдения необходимых правил и требований направлены на обеспечение безопасности и защиту окружающей среды, их строгое соблюдение необходимо для предотвращения возможных инцидентов и опасностей [3, с. 42].

Применить штрафную санкцию за осуществление перевозки опасного груза на магистралях автомобильного назначения в ненадлежащем порядке в праве сотрудники ГИБДД, при этом наказание будет варьироваться в зависимости от серьезности правонарушения. Ответственным за данное правонарушение может выступать не только водитель, осуществляющий транспортировку опасного груза, но и организация, отвечающая за перевозку [2, с. 57].

По данным ГИБДД, наиболее частым правонарушением в сфере транспортировки опасных грузов являются несоответствие конструкции автомобиля требованиям и отсутствие бумаг, удостоверяющих право на перевозку [4, с. 84].

Ответственность за эти нарушения и несоблюдение других требований к перевозке опасных веществ установлена статьей 12.21.2 КоАП.

Ответственность предусмотрена за перевозку опасного груза при отсутствии:

- 1) свидетельства о подготовке водителя;
- 2) свидетельства о допуске ТС;
- 3) специального разрешения на перевозку;
- 4) аварийной информационной карты;
- 5) соответствия конструкции ТС требованиям транзита опасных грузов;
- 6) знаков опасности;
- 7) инвентаря для ликвидации аварии;
- 8) условий перемещения опасных веществ;

Административные штрафы в этих случаях установлены в следующих размерах:

1. Для должностных лиц 15-20 тысяч рублей.
2. Для юридических лиц 400-500 тысяч рублей и задержание ТС.

За остальные нарушения грозят штрафы в следующих размерах:

1. Для должностных лиц 5-10 тысяч рублей.
2. Для юридических лиц 150-200 тысяч рублей.

Согласно ст. 2.4 КоАП РФ «Индивидуальные предприниматели несут административную ответственность как должностные лица» [1].

Например, за отсутствие свидетельства ДОПОГ у сотрудника организации, ответственного за организацию перевозки, компания понесет ответственность в размере 150-200 тысяч рублей, а само должностное лицо заплатит 5-10 тысяч рублей.

При перевозке опасных грузов необходимо соблюдать множество правил и нормативов. Они определяются в соответствующих документах, таких как международные соглашения, национальные законы и правила, технические регламенты и др. Особое внимание следует уделить следующим вопросам:

Классификации опасных грузов. Они делятся на 9 классов в зависимости от свойств, которые могут потенциально вызвать вред для здоровья и окружающей среды.

Упаковке и маркировке опасных грузов. Каждый класс опасных грузов имеет свой набор требований по упаковке, маркировке и сопровождающим документам. Например, грузы класса I (взрывчатые вещества) должны быть упакованы в специальные контейнеры и помечены соответствующими знаками и символами.

Транспортировке опасных грузов. Для перевозки опасных грузов используются специализированные средства, такие как танкеры, железнодорожные цистерны, автомобили-цистерны и др. Кроме того, необходимо учитывать факторы, которые могут влиять на безопасность перевозки, такие как погодные условия, ограничения скорости, опасные перекрестки и др.

Обучении персонала. Водители и операторы, работающие с опасными грузами, должны иметь особое обучение и сертификаты, которые подтверждают их квалификацию и знания правил перевозки опасных грузов.

В целом, перевозка опасных грузов требует высокой организации и ответственности со стороны компаний, занимающихся этой деятельностью. Однако, соблюдение правил и требований безопасности позволяет минимизировать риски и обеспечить безопасность перевозки для окружающей среды и людей.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // «Российская газета» от 31 декабря 2001 г. № 256.
2. Безопасность транспортирования опасных веществ. М., 2018. 57 с.
3. Единое образное предписания, касающиеся ТС, предназначенных для перевозки ОГ. М., 2019. 42 с.
4. Сборник материалов МВД РФ по перевозке опасных грузов. Письма и разъяснения. М., 2020. 84 с.
5. European Agreement on the International Carriage of Dangerous Goods by Road, Copyright © United Nations, 2020.
6. United nations recommendations on the transport of dangerous goods, Copyright United Nations, 2019. С. 55–58.
7. Torts: Cases, Principles, and Institutions by John Fabian Witt, Karen Tani - CALI, 2019.

УДК 336.22

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Волков А.А., магистрант 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал, г. Волгоград

Научный руководитель: Миронова С.М., доктор юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей, которые возникли при внедрении понятия цифровых прав в систему налогообложения. Автором был рассмотрен ряд принятых нормативно-правовых актов, содержание которых было направлено на конкретизацию понятия цифровых в правовом поле, обозначены причины их принятия, а также их значимость для регулирования и установления порядка регулирования цифровых финансовых активов. Автор полагает, что вводимые и изменения в действующее законодательство имели положительные результаты в виде стимулирования отраслей экономики, которые задействуют в своем правовом обороте цифровые права.

Ключевые слова: налогообложение, функции государства, цифровые финансовые активы, цифровые права.

TAXATION OF DIGITAL RIGHTS

Volkov A.A., 2nd year undergraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Mironova S.M., Doctor of Law, professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the peculiarities that have arisen in the implementation of the concept of digital rights in the taxation system. The author considered a number of adopted legal acts, the content of which was aimed at specifying the concept of digital in the legal field, the reasons for their adoption, as well as their importance for the regulation and establishment of the regulation of digital financial assets. The author believes that the changes introduced into the current legislation had a positive result in the form of stimulating the sectors of the economy that involve digital rights in their legal turnover.

Keywords: taxation, government functions, digital financial assets, digital rights.

Функционирование государства неразрывно связано со сбором налогов. Это объясняется тем, что основное предназначение государства – регулирование взаимодействия людей и сообществ в пределах своих границ. Для жизнеобеспечения государственного аппарата необходимы регулярные налоговые поступления. Эти положения также находят своё отражение в существовании фискальной функции государства, проявляющейся в аккумулировании налогов и сборов [2, с. 51–56]. С одной стороны, в контексте осуществления фискальной функции государство заинтересовано в получении как можно большего количества налогов и сборов. С другой стороны, для обеспечения легитимности своих действий оно должно установить процедуры и пределы для осуществления своих полномочий. Это, на первый взгляд, кажущееся общим рассуждение, приобретает актуальность в период повсеместной цифровизации. Поэтому, когда в обороте оказываются цифровые активы, помимо упорядочения взаимодействия с их использованием, государство также заинтересовано в том, чтобы адаптировать эти не урегулированные налоговым правом отношения к процедурам налогообложения.

Несмотря на то, что рассуждение о налогообложении цифровых активов в юридической литературе ведутся довольно давно, вести более-менее предметный разговор об этом стало возможным только с введением понятия «цифровых прав» в систему российского права [3, с. 32–46]. В 2019 году Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ были внесены изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, которые установили понятие цифровых прав. Основные изменения, коснувшиеся установления цифровых прав, отразились на ст. 128 ГК РФ и в добавлении новой статьи 141.1 ГК РФ. В статье 128 ГК РФ было подчёркнуто, что цифровые права являются частным случаем имущественных прав. А статья 141.1 ГК РФ установила, что цифровые права представляют собой «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы» в рамках которой они осуществляются [6].

На основе принятого закона стала возможной правотворческая работа по продумыванию налогообложения цифровых прав, которая впоследствии нашла своё выражение в Федеральном законе от 14 июля 2022 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (далее также – Закон № 324-ФЗ) [7]. Законопроект был внесён в Государственную Думу РФ 14 апреля 2022 года Правительством РФ. Работа над законопроектом протекала в сжатые сроки. Так, менее чем за 4 месяца, закон был принят и одобрен Федеральным Собранием Российской Федерации, подписан и опубликован Президентом России. Закон вступил в силу со дня его официального опубликования.

В пояснительной записке к законопроекту № 106872-8 было указано, на существование право-образовательных факторов, которые требуют упорядочения и унификации в законодательном акте. В частности, было указано, что в настоящее время широкое распространение приобрела предпринимательская деятельность с использованием цифровых прав, и одним из ключевых условий функционирования цифровой экономики является установление порядка налогообложения «деятельности с цифровыми финансовыми активами и цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права» [5]. В дальнейшем по тексту обозначим эту формулировку фразой «цифровые права». С позицией, выраженной в законопроекте, соглашались и эксперты, которые указывают, что предпринимателям необходим был чёткий и понятный порядок налогообложения их цифровых активов, который исключал бы давал ясный алгоритм действия и им, и налоговым органам для выстраивания конструктивного взаимодействия [4].

Представляется любопытной процитированная нами формулировка из пояснительной записки с учётом того, что без изменений она вошла в итоговый текст федерального закона. Любопытство к ней обусловлено противоречивостью, которое содержится в ней. Так, ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» устанавливает, что «цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права...» Полагаю, что эта формулировка установлена для тех активов, которые подходят и под признаки цифровых финансовых активов, и под признаки утилитарных цифровых прав. Понятие утилитарных цифровых прав, в свою очередь, разъяснено в Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ...» [5].

Закон № 324-ФЗ структурно подразделён на три статьи. В первой статье сведены все изменения, вносимые в налоговое законодательство в части налогообложения цифровых прав. Статья вторая посвящена отчётности оператора информационной системы по отчётности об операциях, произведённых с цифровыми правами, эмитированными в его информационной системе, с момента вступления в силу Закона до 31 декабря 2022 года. Статья третья устанавливает начало действия Закона.

Закон оказывается примечательным не только с позиции юридической техники, опосредующей технику его изложения и его структуру. Закон также примечателен в свете своей стимулирующей направленности. Так, ранее, я указывал на то, что государство заинтересовано в сборе максимума налогов в границах установленных для него налоговых процедур. Однако помимо оценки налоговой процедуры в свете её потенциала обеспечения легитимности сбора налогов, следует отметить, что процедура может быть оценена с экономической точки зрения. Из выше сказанного можно выделить следующее: для максимизации эффекта формирования доверительного отношения налогоплательщика особенно в новой цифровой сфере, добровольного декларирования доходов и уплаты налогов используются механизмы стимулирования, выражающиеся в снижении налоговой нагрузки [7]. И Закон № 324-ФЗ встроился в эту логику налогового стимулирования, что хотя бы с точки зрения намерения законодателя и его воплощения в тексте закона следует оценивать положительно.

Статьей первой Закона № 324-ФЗ были внесены изменения в особенности налогообложения по налогу на добавленную стоимость (глава 21 НК РФ), налог на доходы физических лиц (глава 23 НК РФ) и налог на прибыль организаций (глава 25 НК РФ). Законодателем были приняты меры по налоговому стимулированию в отношении каждого из этих налогов.

В системе норм, регулирующих налог на добавленную стоимость, была скорректирована ч. 12.2 ст. 149 НК РФ, освободившая от налогообложения услуги реализацию цифровых финансовых активов, а также услуги операторов информационных систем (операторов обмена активов и операторов инвестиционных платформ) по выпуску цифровых активов. В законе приводится обширный перечень операций, которые совершаются операторами информационных систем и освобождены от налогообложения. Вот только некоторые из них: услуги по оценке технической возможности допуска цифровых прав к обращению в информационных системах; по предоставлению пользователям доступа к своим информационным системам; по внесению или изменению записей о цифровых правах в информационных системах; по осуществлению расчетов, связанных с выпуском цифровых финансовых активов. Специальные нормы, устанавливающие особенности определения налоговой базы налогоплательщиками и налоговыми агентами, налоговые ставки и применение налоговых вычетов были введены в статьи со 154 по 172 НК РФ.

В части налога на доходы физических лиц важным нововведением представляется статья 214.11 НК РФ. В приведённой статье законодатель предусмотрел особенности определения налоговой базы, исчисления и уплаты налога на доходы по операциям с цифровыми правами. В частности, были введены перечни с указанием на то, что подразумевается доходами и расходами от операций с цифровыми правами (части 1 и 3 ст. 214.11 НК РФ), а также иные детали.

В части налога на прибыль организаций Законом № 324-ФЗ был введён порядок налогообложения цифровых прав, в частности, были уточнены перечень внереализационных доходов и расходов и расходов, которые не будут учитываться в целях налогообложения. Кроме того, уточнены положения об учёте доходов и расходов, связанных с налогообложением цифровых прав. В соответствии с п. 22 ст. 274 НК РФ особенности определения налоговой базы определяются по правилам вновь введённой статьи 282.2 НК РФ. В соответствии с ней налоговая база по налогу на прибыль организаций определяется совокупно с операциями с необращающимися ценными бумагами и необращающимися производными финансовыми инструментами отдельно от общей налоговой базы, по общему правилу.

Примечателен также протекционистский подход законодателя, в контексте установления разных ставок для налогов, уплачиваемых российскими и иностранными организациями. Так, в соответствии со ст. 284 НК РФ налоговая ставка для российских организаций равняется 13 процентам, а для иностранных организаций ставка установлена в 15 процентов.

В целом, эксперты сходятся на том, что введение новых правил налогообложения цифровых прав является важным и конструктивным шагом для развития оборота цифровых активов в легальной сфере [1, 83-90]. Кроме того, ожидания экспертов о внедрении ясной и полноценной системы налогообложения операций, проводимых с цифровыми правами, оказываются оправданными.

В заключение могу отметить, что рассматриваемый мной Федеральный закон № 324-ФЗ действительно сформировал в системе налогового законодательства отдельную подсистему налогообложения цифровых прав (цифровых финансовых активов и утилитарных прав). Закон внёс поправки в правовое регулирование трёх налогов (НДС, НДФЛ и налог на прибыль организаций). Примечательно стимулирующее воздействие Закона в части налога на добавленную стоимость и освобождение от его уплаты операторов информационных систем по ряду услуг, оказываемых при обороте цифровых прав. Кроме того, достаточно примечательным представляется применение разных налоговых ставок для российских и иностранных компаний-налогоплательщиков налога на прибыль организаций, где предпочтение отдаётся российским организациям. Полагаю, что рассмотренный федеральный закон создал обстоятельную нормативную базу налогообложения цифровых активов, дальнейшее развитие которой будет предопределено практикой её применения.

Библиографический список

1. Белякина П.И. Налогообложение цифровых прав // *Налоговед.* 2022. № 12. С. 83–90.
2. Власова М.С., Сигова М.В., Круглова И.А. Роль фискальной функции государства в обеспечении экономической безопасности // *Известия СПбГЭУ.* 2017. № 2 (104). С. 51–56.
3. Ерёмкин М.А. Правовое регулирование налогообложения цифровых услуг в европейских странах // *Налоги и налогообложение.* 2020. № 5. С. 32–46.
4. Налог на токены: что новый законопроект даст инвесторам в цифровые активы // Сайт издания «ФОРБС». URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/471047-nalog-na-tokeny-cto-novuyj-zakonoproekt-dast-investoram-v-cifryve-aktivy> (дата обращения 20.02.2023).
5. Пояснительная записка к законопроекту № 106872-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/106872-8> (дата обращения 20.02.2023).
6. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ // *Собрание законодательства РФ.* 2019. № 12. Ст. 1224
7. Федеральный закон от 14.07.2022 № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // *Российская газета.* № 159. 2022.

УДК 347.45/47

НЕСОВЕРШЕНСТВО ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Иванова Д.О., магистрант юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Канцер Ю.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового и предпринимательского права,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу правоприменительной практики в сфере контрактной системы. Автором выявлены основные проблемы, которые способствуют размножению различных позиций контролирующих и судебных органов, а также сделаны выводы о том, как этого можно избежать в дальнейшем. Приведены конкретные примеры решений Управлений Федеральной антимонопольной службы, а также постановления судов, представлены примеры экспертных мнений.

Ключевые слова: Закон № 44-ФЗ, контракт, правоприменительная практика, УФАС, суд.

IMPERFECTION OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE FIELD OF PROCUREMENT FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Ivanova D.O., Master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Kanzer Yu.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Financial and Business Law,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of law enforcement practice in the field of the contract system. The author identifies the main problems that contribute to the multiplication of various positions of regulatory and judicial authorities, and also draws conclusions on how this can be avoided in the future. Specific examples of decisions of the Departments of the Federal Antimonopoly Service, as well as court decisions are given, examples of expert opinions are presented.

Keywords: Law № 44-FZ, contract, law enforcement practice, OFAS, court.

С момента опубликования и вступления в силу Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее Закон № 44-ФЗ) и по настоящее время вокруг него не перестают утихать споры между многочисленными контролирующими органами, представителями организаций заказчика и субъектами предпринимательской деятельности, выступающими со стороны поставщика (подрядчика, исполнителя). Закон № 44-ФЗ настолько богат разнообразной практикой его применения, что, погружаясь в глубину его прочтения, не всегда сразу можно понять, как именно следует его применять в той или иной ситуации, а противоречащая правоприменительная практика только еще больше может ввести в заблуждение.

Согласно исследованиям Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, государственные (муниципальные), а также корпоративные закупки относятся к высоко коррупционной сфере [1]. В связи с этим, пристальное внимание к соблюдению антикоррупционных норм со стороны контролирующих и правоохранительных органов является вполне закономерным.

Следует отметить, что несовершенство правоприменительной практики с годами лишь увеличивает свои обороты. Все субъекты, попадающие под действие Закона № 44-ФЗ и его подзаконных актов привыкли к тому, что практика Управлений Федеральной антимонопольной службы (далее УФАС) в разных регионах страны может категорически отличаться друг от друга, а порой и в рамках одного региона может быть разной. Однако и судебная практика не отличается постоянством и однообразием.

В данной статье рассмотрим ситуации разных точек зрения на аналогичные вопросы правового применения норм вышеуказанного закона. При этом будут отражены как решения УФАС, так и постановления судов.

Одна из ситуаций связана с применением Постановления Правительства РФ от 31.12.2021 № 2604 «Об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, внесении изменений в пункт 4 постановления Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2021 г. № 2369 и признании утратившими силу некоторых положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» (далее ПП РФ № 2604). А именно, рассмотрим Решение УФАС по Ростовской области от 31 января 2023 по делу № 061/06/42-150/2023, 061/06/42-196/2023 и Решение УФАС по Санкт-Петербургу от 20 февраля 2023 по делу № 44-466/23.

В частности, в рамках п.п. «в» п. 28 раздела V Положения об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд ПП РФ № 2604 установлены документы, подтверждающие наличие у участника закупки аналогичного опыта работ. Жалобы по указанным делам заключались в том, что по мнению заявителя заказчиком были неправомерно установлены требования к перечню документов, предоставляемых в качестве подтверждения опыта выполнения работы, связанного с предметом контракта, в рамках ценового критерия [2].

В обоих рассматриваемых делах, заказчиком в качестве одного из документов, подтверждающих исполнение по контракту (договору), сведений о котором нет в реестре контрактов или реестре договоров, были установлены копии документов, подтверждающих перечисление средств в качестве оплаты по представленному участником контракта (договору) (документы, подтверждающие факт оплаты выполненных работ). В случае отсутствия данных документов, участник закупки не получал баллы за конкретный контракт (договор). Так вот, Ростовское УФАС признало жалобы заявителей необоснованными, ссылаясь на то, что «прерогатива определения перечня документов, представляемых в составе заявки по установленным показателям, в соответствии с которыми будет производиться оценка, принадлежит заказчику». В то время как Санкт-Петербургское УФАС признает жалобу заявителя обоснованной, усматривает в действиях заказчика нарушение п.4 ч.2 ст.42 Закона № 44-ФЗ и говорит о том, что «непредоставление в составе заявки на участие в закупке указанного документа не свидетельствует об отсутствии у участника закупки требуемого опыта» [3].

Рассмотренные выше решения УФАС отражают всю неидеальность, а точнее даже наличие огромного пробела в законодательстве о контрактной системе в сфере закупок, который выражается в несовершенстве его написания, что дает возможность для толкования одних и тех же норм кардинально по-разному.

Многие эксперты также отмечают неоднозначность подходов в принятии решения УФАС. Одним из примеров можно назвать старшего юриста Экспертного центра Института госзакупок С.О. Поставалову. В одной из своих статей она разбирает примеры решений антимонопольных органов и давала рекомендации заказчикам, как действовать, чтобы в случае жалобы, обосновать свою позицию перед контролирующим органом [4].

Как уже было сказано выше, судебная практика тоже различна. Рассмотрим ситуацию, когда суды разных субъектов нашей страны при прочтении одной нормы Закона № 44-ФЗ встают на противоположные стороны и апеллируют отличными друг от друга доводами.

Постановлением седьмого Арбитражного Апелляционного суда от 26 января 2023 № 07АП-11485/2022 было установлено, что между двумя организациями, одна из которых осуществляет хозяйственную деятельность согласно Закону № 44-ФЗ, было установлено соглашение об оказании определенных услуг без заключения контракта, предусмотренного положениями Закона № 44-ФЗ. При этом все существенные условия услуги были прописаны в гарантийном письме, подписанном заказчиком. Также был подтвержден факт оказания услуг исполнителем.

Однако суд постановляет отказать в оплате фактически оказанных услуг, ссылаясь на то, что субъекты Закона № 44-ФЗ «могут вступать в договорные отношения только посредством заключения государственного или муниципального контракта», а также, что «отсутствие государственного или муниципального контракта не порождает у исполнителя право требовать оплаты» оказанных им услуг [5].

Но существует и иной взгляд на подобную ситуацию. Постановлением Арбитражного суда Волго-вятского округа от 23 марта 2023 № А43-7795/2022 было установлено, что исполнителем были оказаны услуги на основании гарантийного письма от администрации одного из муниципальных районов Нижегородской области, попадающей под действие норм Закона № 44-ФЗ. При этом заказчик отказался подписывать акт оказанных услуг и оплачивать услуги, соответственно. Исполнителем документально был подтвержден факт оказания услуг, представлены свидетельские показания.

В данном случае суд постановил, что заказчик обязан оплатить исполнителю оказанные им услуги, обосновывая свою позицию тем, что «в рассматриваемом случае проведение специальных процедур по заключению муниципального контракта, предусмотренного Законом № 44-ФЗ, не требовалось» [6], а услуги были оказаны в рамках закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ на основании письменного соглашения между сторонами.

Быть исполнителем для государственных (муниципальных) нужд – зачастую дело неблагодарное и несет в себе тяжелое финансовое бремя. Заказчикам затруднительно прогнозировать надлежащее исполнение их контрактов, а исполнителем, в свою очередь, трудно быть уверенным в оплате их услуг. Поскольку заставить кого-либо участвовать в закупках невозможно, то единственным выходом является возможность договориться с конкретным исполнителем, а это, в свою очередь, и есть закупка у единственного исполнителя.

Также существует огромное количество случаев пересмотра судебного решения. Один из таких случаев в своей статье рассматривает К.В. Кузнецов. Он приводит пример, когда в рамках одного судебного участка по протесту прокурора происходит пересмотр решения мирового судьи и, как итог, выносится категорически другое постановление по рассматриваемому ранее делу [7]. И если изначально судья прекратил производство по делу в отношении конкретного юридического лица, а также освободил данное лицо от административной ответственности, то в результате пересмотра дела юридическое лицо было признано виновным и был назначен административный штраф в размере 500 тысяч рублей.

Данные примеры не являются единичными. Существует множество разных позиций и мнений у каждого контролирующего и судебного органа, и, конечно же, каждый считает правильной именно свою позицию. Но как же быть тем, кто применяет нормы закона на практике ежедневно? Ведь никогда не можешь быть уверен в том, что в случае выбора для себя определенной схемы применения нормы, твоя позиция окажется правильной и для проверяющего органа. Как отмечает в своей статье О.А. Беляева «мы приходим к тому, что теперь недостаточно буквального восприятия нормы, нужно заниматься телеологическим (целевым) толкованием закона» [8]. Единственным верным решением данной проблемы видится пересмотр имеющихся нормативно-правовых актов, выработка единой политики в принятии решений контролирующими и судебными органами различных уровней власти. Кроме того, отсутствие единства правоприменительной практики должно быть решено путем разработки однозначных и понятных правил организации закупочных процессов. Также хотелось бы, чтобы при принятии конкретных решений контролирующие органы не делали большого акцента и не брали за основу разъясняющие письма органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, поскольку он не является органом, осуществляющим разъяснение законодательства Российской Федерации, практики его применения, практики применения нормативных правовых актов, а также толкование норм, терминов и понятий и дает лишь субъективную оценку толкования норм.

Библиографический список

1. Проект «Бизнес-барометр коррупции» URL: <https://ach.tppgr.ru/barometer/> (дата обращения: 12.04.2023).
2. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Ростовской области от 31 января 2023 по делу № 061/06/42-150/2023, 061/06/42-196/2023. URL: <https://profas.expert/doc/> (дата обращения: 12.04.2023).
3. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу от 20 февраля 2023 по делу № 44-466/23. URL: <https://profas.expert/doc/> (дата обращения: 12.04.2023).
4. Постовалова, С.О. Оценка заявок по Закону № 44-ФЗ: наличие у участника закупки опыта, связанного с предметом контракта / С.О. Постовалова // Вестник института госзакупок. 2022. № 12 (100). С. 15–17.
5. Постановление седьмого Арбитражного Апелляционного суда от 26.01.2023 № 07АП-11485/2022 «О взыскании задолженности по оплате оказанных услуг, процентов за пользование чужими денежными средствами» Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Волго-вятского округа от 23.03.2023 № А43-7795/2022. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1301081302> (дата обращения: 15.04.2023).
7. Кузнецов, К.В. Ст. 19.28 КоАП: как избежать волевого билета для участия в закупках / К.В. Кузнецов // ПРОГОСЗАКАЗ.РФ. 2023. № 1. URL: <https://журнал.прогосзаказ.рф/strong-st-19-28-koap-kak-izbehat-volchego-bileta-dlya-uchastiya-v-zakupkah-strong/#footnote-ref-2> (дата обращения: 15.04.2023).
8. Беляева, О.А. Размышления о новейшем правопорядке на примере закупки у единственного поставщика / О.А. Беляева // ПРОГОСЗАКАЗ.РФ. 2023. № 2. URL: <https://журнал.прогосзаказ.рф/razmyshleniya-o-novejshe-m-pravoporyadke-na-primere-zakupki-u-edinstvennogo-postavshhika> (дата обращения: 15.04.2023).

УДК 346.9

СООТНОШЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ И ДОСУДЕБНЫХ СПОСОБОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ

Каменнов И.А., магистрант 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
Научный руководитель: Кайль Я.Я., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В настоящей статье рассматривается понятие альтернативных способов разрешения споров и досудебного урегулирования споров, история формирования альтернативных способов разрешения споров, взаимосвязь между ними и принципами, на которых они основываются, а также дается общая характеристика способам, которыми осуществляются оба из указанных процессов.

Ключевые слова. Предпринимательский спор, досудебное урегулирование, альтернативное урегулирование, медиация, переговоры, претензионный порядок.

CORRELATION OF ALTERNATIVE AND PRE-JUDICIAL SETTLEMENT OF DISPUTES

Kamenov I.A., 2nd year undergraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Kail Y.Y., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. This article discusses the concept of alternative dispute resolution methods and pre-trial dispute resolution, the history of the formation of alternative dispute resolution methods, the relationship between them and the principles on which they are based, and also gives a general description of the ways in which both of these processes are carried out.

Keywords. Business dispute, pre-trial settlement, alternative settlement, mediation, negotiations, claim procedure.

Альтернативные способы разрешения споров хотя и пересекаются с досудебными способами разрешения споров и осуществляются иногда в одинаковых формах, тем не менее имеют принципиальное отличие в обязательности. Досудебный порядок обязателен, если сторона собирается обратиться в суд, а альтернативные способы не обязательны, а сугубо добровольны, а также не преследуют цели дальнейшего обращения стороны в суд с иском.

Термин альтернативное разрешение споров не приобрел четкого и точного отражения в российском праве, но тем не менее под ним подразумевается система негосударственных методов, благодаря которым стороны могут урегулировать различные правовые споры. Научная литература часто для определения альтернативных способов разрешения споров использует понятие несудебной формы разрешения споров, частные и публичные процедуры урегулирования споров, разрешение споров с позиции взаимного интереса сторон, решение которых является добровольным. Так или иначе альтернативные способы разрешения споров имеют своей главной целью защита своих прав и законных интересов посредством мирного урегулирования, без вмешательства в процесс государственных структур и привлечения государственного внимания, в спорах имеющих гражданско-правовой характер.

Стоит отметить, что альтернативное разрешение споров впервые как правовое явление, направленное на примирение сторон до обращения в суд, возникло в США, где заняло свое место как в теории права так и в законодательстве. Изначально термин звучит как Alternative Dispute Resolution. Таким образом, впервые институт досудебного урегулирования спора возник в США, его основной целью было уменьшить количество дел, поступающих в суд и другие правоохранительные органы, а саму процедуру мирного решения спора сделать доступной для простых граждан [1].

Основными субъектами, способствующими развитию института альтернативных разрешений споров, были негосударственные религиозные и общественные организации, и основная их деятельность по изучению данного института проходила в 70-е года XX века, примерно в это же время юристы СССР активно развивали досудебный порядок разрешения споров [2].

Сначала все развивалось на уровне идеи, концепции, а со временем государственные органы обратили внимания на значимость несудебного урегулирования спора и стали всячески способствовать исследованиям и развитию теории, а затем и вовсе данный институт стал закрепляться в законодательстве ряда штатов и реализовывались в судебной системе. Отметим, что основным и наиболее эффективным способом альтернативно решить спор, не обращаясь в суд, была медиация. Так история развития медиации в Соединенных Штатах Америки выглядит следующим образом [3]:

- медиация развивалась как альтернатива судебному процессу;
- появились и стали активно развиваться методы альтернативных способов разрешения споров, включение данного института в теорию политологии и юриспруденции;
- альтернативные способы разрешения споров стали рассматриваться уже как деятельность, требующая профессиональных навыков и сформировавшая целый институт посредников.

Данный институт показался всему правовому сообществу таким инновационным и эффективным, что со временем стал закрепляться в правовых системах других стран.

Стоит отметить, что законодатель порой не конкретизирует какими должны быть меры по досудебному урегулированию спора. Чаще всего рассматривает вариант переговоров и представления претензии. Данное требование закреплено или в законе, или же стороны могут закрепить его в договоре. Но тем не менее стороны могут избрать другие способы разрешения спора, как например медиация.

В соответствии с частью 5 статьи 4 АПК РФ, всякие действия, непосредственно связанные с соблюдением обязательного претензионного порядка, должны быть осуществлены до подачи искового заявления в арбитражный суд.

Норма пункта 5 части 4 АПК РФ распространяется на договоры гражданско-правового характера. Претензионный или иной досудебный порядок разрешения спора может быть предусмотрен не только федеральным законом, но и договором между сторонами.

Сложившийся деловой оборот чаще всего указывает на три возможных способа досудебного урегулирования спора:

- переговоры;
- претензионный порядок;
- медиация.

Именно они чаще всего фигурируют в договорах в пункте, касающемся досудебного разрешения споров. Со своей стороны, отметим, что все вышеперечисленные способы являются примирительными процедурами или же альтернативными способами разрешения спора. Перечислим другие АСП, чтобы можно было целостно проанализировать, почему именно эти три способа наиболее пригодны для досудебного разрешения споров.

Так альтернативными способами разрешения споров, кроме указанных выше являются:

- третейский суд;
- судебное примирение [4].

С точки зрения досудебного разрешения спора данные два вида не представляют интереса, поскольку в них непосредственное участие принимает суд – третейский или государственный суд, а также в силе решения, которое принимается по итогу. Таким образом, исключается добровольность стороны на разрешение спора, разрешение будет происходить посредством придания обязательности принятому решению. Так если в случае с переговорами, претензионным порядком и медиацией стороны в процессе данных процедур могут прийти к определенным итогам и в любой момент отказаться от них и обратиться в суд, то в случае с третейским судом и судебным примирением, решение будет иметь юридическую силу [5].

Переговоры – это процесс общения и взаимодействия между двумя или более сторонами, направленный на решение конфликтной ситуации или заключение выгодно-го соглашения. Суть переговоров заключается в том, что все действия, которые затрагивают права другой стороны, должны выполняться после предварительного уведомления и получения одобрения, чтобы предотвратить возможную негативную реакцию.

С точки зрения досудебного разрешения спора, то переговоры сложно зафиксировать, они происходят лишь устно, другое дело если имеет место быть переписка на бумажном носителе или по электронной почте. Если из данных писем следует, что стороны предпринимают меры для урегулирования спора, то имеет место досудебное урегулирование спора. Более того, претензия является одним из видов досудебного разрешения спора.

Медиация - это эффективная процедура урегулирования конфликтов путем включения нейтрального посредника, который помогает участникам искать пути решения проблем и достижения приемлемого соглашения. Медиация предназначена для урегулирования гражданских, трудовых и семейных споров, а также других видов споров, прямо предусмотренных законом.

Медиация существует в различных формах много веков и получила широкое распространение в развитых странах. Славянские народы уже в VI веке использовали примирительные процедуры для разрешения конфликтов и споров. Процедура урегулирования споров с использованием примирительных процедур также стала источником древнего обряда славян - «обратимства» и превратилась в один из способов ограничения кровной мести.

Сегодня медиация считается эффективным способом разрешения конфликтов и споров, который помогает избежать длительных и дорогостоящих судебных процессов. В России использование медиации получило широкую поддержку, и медиаторы стали играть важную роль в разрешении конфликтов в различных сферах жизни.

Посредничество в России имеет большое значение, о чем свидетельствует наличие соответствующих глав в первом российском Гражданском процессуальном кодексе и Уставе судопроизводства в коммерческих судах. В современной России медиация стала популярной примирительной процедурой, предоставляющей сторонам право выбора в урегулировании конфликта [6].

Участие в процедуре медиации предоставляет сторонам возможность установления психологического контакта и поиска взаимоприемлемого решения, которое будет удовлетворять их потребности. Медиаторы рассказывают сторонам, как может быть решено дело и сообщают свое мнение о том, каким образом стороны могут мирно решить спор.

Медиация обладает рядом преимуществ, таких как оперативность, конфиденциальность, неформальность, возможная краткая продолжительность процедуры и самостоятельность сторон в принятии решений. Кроме того, использование медиации может привести к экономии финансовых затрат, в том числе судебных расходов при условии достижения медиативного соглашения.

Закон о медиации определяет целью этой процедуры создание правовых условий для применения альтернативной процедуры урегулирования споров, содействие развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений.

Отметим, что если законодатель прямо предусматривает соблюдение досудебного порядка, то вот в отношении иных примирительных процедур нет конкретного указания, закон их не закрепляет, стороны же могут закрепить способ разрешения спора в договоре и определить, как они будут решать спор до суда. То есть, если стороны закрепили способ разрешения спора, то до того момента как они не выполнят эти условия, они не смогут обратиться в суд с иском. Например, если в договоре для разрешения спора предусмотрена медиация, то до ее окончания нельзя обращаться с иском в суд.

Претензионный порядок – это процедура прежде чем обратиться в суд, которую сторона должна выполнить, чтобы уладить конфликт досудебным путем. Это включает в себя подачу претензии – официального заявления, в котором указывается суть претензии, достоверность фактов и доказательства, требуемые меры по урегулированию спора и срок их выполнения. Получатель претензии обязан в течение определенного срока ответить на нее и принять меры по урегулированию спора. Если ответ не поступает или принимаемые меры не устраивают, сторона может обратиться в суд. Таким образом, претензионный порядок позволяет решать конфликты до судебного процесса, что экономит время и ресурсы обеих сторон.

Данные примирительные процедуры также будут иметь черты, которые присущи досудебному порядку.

П.Д. Шкурова и А.А. Шеуджен основными признаками примирительных процедур считают добровольность волеизъявления сторон и цель достижения компромисса при решении спора. Эти же авторы в своих дальнейших исследованиях указывают на обязательность претензионного порядка, в то время как другие примирительные процедуры не имеют такого свойства [7].

В данном контексте убедительнее является мнение Медниковой и Банникова, которые разграничивают досудебный порядок и альтернативные примирительные процедуры, считая, что они не соотносятся как общее и его вид. Указывая на обособленность досудебного порядка, исследователи приводят доказательства того, что данный институт носит обязательный характер для обращения в суд, и не зависит от желания стороны [8].

Также можно считать, что досудебный порядок самостоятельный институт поскольку ни ГПК, ни АПК не приводит его как один из видов примирительных процедур.

Мы же свою очередь можем сказать, что досудебный порядок может быть выражен как в виде претензионного порядка, так и в виде какой-либо примирительной процедуры, и данный факт ни в коем случае не указывает, что претензионный порядок – это разновидность примирительной процедуры. Если же говорить о случае, когда претензионный порядок не предусмотрен для какого-либо конкретного спора законом или договором, то в данном случае если сторона его соблюдает можно говорить о формальных переговорах.

Библиографический список

1. Borut Stražišar Alternative Dispute Resolution // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3.
2. Strong S. (2014). Beyond International Commercial Arbitration? The Promise of International Commercial Mediation. Washington University Journal of Law and Polity, no 4, pp. 11–39.
3. Cole S. (2015) Curbing the Runaway Arbitrator in Commercial Arbitration: Making Exceeding the Powers Count. Available at: http://works.bepress.com/http://works.bepress.com/sarah_cole/2
4. Виды примирительных процедур. Сайт арбитражного суда Кировской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://kirov.arbitr.ru/process/primir/>.
5. Лазарев С.В. «Незападные» альтернативные способы урегулирования споров // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 37–41.
6. Шамликашвили Ц.А. Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров: что необходимо знать судье, чтобы компетентно предложить сторонам обращение к процедуре медиации. М.: Право, 2018. 160 с
7. Шкурова П.Д., Шеуджен А.А. К вопросу о соотношении примирительных процедур // Современная научная мысль. 2020. № 2. С. 198.
8. Медникова М.Е. Установление факта несоблюдения досудебного урегулирования споров арбитражным судом: проблемы применения процессуальных норм // Арбитражный и гражданский процесс. М.: Юрист. 2006. № 12.

УДК 347.962.3

ПРЕЗУМПЦИЯ ИСТИННОСТИ НЕОСПОРЕННЫХ ФАКТОВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Канцер Ю.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового и предпринимательского права,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Туров Г.С., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Настоящая работа представляет собой исследование относительного нового правового явления в современном арбитражном процессуальном праве Российской Федерации – презумпции истинности неоспоренных фактов в арбитражном процессе. Изыскания нормативной базы, устанавливающей рассматриваемую презумпцию, в юриспруденции имеются. Тем не менее работ о современном состоянии данного субинститута относительно мало, что требует дополнительного исследования в связи с выработкой новых позиций в доктрине и правоприменительной практике. Кроме того, презумпция истинности неоспоренных фактов в настоящее время не рассмотрена с призывом соотношения принципов состязательности сторон и процессуальной активности суда (судейского руководства), в связи с чем в статье данная презумпция проанализирована, в том числе, с указанного аспекта.

Ключевые слова: арбитражный процесс, доказательства, состязательность сторон, процессуальная активность суда, презумпция истинности неоспоренных фактов.

THE PRESUMPTION OF THE TRUTH OF UNDISPUTED FACTS IN THE ARBITRATION PROCESS: THE CURRENT STATUS

Kantser Yu.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Financial and Business Law,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd

Turov G.S., 1st year undergraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd

Abstract. This work is a research of a relatively new legal phenomenon in the modern arbitration procedural law of the Russian Federation - the presumption of the truth of undisputed facts in the arbitration process. Studies of the regulatory framework establishing the presumption in question are available in jurisprudence. Nevertheless, there are relatively few studies on the current state of this sub-institution, which requires additional research in connection with the development of new positions in the doctrine and law enforcement practice. In addition, the presumption of the truth of undisputed facts is not currently considered from the prism of the correlation between the principles of the adversarial nature of the parties and the procedural activity of the court (judicial leadership), and therefore this presumption is studied in the article, including from this aspect.

Keywords: arbitration process, evidence, adversarial nature of the parties, procedural activity of the court, presumption of the truth of undisputed facts.

В Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – АПК РФ) в 2010 г. соответствующим федеральным законом от 27.07.2010 г. № 228-ФЗ внесены изменения: введена в действие процессуальная норма в ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ.

В соответствии с данной нормой в случае, если одна из сторон прямо не оспаривает или не выражает несогласие против тех или иных обстоятельств, на которые ссылается другая сторона, последние считаются признанными другой стороной, что, в свою очередь, освобождает суд от необходимости дополнительного исследования доказательств в связи с возражениями другой стороны об их относимости, допустимости, достоверности и, в совокупности, достаточности.

Тем не менее, несмотря на то, что рассматриваемая норма применяется на правоприменительной практике достаточно продолжительное время, она имеет ряд спорных аспектов, особенно актуальных для современной доктрины и правоприменителя.

Впервые арбитражно-процессуальная категория «презумпция истинности неоспоренных фактов» доктринально введена в 2011 г.

В частности, в своей работе при анализе нормы в ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ О.Н. Шеменова предположила [1], что введенная норма представляет собой ни что иное как процессуальную санкцию со стороны суда за неисполнение обязанности по доказыванию обстоятельств, на которые ссылается сторона, установленной в ч. 1 ст. 65 АПК РФ. Сделан вывод о том, что подобного рода процессуальное явление следует именовать презумпцией истинности неоспоренных фактов в суде.

В 2017 г. О.Н. Шеменовой обоснованно сделан и другой вывод: презумпция истинности неоспоренных фактов в суде есть ничто иное как особая процессуальная фикция, поскольку арбитражный суд определяет заведомо ложный и несоответствующий действительности вывод о том, что если сторона не представила доказательства, опровергающие обстоятельства, на которые ссылается другая, то сведения о фактах другой стороны априори истинны [2].

Тем не менее в настоящее время в арбитражной процессуальной науке Российской Федерации существуют доводы в отношении презумпции неоспоренных фактов в арбитражном процессе, которые носят весьма спорный характер.

В частности, современная юриспруденция не дает точного и объективного ответа на вопрос о том, на реализацию и обеспечение какого принципа направлена презумпция неоспоренных фактов в арбитражном процессе.

Например, П.В. Крашенинников отмечает [3], что норма в ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ усиливает принцип диспозитивности арбитражного процесса. Но вопрос о том, каким именно образом появление новой процессуальной нормы усиливает рассматриваемый принцип, остается без ответа и обоснования.

Нормативное определение принципа диспозитивности в арбитражном процессуальном праве Российской Федерации в настоящее время отсутствует.

Более того, нормы института арбитражного процессуального права «Основные положения», закрепленные в первой главе АПК РФ, среди принципов арбитражного судопроизводства диспозитивность не устанавливают.

Тем не менее он выводится посредством индуктивного метода с помощью системного анализа арбитражно-процессуальных норм.

С помощью такого подхода С.В. Моисеевым заключено [3, с. 17], что диспозитивность представляет собой один из принципов арбитражного процесса, предоставляющий возможность участникам процесса свободно осуществлять принадлежащие им процессуальные права, связанные с определением предмета судебной защиты, а также с движением процесса.

Подобного рода понимание, однако, не позволят выявить наличие четкой связи презумпции истинности неоспоренных фактов в арбитражном процессе с принципом диспозитивности.

Данный принцип объективно выражается, например, в возможности изменить предмет или основание иска, заключить мировое соглашение, совершить иные подобные процессуальные действия.

Но непосредственно порядок отправления правосудия, порядок, в том числе, представления доказательств, полагается, связаны с другими принципами – принципом состязательности и принципом судейского руководства (процессуальной активности) суда.

Принцип состязательности определяется как одно из основополагающих начал арбитражного процессуального права, в силу которого бремя доказывания возлагается на стороны [4].

В этой связи презумпция истинности неоспоренных фактов по своей правовой природе больше связана с принципом состязательности.

Однако и связь с состязательностью, полагается, является спорной, поскольку данный принцип предполагает реализацию обязанностей сторон по представлению доказательств, в то время как презумпция истинности неоспоренных фактов, наоборот, предоставляет возможность, во-первых, не исполнять обязанность по представлению доказательств, во-вторых, применять со стороны суда особую процессуальную санкцию в виде признания неоспоренных фактов и истинными.

Это, в свою очередь, позволяет заключить об особой связи рассматриваемой презумпции с принципом судейского руководства (процессуальной активности) суда).

Судейское руководство В.В. Ярков определяет как особый принцип, который выражается в обеспечении руководства судом хода судебного заседания, соблюдения в нем порядка, содействии в использовании прав и исполнении обязанностей участниками процесса, в разъяснении содержания процессуального статуса участников процесса и правовых последствий тех или иных процессуальных действий [5, с. 83].

Анализ подобного определения можно привести к необоснованному заключению о том, что связь с исследуемой презумпцией отсутствует, однако это вовсе не так.

Одной из проблем современного арбитражного процессуального права России выступает вопрос соотношения категорий «судейское руководство» и «процессуальная активность суда».

Рассматриваемые категории нередко отождествляются в доктрине.

В частности, С.В. Лазарев определяет судейское руководство как «активные инициативные действия суда в сфере движения дела, познавательной деятельности и организации процесса» [6, с. 45], что свидетельствует о неразграничении данных категорий.

Тем не менее презумпция истинности неоспоренных фактов в арбитражном процессе – ключ для решения данной проблемы.

При реализации данной презумпции арбитражный суд, применяя, по сути, процессуальную фикцию, «экономит» дальнейшие процессуальные действия как для самого суда в части организации судебного разбирательства, так и для сторон в части представления дополнительных доказательств.

Таким образом, презумпция истинности неоспоренных фактов есть реализация принципа судейского руководства в арбитражном процессе.

Данная презумпция также помогает разграничивать судейское руководство и процессуальную активность суда: при применении ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ руководит процессом, поскольку определяет порядок представления доказательств и дальнейшую процессуальную судьбу дела, но при этом освобождает себя и стороны от дальнейших активных действий по представлению и исследованию доказательств.

Юриспруденция, тем не менее, представляет собой лишь одну из сторон правовой действительности. Важное значение, безусловно, имеет правоприменительная практика.

При проведении исследования выявлена весьма интересная тенденция: если при введении в действие нормы в ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ суды ее редко применяли, то в настоящее время она весьма активно применяется на практике.

Необходимость приведения конкретных дел, полагается, отсутствует, поскольку достаточно использования известных справочно-правовых систем, чтобы найти большое количество судебных актов, мотивирующих принятие решения в пользу стороны, представившей доказательства, которые другой стороной не были оспорены.

Однако следует отметить, что имеются примеры, когда арбитражные суды не применяют эту норму, хотя это следовало бы сделать это применительно к особенностям рассматриваемого дела.

В частности, как следует из постановления Арбитражного суда Московского округа от 21 февраля 2023 г. по делу № А40-60740/2022, истец обратился в суд с требованием о взыскании денежных средств с контрагента в связи с тем, что оплачивал выполненные подрядчиком работы, несмотря на отсутствие договора. Суды первых двух инстанций отказали в удовлетворении требований истца, ссылаясь на назначения в платежных поручениях, однако суд кассационной инстанции занял иную позицию: поскольку ответчик не предоставлял отзыва на иск, то следовало исходить из нормы в ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ.

Схожая позиция отражена также в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 26 октября 2021 г. по делу № А40-72921/2021.

Тем не менее существуют иные прецеденты, в рамках которых суды, проявляя недостаточную внимательность в целях процессуальной экономии собственных действий по исследованию и оценке представленных стороной спора доказательств, допускают ошибки.

В частности, кассационным постановлением Суда по интеллектуальным правам от 23.03.2023 г. № С01-89/2023 по делу № А17-248/2022 дело направлено на новое рассмотрение в арбитражный суд апелляционной инстанции в связи с тем, что суды нижестоящих инстанций надлежащим образом не оценили представленные стороной доказательства, применив норму ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ.

Аналогичная правовая позиция изложена в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 13 февраля 2023 г. № Ф06-28448/2022: «непредставление ответчиком альтернативного расчета само по себе не освобождает суд от проверки представленного истцом расчета на предмет его соответствия нормативным положениям и не является основанием для применения ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ».

Во избежание подобного рода злоупотреблений и (или) неосмотрительности со стороны арбитражных судов предлагается в одной из норм ст. 70 АПК РФ отдельно определить, что применение положений ч. 3.1 рассматриваемой статьи не освобождает суд от обязанности по оценке представленных стороной спора доказательств, в том числе, но не ограничиваясь, обязанности по анализу представленных расчетов.

Таким образом, по результатам настоящего исследования определена связь презумпции истинности неоспоренных фактов в арбитражном процессе с принципом судейского руководства, а также выявлены проблемы ошибочного игнорирования и, наоборот, излишнего применения арбитражными судами положений ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ и проявления неосмотрительности при оценке доказательств, представленных стороной спора.

Библиографический список

1. Шеменова, О.Н. Неоспоренные обстоятельства в арбитражном процессе / О.Н. Шеменова // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 2. С. 19–22.
2. Шеменова, О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 312 с.
3. Моисеев, С.В. Понимание принципа диспозитивности в арбитражном процессе / С.В. Моисеев // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 1. 2008. С. 3–17.
4. Лапонова, Т.Н. Соблюдение принципа состязательности при рассмотрении дел арбитражными судами первой инстанции / Т.Н. Лапонова // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (1). 2012. С. 205–210.
5. Арбитражный процесс : учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 752 с.
6. Лазарев, С.В. Принцип судейского руководства: история и современность / С.В. Лазарев // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики : Сборник научных статей / Сост. и ред. Л.В. Войтович. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 31–48.

УДК 347.731

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Козловцев М.С., студент 1 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Токарев Д.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу правовой природы финансовых активов и обязательств, возникающих из финансовых инструментов, проблемам их регулирования. Сочетание в финансовых инструментах частного и публичного интересов создает особые отношения по их обороту. Анализируется роль государственных органов в определении правового режима финансовых инструментов.

Ключевые слова: финансовые инструменты, финансовые активы, финансовые обязательства, рынок ценных бумаг и производных финансовых инструментов, Центральный Банк.

ACTUAL PROBLEMS OF REGULATION OF FINANCIAL ASSETS AND LIABILITIES ARISING FROM FINANCIAL INSTRUMENTS

Kozlovtssev M.S., 1st year Master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Tokarev D.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal nature of financial assets and liabilities arising from financial instruments, the problems of their regulation. The combination of private and public interests in financial instruments creates a special relationship in their turnover. The role of state bodies in determining the legal regime of financial instruments is analyzed.

Keywords: financial instruments, financial assets, financial liabilities, securities and derivatives market, Central Bank.

Формирование системы финансовых инструментов Российской Федерации происходило в условиях чередующихся кризисных состояний. Кризисы 1998, 2008, 2014 и 2022 гг. требовали изменения правового регулирования данного института. Необходимость аккумуляции инвестиционных ресурсов и расширение доверия частных лиц и организаций, приводили к либерализации правил торговли финансовыми инструментами и появлению законов защищающих права инвесторов. С другой стороны, банковские и фондовые кризисы требовали усиления контроля со стороны Центрального Банка и Министерства финансов РФ. Кроме того, усиливающаяся глобализация финансового рынка приводила к необходимости стандартизации правовой базы с международным правом. В этих условиях Россия достаточно успешно реформировала институт ценных бумаг, производных финансовых инструментов и цифровых активов, но единого подхода к этим понятиям не сформулировала. В законе о рынке ценных бумаг содержится наиболее общее определение понятия финансовый инструмент – ценная бумага или производный финансовый инструмент [1]. Данное определение не способствует развитию данного института, поскольку излишне сужает сферу применения и не погружает в суть исследуемых отношений.

Легализованный Минфином Международный стандарт финансовой отчетности (IAS – 32 Финансовые инструменты: представление) даёт иное определение финансового инструмента – договора, на основании которого возникает финансовый актив у одной организации и финансовое обязательство или долевого инструмент у другой [2]. Данный стандарт как понятие из названия применяется для формирования отчетности и не может служить единым определением для всех целей правового регулирования, однако, в российской правовой базе легального определения отражающего сущностную сторону данных правоотношений не выработано. Именно поэтому Центральный Банк РФ, создавая собственные нормативные документы, ссылаются на данный стандарт. Данный факт существенно замедляет формирование четкого правового регулирования в данной области [3].

Исследуя экономическую сущность правовых отношений, автором выработано следующее определение: финансовый инструмент – договор, обеспечивающий возникновение финансового актива, с одной стороны и финансового обязательства, с другой стороны, способный к обращению на финансовом рынке и используемый для решения финансовых задач финансирования, кредитования, страхования, ценообразования или валютного обмена. Данное определение, подходит для использования в нормативных документах и может быть использовано в ФЗ «о рынке ценных бумаг», поскольку погружает в суть исследуемого явления и способствует единообразному пониманию целей и задач регулирования. Как видно из определения существенной частью любого финансового инструмента являются возникающие из него финансовые активы и финансовые обязательства.

На рисунке схематично представлено распределение финансовых активов и обязательств на финансовом рынке:

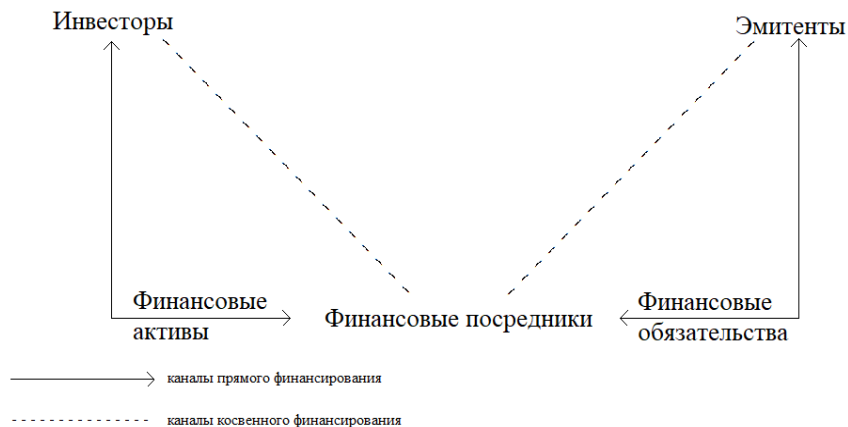

Рис. 1. Схема финансового инструмента

Данная схема, составленная автором, показывает движение финансовых активов и обязательств внутри финансового рынка. Стоит более подробно остановиться на понятиях финансовых активов и обязательств.

Исследователи, рассуждая о финансовых активах, занимают две научных позиции. С одной стороны, они утверждают, что финансовый актив – это объект гражданского права, получаемый инвестором и удостоверяющий право на получение благ от владения финансовым инструментом. Данный подход, который описывает исследователь А. Габов, характеризует «право из бумаги», оно соответствует концепции сложившегося регулирования российских ценных бумаг [4]. С другой стороны, во многом благодаря исследователям английского права, таких как С. Тропская, сформировался подход к пониманию финансового актива – как объекта финансовых сделок, внутренняя стоимость которого определяется предъявляемым спросом и предложением. Данный подход также называется «право на бумагу» и соответствует понятие securities. Первое определение классифицирует финансовые инструменты как средство накопления, второе как рискованный объект финансового оборота. Во многом именно различиями этих концепции определяются межстрановые расхождения систем налогообложения, учёта прав и регулирования. Объективно правильный вариант определения находится где-то между этими понятиями и в любом случае пробел в правопонимании восполняется от потребностей конкретной правовой системы [5]. Так в России необходимость признания «права на бумагу» обычно подтверждается актами Центрального Банка, детализирующими положения каждой конкретного финансового инструмента, например, положением «О стандартах эмиссии ценных бумаг». В странах английского права – правилами бухгалтерского учёта и решениями контролирующих органов, например, SEC (Комиссии по ценным бумагам США).

В этом смысле договор финансового инструмента имеет признаки публичной оферты. Заключающие его стороны считают, что они заранее знают все существенные условия заключаемого контракта и осуществляют сделку независимо друг от друга.

Свобода договора и данные различия иногда создают сложности в понимании действия конкретного финансового инструмента. Так 15 марта 2023 в ЦБ России депутатом Государственной Думы было отправлено письмо с требованием ввести ограничения на оборот ценных бумаг оборонных предприятий недружественных стран. Проблему подобного ограничения объясняют представители «СПБ Биржи», указывая, что вторичное обращение таких ценных бумаг не имеет отношения к финансированию, поскольку все деньги были получены компаниями от эмиссии, а их перепродажа не приводит к возникновению финансового потока к компаниям, а отражает лишь отношения между инвесторами. Данные финансовые инструменты выступают лишь объектами спекулятивных сделок или удостоверяют право на получение дивидендов. Ни косвенного, ни прямого фи-

нансирования при этом не происходит, а в сложившейся инфраструктуре учёта права, иностранные депозитарии даже не имеют представления о конкретных владельцах акций, а такая информация есть только у российских брокеров. Таким образом финансовый актив не обозначает обязательного наличия финансового потока от инвестора к организации, а лишь служит удостоверением права владения и распоряжения [6].

Если инвесторы связаны с посредниками отношениями по финансовым активам, то эмитенты исполняют финансовые обязательства. Гражданский кодекс даёт следующее понятие обязательства – В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности [7, ст. 307]. В общем случае обязательства по финансовым инструментам исполняют в соответствии с их прямым значением, должник выплачивает в оговоренные сроки денежные средства по займам или эмитент акций раскрывает информацию в соответствии с установленным законом порядком. Однако, при реализации финансовых инструментов обязательства могут носить и вероятностный характер. Изучению понятия «вероятность» учёными юристами уделено мало внимания, в большинстве случаев оно воспринимается как само собой разумеющееся. В работе Машукова Р.А. выделяет вероятность, как категорию применимую к гражданско-правовым отношениям, несущую оценочный характер [8]. Оценочность одна из ключевых характеристик финансового рынка, инвесторы постоянно оценивают вероятности и исходя из этого выбирают финансовые инструменты. Финансовое обязательство по финансовым инструментам подвижно и не гарантировано. Предусмотренные законом нормы, гарантирующие исполнение обязательства выполняются лишь в ряде инструментов, в основном в долговых. Можно говорить об инструментах без обязанности эмитента, выделяя их в отдельную группу, например, долевых инструментов, таких как акции и паи, но эмитенты обязуются добросовестно осуществлять свою деятельность, а инвесторы надеются извлечь прибыль. Данные категории не должны быть рассогласованными. Кроме того, практически все производные финансовые инструменты носят вероятностный характер обязательств, исполнение которых может возникать лишь при соблюдении определённых условий. В связи с этим несмотря на выделение в рамках законодательства долевых инструментов, не признание обязанности в них как составной части видится неверным, всем финансовым инструментам свойственны обязательства со стороны эмитента.

В этой связи ещё одним дискуссионным вопросом является вопрос участия миноритарных инвесторов в голосованиях. Зачастую решение по обязательствам возникающих из финансовых инструментов лежит на стороне эмитента. Законодательством об акционерных обществах утверждаются права миноритариев на принятие решений, однако на практике они редко исполняются. В условиях цифровизации нет препятствий для удаленного доступа к принятию решений, подзаконными актами уже утверждены правила заочных голосований по вопросам акционерных обществ, необходимо расширить данную практику и предоставить возможность миноритариям участвовать в принятии решений удобным им способом, например, через приложения брокеров.

Ещё одним быстро развивающимся финансовым инструментом становится криптовалюта. В России быстрыми темпами создается правовая база для регулирования данного типа отношений. Был принят закон о цифровых финансовых активах, о цифровых правах и о привлечении инвестиций с использованием цифровых платформ [9, с. 133]. Данные законы задают понятия – цифрового финансового актива, токена и цифровой платформы, но больше направлены на регулирования оборота данных активов, нежели на признание их финансовыми активами [10, с. 15-16.]. Пока что очень ограниченно развитие учреждений, которыми можно осуществлять сделки с криптовалютами, они строго контролируются центральным банком и стараются максимально деанонимизировать операции и создать структуру посредников, по сути превращая ЦФА в обычные банковские операции. Несмотря на это многие граждане используют зарубежные платформы и биржи для своих финансовых вложений.

Таким образом, правовое регулирование финансовых инструментов в Российской Федерации находится на начальном этапе и требует уточнения. Сочетание в данных правоотношениях норм международного и национального права разных стран требует особого подхода. Своевременный и ясный правовой статус некоторых инструментов может значительно улучшить положение российского финансового рынка на мировом уровне, а российские компании смогут привлечь больше средств.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39 «О рынке ценных бумаг» (ред. от 19.12.2022) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
2. Международный стандарт финансовой отчётности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 25.12.2015 N 217н) (ред. от 14.12.2020) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
3. Васянина Е.Л. Актуальные проблемы правового регулирования финансовых отношений / Е.Л. Васянина ст. в журнале [Текст] // Пролог: журнал о праве. 2022. № 3 (35).
4. Подробнее см.: Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011.
5. Тропская С.С. Проблемы правовой неопределенности / С.С. Тропская // Безопасность бизнеса, 2022. № 4.
6. Нараева А., Литова Е ЦБ поддержал ограничение торговли бумагами компаний оборонной промышленности недружественных стран // Ведомости. 2023. 20.03. Ст. 5.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп. от 06.08.2021) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
8. Машуков Р.А. Категория «вероятность» в гражданском праве: понятие и правовое значение / Р.А. Машуков // МНИЖ. 2019. № 4-2 (82).
9. Левин Л.Л. Актуальные проблемы регулирования оборота криптовалют в российской федерации / Л.Л. Машуков // Государственная служба. 2021. № 5.
10. Раздорный К.Б. Проблемы налогообложения доходов физических и юридических лиц от операций с цифровыми финансовыми активами / К.Б. Раздорный // Налоги и налогообложение. 2020. № 5. С. 15–16.

УДК 346.14

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Кривенцев М.А., студент 2 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Литвиненко З.Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматривается состояние и перспективы развития малого и среднего предпринимательства Волгоградской области с учетом экономической нестабильности и сложной геополитической обстановки в Российской Федерации. Показаны достижения в деятельности малого и среднего бизнеса в регионе.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, Волгоградская область, национальный проект, ГАУ ВО «Мой бизнес».

TRENDS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP IN THE VOLGOGRAD REGION IN MODERN CONDITIONS

Krivtsev M.A., 2nd year student of the Master's program of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Litvinenko Z.G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article discusses the state and prospects for the development of small and medium-sized businesses in the Volgograd region, taking into account economic instability and the difficult geopolitical situation in the Russian Federation. The achievements in the activities of small and medium-sized businesses in the region are shown.

Keywords: small and medium business, Volgograd region, national project, GAU VO «My business».

Малый и средний бизнес в субъектах Российской Федерации в определенной степени выступает как локомотив развития территорий, т.к. эти предприятия обеспечивают занятость населения путем предоставления рабочих мест, способствуют повышению конкурентоспособности экономики региона, увеличивают собираемость налогов в местные бюджеты [1]. Это особенно важно в сложных геополитических условиях, когда против России принимается очередной пакет санкций со стороны недружественных государств, идет специальная военная операция.

Стремление западных государств во главе США нанести урон нашему государству не увенчались успехом, наша экономика, в том числе и финансовая система выстояли. Более того, санкционные мероприятия привели к обратному действию, когда МСП успешно решают вопросы импортозамещения, восстановления нарушенных логистических связей, выпуска необходимых комплектующих частей для авиационной и других отраслей промышленности [2]. Значительным преимуществом предприятий малого и среднего бизнеса выступает мобильность отвечать на различные экономические риски, оперативно перестраивая свою деятельность в соответствии с запросами и требованиями рынка.

Российская Федерация и её субъекты не оказались в изоляции, как не хотелось бы этого иностранным агентам. Подтверждением чему является Волгоградская область, где в 2021 году в рамках реализации регионального проекта «Системные меры поддержки и развития экспорта Волгоградской области» прошел следующий ряд мероприятий, в которых активно участие принимали представители МСП [3]:

- организовано 40 выставочно-конгрессных мероприятий;
- осуществлено 2 бизнес-миссии с участием бизнес-делегаций: в Республику Казахстан (в формате онлайн) и в Республику Беларусь (в очном формате);

- проведен в смешанном формате VIII Международный форум общественной дипломатии «Диалог на Волге: мир и взаимопонимание в XXI веке», целью которого стал поиск эффективных решений современных проблем мировой политики, укрепление международного сотрудничества в гуманитарной сфере, в сферах культуры, туризма и делового взаимодействия. Общее количество просмотревших мероприятия форума составило свыше 19 тыс. человек из 20 стран;

- проведен в онлайн-формате IV Международный форум «Вперед на экспорт!», площадка которого объединила более 1300 участников из 5 стран мира, а также представителей 252 субъектов МСП региона, общественной дипломатии, экспертов, руководителей профильных ассоциаций и объединений, федеральных и региональных органов исполнительной власти

Если обратиться к статистическим данным относительно состояния МСП на территории Волгоградской области, то они внушают оптимизм, несмотря на последствия пандемии и вышеуказанных обстоятельств. В таблице 1 представлены сведения, характеризующие ряд ключевых показателей МСП в регионе.

Статистические данные о состоянии малого и среднего предпринимательства в Волгоградской области за период с 2020 по 2022 годы

Показатель	2020	2021	2022	Отклонение 2021 к 2020, %	Отклонение 2022 к 2021, %
Общее количество МСП микропредприятий, ИП, ед.	72366	72605	71638	99,7%	101,3%
Среднесписочная численность работников МСП, тыс. чел.	217,15	224,35	173,73	96,8%	129,1%
Количество самозанятых граждан, тыс. чел.	21,5	52,16	79,01	41,2%	66,0%
Оборот МСП, в т.ч. микропредприятий, млрд. руб.	513,1	794,97	802,12	64,5%	99,1%

Примечание – Составлено автором по статистическим данным [3, 4, 5]

Анализ данных таблицы показывает, наибольшее количество МСП, микропредприятий, индивидуальных предпринимателей выпадало на 2021 год, уже в следующем году их численность несколько сократилась. Очевидно, это произошло за счет роста числа самозанятых граждан с показателя в 21,5 тыс. чел. в 2020 году до рекордной цифры в 79 тыс. чел. в 2022 году. Самозанятые граждане занимаются различными видами деятельности, среди которых наиболее популярными являются предоставление образовательных услуг (репетиторство), няни (сиделки), фрилансеры (копирайтеры), портновство, парикмахерские услуги и т.п.

На рисунке 1 представлена динамика общего количества МСП микропредприятий, ИП, среднесписочная численность работников МСП и самозанятых граждан за исследуемый период.

Рис. 1. Динамика отдельных показателей МСП в Волгоградской области с 2020 по 2022 гг.

Примечание – Составлено автором по статистическим данным [3, 4, 5]

С 01 января 2020 г. на территории Волгоградской области был введен специальный налоговый режим – налог на профессиональный доход. Количество самозанятых граждан в Волгоградской области в 2021 году выросло на 30651 человека и составило на конец года 52160 человек. По состоянию на конец 2022 г. количество самозанятых граждан составило 79001 единицы.

Оборот средних, малых и микропредприятий (с учетом ИП), по итогам сплошного статистического наблюдения, в 2021 году составил 794,97 млрд. рублей, в 2022 г. вырос до 802,12 [6].

В 2021 году обеспечивалось исполнение подпрограммы «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Волгоградской области» государственной программы экономического развития.

На протяжении 2020–2022 гг. в целях достижения целей, показателей и результатов национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в Волгоградской области реализовывались три региональных проекта:

«Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства»;

«Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса»;

«Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами».

В рамках подпрограммы «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Волгоградской области» государственной программы экономического развития, региональных проектов поддержка субъектам МСП оказывалась на площадке институтов развития МСП – центра «Мой бизнес» Ассоциация (некоммерческое партнерство) «Гарантийный фонд Волгоградской области», Государственный фонд «Региональный микрофинансовый центр», Фонд микрофинансирования предпринимательства Волгоградской области (микрокредитная компания), автономная некоммерческая организация «Центр поддержки экспорта Волгоградской области», Центр поддержки предпринимательства Волгоградской области ГАУ ВО «Мой бизнес», Центр инжиниринга Волгоградской области ГАУ ВО «Мой бизнес», Центр инноваций социальной сферы Волгоградской области ГАУ ВО «Мой бизнес», Центр прототипирования Волгоградской области и центры молодежного инновационного творчества путем предоставления:

- образовательных услуг (семинары, вебинары, тренинги, образовательные программы);

- информационных услуг (круглые столы, форумы, работа интернет-ресурсов, горячей телефонной линии);

- консультационных услуг (по любым вопросам предпринимательской деятельности – налоговым, финансовым, маркетинговым, правовым);

- экспертных услуг (сертификация, составление бизнес-планов, разработка программ модернизации, развития, техпервооружения, проведение оценки развития, доработка и разработка сайтов, составление индивидуальных карт развития и так далее);

- экспортных услуг (поиск партнеров, участие в выставочных мероприятиях, деловых миссиях, экспертиза контрактов, содействие выходу на международные электронные площадки и так далее);

- финансовой поддержки в виде займов, поручительств, сопровождения работы с фондами, банками и лизинговыми компаниями.

В 2021 году государственную поддержку получили более 4,3 тыс. субъектов МСП, порядка 5,6 тыс. граждан, желающих открыть собственное дело, и 1,9 тыс. человек из числа самозанятых граждан [3].

Центром «Мой бизнес» в 2021 году было проведено 188 мероприятий для субъектов МСП, самозанятых граждан и физических лиц, оказана 2491 услуга, проведено 2802 консультации, предоставлено 1884 комплексные услуги. Финансовой инфраструктурой обеспечено содействие субъектам МСП в привлечении заемных средств на сумму более 800 млн. рублей. В 2022 году количество проведенных мероприятий увеличилось до 211. За последние два года оказывалась прямая финансовая поддержка социальным предприятиям и молодым предпринимателям в виде грантов на реализацию проектов на общую сумму 24,5 млн. рублей [6].

В регионе активно проводились мероприятия, способствующие популяризации предпринимательской деятельности, вовлечению молодых людей в ведение бизнеса.

Принимаемые меры поддержки субъектов МСП позволили нивелировать последствия ограничительных мер в связи с распространением коронавирусной инфекции, оказать реальную поддержку в период восстановления бизнеса в 2021–2022 годах. Адаптация бизнеса к карантинным ограничениям позволила восстановить экономическую активность бизнеса в регионе в 2021 году и обеспечить рост показателей в сфере МСП.

В 2022 г. условия развития российской экономики существенно изменились. Дополнительным фактором, влияющим на деятельность субъектов МСП, стали ограничительные меры со стороны недружественных государств. Учитывая, что восстановление экономики после пандемии не завершено и появились дополнительные факторы, которые могут негативно сказаться на развитии МСП, период 2022–2025 годов характеризуется повышенной степенью неопределенности.

В 2022 г. позитивные тенденции второй половины 2021 г. сохранились, вместе с тем субъектам МСП необходимо адаптироваться к новым условиям, выстраивать новые логистические цепочки и переориентировать производство.

Принимаемые меры поддержки в соответствии с Планом первоочередных действий позволяют не допустить приостановку работы предприятий.

По оценке, в 2023 году ожидается небольшой рост количества средних и малых предприятий, включая микропредприятия, их количество составит 72650 единиц, среднесписочная численность работников субъектов МСП (без внешних совместителей) с учетом индивидуальных предпринимателей составит 224,35 тыс. человек. Оборот малых и средних предприятий (с учетом индивидуальных предпринимателей) составит 814,84 млрд. рублей [3].

В соответствии с базовым вариантом Прогноза общее количество субъектов МСП в 2024 году – 73232 единицы, в 2025 году прогнозируется в количестве 73525 единиц. Среднесписочная численность работников (с учетом индивидуальных предпринимателей) в 2023 году составит 224,57 тыс. человек, в 2024 году – 225,47 тыс. человек, к 2025 году – 226,37 тыс. человек. Оборот малых и средних предприятий, включая микропредприятия (с учетом индивидуальных предпринимателей), в 2023 году составит 843,36 млрд. рублей, в 2024 году – 885,53 млрд. рублей, в 2025 году – 929,81 млрд. рублей [3].

В Волгоградской области будет продолжена дальнейшая реализация подпрограммы «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Волгоградской области» государственной программы экономического развития, указанных региональных проектов на достижение результатов которых предусмотрено в 2023 году – 279,6 млн. рублей за счет средств федерального и областного бюджетов. Организации инфраструктуры поддержки МСП центра «Мой бизнес» оказываются все предусмотренные законодательством виды поддержки.

Приоритетными направлениями является поддержка социального предпринимательства и молодых предпринимателей, в т.ч. путем предоставления грантов на развитие бизнеса, самозанятых граждан, а также развитие действующих предприятий путем предоставления комплексных услуг, реализация мер, способствующих импортозамещению продукции.

В 2023-2025 годах в целях создания благоприятных условий для устойчивого функционирования и развития МСП в Волгоградской области продолжится реализация мер государственной поддержки МСП, что в свою очередь будет способствовать стабилизации ситуации в экономике, благоприятным условиям для создания новых рабочих мест, росту объемов производства и налоговых поступлений в бюджеты всех уровней.

Развитие МСП в Волгоградской области будет зависеть от общих внешних экономических условий развития экономики в Российской Федерации и последствий введенных ограничительных мер, а также эффективности реализации комплекса мер поддержки предпринимательства, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Библиографический список

1. Петрухина, Н.В. Малый и средний бизнес как ключевой субъект развития региона / Н.В. Петрухина // Вестник Академии знаний. 2021. № 45 (4). С. 231–236. URL: DOI: 10.24412/2304-6139-2021-11363(дата обращения 27.03.2023)
2. Кармова, Б.З. Развитие малого и среднего бизнеса в условиях экономической нестабильности // Б.З. Кармова, Л.Х. Шидова // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. 1-2 (83) С. 33–37. URL: DOI:10.24412/2411-0450-2022-1-283-32-37 (дата обращения 27.03.2023)
3. Прогноз социально-экономического развития Волгоградской области на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов: Постановление Администрации Волгоградской области от 26 октября 2022 года № 635-н // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document> (дата обращения 29.03.2023).
4. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства Волгоградская область. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=0&fo=3&srfr=34> (дата обращения 27.03.2023)
5. Официальный портал Волгоградстат [сайт] - URL: <https://volgastat.gks.ru> (дата обращения 29.03.2023)
6. Официальный портал Комитета экономической политики и развития Волгоградской области [сайт]. URL: <https://economics.volgograd.ru/> (дата обращения 29.03.2023)

УДК 346.242

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С МОНОПОЛИЗАЦИЕЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кузьмичева Е.А., магистрант 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Научный руководитель: Токарев Д.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового и предпринимательского права,

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы правового регулирования, связанные с монополизацией железнодорожной деятельности. Определено, что важным негативным аспектом, влияющим на развитие транспортной сферы Российской Федерации, является монополизация железнодорожной деятельности. Аргументировано, что замена монополий свободным и самоорганизующимся рынком позволит добиться того, чтобы на нем оставались только предприятия, обеспечивающие наиболее высокое качество обслуживания и предоставления транспортных услуг, а также относительно низкие цены.

Ключевые слова: железнодорожная деятельность, монополия, РЖД, самоорганизующийся рынок.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION RELATED TO MONOPOLIZATION OF RAILWAY ACTIVITY

Kuzmicheva E.A., 2nd year master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Scientific adviser: Tokarev D.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Financial and Business Law,

Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article deals with the problems of legal regulation related to the monopolization of railway activities. It is determined that an important negative aspect affecting the development of the transport sector of the Russian Federation is the monopolization of railway activity. It is argued that the replacement of monopolies by a free and self-organizing market will ensure that only enterprises that provide the highest quality of service and provision of transport services, as well as relatively low prices, remain on it.

Keywords: railway activity, monopoly, Russian Railways, self-organizing market.

Несмотря на достигнутые положительные сдвиги, состояние транспортного комплекса в настоящее время не в полной мере отвечает потребностям социально-экономического развития.

Существенным ограничением решения задач ускорения экономического роста является состояние транспортной инфраструктуры различных видов транспорта.

Не решены проблемы, связанные с монополизацией железнодорожной деятельности, что является сдерживающим фактором социально-экономического развития Российской Федерации.

В настоящее время в России – ОАО «Российские железные дороги» (РЖД) являются естественными монополиями.

Сфера регулирования Федерального закона от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» [1] распространяется на железнодорожные перевозки, услуги транспортных терминалов, портов и аэропортов.

Под естественной монополией понимается ситуация, при которой на рынке осуществляет деятельность лишь один производитель, что связано с масштабностью деятельности, в силу эффекта от которой достижение наименьших общественных издержек в ином случае невозможно либо экономически нецелесообразно.

В экономической литературе основными негативными последствиями монополизации того или иного рынка, в основном признаются [2]:

1. Неграмотное распределение ресурсов;
2. Повышение цен искусственно;
3. Не достаточно высокая эффективность;
4. Отсутствие стимулов;
5. Приостановка развития;
6. Отсутствия необходимости создания новых технологических решений;
7. Риски для рынка.

Относительно недостатков естественных монополий, отдельно необходимо выделить:

1. Наличие возможности переключивания в одностороннем порядке издержек на рядового потребителя при определении уровня продажной цены.
2. Наличие возможности блокировки технического прогресса ввиду отсутствия конкурентов.
3. Понижение в одностороннем порядке качества своей продукции, работ, услуг для снижения издержек естественного монополиста.
4. Административный ресурс и возможность диктовать свою позицию потребителям как единственно возможную.

В настоящее время можно отметить, что решая вопрос реформирования естественных монополий наше государство выбрало путь стимулирования конкурентных начал. Проблема монополизации в целом становится не только экономической, но и политической проблемой. Поэтому в ближайшее время не следует рассчитывать на отмену монополизации железнодорожной деятельности.

Вместе с тем, именно замена монополий свободным и самоорганизующимся рынком позволит добиться того, чтобы на нем оставались только предприятия, обеспечивающие наиболее высокое качество обслуживания и предоставления транспортных услуг, а также относительно низкие цены.

Рассматривая вопрос о целесообразности и необходимости проведения преобразований правового регулирования организации и управления железной дорогой в Российской Федерации представляется целесообразным разработать изменения в проект железнодорожного блока положений государственной программы «Развитие транспортной системы», где, в целях повышения экономической безопасности необходимо особое внимание обратить на следующие моменты [3]:

- во-первых, случившееся вследствие санкций падение спроса на «санкционные в т.ч. сырьевые товары» и коронавирус негативно повлияли на рынок перевозок. Немалую долю грузоперевозок для РЖД ранее генерировал российский «ЕвразХолдинг» (основной профиль – торговля со странами Евросоюза топливом, рудой и прочим сырьем, доставка которых в Европу в 2022 году практически прекратилась);

- во-вторых, для дальнейшего развития пассажирских перевозок назрела необходимость обсуждения вопроса по участию местных органов государственной власти в социальном заказе на перевозку пассажиров в региональном сообщении;

- в-третьих, Министерство антимонопольного регулирования и торговли установило на 2020 год новые тарифы на перевозки пассажиров по железной дороге внутри страны, увеличив их на 5 % по сравнению с 2019 годом, при том, что уровень возмещения населением затрат на оказание внутрисоветских пассажирских перевозок железной дорогой по итогам прошлого года составил примерно 20 %;

- в-четвертых, необходимо учесть, что одним из направлений уменьшения расходов ОАО «РЖД» является «сброс» части непрофильных материальных активов: санатории, оздоровительные центры, базы отдыха, детские оздоровительные лагеря;

- в-пятых, следует детально анализировать целесообразность инвестиций ОАО «РЖД», его участие в различных компаниях; организовать контроль за деятельностью дочерних и аффилированных компаний и своевременным получением доходов от инвестиций.

Так, существенное падение показателей деятельности ключевых и системообразующих отраслей экономики России в период пандемии, а также падение темпов мировой экономики в целом вместе с «санкционной войной», ведущейся в настоящее время из-за проведения Россией специальной военной операции на Украине – сформировали новые угрозы экономической безопасности России и железнодорожной отрасли. Многие негативные последствия стали диктоваться санкционным давлением на перевозку тех или иных грузов, что привело к общему падению доходов. Падение уровня доходов может затруднить и затормозить этапы реализации программы долгосрочного развития железнодорожного транспорта, а также понизить эффективность и качественные показатели транспортной железнодорожной деятельности.

В целом же, исходя из перспективного среднесрочного прогноза Правительства Российской Федерации, подтвердившего, что структура грузооборота и объема перевозок по видам транспорта изменится незначительно и того факта, что к 2024 году в базовом сценарии около 86 % будет таких перевозок приходится на железнодорожный транс-

порт, можно говорить, что удовлетворительные результаты работы ОАО «РЖД» текущее руководство России устраивают в полном объеме. Роста транспортной подвижности населения предполагается добиваться за счет развития скоростного движения на железнодорожном транспорте, развития авиaperевозок и платных скоростных автомагистралей.

Необходимо также отметить, что в последние годы регулярно обсуждается вопрос о необходимости реформирования ОАО «РЖД».

Изучение опыта реформирования деятельности железных дорог ряда зарубежных стран позволяет сделать определенные выводы:

1. Реформирование может происходить в виде приватизации или реструктуризации;

2. Направления трансформации в зарубежных странах имеют ярко выраженную национальную специфику, обусловленную наличием существующего строя и историческими традициями;

3. Большинство стран провели реформирование путем акционирования (Польша, Литва, Латвия, Эстония), при этом со 100 % государственным капиталом.

В настоящее время, наиболее объективным вариантом реформирования железнодорожной деятельности для России в целях устранения негативных эффектов от ее монополизации, можно рассмотреть применение передового опыта Болгарии и Республики Казахстан. На основании чего, видение основных этапов реформы сводится к следующему:

1. Отмена государственной монополии на перевозку пассажиров и грузов;

2. Отделение железнодорожной инфраструктуры от перевозочной деятельности путем разграничения управления инфраструктурой и эксплуатацией перевозочной деятельности.

3. Оставление железнодорожной инфраструктуры в публичной государственной собственности либо во владении публичного предприятия.

4. Ответственность за развитие железнодорожной, как и иной транспортной инфраструктуры в целом берет на себя государство. Это позволит уравнивать различные виды транспорта в общем объеме транспортных перевозок и сформировать свободный транспортный рынок в Российской Федерации.

5. Обеспечение равного доступа к железнодорожной (и иной транспортной) инфраструктуре лицензированных перевозчиков.

6. Формирование в России специализированных бизнес-структур, ориентированных на поиск рынка при учете потребностей государства.

7. Введение в практику договоров с государством на оказание услуг перевозки пассажиров и грузов лицензированными перевозчиками.

8. Принятие обязанности страхования железнодорожной ответственности перевозчиков за сохранность жизни и здоровья пассажиров и за неприкосновенность и целостность вверенного им груза.

9. Введение в Российской Федерации на базе ОАО «РЖД» единого федерального государственного оператора в обязанности которого будет входить оказание равных услуг (информационных, организационных, эксплуатационных, услуг по обеспечению транспортной безопасности и других) всем перевозчикам на договорной основе. Представляется в полномочия данного единого оператора включить также финансирование объектов транспортной инфраструктуры, разработку единого федерального графика движения поездов и обеспечение федерального контроля (надзора) за управлением движением поездов в регулярном режиме [4].

С учетом высокого социального значения объектов транспортной инфраструктуры и протяженности территории Российской Федерации также предлагается возложить на государство обязательства по субсидированию убытков пассажирских перевозчиков и строительство новых федеральных железнодорожных путей сообщения, вокзалов и станций.

Представляется, что закрепление в законе и реализация указанных выше предложений приведет к достижению финансовой стабилизации и росту эффективности работы железнодорожного транспорта в Российской Федерации, улучшению рыночных позиций в конкуренции с автомобильным видом транспорта, повышению качества обслуживания и формированию настоящей клиентоориентированной ценовой политики и ассортимента услуг. Вместе с тем, для достижения этого необходимо реформировать структуры управления, технологии работы и осуществить глобальную переработку имеющейся нормативно-правовой базы.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. О естественных монополиях: Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ / Российская Федерация. Законы. Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 34. Ст. 3426.

2. Павлова, Н.С. Негативные последствия монополистической деятельности. Экономический аспект / Н.С. Павлова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 9. С. 74–80.

3. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы»: Постановлением Правительства Российской Федерации от 20.12.2017 № 1596 / Российская Федерация. Правительство. Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1. Ст. 340.

4. Пассажирские перевозки РЖД резко сократились в 2020 году / Официальный сайт ОАО «РЖД» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=193068> (дата обращения 10.04.2023).

УДК 614.2

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МЕДИЦИНЕ

Кулешова Л.Д., магистрант юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Токарев Д.А., к.ю.н., доцент кафедры финансового и предпринимательского права,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматривается актуальность правового регулирования частной медицинской деятельности, нарушения прав граждан в оказании надлежащей, качественной медицинской помощи. Широкое освещение в средствах массовой информации проблемных вопросов частной медицинской деятельности и рост числа судебных разбирательств по этому поводу указывают на необходимость правовой регламентации предпринимательских отношений с использованием медицинских услуг для решения реальных потребностей общества.

Ключевые слова: медицина, охрана здоровья граждан, предпринимательская деятельность, медицинские услуги, пациенты.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN MEDICINE

Kuleshova L.D., Master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd
Scientific adviser: Tokarev D.A., Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Financial and Business Law,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd

Abstract. The article discusses the relevance of the legal regulation of private medical activities, violations of the rights of citizens in the provision of proper, high-quality medical care. Widespread coverage in the media of problematic issues of private medical activity and the growth in the number of litigations on this matter indicate the need for legal regulation of business relations using medical services to address the real needs of society.

Keywords: medicine, public health protection, entrepreneurial activity, medical services, patients.

В новых социально-экономических условиях здравоохранение уже давно приобрело статус юридической услуги. Отношения, связанные с оказанием медицинских услуг, являются самостоятельными объектами гражданского права и подлежат государственному регулированию. Поэтому изучение регулирования данных отношений уместно в современном социально-экономическом контексте и носит междисциплинарный характер.

Состояние здоровья населения сегодня является важным вопросом, затрагивающим все сферы человеческой деятельности, а также медицинские, правовые и организационные аспекты. Состояние здоровья населения свидетельствует о состоянии общества в целом, степени политического и экономического развития государства и общей степени развития во всех сферах и направлениях. Здравоохранение как составная часть политики в области здравоохранения представляет собой сложную, многофакторную модель, адаптированную к конкретным социальным и политическим интересам при реализации национальной политики.

Согласно статье 41 Конституции Российской Федерации государство обязано финансировать в программу охраны и укрепления здоровья населения, проводить мероприятия по укреплению физического состояния человека, развивать физическую культуру, спорт, охрану окружающую среду, способствовать выполнению организациями гигиенических и санитарно-эпидемиологических норм [1]. Очевидно, что выполнение этих конституционных обязанностей невозможно без надлежащего правового регулирования общественных отношений в сфере платного здравоохранения.

В настоящее время в медицине активно обсуждаются вопросы правового регулирования предпринимательской деятельности, включая проблемы, касающиеся тем информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от него, информирования пациентов о состоянии здоровья, возможных видах медицинского вмешательства (их последствий), возможностях лечения, качества медицинских услуг, договорных отношений и т.д. Все это требует достаточно глубокого анализа и изучения. Неудачная реформа бесплатного здравоохранения, на которую указывают представители различных институтов общества, дает нам сделать вывод о том, что граждане чаще всего стали прибегать к платной медицине. В связи с этим для юристов должно стать особенно важным факт оптимизации оказания медицинских услуг в предпринимательской среде и регламентирование данного факта в правовой документации, поскольку система здравоохранения имеет жизненно важное политическое и социальное значение для общества: медицинская наука постоянно развивается, появляются новые технологии лечения заболеваний, требующие правового регулирования.

На сегодняшний день процедура информирования граждан о методах и видах вмешательства является простой формальностью. Подписывая форму согласия, пациент не до конца понимает риски, которые могут возникнуть впоследствии реализации такого вмешательства. Если по какой-то причине пациенту все-таки был причинен вред, медицинская организация освобождается от возмещения ущерба, поскольку вред был причинен с его согласия [3]. Следовательно, появляется острая необходимость в правовом регулировании вопроса о том, дает ли пациент информированное добровольное согласие или отказывается от медицинского вмешательства.

Для того, чтобы решить данную проблему, в Приказе Минздрава России от 20 декабря 2012 г. № 1177н «Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств, форм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форм отказа от медицинского вмешательства» необходимо отразить обязанность медицинских организаций в предо-

ставлении корректной, исчерпывающей информации пациентам о целях и задачах медицинского вмешательства, его видах и процедуре отказа от него, последствий и ожидаемых результатов медицинской помощи [6]. В Приказе также должны быть отражены доступные формы согласия для пациента.

К сожалению, стоит отметить, что объяснения в письменном виде отнимают огромное количество времени у медицинских работников. Тем не менее, создав различные шаблоны информированных согласий, можно нивелировать и эту проблему. Разработка таких шаблонов позволит в полной мере и объеме защитить права граждан, реализовать приоритеты пациента согласно статье 6 Закона «Об основах оказания медицинской помощи в Российской Федерации» [4].

Соблюдение предпринимателями стандартов оказания медицинской помощи – еще один вопрос, требующий правового регулирования. В соответствии со статьей 84 Закона № 323-ФЗ, оказывая медицинские услуги на возмездной основе, предприниматели должны соблюдать порядки оказания медицинской помощи [4]. В противном случае, станет невозможным обеспечение доступности и качества медицинской помощи надлежащего уровня. Таким образом, делаем вывод: вопрос правового регулирования выполнения медицинских стандартов должен отвечать требованиям законодательства.

Рассмотрим проблему правового регулирования договорных отношений в сфере оказания платных медицинских услуг. Подробные требования к оказанию и предоставлению таких услуг отражены в постановлении Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» [5]. Несмотря на столь детализирующие и конкретизирующие правила оказания медицинской помощи и наличие достаточных оснований для защиты прав граждан в данной отрасли, положение пациентов все равно можно определить как неустойчивое. Таким образом, можно сделать вывод о том, что и эта проблема требует совершенствования правового и нормативного регулирования.

Обратившись к правовому источнику, мы увидим, что согласно части 1 статьи 432 ГК РФ договор считается заключенным с того момента, когда между сторонами этого договора будет достигнуто соглашение по всем условиям [2]. По условиями договора понимаются требования сторон, касающиеся предмета самого договора, а также те требования, которые отражены в нормативных правовых актах. Поэтому, если какое-либо из этих условий не было отражено в тексте договора между медицинской организацией и пациентом, то такой будет считаться не имеющим юридическую силу, или попросту говоря, недействительным. Это также означает, что какая бы не была установлена ответственность медицинской организации (исполнителя услуг), потребитель не сможет оспорить договор в силу его незаключенности.

В научной литературе качество медицинской помощи также приравнивают к существенным условиям для заключения и выполнения договора. Однако, такое «равенство» во многом можно назвать спорным, поскольку не существует конкретной нормы права, обуславливающей данное положение. Также, на законодательном уровне не выработаны и не признаны так называемые критерии качества: что под ними подразумевается. Нельзя не согласиться и с утверждением о том, что публичные меры контроля (лицензирование медицинской деятельности, аккредитация медицинских учреждений) являются истинными гарантами качества. Во многом, качество оказываемой медицинской помощи определяется наличием высоких профессиональных навыков у врачей-специалистов, инновационным потенциалом как отдельно взятой медицинской организации, так и всей сферы в целом, что также не находит отражение в правовом поле.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что состояние здоровья населения является наиболее важным вопросом, затрагивающим области медицины, права, организации человеческой деятельности. Это общий показатель состояния общества в целом, уровня политического и экономического развития страны. Система здравоохранения Российской Федерации представляет собой сложную многофакторную модель, адаптированную к специфическим социально-политическим интересам национальной политики. Дипломированные медицинские специалисты являются основным ресурсом системы: их подготовка и профессиональный уровень в значительной степени определяют будущую ситуацию и развитие сектора здравоохранения. Поэтому медицинское обслуживание можно рассматривать как необходимую отрасль жизнеобеспечения. В этой связи становится важным изучение специфики предпринимательской деятельности на рынке медицинских услуг, ее правового регулирования.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФЗ, от 30.12.2008 № 7-ФЗ, от 05.02.2014 № 2-ФЗ, от 01.07.2020 № 11-ФЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ; (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ; (ред. от 18.04.2018) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
5. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // СЗ РФ. 2012. № 41. Ст. 5628.
6. Приказ Минздрава России от 20.12.2012 № 1177н (ред. от 17.07.2019) «Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств, форм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форм отказа от медицинского вмешательства» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.06.2013 № 28924) // Российская газета. 2013. № 145.

УДК 347.736

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ТРЕБОВАНИЯ КРЕДИТОРА ОБЩИМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВОМ СУПРУГОВ В РАМКАХ ДЕЛА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Курев Д.Д., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Канцер Ю.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В настоящем исследовании установлен ряд проблем по вопросу признания требования кредитора общим обязательством супругов в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) и произведен анализ действующего российского законодательства и текущего подхода в судебной практике по вышеназванному вопросу. Предложена идея об ограничении понятия «нужды семьи» имущественными рамками, которые связаны, прежде всего, с приобретением вещей, имманентное свойство которых может явно свидетельствовать о возможности извлечения блага обоими супругами.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), нужды семьи, общие обязательства супругов, семейное право, арбитражный процесс.

ACTUAL PROBLEMS OF RECOGNIZING A CREDITOR'S CLAIM AS A COMMON OBLIGATION OF SPOUSES IN THE FRAMEWORK OF AN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASE

Kuraev D.D., 1st year master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific supervisor: Kancer Yu.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. This study identifies a number of problems regarding the recognition of a creditor's claim as a common obligation of spouses in the framework of an insolvency (bankruptcy) case and analyzes the current Russian legislation and the current approach in judicial practice on the above-mentioned issue. The idea of limiting the concept of «family needs» to the property framework, which is primarily associated with the acquisition of things, the immanent property of which can clearly indicate the possibility of extracting benefits by both spouses, is proposed.

Keywords: insolvency (bankruptcy), family needs, common obligations of spouses, family law, arbitration process.

Вопрос о признании требования кредитора общим обязательством супругов в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) в настоящее время вызывает некоторые сомнения, связанные, прежде всего, с устоявшимся в российском праве пониманием института общей совместной собственности супругов.

Разрешение обозначенной проблемы выходит за пределы регулирования одного лишь Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» [12] и находится, в том числе в плоскости семейного права.

По нашему мнению, представляется справедливым замечание Егорова А.В., согласно которому серьезным затруднением является то, что общая совместная собственность супругов при буквальном толковании закона, учитывает только «активы» (например, недвижимое имущество, доход от коммерческой деятельности) субъекта, в то время как «пассивы» (например, задолженность, связанная с приобретением недвижимого имущества) остаются без должного внимания [5].

Действительно, на текущий момент в семейном законодательстве не выработан механизм погашения общих долгов супругов до раздела их «активов» или после расторжения брака.

В соответствии с ч. 2 ст. 45 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [11] взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи. При недостаточности этого имущества супруги несут по указанным обязательствам солидарную ответственность имуществом каждого из них.

Однако в действующем законодательстве отсутствуют дефинитивные нормы, раскрывающие понятия «общие обязательства супругов» и «нужды семьи».

В п. 5 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) [6] изложена правовая позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой для признания обязательства общим необходимо возникновение договорных обязательств по инициативе обоих супругов в интересах семьи либо обязательство может быть признано общим, если оно возникло по инициативе одного из супругов, но всё полученное по этому обязательству было израсходовано на нужды семьи.

Кроме того, в названном пункте указывается, что в соответствии с ч. 2 ст. 35 СК РФ, п. 2 ст. 253 Гражданского кодекса Российской Федерации [3], согласие супруга на действия другого супруга по распоряжению общим имуществом презюмируется, однако действующее законодательство не содержит норм, предполагающих согласие супруга в случае возникновения у одного из них долговых обязательств с третьими лицами.

На лицо, претендующее на распределение долга супругов, возлагается обязанность доказывания обстоятельств, содержащихся в ч. 2 ст. 45 СК РФ.

Таким образом, до тех пор, пока не доказаны обстоятельства, вытекающие из п. 2 ст. 45 СК РФ, по обязательствам одного из супругов в силу п. 1 ст. 45 СК РФ взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга.

Альтернативный взгляд по вопросу возложения бремени доказывания обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, принадлежит Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – СКЭС ВС РФ).

Так, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2016 № 309-ЭС15-13978 [7] указано, что бремя доказывания тех или иных фактов должно возлагаться на ту сторону спора, которая имеет для этого объективные возможности и, исходя из особенностей рассматриваемых правоотношений, обязана представлять соответствующие доказательства в обоснование своих требований и возражений.

Иными словами, по мнению СКЭС ВС РФ, предъявление высоких требований по доказыванию к кредитору ведёт к неравенству в процессуальных возможностях, поскольку они обязаны представить в суд доказательства, доступ к которым у них отсутствует.

Таким образом, на первый взгляд представленные правовые позиции двух судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации создают коллизию по вопросу возложения бремени доказывания при разрешении вопроса о распределении долгов супругов или одного из супругов.

Вместе с этим, правовую позицию СКЭС ВС РФ целесообразно рассматривать во взаимосвязи с подходом, изложенным в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.05.2014 № 1446/14 [10], в соответствии с которым, исходя из специфики дел о несостоятельности (банкротстве) возможность лица, участвующего в рассмотрении дела, доказать обоснованность требований или возражений противоположной стороны, как правило, объективным образом ограничена. В силу этого при рассмотрении подобных споров лицу, участвующему в деле, достаточно представить в суд доказательства *prima facie* (объективные сомнения), подтвердив существенность сомнений по поводу требования или возражения противоположной стороны.

Упомянутая правовая позиция СКЭС ВС РФ находит своё отражение в судебных актах арбитражных судов и в настоящее время.

Подтверждение этому мы находим в постановлении Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.03.2022 по делу № А12-46731/2019 [8], из которого следует, что суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления кредитора о признании требования кредитора общим обязательством супругов, ссылаясь на недоказанность со стороны кредитора наличия обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, для признания его требования общим обязательством должника и его супруга.

Апелляционная коллегия пришла к выводу о неверности названной позиции ввиду того, что судом первой инстанции не был учтен сформулированный судебной практикой подход о справедливом распределении бремени доказывания, которое должно быть реализуемым.

Кроме того, апелляционная коллегия признала требование кредитора общим обязательством супругов, основываясь на том, что договор займа, на основании которого требование кредитора было включено в реестр требований кредиторов, был заключен в период нахождения должника в браке.

Из материалов дела также следовало, что на момент совершения частичного возврата суммы займа у должника отсутствовал доход, что подтверждалось сведениями, содержащимися на индивидуальном лицевом счете.

В связи с этим, в отсутствие доказательств расходования денежных средств, полученных по договору займа, на личные нужды должника, а также фактическое признание обязательства общим со стороны супруга должника посредством осуществления частичного возврата займа за неимением у должника дохода, позиция апелляционного суда является справедливой.

Ещё одним примером использования позиции СКЭС ВС РФ является постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2022 по делу № А12-36310/2021 [9], которым определение суда первой инстанции было отменено, а заявление кредитора о признании его требования общим обязательством супругов было удовлетворено.

Апелляционная коллегия пришла к такому выводу, основываясь на содержащихся в материалах дела доказательствах, представленных кредитором и свидетельствующих об использовании должником и его супругом денежных средств, полученных по кредитному договору, на нужды семьи.

Анализ выписки по кредитной карте АО «Тинькофф Банк» показал, что денежные средства использовались для погашения текущих расходов, включая оплату покупок в продуктовых магазинах: «Магнит», «Катюша», а также на погашение кредитов сторонних банков.

В отсутствие доказательств, опровергающих позицию кредитора, апелляционная коллегия пришла к выводу о наличии обстоятельств, вытекающих из ч. 2 ст. 45 СК РФ. Однако, по нашему мнению, вывод апелляционной коллегии представляется весьма спорным и незавершенным, требующим конкретизации.

В соответствии с ч. 2 ст. 36 СК РФ вещи индивидуального пользования за исключением драгоценностей и других предметов роскоши, хотя и приобретенные в период брака за счет общих средств супругов, признаются собственностью того супруга, который ими пользовался.

Из этого следует, что на одежду, обувь, предметы личной гигиены и иные предметы бытового назначения режим совместной общей собственности супругов не распространяется, следовательно, при анализе выписок по кредитным картам суду необходимо учитывать какие конкретно вещи приобретались должником.

Тем не менее, предложенное замечание можно привести к тому, что суду придется анализировать содержание каждого чека из продуктовых магазинов, что приведет к нарушению требований о разумных сроках судопроизводства, содержащихся в ст. 6.1 Арбитражного кодекса Российской Федерации [1].

Подводя промежуточные итоги, можно заключить, что на текущий момент в российской судебной практике сформировался подход по признанию требования кредитора, включенного в реестр требований кредиторов, в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) гражданина общим обязательством супругов. Тем не менее, нельзя также не признать, что текущий подход имеет ряд недостатков, связанных, прежде всего, с отсутствием в судебной практике и семейном законодательстве единого представления о понятии «нужды семьи».

Ученые-правоведы отмечают, что нужны семьи – весьма оценочное и трудно определяемое понятие, устанавливаемое судами в каждом конкретном случае [2]. Традиционно к ним относят расходы на жилье, питание, одежду, медицинские услуги, образование детей [4] и т.д.

По-нашему мнению, указанное представление о понятии «нужды семьи» носит расширительное истолкование, применение которого может привести к тому, что любое благо полученное супругом, вступающим в обязательственные правоотношения с кредитором, автоматически признается общим.

Представляется, что необходимо ограничить понятие «нужды семьи» имущественными рамками. К примеру, под использованием денежных средств, полученных в результате заключения супругами или одним из супругов договоров займа или кредита, на нужды семьи должно признаваться приобретение земельного участка, дома, квартиры, автомобиля, сырья для строительства дома, акций общества, доли в уставном капитале общества или иных вещей, имманентное свойство которых явно свидетельствует о возможности извлечения из них блага обоими супругами.

Иное использование денежных средств, к примеру, на покупку продуктов питания, обуви, одежды, предметов личной гигиены не должно признаваться расходом на нужды семьи ввиду того, что потребление таких вещей и как следствие извлечение из них блага обоими супругами, по-нашему мнению, невозможно доказать или опровергнуть в судебном процессе. В противном случае в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) гражданина для признания требования кредитора, включенного в реестр требований кредиторов, общим обязательством супругов кредитору достаточно лишь представить сведения о самом факте приобретения должником, состоящим в зарегистрированном браке, вышеперечисленных вещей индивидуального пользования.

Таким образом, в результате настоящего исследования нами выявлено следующее:

- При разрешении вопроса о признании требования кредитора, включенного в реестр требований кредиторов в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) гражданина, общим обязательством супругов, арбитражный суд справедливо может переложить бремя доказывания с кредитора на должника и его супруга ввиду того, что последние имеют объективные возможности и прямую заинтересованность в представлении доказательств, подтверждающие их возражения;
- В судебной практике сформировался подход по признанию требования кредитора общим обязательством супругов, имеющий недостаток, связанный с отсутствием единообразного представления о понятии «нужды семьи»;
- Предложена идея ограничить «нужды семьи» использованием денежных средств для приобретения вещей, имманентное свойство которых явно свидетельствует о возможности извлечения из них блага обоими супругами.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
2. Беспалов Ю.Ф. Некоторые проблемы защиты имущественных прав супругов (бывших супругов) в Российской Федерации // Российский судья. 2018. № 6. С. 30–33.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
4. Данилова В.В. Жена за мужа в ответе // Оплата труда: бухгалтерский учет и налогообложение. 2021. № 7. С. 66–71.
5. Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020). С. 232–294.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 11, ноябрь, 2016 (начало), Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, декабрь, 2016 (окончание).
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2016 № 309-ЭС15-13978 // СПС КонсультантПлюс.
8. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.03.2022 по делу № А12-46731/2019 // kad.arbitr.ru.
9. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2022 по делу № А12-36310/2021 // kad.arbitr.ru.
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.05.2014 № 1446/14 по делу № А41-36402/2012 // Вестник экономического правосудия РФ, 2014. № 9.
11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
12. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

УДК 336.22

ДРОБЛЕНИЕ БИЗНЕСА В ЦЕЛЯХ ПРИМЕНЕНИЯ УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Куркина Н.В., аспирант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Миронова С.М., доктор юридических наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В данной статье рассматривается проблематика фиктивного разделения бизнеса (дробления) с целью занижения налоговой базы и применения упрощенной системы налогообложения. Также рассматривается вопрос корректности применяемых признаков дробления бизнеса при принятии решения налоговыми органами. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления признаков, указывающих на факты дробления. При этом обосновывается, что основным признаком дробления бизнеса должно быть наличие ущерба бюджету.

Ключевые слова: упрощенная система налогообложения, дробление бизнеса, признаки дробления, налоговая льгота.

BUSINESS FRAGMENTATION IN ORDER TO APPLY A SIMPLIFIED TAXATION SYSTEM

Kurkina N.V., 1st year postgraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific supervisor: Mironova S.M., Doctor of Law, Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. This article discusses the problems of effective business separation (fragmentation) in order to understate the tax base and the application of a simplified taxation system. The issue of the correctness of the applied signs of business fragmentation when making a decision by the tax authorities is also considered. The conclusion is made about the need for legislative consolidation of signs indicating the facts of fragmentation. At the same time, it is justified that the main sign of business fragmentation should be the presence of damage to the budget.

Keywords: simplified taxation system, business fragmentation, signs of fragmentation, tax benefit.

В рамках стимулирования развития предпринимательской деятельности законодатель предусмотрел в налоговом законодательстве различные льготы для субъектов предпринимательской деятельности. Само понятие налоговой льготы закреплено в ст. 56 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ): «льготами по налогам и сборам признаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов предусмотренные законодательством о налогах и сборах преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере» [1].

В целях минимизации налоговой нагрузки на субъектов предпринимательской деятельности НК РФ предусмотрена возможность использования специальных налоговых режимов, которые по своей сути являются льготными, поскольку предусматривают пониженную, в сравнении с общей системой налогообложения, ставку налогообложения при соблюдении указанных в НК РФ условий.

Но введение каких-либо налоговых льгот неминуемо ведет к возникновению схем, которые впоследствии искусственным путем создают условия, при которых у налогоплательщика возникает право на использование какой-либо налоговой льготы.

В юридической практике наиболее распространенной схемой минимизации налогового бремени с целью использования упрощенной системы налогообложения (далее – УСН) является так называемое «дробление», под которым подразумевается искусственное деление компаний и перераспределение выручки с целью получения права на налоговые льготы.

Исчерпывающий перечень признаков дробления до сих пор не установлен законодательством, примерные признаки, которыми руководствуются налоговые органы при проведении налоговых проверок установлен в письме ФНС России от 11.08.2017 N CA-4-7/15895@ [3], однако данные признаки основываются лишь на примерах судебной практики по данной тематике дел. В указанном письме ФНС России указано порядка 17 признаков, свидетельствующих о применении схемы дробления бизнеса с целью занижения налоговой базы. А главным признаком дробления бизнеса является отсутствие деловой цели при разделении компаний.

Однако, думается, что налоговыми органами упущен довольно значимый признак - наличия ущерба бюджету Российской Федерации, так как наличие отдельных признаков дробления тем не менее не всегда свидетельствует об искусственном разделении. Интересным в данном случае является пример из судебной практики Волгоградской области областного суда по делу № А12-16223/2022, из решения по которому следует, что две организации, осуществляющие схожие виды предпринимательской деятельности, имеют формальные признаки разделения бизнеса, единственной целью которого являлось получение необоснованной налоговой выгоды в виде возможности использования специальных налоговых режимов, незаконно, по мнению инспекции, минимизирующих налоговые обязательства налогоплательщика. [6] Однако, фактически причиной разделения бизнеса стал развод супругов, которые до этого момента вели бизнес совместно. Стоит обратить внимание также и на тот факт, что несмотря на то, что налоговым органом поддерживалась позиция фиктивного расторжения брака, факт расторжения брака оспорен не был, а в связи с чем не может являться фиктивным. Кроме того, налоговый орган утверждал, что также присутствуют следующие признаки дробления бизнеса:

- общие поставщики и покупатели;
- общий бухгалтер;
- участники «раздробленного» бизнеса используют систему «Банк-Клиент» с одних и тех же компьютеров, по одним и тем же каналам связи;
- хранение товаров нескольких участников «раздробленного» бизнеса на одном складе, без индивидуализации по собственникам;
- работники нескольких участников «раздробленного» бизнеса находятся в одних помещениях (кабинетах), работают совместно;
- заключенные участниками «раздробленного» бизнеса договоры едины по форме и содержанию.

В ходе судебного разбирательства каждый из доводов налогового органа был экономически обоснован стороной субъекта предпринимательской деятельности.

Кроме того, налоговый орган пришел к выводу, что к концу 3 квартала 2018 года доход первичной организации составил 133998479 руб. и судя по динамике, в итоге 2018 г. превысил бы максимальный размер дохода, предусмотренного для применения УСН (150 млн. руб.), и налоговый орган, руководствуясь п. 4 ст. 346.13, ст. 346.15, подпунктами 1 и 3 пункта 1 ст. 346.25 НК РФ, пришел к выводу об утрате обществом права на применение упрощенной системы налогообложения. Результатом данного вывода стало включение (объединение) налоговым органом полученной в проверяемом периоде обеих организаций с доначислением налогов, применяемых при общей системе налогообложения за 2018–2020 годы. Но деятельность организации носила сезонный характер, поэтому с большей долей вероятности, оставшийся период календарного года организация платила бы заработную плату сотрудникам и налоги. Таким образом, данный расчет прогнозируемой прибыли не состоялся, а смысл налоговой оптимизации вовсе утрачивается.

Особого внимания заслуживает тот факт, что истцом (предпринимателем) был доказан факт отсутствия ущерба бюджету Российской Федерации в связи с неуплатой налога на добавленную стоимость. Думается, что данный факт должен лечь в основу устанавливаемых законодательством признаков дробления.

Однако, в настоящее время практика налогового администрирования идет по пути наличия в деятельности хозяйствующего субъекта формальных признаков дробления, указанных в ведомственном документе. Стоит обратить внимание также и на то, что в практике рассмотрения уголовных дел, связанных с неуплатой налогов отражена указанная выше тенденция. Так, в соответствии постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов, то есть умышленного невыполнения конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации. То есть в данном случае акцент делается именно на ущерб бюджетной системе, что является более чем логично, так как стратегия ведения экономической деятельности избирается предпринимателем самостоятельно, а публичными допустимыми пределами как раз являются случаи, когда такая деятельность влечет какую-либо общественную опасность. Согласно определению Конституционного суда Российской Федерации от 04.06.2007 № 320-О-П гражданское законодательство допускает совместное осуществление деятельности хозяйствующих субъектов в целях получения прибыли от осуществления предпринимательской деятельности. При этом указанная совместная деятельность хозяйствующих субъектов сама по себе не свидетельствует о получении налоговой выгоды [2].

Проблемой в процессе установления факта дробления является тот факт, что в ходе проведения проверки налоговым органом не изучен вопрос уплаты налогов, а именно НДС контрагентами (покупателями) сельхозпродукции у компаний, которым вменяется дробление, что является одним из спорных вопросов, так как налоговым органом не установлен факт не уплаты НДС, что в данном случае являлось бы фактом причинения ущерба бюджету Российской Федерации. Фактически, отсутствие ущерба бюджету страны исключает и наличие правонарушения, так как злоупотребление правом в целях занижения налоговой базы, и, как следствие минимизации налоговых платежей неизбежно привело бы к причинению ущерба бюджету.

Кроме того, сама судебная практика относительно процессов дробления бизнеса неоднородна даже в пределах одного региона. Так, в по делу № А12-2866/2019, которое рассматривалось в Арбитражном суде Волгоградской области, предметом рассмотрения которого, как и в первом случае, являлось дробление организаций [5]. При этом, признаки, по которым налоговым органом был сделан вывод о наличии в действиях юридического лица дробления, практически идентичны с первым приведенным примером по делу № А12-16223/2022. Однако, судом сделан вывод о фиктивности деятельности организации, выделенной из первоначального юридического лица, а также об отсутствии причинения вреда бюджету Российской Федерации.

При ближайшем рассмотрении данных дел можно прийти к выводу о том, что указанные в письме ФНС России признаки фиктивного разделения (дробления) бизнеса являются, в большей степени, косвенными и фактически напрямую не свидетельствуют о занижении налоговой базы и ухода от уплаты налогов, а также могут присутствовать и в нормальной хозяйственной деятельности.

В юридической литературе такие авторы, как А.В. Жигачев [6], В.М. Зарипов [7], А.М. Переседов [8] указывают на необходимость законодательного закрепления признаков, по которым налоговый орган однозначно сможет сделать вывод о наличии в действиях юридических лиц факта дробления. Однако, думается, что необходимо не только законодательное закрепление указанных признаков, а также закрепление базового признака такого правонарушения в качестве наличия ущерба бюджетной системе Российской Федерации. Это снизит административную нагрузку как на суды, так и на налоговые органы, а также позволит хозяйствующим субъектам активно использовать специальные налоговые режимы.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 10.04.2023).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 10.04.2023).
3. Письмо ФНС России от 11.08.2017 N CA-4-7/15895@ «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 10.04.2023).
4. Решение № А12-2866/2019 от 29.04.2019 г. Арбитражный Волгоградской области [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/9bc09b54-1928-4798-8b19-d94f7b03eb0> (Дата обращения: 10.04.2023).
5. Решение № А12-16223/2022 от 13.02.2023 г. Арбитражный Волгоградской области [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/Oa52b25f-eb34-4bc2-beb4-7876b7a8b3f4> (Дата обращения: 10.04.2023).
6. Жигачев А.В. Искусственное «дробление» бизнеса в розничной торговле: признаки, риски и последствия // СПС КонсультантПлюс. 2019.
7. Зарипов В.М. Рекомендации Федеральной налоговой службы и Следственного комитета России по доказыванию умысла: предложения по доработке // Имущественные отношения в РФ. 2018. № 3. С. 93–100.
8. Переседов А.М. Признаки незаконного дробления бизнеса и его существенные отличия от легальной оптимизации расходов // Безопасность бизнеса. 2019. № 1. С. 47–51.

СООТНОШЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ И ФОРС-МАЖОРА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Меркулова М.А., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
 Научный руководитель: Усанова В.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье проанализированы правовые категории «непреодолимая сила» и «форс-мажор». Обозначены существенные признаки, в силу которых рассмотрены сходства и различия терминов. Помимо этого, определены проблемы законодательного применения форс-мажора и непреодолимой силы, а также предложены пути их решения.

Ключевые слова: форс-мажор, непреодолимая сила, непредотвратимость, чрезвычайность, ответственность.

THE RATIO IRRESISTIBLE FORCE OF AND FORCE MAJEURE IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL RELATIONS

Merkulova M.A., 1st year Master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
 Scientific adviser: Usanova V.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The legal categories of «irresistible force» and «force majeure» are analyzed in the article. Significant signs, by virtue of which the similarities and distinctions of terms are considered, are designated. Besides the problems of legislative application of force-majeure and force majeure are defined and ways of their solution are offered.

Keywords: irresistible force, force majeure, inevitability, urgency, responsibility.

Обеспечение стабильности предпринимательства в целом постоянно подвергается риску в силу наличия вероятности воздействия таких внешних обстоятельств, из-за которых надлежащее исполнение возложенных обязательств субъектами предпринимательских отношений может быть невозможным.

Исторически так сложилось, что в доктрине и на практике такие обстоятельства обозначаются как «непреодолимая сила» и «форс-мажор», которые, в свою очередь, признаются весьма дискуссионными. В частности, отсутствует единое мнение о том, являются ли они тождественными.

Например, по мнению Е.С. Каплуновой, исследуемые категории необходимо признавать одинаковыми, поскольку термин «форс-мажор» употребляется в российском праве наряду с «непреодолимой силой» в силу рецепции [1, с. 20]. Об этом свидетельствует, в частности, схожесть правового регулирования этих феноменов в России и других государствах.

Следует отметить, что также на практике встречается использование этих терминов в качестве синонимов. К примеру, подтверждение наличия обстоятельств непреодолимой силы или форс-мажора проводится на основании положения о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) от 23.12.2015 № 173-14 [2].

Сторонники противоположного мнения аргументируют свою позицию путем разграничения по определенным критериям, в силу которых нельзя прийти к выводу об идентичности. В частности, Р.Н. Кузнецовым указывается на то, что отличия наблюдаются в этимологическом значении, форме выражения, источнике возникновения, а также правовых последствиях. Так, автор утверждает, что при форс-мажоре обязанность возмещения имущественного вреда может быть возложена на третье лицо (например, если исполнение обязательств стало невозможным в связи с принятым органом государственной власти (местного самоуправления) нормативным актом, то пострадавшая сторона на основании гражданского законодательства вправе требовать возмещения причиненного вреда этим органом), в то время как при непреодолимой силе подобные последствия исключены [3, с. 107].

Соотношение обозначенных правовых категорий представляется целесообразным путем установления существенных признаков, ибо таким образом выявляется их сущность.

Следует заметить, что законодателем применяется термин как «непреодолимая сила», так и «форс-мажор», однако имеющиеся о них положения не представляются достаточными для установления их связи.

Определяя обстоятельства непреодолимой силы как основание освобождения от ответственности, законодатель ограничивается лишь перечислением их признаков. Так, согласно п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, не несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, если на то повлияли обстоятельства, имеющие чрезвычайный и непредотвратимый характер [4]. При этом постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» от 24.03.2016 г. № 7 устанавливается, что чрезвычайность означает «исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях» [5]. Иными словами, подобные обстоятельства не могут признаваться привычными в конкретных условиях жизнедеятельности.

Согласно указанному постановлению непредотвратимость обозначается как невозможность избежать определенное обстоятельство и его последствий, которая должна относиться не только к конкретному лицу, но и ко всем, кто осуществляет аналогичную деятельность. Так, например, Арбитражный суд Волгоградской области не признал погодные условия (ветер с порывами 16 м/с, гололед) непреодолимой силой, ибо не являются исключительными и могли быть заранее учтены в целях исполнения обязательств [6].

Рассмотрение этих признаков позволяет также сделать вывод о том, что наступление обстоятельств непреодолимой силы не может зависеть от воли и действий кого-либо, то есть необходимо наличие объективного характера.

Говоря о форс-мажоре, в первую очередь, заметим, что легальной нормы-дефиниции также не имеется. Однако термин «форс-мажор» нашел свое отражение именно во внешнеторговых отношениях. Так, например, п. 7.1.7. «Непреодолимая сила (форс-мажор)» Принципов УНИДРУА предусматривает, что, если неисполнение обязательств связано с наступлением препятствия вне его контроля, которое изначально невозможно было предусмотреть и учесть при заключении договора, а также избежать или предотвратить такое препятствие и его последствия, то сторона подлежит освобождению от ответственности [7].

На первый взгляд, может показаться, что признаки, указанные в нормах довольно одинаковы. Действительно, непредотвратимость характеризуется отсутствием возможности преодолеть обстоятельства и их последствия, а схожесть чрезвычайности прослеживается в недопустимости ранней предусмотрительности и учета подобных обстоятельств. Однако следует обратить особое внимание на то, что непреодолима сила – это обстоятельство, возникновение которых не зависит от чьей-либо воли (абсолютный характер) и предотвратить, избежать их не могут все субъекты, осуществляющие такой же вид предпринимательской деятельности. При этом форс-мажор – обстоятельство, имеющие своей особенностью субъективную непредотвратимость, а также появление в таких сферах, которые именно стороны контролировать не могут, то есть допускается также определенный жизненный (общественный) факт.

Исходя из этого, возникает вопрос какие же обстоятельства следует признавать форс-мажорами, а какие – непреодолимой силой?

В первую очередь, следует обратить внимание на то, что некоторыми авторами различие проводится путем определения источника происхождения. Так, по мнению А.С. Улитина, непреодолимой силой признаются естественные (природные) явления, а форс-мажором – социальные [8, с. 199]. На наш взгляд, такое убеждение является весьма рациональным, поскольку полагаем, что истоки возникновения соответствуют наделенным признакам. В подтверждение этого тезиса отметим следующее.

Анализ судебной практики показывает, что обстоятельствами непреодолимой силы являются шторм, пожар, наводнение, землетрясение и другие [9]. Именно природные явления в полной мере соответствуют критериям исключительности и объективной непредотвратимости, поскольку считаются выходящими за рамки обычного, их нельзя предусмотреть, учесть и избежать.

Перечень форс-мажорных обстоятельств имеется в Модельной оговорке ICC о форс-мажоре, к которым относятся: войны, акты органов власти, захваты заводов и помещений, бунты и т.д. [10]. В самом деле, такие обстоятельства и их последствия также невозможно предвидеть и предотвратить, но возникают они по воле иных лиц, в силу чего не подконтрольны сторонам.

Необходимо добавить, что в указанной выше оговорке имеют место быть и природные явления. По нашему мнению, объясняется данный факт тем, что понятие форс-мажора следует признавать шире непреодолимой силы, ибо последняя является императивным положением российского права, которое в любом случае применяется органами судебной власти при рассмотрении споров. В то время как форс-мажор – это договорное условие внешнеторговых отношений, признаки которого могут определяться как сторонами, так и путем ссылки на международный правовой акт.

Вместе с тем, в силу принципа свободы договора, условия о форс-мажоре могут также предусматриваться в договоре сторонами, осуществляющими предпринимательскую деятельность на территории Российской Федерации. Заслуживает внимания мнение Н.М. Головина о том, что упоминание форс-мажора в договорах должно быть дозволено законом, поскольку принятие решения об учете или отказе таких договорных положений остается за судом, из-за чего судебная практика противоречива [11, с. 20–21].

Помимо перечисленных отличий, существует позиция, согласно которой рассматриваемые категории отличаются по форме выражения. Сторонники её обосновывают тем, что форс-мажор всегда имеет документальное закрепление и подтверждение (например, введение органом власти ограничительных мер в сфере импорта и экспорта), а непреодолимая сила такой формой не обладает, так как не зависит от чьей-либо воли [12, с. 108]. Обозначенная точка зрения подлежит критике, ибо не всегда форс-мажорным обстоятельствам присуща упомянутая форма. Например, для захвата группой лиц помещения документального оформления не требуется.

Резюмируя вышеизложенное можно сделать вывод о том, что категории «форс-мажор» и «непреодолимая сила» не тождественны. Непреодолима сила – это установленные законодательством обстоятельства природного характера, обладающие признаками чрезвычайности и объективной непредотвратимости, при возникновении которых сторона, не исполнившая или ненадлежащим образом исполнившая обязательства, освобождается от ответственности. Форс-мажор, в свою очередь, является условием, освобождающим от ответственности, в случае указания его сторонами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, в договоре. Форс-мажор обладает наименьшей исключительностью, так как включает социальные факты, а также учитывает субъективную непредотвратимость. В целях реализации принципа свободы договора представляется целесообразным законодательное закрепление возможности внесения условий о форс-мажоре в договор.

Библиографический список

- Каплунова Е.С. Непреодолимая сила и смежные с ней понятия: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Томск, 2005.
- Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор). [Электронный ресурс]: Приложение к постановлению Правления ТПП РФ от 23 декабря 2015 года № 173–14. URL: <https://uslugi.tppf.ru/ru/services/32772/> (дата обращения: 20.04.2023).
- Кузнецов Р.Н. Соотношение категорий непреодолимой силы и форс-мажора в российском гражданском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 11. С. 107–109.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30.11.1994 № 51 -ФЗ [с послед. изм. и доп.]. Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994 г. № 32. Ст. 3301.
5. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7. Текст : непосредственный // Российская газета. 24.03.2016. № 70. Ст. 6938.
6. О возыскании убытков, причиненных ненадлежащим исполнением условий договора оказания услуг по передаче электрической энергии [Электронный ресурс]: Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 22.09.2022 г. по делу № А12-14671/2022. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.04.2023).
7. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) : Принципы Международного института унификации частного права от 1994 г. Текст : непосредственный // Российская газета. 2013. № 13.
8. Улитин А.С. Соотношение понятий «форс-мажор» и «непреодолимая сила» в гражданском праве // Весенние дни науки. Сборник докладов. 2021. С. 1198–1200.
9. О пересмотре в порядке надзора судебных актов по делу о признании недействительным постановления об отказе в выдаче разрешения на строительство объекта : Определение Верховного Суда РФ от 22.06.2015 № 193-ПЗК15 по делу № А43-15911/2013 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
10. Оговорки ICC 2020 о форс-мажоре и существенном изменении обстоятельств. [Электронный ресурс]: Международная торговая палата. URL: <https://volgodonsk.tpprf.ru/ru/news/365905/> (дата обращения: 21.04.2023).
11. Головин Н.М. Феномен непреодолимой силы: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2013.
12. Береза В.В. Соотношение непреодолимой силы со смежными гражданско-правовыми явлениями // Молодой учёный. 2022. № 43. С. 108–109.

УДК 346.9

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В ОТНОШЕНИИ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОКТРИНЕ

Острякова Т.В., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Заднепровская М.В., кандидат юридических наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия государственного экологического контроля в отечественной доктрине. Автором выявлена проблема отсутствия четкого определения государственного экологического контроля в отношении субъектов предпринимательства в научной литературе, в связи с чем автором исследуются подходы к пониманию государственного контроля, экологического надзора, а также особенности государственного экологического контроля в отношении субъектов предпринимательства.

Ключевые слова: государственный экологический контроль, правовое регулирование, доктрина, субъекты предпринимательства.

STATE ENVIRONMENTAL CONTROL IN RELATION TO BUSINESS ENTITIES IN THE DOMESTIC DOCTRINE

Ostryakova T.V., 1st year Master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Zadneprovskaya M.V., Candidate of Legal Sciences, Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of state environmental control in the national doctrine. The author identifies the problem of the lack of a clear definition of state environmental control in relation to business entities in the scientific literature, in connection with which the author explores approaches to understanding state control, environmental supervision, as well as features of state environmental control in relation to business entities.

Keywords: state environmental control, legal regulation, doctrine, business entities.

Предприятия крупного и среднего бизнеса занимают ключевые позиции в современной российской экономике, выступают ее системообразующим фактором, поскольку в рамках их деятельности сосредоточена основная часть экономических мощностей нашего государства. Устойчивое развитие экономических систем различного уровня, в том числе – предприятий, является одной из стратегических целей нашей страны, меняя сущность всех производственных и экономических процессов в динамике, придавая им определенную степень экологизации и обеспечивая новый уровень социально-эколого-экономического развития при рациональном освоении и эффективном использовании природных ресурсов. Одним из условий и способов повышения устойчивости развития предприятия является организация и проведение экологического контроля, постоянное наблюдение за состоянием природных ресурсов на всех стадиях его жизненного цикла [1, с.78]. В этой связи особый научный и практический интерес для нас представляет осуществление государством государственного экологического контроля в отношении субъектов предпринимательской деятельности. Данный вопрос является особенно актуальным, поскольку защита окружающей среды от пагубного воздействия различных негативных факторов, неизбежно возникающих в ходе производственных процессов, представляет собой одну из важнейших направлений деятельности в большинстве современных государств. В частности, особенно важным это представляется ввиду необходимости оценки экономической эффективности подконтрольных государству производственных объектов в сочетании с их воздействием на окружающую среду ввиду необходимости примирять нередко прямо противоречащие друг другу цели по сохранению безопасности экосистем и поддержанию производственного процесса. Последовательная реализация единой государственной политики в сфере экологии, направленная на защиту окружающей среды, позволяет обеспечить сохранение и восстановление природных систем, существующих на территории нашего государства. Именно в рамках проведения государственной политики по осуществлению государственного контроля сложившаяся экологическая ситуация на той или иной территории может быть надлежащим образом отрегулирована, и, в случае необходимости, к ней могут быть применены те или иные инструменты в целях ее восстановления, в частности, с опорой на научные исследования.

Стратегическая цель, задачи и принципы государственной политики России в области экологии были сформулированы в Экологической доктрине Российской Федерации в 2002 году. К числу основных путей и средств реализации государственной политики по данному направлению российское государство относит «обеспечение государственного, ведомственного, производственного, муниципального и общественного экологического контроля, а также совершенствование системы лицензирования, сертификации и паспортизации» [2].

Выделение законодателем целого перечня видов экологического контроля породило необходимость в создании четкого определения целого ряда понятий, активно применяемых в теории и на практике. Термины «государственный экологический контроль», «государственный контроль» активно используются в различных источниках, так, для понятия «государственного контроля» в российском законодательстве существует возвращенное легальное определение, закрепленное федеральным законом. В соответствии с положениями Федерального закона №248-ФЗ, государственный контроль (надзор) представляет собой деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований [3]. Необходимо обратить внимание, что на теоретическом уровне в рамках теории права правоведа, как правило, проводят параллель между понятиями контроля и надзора, в то время как законодатель в целях упомянутого федерального закона отождествляет их, очевидно, указывая на общность целей указанных направлений деятельности – направленность на достижение общественно значимых результатов, связанных с минимизацией риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. Аналогичной позиции будем придерживаться и мы, обращаясь к источникам, оперирующим как понятием контроля, так и понятием надзора.

Понятие контроля, его соотношение с понятием надзора, а также иные связанные с ними вопросы также активно исследовались в научной литературе. Особенности употребления указанных понятий на доктринальном уровне подвергались подробному анализу в различных отечественных источниках. Проблема соотношения категорий «экологический контроль» и «экологический надзор» в настоящее время не решена, а понятие контрольно-надзорной деятельности нередко подвергается критике [4, с. 81]. Многие авторы стремятся проводить различия между указанными категориями, подчеркивая, что они нередко выступают в роли синонимов, однако таковыми не являются.

Вместе с тем несколько иная практика сложилась при употреблении в научных и нормативных источниках понятия государственного экологического контроля и надзора: так, анализ дефиниции «экологический надзор», содержащийся в Федеральном законе РФ «Об охране окружающей среды» [5] позволяет сделать вывод о том, что она охватывает как понятие государственного экологического контроля, так и надзора, в связи с чем данные термины зачастую употребляются как взаимозаменяемые синонимы и не всегда могут быть отграничены одно от другого на практике.

Ввиду того, что правовая доктрина служит способом заполнения сформировавшихся пробелов в юридической практике, в том числе и при возникновении потребности в формировании определения того или иного юридического явления, на наш взгляд, представляется необходимым обращение к научным источникам. Анализ общетеоретических положений, выработанных отечественной наукой в целях формулирования понятия государственного контроля в целом позволит решить вопрос о наличии либо отсутствии специфики осуществления данного вида контроля в отношении субъектов предпринимательства. Стоит отметить, что существует достаточно мало публикаций, освещающих понятие государственного контроля. Это связано с тем, что теория права оперирует в первую очередь понятием «правовое регулирование», в то время как в нормативных актах и на практике чаще применяется понятие «государственное регулирование», «государственный контроль», тем не менее существуют современные исследования, ставящие целью разрешить вопрос о сущности понятия государственного контроля с практической точки зрения. Так, например, понятие государственного регулирования в юридической науке некоторые авторы предлагают трактовать как «установление и обеспечение государством общих правил поведения (деятельности) субъектов общественных отношений и их корректировка в зависимости от изменяющихся условий» [6, с. 32]. Государственное регулирование в сфере предпринимательства может осуществляться различными методами и способами, но главной его целью выступает защита публичных интересов от злоупотреблений частных лиц. Большинство ученых относят к числу наиболее важных задач, связанных с охраной публичных интересов, такие задачи как обеспечение государственных и общественных нужд, приоритетов в экономическом и социальном развитии, формирование государственного бюджета, и, наконец, защиту окружающей среды и порядка пользования природными ресурсами [7, с. 190]. Одним из способов государственного воздействия на предпринимателей является государственный контроль, представляющий собой одно из направлений государственного правового регулирования.

В этой связи необходимо самостоятельно проанализировать данное явление, основываясь на легальных и доктринальных источниках, в целях дальнейшей конкретизации такого рода деятельности специально уполномоченных государством органов ввиду особенностей субъектов, в отношении которых осуществляется такой контроль. Осуществление мероприятий государственного экологического контроля (надзора) в отношении субъектов предпринимательской деятельности занимает важное место среди проводимых государством контрольно-надзорных мероприятий в целом. Родовым для данного понятия является понятие государственного контроля, и отдельного легального определения для изучаемого нами вида контроля на настоящий момент не существует. На наш взгляд, это связано с тем, что законом «Об охране окружающей среды» уже закреплено понятие государственного экологического надзора, которое может рассматриваться как разновидность государственного контроля (надзора), который в значительной части рас-

пространяется именно на субъектов предпринимательства, деятельность которых непосредственно связана с вредным или опасным производством. Кроме того, в некоторых ранее действовавших нормативных источниках также обнаруживается использование устаревшего понятия государственного экологического контроля (земельного контроля), что, по нашему мнению, указывает на тесную взаимосвязь следующих нами понятий и свидетельствует о намеренном исключении его законодателем из употребления в нормативных источниках во избежание возникновения разночтений.

Специфику исследуемого нами вида государственного контроля можно определить, исследовав сущность объекта данного вида государственного контроля. Так, отличительной особенностью субъекта предпринимательства является его тесная взаимосвязь с экономической составляющей в виду специфики осуществляемой им деятельности, которая может быть охарактеризована как предпринимательская. Предпринимательская деятельность, выступая определяющим элементом экономики любого современного государства, также неизменно находится в сфере государственных интересов и осуществляется в любом государстве с учетом некоторых ограничений, а зачастую (в соответствующих сферах) под определенным контролем государства в лице его уполномоченных органов. Пределы и степень государственного регулирования предпринимательства зависят от многих факторов (политических, экономических, социальных), но в конечном счете определяются государственной экономической политикой и степенью зрелости рыночных отношений. [8, с.309] Ввиду того, что экологический надзор непосредственно связан с необходимостью защиты окружающей среды от неблагоприятных последствий экономической деятельности, справедливым будет обращение к отдельным правовым формам осуществления государственного контроля в отношении субъектов предпринимательской деятельности. Поскольку производственные площадки составляют основной блок подконтрольных (поднадзорных) государству объектов в рамках его деятельности по сохранению окружающей среды, осуществление государственного контроля за их функционированием в рамках природоохранного законодательства осуществляется в том числе и при применении специфических мер контроля субъектов предпринимательской деятельности. Такого рода работа проводится в целях обеспечения экологической безопасности производственного процесса на всех его этапах. Так, в зависимости от формы применяемых мер в рамках российской правовой системы, предусматривающих осуществление государственного контроля в отношении субъектов предпринимательства, могут применяться различные инструменты (лицензирование, сертификация и др.).

Таким образом, на основе вышесказанного, мы можем сделать вывод, что осуществление государственного экологического контроля представляет собой элемент государственной экологической политики. Контроль в отношении субъектов предпринимательской деятельности в сфере экологии можно трактовать как форму узконаправленного государственного регулирования предпринимательской деятельности. Научных работ, отдельно посвященных вопросу специфики государственного экологического контроля в отношении субъектов предпринимательства, не выявлено, на сегодняшний день российская доктрина не только не выработала четкого определения понятия «государственного экологического контроля в отношении субъектов предпринимательства», но и, более того, на настоящий момент отсутствуют публикации ученых-юристов, посвященных исследованию сущности и формулированию определения данного понятия. На наш взгляд, это связано с тем, что с правовой точки зрения государственный экологический контроль (надзор) в отношении субъектов предпринимательства осуществляется на основе применения норм административного и экологического законодательства, в связи с чем специфика данного вида государственного контроля (надзора) раскрывается в совокупности с опорой на нормативные источники, а также труды ученых-юристов, посвященных вопросу исследования сущности субъектов предпринимательства и осуществляемой ими предпринимательской деятельности.

Библиографический список

1. Гончарова А.Р., Иватанова Н.П., Стоянова И.А. Организация экологического контроля как фактор обеспечения устойчивого развития предприятия // Инновации и инвестиции. № 1. 2021. С. 76–79.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.08.2002 г. № 1225-р «Об одобрении Экологической доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 36. Ст. 3510.
3. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Российская газета. 2020. № 171.
4. Младенова Е.В. Понятие и назначение государственного экологического контроля (надзора) // Вестник Поволжского института управления. Том 21. № 5. 2021 г. С. 78–87.
5. Об охране окружающей среды: федер. закон Российской Федерации от 10.01.2002 года № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5170.
6. Андропова Т.А., Тарасенко О.А. О соотношении терминов «государственное регулирование», «саморегулирование», «правовой режим» // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 12. 2022. С. 30–36.
7. Мартымянов В.С. Хозяйственное право. Т. 1. Общие положения. Курс лекций. М.: Издательство БЕК. 1994. 312 с.
8. Правовое регулирование предпринимательской деятельности: учеб. пособие / В.Г. Беляков. СПб.: изд. дом Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 535 с.

УДК 347.1

ОСНОВАНИЯ ВКЛЮЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ОБ УЧАСТНИКЕ ЗАКУПОК В РЕЕСТР НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ПОСТАВЩИКОВ (ПОДРЯДЧИКОВ, ИСПОЛНИТЕЛЕЙ)

Панчишкина М.П., студент 1 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Усанова В.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу оснований включения сведений в реестр недобросовестных поставщиков в соответствии с федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Автором рассмотрены примеры из правоприменительной практики Волгоградского УФАС России о включении сведений в РНП при различных основаниях. Также выделены правоприменительные проблемы при реализации норм закона и подзаконных актов, предложены пути их решения. Подчеркивается важность института РНП в современном обществе.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, реестр недобросовестных поставщиков, государственный и муниципальный контракт.

BASIS FOR INCLUSION OF INFORMATION ON THE PURCHASER IN THE REGISTER OF UNFAIR SUPPLIERS (CONTRACTORS, EXECUTORS)

Panchishkina M.P., 1th year magistracy student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd
Scientific adviser: Usanova V.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd

Abstract. The article is devoted to analysis of the reasons of inclusion of information in the register of unscrupulous suppliers in accordance with the federal law № 44-FZ «On the contractual system in the sphere of procurement of goods, works, services for state and municipal needs». The author considers examples from the law enforcement practice of the Volgograd UFAS of the inclusion of information in register of unscrupulous suppliers under various grounds. Also, the law enforcement problems in the implementation of the norms of the law and by-laws are highlighted, ways of their solution are proposed. The importance of register of unscrupulous suppliers in modern society is emphasized.

Keywords: public and municipal procurement, register of unfair suppliers, state and municipal contract.

Современный мир быстро меняется, потребности и запросы общества растут, никогда не оставаясь на месте. Для того, чтобы существовать в современном обществе предпринимательская деятельность не должна отставать от тенденций и развиваться в tandem с обществом и государством.

Контрактная система в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд развивается действительно стремительно, использует все больше новых технологий: единая информационная система в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд (далее также – ЕИС), электронная приемка, автоматическое уведомление о различного рода изменениях в личном кабинете пользователей в ЕИС.

Государство поощряет предпринимателей, участвующих в поставках товаров, выполнении работ, оказании услуг для государства или муниципальных образований. Так, например, предоставление преимуществ для участия в закупках субъектам малого предпринимательства, социально ориентированным некоммерческим организациям, организациям инвалидов, учреждениям и предприятиям уголовно-исполнительной системы [6].

Однако, предусматривая поощрение участников закупок, различного рода льготы и субсидии, государство не может не предусмотреть и применение мер ответственности за недобросовестное поведение на рынке государственных закупок в отношении лиц, допустивших такого рода поведение. Одной из специфических мер ответственности за нарушение установленных государством норм законодательства о контрактной системе является включение информации об участнике закупок в реестр недобросовестных поставщиков (далее также – РНП, реестр).

Как указывают различные авторы, включение сведений в РНП выполняет ограничительную функцию ограничивая правосубъектность участника рынка государственных и муниципальных закупок, а также санкционную функцию, имея все признаки меры юридической ответственности [8].

Информация о таком участнике закупки вносится в РНП сроком на 2 года при наличии установленных законодателем оснований, о которых и пойдет речь.

Первым основанием включения информации (сведений) в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) является уклонение участника закупки от заключения контракта.

Согласно толковым словарям Т.Ф. Ефремовой, Д.Н. Ушакова уклонение – действие или процесс действия по значению глагола: уклоняться, уклониться. Толковый словарь С.И. Ожегова указывает, что глагол «уклониться» может иметь три значения: 1) отодвинуться, отклониться в сторону, чтобы избежать чего-нибудь; 2) отойти от прямого направления; 3) избежать чего-нибудь, устранившись, отказаться от чего-нибудь.

Относительно рассматриваемого вопроса: уклонения от заключения контракта, можем сделать вывод о том, что глагол «уклониться» используется в третьем значении – отказаться от заключения контракта, преследуя те или иные цели.

Уклонение от заключения контракта в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) может быть выражено в не подписании контракта в установленный срок, не предоставлении обеспечения, предусмотренного извещением о проведении закупки, в установленный срок или при наличии двух условий одновременно.

В соответствии с ч. 3 ст. 51 Закона о контрактной системе не позднее пяти рабочих дней со дня размещения заказчиком проекта контракта победитель закупки осуществляет процедуру подписания контракта и предоставляет обеспечение исполнения контракта либо, при наличии несогласий с размещенным проектом контракта формирует и размещает протокол разногласий. Следует отметить, что при наличии определенных условий участником закупки может быть размещен отказ от заключения контракта.

При наличии протокола разногласий после совершения заказчиком действий, предусмотренных законодательством, у победителя закупки есть один рабочий день для подписания контракта и предоставления обеспечения исполнения контракта. В случае же невыполнения действий по подписанию контракта и (или) предоставлению обеспечения исполнения контракта, согласно ч. 6 ст. 51 Закона о контрактной системе участник закупки признается уклонившимся от заключения контракта. В соответствии с установленной процедурой заказчик формирует протокол об уклонении участника закупки от заключения контракта и направляет информацию об этом в контрольный орган в сфере закупок – управление ФАС или центральный аппарат ФАС России.

Факт направления заказчиком в антимонопольный орган информации об уклонении участника закупки не свидетельствует о последующем включении в РНП. Антимонопольный орган не подходит формально к обстоятельствам, послужившим факту уклонения от заключения контракта, исследует их всесторонне и анализирует на предмет наличия недобросовестности в действиях участника закупочной процедуры [1].

В литературе встречается мнение о том, что включение в реестр имеет дополнительный характер к возмещению убытков и потере обеспечения за уклонение от заключения договора [3]. Так, например, по результатам закупочной процедуры победителем было признано ООО «МК». Однако, у установленный законодательством срок обеспечением контракт не был подписан и не предоставлено обеспечение исполнения контракта. При рассмотрении факта уклонения Волгоградским УФАС России были установлены следующие обстоятельства: необходимые действия участником закупок совершены не были по причине нахождения ответственного сотрудника ООО «МК» на больничном.

Комиссия Волгоградского УФАС России приняла решение о включении информации об ООО «МК» в реестр, отметив, что факт нахождения одного из сотрудников на больничном не является объективным обстоятельством освобождения ООО «МК» от обязанности подписания контракта, в том числе путем делегирования соответствующих полномочий иному лицу (сотруднику ООО «МК») либо путем подписания непосредственно руководителем общества. При этом доказательств, указывающих на то, что именно указанное лицо являлось ответственным за подписание государственного контракта, заявителем не представлено. Иных доказательств объективной невозможности подписания контракта обществом представлено не было. Данное решение было признано законным и обоснованным арбитражным судом Волгоградской области и 12 арбитражным апелляционным судом [7].

Другим основанием для включения информации об участнике закупок в РНП является расторжение контракта в связи с односторонним отказом заказчика от исполнения контракта.

Согласно ч. 9 ст. 95 Закона о контрактной системе заказчик вправе принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации [5] для одностороннего отказа от исполнения отдельных видов обязательств, при условии, если это было предусмотрено контрактом.

Таким образом, право заказчика на принятие решения об одностороннем отказе может быть реализовано при соблюдении следующих условий:

- 1) право для одностороннего отказа от исполнения контракта должно быть установлено в контракте;
- 2) основание для одностороннего отказа от исполнения контракта должно быть предусмотрено ГК РФ для соответствующего вида обязательства.

При наличии указанных оснований и предусмотренного в контракте права заказчика на принятие такого рода решения заказчик принимает решение об одностороннем отказе, формирует указанный документ с указанием причин, послуживших основанием для принятия такого решения и размещает его в ЕИС.

Далее поставщику законодательно предоставлено право на устранение указанных нарушений, послуживших основанием для принятия решения об одностороннем отказе в течение 10 календарных дней со дня надлежащего уведомления о таком решении. Лицо считается надлежаще уведомленным с момента размещения указанной информации заказчиком в ЕИС. Следует отметить, что в случае, если, последний, десятый день выпадает на нерабочий (праздничный) день, то последним днем для устранения нарушений со стороны поставщика будет считаться следующий рабочий день.

В случае, если нарушения, послужившие основанием для принятия решения заказчика об одностороннем отказе от исполнения контракта, в течение десятидневного срока устранены не были, решение вступает в законную силу. На заказчика возлагается обязанность по направлению информации о вступлении принятого решения об одностороннем отказе в контрольный орган в сфере закупок в течение двух рабочих дней.

Например, Волгоградским УФАС России была включена в реестр информация об ИП Ш. на основании принятия заказчиком решения об одностороннем отказе от исполнения контракта. ИП Ш. не был передан заказчику контрольный образец товара, предусмотренный контрактом, как заявлял индивидуальный предприниматель, по вине третьих лиц (субподрядчика). ИП Ш. ссылался на ненадлежащее исполнение субподрядчиком своих обязательств, а также на не исполнение обязательств по передаче контрольного образца товара доверенным лицом предпринимателя. Антимонопольный орган также обратил внимание, что закупка имела высокое социально-патриотическое значение. Решение Волгоградского УФАС России было признано законным арбитражным судом Волгоградской области [2].

18 мая 2023 года 12 апелляционный арбитражный суд вынес решение, в котором также указал на правомерность и законность решения Волгоградского УФАС, критически отнесся к доводам ИП Ш. об отсутствии в его действиях недобросовестности, подчеркнул, что индивидуальный предприниматель не проявил должную степень заботливости и осмотрительности при исполнении муниципального контракта.

Указанные два основания наиболее часто встречаются на практике, однако, законодатель предусмотрел еще два основания для включения информации об участнике закупок в РНП.

Третье основание для включения информации об участнике закупок в РНП является вступившее в силу решение суда о расторжении контракта в связи с существенным нарушением его условий со стороны поставщика.

Согласно ч. 8 ст. 95 Закона о КС расторжение контракта допускается по соглашению сторон, по решению суда, в случае одностороннего отказа стороны контракта от исполнения контракта в соответствии с гражданским законодательством.

В случае принятия такого решения судом, заказчик обязан направить в контрольный орган в сфере закупок информацию об участнике закупок, с которым таким образом, расторгнут контракт в течение двух рабочих дней с поступления заказчику решения суда о расторжении контракта в связи с существенным нарушением поставщиком (подрядчиком, исполнителем) условий контракта.

Четвертое основание для включения информации об участнике закупок в РНП является расторжение контракта в связи с односторонним отказом поставщика от исполнения контракта. Следует отметить, что указанное основание для включения в РНП является редким в практике случаев, однако, не отразить его в указанной работе нельзя.

Таким образом, при наличии какого-либо из оснований для включения в РНП в реестр включается следующая информация об участнике закупок:

- 1) полное и сокращенное наименования юридического лица, фамилия, имя, отчество (если участником закупки, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) является физическое лицо, в том числе зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя), идентификационный номер налогоплательщика;
- 2) фамилии, имена, отчества, идентификационные номера налогоплательщика членов коллегиального исполнительного органа, лица, исполняющего функции единоличного исполнительного органа;
- 3) наименования, фамилии, имена, отчества, идентификационные номера:
 - а) участников (членов) корпоративного юридического лица, способных оказывать влияние на деятельность этого юридического лица – участника закупки (лица, которые владеют более чем двадцатью пятью процентами акций (долей, паев) корпоративного юридического лица);
 - б) учредителей унитарного юридического лица;
- 4) номер реестровой записи в едином реестре участников закупок;
- 5) идентификационный код закупки;
- 6) дата внесения указанной информации в реестр недобросовестных поставщиков.

Как отмечает В.А. Кондратьев, включение информации не только об участнике, но и об участниках, органах управления «видится вполне справедливым, иначе в силу простоты и относительной дешевизны регистрации юридического лица учредители и лица, определяющие содержание деятельности юридического лица, могут уходить от ответственности» [4].

В заключении следует подвести итоги: существуют такие основания включения информации об участнике закупок в реестр как уклонение от заключения контракта, односторонний отказ заказчика от исполнения контракта, расторжение контракта по решению суда, односторонний отказ поставщика от исполнения контракта, причем на практике большинство случаев относятся к первым двум основаниям. Важно помнить, что наличие формального основания не является «гарантией» включения информации о индивидуальном предпринимателе или юридическом лице в реестр недобросовестных поставщиков, так как при рассмотрении указанного факта комиссией антимонопольного органа ей будут исследованы все обстоятельства дела и сделан вывод о наличии или отсутствии в действиях участника закупки недобросовестности.

Библиографический список

1. Валиуллин Р.Р. Включение участника в реестр недобросовестных поставщиков в рамках закона о контрактной системе / Р.Р. Валиуллин. Текст: непосредственный // Вестник Науки и Творчества. 2020. № 1 (49). С. 11–15.
2. Волгоградская область. Арбитражный Суд. Об оспаривании ненормативного акта: Решение арбитражного суда Волгоградской области от 09.03.2023 года по делу № А12-35069/2022 / Волгоградская область // Доступ из Картотеки арбитражных дел. Текст : электронный.
3. Воскобойников А.И. Включение в реестр недобросовестных поставщиков как последствие уклонения от заключения государственного контракта / А.И. Воскобойников. Текст: непосредственный // Аграрное и земельное право. 2019. № 4 (172). С. 54–57.
4. Кондратьев В.А. Опыт субъектов предпринимательской деятельности как критерий определения победителя торгов в форме конкурса / В.А. Кондратьев. Текст: непосредственный // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 10. С. 8.
5. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2: Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ / Российская Федерация. Законы. Текст: непосредственный // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
6. Российская Федерация. Законы. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ / Российская Федерация. Законы. Текст: непосредственный // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
7. Саратовская область. Арбитражный Суд. Об оспаривании ненормативного акта: Решение Двенадцатого арбитражного апелляционного Суда от 10.02.2023 года по делу № А12-25692/2022 Саратовская область. Арбитражный Суд. Доступ из Картотеки арбитражных дел. Текст : электронный.
8. Тищенко В.А. Правовая природа реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) / В.А. Тищенко Текст: электронный // Baikal Research Journal. 2018. № 4. С. 1–20.

ПРИНУЖДЕНИЕ К ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СТОРОН КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА

Попов К.А., студент юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Усанова В.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена исследованию принуждения к исполнению корпоративного договора. В настоящей работе анализируется судебная практика в данной области, которая носит противоречивый характер. Выявляются проблемы правового регулирования принуждения к исполнению корпоративного договора.

Ключевые слова: корпоративный договор, принудительное исполнение, устойчивые конститутивные признаки, корпоративные отношения, участники общества.

COMPULSION TO FULFILL THE OBLIGATIONS OF THE PARTIES TO A CORPORATE AGREEMENT

Popov K.A., Student of Law Faculty, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Supervisor: Usanova V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the study of compulsion to fulfill a corporate contract. This paper analyzes the judicial practice in this area, which is contradictory in nature. The problems of legal regulation of compulsion to fulfillment of the corporate agreement are revealed.

Keywords: corporate agreement, enforcement, sustainable constitutional features, corporate relations, members of the company.

В 2014 году Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) был дополнен статьей 67.2, которая закрепляла возможность заключения участниками хозяйственных обществ корпоративных договоров. К этому времени существенным образом назрела необходимость введения данного института корпоративного права, которая объяснялась прежде всего деловой практикой.

До 2014 года участники хозяйственных обществ заключали корпоративные договоры, однако речь об обеспечении их принудительного исполнения не могла вестись, потому что суды зачастую не признавали данный правовой институт, ввиду отсутствия его законодательного закрепления.

С тех пор прошло достаточно много времени, и практика заключения корпоративного договора получила весьма широкое распространение. В первую очередь связано это с тем, что данный правовой институт позволяет сторонам договора урегулировать большой круг вопросов, для рационального и безопасного ведения бизнеса.

Необходимо отметить, что ГК РФ прямо не устанавливает специальные требования к содержанию корпоративного договора, его существенные условия, структуру или обязательные положения. Закреплено лишь, что «участники хозяйственного общества или некоторые из них вправе заключить между собой корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав, в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться от их осуществления» [1].

Законодатель здесь решил пойти не путем установления всей совокупности обязательных элементов договора, а ограничился запретом на включение отдельных положений в корпоративный договор. В части 2 статьи 67.2 ГК РФ предусмотрено, что «корпоративный договор не может обязывать его участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества, определять структуру органов общества и их компетенцию» [1]. Стороны корпоративного договора сами вправе определять структуру и положение корпоративного договора, за исключением установленного законом запрета.

Так в частности, корпоративный договор может предусматривать обязанность участников «голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств» [1], содержать механизмы решения корпоративных конфликтов (хотя прямо в ГК РФ это не указано), и иные положения, которые сочтут необходимыми включить в договор стороны.

В связи с таким диспозитивным подходом законодателя к данному институту и креативным применением норм о корпоративном договоре на практике возникает проблема о понуждении недобросовестной стороны к исполнению взятых на себя обязательств.

В. Г. Бородин и А. В. Станкевич справедливо утверждают, что «признание за стороной корпоративного договора права требовать понуждения к исполнению обязательств из корпоративного договора является наиболее востребованным на практике, так как презюмируется, что, вступая в правоотношения и заключая корпоративный договор, стороны руководствуются одним из основополагающих принципов обязательственного права, а именно принципом надлежащего исполнения» [2]. С данной позицией трудно не согласиться, поскольку наличие возможности понуждения к исполнению корпоративного договора делает гражданский оборот более стабильным, а корпоративные отношения в данной области более предсказуемыми.

О наличии сложностей при добровольном исполнении обязательств, вытекающих из корпоративного договора, свидетельствует обширная судебная практика по данной категории дел. Например, истец просил суд признать недействительной сделку купли-продажи жилого дома блокированной застройки, заключенной между исполняющим обязанности генерального директора ООО, который также является участником данного ООО (далее – и.о. генерального директора), и гражданином РФ, а также произвести двустороннюю реституцию. Свои требования истец обосновал тем, что между ним и исполняющим обязанности и.о. генерального директора был заключен корпоративный договор, который запрещал отчуждение объекта недвижимости, который стал предметом оспариваемой сделки. Арбитражный суд Калининградской области нашел требования истца абсолютно правомерными и удовлетворил иск в полном объеме, указав, «признание сделки недействительной позволит восстановить нарушенное право истца» [3].

Важно отметить, что прямое указание на возможность заключения корпоративного договора позволяет применять к нему общие положения об обязательствах. Стоит сказать, что в корпоративные договоры активно включаются способы обеспечения обязательств, установленные 23 главой ГК РФ. Достаточно часто стороны предпочитают включать в свои корпоративные договоры неустойку, за невыполнение, либо ненадлежащее исполнение обязанностей в рамках данных договоров. Судебная практика идет по пути взыскания неустоек, в случае если они предусмотрены корпоративным договором. Ярким примером этого может являться Постановление Седьмого Арбитражного апелляционного суда от 01.02.2016 года № А45-12277/2015, где истец обратился с требованием о взыскании неустойки к двум ответчикам (все являются участниками ООО) солидарно, в связи с нарушением корпоративного договора. Истец указал, что на ответчиках лежала обязанность проголосовать «за» на общем собрании участников общества по вопросу о его реорганизации. Корпоративным договором также предусмотрено взыскание неустойки за любое его нарушение в размере пяти миллионов рублей. Ответчики на общем собрании участников проголосовали по вопросу реорганизации «против», чем нарушили положения корпоративного договора. Арбитражный апелляционный суд пришел к выводу, что заявленные требования истцом подлежат удовлетворению и взыскал с каждого из ответчиков по два с половиной миллиона рублей. Также суд указал, что «что мера ответственности, предусмотренная договором, является соразмерной последствием нарушения обязательства» [4].

Важным условием удовлетворения требований является использование четких и понятных формулировок при составлении, как корпоративного договора, так и исковых заявлений в арбитражный суд. В данном случае истец просил взыскать пять миллионов с обоих ответчиков, при этом не конкретизировав свои требования ни к одному из них. Хотя из Постановления Седьмого Арбитражного апелляционного суда от 01.02.2016 года № А45-12277/2015 усматривается возможность взыскания неустойки в размере пяти миллионов рублей с каждого из ответчиков.

Таким образом, на данный момент правовой институт корпоративного договора является востребованным правовым инструментом регулирования корпоративных отношений. Вместе с тем наличие правоприменительной практики разрешения споров свидетельствует об определенной проблемности взаимодействия субъектов при его помощи. Однако анализ судебной практики показывает возможность понуждения стороны к исполнению не только обязательств корпоративного договора, но и применению обеспечительных мер, т.е. возможность применения негативных последствий при неисполнении обязательств соглашения.

Библиографический список

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ / текст непосредственный // Российская газета. 1994. № 238–239.
2. Бородин В.Г., Станкевич А.В. О некоторых проблемах арбитражного процесса и способов защиты прав. Сборник очерков. Ч. 1. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 180 с.
3. Решение Арбитражного суда Калининградской области 25.02.2022 года № А21-10399/2021 / текст электронный // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Седьмого Арбитражного апелляционного суда от 01.02.2016 года № А45-12277/2015 / текст электронный // СПС КонсультантПлюс.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОСПОТРЕБНАДЗОРА В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ БИЗНЕСА НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Сафонова С.А., магистрант юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Анисимов А.П., д.ю.н., профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье отражена деятельность Роспотребнадзора и его территориальных органов, в частности по Волгоградской области в сфере контроля предпринимательства с учетом аналитических данных, представленных в открытых источниках.

Ключевые слова: Роспотребнадзор, предпринимательство, контрольно-надзорные мероприятия, мораторий, профилактический визит.

ACTIVITIES OF Rospotrebnadzor IN THE FIELD OF BUSINESS CONTROL AT THE FEDERAL AND REGIONAL LEVELS

Safonova S.A., graduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Anisimov A.P., Doctor of Law, Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article reflects the activities of Rospotrebnadzor and its territorial bodies, in particular in the Volgograd region in the field of business control, taking into account analytical data presented in open sources.

Keywords: Rospotrebnadzor, entrepreneurship, control and supervision measures, moratorium, preventive visit.

Современный этап развития российского предпринимательства характеризуется непростой обстановкой, обусловленной постковидной ситуацией, очередным пакетом санкций США и недружественных стран, усилением и расширением на Восток НАТО, проведением специальной военной операции. Введение моратория с января 2019 на плановые и внеплановые проверки предпринимателей, внесенных в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) за исключением деятельности, которая представляет повышенную опасность [1; 2], способствовало извлечению бизнеса от излишней административной нагрузки и предоставило им реальную возможность не отвлекать свои силы на контрольные мероприятия, оперативно восстанавливаться после пандемии COVID-19. Более того, мораторий, который изначально был введен на период до конца 2020 года, в сегодняшних условиях, продлен для бизнеса с низкими рисками до 2023 года включительно. Правительство РФ намерено и далее проводить реформирование надзорно-контрольной деятельности в стране, перенося акцент на риск-ориентированный подход при ведении предпринимательства [3].

Контрольно-надзорная деятельность в Российской Федерации проводится различными органами исполнительной власти, в числе которых Роспотребнадзор занимает особое место – это следует из полного названия указанного государственного органа – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Таким образом, его контрольная деятельность охватывает значительный массив направлений и касается практически каждого, кто живет и работает в России. Функции и компетенции Роспотребнадзора несколько шире, чем у МСЧ, Ростехпотребнадзора, Роструда, что, тем не менее, не умаляет их роли в контрольно-надзорных мероприятиях, проводимых в стране.

Правительство РФ и контрольно-надзорные органы (далее – КНО) неоднократно подчеркивали, что цель проверок предпринимателей не давление на бизнес и дополнительные административные препоны, а стремление соблюдать в полной мере законодательство, конечной целью которого является благополучие население и цивилизованное ведение дел МСП.

Информация по числу обращений в территориальные отделения Роспотребнадзора по Южному Федеральному округу (далее – ЮФО) представлены в таблице 1.

Таблица 1

Статистические данные по числу обращений Роспотребнадзора по отдельным территориям ЮФО* в 2012 и 2021 гг.

Количество обращений граждан				Данные по уменьшению числа обращений			
Регион	2012	2021	Кратность увеличения	Регион	2012	2021	Кратность снижения
Республика Адыгея	481	1187	2,5	Республика Калмыкия	1106	599	1,8
Краснодарский край	6571	15906	2,4	Астраханская область	4275	2596	1,6
Ростовская область	4696	11345	2,4				
Волгоградская область	1224	2682	2,2				

Примечание – Составлено автором по аналитическим данным [4, с. 28].

* Примечание: данные по Крыму и Севастополю за 2012 отсутствовали, т.к. на тот момент территории не входили в состав РФ

Представленные данные свидетельствуют о том, что только в Калмыкии и Астраханской области на исследуемый период наметилась тенденция к сокращению количества обращений граждан по различным видам деятельности МСП. На других территориях ЮФО число жалоб возросло практически в два и более раз. В этом списке Волгоградская область находится в конце, но, тем не менее, наблюдается увеличение обращений с 1224 в 2012 до 2682 в 2021 году, т.е. кратность увеличения составила 2,2.

Структурный состав обращений населения в территориальные органы Роспотребнадзора по видам деятельности представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Структура обращений населения по видам деятельности, поступивших в территориальные органы Роспотребнадзора за 2021 год, %

Примечание – по аналитическим данным [4, с. 30]

Очевидно, что больше всего нареканий и жалоб поступает на МСП и индивидуальных предпринимателей (далее – ИП), занятых в сфере торговли – 44%, деятельности на финансовом рынке (микрофинансовые организации, предоставляющие краткосрочные займы гражданам) – 13%. А также отрасль жилищно-коммунального хозяйства (неоказание услуг надлежащего качества) – 11%. На четвертой позиции находилось бытовое обслуживание населения – 7%. Среди которых парикмахерские услуги, клиринг, пошив и ремонт одежды, выполнение ремонтных работ и т.п. Претензии граждан достаточно часто озвучивались и по предоставлению услуг в сфере медицины, связи (операторам сотовой связи).

Представляется, что в последующие годы, т.е. 2022–2023 структурный состав обращений граждан в количественном исчислении может и измениться, но вот по сферам деятельности – вряд ли.

Количество проведенных контрольных (надзорных) мероприятий (далее - КНМ) и выявленных нарушений обязательных требований при осуществлении территориальными органами Роспотребнадзора федерального государственного контроля (надзора) в 2021 г. по ЮФО представлен на рисунке 2.

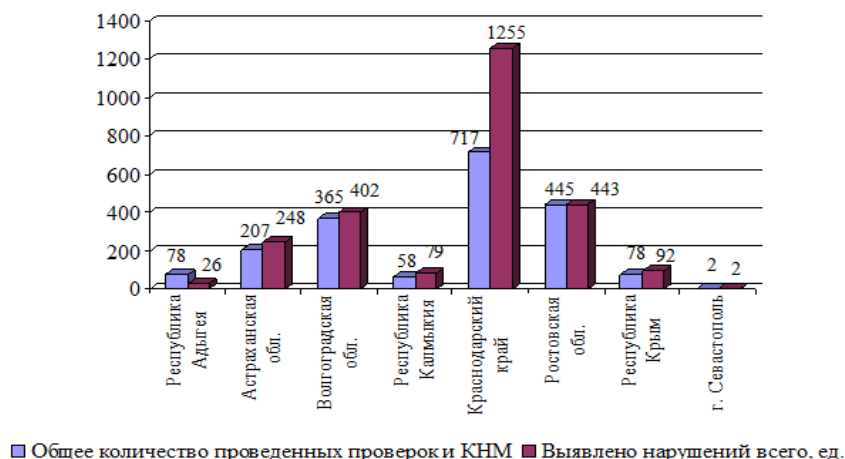

Рис. 2. Число КНМ и выявленных нарушений обязательных требований при осуществлении территориальными органами Роспотребнадзора федерального государственного контроля (надзора) в 2021 г. по ЮФО

Примечание – Составлено автором по аналитическим данным [4, с. 34–36].

По количеству КНМ и выявленных при проверках нарушений в лидерах находился Краснодарский край, второе место занимала Ростовская область, Волгоградская область на третьем месте. Однако, по числу нарушений в расчете на одну проверку и КНМ, ед. второе место после Краснодарского края занимала Республика Калмыкия, т.к. при проведении 58 КНМ было выявлено 76 нарушений, а третье место разделили Астраханская область и республика Крым.

Информация о проведенных Управлением Роспотребнадзора по Волгоградской области (далее – Управление) проверках публикуется на официальном портале ведомства. Однако, отсутствуют статистические данные о контрольно-надзорных мероприятиях по годам – как итог всех проверок, которые имели место быть. Это затрудняет анализ динамики и оценки контроля бизнеса, например, последние сведения о результатах проведенных проверок деятельности ЮЛ и ИП, органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления Управлением опубликованы за период с 20.03.2023 по 24.03.2023 г., предыдущие с 13.03.2023 по 17.03.2023 г. и т.д. [5]. То есть период проверок составляет четыре дня.

Доклад по правоприменительной практике Управления с руководством по соблюдению обязательных требований на сайте представлен только за 2018 год, что не позволяет заинтересованным лицам получить полную и своевременную информацию о КНМ на территории Волгоградской области.

Среди положительных направлений работы Управления можно отметить рубрику вопросы-ответы, где предприниматели и жители Волгограда имеют возможность задать вопрос относительно деятельности бизнеса. Например, каков размер госпошлины за предоставление лицензии (7,5 тыс. руб.) или можно ли предпринимателю, осуществляющему деятельность в Ростовской области, подать уведомление о начале предпринимательской деятельности в Управление Роспотребнадзора в Волгоградской области? Поступил следующий ответ: можно. В соответствии с требованиями Правил предоставления уведомлений о начале осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности и учета указанных уведомлений, утвержденными постановлением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 584, уведомления подаются юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями по экстерриториальному принципу [6]. В каких случаях Роспотребнадзором проводится «контрольная закупка»? Конкретных перечень случаев, являющихся основанием для определения контрольной закупки Постановлением Правительства РФ от 21.11.2018 года № 1398 «Правила организации и проведения контрольной закупки при осуществлении отдельных видов государственного контроля (надзора)» не определен [7]. Данное мероприятие проводится при условии:

– наличие тех же оснований, которые предусмотрены для внеплановой проверки (ч. 2 ст. 10 № 294-ФЗ);

– в случае, если оценка соблюдения обязательных требований при продаже товаров, выполнении работ, оказании услуг может быть осуществлен только в рамках проведения контрольной закупки.

В настоящее время Управлением Роспотребнадзора по Волгоградской области активно применяется такая форма взаимодействия с бизнесом как профилактический визит. Такой формат более эффективен, нежели контрольно-надзорные мероприятия, так как позволяет без избыточной административной нагрузки на сегмент предпринимательства достичь главную цель государственного контроля и надзора – безопасное и эффективное функционирование бизнеса, отвечающего требованиям законодательства, интересам жителей и гостей Волгоградской области.

Профилактический визит проводится должностным лицом надзорного органа в форме профилактической беседы по месту осуществления деятельности контролируемого лица либо путем использования видео-конференц-связи. В ходе визита контролируемое лицо информируется об обязательных требованиях, предъявляемых к его деятельности либо к принадлежащим ему объектам контроля, их соответствию критериям риска, о его правах и обязанностях при проведении проверок контролирующим органом, а также о способах обжалования результатов таких проверок в случае несогласия с результатами.

Основная задача профилактического визита – это предупреждение возможных нарушений в деятельности подконтрольных объектов, а также консультирование и обучение предпринимателей, которые только недавно открыли своё дело.

У контролируемого лица есть безусловное право отказаться от проведения профилактического визита, что, например, невозможно сделать при проверках, однако, практика показывает, что предприниматели не спешат им воспользоваться и с готовностью соглашаются на его проведение, чтобы получить профессиональную консультацию и разобраться в спорных моментах без административных последствий.

В заключении отметим, что деятельность Роспотребнадзора на федеральном и региональном уровне значима и многогранна, а его контрольно-надзорные мероприятия направлены во благо населения, защиты потребительских прав граждан и благополучной среды их обитания.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/ (дата обращения 22.03.2023).
2. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/(дата обращения 22.03.2023).
3. Направления совершенствования госконтроля [сайт] URL: <http://www.goskontrol-rspp.ru/newspublications/publications/> (дата обращения 22.03.2023).
4. Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2021 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2022 340 с.
5. Управление Роспотребнадзора по Волгоградской области [сайт]. URL: <https://34.rosotrebznadzor.ru/content/158/13522/>(дата обращения 02.04.2023).
6. Постановление Правительства РФ от 16.07.2009 № 584 (ред. от 03.02.2023) «Об уведомительном порядке начала осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности» (вместе с «Правилами предоставления уведомлений о начале осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности и учета указанных уведомлений») [сайт] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89755/ (дата обращения 02.04.2023).
7. Постановление Правительства РФ от 21.11.2018 N 1398 «Об утверждении Правил организации и проведения контрольной закупки при осуществлении отдельных видов государственного контроля (надзора)» [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311688/(дата обращения 02.04.2023).

УДК 343.535

ЖАЛОБЫ НА ДЕЙСТВИЯ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО КАК СПОСОБ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ УПРАВЛЯЮЩЕГО В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Свиридова И.С., магистрант 2 курса юридического факультета, Волгоградский Институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Крахмальная М.П., кандидат технических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу жалоб на действия финансового управляющего в делах о несостоятельности физических лиц. Автором определено место финансового управляющего в соответствующих. В статье выявлены основные причины жалоб на управляющего в ходе дела о банкротстве физических лиц. На основе анализа судебная практика выявлены основные причины жалоб на действия / бездействия управляющего в процедуре банкротства физических лиц.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, финансовый управляющий, должник, кредитор, жалобы на управляющего.

TRANSLATION4 COMPLAINTS ABOUT THE ACTIONS (IN ACTION) OF THE FINANCIAL MANAGER AS A WAY OF REGULATING THE BEHAVIOR OF THE MANAGER IN BANKRUPTCY CASES OF INDIVIDUALS

Sviridova I.S., 2nd year master's student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific supervisor: Krahmalyanaya M.P., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of complaints about the actions of the financial manager in insolvency cases of individuals. The author has determined the place of the financial manager in the relevant. The article identifies the main reasons for complaints against the manager during the bankruptcy case of individuals. Based on the analysis of judicial practice, the main reasons for complaints about the actions / inaction of the manager in the bankruptcy procedure of individuals have been identified.

Keywords: bankruptcy of individuals, financial manager, debtor, creditor, complaints against the manager.

Институт банкротства физических лиц в России появился при введении в ФЗ «О несостоятельности (банкротства)» № 127 главы X «Банкротство физических лиц». Процедура несостоятельности физических лиц в последние годы стала все более популярной. Согласно Единому федеральному реестру сведений о банкротстве [1] за период существования банкротства физических лиц с 2015 года по 2022 год несостоятельными стали 753 250 граждан и индивидуальных предпринимателей (рис. 1). Из данных Федерсурса наглядно видно, что количество банкротств каждый год увеличивается практически в два раза по сравнению с предыдущим годом.

Ключевую роль в процессе банкротства играет финансовый управляющий. В соответствии со ст. 2 Закона о банкротстве финансовым управляющим является «арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для участия в деле о банкротстве гражданина» [2, ст. 2].

Саморегулируемые организации, из числа членов которых подлежит финансовый управляющий, предлагаются лицом, обратившимся в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом (самим должником, кредиторами, уполномоченными органами), а впоследствии – собранием кредиторов и утверждаются арбитражным судом с учетом представленной саморегулируемой организацией арбитражных управляющих информации о соответствии представленной такой организацией кандидатуры арбитражного управляющего требованиям закона.

К числу условий членства арбитражных управляющих в саморегулируемых организациях относятся:

- наличие высшего профессионального образования;
- наличие определенного стажа работы на руководящих должностях или стажировки в качестве помощника арбитражного управляющего в деле о несостоятельности (банкротстве);
- сдача теоретического экзамена по программе подготовки арбитражных управляющих;
- отсутствие наказания в виде дисквалификации за совершение административного правонарушения либо в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за совершение преступления;
- отсутствие судимости за совершение умышленного преступления;

— наличие договора обязательного страхования ответственности, отвечающего установленным ст. 24.1 Закона о банкротстве требованиям [2; ст. 24.1] (в частности, он должен быть заключен со страховой организацией, аккредитованной саморегулируемой организацией арбитражных управляющих, на срок не менее чем год с условием его возобновления на тот же срок, а минимальный размер страховой суммы составляет 10 млн руб. в год);

— внесение установленных саморегулируемой организацией взносов.

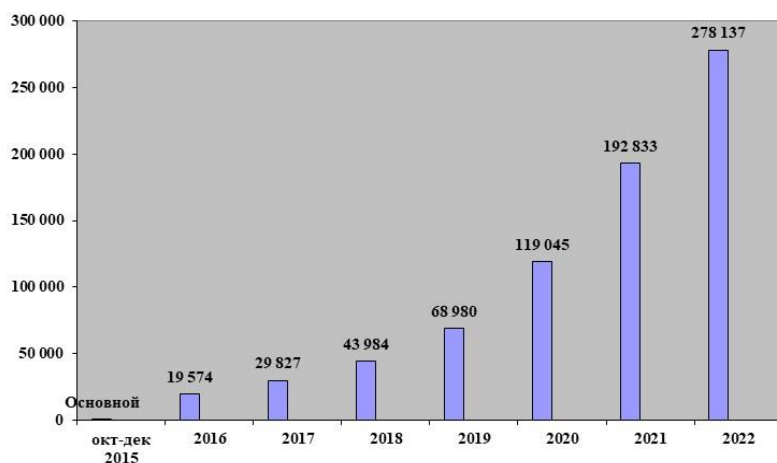

Рис. 1. Динамика банкротств физических лиц

Таким образом, финансовый управляющий играет важную роль в деле о несостоятельности граждан и индивидуальных предпринимателей, являясь с одной стороны законным представителем должника, с другой стороны лицом, выступающим в защиту интересов кредиторов. Указанная в частности находит отражение в ст. 213.9 Закона о банкротстве, в статье раскрывающей права и обязанности данного лица так, финансовый управляющий в праве в целях соблюдения интересов кредиторов оспаривать сделки должника с целью возврата ликвидного имущества в конкурсную массу для последующей его реализации и показания реестровых требований, получать информацию об имуществе должника, его счетах и вкладах, обязан принимать меры по выявлению имущества гражданина и его сохранности, созывать / проводить собрание кредиторов для рассмотрения вопросы, отнесенных к компетенции собрания кредиторов.

Вместе с тем соблюдая права должника финансовый управляющий обязан при наличии источника пополнения конкурсной массы, в виде заработной платы, пенсии выплачивать должнику сумму прожиточного минимума, а при необходимости и наличии подтверждающих документов по заявлению должника также сумма сверхпрожиточного минимума для приобретения дорогостоящих лекарств, аренду жилья и т.р. Кроме того финансовый управляющий определяет в отношении кого помещения, из принадлежащих должнику жилых помещений, будут представлены исполнительский иммунитет. Указанное свидетельствует, что данные обязанности направлены на соблюдение на гарантируемых прав граждан на жилище, достойную жизнь и т.р.

Для решения таких задач подбираются компетентные лица, способные справиться с подобной работой.

О финансовом управляющем как представителе кредиторов и должника указано в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.10.2021 № 305-ЭС21-10040 по делу № А40-3184/2018, из которого следует, что в соответствии с поставленными законодателем задачами, финансовый управляющий в процедурах банкротства граждан, в силу п. 2 и 4 ст. 20.3, п. 8 ст. 213.9 Закона о банкротстве, обязан принимать разумные и экономически обоснованные решения в интересах должника и его кредиторов, способствовать соблюдению справедливого баланса между правами должника и имущественными интересами иных участников банкротного процесса, что означает не только погашение долгов перед всеми кредиторами путем продажи имущества должника с максимальной выгодой, но и максимальное сохранение имущества должника для продолжения его жизнедеятельности по завершении процедур банкротства.

С целью контроля деятельности финансового управляющего законодателем разработан механизм, предполагающий возможность обращения как должника, так кредиторов, уполномоченных органов с заявлением (жалобой) об оспаривании действия/бездействия указанного лица в порядке ст. 60 закона о банкротстве.

В процессе проведения процедуры банкротства финансовый управляющий обязан действовать в рамках законодательства о несостоятельности. Случае игнорирования финансовым управляющим Закона о банкротстве высока вероятность, что данным лицом нарушается законодательство о банкротстве и вполне данные действия/бездействия могут свидетельствовать о заинтересованности в отношении какой-либо сторон процесса. Анализ судебной практики свидетельствует, что к основным нарушениям со стороны финансового управляющего относятся:

- Содействие в возврате долга одному из кредиторов, без учета интересов других кредиторов;
- Халатное исполнение или в целом неисполнение законодательно установленных обязанностей;
- Нарастивание новых издержек должника в результате необоснованное увеличения сроков процедуры банкротства;
- Непредоставление информации о результатах описи имущества;
- Несвоевременное предоставление или же непредоставление отчета о проделанной им работе кредиторам и в арбитражный суд;
- Неосуществление розыска имущества должника;
- Необоснованные расходы должника;
- Нарушение установленных сроков для проведения собрания кредиторов.

В случае удовлетворения жалобы финансовому управляющему могут быть применены меры, как административные или дисциплинарные меры воздействия. Среди таких мер можно выделить:

- предупреждение;
- отстранение от участия в определенном деле о банкротстве;
- штраф;
- дисквалификация – лишение возможности иметь статус управляющего;
- дисциплинарное взыскание.

Стоит отметить, что к финансовому управляющему может быть применено несколько мер одновременно.

Немало жалоб на действие финансового управляющего исходит от самих должников. Так, по делу № А14-16376/2015 должник обратился в суд с жалобой на бездействие финансового управляющего [3], которое выразилось в не проведении очередного собрания кредиторов должника. Сам финансовый управляющий возражал относительно жалобы, аргументировав тем, что Законом о банкротстве не предусмотрено обязательное проведение собраний кредиторов и предоставление отчетов о проделанной работе. Однако, из материалов дела следует, что на первом собрании кредиторов было принято решение об определении периодичности предоставления отчетов о проделанной работе финансовым управляющим один раз в три месяца. Согласно, информации из Единого федерального реестра сведений о банкротстве подобные отчеты не размещались, а от самого управляющего доказательства исполнения вышеупомянутого решения собрания кредиторов не предоставлены. В результате суд удовлетворил жалобу должника на бездействие финансового управляющего.

С жалобой на действия финансового управляющего может обратиться и кредитор. Согласно делу судебного акта по делу № А19-23895/2019 с жалобой на действия финансового управляющего обратился в суд ПАО «Сбербанк России» [4]. В обоснование заявления банком указано на принятие мер по выявлению имущества должника и его супруги, принятии мер по реализации имущества должника – транспортного средства, - и принятии мер по оспариванию сделок должника, направленных на вывод ликвидного имущества. По результатам рассмотрения заявления и представленных кредитором доказательств суд пришел к выводу о наличии основания для признания соответствующих бездействия незаконными.

Таким образом, действия финансового управляющего в процедуре банкротства физических лиц имеет важное значение, а контроль за деятельностью данного лица осуществляется посредством возможности обжалования действий/бездействий. Компетентность, грамотность и целесообразность его решений отражается на результативности процесса банкротства физического лица.

Библиографический список

1. Статистический бюллетень Единого Федерального реестра сведений о банкротстве от 31.12.2022. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/> (дата обращения: 20.04.2023).
2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022, с изм. от 21.07.2022). Изд-во «Эскимо». 2022. 672 с.
3. Постановление Воронежского апелляционного суда от 27.12.2017 № А14-16376/2015. с <https://sudact.ru/arbitral/court/UEiJUznMzfbx/> (дата обращения: 20.04.2023).
4. Постановление Иркутского арбитражного суда от 21.09.2021 года № А19-23895/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/court/mW5mFQtp6rK/> (дата обращения: 20.04.2023).
5. Определение Верховного суда от 28.03.2022 № 308-ЭС21-21129. URL: [A53-36504-2016_20220328.pdf](https://sudact.ru/arbitral/court/A53-36504-2016_20220328.pdf) (arbitr.ru) (дата обращения: 20.04.2023).
6. Определение Верховного суда от 13.10.2022 № 305-ЭС21-1719. URL: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/ktc1y0GiMXIR/?ysclid=lgpotemec986513593> (дата обращения: 20.04.2023).

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОКАЗАНИЮ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ НА ТУРИСТИЧЕСКИХ БАЗАХ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Серова Д.А., студент 2 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Усанова В.А., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового статуса базы отдыха как средства размещения для отдыха людей, на котором осуществляется предпринимательская деятельность по оказанию гостиничных услуг, а также выявлению особенностей осуществления предпринимательской деятельности по оказанию гостиничных услуг на базах отдыха в условиях режима особо охраняемой природной территории.

Ключевые слова: база отдыха, предпринимательская деятельность, гостиничные услуги, особо охраняемая природная территория, природный парк «Волго-Ахтубинская пойма».

PECULIARITIES OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN RENDERING HOTEL SERVICES AT TOURIST BASES LOCATED IN SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORIES

Serova D., 2nd year student of the Master's program at the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Usanova V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article is devoted to research of the legal status of a recreation center as a means of recreation for people who provide hotel services, as well as to identification of characteristics of entrepreneurial activity to provide hotel services at recreation centers in a specially protected nature area.

Keywords: recreation center, entrepreneurial activity, hotel services, specially protected natural area, natural park «Volgo-Aktubinsk floodplain».

Оказание гостиничных услуг возможно на средствах размещения, которые относятся к одному из видов гостиниц, предусмотренных Постановлением Правительства РФ от 18.11.2020 № 1860 (ред. от 26.12.2022) «Об утверждении Положения о классификации гостиниц». Согласно пп. 3 ч. 5 указанного постановления «загородный отель, туристская база, база отдыха, гостиничные номера при визит-центре – вид гостиниц, расположенных в сельской местности, в горной местности, в лесу (в том числе на земельных участках в пределах особо охраняемых природных территорий и охранных зон особо охраняемых природных территорий в соответствии с законодательством Российской Федерации об особо охраняемых природных территориях, на берегу водоема, не относящихся к лечебно-оздоровительным местностям или курортам».

Из приведенного определения следует, что в российском законодательстве не содержится отличительных признаков указанных средств размещения, однако таковые представляется необходимым определить, что и сделано в настоящей работе. Так, в качестве характерного признака туристической базы в доктрине предлагается выделять «пригодность» указанного средства размещения для спортивного туризма: «гостиницы для спортивного туризма – туристские базы – должны иметь помещения для туристско-спортивного обслуживания: турбакинеты, прокат спортивного инвентаря, бассейны, и находиться вблизи оборудованных туристских трасс в соответствии с требованиями маршрута» [6].

Для определения отличительных особенностей загородного отеля необходимо привести определение понятия «отель», которого действующее законодательство не содержит, вместе с тем ранее российское законодательство содержало рассматриваемый термин, под которым понимался «объект туристской индустрии, представляющий собой коллективное средство размещения с определенным количеством номеров, имеющее единое руководство, предоставляющее определенный набор услуг и сгруппированное в категории в зависимости от оборудования номеров и других помещений и уровня сервиса» [7]. Анализ данного определения показывает, что в отеле должен быть номерной фонд, под которым понимается «общее количество эксплуатируемых номеров в гостинице» [3].

Легального понятия «номер», «номер в отеле» российское законодательство не содержит, однако традиционное понимание номера в отеле сводится к помещению, находящемуся в здании отеля. Фактически, если рассматривать отель с точки зрения объекта капитального строительства, то таковой представляется зданием с определенным количеством комнат, предназначенных для проживания постояльцев, что, по нашему мнению, даёт возможным считать отличительной особенностью отеля, оценивать его сущность как средство размещения. Данный характерный признак в полной мере распространяется и на загородный отель.

Сложнее обстоит ситуация с гостиничными номерами при визит-центрах, поскольку в российском законодательстве нет ни одного нормативно-правового акта, который бы содержал определение понятия «визит-центр». Более того в доктрине также не исследовались визит-центры, а, следовательно, авторитетного мнения о том, что же все-таки следует понимать под данным средством размещения нет. Указанные обстоятельства вынудили обратиться к информационно-коммуникационной сети, которая предлагает следующее толкование рассматриваемому понятию: «Визит – центр – объект (капитальное здание, некапитальное здание или мобильное сооружение), в котором посетители территории получают информационные услуги относительно возможностей организации отдыха и развлечений, а также спектр сопутствующих услуг» [8]. Источником выручки визит-центров, в том числе является сдача в аренду площадей для организации средств размещения, однако в основном таковые специализируются на экскурсиях, продаже сувениров, организации проката оборудования.

Таким образом, отличительным признаком гостиничных номеров при визит-центрах является их факультативный, вспомогательный характер для визит-центра, для которого организация средств размещения не является основным видом деятельности.

Анализ интернет-сайтов, предпринимателей, осуществляющих предпринимательскую деятельность по оказанию гостиничных услуг на базах отдыха позволил выявить следующие характерные особенности данного средства размещения: во-первых, номерной фонд представлен отдельными стоящими домиками, являющимися объектами капитального строительства, во-вторых, на территории базы отдыха располагаются объекты рекреационной инфраструктуры (беседки, дровницы, навесы, столы, детские игровые площадки, оборудованные площадки для использования мангалов, элементы благоустройства (пешеходные дорожки)).

Вывод об отнесении указанных выше объектов к объектам рекреационной инфраструктуры сделан на основании следующего легального определения Волгоградского облкомприроды: «рекреационная инфраструктура - совокупность предметов, объектов и сооружений, необходимых для функционирования эколого-туристической системы, включающая маршруты передвижения, места для размещения (стоянки) автотранспортных средств, малые архитектурные формы (некапитальное нестационарное сооружение, включая беседки, ротонды, веранды, дровницы, навесы, столы, смотровые вышки, объекты мелкорозничной торговли, попутного бытового обслуживания и питания, останочные павильоны), площадки для игр (детские), отдыха, занятий спортом, установки туристических палаток, установки мусоросборников; коврики или оборудованные площадки для использования мангалов; элементы благоустройства (пешеходные дорожки с экологически устойчивым покрытием: покрытием георешеткой, деревянным покрытием и другим, отвечающим экологическим параметрам), освещение, скамейки, мостики, настилы, малогабаритные (малые) контейнеры-мусоросборники, урны, физкультурные снаряды (тренажеры), наземные туалетные кабины); информационные (предупредительные) аншлаги и указатели» [5].

Также необходимо обратить внимание, что для целей судопроизводства ключевой является особенность базы отдыха, характеризующая её с точки зрения объекта недвижимости. Так предметом искового заявления в деле № А26-8494/2021 являлся договор оказания услуг временного размещения людей на базе отдыха. В соответствии с условиями договора за плату предоставлялось во временное пользование 7 номеров и 4 домика, помещение кафе и помещение кухонной зоны на базе отдыха «Лесное озеро» [9]. Рассматривая указанное дело, суд не указывал на недействительность условий договора оказания услуг, то есть фактически признавал, что база отдыха состоит из отдельных объектов, которые в совокупности и составляют её целостность. Более того в п. 10 Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022) указывалось, что база отдыха представляет собой «единый конструктивно-взаимосвязанный комплекс строений», что также подтверждает вышеуказанный тезис о характерных особенностях базы отдыха как объекта недвижимости.

На основании изложенного представляется возможным сделать следующий вывод: база отдыха является средством размещения, представляющим собой комплекс отдельно стоящих зданий, предназначенных для проживания постояльцев, находящихся на территории, оборудованной объектами рекреационной инфраструктуры, расположенной на земельном участке, находящемся в сельской местности, в горной местности или в лесу, на котором оказываются гостиничные услуги.

Базы отдыха могут быть организованы на различных земельных участках, в том числе на особо охраняемых природных территориях. Возможностей и особенности осуществления предпринимательской деятельности по оказанию гостиничных услуг на указанном объекте размещения в условиях режима особо охраняемой природной территории исследуем на примере природного парка «Волго-Ахтубинская пойма» (далее – Природный парк), функционирующего на основании Постановления Администрации Волгоградской области от 22.07.2016 № 389-п (ред. от 14.11.2022) «Об утверждении Положения о природном парке «Волго-Ахтубинская пойма» (далее по тексту – Постановление Администрации).

Федеральным законодательством предусматривается норма права, согласно которой «на территориях природных парков устанавливаются различные режимы особой охраны и использования в зависимости от экологической и рекреационной ценности природных участков» [2]. Во исполнение указанного положения на территории природного парка выделяются «следующие функциональные зоны: природоохранная, рекреационная, агроландшафтов, интенсивного природопользования и буферная» [4], в границах которых установлены определенные запреты и ограничения на осуществление некоторых видов деятельности.

Вместе с тем необходимо отметить, что «на всей территории природного парка запрещается деятельность, влекущая за собой изменение исторически сложившегося природного ландшафта, снижение или уничтожение экологических, эстетических и рекреационных качеств природного парка, нарушение режима содержания памятников истории и культуры» [4]. Для предпринимательской деятельности по оказанию гостиничных услуг актуальны, в частности, следующие запреты: захламливание, загрязнение, деградация земель, гибель растительного покрова; несанкционированное размещение либо сброс отходов производства и потребления; сброс в водные объекты сточных вод, не подвергшихся санитарной очистке, обезвреживанию; мойка и техническое обслуживание транспортных средств вне специально оборудованных мест; движение и стоянка автотранспортных средств вне дорог общего пользования, внутрихозяйственных дорог, а также вне утвержденных маршрутов передвижения автотранспортных средств к объектам рекреации и местам для их размещения (стоянки); уничтожение растений, животных и других организмов, относящихся к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и Красную книгу Волгоградской области, а также деятельность, ведущая к сокращению их численности и ухудшающая среду их обитания; выжигание растительности; проведение рубок лесных насаждений, в том числе дубов; промысловая охота, любительская и спортивная охота в весенний период; разведение костров, разбивка бивуаков, привалов, палаточных городков и туристических стоянок за пределами специально предусмотренных для этого мест.

Помимо общих запретов, установленных для всей территории природного парка, в функциональных зонах в соответствии с Постановлением Администрации предусматриваются дополнительные запрещенные и допустимые виды деятельности, основные виды разрешенного использования земельных участков, предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства в границах функциональных зон.

Так помимо общих запретов, в природоохранной, рекреационной зонах и зоне агроландшафтов не допускается строительство новых хозяйственных, жилых и линейных объектов, за исключением объектов, связанных с функционированием природного парка. Для природоохранной зоны данный запрет является императивным, однако в рекреационной зоне и в зоне агроландшафтов допускается строительство новых объектов, связанных с развитием эколого-туристической деятельности и обеспечением функционирования расположенных в его границах населенных пунктов. Для зоны интенсивного природопользования и буферной зоны подобные запреты на строительство объектов не установлены.

Отсутствие легального толкования понятий «хозяйственный объект» и «жилой объект» в определённой степени вносит непонимание относительно запрещенных для строительства объектов в указанных функциональных зонах. В частности, без понимания толкования приведенных определений не представляется возможным ответить на вопрос: «Возможно ли построить базу отдыха в указанных функциональных зонах?».

Вместе с тем комплексный анализ Постановления Администрации позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, под хозяйственным объектом, для целей защиты территории природного парка понимается объект искусственного происхождения, в том числе здания, сооружения, оборудование и иное имущество, который оказывает или способен оказать прямое или косвенное воздействие на земли особо охраняемой природной территории.

Во-вторых, понятие «жилой объект» необходимо толковать в соответствии с требованиями ст. 15 и ст. 16 Жилищного кодекса Российской Федерации. Расширительное толкование приведет к неверному пониманию объекта, который в соответствии с действующим законодательством признается пригодным для проживания, а следовательно, и к ошибочному пониманию понятия «жилой объект» для целей защиты природного парка. Обращение к нормам жилищного законодательства показывает, что объектами жилищных прав являются жилые помещения, которыми «признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства» [9]. Видами жилых помещений Жилищный кодекс РФ признает жилой дом, квартиру (или их части) и комнату. Обособленно в данном ряду стоит многоквартирный дом, в котором находятся как жилые, так и нежилые помещения общего пользования.

На основании изложенного, представляется возможным однозначно определить, что база отдыха не является жилым объектом, однако подходит под определение хозяйственного объекта.

Вместе с тем необходимо обратить внимание, что в рекреационной зоне допускается строительство, реконструкция и эксплуатация объектов рекреации – «оборудованный рекреационной инфраструктурой природный или природно-антропогенный объект (земельный или лесной участок, водный объект) на территории природного парка, используемый для эколого-туристической деятельности, в том числе места массового отдыха, «зеленые стоянки», рыболовно-бивачные стоянки, смотровые площадки, пляжи, кемпинги (глэмпинги), а также детские оздоровительные лагеря, туристические базы, базы отдыха, санатории, объекты физической культуры и спорта, территории садоводства или огородничества, визит-центры, информационные центры (пункты), музеи»[5]. Фактически посредством комплексного анализа норм Постановления Администрации напрашивается вывод о том, что в рекреационной зоне запрещено строительство новых хозяйственных объектов. Однако если таковые предназначены для рекреационных целей, то строительство является допустимым, поскольку объекты по своей сути будут считаться не хозяйственными, а рекреационными. Обращаем внимание, что рассматриваемые положения не находятся в противоречии друг с другом поскольку одной из обозначенных целей создания природного парка являются рекреационные цели, предусматривающие «удовлетворение рекреационных потребностей жителей Волгоградской области и других регионов Российской Федерации; создание сети мест отдыха на экологически чистой территории с богатым растительным и животным миром, снижающих негативное влияние антропогенных нагрузок на окружающую среду» [4].

Также необходимо отметить, что в рекреационной зоне, зоне агроландшафтов и буферной зоне является допустимой эколого-туристическая деятельность – «природоориентированная туристическая деятельность, имеющая целью организацию отдыха или получение естественно-научных или практических знаний и опыта, не наносящая вред природной среде, осуществляемая на территории природных парков с использованием рекреационной инфраструктуры»[5], в соответствии с порядком, утвержденным комитетом природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области.

В соответствии с приказом Облкомприроды Волгоградской области от 05.12.2017 № 2497 (ред. от 24.11.2022) «Об утверждении Порядка организации эколого-туристической деятельности на территории природных парков Волгоградской области»: «эколого-туристическая деятельность на территории природных парков осуществляется ... иными лицами, имеющими право на осуществление данного вида деятельности, в том числе управляющими ... туристическими базами, базами отдыха, ... а также туроператорами и турагентами».

Что касается зоны интенсивного природопользования, то в соответствии с п. 4.7.4. Постановления Администрации в границах таковой допускается строительство, реконструкция и эксплуатация объектов, связанных с хозяйственной деятельностью.

Таким образом с учетом изложенных нормативных положений для целей порядка организации деятельности на территории природного парка предпринимательская деятельность по оказанию гостиничных услуг на базах отдыха, расположенных в природном парке именуется эколого-туристической деятельностью и её осуществление возможно на земельных участках природного парка, расположенных в рекреационной, буферной зоне, зоне агроландшафтов и в зоне интенсивного природопользования. Осуществление указанной деятельности возможно в том числе и посредством строительства новых объектов и реконструкции ранее построенных объектов рекреации (для целей настоящей работы - баз отдыха) с учетом предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства.

Эколого-туристическая деятельность предпринимателей-управляющих базами отдыха в границах природного парка осуществляется на земельных участках, предназначенных в соответствии с видом разрешенного использования для отдыха (рекреации), посредством оборудования и организации функционирования объектов рекреации.

Библиографический список

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // СЗ РФ. 2005. № 1. Ст. 14.
2. Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об особо охраняемых природных территориях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.
3. Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1860 (ред. от 26.12.2022) «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 48. Ст. 7721.
4. Постановление Администрации Волгоградской области от 22.07.2016 № 389-п (ред. от 14.11.2022) «Об утверждении Положения о природном парке «Волго-Ахтубинская пойма // Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru> 26.07.2016 № 3400201607260012.
5. Приказ Облкомприроды Волгоградской области от 05.12.2017 № 2497 (ред. от 24.11.2022) «Об утверждении Порядка организации эколого-туристической деятельности на территории природных парков Волгоградской области» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru> 25.11.2022 № 3401202211250016.
6. Николенко, П.Г. Гостиничная индустрия : учеб. и практикум для среднего профессионального образования / П.Г. Николенко, Е.А. Шамин, Ю.С. Ключева. М. : Юрайт, 2023. 449 с.
7. ГОСТ Р 51185-2014 Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования-Режим доступа: <http://www.gost.ru/> (дата обращения 05.01.2023).
8. Визит-центр – Режим доступа: <https://priroda.mke.team/storage/261/vizit-tsentr.pdf> / (дата обращения 05.01.2023).
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.12.2022 по делу № АА26-8494/2021 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/aa579bda-f96f-4124-b281-3335621f5cfb/8963991f-0d67-404c-9149-fae58a82c5ea/A26-8494-2021_20221215_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 19.02.2023).

УДК 346.1

СОВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ

Теплов М.В., студент 1 курса магистратуры юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Миронова С.М., доктор юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей мер поддержки субъектам малого предпринимательства в условиях международных санкций. В статье рассматривается важность предпринимательского сообщества для экономики в данный период. Также рассматриваются существующие меры поддержки субъектов малого предпринимательства, как федеральные, так и региональные. Формулируются выводы относительно эффективности рассматриваемых мер.

Ключевые слова: меры поддержки, малый бизнес, предпринимательское сообщество, санкции, развитие бизнеса в санкциях.

MODERN MEASURES OF STATE SUPPORT FOR SMALL BUSINESS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL SANCTIONS

Teplov M.V., 1st year student of the Master's program at the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd
Scientific director: Mironova S.M., Doctor of Law, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of support measures for small businesses in the context of international sanctions. The article discusses the importance of the business community for the economy in this period. The existing measures to support small businesses, both federal and regional, are also being considered. Conclusions are formulated regarding the effectiveness of the measures under consideration.

Keywords: support measures, small business, business community, sanctions, business development in sanctions.

Мы проживаем эпоху экономического шторма, вызванного политикой третьих стран, связанной с внешнеэкономическим давлением и санкциями, направленными на многие важные для нашей страны отрасли.

Не секрет, что на фоне ухода иностранных компаний с российского рынка, их место нужно кому-то занять, и занять быстро. Единственно-правильным решением является стимулирование и развитие российских компаний, которые смогли бы, как можно быстрее адаптироваться и занять освободившиеся отрасли предпринимательской деятельности. Ведь кто если не они должны стать основой роста экономики и потребительского спроса, именно сейчас.

На данный момент введение санкций повлекло за собой возникновение массы проблем, большая часть которых остаются актуальными и сегодня:

- недостаток оборотных средств;
- снижение курса рубля и валютная нестабильность;
- снижение спроса на продукцию;
- недоступность заемных финансовых ресурсов;
- ухудшение условий поставки сырья и комплектующих;
- сокращение объемов производства компании;
- сокращение инвестиционных программ компании и их перенос на более поздний срок.

Данные проблемы сформировались не в одно мгновение, и государство постоянно принимает новые меры поддержки малого предпринимательства, об этом говорит и их количество.

Председатель Правительства Российской Федерации, постоянно продлевает и расширяет меры поддержки предпринимательского сообщества.

Оценить качество предлагаемых мер можно путем непосредственного рассмотрения основных из них.

Все меры можно подразделить на два уровня:

- федеральные меры поддержки;
- региональные меры поддержки.

В настоящее время есть несколько основных направлений мер поддержки на федеральном уровне:

1. Так, например, были введены кредитные каникулы. Постановление Правительства № 337 от 10.03.2022 [1] даёт такую возможность, как для представителей среднего, так и малого предпринимательства. Компания может получить отсрочку по выплате кредита и текущих процентов по нему независимо от доли падения их доходов. Чтобы воспользоваться кредитными каникулами, необходимо в срок до 31 марта 2023 года обратиться с заявлением в кредитную организацию, которая выдавала кредит. На кредитные каникулы вправе претендовать и представители бизнеса, если их единственным участника, который выполнял функции исполнительного органа, мобилизовали. Освобождают такие компании на весь срок военной службы мобилизованного и дополнительно еще 90 дней после его возвращения.

2. Социальный контракт. Это один из отличных инструментов для тех, кто планирует открыть свое дело и вести личное подсобное хозяйство. Его суть заключается в том, что появилась возможность получить единовременную выплату для ИП, которая составляет 350 000 руб., а для граждан, ведущих личное подсобное хозяйство - 200 000 руб.

3. Гранты для молодых предпринимателей. Эта поддержка распространяется на все субъекты малого и среднего предпринимательства, для лиц в возрасте от 14 до 25 лет. Деньги можно использовать на компенсацию аренды и ремонта нежилого помещения, приобретение необходимых стройматериалов и оборудования, оплату коммунальных услуг и услуг электроснабжения. Сумма гранта составляет от 100 до 500 тыс. рублей.

4. Субсидии за новых работников. На 2023 год продлена льгота для тех работодателей, которые принимают на работу сотрудников моложе 30 лет или людей со статусом безработных. Для того чтобы воспользоваться льготой, кандидатов необходимо выбрать из базы «Работа в России». Кроме того, через месяц после трудоустройства необходимо будет подать заявление в Фонд пенсионного и социального страхования РФ. Субсидия выплачивается в сумме трех МРОТ тремя частями: через один, три и шесть месяцев после трудоустройства нового работника.

5. Гранты для туристического бизнеса. В соответствии с решением Ростуризма были определены регионы, в которых предприниматели смогут получить поддержку для создания и развития пляжей на берегах морей, рек и озер, а также развития национальных туристических маршрутов, создания кемпинга и автокемпинга, приобретения туристического оборудования, развития туристической среды, создания киноцентров и др.

6. Гранты на инновационное производство. Суть заключается в том, что российская компания, планирующая запуск или расширение инновационного производства, может претендовать на грант в размере до 30 млн рублей. Минэкономразвития приступило к приему заявок от малого бизнеса.

7. 0% НДС для отдельных отраслей бизнеса. Организации из некоторых отраслей бизнеса освобождены от уплаты НДС согласно Ф3 № 67 от 26.03.2022 [2]. Так, например, компании IT-сектора могут не платить налог до 2024 года (ранее его размер составлял 3 %). Для использования этой льготы важно, чтобы фирма соответствовала определенным критериям:

- наличие аккредитации в Министерстве цифрового развития;
- минимальный штат – 7 сотрудников;
- обладание не менее 90% долей доходов от передачи прав на разработанное и обновляемое ПО.

Похожая мера поддержки введена и для гостиничного бизнеса: с 2023 года и до июля 2027 года для компаний данного сектора, которые начали действовать с 1 января 2022 года, установлена нулевая ставка по НДС. В случае, если объект еще не достроен, отчет пятилетнего срока начнется с момента сдачи гостиницы в эксплуатацию.

Данной льготой можно также воспользоваться при строительстве спортивных и развлекательных центров, горнолыжных курортов, яхт-клубов и аквапарков.

7. В 2023 году организации малого бизнеса и ИП, расположенные в Москве, Калужской и Московской областях и Татарстане, имеют возможность перейти на новый режим налогообложения – АУСН.

Автоматизированная упрощенная система налогообложения (АУСН) отличается от привычной УСН сокращением страховых взносов. Работодатель платит их только от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний.

Сумма фиксирована и составляет 2 040 рублей в год, независимо от численности сотрудников. Другие взносы платить не нужно.

Такая система позволит упростить работу бизнеса. Расчет налогов ведет Федеральная налоговая служба, взяв за ориентир данные банка и онлайн-касс налогоплательщика.

8. Компенсация расходов на покупку российского ПО. В рамках нового механизма поддержки малого и среднего бизнеса у предпринимателей появилась возможность приобрести российское ПО на 50 % дешевле.

Все эти меры направлены на рост предприятий, однако нельзя не учитывать тот факт, что мер поддержки для предпринимателя, основная деятельность которого в данный период приостановлена – нет, как это было, например, в период локдауна 2020 года. Предпринимателю нужно время, для того, чтобы переориентироваться, но прежде всего ему необходимо морально принять и осознать ситуацию, а на это тоже нужно время.

Также немаловажными являются региональные программы поддержки, например, в Волгоградской области применяются следующие [3]:

1. Поддержка субъектов МСП в сфере импортозамещения;
2. Поддержка субъектов МСП центром «Мой бизнес» и Центром поддержки экспорта Волгоградской области;
3. Диверсификация экспортных рынков субъектов малого и среднего предпринимательства в рамках зарубежных мероприятий;
4. Упрощение процедуры проведения оценки регулирующего воздействия в отношении НПА, направленных на поддержку предпринимательской деятельности;
5. Мораторий на проверки регионального и муниципального уровня
6. Упрощение процедуры получения документов в сфере разрешительной деятельности на региональном уровне;
7. Продление действия срочных свидетельств и карт маршрута;
8. Упрощение процедуры размещения нестационарных торговых объектов;
9. Формирование механизма поддержки экономического сектора, включающее определение иных случаев осуществления закупок товаров, работ, услуг для государственных и (или) муниципальных нужд у единственного поставщика;
10. Возможность внесения изменений в существенные условия государственных контрактов, заключенных до 01.01.2023;
11. Увеличение сроков действия разрешений на размещение отдельных объектов;
12. Увеличение срока действия договоров на размещение инвестиционно-привлекательных объектов;

Указанные в статье меры поддержки, представляют из себя лишь малую часть от всей системы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, которые предпринимаются ежедневно. На данный момент государство нацелено создать комфортные условия для развития бизнеса в изменяющейся экономической реальности.

Рассмотрев основные меры поддержки как федерального, так и регионального уровня можно сделать вывод о том, что в условиях международных санкций, государство всеерьезно озабочено проблемами, возникающими на пути у предпринимательского сообщества. Указанные в данной статье меры, направлены на активное стимулирование развития отечественного среднего и малого предпринимательства, ведь не успев оправиться от «коронакризиса», мы получили новые стрессовые для экономики ситуации. Однако наличие мер еще не означает их качественное применение, государству предстоит большая работа по анализу эффективности принимаемых мер, и их влияния на преодоление возникающих в новых политических условиях проблем. Необходимо и дальше продолжать работу в этой области, ведь от предпринимателей сейчас зависит экономика завтра.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 N 337 «Об утверждении перечня отраслей, в которых осуществляет деятельность заемщик, указанный в части 1 статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» и о признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 14.03.2022. № 11. Ст. 1716.
2. Федеральный закон от 26.03.2022 N 67-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 28.03.2022. № 13. Ст. 1956.
3. Региональный меры поддержки бизнеса: официальный сайт – 2023. URL: <https://www.volgograd.ru/economy-support/regionalnye-mery-podderzhki-biznesa-v-usloviyakh-vneshnego-sanktsionnogo-davleniya/administrativnye-mery-podderzhki-biznesa/> (дата обращения: 19.03.2023). Текст: электронный.

АВТОРСКИЕ ПРАВА НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СГЕНЕРИРОВАННЫЕ НЕЙРОСЕТЯМИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Цыганков Д.А., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель: Миронова С.М., доктор юридических наук, доцент кафедры финансового и предпринимательского права,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы правового регулирования, связанные с признанием авторского права на произведения, сгенерированные нейросетью. Проанализированы подходы к решению проблемы признания авторских прав на основе зарубежного законодательства и российских доктринальных источников. Изучена политика платформ, регламентирующая вопросы авторского права и требования к использованию результатов генерации нейронных сетей.

Ключевые слова: нейросеть, цифровизация, изобретение, изобретатель, искусственный интеллект, авторское право, гражданское право, правовое регулирование.

COPYRIGHT TO WORKS GENERATED BY NEURAL NETWORKS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND SOLUTIONS

Tsygankov D.A., 1st year undergraduate student of the Faculty of Law Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd
Scientific adviser: Mironova S.M., Doctor of Law, Associate Professor of the Department financial and business law,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article deals with the problems of legal regulation related to the origin of copyright in works generated by a neural network. Approaches to solving the problem of recognition of copyright on the basis of foreign legislation and Russian principles are analyzed. The policy of the platform, regulating copyright issues and requirements for the result of generating neural networks, was studied.

Keywords: neural network, digitalization, invention, inventor, artificial intelligence, copyright, civil law, legal regulation.

В наши дни вопросам правового регулирования нейросетей уделяется небольшое внимание в юридической науке. Однако процессы цифровой трансформации экономики все больше меняют различные отрасли, в том числе в результате внедрения нейросетей в бизнес-процессы предприятий. Безусловно, применение нейросетей многопланово, оно дает возможности для развития, но вместе с этим порождает проблемы правового характера, что делает актуальным вопросы принадлежности авторских прав на произведения, сгенерированные нейросетями.

Под нейронной сетью понимается программа, основанная на принципах работы человеческого мозга, способная к обучению и анализу данных. В общем понимании она представляет собой разновидность искусственного интеллекта. Возможности нейросетей довольно широки, их можно использовать для прогнозирования, распознавания лиц, оптимизации и других задач. Нейросети также используются в творческой среде: создание различных музыкальных произведений, написание картин, создание текстов – всё это стало возможно получить в считанные секунды благодаря нейросети.

Так, в 2016 году проходила выставка «DeepDream: Искусство нейронных сетей». 29 картин, созданных искусственным интеллектом Google, были проданы на благотворительном аукционе в Сан-Франциско, причем самая дорогая работа получила выигрышную ставку в размере 8000 долларов [1], [2].

Площадка SuperRare, построенная на принципах работы социальной сети, осуществляет продажу результатов «творчества» нейросетей. SuperRare основана на блокчейне Ethereum, все покупки и ставки на аукционах происходят с помощью ETH [3].

Данные примеры не единичны, а со временем работ, созданных с применением нейронных сетей становится все больше. В то же время, в России пока отсутствует необходимая нормативная база.

Важные вопросы, связанные с использованием нейросетей в контексте авторского права, требуют изучения на доктринальном уровне и принятия соответствующих норм. Преимущественно эти вопросы касаются правомерности использования и распоряжения произведениями нейронных сетей, принадлежности авторства таких произведений, защиты интеллектуальных прав.

Несмотря на то, что вышеперечисленные вопросы не урегулированы должным образом, нельзя констатировать полное отсутствие норм, связанных с нейронными сетями и искусственным интеллектом. Так, Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 определяет основные цели и задачи, связанные с развитием искусственного интеллекта. В качестве одной из задач указана «адаптация нормативного регулирования в части, касающейся взаимодействия человека с искусственным интеллектом, и выработка соответствующих этических норм». По результатам работы в данном направлении «к 2030 году в Российской Федерации должна функционировать гибкая система нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта, в том числе гарантирующая безопасность населения и направленная на стимулирование развития технологий искусственного интеллекта». [4]

Также необходимо рассмотреть положения гражданского законодательства в области авторского права.

Согласно ст. 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации, автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано [5]. Исходя из данного положения, нейросеть невозможно признать автором. Во-первых, нейросеть не является субъектом гражданских прав, а во-вторых, нельзя говорить о творческом труде нейросети, поскольку ее работа строится на изучении различных произведений искусства и последующей генерации «нового» на их основе.

В основе создания нейросетью какого-либо произведения лежит процесс компиляции, по сути происходит переработка всех данных, полученных нейросетью и создание «нового» произведения. В контексте авторского права результаты работы нейросетей схожи с производными произведениями. Следовательно, использование работы нейросети будет правомерным только в случае использования ей произведений, не охраняемых авторским правом, либо при получении согласия авторов первоначальных произведений [6].

В результате анализа зарубежного законодательства и практики, а также доктринальных источников, можно выделить несколько подходов к регулированию правоотношений, возникающих в результате создания работ нейросетями.

Первый подход заключается в том, что автором результата работы нейросети признается разработчик программного продукта, с помощью которого было сгенерировано произведение.

Такой подход закреплен в законодательстве Великобритании. В соответствии с разделом 9 (3) Закона об авторском праве, дизайне и патентах (Copyright, Designs and Patents Act 1988), автором драматического, музыкального или художественного произведения, созданного с помощью компьютера, считается лицо, предпринявшее меры, необходимые для создания произведения [7].

Исходя из буквального толкования, автором может признаваться и пользователь в случае внесения последним существенного вклада в создание данного объекта авторского права.

Второй подход заключается в том, что подобные работы признаются общественным достоянием и могут свободно использоваться любым лицом. Если буквально толковать законодательство большинства стран, в том числе и Российской Федерации, то произведения создаются только физическими лицами, а значит произведение нейросети к авторскому праву не относится. Однако с практической точки зрения такая позиция противоречит интересам участников процесса создания генераций.

По мнению В.Н. Синельниковой, «полученные искусственным интеллектом результаты следует признавать охраняемыми объектами интеллектуальной собственности, на которые отсутствует право авторства». Автор предлагает присваивать таким работам уникальные номера, позволяющие идентифицировать работу и получить ряд сведений об искусственном интеллекте, его разработчике и обладателе исключительных прав как на саму программу, так и на объекты, создаваемые ей [8].

Таким образом, российская нормативная база детально не регламентирует вопросы авторского права при использовании нейросетей, однако сами платформы в разной мере позаботились о вопросах авторского права и имеют требования к использованию результатов генерации нейронных сетей.

В соответствии с условиями использования Midjourney, пользователь предоставляет Midjourney, ее правопреемникам и правопреемницам бессрочную безотзывную лицензию на авторское право на воспроизведение, подготовку производных работ, публичный показ, публичное исполнение, публицирование и распространение текста, а также изображений, созданных сервисом по указанию пользователя [9].

Условия использования DALL-E 2 не регламентируют должным образом вопросы авторского права на сгенерированные произведения, однако их использование возможно только в некоммерческих целях [10].

Разработчики Stable Diffusion не заявляют никаких прав на создаваемые пользователями работы, их можно свободно использовать. При этом пользователь несет ответственность за их использование. Лицензия CreativeML Open RAIL-M запрещает делиться любым контентом, который нарушает какие-либо законы, наносит какой-либо вред человеку, распространяет любую личную информацию, которая может причинить вред, распространяет дезинформацию и нацелена на уязвимые группы. [11].

Подводя итог важно отметить, что стремительное развитие цифровых технологий способствует не только появлению новых возможностей, но и формированию новых вызовов, в том числе и для правовой сферы. В условиях, когда нейросеть является лишь продуктом разработки и для генерации картин, текста или иного объекта использует уже ранее созданные людьми произведения нельзя говорить о передаче авторских прав на такой объект разработчиком нейросети. Стоит отметить, что развитие цифровых технологий всегда опережало, и будет опережать процесс их законодательного регулирования, однако именно право является тем инструментом, без которого невозможно дальнейшее социально-экономическое развитие общества и государства в целом.

Библиографический список

1. DeepDream: The art of neural networks. URL: <https://grayarea.org/event/deepdream-the-art-of-neural-networks/> (дата обращения: 12.05.2023)
2. Google's 'Inceptionism' Art Sells Big at San Francisco Auction URL: <https://news.artnet.com/market/google-inceptionism-art-sells-big-439352> (дата обращения: 12.05.2023)
3. SuperRare Platform. URL: <https://superrare.com/> (дата обращения: 12.05.2023)
4. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч). Ст. 5496.
6. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Российская газета. 2019. № 96.
7. Copyright, Designs and Patents Act 1988. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents> (дата обращения: 12.05.2023)
8. Синельникова В.Н. Правовой Режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-rezultatov-intellektualnoy-deyatelnosti-sozdannyh-samorazvivayuschimisya-programmami> (дата обращения: 14.05.2023).
9. Midjourney Terms of service. URL: <https://docs.midjourney.com/docs/terms-of-service>
10. DALL-E 2 Terms of use. URL: <https://openai.com/policies/terms-of-use>
11. Stable Diffusion license. URL: <https://stablediffusionweb.com/license>

Секция 5
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Руководитель секции: Заднепровская М.В., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства

УДК: 340.122

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Андреев П.Г., кандидат юридических наук, начальник отдела государственного строительства государственно-правового управления аппарата Губернатора
Волгоградской области

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового обеспечения информационной безопасности в условиях развития искусственного интеллекта и нейросетей. Проблематика рассматривается в контексте теории естественного права, позволяющей, по мнению автора, выявить наиболее рациональные пути нормативного регулирования стремительно меняющихся отношений в информационной сфере. В статье особое внимание уделяется идеям современных последователей естественного права, рассматриваются работы видных российских ученых-юристов в области теории права и информационного права. Центральной идеей статьи является тезис о том, что при определении основополагающих принципов правового регулирования вопросов информационной безопасности естественно-правовая теория может дать законодателю необходимые ориентиры для достижения оптимального варианта адекватного властного вмешательства в информационные правоотношения.

Ключевые слова: естественное право, информационное право, правовое регулирование

INFORMATION SECURITY IN THE ASPECT OF MODERN NATURAL LAW THEORY

Andreev P.G., Candidate of Legal Sciences, head of the Department of State Construction of the State Legal Department of the Office of the Governor
of the Volgograd Region

Abstract. The article is devoted to the issues of legal support of information security in the context of the development of artificial intelligence and neural networks. The issue is considered in the context of the theory of natural law, which allows, according to the author, to identify the most rational ways of normative regulation of rapidly changing relations in the information sphere. The article pays special attention to the ideas of modern followers of natural law, examines the work of prominent Russian legal scholars in the field of legal theory and information law. The central idea of the article is the thesis that, when determining the fundamental principles of legal regulation of information security issues, natural law theory can provide the legislator with the necessary guidelines to achieve the best option for adequate government intervention in information legal relations.

Keywords: natural law, information law, legal regulation

Современный мир насыщен информацией, которая становится все более ценной и важной для различных сфер жизни. Очевидно, что наше общество уже стало информационным, процесс проникновения IT-технологий во все сферы человеческой деятельности необратим и является следствием естественного развития, эволюции человеческой цивилизации. Искусственный интеллект и искусственные нейронные сети (далее – нейросети) вошли в стадию самообучения и саморазвития и подобно тому, как промышленная эра ознаменовалась тем, что «машины стали делать машины», эру информации можно охарактеризовать тем, что программы начали совершенствовать самих себя, создавать новые программные коды, самостоятельно анализировать данные.

Уже сегодня информационные технологии предоставляют человеку самые широкие возможности в области образования, здравоохранения, управления транспортом, анализа человеческих потребностей, принятия управленческих решений, etc. Криптовалюты используются наравне с национальными денежными средствами (которые также переводятся в цифровую форму). Процесс поиска и получения информации, связи с другими людьми сократился до нескольких движений пальцем. В период пандемии коронавируса информационные технологии стали настоящим спасением для людей, находившихся на самоизоляции, обеспечивая их общение друг с другом, с социальными институтами, получение необходимой информации. О современных возможностях искусственного интеллекта многое может сказать факт того, что материал для статьи, которую Вы в настоящее время читаете, был подобран и систематизирован нейросетью (насколько нейросеть была управляема - см. ниже).

С другой стороны, недобросовестное использование информационных технологий создает и новые угрозы. «Завязанные» на высоких технологиях отношения становятся уязвимой мишенью для деструктивного воздействия посредством использования компьютерных вирусов, DDoS-атак, массового распространения недостоверной информации, создания дипфейков и т.п. Возрастает риск несанкционированного доступа к персональным данным пользователей, конфиденциальной информации, утечки таких сведений, хранящихся в цифровой форме, их недобросовестного использования. Именно поэтому вопросы информационной безопасности стали актуальными для всех сфер общественной жизни, требуя от правовой системы адекватного регулирования.

Безусловно, угрозу как таковую несут не сами информационные технологии, а их противоправное использование. В связи с этим особую актуальность приобретает адекватное правовое регулирование отношений в информационной сфере, направленное на обеспечение информационной безопасности их участников.

Проблема правового регулирования информационных отношений вообще и вопросов информационной безопасности, в частности, не раз поднималась в исследованиях российских правоведов [1, с. 12, 21, 274], [2, с. 200, 432, 508] справедливо отмечавших законодательство и содержащиеся в нем правовые нормы как важнейший регулирующий фактор стремительных процессов развития цифрового пространства в условиях нарастающей глобализации. Суммируя полученные ими выводы, следует отметить, что в информационной сфере правовое регулирование зачастую не просто не поспевает, но и катастрофически отстает от хода прогресса. Так, статья, посвященная обязанностям оператора поисковой системы, появилась в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» только в 2015 году [3] (в то время, как поисковые системы используются российскими пользователями еще с конца прошлого века), статья, посвященная особенностям распространения информации в социальных сетях (используемых с середины 2000-х) – в 2021 году [4]. Лишь спустя почти 10 лет после начала использования биткоина и других криптовалют принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Несмотря на то, что уже 3 года, как произошел прорыв в области развития нейросетей и темпы такого развития нарастают с геометрической прогрессией (создание модели GPT-3), какое-либо полноценное правовое регулирование отношений, связанных с их использованием, отсутствует.

Соответственно, в самое ближайшее время одной из основных целей отечественного законодателя станет создание четкого и адекватного правового регулирования отношений, связанных с использованием новых цифровых технологий, создание правовой базы для обеспечения информационной безопасности пользователей правовыми средствами. При этом крайне важно не «зарегулировать» сферу до того состояния, при котором правовые нормы просто не будут применяться, отражая на практике хрестоматийную шутку о том, что «строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения». Для достижения такой цели чрезвычайно важно понимание трех принципов, на которых может и должно быть построено правовое обеспечение информационной безопасности. Подобное понимание, в свою очередь должно иметь под собой определенную теоретическую базу.

В связи с этим представляется небезполезным рассмотреть вопросы информационной безопасности в контексте естественно-правовой теории права, в идее которой, как справедливо отмечено С.С. Алексеевым находит выражение жесткая и в этом смысле естественная зависимость права не от волюнтаристских устремлений, а прежде всего от внешних факторов, в числе которых наряду с разумными началами нашей жизни указывается и экономический базис. В случае же стремления власти подчинить себе право с нарушением его логики происходит деформация права в ущербную систему, а то и вовсе в «имитационное право» [5, с. 152, 332, 349] Эти слова выдающегося российского правоведа как нельзя лучше отражает те принципы и рамки, согласно которым может осуществляться эффективное правовое регулирование вопросов обеспечения информационной безопасности в современном обществе с его стремительно и непредсказуемо развивающейся цифровой экономикой. Как уже было сказано выше, современное развитие цифровых технологий является естественным процессом, вполне отражающим столь же естественные стремления людей в удовлетворении из информационных потребностей. Накапливать знания об окружающем мире и самом себе, анализировать их, делать верные выводы из полученных сведений, общаться с другими людьми – все это присуще человеку от природы – данный непреложный факт обуславливает применимость естественно-правовых принципов для совершенствования правового регулирования обеспечения безопасности в соответствующих отношениях.

За рубежом в качестве одного из наиболее последовательных сторонников естественно-правового подхода в современной теории права можно назвать австралийского ученого Джона Митчелла Финниса, рассматривающего в качестве общего смысла, которому должны быть подчинены принципы права, требования практической разумности. Исходя из наличия определенного набора основных благ, к которым (в силу требований самой природы) стремится абсолютное большинство людей и обеспечению возможности потребления которых должно быть подчинено человекоориентированное право, ученый включает в такой набор знание, эстетический опыт и коммуникабельность, т.е. – потребности информационного характера. Естественный закон, принципом которого должен следовать законодатель, желающий создать эффективное правовое регулирование, согласно Дж. М. Финнису – это совокупность принципов практической разумности в упорядочении человеческой жизни и человеческого общества [6, с. 37, 43, 44, 51, 56, 123, 138, 216, 331, 348-349, 435, 476, 479-480].

Аналогичного подхода придерживается и другой представитель естественно-правовой теории права – Р. Алексис, рассматривающий право через призму идеи институционализации разума, воплощения его в социально действительности [7, с. 19].

Исходя из приведенных естественно-правовых принципов, можно сделать вывод, что информационная безопасность, будучи направлена на защиту основных благ, сама выступает в качестве такого блага для людей, вступающих в информационные правоотношения.

Соответственно, при определении основополагающих принципов правового регулирования вопросов информационной безопасности естественно-правовая теория может дать законодательно необходимые ориентиры, следуя которым возможно достичь оптимального варианта адекватного властного вмешательства в информационные правоотношения. Исходя из них возможно и необходимо создание детальной и глубокой системы законодательного регулирования, которая будет охватывать не только защиту персональных данных пользователей, конфиденциальной информации (в чем современный законодатель достиг определенного прогресса), но также защиту пользователей от информации, которая может быть использована для ущемления прав человека, информации распространение которой (в т.ч., например, в силу некорректного функционирования саморазвивающегося искусственного интеллекта) очевидным образом противоречит естественной потребности развития человека в современном информационном обществе как мыслящей, разумной личности, стремящейся к получению объективной и достоверной информации и избегающей информации деструктивной, вводящей в заблуждение. Такое регулирование позволит, обеспечивая безопасность пользователя от информации, потребителем которой он и сам бы не желал бы быть (поскольку никто, находящийся в здравом рассудке, обычно не хочет быть введенным в заблуждение), одновременно не ущемлять его информационных прав, закрепленных в части 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации. Эффективное обеспечение информационной безопасности требует и того, чтобы человеку была предоставлена возможность свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, используя для этого любые технологии (объективно обусловленные требования, к которым также должны стать элементом правового регулирования), а закон не ограничивал бы такое право сверх разумной необходимости, обусловленной естественными человеческими потребностями, указанными выше. Поскольку окончательное использование любой безопасной информации, любых безопасных технологий является сферой решения каждого конкретного человека (также, как и проведенная искусственным интеллектом подборка и систематизация материалов для настоящей статьи была самым существенным образом изменена в ее окончательной редакции – по решению автора и во многом вопреки тому, как это видела нейросеть). Следует помнить, что искусственный интеллект, информация и высокие технологии являются лишь средством, а последнее слово всегда должно оставаться за человеком, действующим согласно внутреннему пониманию своих информационных потребностей.

Устанавливаемые в таком контексте, правовые нормы, касающиеся вопросов обеспечения информационной безопасности, как представляется, будут способны, достигая поставленной цели, способствуя стабильному и уверенному развитию личности, общества и государства в новых условиях, созданных научно-техническим прогрессом.

Библиографический список

1. Кузнецов П.У. Основы информационного права: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2014.
2. Информационное право: актуальные проблемы теории и практики: колл. монография / под общ. ред. И.Л. Бачило. М.: Изд-во Юрайт, 2009. С. 200, 432, 508.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 30.12.2020 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
5. Алексеев С.С. Собрание сочинений, т. 6: Восхождение к праву. С. 152, 332, 349.
6. Финнис Дж.М., Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 37, 43, 44, 51, 56, 123, 138, 216, 331, 348-349, 435, 476, 479-480.
7. Алексис Р. Дуальная природа права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 19.

УДК 340.115

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЗАРОЖДЕНИИ НОРМ ПРАВА

Денисенко М.В., кандидат филологических наук, доцент,

Тедеева Р.О., студентка 3 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Изучение эмоционального интеллекта активно разрабатывается различными направлениями современной науки. В представленной статье данное явление рассматривается в аспекте правового самосознания. Авторами выдвигается идея взаимосвязи эмоционального интеллекта личности со стремлением к нормотворчеству и правовому регулированию поведения людей в обществе.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, нормы права, эмпатия, нормотворчество, самосознание.

THE ROLE OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN THE EMERGENCE OF LEGAL NORMS

Denisenko M.V., Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor,

Tedeeva R.O., 3th year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The study of emotional intelligence is actively being developed by various areas of modern science. The article considers this phenomenon in the aspect of legal self-awareness. The authors put forward the idea of the relationship between the emotional intelligence of the individual and the desire for rule making and legal regulation of people's behavior in society.

Keywords: emotional intelligence, norm of law, empathy, rule making, self-awareness.

Эмоции и чувства человека всегда играли ведущую роль в развитии цивилизации на всех этапах её развития. Они становились вдохновением для деятелей искусства, поводом для войны или ложились в основу развития законов. На первый взгляд, понятия законов и эмоций можно принять за антитезу, но, обратившись к онтологии законов как свода правил, станет очевидно: они были созданы, чтобы сдерживать или направлять эмоции и чувства людей. Безопасность – одна из базовых потребностей любого общества. Чтобы её обеспечить, люди испокон веков были готовы несколько ограничить собственную свободу правилами, передавая ответственность контроля соблюдения этих правил абстрактным или вполне определённым управляющим. Таким образом, они обрели уверенность, что защищены от посягательств со стороны других людей, обязуясь при этом не посягать и самим. Так возник принцип: «свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого».

В основу таких правил легло представление человека о самом себе и экстраполяция этого представления на окружающих. «Если я хочу его убить, возможно, и он захочет убить меня», – вывести такую мысль, толкнувшую впоследствии человека на поиск способов обезопасить себя, помогло мысленное эмоциональное моделирование. Человек подсознательно понимает, что его набор эмоций и чувств обладают и другие люди, поэтому, основываясь на собственном опыте, он будет анализировать поведение других, пытаться предугадать мотивы поведения контрагента, его настроение, чтобы выстроить наиболее выгодное и безопасное для себя взаимодействие. Гонимые не хотели приносить плохие новости правителям, потому что знали, что ярость получателя может стоить им жизни, и уже заранее предполагали реакцию. Военачальники умело оперировали чувством патриотизма своих воинов, вдохновляя их. Всё это делает возможным внутренний индикатор человека – эмоциональный интеллект.

Эмоциональный интеллект – способность человека понимать свои эмоции, а также эмоции других людей, контролировать их для достижения собственных целей посредством использования полученной эмоциональной информации [1].

В настоящий момент существует несколько подходов к пониманию данного явления. Дэниел Гоулман – один из учёных, предложивших базовое определение. Именно его модель представляется наиболее простой и исчерпывающей. Концепцию предлагается рассматривать как совокупность пяти элементов: самосознание (способность понимать собственные эмоции), самоконтроль (способность регулировать выражение эмоций), управление отношениями (социальная компетентность – способность выстраивать продуктивные социальные связи), эмпатия (способность сопереживать другим) и, наконец, мотивация (способность эмоционально побудить себя и/или окружающих на действие).

Рассматривая данное явление в аспекте правосознания, Захарцев С.И. пишет: «Очевидно, что необходимость в праве возникает всегда, когда людей как минимум двое, то есть когда возникает некое общество. Сознание этих человек в данном случае требует установления каких-либо общеобязательных правил поведения, определения «кто старший», чье мнение более приоритетно и так далее» [2, с. 281]. То есть этап осознания необходимости создания неких правил поведения в сознании человека предшествует этап осознания абстрактного назначения правил – регулировать проявление непредсказуемых эмоций. Кроме того упоминаемый поиск «старшего» также основывается на возможности элементов эмоционального интеллекта человека распознать авторитет. Это необязательно будет человек, чьи практические навыки объективно полезны для выживания. Подсознательно воспринимаемый авторитетный человек может стать таковым в глазах других с помощью развитого эмоционального интеллекта. Например, хорошо владеющий саморегуляцией человек сможет всегда казаться спокойным и уверенным, что подарит ощущение безопасности людям, которые доверяют ему управление. Освоение эмоциональной мотивации поможет вдохновлять на действия других, а также продуктивно работать самому.

После того, как люди осознали необходимость в регламентировании поведения, им необходимо было определить само содержание таких правил. Механизм их создания можно воспроизвести, используя метод экстраполяции. На первом этапе нормотворец (человек, группа лиц или исторически сложившееся общество), используя первый элемент выделенной составляющей эмоционального интеллекта, самосознание, представляет своё отношение к разным ситуациям, требующим регулирования. Сначала подсознание воспроизводит варианты поведения людей в данной ситуации, основываясь на информации о собственной механике эмоций и поведения. Из полученных «деталей конструктора» сознание формирует не только похожие на свои, но и уникальные модели предполагаемого поведения. Затем следует процесс анализа собственного отношения к каждому из вариантов. Тот, который покажется опасным, будет предложен сознанием к ограничению. После этого разум анализирует отношение других людей к данному вопросу. При наличии массовых совпадений модель поведения будет принята к регламентации.

Далее следует этап создания одобряемого сценария действий в выбранной ситуации. Происходит это по тому же алгоритму: сначала анализируется собственное отношение к ситуации (здесь активизируется эмпатия, чтобы наиболее точно смоделировать сюжет для других людей), затем предполагается отношение других к введению такого правила. Конечно, учитывается и способность к саморегуляции – сможет ли сам нормотворец следовать своему нововведению. Следующий этап – создание такой формы выражения нормы, которая будет одобрена и принята обществом. Очевидно, появляется необходимость понимания социальной жизни и нахождения точек влияния на общественное сознание. В данном случае роль играет элемент управления отношениями – социальная компетентность. Основываясь на опыте собственной адаптации под уже сложившееся в обществе поведение, нормотворцу нужно будет провести план адаптивного внедрения правил. Здесь «вступает в игру» мотивация как элемент эмоционального интеллекта. Она выражается в системе наказаний и поощрений за соблюдение правил. Основываясь на понимании ценностей, эмоций и чувств человека можно предположить наиболее эффективные рычаги воздействия на него: вдохновить или предостеречь.

Конкретизируем данный алгоритм следующим примером, взяв идеальную модель поведения для более точной передачи концепции. Человек (на раннем этапе развития общественных норм) находит явно потерянную кем-то из соседей вещь. Эмпатия поможет ему поставить себя на место хозяина вещи. Сам он не хотел бы лишиться дорогого ему предмета. Следовательно, хотел бы получить потерю назад. Значит, и владелец, вероятно, хочет возвращения предмета. Получается, что присвоение и обогащение в данном случае посягнет на право (понятие которого в сознании абстрактно представляется на данном этапе эмоционально подкрепленным убеждением – разочарованием от утери принадлежащего). Из этого следует, что присваивать вещь нельзя, и её необходимо попытаться вернуть. Далее необходимо объяснить людям – для чего они не должны присваивать чужое. Представляется эффективным апеллировать к эмпатии людей и их собственной потребности к безопасности своей личности и имущества, объясняя саму необходимость введения нормы, а затем создать санкции за нарушение нормы, амортизируя всегда существующую в обществе девиацию.

Переход от интерпретации к пониманию норм другими людьми возможен только при наличии у двух индивидов общей картины мира, позволяющей осмыслить выбор одного из них в категориях, понятных другому. Для этого необходим достаточный уровень эмоциональной и интеллектуальной эмпатии, самосознания и осознания внутреннего состояния других людей. Отсутствие понятных всем сторонам категорий делает содержательный диалог культур (например, дикарей и европейцев) невозможным. Эта познавательная ситуация может быть определена как конфликт интерпретаций или герменевтический круг – попытка воссоздания логики мышления другого индивида по аналогии с собственной [3].

Практически невозможно представить, что на произведение интеллектуальной культуры человечества не окажет в той или иной степени влияние эмоциональная составляющая. Современное уголовное законодательство, например, предполагает индивидуализацию юридической ответственности. Это значит, что наказание будет определяться отношением виновного к совершённой им деянию. Многие страны даже используют систему присяжных заседателей, где люди, основываясь на фактах и эмоциональном отношении к делу, выносят решения.

Люди с недостаточно развитым эмоциональным интеллектом или с его патологиями как раз и становятся подсудимыми по уголовным делам. У некоторых людей может отсутствовать эмпатия, позволяющая преступникам дегуманизировать жертву и совершать насилие. Низкий уровень саморегуляции зачастую становится причиной вспышек агрессии, которые также могут привести к применению насилия. Низкая социальная компетентность, имеющая в том числе и самосознание в своей основе, может создать асоциального или даже антисоциального человека, который не будет признавать нормы общества, принадлежность к которому не чувствует из-за неумения наладить коммуникацию.

Можно отметить, что в предложенной теории возникновения норм права ведущую роль играет переход от психологии локальной группы людей или личности к психологии масс. Это очевидно, так как нормы права рассчитаны на широкий круг лиц и, следовательно, подразумевают механизмы массового влияния. Сначала на этапе создания правил и их адаптации под общество, затем на уровне убеждения в необходимости соблюдения созданного и, наконец, разработки механизма профилактики нарушений, всё так же основываясь на эмоциональном поведении общества (менталитете). Данная теория подкрепляется и мнением Л.И. Петражицкого, который считал, что право – это род эмоционального отношения, и полагал, что открыл в психике человека особые правовые эмоции [4].

Таким образом, эмоциональный интеллект представляет собой один из базовых мотиваторов человечества для создания правовых норм. С его помощью люди осознают необходимость норм, научились их формировать и выражать, а также убеждать других соблюдать созданные правила.

Библиографический список

1. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Дэниел Гоулман; пер. с англ. А. Исаевой; [науч. ред. Е. Ефимова]. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 544 с.
2. Захарцев С.И. Возвращаясь к дискуссии о происхождении права // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 6. С. 279–293.
3. Медушевский, А.Н. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности / А. Н. Медушевский // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5 (84). С. 30–42.
4. Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб.: Юридическая книга, 2010. 1032 с.

УДК 342.31

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ

Заднепровская М.В., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Ответственность власти перед обществом составляет один из важнейших признаков правового государства. Разработка конструкции публично-правовой ответственности в этой связи представляет важную научно-практическую задачу. В статье рассматриваются некоторые аспекты публично-правовой ответственности, не получившие однозначного решения в юридической науке и практике: ее понятия, содержания, субъектов, оснований. Давая обзор существующих точек зрения, автор предлагает свое видение указанных проблем.

Ключевые слова: публичная власть, публично-правовая ответственность, организационно-политические и материальные меры публичной ответственности, конституционная ответственность высших должностных лиц государства.

ON THE QUESTION OF THE PUBLIC-LEGAL RESPONSIBILITY OF THE AUTHORITIES

Zadneprovskaya M.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd

Abstract. The responsibility of the authorities to society is one of the most important signs of the rule of law. The development of the construction of public liability in this regard is an important scientific and practical task. The article discusses some aspects of public liability that have not received an unambiguous solution in legal science and practice: its concepts, content, subjects, grounds. Giving an overview of the existing points of view, the author offers his vision of these problems.

Keywords: public authority, public legal responsibility, organizational, political and material measures of public responsibility, constitutional responsibility of the highest officials of the state.

Наша Конституция провозглашает Россию демократическим, правовым и социальным государством. При всех разночтениях принципов такого государства, неизменной чертой, объединяющей позиции отечественных и зарубежных ученых, выступает взаимная ответственности государства и личности. Но если ответственность личности (уголовная, административная, гражданско-правовая и проч.) обеспечивается принудительной силой государства, то вопрос об ответственности самого государства перед обществом остается открытым.

Почти два века назад А.И. Герцен писал, что общественный договор по-европейски – это соглашение подданных и власти об обоюдном обязательном законе, в то время, как общественный договор по-русски – это молчаливый сговор народа и власти об их обоюдной безнаказанности при нарушении закона.

С тех пор, конечно, многое изменилось. Народ нашей страны в соответствии с Конституцией РФ является единственным источником власти в России и, следовательно, он вправе осуществлять контроль за деятельностью государства, привлекая к ответственности органы власти за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них задач. Этому праву, соответственно, корреспондирует обязанность государственной власти нести ответственность перед обществом и каждым его гражданином.

Надо понимать, что истоки взаимной ответственности государства и личности лежат в возможном дисбалансе их интересов. Очевидно, что у государства есть такие же интересы, которые противостоят интересам отдельной конкретной личности. В свою очередь, личность может иметь интересы, которые противостоят интересам государства. Столкновения, противоречия соответствующих интересов и порождают проблему взаимной ответственности.

Чи же интересы должны иметь приоритет и защищаться правом? В течение тысячелетий государство по праву сильного всегда исходило из своих собственных интересов, убеждая граждан в правильности такого подхода. Хорошей иллюстрацией могут служить слова популярной песни советских времен: «раньше думай о Родине, а потом о себе».

Однако перестройка внесла коренные изменения в систему целей и ценностей общества. Ст. 2 Конституции РФ провозглашает права и свободы человека высшей ценностью, признание и соблюдение которых вменяется в обязанность государства. Причем, чем более цивилизовано и демократично государство, тем более оно заботится об интересах личности. И, напротив, чем свободнее личность, тем больше она заинтересована в обеспечении интересов государства. Таким образом, в демократическом обществе государство становится гарантом прав и интересов личности. Ответственность публичных властей и служит организационно-правовым механизмом, гарантирующим гармонизацию общественных и частных интересов, что является необходимым условием социального мира и доверия к институтам власти.

Как обстоит дело с ответственностью власти в современном российском обществе? Кто должен нести ответственность за непродуманное проведение реформ, безответственные политические решения, ведущие к обнищанию населения, и прочее социальное экспериментирование? Что вообще представляет собой публичная ответственность и как она соотносится с иными видами юридической ответственности? Ответ на эти вопросы невозможен без разработки юридической наукой теории публично-правовой ответственности. Однако, ни в теории, ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике на сегодняшний день не сложилось общепризнанных подходов даже к определению самого понятия «публично-правовая ответственность».

Одни авторы (например, В.В. Романова) определяют публично-правовую ответственность как комплексный правовой институт, регулирующий отношения, связанные с нарушением норм публичных отраслей права. В основу выделения публично-правовой ответственности как особого вида здесь положена отраслевая принадлежность норм, защищающих, в первую очередь, интересы государства и общества [1, с. 21]. Однако, само деление права на публичное и частное весьма условно, что не может не сказаться на классификации видов юридической ответственности. Нельзя не согласиться с тем, что «взаимопроникновение отраслей публичного и частного права, характерное для современной мировой государственной практики, обнаруживается в... правовом регулировании всех традиционных отраслей и видов юридической ответственности». [2, с. 27].

Другая группа авторов (например, Краснов М.А., Умнова И.А.) определяющим признаком публично-правовой ответственности полагают ее субъекта – того, кто должен отвечать перед обществом за противоправные действия (бездействие), повлекшие причинение вреда личности или социальным общностям (народу) [3, с. 4, с. 233-234]. В

качестве такого субъекта выступают государственные и муниципальные органы, осуществляющие функции публичной власти. Сама публичная власть представляет собой особый вид управленческой деятельности, связанной с реализацией властных полномочий в интересах подавляющей части населения, проживающего на определенной территории. Согласно поправкам 2020 года, внесенным в ст. 132 Конституции РФ, «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации».

Легитимный характер власти обуславливает ее ответственность за невыполнение либо ненадлежащее исполнение предоставленных ей властных полномочий. Субъекты публичной власти, призванной выполнять общесоциальные функции, должны нести ответственность за ненадлежащее выполнение обязанностей, злоупотребления и правонарушения, то есть за извращение самой сути публичной власти.

Меры публично-правовой ответственности можно подразделить на две основные группы: меры ответственности за прямое нарушение законодательства и меры, которые следуют за ненадлежащим исполнением субъектом власти возложенных на него полномочий. Однако кто конкретно должен возмещать вред, причиненный судебной ошибкой – допустивший ее судья, судебный орган или государство?

Вопрос соотношения понятий «ответственность публичной власти» и «ответственность органов власти» остается дискуссионным. Понятно, что публичная власть находит свое физическое, материальное воплощение в органах государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц и служащих. Вне и помимо этих организованных структур она не существует, является, по известному выражению В.И. Ленина, «пустым сотрясанием воздуха пустым звуком». С этих позиций ответственность публичной власти это есть и есть ответственность органов власти.

Однако, создаваемые государством властные структуры несут ответственность перед своим «создателем» - государством, определяющим виды этой ответственности – уголовной, административной, гражданско-правовой и др. Народ же вправе привлекать к ответственности только те структуры, которые были им сформированы непосредственно или через своих представителей. Поэтому ставить знак равенства между понятиями «ответственность власти» и «ответственность органов власти» все же не совсем верно. В то же время и разграничить их достаточно сложно, они тесно взаимосвязаны.

По сути, ответственность государства – это та система ограничений, которые устанавливает для себя власть посредством присоединения к международным договорам или собственной правотворческой деятельности. Реализация такой ответственности зависит от наличия реальных организационно-правовых механизмов, а также наличия многих объективных и субъективных факторов, в том числе экономических возможностей, степени демократичности власти, сформированности гражданского общества и др. В противном случае продекларированная Конституцией ответственности власти обращается в фикцию.

В публично-правовой ответственности сочетаются организационно-политические и материальные меры, которые несет власть перед своим источником – народом, конкретным гражданином. Так, примером организационно-политических мер является выражение населением недоверия должностным лицам при проведении выборов или референдума. Аналогичной мерой выступает отрешение Президентом от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой им доверия или выражением недоверия ему законодательным органом субъекта [5]. К сожалению, действующая Конституция, в отличие от Конституции РСФСР 1978 года, не предусматривает возможности прямого отзыва народом депутата Государственной Думы, хотя и не содержит императивного запрета. Однако, поскольку конституционное право относится к отраслям публичного, умолчание Конституции не позволяет реализовать право отзыва, препятствуя осуществлению участия граждан в делах государства.

Вместе с тем, в ряде конституций и уставов субъектов РФ предусмотрен институт отзыва депутатов законодательного органа государственной власти и высшего должностного лица субъекта РФ. Формально могут быть отозваны и депутаты муниципалитетов. Однако фактически, как отмечает М.Н. Козюк, это правило «перестало работать, ... превратилось в нереализуемую форму демократии» Причиной этого стали основания для отзыва: не утрата доверия избирателей, как было раньше, а только конкретные противоправные деяния, в случае их подтверждения в судебном порядке» [6, с. 76].

Следует согласиться с мнением о том, что нет необходимости относить к основаниям для отзыва нарушение Конституции или федеральных законов, законов субъектов, поскольку «за нарушение закона органы власти должны отвечать юридически перед государством, а не перед народом или населением» [6, с. 47].

Важное место в системе публично-правовой ответственности занимают материальные меры. Как известно, ст. 53 Конституции РФ предусматривает право каждого на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностными лицами. Однако, часто бюджетом органов такая возможность не обеспечена, поскольку соответствующие средства в нем не заложены. Во многом устарела и не соответствует новой финансово-экономической системе России нормативно-правовая база, регламентирующая порядок возмещения гражданину ущерба. Установленные государством материальные меры поддержки участникам СВО и их семьям наглядно демонстрируют ответственность власти, но имеют временный характер и не могут заменить собой актуального законодательства о порядке возмещения ущерба во всех случаях его причинения гражданам.

Еще одной проблемой, не получившей однозначного решения в науке, остается соотношение публично-правовой ответственности с конституционной. Одна группа авторов полагает, что «публично-правовая ответственность есть «дочерняя» форма, вид конституционной ответственности» [7, с. 846]. Другие, напротив, полагают, что конституционная ответственность является особой разновидностью публично-правовой ответственности, поскольку применяется только к государственным органам и высшим должностным лицам государства- Президенту РФ, президентам республик, главам администраций, всем органам государственной власти, статус которых закреплен в конституционном законодательстве – Федеральному Собранию, Правительству, законодательным и исполнительным органам субъектов федерации, высшим звеньям судебной системы. В то время, как круг субъектов публично-правовой ответственности значительно шире, включая все структуры публичной власти и государство в целом.

Примером конституционной ответственности, субъектом которой выступает государство, являются правоотношения, возникающие в связи с реабилитацией жертв незаконных политических репрессий. Признавая неправомерность действий государственных органов в прошлом, государство нового исторического периода восстанавливает права и доброе имя потерпевших.

Наиболее сложной и спорной проблемой остается ответственность Президента РФ. Согласно действующей Конституции, Президент РФ обладает огромным объемом полномочий, коррелятом которых выступает его ответственность за их надлежащее использование. Однако прямых указаний на ответственность Президента за неисполнение своих обязанностей гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина Конституция РФ не содержит.

Согласно тексту Основного закона Президент РФ обладает неприкосновенностью и не может быть отозван со своего поста избравшими его гражданами, но может быть отстранен от должности в порядке импичмента.

Институт импичмента является важнейшим признаком демократического и правового государства, поскольку является законодательной гарантией, сдерживающей произвол высшего должностного лица государства. Впервые отрешение Президента от должности как мера конституционной ответственности была закреплена в ст. 121 Конституции РСФСР 1978 года, одновременно с введением поста Президента. В отличие от ныне действующей Конституции порядок отрешения Президента от должности отличался более упрощенной процедурой применения и значительно более широкими основаниями его ответственности (нарушение Конституции, законов, присяги).

В настоящее время Президент РФ подлежит импичменту только за совершение тяжкого преступления или государственную измену, причем понятие государственной измены не расшифровано, что создает неопределенность при определении оснований привлечения к ответственности в порядке импичмента. В то же время ни за одно из особо тяжких преступлений, предусмотренных Уголовным Кодексом РФ, Президент ответственности не несет.

Кроме того, установленный ныне действующей Конституцией трехмесячный срок проведения импичмента и его сложная многозвенная процедура делают практически нереальным применение к Президенту конституционной ответственности.

Вследствие сказанного, представляется необходимым принятие специального федерального закона «О статусе Президента Российской Федерации», устанавливающего четкую процедуру и основания привлечения Президента к ответственности.

Таким образом, публично-правовая ответственность – это предусмотренный правом комплекс неблагоприятных последствий организационно-политического и материального характера, применяемых государством и обществом к субъектам публичной власти за нарушение и недобросовестное исполнение ими своих функций в целях защиты публичных и частных интересов.

Совершенствование института публично-правовой ответственности не только способствует формированию в обществе доверия к правящей власти, укреплению патриотизма, но и является необходимым шагом в утверждении основ правового государства в Российской Федерации. Разработка конструкции публично-правовой ответственности в этой связи – необходимое условие достижения поставленных задач.

Библиографический список

1. Романова В.В. Ответственность государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 25 с.
2. Ягудина В.М. Юридическая ответственность: система и классификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 32 с.
3. Краснов М.А. Ответственность власти (государство в открытом обществе). М., 1997. 55 с.
4. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 2000. 302 с.
5. Пп. 3,4 Ст. 28 ФЗ от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Российская газета от 22.12.2021. № 8643.
6. Козюк М.Н., Бюрократия и коррупция: противодействие на муниципальном уровне // Материалы международной научно-практической конференции «Местное самоуправление в России и ФРГ: исторический опыт и современные тенденции развития». Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011.
7. Червонюк В.И., Семенов А.В. Конструкция публично-правовой ответственности и ее утверждение в конституционной практике современной России // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 844–855.

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ НЕКЛАССИЧЕСКОГО ТИПА НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПРАВООПОНИМАНИИ

Заднепровская М.В., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Туров Г.С., магистрант 1 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Основой правоопонимания является тот или иной тип научной рациональности. В статье определяются факторы формирования неклассического типа научной рациональности в правоопонимании. Оспариваются некоторые сложившиеся в науке представления о классическом и неклассическом типах научной рациональности, определяется связь идей философии экзистенциализма с неклассической рациональностью в науках в целом и с юриспруденцией – в частности.

Ключевые слова: методология права и государства, правоопонимание, научная рациональность, классическая научная рациональность, неклассическая научная рациональность, психологическая школа права, экзистенциализм.

ON THE QUESTION OF THE FACTORS FOR THE FORMATION OF A NON-CLASSICAL TYPE OF SCIENTIFIC RATIONALITY IN LEGAL UNDERSTANDING

Zadneprovskaya M.V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Volgograd Institute of Management – a branch of RANEP, Volgograd
Turov G.S., 1st year undergraduate student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The basis of legal understanding is one or another type of scientific rationality. The article defines the factors of the formation of a non-classical type of scientific rationality in the legal understanding. Some notions of classical and non-classical types of scientific rationality that have developed in science are disputed, the connection of the ideas of the philosophy of existentialism with non-classical rationality in the sciences in general and with jurisprudence in particular is determined.

Keywords: methodology of law and state, legal understanding, scientific rationality, classical scientific rationality, non-classical scientific rationality, psychological school of law, existentialism.

Существо современной юриспруденции неразрывно связано с категорией научной рациональности. Как отмечает В.С. Козьмин, данный термин формируется одновременно с наукой и служит критерием её «научности», источником развития в ней рационального мышления [1]. Иными словами, если наука обладает признаком рациональности, то, значит, она, в современном понимании, во-первых, является «наукой» и, во-вторых, отражает способность человека познавать окружающую действительность.

Однако точное определение «научной рациональности» отсутствует.

Английский ученый Д. Коллингридж отмечал, что существует два подхода к научной рациональности, две традиции:

- рациональность – это логическая непротиворечивость;
- рациональность – это поиск к ошибке и готовность к ее решению [2].

Через призму права научную рациональность возможно рассматривать как особый критерий научности юриспруденции, определяющий, как указывает Н.М. Сизова, отношение к субъекту и объекту познания правовой действительности, эпистемологический статус и критерии истинности правового знания [3].

Исторически, как считается, требования к «логичности», «рациональности» любой науки зародились в Древней Греции. Причем, особо важно подчеркнуть, что к научности «юриспруденции» также предъявлялись определенные требования.

В частности, это произошло в связи с тем, что «народ» как один из трех элементов государства, наряду с территорией и властью, после рудиментации царской власти в Древней Греции начал принимать участие в процессе отправления правосудия, имея благодаря развитию метафизики и иных наук, как отмечает Д.Е. Пономарев, «запрос на логику», которая (логика) отражала бы эффективность и научно-теоретическое мышление в правоприменении [4].

Тем не менее, вопрос о видах научной рациональности окончательно не решен.

Так, В.С. Козьмин предлагает рассматривать два исторических типа рациональности: прото-научный («донаучный») этап и этап становления науки как самостоятельного социального института с Нового времени [1].

Однако более «классическим» подходом является рассмотрение исторических типов научной рациональности в свете их представления в качестве трехзвенной структуры с условными границами обособления друг от друга:

- классический;
- неклассический;
- постнеклассический [5, с. 328].

В свете В.С. Козьмин предлагает лишь более общий подход, поскольку рассматриваемый им второй этап, в свою очередь, подразделяется на классический, неклассический и постнеклассический периоды.

Поскольку определение факторов к формированию неклассического типа научной рациональности в правоопонимании требует осмысления основных аспектов других типов научной рациональности, то ниже будут рассмотрены общие признаки каждого из них.

Классическая рациональность формируется в связи с революцией в естествознании примерно в XVII веке. Учения Кеплера и Ньютона переворачивают представления о науке и определяют не только её теоретическую, но и практическую ценность.

Классическая рациональность характеризуется следующими чертами:

- стремление к абсолютной истине, что указывает на ренессанс философских споров об истине в Древней Греции;
- логоцентризм (иерархичность в системе знаний);
- методологический монизм;
- ратицентризм (представление о разумности существующего);
- эмпиризм (опора на эксперименты) [5, с. 329].

Следует указать на ещё одну черту классической рациональности, на которую имеются ссылки в доктрине – внимание исключительно на объект познания без рассмотрения субъекта (например, такое мнение изложено в работе Л.В. Шилковой «Типы рациональности в понимании права»).

Поскольку те или иные черты классической рациональности неизбежно будут изменены в неклассической рациональности, следует подчеркнуть, что довод о фокусировании внимания исключительно на объекте познания в период классической рациональности является спорным.

Как справедливо отмечает З.Г. Эфендиева, в XVII–XVIII веках Рене Декарт, а также Иммануил Кант изучали роль субъекта в познании (например, «Cogito ergo sum», трансцендентальный субъект) [6].

Отсюда можно заключить, что классический рационализм априори был сформирован с представлением о важности субъекта в познании, поэтому последующие доводы в доктрине о субъекте в других типах научной рациональности следует считать спорными.

Тем не менее, иные черты классической рациональности не оспариваются.

«Неклассическая» рациональность, в свою очередь, сформирована на рубеже XIX–XX веков и имеет следующие характерные особенности:

- исключение существования абсолютной истины;
- отсутствие «ратицентризма»;
- методологический плюрализм вместо монизма [5, с. 330–331].

Отдельно следует отметить, что для неклассической рациональности характерны также релятивизм (вероятностный характер) и усиление роли субъекта и его инструментов при познании (однако, вовсе не его появление, поскольку субъект был значим и в классической рациональности).

Среди основных общенаучных факторов, способствующих формированию неклассической рациональности, стали следующие открытия в науке:

- принцип неопределенности В. Гейзенберга, в силу которого у частицы нельзя одинаково точно одновременно измерить и скорость, и положение в пространстве (1927 год);

- принцип дополнительности Н. Бора, применение которого позволяло представлять свет одновременно и как волну, и как совокупность квантов (1927 год);

- мысленный эксперимент «кот Шрёдингера» Э. Шрёдингера, предполагающий одновременное существование двух равновероятных и взаимоисключающих состояний (1935 год) [7, 8].

Особое внимание следует обратить на принцип неопределенности В. Гейзенберга с позиции формирования неклассической рациональности.

Основная проблема, на которой акцентировал внимание В. Гейзенберг, состояла в инструментах познания, поскольку они на квантовом уровне влияли на частицы, что не позволяло проводить объективное и точное исследование.

Это, в свою очередь, демонстрирует одну из основных черт неклассической рациональности в науке: важен не только субъект познания, но и инструмент, который он применяет.

Тем не менее, для неклассической рациональности в правоопонимании также важны работы в юриспруденции, серьезно усилившие значимость субъекта.

В частности, для неклассической рациональности безусловно важна работа Л.И. Петражицкого, результатом которой стала «психологическая» теория права, связывающая правовые явления с эмоциями людей [9].

Однако, с позиции неклассической рациональности труды Л.И. Петражицкого важны с другой стороны: эмоции влияют не только на поведение человека в соответствии с нормами права, но и на поведение исследователя при проведении исследований государственно-правовой действительности.

Справедливо и разумно предположить, что каждый ученый-правовед имеет сформированное правовое сознание, которое неизбежно будет влиять на результаты исследования в области права.

Тем не менее, существует ещё один фактор, который имел влияние не только на формирование неклассической рациональности в науках в целом, но и в юриспруденции – в частности.

Одним из признаков неклассической рациональности, как указывалось выше, является отсутствие «рациоцентризма», то есть отрицание разумности бытия.

Представляется, что основной фактор формирования такого признака неклассической рациональности – это философия экзистенциализма.

В 1927 году благодаря работе «Бытие и время» Мартина Хайдеггера, происходит ренессанс идей Сёрена Кьеркегора, в соответствии с которыми бытие лишено смысла и объективно его иметь не может [10].

Тем не менее, вопрос о влиянии экзистенциализма на юриспруденцию является неисследованным и весьма спорным.

Позитивизм, рассматривающий право как некую совокупность общеобязательных и формально-определённых норм, установленных и обеспечиваемых государством, вероятно, имеет некое идейное сходство с экзистенциализмом.

В частности, при рассмотрении «ткани» правовой действительности стран континентального права можно заключить, что она, в отличие от аналога в странах с системой общего права, более отдалена от субъектов регулируемых отношений и сильнее формально определена, что отражает объективную отстранённость и обособленность права, выражая суть, в том числе, идей экзистенциализма о бессмысленности бытия.

Таким образом, можно заключить, что устоявшееся в науке представление о признаках классического и неклассического рационализма подлежит уточнению с учетом факторов, сформировавших неклассический рационализм в праве, в том числе – связи экзистенциализма с неклассическим рационализмом в науках в целом и с юриспруденцией – в частности.

Библиографический список

1. Козьмин, В.С. Научная рациональность как форма мышления в истории и философии науки / В.С. Козьмин // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 8. С. 68–77.
2. Collingridge, D. The Social Control of Technology / D. Collingridge // London, 1980. 200 pages.
3. Сизова, Н.М. Правовая теория в контексте постклассического типа правопонимания: философско-методологический анализ: диссертация ... кандидата философских наук. Ростов-на-Дону, 2015. 163 с.
4. Пономарев, Д.Е. Право и рациональность: у истоков юридического мышления / Д.Е. Пономарев // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 9–14.
5. Шилкова, Л.В. Типы рациональности в понимании права / Л.В. Шилкова // Третьи Лойфмановские чтения. Образы науки в культуре на рубеже тысячелетий : материалы Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 17-18 декабря 2007 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2007. С. 328–333.
6. Эфендиева, З.Г. Проблема трансцендентального субъекта в философии И. Канта / З.Г. Эфендиева // Вестник ГНГУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. Т. 16. № 2 (20). С. 46–51.
7. Макухин, П.Г. Объективность научного знания в свете «Принципа неопределенности» В. Гейзенберга как частного случая «Принципа дополнителности» Н. Бора / П.Г. Макухин // Концепт. 2016. № 7. С. 164–175.
8. Виноградов, С.Н. Семиотический подход к анализу ненаблюдаемых объектов (на материале мысленного физического эксперимента «кот Шрёдингера») / С.Н. Виноградов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 269–273.
9. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Ч. 1 / Л.И. Петражицкий. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 237 с.
10. Heidegger, M. Sein und Zeit / M. Heidegger // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. Band. VIII. Halle: Max Niemeyera, 1927. 438 s.

УДК 340.114

БИОЛОГИЗАТОРСКИЙ ТРЕНД В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Козюк М.Н., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Автор статьи освещает современные тренды в развитии общетеоретического юридического знания. По его мнению, существует два таких основных тренда: цифровизация права и биоюриспруденция имеющие множество разветвлений. В структуре биоюриспруденции обращается внимание на некую зооюриспруденцию, направление, которое изучает социальные и правовые изменения в связке человек-животные. Показано как в данной сфере происходят правовые инновации и их осмысление правовой наукой.

Ключевые слова: биоюриспруденция, жизнь человека, конституционная правосубъектность, правовой статус, животный мир

BIOLOGIZATION TREND IN MODERN DOMESTIC JURISPRUDENCE

Kozyuk M.N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The author of the article highlights modern trends in the development of general theoretical legal knowledge. In his opinion, there are two such main trends: digitalization of law and biojurisprudence, which have many branches. In the structure of biojurisprudence, attention is drawn to a certain zoojurisprudence direction that studies social and legal changes in the human-animal bundle. It is shown how legal innovations and their comprehension by legal science take place in this area.

Keywords: biojurisprudence, human life, constitutional legal personality, legal status, fauna

После десятилетий долгого застоя отечественной общеправовой мысли, когда критики характеризовали ее состояние уровнем 70-х годов прошлого века, наконец-то можно констатировать: теория государства и права «проснулась». На смену бесконечного «пережевывания» проблем правопонимания и правовой государственности теория неожиданно повернулась лицом к потребностям современной практики и стала достаточно активно разрабатывать проблемы, которые являются некими вызовами не только российскому, но и мировому сообществу. Наиболее яркими из них являются проблемы цифровизации и биоюриспруденции. Как видно данные проблемы выросли не из недр юридических процессов, а пришли извне – разнонаправленных векторов развития современного общества: внешнего развития электронно-цифровых технологий и внутреннего развития самого человека. Очевидно, что эти векторы обросли множеством крупных и мелких направлений и ответвлений, однако магистральный путь уже четко обозначен. Нужно отметить, что наука теории и истории государства и права здесь находится в таком же положении, как и другие ведущие социальные науки: философия, социология, психология. Все они стараются не пропустить нововведения, и адекватно вписать их в свои теоретические модели.

Проблема цифровизации и ее правового опосредования несмотря на популярность все же касается специальной технической сферы и поэтому стоит несколько особняком к юриспруденции. Хотя здесь есть и очевидные достижения и опасения, и пока неочевидные возможности вплоть до уничтожения классической формы правового регулирования, что конечно должно быть в поле анализа и контроля общеправовой теории, все же юристам более близка сфера, которую уже привычно именуют биоюриспруденцией.

«Биоюриспруденция как новое направление в юридической науке и праве – это система правовых норм и принципов, при помощи которых осуществляется правовое регулирование жизни человека от его зачатия до смерти» [1, с. 11]. По мнению специалистов, в современном обществе произошёл некий цивилизационный «поворот» от привычного образа человека и мира к его новым аспектам лишь частично связанным с развитием гуманитарных наук, таких например как не йробиология, генетика, биотехнология и т.п., хотя бесспорно, что и как в случае с цифровизацией в основе новых процессов затрагивающих некоторые аспекты биоюриспруденции находятся действительно научные открытия. Обычно в структуру биоюриспруденции вносят три раздела. Первый касается зачатия и рождения человека, сюда можно внести и глобальную философскую проблему: что есть человек? Второй раздел: правовая соматология изучает биологическую жизнь человеческого тела: в том числе множество вопросов биоэтики и медицинской этики. Третья часть биоюриспруденции, юридическая анатомология, посвящена правовым аспектам такого печального явления как смерть человека. Внимание к данным процессам продиктовано тем фактом, что долгое время юридическая наука игнорировала то бесспорное обстоятельство, что человек не только, а иногда и не столько социальное существо, а и биологическое. Конституционная формула «Человек, его права и свободы является высшей ценностью» будучи воплощение просвещенческого либерализма, скрывала некие важные подробности биологической сути человека. Так, например статья 20 Конституции России провозглашающая право человека на жизнь сводит эту основополагающую категорию, автономную ценность лишь к проблеме смертной казни.

О складывании новых направлений в отечественной юриспруденции обычно свидетельствуют работы в области конституционного права, которые фундаментальны философской составляющей. Далее проблема начинает развиваться на отраслевом, межотраслевом и институциональном уровне. Понятно, что при движении от абстрактного к конкретному, проблема обогащается, начинает играть новыми красками. В данный момент тема биоюриспруденции еще находится на стадии общетеоретического и конституционного осмысления. Вместе с тем, здесь необходимо учитывать динамику современных социальных отношений, которые по признанию всех аналитиков приобрели огромное ускорение. Могут называться различные причины такого явления. Но очевидно, что на проблему биоюриспруденции огромное влияние оказали события связанные с противостоянием пандемии COVID-19. Поэтому социальная практика, в частности законодатель, не всегда дожидаются четких научных результатов, а принимают решения, руководствуясь, скорее своей интуицией или узкопрагматическими резонами.

Бесспорно, биоюриспруденция охватывает большое количество проблем, как классического философского характера, так и проблем практического свойства порождённых современным бурным развитием биотехнологий. Однако приставка «био», что обычно означает «жизнь» в слове биоюриспруденция должна обозначать еще одно направление, о котором обычно забывают, хотя в реальности оно также бурно развивается. Это направление касается проблем соотношения человека с другими элементами живой природы, прежде всего с животными. По аналогии данную сферу можно было бы назвать зооюриспруденцией.

Вообще взаимоотношения человека и животных имеет интересную и многоплановую историю. Здесь можно начать с того, что сам человек представляется выходящим из животного мира и отношение к животным как к «братьям нашим меньшим» имеет под собой не только метафорические, но и естественноисторические основания. Этот факт дал основание для следующего утверждения: «человек зверем рожден, зверем и останется, т.е. до конца своих дней каждый из нас будет подчиняться биологическим закономерностям» [2, с.51]. Ещё до недавнего времени в мире существовали достаточно стереотипные отношения между человеком и животным, в которых, говоря юридическим языком, животное представляло собой специфическое имущество или правовой объект. Разумеется, здесь речь не идёт о странах, в которых на основе религиозных убеждений традиционно отдавалось предпочтение сакральным животным, например «священные коровы» в Индии.

Примечательно, что говоря о животных российский законодатель, принимая еще в 1995 году соответствующий федеральный закон, изначально закладывал антропогенную формулу «животный мир» [3].

В преамбуле закона установлено: «Животный мир является достоянием народов Российской Федерации, неотъемлемым элементом природной среды и биологического разнообразия Земли, возобновляющимся природным ресурсом, важным регулирующим и стабилизирующим компонентом биосферы, всемерно охраняемым и рационально

используемым для удовлетворения духовных и материальных потребностей граждан Российской Федерации». А сам животный мир понимается как: «совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации» (ст. 1 ФЗ).

При этом статья 4 трактует животный мир объект государственной собственности, что всецело вписывалось в действующую правовую парадигму.

Настоящий поворот в указанных отношениях можно связывать с принятым в 2018 году федеральным законом от 27.12.2018 N 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. Как указано в статье 1 закон регулирует отношения в области обращения с животными в целях защиты животных, а также укрепления нравственности, соблюдения принципов гуманности, обеспечения безопасности и иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными. Конечно, данный закон напрямую не противоречит закону о животном мире, поскольку имеет в виду другие категории животных относимых к домашним, в основном это собаки и кошки. Тем не менее, идеологический подход уже несколько изменился. От защиты и охраны к нравственности, гуманизму и безопасности. Неким открытием здесь является статья 4 провозглашающая основные принципы обращения с животными, среди которых:

- 1) отношение к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания;
- 2) ответственность человека за судьбу животного;
- 3) воспитание у населения нравственного и гуманного отношения к животным;
- 4) научно обоснованное сочетание нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства.

Хотя лейтмотив собственности здесь сохраняется, но каждый из указанных принципов вносит нечто новое в отношения человека и животного. Так, например, дискуссия о признании животных разумными существами, что нашло отражение в законодательстве ряда стран идёт к концу с положительным для животных исходом. Например, это связано с эмоциональной составляющей сознания. Так по сообщению «РИА Новости» [5] в мае 2023 года в городе Дхарамсала на севере Индии в резиденции буддийского духовного лидера Далай-ламы прошла Первая Международная конференция «Сознание животных» собравшая более 70 исследователей из развитых стран. Российский институт перспективных исследований мозга МГУ имени М.В. Ломоносова был одним из организаторов форума. На нем российский академик П. Балабан озвучил сенсационное открытие о том, что виноградная улитка обладает зачатками эмоций и памятью. Очевидно, что эмоции и память яркие признаки разумных существ.

Однако на горизонте появляются правовые «тучи»: улиток используют в кулинарии, и они являются сельскохозяйственными вредителями. Этот эпизод можно было бы отнести к курьёзным, если не помнить, что на земле ежегодно миллионы животных используются для обеспечения человечеству продовольственной безопасности. Поэтому совместимость движения к «зоозащите» и обеспечение выживаемости человека в перспективе грозит большим социальным напряжением.

Пока что в юриспруденции все шире и интенсивнее обсуждаются следующие вопросы: животное как субъект или объект права, ведущий к признанию за животными некоторых элементов правоспособности, если открываемо, то к «правам животных». Такие права уже широко декларируются.

Так авторы одной из работ предлагают некие правовые инновации, заключающиеся в том, что за домашними животными (как домашними питомцами, так и бесхозными домашними животными) должны быть закреплены следующие права, которые следует признать неотчуждаемыми:

- право на жизнь (недопустимость эвтаназии клинически здорового животного);
- право на гуманное обращение, недопустимость жестокого обращения;
- право на соответствующий вид и породе условия содержания (критерии условий прописать законодательно);
- право на место жительства (недопустимость произвольного лишения места жительства по воле владельца животного);
- право на охрану здоровья [6, с. 30].

Проблема зооюриспруденции рассматривается сейчас уже на философско-конституционном уровне. Так авторы одной из работ констатируют, что развитию этики животных все динамичнее отражается как на уровне зарубежного законодательства, так и российского конституционного права. В ходе российской конституционной реформы 2020 года статья 114 была дополнена положением об обязанности Правительства России содействовать развитию в обществе ответственного отношения к животным. Но если в западных странах идут по пути наделения животных правами, то российский законодатель поступает более осторожно, наделая дополнительными обязанностями и ограничениями собственников животных с целью обеспечения их законных интересов [7, с. 32].

Вообще вся эта дискуссия о правах животных в свете биоюриспруденции ставит перед общетеоретической наукой более фундаментальные вопросы о человеке в праве. Так выяснилось, что современная теория права не имеет дефиниции человека, хотя постоянно оперирует данным термином. По результатам изучения проблемы М.Н. Маленина предлагает признать человеком «физическое лицо, родившееся от людей живым, обладающее правоспособностью, индивидуализирующими его нематериальными благами, способное действовать автономно, имеющее обособленное имущество, а также характеризующееся биометрическими персональными данными, отделяющими его от других людей, жизнь которого прекращается с момента гибели головного мозга или наступления биологической смерти» [8, с. 22]. Другой видный отечественный исследователь проблем конституционного права И.А. Умнова-Конюхова рассматривая новейшие тренды в современном праве, отмечает: «Только человек может быть субъектом права и субъектом правоотношений, управлять созданным им материальным и виртуальным миром» [9]. Так что спор далеко не закончен.

Библиографический список

1. Корнев В.Н. Биоюриспруденция – новое направление в праве и юридической науке XXI века // Правосудие/Justice. 2021. Т. 3. № 4. С. 8–15.
2. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Этнозоологическое насилие как модель для совершения преступления // Государство и право. 2023. № 1. С. 48–58.
3. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52 «О животном мире» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1995. № 17. Ст. 1462.
4. Федеральный закон от 27.12.2018 N 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс»
5. У улитки есть зачатки эмоций, заявил академик Балабан // https://ria.ru/20230511/ulitka-1870973685.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop /обращение 1.05.2023
6. Дутковский П.В., Пагава Т.В., Неймышев Л.А. Элементы правосубъектности домашних животных и их неотчуждаемые права // Современное росс. право. 2020. № 8. С. 29–34.
7. Капитонова А.Е., Романовский Г.Б. Конституционная правосубъектность личности в контексте этики животных // Государство и право, 2023. № 1. С. 23–33.
8. Маленина М.И. Формирование понятия человек в российском праве // Государство и право. 2017. № 1. С. 16–22.
9. Умнова-Конюхова И.А. Право быть человеком – фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право 2021. № 11. СПС «Консультант-Плюс».

УДК 342.31

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Латышев С.Н., кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В данной статье предпринята попытка научного анализа понятия и сущности публичной власти. Автором исследуются различные научные подходы ученых к определению понятия, характерных признаков и политико-правового содержания публичной власти. В итоге автор приходит к выводу, что понятие публичной власти и ее реальность связана с осуществлением управленческого процесса.

Ключевые слова: публичная власть, государственная власть, управление, единая система публичной власти.

APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT AND ESSENCE OF PUBLIC POWER IN MODERN SCIENCE

Latyshev S.N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. This article attempts a scientific analysis of the concept and essence of public power. The author explores various scientific approaches of scientists to the definition of the concept, characteristic features and political and legal content of public power. As a result, the author comes to the conclusion that the concept of public power and its reality is connected with the implementation of the management process.

Keywords: public power, state power, management, unified system of public power.

В юридической науке интерес к публичной власти как к самостоятельной категории исследования у современных ученых сформировался после 1993 года, когда указанная категория прочно укрепилась в рамках отечественного законодательства. Особый интерес к указанному термину также проявляется в настоящее время в связи с появлением в рамках российского законодательства термина «единая система публичной власти», который по своей сущности характеризует действующую в современной России модель управления государством в целом.

В указанной связи представляется необходимым уделить особое внимание общетеоретическим аспектам института публичной власти в современной науке, включая понятие данного термина и его содержание. Отметим, что такой подход к изучению института публичной власти в России позволит нам более глубоко понять те процессы, которые оказывают влияние на его формирование и развитие.

Анализируя вопрос об основных особенностях института публичной власти как научной категории, в первую очередь необходимо уделить внимание вопросу о том, что же из себя представляет указанный институт. Для достижения данной задачи нам нужно обратиться к понятию «публичная власть» и раскрыть его сущность в современной науке. С этимологической точки зрения понятие «публичная власть» представляет собой словосочетание, включающее в себя два понятия: «публичный» и «власть». Понятие «публичный» в данном ключе можно понимать как «открытый» или «общественный», то есть непосредственно относящийся к обществу. Гораздо больший интерес в указанном ключе представляет собой определение понятия власти в современной науке.

Отметим, что в научных кругах само по себе понятие власти является достаточно сложным и дискуссионными. Так, при его определении возникает вопрос, что именно из себя представляет власть как таковая: действие, объект, социальный конструкт? Не менее важным выступает вопрос и о том, как именно ее следует определять: как власть сделать что-

то или власть над каким-либо объектом? В современной науке большинство исследователей склонны к определению указанного понятия по средствам понимания сущности власти в качестве социального конструкта, то есть института, созданного социумом (обществом) для социума (общества) [1, с. 14]. Фактически, исходя из указанного нами положения, можно заключить, что власть представляет собой созданный обществом социальный институт, заключающийся в организации процесса управления данным обществом.

Идея определения сущности власти содержится в работах множества авторов. Так, к примеру, основоположник идеи самоуправляющихся систем, Т. Парсонс понимает власть как особое интегративное свойство социальной системы, призванное поддерживать целостность системы, организовывать соответствие коллективных и частных идей ее членов, обеспечивать взаимосвязанное функционирование всех ее подсистем на основе общности граждан, то есть участников такой системы [2, с. 124]. Указанное нами определение власти позволяет выделить несколько характерных черт, характеризующих ее как особый социальный институт. Во-первых, власть выступает свойством социальной системы, то есть ее характеризующим признаком. Отсюда можно сделать вывод о том, что любой социальной системе (обществу, государству, отдельной партии и т.д.) свойственна властная структура. Во-вторых, власть выполняет определенные нужные для данной системы функции, основу которых составляет достижение данной системой коллективных и частных целей ее членов. В-третьих, власть строится на общности и взаимной договоренности членов социальной системы.

Власть также можно рассматривать в качестве особого вида общественных отношений, в рамках которых отражается закономерная потребность общества в непосредственной саморегуляции.

Отметим, что в рамках современной науки существует множество различных классификаций власти. Так, к примеру, выделяют личную и коллективную власть; демократическую, тоталитарную и авторитарную власть; законную и незаконную власть; власть идеологическую, политическую и т.д. Одной из наиболее значимых классификаций власти на сегодняшний день является классификация по субъекту управления, в рамках которой власть подразделяется на виды в зависимости от того, кому принадлежит властные полномочия. В рамках указанной квалификации принято выделять власть государственную, власть публичную, власть муниципальную и т.д.

Наиболее широким из указанных выше понятий выступает понятие публичной власти. В современной науке можно встретить различные подходы к определению публичной власти.

Так, к примеру, Югов А.А. отмечает, что публичная власть представляет собой систему всеобщего участия населения государства в решении коллективных задач общества [3, с. 12].

В.Е. Чиркин под публичной властью понимает власть в территориальных публичных коллективах, к которым относятся: общество в государственных границах страны, население субъекта Российской Федерации, население муниципального образования [4, с. 34].

Более современные авторы рассматривают публичную власть в качестве «универсальной, современной, формирующей органы социального управления и создающей специальные средства воздействия (армия, полиция, суд) сила» [5, с. 87].

Также, публичную власть определяют как: способность народа, а также законодательно закрепленных лиц, замещающих должности в государственных и муниципальных органах власти, воздействовать от имени государства на население государства, а также его территориальных и муниципальных образований, с целью осуществления общегосударственной политики [6, с. 319].

Современное законодательство Российской Федерации не содержит в себе определения термина «публичная власть», однако, включает в себя легальное определение термина единая система публичной власти, под которым понимается: «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства» [7].

Выделенные определения публичной власти позволяют определить ряд характерных особенностей указанного института. Во-первых, субъектом публичной власти может выступать как народ, реализуя свое суверенное право на народовластие, так и отдельные государственные и муниципальные органы власти, а также их должностные лица, обязанности которых сопряжены с реализацией властных полномочий.

Во-вторых, объектом публичной власти выступает все общество в целом, то есть все население государства, а также его отдельные территориальные и муниципальные образования. Властные предписания, реализующиеся в рамках публичной власти обязательны к исполнению на всей территории государства либо его отдельного территориального или муниципального образования.

В-третьих, целями существования института публичной власти выступают реализация общегосударственной политики, социально-экономическое, политическое и иное развитие государства, осуществление коллективных целей общества и т.д.

В рамках данного исследования мы уже отмечали, что изучение института публичной власти актуализировались с началом современного этапа развития Российской Федерации. До указанного этапа публичная власть часто смешивалась с иными видами власти, что обуславливает необходимость проведения четкого разграничения между публичной властью и, к примеру, властью государственной, а также публичной и государственной, а также политической властью.

Под государственной властью в современной науке принято понимать как социальный конструкт, возникающий на основе социальной асимметрии и потребности общества в саморегуляции, выражающийся в волевом отношении, одной из сторон которого выступает государство либо государственные органы [8, с. 243].

В советской доктрине понятия «публичная власть» и «государственная власть» фактически отождествлялись, однако, современные исследователи рассматривают указанные термины как смежные, однако, имеющие собственное значение. Фактическое различие публичной и государственной власти лежит в субъекте управления. Государственная власть представляет собой власть, которая непосредственно принадлежит государственным органам. Применительно к Российской Федерации такими государственными органами выступают федеральные и региональные органы власти. В то же время круг субъектов публичной власти гораздо шире: он включает в себя все субъекты управления, которые так или иначе оказывают воздействие на государство по средствам властных полномочий (к примеру, органы местного самоуправления, а также государственно-частные институты) [9, с. 33]. На сегодняшний день можно говорить о том, что государственная власть по своей природе является одной из разновидностей власти публичной.

Публичную власть также не следует отождествлять с властью политической. Под политической властью принято понимать волевые отношения, которые складываются между субъектами политической системы общества на основе политических и правовых норм. Политическая власть не всегда затрагивает государственный уровень власти в отличие от власти публичной, которая распространяется на все государство в целом и его отдельные территориальные и муниципальные образования.

Исходя из вышесказанного, можно выделить несколько ключевых особенностей публичной власти, определяющих ее как особый вид социальной власти:

- нацеленность на реализацию особого вида интереса – публичного интереса, который состоит в реализации коллективных задач всего общества (государства или его отдельного территориального (муниципального) образования);
- существование публичной власти в общности людей, объединенных одной территорией (территориальный публичный коллектив);
- объектом публичной власти выступает все население конкретной территории: государства или его территориального либо муниципального образования;
- публичная власть всегда носит легальный, то есть законный, законодательно закрепленный характер;
- публичная власть реализуется в рамках специальных институтов, которые созданы для ее реализации (к примеру, институт законодательства, политические институты и т.д.);
- публичная власть носит многоплановый характер, так как она призвана одновременно реализовывать множество социальных задач;
- важнейшей функцией публичной власти выступает согласование интересов общества с интересами отдельных его членов;
- публичная власть носит универсальный характер, так как она реализуется на всей территории (на которой проживает население), неограниченное количество времени и распространяется на неопределенный круг лиц.

Рассмотрев выше указанные признаки публичной власти, можно прийти к выводу, что она представляет собой один из наиболее универсальных видов легальной, законной социальной власти, действующей в рамках определенной территории на всю общность населения, призванной отражать многоплановый характер целей указанного общества и создавать условия для их эффективной реализации, осуществляемых на основе специальных институтов и методов воздействия.

Библиографический список

1. Ледяев В.Г. О «сущностной опариваемости» понятия власти // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1996. № 3-4. С. 14.
2. Демущина О.Н. Коммуникативные аспекты понятия «власть» // Философия и общество. 2014. № 1. С. 124.
3. Югов А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации. Монография. Екатеринбург: УрГЮА, 1999. С. 12.
4. Чиркин В.Е. Публичная власть. М.: Юрист, 2005. С. 34.
5. Воробьева О.А. О понятии публичной власти // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3 (7). С. 87.
6. Кузин Д.А. Публичная власть в Российской Федерации: понятие, принципы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1 (57). С. 319.
7. Ст. 2 Федерального закона от 8.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Российская газета от 11.12.2020. № 280.
8. Тимошенко Е.А. Природа и понятие государственной власти // Символ науки. 2015. № 11. С. 243.
9. Самойлок Р.Н. Соотношение государственной и публичной власти // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. № 4. С. 33.

УДК 342.58

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПОПЫТКАМ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ В УЩЕРБ ИНТЕРЕСАМ РОССИИ

Латышев С.Н., кандидат юридических наук, доцент,

Торицина А.С., студент 2 курса юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, создание которой является одним из эффективных методов борьбы с искажением истории Российской Федерации. На основе данного анализа сделаны выводы о результативности такого метода борьбы с фальсификацией, как создание специализированных органов, и оценены итоги работы Комиссии с точки зрения возможности усовершенствования подобных органов в дальнейшей перспективе.

Ключевые слова: фальсификация истории, пропаганда, Великая Отечественная война, информационная война, историческая правда.

ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF THE COMMISSION ON COUNTERING ATTEMPTS TO FALSIFY HISTORY TO THE DETRIMENT OF RUSSIA'S INTERESTS

Latyshov S.N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Toritsyna A.S., 2th year student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd

Abstract. This article examines the activities of the Commission on Countering attempts to falsify History to the detriment of the interests of Russia, the creation of which is one of the effective methods of combating the distortion of the history of the Russian Federation. Based on this analysis, conclusions are drawn about the effectiveness of such a method of combating fraud as the creation of specialized bodies, and the results of the Commission's work are evaluated in terms of the possibility of improving such bodies in the future.

Keywords: falsification of history, propaganda, the Great Patriotic War, information war, historical truth.

Политическая обстановка XXI века демонстрирует усиление борьбы за международный авторитет мировых держав, отличительной особенностью которой является устойчивая тенденция использования фальсификации истории как средства установления своего господства на политической арене. Развитие технологий и повсеместная компьютеризация стали основой для использования фальсификации как орудия ведения информационной войны.

Подтасовка фактов, а иногда и их полное игнорирование непосредственно влияет на восприятие хода истории и не позволяет дать объективную оценку важным событиям. Так, например, в Польше были демонтированы все памятники, которые несут пропаганду коммунистического режима. К сожалению, под это указание попали и памятники солдатам освободителям времен Второй мировой войны. Их демонтаж вызвал непонимание и вопросы со стороны Российской Федерации, так как был нарушен межправительственный договор от 1994 года [1, с. 4]. Но Польское правительство придерживается мнения, что события 1939-го года являются оккупацией, из чего и следует необходимость демонтажа этих объектов.

Другой показательной ситуацией является выход на научно-публицистическом телеканале Discovery фильма, рассказывающего о переломном моменте Второй Мировой войны. Приводятся кадры ковровых бомбардировок Англией и Соединенными штатами Америки немецких городов, а также битвы Королевского военного флота Великобритании с подводниками нацистского Кригсмарине в Атлантике. При этом не только не упоминаются такие значимые события, как Сталинградская и Курская битвы, они просто вычеркиваются и скрываются как нежелательный факт. Тем самым искажаются исторические события с целью утверждения авторитета собственной страны и борьбы с другими государствами на международной арене. Но история не должна быть средством отставания господства, искажение фактов, их подмена в политических целях является заранее проигрышным методом, пропагандой, т.к. прошлое можно всячески пытаться переписать и игнорировать, но это не меняет его сущности – историческая правда всегда одна.

Культурное наследие народа России не просто события прошлого, а уникальная ценность целых поколений. И для защиты прошлого своего государства, сохранения исторической памяти необходимо выработать систему средств противодействия фальсификации событий истории. Для реализации данных методов борьбы с дезинформацией, переписыванием истории и для просвещения народа эффективно и необходимо создание специализированных органов, реализующих весторонние задачи по борьбе с переписыванием истории, является Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Комиссия была создана Указом Президента РФ от 15 мая 2009 № 549. Д.А. Медведев неоднократно выражал мнение о недопустимости фальсификации истории, в особенности Великой Отечественной войны. В положении о Комиссии четко зафиксированы задачи и те права, которые могут и спользоваться для их реализации. Несмотря на то, что задачи обозначены весьма в общем виде, можно выделить несколько из них:

- а) обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации, и подготовка соответствующих докладов Президенту Российской Федерации;
- б) выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России;
- в) подготовка предложений Президенту Российской Федерации по осуществлению мер, направленных на противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, наносящих ущерб интересам России;
- г) рассмотрение предложений и координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций по вопросам противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России;
- д) выработка рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России и по нейтрализации их возможных негативных последствий [2].

Основным моментом, закрепленным в задачах, является то, что вся деятельность органа направлена исключительно на ответное сопротивление целенаправленной фальсификации исторических событий с целью умаления авторитета страны, а также на ликвидацию негативных последствий такой фальсификации. На заседании Комиссии 28 августа 2009 года С. Нарышкин обозначил: «комиссия не имеет целью переписывать историю, не намерена выступать каким-либо цензором или надзорным органом. Мы исходим, прежде всего, из принципа свободы исторической науки, понимания того, что историческую правду, какой бы она ни была, следует искать и защищать, прежде всего, на основании первоисточников» [3]. Подобное уточнение указывает на то, что методы и средства борьбы с фальсификацией и дезинформацией должны защищать истину, а не быть источниками пропаганды. На этом же заседании был поднят вопрос о состоянии исторического образования в России и его государственной и общественной поддержки. С. Нарышкин отметил эффективность и необходимость внедрения новых исторических документов в научный оборот. Помимо этого, была обозначена ещё одна проблема-качество учебников. Многие учебники, которые получают школы, содержат фактические ошибки, искажающие роль страны в мировой истории. Решение данной проблемы является одним из направлений деятельности Комиссии. За все время деятельности Комиссии многие научные центры страны и их представители в сотрудничестве с ней подготовили более 50 научных изданий по тем историческим вопросам, которые имеют чрезвычайную актуальность и по которым ведется наиболее активная деятельность фальсификации иностранными странами с целью образования негативного образа России. Основная часть этих публикаций была основана на архивных документах, которые были в прошлом засекречены. Книги появились к знаменательной дате – 65-летию Великой Победы.

Антироссийская позиция, которую занимали оппоненты, использующие для подтверждения своих суждений многочисленные ненаучные приемы, в частности подмену понятий и искажения фактов, абсолютно нежизнеспособна против документально подтвержденной и обоснованной аргументации. Эти публикации были широко признаны в научном сообществе, где им присвоена высокая научная и общественная оценка.

Были выпущены книги, освещающие и дающие углубленную информацию о значимых событиях в истории России. К примеру, можно рассмотреть издание «Московский кремль в годы Великой Отечественной войны», излагающее о маскировке Кремля во время бомбардировок Москвы, организации обороны, что неизвестно широкой общественности [4, с. 304]. Также особого упоминания достойны сборник статей и документов «Ялта-45. Начертание нового мира», «История органов государственной охраны и специальной связи России», «Политбюро и дело Берия. Сборник документов», которые были подготовлены во взаимодействии с Комиссией при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Основной идеей и причиной написания данных работ является освещение событий истории, т.е. та самая главная цель, которая и заключается в создании Комиссии – противостояние попыткам переписать и сфальсифицировать историю с помощью аргументированной правды и рассекреченных документов прошлого.

Помимо этого, на совместном заседании Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России и Межведомственной комиссии по защите государственной тайны в 2010 году был поднят вопрос о перспективах развития архивного дела. Недоступность информации становится поводом для фальсификации, поэтому Комиссия в рамках своих задач провела большое количество обсуждений и голосований по поводу упрощения доступа в архивы для уменьшения затрат по времени, в которых принимали участие руководители архивов и главы межведомственных комиссий по рассекречиванию. Деятельность Комиссии позволила облегчить доступ в фонды федеральных и региональных архивов.

Помимо этого, был поставлен вопрос широкого доступа к информации архивов через Интернет для наиболее лёгкого и свободного изучения исторических событий [5]. В данном вопросе необходимо отметить заслуги, которые внесли архивные службы МИД в борьбе с фальсификацией истории всех тех процессов, происходящих между странами, а также в аналитическом обеспечении деятельности Комиссии. Разногласия во взглядах на события прошлого у представителей исторического сообщества разных стран препятствует глобальному взаимодействию в данном плане. Но важно уточнить, что важным обстоятельством является организация совместной деятельности и консолидации специалистов Франции и Германии. Итогом такого сотрудничества стало подписание меморандума об отсутствии принципиальных разногласий в оценках исторических событий XX века [6].

Несмотря на вышеперечисленные успешные итоги деятельности Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в феврале 2012 года Указ (2009 г.) о создании комиссии был отменён Президентом Дмитрием Медведевым, и комиссия прекратила существование. Причина этого не была определённо обозначена, однако, по мнению одного из членов Комиссии, А.О. Чубарьяна, данный орган «выполнил поставленные задачи и добился определённых успехов» [7].

Но все не так однозначно: многие публичные личности, в том числе известные историки, высказываются более негативно о результатах деятельности и самой идеи создания Комиссии. Генеральный директор фонда «Историческая память» Александр Дюков выделил одной из проблем Комиссии бюрократический принцип ее формирования и неопределённость направлений деятельности: «Однако её сформировали по бюрократическому принципу. В результате в её состав вошли не столько историки, сколько чиновники. При Комиссии так и не создан экспертный совет из историков. Не были определены основные направления деятельности...» [8].

Такие же проблемы выделяет публицист Р. Медведев: «Но меня удивляет, во-первых, название, во-вторых, канцелярский стиль этого указа, абсолютно неубедительный, и состав комиссии объявленный тоже меня как историка, авторитетным для меня не представляется» [9].

Если проанализировать состав органа, то можно понять, что данная критика весьма обоснована: большинство из её членов являлись чиновниками-руководителями федеральных агентств и начальники служб. Из этого следует ещё одна проблема Комиссии: совмещение основной деятельности и работы по противодействию фальсификации истории приводило к снижению эффективности самого органа и загруженности её членов. Сложность самого противодействия попыткам искажения истории и необходимость слаженной и многосторонней работы в этой сфере требует определенной стратегии противодействия фальсификации, но для её выработки необходимо время и скоординированность действий всех органов, задействованных в культурной и образовательной сфере, причём как на федеральном, так и на региональном уровне.

Таким образом, сегодня особенно остро стоит необходимость защищать историческую правду, наследие собственной страны от попыток фальсификации прошлого, чаще всего использующихся в целях политической борьбы. Однако история не должна быть орудием информационной войны. Для противодействия искажениям истории используются целый ряд методов, для реализации которых эффективно создание специализированных органов. Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России является одним из таких органов, деятельность которых направлена на выработку стратегии и рекомендаций по противодействию попыткам искажения исторических фактов и событий, обобщения и анализу информации о фальсификации истории. Комиссия достигла многих поставленных задач, однако в её формировании стоит подчеркнуть проблемы, исключив которые, повысится эффективность создания специализированных органов: бюрократический характер её состава, загруженность вследствие отсутствия разветвленной и организованной системы, способствующей многостороннему противодействию фальсификации. В настоящее время целенаправленная деятельность по борьбе с исторической пропагандой и подменой фактов продолжается и реализуется через активно создающиеся органы или структурные подразделения.

Библиографический список

1. Лару Д.О. Снос памяти // Известия. 2019. № 155. С. 4.
2. Указ Президента РФ от 15.05.2009 № 549 (ред. от 08.09.2010) «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Российская газета. № 89. 20.05.2009.
3. Нарышкин С.Е. Заседание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/5336>
4. Муров Е.А. Московский кремль в годы великой отечественной войны: моногр. М., 2010. С. 304.
5. Нарышкин С.Е. Совместное заседание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России и Межведомственной комиссии по защите государственной тайны. URL: <http://kremlin.ru/events/administration/8850>
6. Подберезкин А.А. Борьба с фальсификациями истории – государственная задача // МГИМО: электрон. журн. 2009. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/130961/>
7. Штеин Д.А. Защитить историческую правду в России теперь некому? // Комсомольская правда: электрон. журн. 2012. URL: <https://www.kp.ru/daily/25881/2844157/>
8. Полубота А.М. С фальсификацией истории покончено? // Свободная Пресса. 2012. URL: <https://svpressa.ru/society/article/53717/>
9. Кара-Мурза В.М. Станет ли созданная при президенте комиссия по борьбе с фальсификацией истории органом цензуры для исторической науки? // Радио Свобода: электрон. журн. 2009. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1735458.html>

УДК 34.096

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ ТРУДЯЩИХСЯ ЖЕНЩИН С ДЕТЬМИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Мун В.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства,
Волгоградский институт управления – филиала РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления и развития в России мер государственной поддержки работающих женщин, имеющих малолетних детей и беременных женщин, занятых трудом. Особое внимание обращено на специфику введения института государственного страхования материнства в России в начале XX в. Автор приходит к выводу о том, что в формуле успешного сочетания женщиной функций материнства и ее органичной интеграции в общественные отношения государственная поддержка занимает ключевое место.

Ключевые слова: материнство, детство, права женщин, трудовые отношения, страхование материнства.

STATE MEASURES TO SUPPORT WORKING WOMEN WITH CHILDREN: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Mun V.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State,
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. The article discusses the peculiarities of the formation and development in Russia of measures of state support for working women with young children and pregnant women engaged in labor. Special attention is paid to the specifics of the introduction of the institute of state maternity insurance in Russia in the early twentieth century. The author comes to the conclusion that in the formula of a woman's successful combination of the functions of motherhood and her organic integration into public relations, state support occupies a key place.

Keywords: motherhood, childhood, women's rights, labor relations, maternity insurance.

Положение женщины во многом определяется теми обязанностями, которые возлагаются на нее и теми правами, которые предоставляет ей законодательство для включения в общественную жизнь и реализацию функций материнства. Сегодня по-прежнему остается актуальным поиск адекватного механизма государственной поддержки прав работающих женщин-матерей и беременных женщин. Реализация репродуктивных функций женщинами, наряду с их успешной самореализацией – задача государственного значения, поскольку отражает цивилизованность общества, является своего рода индикатором уровня культурного и экономического развития страны в целом.

В 80-х гг. XIX в., когда в России только начали складываться трудовые отношения, стали активно обсуждаться меры материальной поддержки работниц-матерей. При этом анализировалось законодательство и опыт зарубежных стран в этом вопросе. Так, законом Германии 1883 г. застрахованным работницам в течение первых трех недель после родов выплачивалась половина заработной платы. Спустя 8 лет действия закона этот срок был увеличен до четырех недель [1, с. 1-2]. Законы, освобождавшие женщин от работ на несколько недель до и после родов, а также предусматривавшие материальные выплаты родившим работницам и врачебную помощь, действовали в Венгрии с 1884 г., Англии с 1891 г., Норвегии с 1892 г., Швейцарии с 1877 г., Бельгии с 1889 г., Франции с 1909 г. [2, с. 126].

Стоит отметить, что до активного включения женщин в производственные отношения фабричное законодательство в России фактически отсутствовало. Постепенная государственно-правовая защита и представление мер поддержки работающим женщинам-матерям и беременным женщинам во второй половине XIX в. были вызваны жизненной потребностью сохранения здоровья женщин и будущего поколения. Однако, обсуждение вопроса о введении института государственного страхования материнства в России в начале XX в. имело специфические черты.

Резкое противоречие и негативное отношение, которые вызывало введение страхования материнства в России, обуславливалось распространённым в то время социальным укладом, патриархальными взглядами, представлениями о «предназначении» женщин в роли матери и жены [3]. Основным аргументом противников государственной поддержки работающих женщин стало нарушение основных представлений о частно-семейных правах и отношениях. Иными словами, работающая женщина не смогла бы им на мнение быть, как и прежде вовлечённой в семейный быт.

Согласно статистике, рождаемость в России на 1000 жителей в 1881–1885 гг. составляла 49,8 ‰, а в 1906–1910 гг. – 47,1 ‰, в Германии в 1881 – 1885 гг. – 37 ‰, в 1906 – 1910 гг. – 31,1 ‰, Финляндии в 1881-1885 гг. – 35,5 ‰, в 1906 – 1910 гг. – 31 ‰, Норвегии в 1881 – 1885 гг. – 31,2 ‰, 1906-1910 гг. – 26,1 ‰, Англии в 1881 – 1885 гг. – 33,5 ‰, 1906 – 1910 гг. – 26,2 ‰ [4, с. 42-43]. Таким образом, повсеместно, наблюдалось понижение рождаемости, причем в промышленно развитых странах этот показатель был значительно ниже, чем в аграрных странах.

Несмотря на то, что в России процент рождений не сильно снизился, однако существенный ущерб демографии наносил другой показатель – младенческая смертность. Так, за период с 1901–1908 гг. умерло в среднем младенцев до года на 100 новорождённых: в России – 27,2 ‰, Германии – 19 ‰, Финляндии – 12 ‰, Норвегии – 6,7 ‰, Англии – 12,1 ‰ [4, с. 57].

Возрастающее участие женщин в промышленном труде, расширение фабричного производства, отсутствие норм охраны труда и государственных мер поддержки женщин сопровождалось высокой детской смертностью, вызванной тем, что организм женщин подвергался риску. Увеличивался процент мертворождений, женских болезней, органического бесплодия и т.д. Женщины до самых родов были задействованы на фабриках и заводах. Врачи, юристы, общественные деятели и активистки на страницах популярных газет и журналов, съездах врачей выявляли и обсуждали причины, вызывавшие гибель младенцев. Все были единодушны во мнении о пагубном воздействии промышленных ядов и опасных для женщин методов работы на плод, находящейся в утробе матери. Активно изучались те отрасли производства, в которых работница подвергалась отравлениям. Так, по заключению врачей у женщин, работавших с ртутью, умирало 65 ‰ младенцев. В зоне риска находились также женщины, занятые на фабриках по изготовлению зеркал, термометров, физических аппаратов, в металлообрабатывающей промышленности и др. [4, с. 142]

Итак, институт страхования материнства в России был закреплен в законе 23 июня 1912 года «Об обеспечении рабочих на случай болезни» [5], который запрещал допуск рожениц, состоящих в качестве участника больничных касс к работам по найму ранее 4 недель после родов.

Согласно принятому закону, врачебная помощь женщинам могла заключаться в следующем: 1) оказание первой помощи при внезапных заболеваниях и несчастных случаях; 2) амбулаторное лечение; 3) оказание лечебной помощи женщинам во время беременности; 4) больничного (кожного) лечения. Кроме того, закон предусматривал сопровождение лечения бесплатной выдачей лекарств, перевязочных средств и других необходимых медицинских принадлежностей (статья 8, 44).

Несмотря на то, что закон не обязывал владельцев фабрик и заводов обустраивать специальные лечебные заведения, однако оговаривалось право фабрикантов их организовать и содержать. Речь шла о частных лечебных заведениях с больничными кассами или о договоренности фабрикантов с городскими и земскими общественными управлениями о предоставлении лечения и родовспоможения женщинам за счет работодателя (статья 47).

Денежная помощь выдавалась за счет больничных касс и оказывалась по случаю родов – беременным и роженицам в размере от половины до полного заработка участниц касс. Такое пособие выдавалось беременным – в течение двух недель до родов, а роженицам – в течение четырех недель после родов (статья 9, 53, 56).

Однако, действие закона, обеспечивающего страхование материнства, распространялось только на узкий круг промышленных работниц, застрахованных в больничных кассах при предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, подчиненных надзору фабричной инспекции [6]. Таким образом, действие закона не распространялось на представительниц наемного труда других отраслей народного хозяйства: торговли, домашней индустрии, сельского хозяйства, прислуги, лиц, занятых непостоянным трудом, в свободных профессиях и т.д.

Данный недостаток существенным образом отражался на практике. О том, насколько незначительное число женщин попадали под действие закона можно судить по следующим данным: к концу 1902 г. в промышленных заведениях работало всего 470.374 женщины, а общее число трудящихся женщин всех профессий было равно 6.260.967 человек [7, с. 12]. Следовательно, нормы о страховании материнства распространялись лишь на 7,5 ‰ трудящихся женщин.

Кроме того, оказалось, что 2-недельный срок пособия имел факультативный характер. Если бы оказалось, что роды наступят ранее 2-х недель после прекращения работ, то пособие выдавалось за этот меньший промежуток времени. Если же роды наступали после 2-х недель, то пособие выдавалось только за 2 недели [8, с. 21].

К другим актуальным вопросам, оставшимся без разрешения, являлись: 1) возраст допущения девочек к работе на промышленных предприятиях; 2) система нормирования труда подростков. Практика привлечения к труду девочек 12–14 лет в большинстве стран, в условиях ненормированного рабочего дня, решительно подрывала здоровье и нормальное физиологическое развитие детей и будущего потомства. На это обращали внимание, писали многотомные труды гигиенисты, медики.

Несмотря на то, что Законом 1882 г. было запрещено применять труд детей, не достигших 12 лет и предусматривалось ограничение работы малолетних в возрасте от 12 до 15 лет 8 часами в сутки, не более 4 часов подряд, однако как показывала практика, часто эти положения нарушались. По свидетельству фабричных инспекторов, призванных следить за соблюдением Закона 1882 г., малолетние дети в нарушение закона работали на фабриках и заводах в ночную смену, а также в воскресные и праздничные дни. Обязанность работодателей предоставить доступ детям к получению образования также не соблюдалась, в связи с тем, что обесиленные дети не имели физической возможности посещать школу [2].

В 1913 году нормативные акты, регулировавшие труд рабочих в промышленности, были объединены в отдельный Устав о промышленном труде [9], который в свою очередь, вошел в Свод Законов Российской империи. В Уставе были объединены все существовавшие положения относительно условий найма и порядка регулирования труда, и он стал основным источником фабрично-заводского законодательства [10].

Таким образом, в России во второй половине XIX – начале XX вв. происходило широкое вовлечение женщин и детей в сферу промышленного и ремесленного производства, что обуславливалось кардинальными изменениями, происходившими в российском обществе. Принятие Закона 1912 года «Об обеспечении рабочих на случай болезни» являлось мерой государственной поддержки беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. Несмотря на недостатки, данный закон был одной из первых мер, направленных на государственную поддержку работающих женщин-матерей. Вывод медиков и специалистов о том, что здоровье будущего поколения зависит от здоровья женщины, привели к обсуждению мер по охране и нормированию труда.

Библиографический список

1. Высочайше учрежденная междуведомственная комиссия по пересмотру врачебно-санитарного законодательства. Труды отдела охраны материнства и борьбы с детской смертностью. Б.м.: б.и., 191. 1 л.
2. Янжул И.И. Очерки и исследования: Сб. ст. по вопр. нар. хоз-ва, политики и законодательства: В 2 т. Т. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1884. 536 с.
3. Мун В. А. Охрана материнства и детства в научной, общественной и политической мысли России в середине XIX – начале XX вв. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127). С. 67–75.
4. Коллонтай А.М. Общество и материнство. Государственное страхование материнства. Пг.: Жизнь и знание, 1916. 641 с.
5. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон «Об Обеспечении рабочих на случай болезни» от 23.06.1912 г. // ПСЗРИ III. 1915. Т. XXXII. № 37446.
6. Мун В. А. Законодательное регулирование охраны прав беременных женщин и женщин-матерей в России в середине XIX – начале XX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1 (132). С. 37–44. DOI 10.24411/2227-7315-2020-10004
7. Грановский Л.Б. Охрана материнства на Западе и в России: (По работам зап.-европ. парламентов и по законопроектам Гос. думы о страховании рабочих). М.: тип. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1910. 24 с.
8. Литвинов-Фалинский В.П. Как и для чего страхуются рабочие. СПб.: тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. 179 с.
9. Громан В.В. Устав о промышленном труде. С правилами и распоряжениями, изданными на основании этих статей, с разъяснениями к ним Правительствующего Сената и административных установлений, приложениями и указаниями, предметным и сравнительным постагетным. Пг., 1915. 439 с.
10. Мун В.А. Правовая охрана материнства и детства в сфере трудовых отношений в России во второй половине XIX – начале XX в. // История государства и права. 2020. № 9. С. 75–80.

УДК 34

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Лукьяновская О.В., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиала РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам влияния процесса цифровизации на правовой статус личности. Автор анализирует современные подходы к понятию «цифровые права», сложившиеся как в юридической науке, так и в российском законодательстве, формулирует основные проблемы правовой неурегулированности некоторых моментов в механизме осуществления цифровых прав.

Ключевые слова: правовой статус, цифровые права, цифровизация, права человека.

DIGITAL RIGHTS AS ELEMENTS OF THE LEGAL STATUS OF AN INDIVIDUAL

Lukyanovskaya O.V., Candidate of Law Sciences, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEP, Volgograd

Abstract. This article is devoted to the impact of the digitalization process on the legal status of an individual. The author analyzes modern approaches to the concept of "digital rights", which have developed both in legal science and in Russian legislation, formulates the main problems of legal non-regulation of some aspects in the mechanism of implementation of digital rights.

Keywords: legal status, digital rights, digitalization, human rights.

Сегодня стремительным образом развиваются и внедряются в нашу жизнь различные цифровые технологии, ставшие фундаментом для развития всех сфер общественной жизни. В этих условиях серьезным трансформациям подверглась правовая система и сама юридическая наука.

В период перехода современного общества к цифровой модели важное место занимают вопросы взаимоотношений личности, общества и государства в их правовом измерении. Наиболее полно эти связи воплощаются в понятии «правовой статус», в котором воплощаются основные стороны юридического бытия личности, как то: ее интересы, потребности, взаимоотношения с государством, социальные притязания и их удовлетворение.

В юридической науке нет единства мнений относительно понимания правового статуса личности и его структуры. Анализ многочисленных подходов и мнений по этому вопросу дает возможность сформулировать следующее определение. Правовой статус личности есть юридически закрепленное положение человека в обществе, основными элементами которого являются его права, свободы, юридические обязанности, законные интересы и пр.

Наряду с общепризнанными фундаментальными правами и свободами человека и гражданина у современной личности появились цифровые права, которые, с одной стороны, существенно отличаются от вышеперечисленных прав, но, с другой стороны, являются их дополнением. В этой связи перед современной юридической наукой стоит вопрос об определении изменения правового статуса личности в части объема ее субъективных прав.

Субъективное право лица – это юридически закрепленная возможность, которая позволяет ему пользоваться определенным благом в тех пределах, которые определены законодательством.

В целях определения природы субъективного права как такового (в том числе и цифровых прав) необходимо иметь в виду, что сущность любого понятия представляет собой способность служить средством для удовлетворения каких-либо нужд человека. В связи с этим можно сделать вывод, право личности есть ее возможность удовлетворять свои интересы и жизненные потребности. Применяя такой подход к пониманию цифровых прав, важно установить, о каких именно потребностях в цифровом пространстве идет речь, чьи эти потребности, а также необходимо уяснить, может ли право выступить средством для их удовлетворения.

Цифровизация общества способствовал формированию у личности множества совершенно новых потребностей, которые напрямую связаны с получением, использованием и распространением информации в сети Интернет в целом, а также в социальных сетях, личных кабинетах и т.п. Следовательно, нормативную основу цифровых прав человека составляет конституционно закрепленное право человека на свободу информации, которое как раз и включает в себя возможность свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Таким образом, формулируя определение цифровых прав, можно остановиться на следующем варианте: цифровые права личности есть ее возможности, установленные правовыми нормами, благодаря которым личность может использовать цифровые данные и применять цифровые технологии в целях удовлетворения своих потребностей.

Цифровые права, выступая субъективными правами личности, включают в себя право на активные действия, право требования от иных лиц совершения определенных действий или воздержания от них, право на защиту своих нарушенных прав, реализуемых в цифровом пространстве. При этом важно отметить, что особенностью такого рода прав является их привязка к цифровым данным и технологиям, потому эффективная реализация таких прав напрямую зависит от уровня развития информационных технологий.

Первое упоминание о цифровых правах в нормах российского законодательства содержится в Гражданском кодексе РФ. Так, согласно ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. [1]

Признаками цифровых прав согласно гражданскому законодательству являются:

- наличие специального цифрового кода, с помощью которого происходит шифрование определенного объекта гражданских правоотношений, существующего исключительно в цифровой среде;

- составление этого цифрового кода происходит без участия третьих лиц по правилам арифметического алгоритма;

- субъектом цифрового права будет признаваться обладатель цифрового кода, при помощи которого он сможет совершать различные гражданско-правовые сделки.

На сегодня уже законодательно признаны следующие цифровые права:

- право на открытие счетов в банках на условиях использования электронного средства платежа;
- право на заключение договора страхования путем составления электронного документа;
- право на участие в лотерее с оформлением электронного лотерейного билета и др.

Таким образом, цифровые права относятся к категории личных (гражданских) прав личности, подразумевающие возможность их обладателя совершать активные действия, которые фактически сводятся к выражению воли лица-пользователя цифровой системы на совершение сделки при использовании технических средств и устройств, например, с помощью гаджета отправить сигнал «согласен» на соответствующей Интернет-странице. Бессспорно, что все это упрощает порядок совершения гражданско-правовых сделок, но, с другой стороны, существует множество рисков нарушения прав пользователей информационных систем либо возможных злоупотреблений со стороны операторов этих систем. В связи с этим законодатель пока еще очень осторожно осуществляет правовое регулирование в данной области. Например, действующим гражданским законодательством установлен запрет на составление завещания с использованием цифровых технологий.

В то же время множество вопросов по-прежнему так и не решены на законодательном уровне. В частности, в связи с активным использованием населением социальных сетей и созданием в них своих собственных аккаунтов, личных кабинетов может возникнуть следующий вопрос – каким образом будет регулироваться вопрос об использовании страниц социальных сетей и размещения на них информации в случае смерти лица-пользователя данной страницы? Законодатель не дает ответа на данный вопрос, хотя на практике подобная ситуация регулируется самостоятельно самими социальными сетями или системами. Умолчание законодателя в этой ситуации может породить много рисков для личности, поскольку от имени умершего лица в его аккаунтах или личных кабинетах могут производиться действия, направленные на то, чтобы опорочить честь и достоинство других лиц, а также действия мошеннического характера. В связи с этим считаем необходимым в обязательном порядке на нормативном уровне урегулировать вопросы пользования личными страницами и личными кабинетами в Интернет-сети.

В рамках конституционного права сегодня также активно обсуждается вопрос о понимании и закреплении цифровых прав. Ученые предлагают различные определения рассматриваемой категории. Так, В.Д. Зорькин полагает, что цифровые права есть возможности личности на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и других электронных устройств, коммуникационных сетей, в частности, сети Интернет. [2]

Грачева С.А. и Черемисинова М.Е. рассматривают цифровые права сквозь призму широкого круга прав и свобод человека, реализующихся в цифровой среде и исследуемых с точки зрения этой самой цифровой среды. [3]

Анализ существующих современных научных трудов ученых-конституционалистов в данной области показывает, что цифровые права понимаются как универсальные права человека, реализуемые в цифровом пространстве.

Сегодня многие конституционно закрепленные права и свободы человека и гражданина РФ порождают свои цифровые аналоги, связанные с технологической революцией и цифровой реальностью. Так, право на жизнь, гарантированное ст. 20 Конституцией РФ, порождает идею права на цифровую жизнь (право на создание цифровой личности в виде различных аккаунтов, личных кабинетов в социальных сетях и иных Интернет-порталах), что вызывает довольно серьезный и даже рискованный вопрос о признании цифровой сущности в качестве нового самостоятельного субъекта права.

В соответствии со ст. 21 Конституции РФ охраняется государством достоинство личности. Однако с поразительной интенсивностью сегодня развивается в Интернет-пространстве кибербуллинг, который представляет собой фактически травлю человека в цифровой среде посредством угроз, оскорблений, распространения компрометирующей информации в сети. На законодательном уровне досконально этот вопрос не урегулирован, однако первые попытки уже сделаны. Так, в соответствии с изменениями, внесенными в 2020 году в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» владельцы социальных сетей обязаны проводить периодически мониторинг своей сети с целью обнаружения информации, выраженной в форме оскорбительной форме. В случае ее выявления незамедлительно принять меры по ограничению доступа к ней [4]. Следовательно, появилось новое право требования пользователя социальной сети ограничить доступ к информации, порочащей честь и достоинство лица.

Статья 31 Конституции РФ гарантирует право граждан собираться мирно, без оружия, проводить митинги, демонстрации, шествия и пикетирования. При этом законодателем никак не урегулирован вопрос о возможности проведения собраний граждан на интернет-площадках (например, социальная сеть Cloudbhouse позволяет проводить различные беседы, конференции, дискуссии среди ее зарегистрированных пользователей), потому контролировать реализацию данного права в цифровом пространстве крайне сложно. Умолчание законодателя опять же может приводить к многочисленным нарушениям прав личности и злоупотреблениям.

Вместе с тем стоит отметить, что многие конституционные права граждан подверглись цифровой трансформации, что отразилось в законодательстве, которое дополнилось новыми положениями в той или иной части. Возьмем к примеру право на труд, гарантированное ст. 37 Конституции РФ. Пандемия коронавирусной инфекции довольно оперативно и остро поставила перед государством проблему удаленной работы, что ранее никак не регламентировалось Трудовым кодексом РФ. В итоге Федеральным законом от 8 декабря 2020 года № 407-ФЗ были внесены поправки в Трудовой кодекс, касающиеся специфики заключения трудовых договоров о дистанционной работе. [5]

Согласно ст. 39 Конституции РФ каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту. Реализовать свое право на социальное обеспечение можно в электронной форме посредством портала Госуслуги. Имея официально зарегистрированный аккаунт на данном сайте, гражданин РФ получает доступ к огромному количеству услуг. Подав заявление на их получение, у него есть возможность контролировать процесс получения данной услуги благодаря системе оповещений через электронную почту. Аналогичные цифровые изменения коснулись и многих других конституционных прав граждан.

Однозначно, что закрепление цифровых прав в законодательстве потребует юридических гарантий их защиты, так как помимо положительных моментов, которые несет в себе Интернет-пространство, оно же выступает угрозой прав и свобод личности, так как в цифровом пространстве, как уже отмечалось выше, процветает кибербуллинг, киберпреступность и т.п., от которой пользователь пока не защищен со стороны государства.

Значимым элементом правового статуса личности, помимо прав и свобод, является правосубъектность, под которой понимается совокупность правовых оснований, дающих возможность личности быть субъектом правоотношений, в том числе и цифровых (и потому находиться в цифровом пространстве).

Для получения доступа в Интернет-пространство достаточно иметь под рукой техническое устройство – компьютер, планшет или сотовый телефон с возможностью выхода в глобальную сеть. Далее с точки зрения цифровых отношений субъекты, получившие доступ в цифровую сеть, могут перемещаться в нем без ограничений. Если же рассуждать с точки зрения права, то здесь не все так просто. Чтобы быть субъектом правоотношений, необходимо обладать правоспособностью, которая возникает у лица с момента его рождения. По истечении определенного времени, установленного законом, человек становится дееспособным и деликтоспособным. В связи с этим возникает вопрос – как и в какой момент времени у человека может возникать правосубъектность в отношении цифровых прав? В отношении совершеннолетних пользователей цифровой среды этот вопрос как таковой не ставится. Однако когда речь заходит о несовершеннолетних пользователях, то закономерно возникает вопрос об установлении возрастного ценза для самостоятельного доступа в цифровое пространство с целью обеспечить безопасность еще пока не сформировавшейся личности от того контента, который может быть вредоносным. В связи с этим законодатель должен установить возрастные ограничения для несовершеннолетних по их нахождению в цифровой среде, при этом подойдя к разрешению данного вопроса тщательно и системно.

На современном этапе в условиях стремительно развивающейся цифровизации возможности субъектов совершать определенные действия, требовать от других субъектов совершения действия или воздержания от них уже сложились в цифровом пространстве. Переход к информационному обществу означает формирование правовой демократической государственности, в центре которой правовой статус личности, в котором наряду с традиционными фундаментальными правами и свободами появляются цифровые права. Посягательство на них будет автоматически означать программный сбой в работе цифровой среды, сигналы о чем тут же будут поступать в контролирующие органы.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс РФ. Часть 1 (в посл. редакции) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301
2. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. № 115 (7578).
3. Грачева С.А., Черемисинова М.Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2018. № 4 (32). С. 56-70.
4. Федеральный закон от 30.12.2020 N 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»// <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102957818> (дата обращения 07.05.2023)
5. Федеральный закон от 08.12.2020г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102932613> (дата обращения 07.05.2023)

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

*Сборник материалов I Всероссийской
научно-практической конференции
(с международным участием)*

Часть 1

Электронное издание

Процессор Intel® или AMD с частотой не менее 1.5 ГГц
Операционная система семейства Microsoft Windows или macOS
Оперативная память 2 Гб оперативной памяти
Пространство на жестком диске 12,12 Мбайт

Дополнительные программные средства: Программа для просмотра PDF
Издательско-полиграфический центр ВИУ РАНХиГС
г. Волгоград, ул. Герцена, 10